

*Без достижений
древних цивилизаций
наш мир немислим
ни в одном
своем звене*

Древние цивилизации Ancient Civilizations

Под общей редакцией
Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИНА

Edited by
G. M. BONGARD-LEVIN

·МЫСЛЬ·
Москва
1989

ББК 63.3(0)3
Д73

Редакция литературы
по всеобщей истории
и международному
рабочему движению

Рецензенты:

доктор исторических наук
В. И. КУЗИЩИН,
доктор исторических наук
Б. Я. СТАВИСКИЙ

Художник
Е. С. ПЕРМЯКОВ

Д $\frac{0504000000-116}{004(01)-89}$ 58-89

ISBN 5-244-00274-0

© Издательство «Мысль». 1989

Introduction **В**ведение

Еще три-четыре десятилетия назад пришлось бы доказывать право такой книги на широкий общественный интерес. Сейчас в этом едва ли есть острая необходимость.

Все большее число людей осознает, что приобщение к историческому прошлому — это не только знакомство с шедеврами мировой цивилизации, уникальными памятниками древнего искусства и словесности, не только школа нравственного и художественного воспитания, но и неотъемлемая часть современной жизни, в определенной мере оценка настоящего и даже «открытие» будущего сквозь призму исторического опыта.

Новые исследования во многом

изменили прежние представления о ранних этапах истории человечества и его культуры. Археологические и лингвистические изыскания, современная методика научного поиска значительно отдалили в глубь тысячелетий время перехода к земледелию и обработке металлов, возникновения письменности, сложения городских цивилизаций. Но вот парадокс: временные дистанции возрастают, хронологические рамки заметно раздвигаются, а сами древние цивилизации становятся

Б. Б. Пиотровский

Авторы считают своим приятным долгом поздравить настоящего издание выдающемуся советскому ученому академику

Б. Б. Пиотровскому, недавно отметившему свой 80-летний юбилей. Его фундаментальные труды, многогранная научно-педагогическая и общественная деятельность во многом определили успехи отечественной науки в изучении истории древних цивилизаций, их культурного наследия.

Авторский коллектив, в который вошли младшие коллеги Б. Б. Пиотровского, его ученики и ученики его учеников, выражает Борису Борисовичу не только глубокое уважение, но и искреннюю признательность за постоянную творческую помощь, ценные советы и доброжелательные напутствия.

нам все ближе. Ближе потому, что нужнее.

Без достижений древних цивилизаций наш мир не мыслим ни в одном своем звене. Это одновременно и связывает нас с древними цивилизациями прочной нитью преемственности, и отделяет от древности, ибо она не располагала многим из того, что добывала для своих потомков, лишь подготавливая дальнейший прогресс. Именно в силу своей плодотворности древние цивилизации представляются нам хотя и закономерным, но уникальным, неповторимым этапом всемирно-исторического развития.

К древним цивилизациям восходят многие исключительно важные открытия в материальной и духовной культуре. Человечество и сегодня с благодарностью черпает из этого богатейшего источника. Создавая новое, оно невольно и с необходимостью обращается к наследию предшествующих цивилизаций. И это обращение — поиск существенно важного знания и опыта, стремление понять мудрость наших далеких предков, причины их удач и прозрений, ошибок и заблуждений, мотивы благородных и безнравственных поступков.

При всех несходствах и контрастах древние цивилизации объединены совокупностью важнейших признаков, которые придают им принципиальные отличия как от первобытных культур, так и от цивилизаций, пришедших на смену.

Во-первых, древние цивилизации — это цивилизации, некое единство, противостоящее тому, что цивилизацией еще не является, — доклассовому и догосударственному, догородскому и догражданскому, наконец, что очень важно, дописьменному состоянию общества и культуры. Еще сравнительно недавно первобытное общество называли доисторическим. Сейчас, когда наука добилась важных результатов в исследовании того периода развития, который предшествовал цивилизации, от этого определения пришлось отказаться. И это справедливо. Однако в таком подходе были свои основания, особенно если понимать историю в изначальном, геродотовском смысле слова:

как расспрашивание устного предания.

Мы восхищаемся чудесами дописьменной культуры — от пещерных и наскальных изображений до мегалитов Стоунхенджа (в Великобритании), изучаем их, постигая скрытые в них тайны, и вместе с тем сознаем, что люди, создавшие эти шедевры, никогда не «заговорят» с нами и не поведают, какими словами называли они события, озаменовавшие время их жизни, что они завещали современникам и будущим поколениям. А между тем уже приход к власти Саргона Древнего известен нам по письменным документам как драма с сюжетом, с «интригой», мы имеем представление о личности Ашшурбанипала и Цинь Шихуанди, понимаем истинные мотивы деклараций Дария I, слышим живые голоса Эхнатона и Ашоки, не говоря уже о героях и событиях истории греко-римского мира, об античных персонажах, чьи интонации угадываются почти безошибочно. И дело не просто в том, что историческое знание об обществах, оставивших письменно зафиксированную традицию, становится более полным. Важно, что оно приобретает принципиально иное значение. Неспособимо богаче сам объект знания. По сравнению с первобытностью переход к гражданскому обществу означал качественно новый этап в развитии культуры и других сторон человеческой деятельности. Мир классов и классовой борьбы, городов и городских цивилизаций, мир письменных традиций создает такую содержательную наполненность самого процесса исторического времени, какой до него не было.

И по этому признаку самая архаичская цивилизация ближе к Афинам Перикла и к Риму Августа, чем к, казалось бы, «вчерашней» и столь еще недалекой первобытности. Такова нижняя граница единства. Но вместе с тем нельзя забывать: верхняя граница определена тем, что древние цивилизации — древние не столько по временному признаку, сколько по самой своей сути. Они наследовали от первобытных культур характерные для

последних мифологические модели мышления, речи и действия гораздо более непосредственно, чем более поздние цивилизации.

Не менее впечатляющи географические границы — «просторы» древних цивилизаций. Это не только классические цивилизации Востока и античного Запада, но и культуры Африки, Центральной Азии, Дальнего Востока, цивилизации Нового Света. Поразительно не схожи они друг с другом и вместе с тем удивительно органично спаяны. Более привычные сте-

культурам Африки — Северной и Тропической. Необычайно различен их облик, разнообразно не только время, но и темпы формирования и развития здесь цивилизаций — наряду с Нок и Мероэ, Аксумом и Ифе блестящая суахильская цивилизация. С каждым годом все более отчетливо высвечиваются африканские истоки в культуре Древнего Египта. Черты сходства палеолитической и мезолитической культур Египта и Аравийской пустыни, культуры Верхнего Египта и Северной Нубии с эпохи Бадари,

реотипы античных обществ, хорошо известные события их политической истории, знакомые почти с детства мифы и предания как бы заслонили другие цивилизации, изученные пока не столь детально, но разгадка тайн которых безусловно принесет науке свои сюрпризы. Эти сюрпризы не уступят по значимости и сенсационности открытию Трои или Помпей.

Обратимся, например, к ранним

древнейшие рисунки на скалах Сахары (Карруба, Бу-Алем, Джебель-Себа, Зенага, Тассили и др.) и Аравийской пустыни (Вади-Хаммамат) с изображениями священных животных, культовых лодок и сцен охоты, напоминающими росписи додинастической египетской керамики, — все это роднит древнеегипетскую культуру с североафриканским миром. С ним Египет был связан особенно тесными узами, и на него оказывал он в пору своего расцвета огромное воздействие. С другой стороны, легкость и глубина восприятия элементов египетской цивилизации соседними африканскими народами — наглядное свидетельство изначаль-

Флейтист с о-ва Керос. Мрамор. Около 2880—2200 гг. до н. э.

Шелковый пропуск, выданный комедантом Чжанье. Эпоха Хань

3908

ной включенности Египта в единый мир древнейших культур Африки.

Совершенно иные события происходили в Новом Свете. Когда легионы Цезаря подчинили власти римлян непокорных галлов, а из бескрайних азиатских степей двигались на запад, к Дунаю, орды кочевников-сарматов, на другой половине земного шара возникли первые индейские цивилизации. Они родились самостоятельно, на местной почве, не испытав на себе существенных влияний со стороны древних народов Старого Света, и

Американские материалы представляют уникальную возможность сопоставить пути развития двух независимых моделей эволюции древних цивилизаций — в Старом и Новом Свете. Для историка эти свидетельства, как, впрочем, и африканские, — живая лаборатория, ибо и сегодня традиции далекого прошлого продолжают существовать и постоянно напоминать о своих весьма отдаленных и оригинальных истоках.

Конечно, далеко не просто раскрыть сущность различий, основ-

еще до прихода европейских завоевателей в XVI в. успели пройти долгий и сложный путь эволюции.

«Встреча» двух миров и двух культур, столь непохожих друг на друга, безусловно, может быть отнесена к числу удивительных исторических парадоксов: если наиболее развитые цивилизации американских аборигенов соответствовали по своему общему уровню самым архаичным формам государственности древнего Востока, то Европа уже прошла Ренессанс и стояла на пороге антифеодальных революций.

ные причины, моменты схождения, сближения древних цивилизаций — над решением этой задачи работают ученые разных гуманитарных и даже естественных дисциплин. Любая попытка игнорировать закономерности развития человечества, общее и особенное в историческом процессе обнаруживает свою несостоятельность. Путь, пройденный древними цивилизациями, объединенными узами преемственности и культурного обмена, необычайно долог и многообразен.

Это путь от архаичнейших мифологических представлений к логике Аристотеля и Дигнаги, к морали Конфуция и Зороастра, к метафизике Упанишад, к универсальным мировым религиозным системам буддизма и христианства, к чистейшим абстракциям — «дао» и «логос», «брахман» и «нус», «атман» и «псюхэ».

Арфист с о-ва Керос. Мрамор. Около 2880—2200 гг. до н. э.

Воинственный бог. Медь. Ливан. Начало II тыс. до н. э.

Навершие штандарта. Алача-Хююк. 2300 г. до н. э.

*Стела с законами
царя Хаммурапи
(1792—1750 гг.
до н. э.), Базальт*

*Гений-муфлон. Медь.
3000 г. до н. э.*

*Табличка из слоно-
вой кости с прото-
иероглифами. Конец
IV тыс. до н. э.*

*«Тексты пирамид».
Гробница Унаса.
V династия*

Это путь от древнейших форм словесного и художественного творчества, еще неразделимо связанных с общим ритуалом, к развитой поэзии, риторике, утонченному искусству, предполагающим и индивидуальное авторство, и взыскательность знатока, к теории поэтики, к психологии изобразительного искусства.

Это путь от сомнений в истинности традиционных идей к поиску самостоятельных концепций мироздания и «строения» Вселенной, к философским учениям Сократа и Платона, Нагарджуны и Ван Чуна, атомизму Демокрита и вайшешиков.

Такие же качественные изменения происходили и в других областях человеческой деятельности. Постепенно основные компоненты культуры приобретали тот смысл, который уже привычен для нас.

На своей поздней ступени древние цивилизации пришли еще к одному великому достижению: они выдвинули принцип научности, принцип рационализма. Наиболее ясные, привычные и опознаваемые для нашего взгляда черты носит античный рационализм — рационализм софистов и Афинской школы (Сократ, Платон и особенно Аристотель), научность Евклида и Архимеда; с самой сутью раннего рационализма связано наличие гносеологической проблемы в основных школах древнеиндийской мысли и первых опытах древнекитайской.

Чтобы полнее оценить грандиозный масштаб и неповторимую специфику вклада древних цивилизаций в культурную сокровищницу человечества, важно отчетливее отграничить родившийся тогда рационализм, с одной стороны, от донаучного знания, а с другой — от новоевропейского рационализма, уже на новых основаниях возникшего в эпоху Галилея и Декарта.

С эпохой древности связано не только рождение таких мировых религий, как буддизм и христианство, но и появление платоновско-аристотелевской метафизики, на уровень которой европейская философия не выходила вплоть до Фрэнсиса Бэкона, и конфуциан-

ского кодекса поведения, господствовавшего в Китае до недавнего прошлого. Вышедший из лоно древних цивилизаций мир, где люди разделены не столько по этническому, географическому и культурному, сколько по конфессиональному признаку — на православных и католиков, на шиитов и суннитов и т. п.; где имеет смысл сама новая категория конфессиональной принадлежности; где платонические модели мысли широко входят через схоластику и мистику христианства и ислама в жизнь масс, не читавших Платона и даже не слышавших о нем, а конфуцианская традиция застыгает в сунском неоконфуцианстве; где дух метафизических конструкций может материализоваться в самой что ни на есть конкретной профессиональной практике изобразительных искусств, например в византийско-русской иконе или китайской ландшафтной живописи эпохи Сун, стоящей под знаком чань-буддизма, — это уже мир иной, мир средневековья.

Таковы лишь некоторые, самые общие контуры рассматриваемых в книге проблем, сюжетов, явлений. Вряд ли можно сомневаться в постоянном росте интереса к этой теме — увлекательной, нужной, благодарной. Каждая эпоха по-своему воспринимала древние культуры; по-иному, очевидно, подойдут к их оценке идущие нам на смену поколения, но в памяти народов навсегда запечатлится то богатство материальной и духовной культуры, которое унаследовано от древних цивилизаций.

* * *

Книга о древних цивилизациях — исследование комплексное, в ее создании участвовали представители различных научных дисциплин: историки и филологи, востоковеды и африканисты, археологи, этнографы и антропологи.

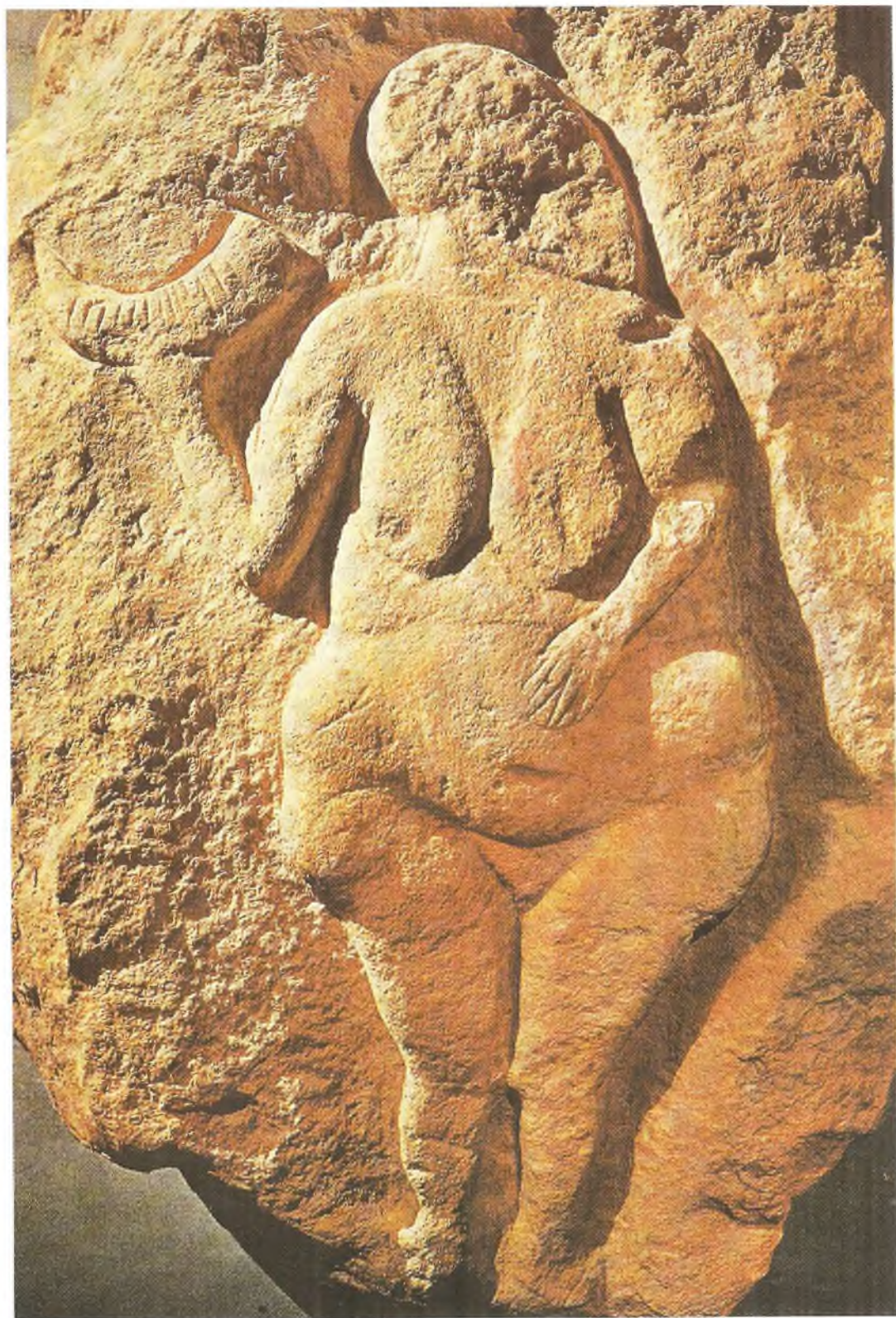
Введение и заключение написаны С. С. Аверинцевым и Г. М. Бонгард-Левиным; гл. I — В. П. Алексеевым; гл. II — В. М. Массоном; гл. III — М. А. Дандамаевым и О. П. Павловой (Культура); гл. IV — Э. Е. Кормышевой (Мероэ),

Л. Е. Куббелем (Древние культуры Тропической Африки), Г. М. Бауэром (Цивилизации древней Южной Аравии); гл. V — М. А. Дандамаевым и И. С. Ключковым (Культура); гл. VI — В. Г. Ардзинба; гл. VII — М. А. Дандамаевым; гл. VIII — В. М. Массоном и Р. М. Мунчаевым; гл. IX — Д. С. Раевским и А. М. Лесковым (раздел о древностях Прикубанья); гл. X — Г. А. Кошеленко и В. М. Массоном; гл. XI — Г. А. Кошеленко и В. И. Сарияниди; гл. XII — Г. М. Бонгард-Левиним; гл. XIII — Д. В. Деопиком (Донгшонская цивилизация) и Г. Г. Бандиленко (Цивилизации I тыс. н. э.); гл. XIV — Т. В. Степугиной; гл. XV — А. Н. Мещеряковым; гл. XVI — Л. П. Маринович и Г. А. Кошеленко; гл. XVII — А. И. Павловской; гл. XVIII — Е. М. Штаерман; гл. XIX — В. И. Гуляевым.

Большую научно-организационную работу по подготовке книги к печати и подбору иллюстративного материала провели А. Н. Бадер, Е. В. Ляпустина, И. Л. Маяк, М. Г. Селезнев и С. А. Узьянов. Руководство Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и Государственного Эрмитажа любезно оказало содействие в съемке экспонатов; ряд слайдов был представлен П. А. Грязневичем, О. Д. Лордкипанидзе и В. И. Сарияниди, проф. П. Бернаром (Франция) и доктором Л. П. Сихаре (Индия). Всем им авторский коллектив приносит искреннюю благодарность.

Рассчитанное на широкие читательские круги издание не ставит целью дать последовательное изложение древней истории и культуры или подробно рассказать о фактах и событиях тех далеких времен. Главное, к чему стремился авторский коллектив, — передать дух, общую атмосферу эпохи и выполнить пожелание, высказанное Александром Блоком: «События всемирной истории должны быть представлены в свете того поэтического чувства, которое делает весь мир близким и знакомым и тем более таинственным и увлекательным». В какой мере это удалось осуществить, судить читателю.

Глава I
Chapter I

Settlement
and quantitative
Patterns
of the earliest
Mankind

Р *Вопрос о прародине
человечества
до сих пор далек
от своего разрешения*
Расселение
и численность
древнейшего
человечества

Идущий из Африки поток информации о различных формах ископаемого человека заставляет по-новому взглянуть на процесс выделения древнейших предков человека из животного мира и на основные этапы становления человечества.

Прояснению многих проблем способствует и интенсивно ведущаяся в ряде стран исследовательская работа над морфологией уже известных находок, их сопоставлением с геологической датировкой и историко-культурной интерпретацией сопровождающего археологического инвентаря. В итоге можно сформулировать несколько тезисов, в которых отражаются модификация наших знаний в области антропогенеза на протяжении последних де-

сятелетий и наши современные представления.

1. Палеогеографическая интерпретация экологической ниши человекообразных плиоценовых приматов в Сиваликских холмах в южных предгорьях Гималаев вместе с расширением знания их морфологии дала возможность с достаточно надежными основаниями высказать мысль о выпрямленном положении тела и двуногой локомоции у этих приматов — как полагают многие

исследователи, непосредственных предков человека. При прямохождении передние конечности были свободны, что создавало локомоторную и морфологическую предпосылку к трудовой деятельности.

2. Датировка наиболее древних находок австралопитеков на территории Африки вызывает острые дискуссии. Если следовать не за наиболее крайними точками зрения и опираться не на единичные даты, а на серии дат, то и в этом случае древность наиболее ранних австралопитеков должна быть определена в 4—5 млн лет. Геологические исследования в Индонезии указывают на значительно большую, чем считалось раньше, древность питекантропов и доводят возраст наиболее архаичных из них до 2 млн лет. Примерно тот же, если не более почтенный, возраст имеют находки в Африке, которые условно могут быть отнесены к группе питекантропов.

3. Вопрос о начале истории человечества тесно связан с решением проблемы о месте австралопитеков в таксономической системе. Если они входят в семейство гоминид, или людей, то приведенная дата их наиболее раннего геологического возраста действительно знаменует начало человеческой истории; если нет—это начало не может быть отодвинуто от современности больше чем на 2—2,5 млн лет, т. е. на возраст наиболее древних находок питекантропов. Бум, поднятый в научной литературе вокруг так называемого человека умелого (*homo habilis*), не получил поддержки с морфологической точки зрения: находку оказалось возможным включить в группу австралопитеков. Но обнаруженные вместе с нею следы целенаправленной деятельности, находки орудий в слоях с костными остатками австралопитеков, остеодонтокератическая, или костяная, индустрия южной группы африканских австралопитеков, морфология самих австралопитеков—полностью освоенное двуногое передвижение и заметно более крупный, чем у человекообразных обезьян, мозг—позволяют позитивно решить вопрос о включении австралопитеков в состав гоминид,

а потому датировать появление первых людей 4—5 млн лет назад.

4. Многолетняя дискуссия в биологической таксономии между сплитерами (дробителями) и ламперами (объединителями) коснулась и разработки классификации ископаемых гоминид, приведя к появлению схемы, в которой все семейство гоминид редуцировалось до одного рода с тремя видами—человеком австралопитековым, человеком прямоходящим (ранние гоминиды—питекантропы и синантропы) и человеком современного физического типа (поздние гоминиды—неандертальцы и верхнепалеолитические люди). Схема получила распространение и стала использоваться во многих палеоантропологических работах. Но тщательная и объективная оценка масштабов морфологических различий между отдельными группами ископаемых гоминид заставляет отвергнуть ее и сохранить родовой статус питекантропов, с одной стороны, неандертальцев и современных людей—с другой, при выделении нескольких видов внутри рода питекантропов, а также выделении неандертальцев и современных людей в качестве самостоятельных видов. В пользу такого подхода говорит и сравнение величин различий между ископаемыми гоминидами и родовыми и видовыми формами в мире животных: различия между отдельными формами ископаемых гоминид ближе к родовым, чем к видовым.

5. Чем больше накапливается палеоантропологических находок ископаемого человека (хотя их число все равно ничтожно), тем очевиднее становится, что древнейшее человечество с самого начала существовало во многих локальных формах, ряд которых, возможно, оказались тушками эволюционного развития и не приняли участия в формировании более поздних и прогрессивных вариантов. Многолинейность эволюции Ископаемых гоминид на всем протяжении их истории доказывается этим с достаточной определенностью.

6. Проявление многолинейной эволюции не отменяет стадийного принципа, но накопление инфор-

мации о конкретных формах ископаемых людей и все более совершенные способы оценки их хронологического возраста ограничивают слишком прямолинейное использование этого принципа. В отличие от воззрений предшествующих десятилетий, согласно которым переход от более ранней к более поздней и прогрессивной стадии морфологического развития осуществлялся паноюкменно, справедливой кажется концепция, в соответствии с которой имели место постоянные задержки и ускорения эволюционного развития, обусловленные степенью территориальной изоляции, характером расселения, уровнем хозяйственного развития той или иной группы гоминид, ее численностью и другими причинами географического и социально-исторического порядка. Существование на протяжении ряда тысячелетий форм, относящихся к разному уровню стадияльного развития, может считаться сейчас доказанным в истории семейства гоминид.

7. Стадияльность и многолинейность эволюции нашли яркое отражение в процессе формирования современного человека. После открытия неандертальских скелетов в Восточной Азии весь Старый Свет вошел в ареал человека неандертальского вида, что лишнее раз подтвердило существование неандертальской фазы в эволюции человека. Продолжающаяся дискуссия между сторонниками моноцентрической и полицентрической гипотез происхождения человечества в значительной мере потеряла свою остроту, так как аргументы в пользу той или иной точки зрения, опирающиеся на старые находки, вроде бы исчерпаны, а новые находки остатков ископаемого человека появляются крайне редко. Идея преобладающего положения Средиземноморского бассейна, особенно восточной его части, и Передней Азии в формировании человека современного типа, пожалуй, правомерна для европеоидов и африканских негроидов; в Восточной же Азии обнаруживается комплекс морфологических корреспонденции между аборигенным

современным и ископаемым человеком, который нашел также подтверждение в отношении Юго-Восточной Азии и Австралии. Классические формулировки полицентрической и моноцентрической гипотез выглядят сейчас устаревшими, а современная концепция многолинейной эволюции применительно к процессу происхождения современного человека требует гибкого подхода в трактовке перечисленных фактов и должна быть освобождена от крайностей в пользу лишь моноцентризма.

Приведенные тезисы — попытка суммировать главные тенденции в развитии теории антропогенеза за последние два-три десятилетия. В дополнение к огромной археологической работе, имевшей на своем счету немало открытий и показавшей более раннее, чем предполагалось до сих пор, оформление многих общественных институтов и социальных явлений (например, искусства), палеоантропологические исследования демонстрируют сложность и извилистость путей общественного прогресса и оставляют нам все меньше права на противопоставление доистории, или протоистории, и собственно истории. Практически история начинается и выступает в многообразных локальных формах с появления первых австралопитеков, и тому, что мы привыкли называть цивилизацией в узком смысле слова, — земледельческому хозяйству со стойловым скотоводством, появлению городов с ремесленным производством и концентрацией политической власти, зарождению письменности для обслуживания функционально усложнившейся общественной жизни — предшествовал путь длиною в несколько миллионов лет.

К настоящему времени накоплен громадный, почти необозримый археологический материал, рисующий основные этапы обработки кремня, показывающий магистральные линии развития каменной технологии палеолита, позволяющий установить технологическую преемственность между хронологически разновременными группами палеолитического населе-

ния, наконец, вообще демонстрирующий мощное поступательное движение человечества, начиная с достаточно примитивных орудий олувайской культуры в Африке и кончая изощренной каменной и косяной индустрией верхнепалеолитической эпохи. Однако, к сожалению, при анализе факторов прогрессивного развития человеческого общества на пути к производящему хозяйству и цивилизации остаются за пределами рассмотрения два важных момента — расселение человечества из областей предпола-

фической, археологической, этнологической и экономической науках уделялось огромное внимание проблеме человека как производительной силы и демографические подходы занимали значительное место при рассмотрении и решении этой проблемы. Исторический материализм ставит во главу угла изучение производительных сил; человек — часть производительных сил любого общества, и численность людей входит в характеристику производительных сил в качестве компонента, маркирующего,

Лошадь из Осевой галереи. Ласко (Франция). Верхний палеолит

емой прародины, т. е. этапы и последовательность освоения ойкумены с ее разнообразными экологическими нишами, и рост его численности.

Первый из этих моментов отражает взаимодействие общества с природной средой, характер этого взаимодействия и его усовершенствование силами самого общества — другими словами, некий уровень познания природы и географической среды и подчинение их потребностям общества, обратное влияние на общество географической среды, особенно в ее экстремальных формах. Второй момент является важнейшей демографической характеристикой, аккумулирующей фундаментальные биологические и социально-экономические параметры. В 20—30-е гг. в наших геогра-

если можно так выразиться, объем производительных сил, которыми располагало любое древнее общество.

Как ни велики достижения в палеогеографической реконструкции событий четвертичной истории, наши конкретные знания недостаточны, чтобы, пользуясь этими реконструкциями, детально восстановить характер расселения человеческих коллективов в эпоху палеолита, особенно на его ранних стадиях. Ограничимся поэтому лишь некоторыми общими соображениями.

Можно, по-видимому, с достаточной определенностью утверждать, что районы высокогорий не были заселены в нижнем палеолите: все находки костных остатков австралопитеков и питекантропов

сосредоточены в предгорьях на умеренной высоте над уровнем моря. Только в среднем палеолите, в эпоху мустье, высокогорье было освоено человеческими популяциями, чему есть прямые доказательства в виде стоянок, открытых на высоте свыше 2000 м над уровнем моря.

Надо полагать, что густые леса тропического пояса также не были доступны человеку как регулярное место обитания при слабой технической вооруженности в нижнепалеолитическое время и были осво-

ства, о месте, где произошло выделение человека из животного мира, до сих пор, несмотря на обилие посвященных ему работ, далек от своего решения. Огромное количество палеолитических памятников, в том числе и архаического облика, обнаруженных на территории Монголии в последние годы, вновь заставило исследователей обратить свои взоры на Центральную Азию. Не меньшее число палеоантропологических находок на Африканском континенте, иллюстрирующих ранние этапы антропогенеза, приковы-

ены позже. В центральных районах обширных пустынь субтропического пояса, например в пустыне Гоби, существуют многокилометровые участки, в пределах которых не было открыто никаких памятников даже при самой тщательной разведке. Отсутствие воды полностью исключало такие участки не только из границ древнего расселения, но и из возможного района охоты.

Все это заставляет полагать, что неравномерность расселения с самого начала человеческой истории была его существенной характеристикой: ареал древнейшего человечества в палеолитическое время не являлся сплошным, он был, как принято говорить в биогеографии, кружевным.

Вопрос о прародине челове-

чает внимание ученых археологов и палеоантропологов к Африке, и именно ее многие из них считают прародиной человечества. Однако нельзя забывать, что Сиваликские холмы помимо исключительно богатой третичной и раннечетвертичной фауны дали костные остатки более древних, чем австралопитеки, форм — тех форм еще человекообразных обезьян, которые стоят у начала человеческой родословной и непосредственно (и морфологически, и хронологически) предшествовали австралопитекам. Гипотеза южноазиатской прародины человечества благодаря этим находкам также обретает сторонников. Но при всей важности исследований и дискуссионных обсуждений проблемы прародины человечества к рассматриваемой теме

*Бизон. Нио
(Франция). Верхний
палеолит*

о древнейшем расселении человечества она имеет лишь косвенное отношение. Существенно лишь то, что все предполагаемые области прародины располагаются в тропическом поясе или в примыкающих к нему субтропических зонах. По-видимому, это единственный пояс, который был освоен человеком в нижнем палеолите, но освоен «чересполосно», исключая районы высокогорий, безводных пространств, тропических лесов и т. д.

В эпоху среднего палеолита продолжалось дальнейшее освоение человеком тропического пояса и субтропиков за счет, если можно так выразиться, внутренних миграций. Увеличение плотности населения и повышение уровня технической оснащённости позволили начать освоение горных районов вплоть до обживания высокогорья. Параллельно с этим шел процесс расширения ойкумены, все более интенсивного распространения среднепалеолитических коллективов. География стоянок среднего палеолита дает бесспорные доказательства расселения носителей ранних вариантов среднепалеолитической культуры по всей Африке и Евразии, за исключением, может быть, лишь районов за полярным кругом.

Ряд косвенных наблюдений привел некоторых исследователей к выводу о том, что заселение Америки было осуществлено в среднепалеолитическое время еще коллективами неандертальцев и, следовательно, азиатская и американская Арктика были освоены человеком на несколько десятков тысяч лет раньше, чем предполагалось до сих пор. Но все теоретические разработки подобного рода еще требуют фактических доказательств.

Переход к верхнепалеолитическому времени ознаменовался крупной вехой в истории первобытного человечества — освоением новых материков: Америки и Австралии. Заселение их осуществлялось по мостам суши, очертания которых сейчас с большей или меньшей степенью детализации восстановлены с помощью многоступенчатой палеогеографической реконструкции. Судя по радиоуглеродным да-

там, полученным на территории Америки и Австралии, освоение их человеком уже к концу верхнепалеолитической эпохи стало историческим фактом. А отсюда следует, что верхнепалеолитические люди не только заходили за полярный круг, но и освоились в тяжелейших условиях заполярной тундры, сумев культурно и биологически приспособиться к этим условиям. Обнаружение палеолитических стоянок в заполярных районах подтверждает сказанное.

Таким образом, к концу палеолитической эпохи вся суша на ее более или менее пригодных для жизни людей участках была освоена, границы ойкумены совпали с границами суши. Разумеется, и в более поздние эпохи имели место значительные внутренние миграции, заселение и культурное использование пустующих ранее территорий: повышение технического потенциала общества позволяло эксплуатировать те биоценозы, которые нельзя было использовать раньше. Но факт остается фактом: на рубеже перехода от верхнего палеолита к неолиту вся суша в своих границах была заселена людьми, и до выхода человека в космос историческая арена жизни человечества не расширилась сколько-нибудь существенно.

Каковы последствия расселения человечества по всей суше нашей планеты и обживания самых разнообразных экологических ниш, в том числе и экстремальных? Эти последствия выявляются как в сфере биологии человека, так и в сфере его культуры. Адаптация к географическим условиям различных экологических ниш, так сказать к различным антропотопам, привела к резко выраженному расширению диапазона изменчивости практически всего комплекса признаков у современного человека по сравнению даже с другими зоологическими видами-убиквидами (видами с панойкуменным расселением). Но дело не только в расширении диапазона изменчивости, но и в локальных сочетаниях морфологических признаков, с самого начала своего формирования имевших адаптивное значение. Эти локаль-

ные морфофизиологические комплексы выявлены в современном населении и получили наименование адаптивных типов. Каждый из этих типов соответствует какому-либо ландшафтному или геоморфологическому поясу — арктическому, умеренному, континентальной зоне и зоне высокогорья — и обнаруживает сумму генетически детерминированных приспособлений к ландшафтно-географическим, биотическим и климатическим условиям этого пояса, выражающимся в физиологи-

ю сложение комплексов приспособлений к умеренному и континентальному климату и зоне высокогорья. Наконец, комплекс арктических адаптаций сложился, очевидно, в эпоху верхнего палеолита.

Расселение человечества по земной поверхности имело огромное значение не только для формирования биологии современного человека. В интересующем нас контексте предпосылок появления цивилизации еще более впечатляюще выглядят его культурные последствия. Заселение новых районов сталкива-

ческих характеристиках, благоприятных в терморегулятивном отношении сочетаний размеров и т. д.

Сопоставление исторических этапов расселения человечества по земной поверхности и функционально-адаптивных комплексов признаков, получивших наименование адаптивных типов, позволяет подойти к определению хронологической древности этих типов и последовательности их формирования. Со значительной долей определенности можно предполагать, что комплекс морфофизиологических приспособлений к тропическому поясу является изначальным, так как он сформировался еще в областях первоначальной прародины. К эпохе среднего палеолита относит-

ло древнейших людей с новой, непривычной для них охотничьей добычей, стимулировало поиск иных, более совершенных способов охоты, расширяло ассортимент съедобных растений, знакомило с новыми породами пригодного для орудий каменного материала и заставляло изобретать более прогрессивные способы его обработки.

Вопрос о времени возникновения локальных различий в культуре до сих пор не решен наукой, вокруг него не затихают острые споры, но уже материальная культура среднего палеолита предстает перед нами в большом разнообразии форм и дает примеры отдельных своеобразных памятников, не находящихся сколько-нибудь близких аналогий.

*Зубр. Ласко
(Франция). Верхний
палеолит*

Материальная культура в ходе расселения человека по земной поверхности перестала развиваться единым потоком. Внутри ее сформировались отдельные самостоятельные варианты, занимавшие более или менее обширные ареалы, демонстрировавшие культурную адаптацию к тем или иным условиям географической среды, развивавшиеся с большей или меньшей скоростью. Отсюда отставание культурного развития в изолированных районах, его ускорение в областях интенсивных культурных контак-

боты, в основе которых лежит высшей степени фрагментарный материал, не поддающийся однозначной интерпретации. Вообще палеодемография в целом делает лишь первые шаги, исследовательские подходы не суммированы полностью и базируются часто на значительно различающихся исходных посылах. Состояние фактических данных таково, что наличие значительных лакун в них заранее очевидно, но заполнены они быть не могут: до сих пор и наиболее древние стоянки первобытных коллективов, и костные остатки древнейших людей открываются в основном случайно, методика планомерного поиска еще очень далека от совершенства.

Численность каждого из ныне живущих видов человекообразных обезьян не превышает нескольких тысяч особей. Из этой цифры и нужно исходить при определении числа индивидуумов в популяциях, выделившихся из животного мира. Палеодемографии австралопитеков посвящено крупное исследование американского палеоантрополога А. Манна, использовавшего весь костный материал, накопленный к 1973 г. Фрагментарные скелеты австралопитеков найдены в сцементированных отложениях пещер. Состояние костей таково, что заставило ряд исследователей предполагать искусственное происхождение их скопления: это остатки индивидуумов, убитых леопардами и принесенных ими в пещеры. Косвенным свидетельством такого предположения является преобладание неполнозрелых особей, на которых предпочитают охотиться хищники. Коль скоро находящиеся в нашем распоряжении конгломераты костей не представляют собой естественных выборок, относящиеся к ним цифры числа особей имеют лишь ориентировочное значение. Примерное число индивидуумов, происходящих из пяти основных местонахождений в Южной Африке, колеблется в соответствии с разными критериями подсчета от 121 до 157 особей. Если учесть, что нам известно до сих пор лишь ничтожное число местонахождений из общего их числа, то можно

Мамонт. Пеш-Мерль (Франция). Верхний палеолит

тов и т. д. Культурное разнообразие человечества в ходе заселения ойкумены стало еще более значительным, чем его биологическое разнообразие.

Все сказанное выше опирается на результаты сотен палеоантропологических и археологических исследований. Тому, о чем пойдет речь ниже, а именно определению численности древнейшего человечества, посвящены единичные ра-

предполагать, что порядок этих цифр более или менее соответствует численности современных человекообразных обезьян. Таким образом, численность человечества началась, надо полагать, с 10—20 тыс. особей.

Американский демограф Э. Диви определил численность нижнепалеолитического человечества в 125 тыс. человек. Хронологически эта численность относится—в соответствии с датировками процесса антропогенеза, имевшими хождение в ту пору,—к 1 млн лет от современности; речь идет лишь о территории Африки, которая только и была заселена первобытными людьми в соответствии со взглядами автора, разделявшего гипотезу африканской прародины человечества; плотность населения была при этом 1 человек на 23—24 кв. км. Этот расчет выглядит завышенным, но его можно принять для более поздней стадии нижнепалеолитической эпохи, представленной ашельскими памятниками и следующей группой ископаемых гоминид—питекантропами.

О них есть палеодемографическая работа немецкого палеоантрополога Ф. Вайдерайха, опирающаяся на итоги изучения человеческих скелетов из известного местонахождения Чжоукоудянь, близ Пекина, но она содержит данные лишь об индивидуальном и групповом возрасте. Диви приводит для неандертальцев цифру численности в 1 млн человек и относит ее к 300 тыс. лет от современности; плотность населения в пределах Африки и Евразии была при этом, по его мнению, равна 1 человеку на 8 кв. км. Эти оценки выглядят правдоподобными, хотя, строго говоря, их нельзя ни доказать сколько-нибудь определенным образом, ни таким же образом опровергнуть.

В связи с заселением Америки и Австралии человеком в верхнем палеолите ойкумена значительно расширилась. Э. Диви предполагает, что плотность населения составляла 1 человек на 2,5 кв. км (25—10 тыс. лет от современности), а численность его постепенно увеличивалась и была равна соответственно примерно 3,3 и 5,3 млн

человек. Если экстраполировать цифры, полученные для населения Сибири к приходу туда русских, то мы получим более скромную численность для исторического момента перехода к производящему хозяйству—2,5 млн человек. Эта цифра представляется предельной. Такой демографический потенциал, видимо, был уже достаточен, чтобы обеспечить формирование цивилизации в узком смысле слова: концентрацию хозяйственной деятельности в определенных, локально четко ограниченных районах, возникновение поселений городского типа, отделение ремесла от земледелия, накопление информации и т. д.

На последнем моменте стоит остановиться особо. Расселение древнейшего человечества по земной поверхности столкнуло его, как уже отмечалось, с самыми различными экологическими условиями и разнообразным миром охотничьей добычи. Освоение новых ниш было невозможно без наблюдения за ходом природных процессов и природными явлениями, охота—без знания привычек животных, собирательство не могло быть эффективным без запаса сведений о полезных растениях.

Духовной жизни палеолитического человечества, палеолитическому искусству и попыткам реконструкции социальных отношений посвящены тысячи статей и сотни книг. И лишь в единичных работах затрагивается вопрос о положительных знаниях в коллективах людей эпохи потребляющего хозяйства. В настоящее время вопрос этот интересно поставлен и рассмотрен в серии трудов В. Е. Ларичева. В частности, им приведены заслуживающие внимания соображения о невозможности представить себе развитие даже охотничьего и собирательского общества без какого-то календаря и использования в повседневной жизни астрономических ориентиров. Запас знаний, который накопило человечество в ходе расселения по земной поверхности на протяжении 4—5 млн лет, сыграл не последнюю роль в освоении навыков производящего хозяйства и переходе к цивилизации.

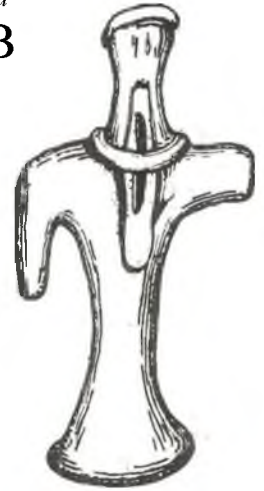

The Rise
of ancient
civilizations

У

*Раннеземледельческие культуры
были подлинной
предтечей
древних цивилизаций*

ИСТОКОВ
древних
цивилизаций

Археологические открытия, сделанные после второй мировой войны сначала в Старом Свете, а затем и на Американском континенте, доказали, что истоки цивилизации уходят в глубокую древность, в период существования раннеземледельческих культур.

Формирование экономики, основанной на земледелии и скотоводстве и связанной, таким образом, с производством продуктов питания, явилось кардинальным рубежом в истории человечества. На значимость этого рубежа указывали основоположники марксизма — именно по данному признаку Ф. Энгельс выделял две эпохи в истории первобытного общества — эпоху дикости и эпоху варварства. Археологические находки позволя-

ют утверждать, что этот перелом приходится на период неолита. Еще в 30-е гг. нашего столетия прогрессивный английский археолог Гордон Чайлд предложил называть переход человеческого общества к земледелию и скотоводству неолитической революцией. При этом он имел в виду качественные изменения в экономике, подобные промышленной революции XVIII—XIX вв.

Переход к земледелию, основан-

ному на культивировании высокопродуктивных сортов злаков (пшеница, ячмень, кукуруза, рис), привел к устойчивости в обеспечении продуктами питания человеческих коллективов, способствовал росту населения. Циклический характер земледельческого труда ограничил время, необходимое для обеспечения общества продовольствием, положил начало общественному благосостоянию. С оседлым образом жизни и развитием специализированных производств улучшились бытовые условия. Хижины и полу-

*Охота на быка.
Настенная живопись.
Чатал-Хююк. Около
6000 г. до н. э.*

землянки сменяются прочными домами — глинобитными в аридной зоне и каркасными в умеренном поясе. Многочисленные украшения из раковин и полудрагоценных камней теперь все чаще встречаются в древних погребениях. В них же появляются и первые зеркала, сделанные из блестящего обсидиана — вулканического стекла, и каменные палетки, служившие для приготовления различных косметических притираний, которые хранились в изящных морских раковинах. Повседневную жизнь все чаще украшает богато орнаментированная глиняная посуда.

Не менее впечатляющими были достижения в интеллектуальной сфере. Стихийная селекция, изменявшая сорта растений и породы животных, постепенно закреплялась в традиционно повторяемых приемах, аграрный же цикл требовал систематизации астрономических наблюдений. В результате эмпирически накапливались положительные знания.

В сфере художественного твор-

чества широкое распространение получают прикладные искусства, особенно изготовление разнообразно декорированной керамики. Многие узоры отражают представления космогонического характера, иллюстрируя разного рода мифы. В целом со вступлением в земледельческую эпоху духовный мир человека стал богаче и многообразнее.

Переход к новым формам хозяйства, за которым последовали кардинальные изменения в культуре, образе жизни и духовной сфере, был подготовлен целым рядом причин. Первостепенное значение имели факторы, возникавшие в среде самого человеческого общества. К их числу относились, например, достаточно высокий уровень техники, отличавший прежде всего орудия труда. В этом смысле особенно эффективными были орудия, у которых рабочее лезвие образовывали тонкие острые пластинки кремня или обсидиана, вставлявшиеся в деревянную или костяную рукоять. Они получили широкое распространение в пору верхнего палеолита и особенно мезолита и могли быть приспособлены к различным видам работ.

Именно на основе вкладышевой техники на Ближнем Востоке было создано такое важное орудие земледельцев, как жатвенный нож или серп. Непременным условием дальнейшего прогресса стало наличие высокоразвитой хозяйственной системы, направленной на присвоение продуктов питания путем охоты, рыболовства или собирательства. Существенной являлась и высокая плотность населения, при которой дальнейший его рост на основе традиционных форм получения пищевой продукции или затруднялся, или исключался полностью. Наконец, зачатки положительных знаний были необходимой предпосылкой к столь решительному вторжению в окружающую среду, каким стали земледелие и скотоводство.

Разумеется, любое максимально удачное сочетание этих факторов могло явиться движущей силой прогресса лишь в условиях благоприятной природной ситуации, и прежде всего при наличии исход-

ных форм потенциально доместизируемых животных и растений. Этот фактор был решающим на ранних этапах формирования экономики нового типа. В дальнейшем все большее значение начали играть условия, способствующие быстрому развитию высокопродуктивных форм земледелия и скотоводства.

Общественные и природные факторы по-разному проявлялись в различных уголках земного шара, что, в частности, породило значительное различие в характере обществ и в созданных ими культурных комплексах. Однако за пестрой мозаикой археологических памятников ощутимо проступают главные тенденции и закономерности. Как в Старом, так и в Новом Свете постепенно складываются высокоэффективные хозяйственные системы, создавшие их общества начинают свое стремительное восхождение по ступеням прогресса. Теперь в бескрайнем мире охотников, рыболовов и собирателей, освоивших почти все природно-климатические зоны Земли, на авансцену истории выдвигаются общества земледельцев и земледельцев-скотоводов. Именно в их среде создается значительный прибавочный продукт и соответственным образом накапливаются материальные и духовные ценности. Раннеземледельческие общества, активно развивавшие производство продуктов питания, стали исходным пластом первых цивилизаций, хотя лишь отдельные из них самостоятельно прошли этот путь.

При несомненных и убедительных последних открытиях в области археологии в странах Нового Света, Восточной и Юго-Восточной Азии основной объем информации, позволяющей нам достаточно разносторонне исследовать формирование раннеземледельческих культур, по-прежнему доставляют Ближний Восток и некоторые прилегающие к нему области.

Для самой Передней Азии в настоящее время можно говорить трех наиболее значительных центрах формирования и развития раннеземледельческих культур, особую культурную зону образо-

вывали на Ближнем Востоке иорданно-палестинские комплексы, являющие пример постепенной трансформации охотническо-рыболовецкой культуры в общество ранних земледельцев и скотоводов. Уже в X—IX тыс. до н. э. здесь жили племена так называемой натуфийской культуры. В предгорных районах они занимались преимущественно охотой и устраивали свои стойбища в пещерах и под скальными навесами. Для обитающих на берегах озер большую роль играло рыболовство.

Среди кремневых орудий сравнительно высокий процент составляли вкладыши ножей, предназначенных для жатвы злаковых культур. Нет сомнения в том, что перед нами общество, стоящее «накануне земледелия».

Судя по всему, эти новшества получили в рассматриваемый период самое широкое распространение. Так, в Сирии в 80 км к югу от Алеппо раскопано поселение Мюрайбит, где обнаружены овалы в плане жилища со стенами, сложенными из камня и обмазанными глиной. Жители Мюрайбита в конце IX—начале VIII тыс. до н. э. занимались сбором дикорастущей пшеницы и ячменя — при раскопках в большом количестве найдены зерна этих растений.

В Восточном Средиземноморье был совершен и качественный скачок, связанный с переходом к искусственному выращиванию злаков. Это привело к резким изменениям в культуре и образе жизни. Яркое свидетельство таких перемен — так называемый докерамиче-

Леопарды. Раскрашенный настенный рельеф. Чатал-Хююк. Около 6000 г. до н. э.

ский неолит Иерихона. К северу от Мертвого моря, в долине реки Иордан, расположен холм Телль-эс-Султан, являющийся руинами упоминаемого в Библии города Иерихона. Однако Телль-эс-Султан содержит не только остатки поселения II тыс. до н. э. Систематические раскопки открыли здесь целый ряд последовательных наслоений, объединяемых в два комплекса — докерамический неолит А (VIII тыс. до н. э.) и докерамический неолит Б (VII тыс. до н. э.). Их «подстилают» руины

Женская статуэтка. Обожженная глина. Тепе-Сароб (Иранский Курдистан). Около 6000 г. до н. э.

Горлышко расписного кувшина с узором в виде человеческого лица. Хасуна. Около 5200 г. до н. э.

стойбища натуфийской общины. Собранные материалы подтверждают тезис о генезисе местной культуры на основе натуфийских традиций. Поселение докерамического неолита А занимало площадь около 4 га и было окружено обвод-

ной стеной, сложенной из камня. Около стены находилась массивная круглая каменная башня диаметром 7 м и высотой 8 м. Первоначально предполагали, что это башня крепостной стены. Но очевидно, она являлась сооружением особого назначения, соединявшим в себе многие функции, в том числе и функцию сторожевого поста для контроля за окрестностями. За каменной стеной располагались дома, построенные из сырцового кирпича.

Иерихон А с его прочной оседлостью и развитым строительным делом уже типичный раннеземледельческий поселок. Это, конечно, еще не «первый город», как казалось некоторым исследователям при его открытии, ставшем сенсацией археологии 50-х гг. нашего столетия. Ни размеры, ни слабо дифференцированные производства не свидетельствуют в пользу такого заключения. Наличие укреплений говорит не только о сложной ситуации противоборства различных племен, но и о накоплении определенных материальных ценностей.

Дальнейший прогресс наблюдается в период Иерихона Б. Особенно примечательны успехи в домостроительстве. Дома приобретают прямоугольный план, более соответствующий такому строительному материалу, как сырцовый кирпич. Основным типом жилья теперь является крупная прямоугольная комната площадью около 40 кв. м. Пол жилых помещений был покрыт известковой штукатуркой, часто окрашенной в красный или кремовый цвет. В одном месте на полу археологи нашли даже следы несложной росписи в виде ветви растения. В красный цвет окрашивались и стены: до метровой высоты шла красная панель, а выше стена имела кремовую окраску. Таким образом, налицо одна из характерных черт новой эпохи — возросший уровень благосостояния, забота о благоустройстве жилищ.

Из глины лепились небольшие фигурки людей и животных. Существовали и более крупные человеческие скульптуры, выполненные

почти в натуральную величину. Они лепились из глины, покрывавшей каркас, образованный связками тростника, и окрашивались в красный цвет.

Происходило развитие и в сфере питания. Все больше распространялась пшеница двузернянка, видимо полученная путем обмена из более северных областей. Заметную роль продолжала играть охота, на что указывает значительное число костей газели, находимых при раскопках. Обнаружены также кости овцы, козы, свиньи и осла (о козе можно говорить, что это животное было в ту пору одомашнено). Собака, бывшая спутником палестинских племен еще в пору натуфийской культуры, сопровождала и жителей Иерихона. Третьим домашним животным стала кошка. Ее появление следует связывать с созданием запасов зерна, которые нуждались в охране от многочисленных грызунов.

В особый центр раннеземледельческой культуры Ближнего Востока следует выделить Малую Азию, где прослеживаются некоторые черты, общие с иерихонской традицией. К концу VIII — началу VII тыс. до н. э. относятся нижние слои поселения Хаджилар на юго-западе Малой Азии. Здесь раскопаны глинобитные дома, полы и стены которых тщательно заглажены и залощены.

Важным памятником, рисующим постепенное формирование земледельческо-скотоводческой экономики, является в Малой Азии Чейюню-Тепеси, датируемый 7250—6750 гг. до н. э. и расположенный в Восточной Турции. Как и в иерихонской культуре, его отличительной чертой являются благоустроенные дома с отделанным интерьером. Полы домов покрыты ровной известковой обмазкой и окрашены в оранжево-розовый цвет. Имеются глиняные фигурки животных, но глиняная посуда отсутствует.

Достаточно определенно прослеживается эволюция хозяйства. Для двух первых фаз характерна земледельческо-скотоводческая экономика. Единственным домашним животным была собака, основной

добычей охотников — зубр и олень. В поздних фазах Чейюню-Тепеси хозяйство приобретает более сложный характер. Охоту вытесняет, хотя и не заменяя ее полностью, разведение мелкого рогатого скота — коз и овец. Земледельцы Чейюню-Тепеси возделывали исключительно пшеницу — как двузернянку, так и однозернянку.

Архаическое по облику культуры, расположенное в глубине горных массивов поселение Чейюню-Тепеси демонстрирует постепенные изменения в способах получения

*Рожаящая богиня
и двое охраняющих
ее животных.
Обожженная глина.
Чатал-Хююк. Около
5750 г. до н. э.*

*Мать и ребенок.
Обожженная глина.
Эпоха Эль-Обейда.
Около 4000—
3700 гг. до н. э.*

продуктов питания, расцвет же раннеземледельческих культур лучше всего представлен поселением Чатал-Хююк на плодородной Конийской равнине, в 11 км к северу от г. Чумра, датирующимся второй половиной VII — первой поло-

виной VI тыс. до н. э. На Конийской равнине в это время существовало более 20 небольших оседлых поселений, но именно Чатал-Хююк, занимающий площадь 13 га, играл скорее всего роль столицы для конийской группы раннеземледельческих племен.

Основу его хозяйства составляли скотоводство и земледелие. Культивировалось 14 видов растений, причем предпочтение отдавалось пшенице разного рода, а также голозерному ячменю и гороху. Косточки фисташки и миндаля могут

ными стенными росписями и глиняными рельефами являлись святилищами. Погребальные обряды предусматривали связь живых и усопших сородичей. Останки умерших помещали под полами жилищ с предварительной очисткой костей от мягких тканей. Части скелета, обработанные таким образом, заворачивались в циновки или ткани. Предметы, помещаемые в могилу, были разнообразны. Они отражали высокий уровень благосостояния, что сказывается, в частности, в почти повсеместном распростране-

*Горы Хасан-Даг
в окрестностях
Чатал-Хююка*

указывать на получение из них растительных масел. Обнаружено также много семян крапивного дерева. Возможно, из него делалось вино, которое позднее было распространено в Малой Азии. В состав стада входил мелкий и крупный домашний скот. Но как своего рода наследие архаической эпохи сохранялась охота на быка и благородного оленя, часто изображающаяся на стенных росписях. Примечательные черты Чатал-Хююка — расцвет искусства и высокий уровень благосостояния, отраженный как в убранстве домов, так и в наборе предметов, не связанных непосредственно с производственной деятельностью.

Поселение было тесно застроено небольшими домами, возведенными из прямоугольного сырцового кирпича. Из глины устраивались невысокие платформы и сиденья типа скамьи. Ряд таких домов с сюжет-

ными личными украшениями. В женские захоронения клали ожерелья, разнообразные браслеты, каменные мотыги, костяные шпатели и ложки, в мужские — каменные навершия булав, кинжалы, сделанные из крупных обсидиановых пластин, наконечники дротиков и стрел, костяные застежки от поясов.

Основные орудия Чатал-Хююка изготавливались из камня. Главным сырьем для них служил обсидиан. Обитателям поселения была знакома иковка металла — об этом говорят медные и свинцовые бусы, но это новшество еще никак не сказалось на основном орудийном комплексе. Встречаются орудия из кости. Сравнительно немногочисленна глиняная посуда, обычно лишенная орнаментации. Лишь в верхних слоях появляется керамика, расписанная красными полосами. Потребность в посуде в значительной мере удовлетворялась деревянными

изделиями, которые в большом количестве были найдены в древних захоронениях. Их формы разнообразны: и плоские блюда с фигурными выступами-ручками, и кубки, и коробочки разного вида с плотно прилегающими крышками. Очертания деревянных и плетеных изделий повлияли и на формы глиняных сосудов Чатал-Хююка.

Забота древних обитателей поселения о своем внешнем виде не исчерпывалась одними украшениями — именно на Чатал-Хююке мы встречаем беспорные образцы

Хююка сочетаются древние культурные традиции охотников каменного века и новые веяния. Росписи, воссоздающие сцены охоты, где многочисленные фигуры загонщиков окружают быка, попавшего в западню, или настигают мчащегося оленя, отличаются живой экспрессией. Однако в большинстве своем стенные росписи в Чатал-Хююке условны и схематичны.

Есть в святилищах и крупные рельефы схематических женских фигур с раскинутыми в стороны руками и ногами. Они, несомненно,

древней косметики. Таковы корзиночки с румянами, косметические шпатели, обсидиановые зеркала, закреплявшиеся в рукоятке с помощью известковой массы. Для туалета широко использовалась охра. В женских могилах, например, она помещена в изящных средиземноморских раковинах в смеси с какими-то жировыми веществами.

Чатал-хююкские святилища раскрывают богатый мир раннеземледельческой культуры. Наряду с росписью стены украшали и рельефные фигуры, вылепленные из глины на каркасе из тростника, как в Иерихоне, или сделанные из дерева. Порой в эти фигуры (если они изображали животных) монтировались черепа быка или барана. Ряды таких рогатых бычьих голов помещались на специальных возвышениях, придавая святилищу довольно устрашающий вид. В стилистическом плане в росписях Чатал-

указывают на то, что одно из главенствующих мест в древнейшем пантеоне занимало божество плодородия в женском обличе. Иногда в рельефах подчеркивалось, что эта фигура как бы дает жизнь голове быка или барана. Не исключено, что образ быка уже ассоциировался с мужским божеством. Позднее это прослеживалось в целом ряде древневосточных религий. Картины культа богини плодородия дополняют каменные и терракотовые статуэтки. Среди них много таких, которые изображают обнаженных женщин. На одном каменном рельефе фигура женщины воспроизведена стоящей за леопардом, считавшимся, возможно, священным животным. Имеется здесь и рельеф, запечатлевший двух леопардов, обращенных головами друг к другу. Найдена также статуэтка, сделанная из мрамора. Это сидящий мужчина с

Чатал-Хююк.
Раскопки

браслетами на предплечьях и в головном уборе из леопардовой шкуры. Особое значение этого хищника из семейства кошачьих в древних культовых представлениях несомненно.

Культура Чатал-Хююка вызвала значительные дискуссии о ее происхождении. Давались ей и различные интерпретации. Многие западноевропейские исследователи именуют сам Чатал-Хююк «неолитическим городом» или «агрородом». Однако, имея значительное число жителей (по разным системам исчисления — от 2 до 6 тыс. человек), Чатал-Хююк между тем не являлся центром торговли или ремесленного производства. Различные виды промыслов, при всем совершенстве производимых ими изделий, были не чем иным, как первобытным ремеслом, не связанным с товарным производством. Нет оснований преувеличивать и торговую функцию этого первобытного поселения.

Вместе с тем срединное положение в системе мелких поселений указывает на то, что Чатал-Хююк как центр сельскохозяйственной округи мог осуществлять и организационные функции, даже играть роль идеологического лидера. Поселения такого типа стоят у истоков формирования древневосточных городов — процесса, связанного с длительной культурной и социально-экономической эволюцией. В Малой Азии после запустения Чатал-Хююка значительные центры появляются лишь в IV—III тыс. до н. э. Тем не менее чатал-хююкский феномен весьма показателен как пример тех поистине огромных возможностей, которые открывал переход к земледелию.

Третьим важным центром раннеземледельческих культур Передней Азии была Северная Месопотамия с примыкающими к ней горными областями Западного Ирана. Здесь в VII—VI тыс. до н. э. развивается культура типа Джармо. К числу ее памятников принадлежит само поселение Джармо, открытие которого в 1950 г. ознаменовало новый этап в изучении раннеземледельческой эпохи, а также Тель-Шамшира в иракской части гор

Загроса и Тепе-Сораб и Тепе-Гурап — в иранской.

Это были раннеземледельческие поселения с прочными глинобитными домами, фундамент которых иногда выкладывался из камня. Лишь на поздних этапах появляется глиняная посуда, украшенная несложными расписными орнаментами. Зато исключительно многочисленны и разнообразны каменные сосуды, которые не исчезают и с появлением керамики. Из глины изготовлялись конусы и другие фишки, скорее всего предназначавшиеся для игр, а также разнообразные фигурки животных. Реалистичны и статуэтки, изображающие сидящих полных женщин с массивными бедрами.

Земледельческо-скотоводческий характер экономики обитателей горного поселения Джармо не вызывает сомнений. Здесь обнаружены зерна двух видов культивируемой пшеницы и одного вида ячменя. Имеются также дикорастущие сорта ячменя, гороха и чечевицы. К числу домашних животных относится коза, на поздних этапах — и свинья. Относительно постоянное получение продуктов питания обеспечивало общине Джармо устойчивую оседлость. В результате здесь образовались культурные слои семиметровой толщины.

Сравнительно небольшие поселки горных земледельцев и скотоводов располагались в зоне, где природная среда способствовала раннему переходу к новым формам хозяйства, но не обеспечивала их быстрый подъем. Так, наличие обширных зарослей дикорастущих злаков не стимулировало активных селекционных поисков новых пород.

Иной была ситуация на равнине, где находятся поселения с более выразительной культурой. Одним из таких поселений является Тель-Магзалия на севере Ирака, около Мосула (на Синдjarской равнине), открытое советской экспедицией. Культурные слои этого памятника имеют толщину почти 8 м. Глинобитные дома возводились на каменном фундаменте. В условиях равнинного рельефа оборона приобретала особое значение. Поэтому по-

Ритуальный каменный нож с ручкой в виде змеи. Чатал-Хююк

деление Тель-Магзалия окружено стеной, сложенной из массивных камней, оно имело башню и специально оформленные ворота. Таким образом, с наступлением земледельческой эпохи складывается особое ответвление строительного тела — первобытная фортификация.

Вместе с тем на Синджарской равнине скрещивались культурные традиции Востока и Запада. Это видно уже по материалам раннеземледельческого комплекса типа Умм-Дабегия — Тель-Сотго, отно-

как общую закономерность, но и как конкретно-исторический процесс. Так, в горных областях Западного Ирана открыты памятники, культура которых сильно отличается от Джармо. Таково, например, Ганджи-Депе, в 37 км от г. Керманшах, относящееся ко второй половине VIII — началу VII тыс. до н. э. Его жители уже перешли к прочной оседлости, о чем свидетельствует толщина культурных наслоений — 8 м. Из глины изготавливались фигурки людей, животных и своеобразная глиняная

сящегося к концу VII — началу VI тыс. до н. э. Глинобитные дома с алебастровыми полами отражают тенденцию к благоустройству, общую для всей эпохи в целом. Глиняная посуда весьма своеобразна. Она украшена несложной росписью

С налепками, нередко выполненными в виде фигур людей и животных. Эта необычная посуда заметно отличается от керамики культур как загросского, так и малоазийского ареала.

Переход к новым формам хозяйства, давшим столь значительный эффект, совершался в среде племенных групп с различными культурными традициями. С открытием все новых и новых памятников археологи получают возможность рассматривать это важнейшее событие в мировой истории не только

посуда, совсем не напоминающая керамику Джармо. Это были крупные сосуды для хранения и небольшие чаши коричневого цвета с простым углубленным орнаментом.

Иное направление культурного развития в VII—VI тыс. до н. э. устанавливается для Юго-Западного Ирана раскопками такого многослойного селения, как Али-Кош. Оно, как и Тель-Магзалия, расположено в подгорной полосе. Дома, начиная с самых нижних слоев, возводились из сырцового кирпича, и интерьер их нередко оживлялся окраской в красный цвет. Интересен процесс хозяйственной эволюции, рисующий постепенное изменение земледельческо-скотоводческой экономики, вырабатывающей формы, оптимальные для данной природной среды.

Раскрашенный орнамент на западной стене помещения VII. 21. Чатал-Хююк

Уже в нижних слоях наряду со сбором дикорастущих злаков практикуется выращивание окультуренных пород — пшеницы и ячменя, а также разведение коз. Земледелие постепенно вытесняет собирательство и становится поливным. На проведение каналов указывают изменения в флоре и появление массивных каменных мотыг.

Раннеземледельческие культуры Европы в свете новых открытий выглядят столь же древними, как и земледельческие центры Ближнего Востока. Правда, здесь пока не прослеживаются те этапы постепенного зарождения производства продуктов питания путем возделывания злаков и разведения домашнего скота, которые мы наблюдаем в Восточном Средиземноморье. Более того, есть основания полагать, что мелкий рогатый скот и ряд сортов пшеницы и ячменя попали на Балканы через посредство раннеземледельческих культур Малой Азии. Во всяком случае на юге Балкан уже в VI тыс. до н. э. представлены поселки оседлых земледельцев и скотоводов с глинобитными домами, как, например, Неа-Никомедия к западу от Фессалоник в Македонии и Караново в Южной Болгарии. Вещный мир раннеземледельческих балканских культур VI—IV тыс. до н. э. отличается особенным богатством орнаментированной керамики и выразительной терракотовой скульптуры. Балканский центр, безусловно, сыграл стимулирующую роль в распространении земледелия на Европейском материке. Но сам он в силу целого ряда причин в IV тыс. до н. э. испытывал значительный внутренний кризис и, кроме Крита и Пелопоннеса, здесь не происходило сложения цивилизации как закономерного результата экономической и культурной эволюции раннеземледельческих общин.

На территории СССР выделяются три центра ранних земледельческо-скотоводческих культур: юго-западный, охватывающий территорию Молдавии и юго-западной Украины, кавказский и среднеазиатский. Наряду с местными традициями в них прослеживается тесная связь с древнейшими центрами Пе-

редней Азии — северомесопотамским и частично, через балканское посредство, с малоазийским.

Тогда типичной оседлой земледельческой культурой Средней Азии являлась джейтунская охватывающая южные районы Туркменистана и частично север-восточного Ирана. Она относится к VI тыс. до н. э. и характеризует общество оседлых земледельцев-скотоводов. На полях, расположенных в нижнем течении подгорных рек и ручьев, высевали ячмень и два сорта пшеницы. Земледелие было едва ли не основным занятием джейтунцев. Во всяком случае в каждом доме имелись серпы с кремневыми вкладышами, число которых в отдельных поселениях составляло до 30—40% от общего числа найденных каменных и костяных орудий. К числу домашних животных относились козы, которым затем добавились овцы и крупный рогатый скот.

Дома джейтунских поселений имеют много общего с жилищами оседлых земледельцев Передней Азии. Квадратные в плане, они занимали от 14 до 40 кв. м. Каждому из них прилегли небольшой хозяйственный дворик и собственные постройки. Полы домов, как правило, покрывались известковой обмазкой и окрашивались в красный или черный цвет. В те же цвета порой красили и стены. Внутри дома находился крупный пристенный очаг.

В центре одного из джейтунских поселений — Песседжик-депе — раскопано строение, вдвое превышающее самые крупные дома. Его стены покрыты многоцветной росписью, изображающей копытных животных и животных из пород кошачьих, возможно барсов. Имеются и геометрические фигуры. Скорее всего это общинное святилище. К нему примыкали общинный двор и зернохранилище. Возможно, уже на этом этапе жречество начало выполнять функции хозяйственного руководства, и при святилище сосредоточивался резервный семенной фонд общины. Уступая по богатству Чата-Хююку, джейтунские поселения вместе с тем несут в себе те же

черты культурного развития, говорящие о росте благосостояния. Здесь встречаются многочисленные бусы и подвески в виде фигурок зверей, небольшие глиняные статуэтки животных и пышнотелых матрон. Правда, этап каменной и деревянной посуды остался позади — в быту широко распространена глиняная посуда, украшенная росписью, главным образом геометрическими мотивами. Традиции джейтунской культуры легли в основу дальнейшего развития раннеземледельческого общества юга Средней Азии. Порой

джейтунские памятники обнаруживают связи и с культурой Джармо.

Ряд раннеземледельческих комплексов открыт советскими археологами на Кавказе. Раскопки пещеры Чох в Дагестане показывают, что здесь уже в VII—VI тыс. до н. э. делались первые шаги по культивации местных злаков, урожаи которых убирали жатвенными ножами с кремневыми вкладышами. В VI—V тыс. до н. э. Центральное Закавказье по долине Кур было освоено оседлыми земледельцами и скотоводами, культура которых получила наименование Шому-тепе-Шулавери. Небольшие поселки состояли из глинобитных строений, как правило круглых. Эта архаическая традиция, закрепленная в сырцовой архитектуре, сохранялась в Закавказье на протяжении нескольких тысячелетий. Глиняная посуда отличается известным своеобразием: для орнаментации использовались небольшие налепы, реже — процарапанные линии. Иногда из южных областей поступали нарядные расписные сосуды. Из глины и камня изготовлялись фигурки животных и антропоморфные статуэтки. Постепенно стали изготовляться и медные изделия. Во всяком случае сейчас нет сомнений в том, что на Кавказе сложился самостоятельный очаг раннеземледельческих культур, хотя и отличающийся определенным архаизмом.

Открытия 70-х и начала 80-х гг. XX в. показали, что названные кардинальные перемены пусть в разной степени, но в сравнительно ранний период происходили также

в Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии.

Так, на северо-западной окраине Индо-Пакистанского субконтинента, в горных областях Белуджистана, было открыто поселение Мехргарх (VI тыс. до н. э.). На первых этапах здесь существовала экономика земледельцев и охотников, частично дополняемая собирательством дикорастущих злаков. Примечательно, что именно охота доставляла основную массу животного продукта. В числе добываемых животных были газель, ба-

Расписной антропоморфный сосуд, инкрустированный обсидианом. Хаджиляр. Около 5200 г. до н. э.

ран, козел, водный буйвол, онагр и даже слон. Возможно, первым прирученным животным, как почти и повсеместно, была коза. В слоях середины VI тыс. до н. э. уже представлены основные домашние животные — коза, овца и бык зебувидной породы. Жители Мехргарха обитали в прочных глинобитных домах. Открыты и крупные хранилища, возможно сосредоточивавшие зерно. Широко распространены бусы, изготовлявшиеся здесь же, в поселении, из полудрагоценных камней, например бирюзы, и из раковин. Среди последних имеются раковины, выловленные в Индийском океане и доставленные в Мехргарх. Глиняная посуда появляется сравнительно поздно, но, как и в Передней Азии, ее украшают красочные узоры.

По-новому приходится теперь рассматривать и историю племен, обитавших в VI—V тыс. до н. э. в долине Ганга. В это время здесь

существовали небольшие поселки охотников и собирателей, пользовавшихся кремневыми орудиями и изготовлявшими грубую глиняную посуду, украшенную рельефной орнаментацией. Но в глиняных черепках обнаружены отпечатки зерен культивируемого риса (встречаются наряду с дикорастущими сортами). В условиях специализированного собирательства, когда состоящие из хижин поселки располагались поблизости от затопляемых низменных участков с зарослями дикого риса, были сделаны первые шаги по разведению этой культуры на полях, созданных самой природой. Однако при низком уровне развития орудий труда и общественной организации сложное поливное земледелие, которое могло бы обеспечить высокие урожаи риса, не получило здесь развития. Хозяйственный комплекс племен долины Ганга VI—V тыс. до н. э. можно рассматривать как охотническо-собирательский с земледельческим укладом.

Видимо, в роли подобного хозяйственного уклада в рамках традиционной архаической экономики могло функционировать и древнейшее земледелие в Юго-Восточной Азии. Оно основывалось не на злаковых сортах, а на разведении растений так называемой полной вегетации. При раскопках «Пещеры Духов» в Таиланде в слоях X—VII тыс. до н. э. вместе с грубыми каменными орудиями обнаружены остатки растений, часть из которых имеет явные признаки искусственного возделывания. Это бобы, горох, слива, бетель, а позднее — фасоль, перец, огурцы и бутылочная тыква. Дикорастущие сорта преобладают, но налицо и начало domestikации.

Глубоким своеобразием отличается очаг раннего земледелия в среднем течении Хуанхэ, где в IV—III тыс. до н. э. процветали культуры ранних земледельцев, известные с 20-х гг. нашего столетия под общим наименованием «культура янпао». Благоустроенные каркасные дома, нарядная расписная керамика, разнообразные украшения свидетельствуют о новом образе жизни. Богатое многообразие

состава возделываемых культур, где главную роль играли просо и чумиза, свидетельствуют о самостоятельном развитии этого центра древнего земледелия. Сейчас открыты древнейшие этапы развития раннеземледельческих культур Китая, уходящие в VI—V тыс. до н. э. Истоки раннеземледельческой культуры были открыты и в Новом Свете. В доколумбовой Америке, как известно, две группы обществ достигли ступени цивилизации — Мезоамерике и древнем Перу, где империя инков была лишь наследием более ранних традиций. В обоих этих центрах теперь обнаружены последовательные этапы зарождения и развития раннеземледельческих обществ.

Уже в конце III—начале II тыс. до н. э. в Центральной Америке формируется ряд локальных групп раннеземледельческих общин, в рамках которых идет интенсивное развитие. Глиняная посуда становится совершеннее и разнообразнее, ее все чаще украшает орнаментация — прикладное искусство прочно входит в жизнь и быт ранних земледельцев Мезоамерик. Появляются глиняные статуэтки преимущественно воспроизводящие обнаженных женщин, чьи образы, как и в других раннеземледельческих центрах, были связаны с культом плодородия. Попадаются также фигурки, изображающие птиц и зверей. Художественная культура становится одним из важных достижений новой эпохи мезоамериканских цивилизаций.

Археологические исследования, проводившиеся в горных районах Перу начиная с конца 60-х гг. XX в., ясно показали, что и здесь сравнительно рано происходит постепенное становление земледельческой экономики и раннеземледельческого комплекса. Культурные наслоения в пещерах в районе Аякуча позволили проследить внедрение в быт возделываемых растений в VII—III тыс. до н. э.

Первоначально это были сорта, не имевшие существенного значения для пищевого рациона, — перуанское горлянковое дерево, плоды которого использовались в качестве сосисок, и кустарник, содержащий

красный пигмент, широко применяемый в быту. Речь может идти о своего рода технологическом «открытии земледелия», еще не игравшего существенной роли в пищевом балансе древнего населения. Но во второй половине VI тыс. до н. э. уже появляются растения, имеющие пищевое значение, в частности лебеда и съедобная тыква. Наконец, с конца V тыс. до н. э. начинает возделываться маис, который становится одной из основных культур земледелия Перу.

Исследования специалистов показали, что маис — это особый сорт кукурузы, распространённый именно в Перу и заметно отличающийся от растений, возделывавшихся мезоамериканскими земледельцами. Данный факт — важное свидетельство самостоятельного происхождения двух основных центров древнего земледелия в Новом Свете. Помимо кукурузы выращивались фасоль и хлопок. Видимо, горные племена разводили и лам, что служило важным подспорьем в экономике, но в отличие от Старого Света скотоводство не сыграло особенно существенной роли в хозяйственной и культурной эволюции местных обществ доколумбовой эпохи.

Даже из краткого обзора видно, сколь многообразным было движение человеческого общества по пути прогресса. Складывались различные хозяйственные системы, но это не заслоняет общих закономерностей развития. Переход к производству продуктов питания, и в первую очередь к земледелию, явился важным рубежом в истории человечества. Именно в зоне раннеземледельческих культур формируются и очаги первых цивилизаций, а многие успехи раннеземледельческих общин стали предвестниками достижений последующих эпох. В среде раннеземледельческих обществ создаются эффективные хозяйственные системы, обеспечивающие получение значительного прибавочного продукта. Такой системой было прежде всего орошаемое земледелие.

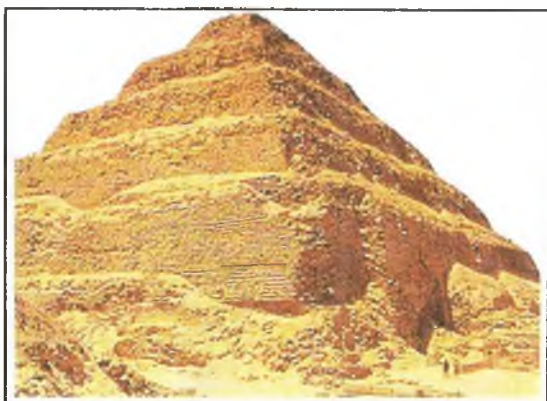
В областях, где развивалось искусственное орошение полей, наблюдался заметный культурный и

социальный прогресс. Земледельческий труд вообще и орошаемое земледелие в частности способствовали упрочению, развитию и укреплению такой формы социальной организации общества, как община. Вместе с тем усложнение социальной структуры, специализация деятельности, накопление богатств были предпосылками социальной и имущественной дифференциации. Для истории мировой культуры особенно важное значение имело интеллектуальное развитие, интенсивность которого с наступлением земледельческой эпохи резко возросла.

Однако отнюдь не повсеместно в зоне раннеземледельческих культур наблюдается прямой переход к следующему важнейшему рубежу мировой истории — цивилизации, тесно связанному с развитием раннеклассового общества и государства. Лишь в тех центрах, где продуктивность земледелия была особенно значительна, а темпы социального развития высоки, мы наблюдаем этот процесс. В аридной зоне высокоэффективной системой производства продуктов питания стало орошаемое земледелие, и мы видим, как с развитием ирригации происходит рождение цивилизации в долинах великих рек, прежде всего в Египте и Месопотамии. Сложные хозяйственные системы, крупные населенные центры, превращающиеся в города, требуют все большего развития управленческих функций. Появление социального неравенства, в первую очередь формирующегося института наследственных вождей — правителей и жрецов, необходимо вело к утверждению общественного неравенства, закреплённого и идеологическими и насильственными средствами. Прimitивное равенство раннеземледельческих общин, создавших выдающиеся произведения прикладного искусства и фактически начавших восхождение по ступеням цивилизации, сменяется неравноправием, утверждаемым в повседневной жизни и в погребальных обрядах. Сложный и противоречивый путь исторического прогресса подходит к новому качественному рубежу.

Ancient
Civilization
of Egypt

Д

*„Даром Нила“
называли
Египет
в древности*

древняя
цивилизация
Египта

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Одна из древнейших мировых цивилизаций зародилась в Северо-Восточной Африке, в долине Нила. Принято считать, что слово «Египет» происходит от древнегреческого «Айгюптос».

Оно возникло, вероятно, от Хет-ка-Птах — города, который греки впоследствии именовали Мемфисом. Сами же египтяне называли свою страну «Та Кемет» — Черная Земля — по цвету местной почвы.

По словам Геродота, Египет — дар Нила», ибо Нил был источником неиссякаемого плодородия, основой всей хозяйственной деятельности населения. В Египте и соседних с ним областях имелось почти все ему необходимое. Горы, замыкавшие Нильскую долину, были

богаты различными породами камня: гранитом, диоритом, базальтом, алебастром, известняком, песчаником. В самом Египте металлов не было, но они добывались в прилегающих областях: на Синайском п-ове — медь, в пустыне между Нилом и Красным морем — золото, на побережье Красного моря — цинк и свинец. Серебро и железо доставляли главным образом из Малой Азии.

Египет занимал выгодное географическое положение. Средиземное

море соединяло его с переднеазиатским побережьем, Кипром, островами Эгейского моря и материковой Грецией. Нил являлся важнейшей судоходной артерией, связывавшей Верхний и Нижний Египет и всю страну с Нубией, которую античные авторы именовали Эфиопией.

В эпоху, предшествовавшую образованию государства, Египет состоял из отдельных областей, в результате их объединения возникли два царства — Нижний и Верхний Египет. После долгой войны победу одержало Верхнеегипетское царство, произошло слияние обеих частей. Точная дата этого события неизвестна, но можно полагать, что около 3000 г. до н. э. в долине Нила уже существовало единое государство.

С именем царя Мина (греч. Менеса) — основателя I династии, тождественного, вероятно, Хору Аха, — связано начало летописной египетской традиции. Согласно преданию, сохранившемуся у Геродота, Мин основал столицу объединенного царства на стыке Верхнего и Нижнего Египта, воздвигнув илотины, чтобы защитить город от наводнения. Отсюда удобно было управлять и югом и севером страны. Этот город греки и называли впоследствии Мемфисом.

В эпоху Раннего царства (XXX—XXVIII вв. до н. э.) Египет управлялся двумя династиями, которые происходили из верхнеегипетского г. Тина (у Абидоса). Уже при царях I династии египтяне стали продвигаться за пределы своей страны: на юг — в Нубию, на запад — в Ливию, на восток — на Синайский п-ов. Фараон II династии Хасехем окончательно объединил страну в централизованное государство, подавив волнения на севере Египта.

Одной из важных функций царской власти была организация оросительной системы в Нильской долине и поддержание ее в порядке. Уже для Египта Раннего царства была характерна высокая продуктивность сельского хозяйства. Многочисленные винные сосуды, найденные в Нижнем Египте, свидетельствуют о процветании иску-

ства возделывания винограда. Египет был страной высокоразвитого скотоводства. Значительного прогресса достигло ткацкое ремесло. Началось изготовление папируса, предназначенного для письма. Его изобретение имело исключительное значение. Способствуя широкому распространению письменности, оно надолго пережило древнеегипетскую цивилизацию, оказав влияние на культуру более поздних эпох и став известным в греко-римском мире и в средневековой Европе.

В период Древнего царства (XXVIII—XXIII вв. до н. э.) Египет являлся крупным централизованным государством, распространявшим свое влияние на области Синайского п-ова, южную Палестину и Нубию.

Цари вели постоянные войны. Известно, например, что во время похода в Нубию основателя IV династии Снофру (XXVIII в. до н. э.) было уведено 7 тыс. пленных и 200 тыс. голов скота, а во время похода на ливийцев — 1100 человек. В период правления IV династии Египет стал полновластным обладателем района медных рудников на Синайском п-ове. В Нубию снаряжались торговые экспедиции за строительным камнем, слоновой костью, акацией и эбеновым деревом (оно доставлялось в Нубию из глубинных районов Африки), за драгоценными камнями, ладаном,

Стела царя Хора
Уаджи из Абидоса.
I династия

Пирамида Джосера
в Саккара. Зодчий
Имхотеп.
III династия

шкурами пантер и экзотическими животными. Из Пунта везли благовонные смолы и «светлое золото». Из финикийского Библа в Египет шел строевой лес — кедровое дерево.

В руках царя была сосредоточена огромная власть, основой которого являлись обширный земельный фонд, большие ресурсы рабочей силы и продуктов питания. Государство приобретало черты централизованной деспотии, опиравшейся на разветвленный бюрократический аппарат. Первым лицом на

риученных животных пустынь: антилоп, козрогов и газелей. Главным богатством Верхнего Египта было зерно, прежде всего ячмень и пшеница двузернянка (эммер). Часть его по Нилу доставлялась на север. Таким образом, Южный и Северный Египет дополняли друг друга.

Периоду Древнего царства свойствен стремительный рост каменного строительства, кульминационным моментом которого явилось возведение царских усыпальниц — огромных пирамид с поминальными

иерархической лестнице после фараона был верховный сановник, он же — главный судья, совмещавший целый ряд государственных должностей и управлявший многими отраслями хозяйства. При наличии царского, храмового и частного хозяйств определяющую роль в экономике страны, особенно при V—VI династиях, играло вельможеское хозяйство, где была занята, видимо, подавляющая часть трудового населения.

В эпоху Древнего царства дальнейшее развитие, особенно в Нижнем Египте, получили садоводство, огородничество, виноградарство. Египтянам принадлежит честь открытия пчеловодства. Пастбища Дельты давали широкие возможности для развития животноводства. Его характерная черта — содержание в стаде вместе с домашним скотом полностью или полу-

храмами и «городами» вельможеских гробниц. Со строительством пирамиды царя Джосера (III династия), осуществлявшимся в основном с помощью медных орудий, Египет окончательно вступил в медный век. Но каменными орудиями продолжали пользоваться и впоследствии.

В конце V династии власть фараонов стала ослабевать. В то же время укреплялись позиции номовой знати. Истощенный строительством пирамид, раздираемый социальными противоречиями, к концу правления VI династии Египет стал распадаться на полузависимые номы. 70 мемфисских царей следующей, VII династии, по преданию, сохранившемуся у Манефона, правили всего 70 дней. С середины XXIII в. до н. э. начался период упадка Египта, его внутренней раздробленности.

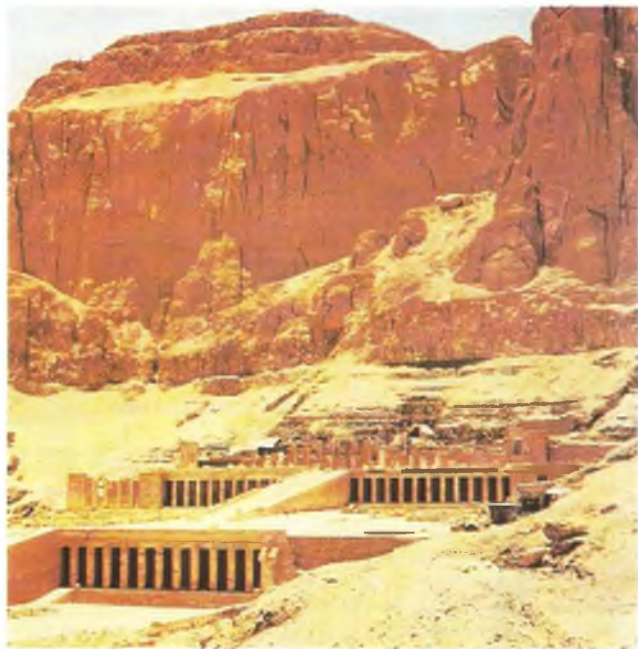
К исходу III тыс. до н. э. хозяйственное положение Египта требовало объединения страны; во время смут оросительная сеть пришла в запустение, население часто страдало от жестокого голода. В это время на египетский престол претендовали два объединительных центра. Одним из них был Гераклеополь, расположенный на севере страны, в плодородной низменности недалеко от Фаюмского оазиса, на западном берегу Нила. Номарх Гераклеополя Хети I (Ахтой) подчинил своей власти правителей

Северную Нубию. При Аменемхете I, родоначальнике династии, возводятся крепость на западной границе Египта. В царствование Сенусерта III был сооружен ряд крепостей в Верхней и Нижней Нубии. Сенусерт III почитался в Нубии в качестве бога-покровителя. Овечьная легендой и соединенная с образами великих фараонов-воителей Нового царства память об этом царе жила на протяжении многих столетий и легла в основу сказаний о «Сесострисе».

В эпоху Среднего царства по-прежнему сильны были позиции номовой знати. Но все большее значение приобретают люди незнатного происхождения. Важнейшую опору царской власти составляло приближенное войнство. Главными создателями материального богатства страны, лишенными прав собственности на орудия и средства производства, являлись «хемуу нисут» — царские хемуу, труд которых использовался в царском, храмовом и частном хозяйстве. Рабы — «баку», известные еще в эпоху Древнего царства, — в отличие от «хемуу нисут» составляли часть личного имущества собственника и могли быть куплены и проданы.

В период Среднего царства продолжают совершенствоваться орудия труда: наряду с каменными и медными теперь все чаще используются орудия из бронзы. Интенсивно разрабатывались залежи меди на Синае, золотые и медные рудники Северной Нубии. Возникло производство стекла. Значительное развитие получило земледелие, чему способствовало создание большого водохранилища, соединенного каналом с Нилом, и разветвленной сети оросительной системы в Фаюмском оазисе. С появлением множества мелких и средних хозяйств были созданы условия для более широкого обмена.

На рубеже XVIII—XVII вв. до н. э. Египет, вновь впавший в состояние раздробленности, оказался легкой добычей гиксосов, вторгшихся из Азии через восточную Дельту. Их владычество длилось 100—150 лет, и предание о нем как

Заупокойный храм Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри. Зодчий Сенмут. XVIII династия

близлежащих областей, ведя одновременно борьбу с азиатскими кочевниками. Правителями всего Египта стремились также стать номархи Фив. Победителями вышли фиванские правители, и при Ментухотепе I страна была объединена. На одном из дошедших до наших дней рельефов этот правитель изображен покорителем египтян, нубийцев, азиатов и ливийцев. Но достигнутое единство еще не было прочным.

Расцвет Среднего царства (XIII—XVIII вв. до н. э.) относится к правлению XII династии. В это время египтяне вели войны с соседними ливийскими и переднеазиатскими племенами, покорили

о страшном времени жило на протяжении всей древней истории Египта. Гиксосы не были сплочены и не смогли образовать единую державу. Правители Фив, оставаясь относительно независимыми, возглавили борьбу против завоевателей.

Яхмос I, ставший родоначальником XVIII династии, овладел крепостью гиксосов Аварисом на северо-востоке Дельты и довел борьбу с завоевателями до победного конца.

Так началась эпоха Нового царства (1580—1085 гг. до н. э.), время правления XVIII—XX династий, при которых Египет занял ведущее положение в Восточном Средиземноморье.

При фараоне Тутмосе I (вторая половина XVI в. до н. э.) Египет превратился в мощную державу, южная граница которой продвинулась за третий порог Нила. Тутмос I совершил поход к Евфрату и разгромил в Северной Месопотамии государство Митанни.

После правления его наследника Тутмоса II престол захватила Хатшепсут, сохранившая первоначально номинальным правителем малолетнего царя, своего пасынка, Тутмоса III, но впоследствии открыто объявившая себя фараоном. Придя к власти, Тутмос III стремился вы-

травить всякое напоминание о Хатшепсут, уничтожая ее изображения и даже имя. Он совершил много походов в Сирию и Палестину, и его империя стала простирается от четвертого порога Нила до северной окраины Сирии.

На первую половину XIV в. до н. э. приходится царствование

Аменхотепа IV (Эхнатона), с именем которого связана важнейшая религиозная реформа. При двух преемниках Аменхотепа IV начался отход от его политики. Семнех-кере восстановил культ Амона, при следующем фараоне — Тутанхамоне — утвержденный царем-реформатором культ Атона лишился государственной поддержки.

При Рамсесе I (XIX династия) начались длительные войны с хеттами за господство в Сирии. В царствование Рамсеса II произошла знаменитая битва с хеттами под стенами сирийского города Каде-

та, в которой с каждой стороны участвовало до 20 тыс. человек. В своем описании этой битвы Рамсес утверждает, что именно он одержал победу. Но известно, что египтяне не сумели взять Кадеш и хетты под предводительством царя Муваталлиса преследовали их при отступлении. Длительная война завершилась на 21-м году правления Рамсеса II мирным договором с хеттским царем Хаттусилисом III. Оригинал договора был записан на серебряных табличках, но сохранились лишь его копии на египетском

Аменхотеп IV (Эхнатон). Голова статуи из храма Атона в Карнаке. XVIII династия

и хеттском языках. Несмотря на силу египетского оружия, Рамсесу II не удалось восстановить границы империи фараонов XVIII династии.

При наследнике Рамсеса II, его тринадцатом сыне Мернептахе, и при Рамсесе III, сыне основателя XX династии Сетнахта, на Египет обрушились волны завоевателей — «народов моря» и ливийских племен. С трудом отразив натиск врага, страна оказалась на пороге

серьезных потрясении, которые во внутриполитической жизни проявились в частой смене правителей, мятежах и заговорах, в усилении позиций номовой знати (особенно в Фиваиде, на юге Египта), тесно связанной со жреческими кругами, а в сфере внешней политики — в постепенном падении военного престижа Египта и в утрате им своих иноземных владений.

Эпоха Нового царства была для Египта временем не только территориальной экспансии, но и бурного экономического развития, сти-

было известно в Египте и раньше. Но даже в конце XVIII династии оно продолжало считаться едва ли не драгоценностью. И только в VII—VI вв. до н. э. орудия труда в Египте начали повсеместно изготавливать из железа, что имело исключительно важное значение для экономического прогресса.

В эпоху Нового царства стало широко употребляться усовершенствованная соха, ножные мехи металлургии, вертикальный ткацкий станок. Развивается не известное египтянам прежде коневодство, обслуживающее египетское войско с его боевыми колесницами. От царствования Аменхотепа IV до нас дошло первое изображение водоподъемного сооружения — шадуфа. Его изобретение имело огромное значение для развития садоводства и огородничества на высоких полях. Делаются попытки выращивания новых сортов деревьев, вывезенных из Азии (гранатовое, оливковое, персиковое, яблоня, миндаль, вишня и др.) или из Пунта (мирровое дерево). Интенсивно развивается производство стекла. Непревзойденного совершенства достигает искусство мумификации. Все большее значение получает внутренняя торговля. Международная же торговля, для развития которой в Египте эпохи завоеваний не было стимула, ибо все необходимое для себя он получал в виде добычи и дани, приобретает определенное значение только во второй половине Нового царства.

В период Нового царства отмечено широкое применение труда рабов, прежде всего в царском и храмовом хозяйствах (хотя рабы обслуживали и частные владения). Так, в течение своего 30-летнего правления Рамсес III подарил царям Сирии, Палестины и более 1 млн сечат (греч. «арур»; 1 арур = 0,2 га) пахотной земли. Но основным производителем материальных благ по-прежнему оставалось трудовое население Египта, опутанное всевозможными видами повинностей.

К началу XI в. до н. э. в Египте образовались два царства: Нижне-

Гипостильный зал
храма Амона.
Карнак.
XIX династия

мулированного притоком в страну огромного количества сырья, скота, золота, всевозможной дани и рабочей силы в виде пленных.

С XVIII династии начинают широко применяться орудия из бронзы. Но из-за дороговизны меди еще продолжают пользоваться и каменными орудиями. От этой эпохи сохранилось некоторое количество железных изделий. Железо

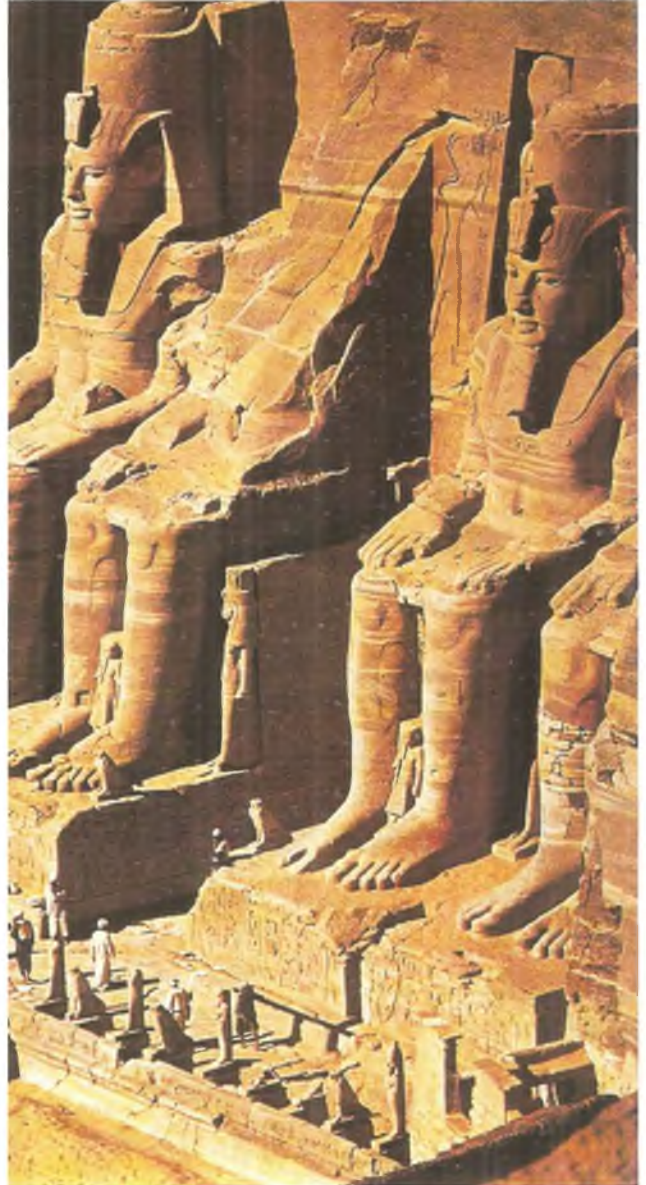
*Колессы Рамсеса II.
Скальный храм
в Абу-Симбеле.
XIX династия*

египетское с центром в Танисе, на северо-востоке Дельты, и Верхне-египетское со столицей в Фивах. К этому времени Сирия, Финикия и Палестина уже вышли из-под египетского влияния, северная половина Египта была наводнена ливийскими военными поселенцами во главе с вождями, находившимися в союзе с местной египетской властью. Один из ливийских военачальников, Шешонк I (950—920 гг. до н. э.), основал XXII династию. Но его власть, как и власть его преемников, не была прочной, и при ливийских фараонах (IX—VIII вв. до н. э.) Нижний Египет распался на ряд отдельных областей.

В конце VIII в. до н. э. нубийский царь Пианхи захватил значительную часть Верхнего Египта, в том числе и Фивы. Местное влиятельное жречество оказало поддержку завоевателям, надеясь с их помощью вернуть себе господствующее положение. Но правитель Саиса в Нижнем Египте Тefнахт, опиравшийся на ливийцев, сумел возглавить борьбу с нашествием. Против нубийцев выступил и Мемфис.

Однако они в трех битвах разгромили войско Тefнахта и, продвигаясь на север, дошли до Мемфиса, взяв город приступом. Тefнахт вынужден был сдаться на милость победителей. Следующий нубийский царь, властвовавший над Египтом, был Шабака. По преданию, сохранившемуся у Манефона, он захватил в плен нижеегипетского фараона Бокхориса и заживо сжег его. В 671 г. до н. э. ассирийский царь Асархаддон разгромил

войско нубийского фараона Тахарки и захватил Мемфис.

Освобождение Египта и его объединение осуществил основатель XXVI (саисской) династии Псамметих I. Следующий фараон, Нехо II, стремился установить свое господство в Сирии. В 608 г. до н. э. иудейский царь Иосия преградил египетскому войску дорогу у Мегиддо (город на севере Палестины), но был смертельно ранен. После этого Иудея стала платить большую дань золотом и серебром египетскому царю. Власть египтян над Сирией и Палестиной длилась три года, и в 605 г. до н. э. египетское войско было оттеснено к своей границе вавилонянами. При Априи (589—570 гг. до н. э.), одним из преемников Псамметиха I, Египет поддерживал Иудею в борьбе с Вавилонией. Априй одержал победу над флотом Сидона — одного из крупнейших финикийских городов. В 586 г. до н. э. египетское войско появилось под стенами Иерусалима, но вскоре потерпело поражение от вавилонян.

К тому времени к западу от Египта, на ливийском берегу Сре-

диземного моря, эллины создали свое государство — Кирену. Априй решил подчинить его себе и послал против него значительные военные силы, но они были разгромлены греками. В египетском войске вспыхнул мятеж против Априя, и на престол был возведен Амасис (570—526 гг. до н. э.).

В 525 г. до н. э. в битве у Пелузия персидское войско во главе с царем Камбизом нанесло поражение египтянам. Затем Камбиз был провозглашен царем Египта (XXVII династия). Чтобы придать захвату Египта законный характер, создавались легенды о матримониальных связях персидских царей с египетскими царевнами и о рождении Камбиза от брака его отца Кира с Нитетис, дочерью фараона Априя.

Египет несколько раз добивался независимости от персидских владык (XXVIII—XXX династии), пока не был завоеван в 332 г. до н. э. Александром Македонским, в котором египтяне первоначально видели освободителя от гнета персов. Время Египта фараонов истекло. Началась эпоха эллинизма.

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Если можно очертить временные границы существования древнеегипетской цивилизации, то неизмеримо труднее определить рамки древнеегипетской культуры. Специфические черты ее формировались и до образования египетского государства, возникшего ранее воцарения I династии, и продолжали существовать после утраты Египтом независимости, во времена владычества Лагидов, в римско-византийский период. 394 годом н. э. датируется последняя иероглифическая надпись. В восприятии последующих поколений египетская иероглифика становится лишь языком мистических символов. В V в. н. э. исчезает демотическое письмо. В 535 г. н. э., при Юстиниане, прекратил свое существование храм Исиды на о-ве Филэ — последний оплот древнеегипетского язычества. Египет древний превратился в миф. В конце XIX в. стал мертвым языком коптский — на-

следник древнеегипетского языка, удержавшийся ныне только в богослужении коптов (бохайрский диалект). Закат цивилизации Древнего Египта не означал бесследного исчезновения культуры его народа. Трансформируясь и переплавляясь в иные формы, многие ее элементы смогли сохраниться до наших дней, став одним из важнейших компонентов не только культуры современного Египта, но и культуры мировой.

* * *

Истоки египетской культуры теряются в глубокой древности. Обнаруженная в 1894—1895 гг. английскими учеными Фл. Питри и Дж. Квибеллом в Верхнем Египте (Нагада) доисторическая культура Египта была на первый взгляд настолько не схожа с культурой фараоновских времен, что ее поспешили объявить неегипетской. Так было положено начало последу-

ющим многочисленным теориям иноземного происхождения цивилизации Египта, объяснявшим любые изменения в египетской культуре миграциями или влияниями извне. Дальнейшее исследование первобытных культур Египта поставило вопрос об автохтонных, африканских корнях египетской цивилизации. При этом большое значение придавалось связям этих культур с сахарско-суданским культурным ареалом.

Африканская по происхождению древнеегипетская культура не сразу обрела свое лицо. Только по мере приближения к династическому Египту этническое и культурное своеобразие жителей долины Нила проявляется все более заметно.

С постепенным переходом к ирригационному земледелию и скотоводству и с отступлением охоты на второй план поселения в долине Нила становятся более постоянными и долговременными, этнический состав — более стабильным. Хозяйственная и этническая стабильность — одно из важнейших условий вызревания прочной культурной традиции, которая в соответствующих условиях дала тот неожиданный «взрыв», благодаря которому Египет переступил грань доистории. Только многовековое накопление элементов египетской цивилизации — в сфере материальной (постепенный переход к изготовлению медных орудий, совершенствование системы ирригационного земледелия, развитие скотоводства, ремесла, обмена), в сфере социальной (возникновение имущественной дифференциации и социальной иерархии, появление городского населения), в сфере духовной (развитие заупокойных представлений, культа обожествленного правителя, солярного культа, сложение специфически египетских черт искусства) — и, наконец, появление иероглифического письма, восходящего к пиктографии, позволили египетской культуре проявить свой характер, уже не столько африканский, сколько именно египетский, и эта кристаллизация приходится на сравнительно небольшой отрезок истории — конец додинастического («протодинастического») периода

(3300—3000 гг. до н. э.) и Раннее царство — время возникновения и сложения единого египетского государства.

Именно в этот период, унаследовавший многое от более ранних эпох: каменные орудия, культурную обособленность составляющих Египет областей с их пестрым сонмом богов, магию, почитание животных, растений, сакральных предметов и т. д. — выявляется целый ряд особенностей египетской культуры, которые сохраняются до конца эпохи фараонов. И одной

из наиболее ярких ее черт стало причудливое сочетание «первобытности» со сложным и зрелым мировосприятием, отличающим высоко развитую цивилизацию.

Тогда же возникают все виды знаков египетского письма, складывается система счета, появляется первый свиток папируса и, возможно, делаются первые попытки мумификации, оформляется строгий канон египетского искусства, столь ему свойственный впоследствии, начинают возводиться монументальные сооружения — гробницы-мастабы — и создаются первые характерно статичные статуи официальных лиц.

В «протодинастический» период уже закладывается восходящий к более отдаленному времени свойственный Египту дуализм государственности, в основе которого, согласно наиболее распространенной точке зрения, — сосуществование двух царств — Юга и Севера — до

Статуя жреца.
Фивы.
XXV династия

их объединения Югом, а также своеобразие экономическое, географическое и, возможно, культурное и этническое. В эпоху Раннего царства формируются характерные черты сакральной египетской монархии, где царь, божественный «владыка Обеих Земель», носитель двойной короны Египта, предстает как воплощение бога Хора. Тогда же впервые складывается царская титулатура из четырех имен: «имя Хора», связанное с представлениями о Ка — божественном образе царя; «имя Обеих Владычиц» — богини Юга Нехбет и Севера — Уаджит, олицетворенных в двойной красно-белой египетской короне; «золотое имя», символизировавшее божественную плоть царя; титул царя Верхнего и Нижнего Египта, предшествующий его личному имени. Возводятся первые дворцы и храмы, появляются антропоморфные боги, и Хор становится великим богом — покровителем единого египетского царства.

***

За несколько столетий, отделяющих эпоху Древнего царства от времени возникновения в долине Нила двуединого государства, египетская культура не только успела приобрести свой неповторимый облик, но и неизмеримо возвысилась среди родственных ей культур соседних африканских народов.

От первых незамысловатых полунадписей-полурисунков, запечатленных на булаве царя Скорпиона или на знаменитой Палетке «Нармера» — своеобразных царских манифестах, где само изображение царя, повергающего жалкого врага, красноречивее всяких слов, и от первых лаконичных надписей с царскими титулами — до пространных и обстоятельных декретов царей; от первых упоминаний имени усопшего и предназначенных для него жертвенных даров — до развернутых биографических надписей вельмож и сложных религиозных текстов, в которых запечатлена работа мысли ряда жреческих школ («Тексты пирамид», «Мемфисский богословский трактат»); от первых кирпичных мастаб — к величественным каменным соору-

жениям: пирамиде Джосера, огромному надгробию в Медуме, Красной и Надломленной пирамидам Снофру в Дашуре и от них — к классическим пирамидам в Гизе царей IV династии Хуфу, Хафра и Менкаура; от скромных архаических святилищ богов — к храмовым комплексам V династии, посвященным Солнцу, с открытыми дворами и молельнями, со стройными каменными обелисками — символами восходящего светила; от первых схематических изображений на палетках, стелах и ремесленных изделиях — до многосюжетных высокохудожественных композиций на стенах гробниц Ти, Мерерука в Саккара (V, VI династии); от несовершенных и условных первых культовых статуй умершего — до полного неповторимого, сугубо египетского своеобразия статуи-портретов царевича Рахотепа и его жены Нюфрет, Луврского писца, вельмож Хемимуна и Каопера («Сельский староста») и символических царских портретов (Менкаура с богинями, Хафра, осененный Хором, огромный каменный Сфинкс) — таковы лишь некоторые вехи эволюции египетской культуры в течение нескольких долгих веков.

Этой эволюции сопутствовали значительные внутренние изменения, выдвинувшие Египет в ряд великих древневосточных цивилизаций. Эпоха Древнего царства воспринималась самими египтянами как время могущественных царей и несравненных великих мудрецов — полубога Имхотепа и Джедефхора. Кагемни и Птаххотепа, как золотой век египетской культуры.

Свою цивилизацию египтяне изначально считали созданной богами. Согласно хронологии Манефона, основанной на священных текстах, до земных царей Египтом правили боги, затем — полубоги. В «Мемфисском богословском трактате», творении жрецов Птаха, восходящем к эпохе Древнего царства, сказано: «Умиротворился Птах, создав все вещи и божественные слова. Он породил богов, создал города, основал номы, поместил богов в их святилища, учредил их жертвоприношения, основал их

храмы, сотворил их тела ради умиротворения их сердец».

Существование государства не мыслилось египтянами без Маат — божественного Порядка и Истины. Боги-творцы уничтожают изначальный хаос, и в созданном ими человеческом обществе выступают в роли восстановителей всеобщей гармонии Маат. Подобно богам, царь также должен стремиться «утвердить Маат на месте беспорядка» («Тексты пирамид»).

Порядок часто понимался как правопорядок, справедливость; боги и цари — как владыки и учредители законов. Не случайно египетские визири начиная с эпохи Древнего царства выступают в роли жрецов истины, что соответствовало их судейским обязанностям. Понятие «Маат» становится центральным в египетской этике. Одно из древнейших известных нам поучений — «Премудрость Птаххотепа» (V династия) — провозглашает Маат принципом, на котором строятся правильные человеческие взаимоотношения: «Велика справедливость, и превосходство (ее) непоколебимо. Неизменна (она) со времен Осириса, и карают преступающего законы».

Боги для древних египтян — не только творцы городов, номов, правителей, собственного культа, порядка и закона, но и создатели ремесел и искусств, письма и счета, науки и магии. Иероглифическое, т. е. священное, письмо понималось как «слово бога», и важнейшая роль здесь принадлежала богу мудрости Тоту — Владыке слова бога, создателю письменности, покровителю литературы и писцов. Его называли также Владыкой счета и Исчислителем лет, он был покровителем лекарей и магов. Ему приписывали силу даровать жизнь богам и людям с помощью магических заклинаний. Согласно преданию, некоторые важнейшие ритуально-магические тексты были найдены у подножия статуи этого бога в Гермополе (древнеегипетском Шмуну) еще в эпоху Древнего царства. С Тотом часто ассоциировались богини Маат и Сепат, ведавшая счетом, письмом, составлением летописей и строительством.

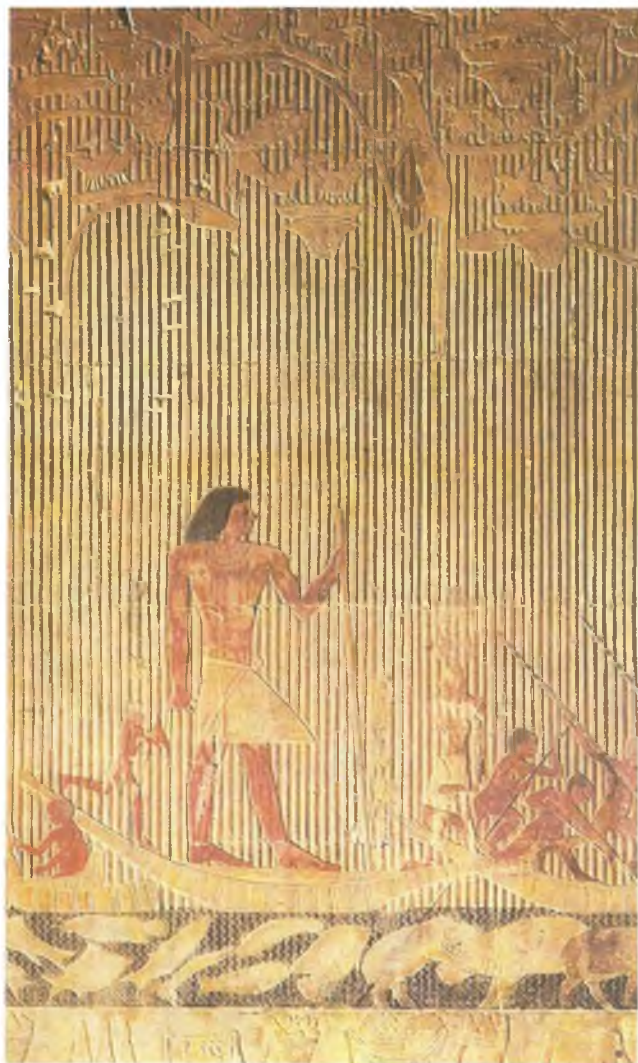
Патрон древнейшего центра египетского художественного творчества Птах считался творцом искусств и ремесел.

Роль храмов в духовной жизни эпохи Древнего царства несомненно была велика. Уже тогда, вероятно, в тесной связи с ними возникали особые скриптории — «дома жизни», где составлялись религиозно-магические, литературные, медицинские и другие тексты. Здесь находились библиотеки, архивы, велись записи по годам правления царей, на основе которых составляли летописи. Игравшие важнейшую роль в сохранении и передаче письменной культуры «дома жизни», согласно египетской

46/47

*Древняя
цивилизация
Египта*

Охота на гиппопотамов. Гробница вельможи Тн в Саккара. V династия

традиции, были созданы богами или пользовались их особым покровительством.

Максимальное единство сакральной культуры Древнего царства, по-видимому, приходится на время правления царей III—IV династий, период наивысшей централизации государства, внешним выражением которой явилось строительство пирамид.

Сооружение этих гигантских усыпальниц — яркое свидетельство того, сколь велика была в Египте вера в особую божественную силу царя, распространявшуюся на подданных и после его смерти. Бог Благой (или Добрый) при жизни, бог Великий посмертно, царь являлся средоточием религиозной жизни, и от его земного благополучия и загробного блаженства, по представлениям египтян, зависела судьба страны.

На закате египетской цивилизации великие пирамиды вызвали у греков и римлян не только восхищение как создания человеческих рук, одно из семи чудес света, но и чувство негодования (усвоенное европейской традицией вплоть до французских просветителей), ибо воспринимались они и как символы жестокости и деспотизма царей, обрекших народ на неисчислимые страдания. Вполне вероятно, что в результате этого непомерного строительства могла быть пробита брешь в абсолютной вере египтян в авторитет обожествленных правителей. Царям пришлось изыскивать иные средства и для обеспечения своего посмертного существования, и для укрепления несколько поколебавшегося земного основания их власти. Размеры пирамид со временем уменьшаются. В конце V династии в пирамиде царя Унаса впервые высекаются формулы царского заупокойного ритуала и связанных с ним представлений — «Тексты пирамид», пронизанные идеей бессмертия и могущества царя, полагающегося теперь на вечность слова, запечатленного в камне.

Центральное место в «Текстах пирамид» занимает гелиопольская теология, которая ко времени воцарения V династии стала общегосу-

дарственной и тесно срослась с сакрализованным культом царя. О значимости почитания Солнца (Ра) в связи с обожествленной царской особой ранее этого периода можно судить по тому, какое место отводилось имени Ра и связанным с ним представлениям в титулатуре и именах царей. Уже в «золотом имени» Джосера понятия «золото» и «Солнце» слились в нерасторжимом единстве («Солнце в золоте»). Сын Хуфу — Джебедра величает себя «сыном Ра».

Таким образом, «солнечное имя» вторгается в царскую титулатуру, окончательно придав ей вид пятичленного имени. Если раньше «Ра» лишь изредка встречалось в составе царских имен, то со времени преемников Хуфу это постоянное явление. О первых трех царях V династии сохранилось предание как о «детях Ра, владыки Сахебу». рожденных женой жреца Ра (папирус Весткар).

С периода VI династии все более заметной в религиозной жизни страны становится роль Абидоса, на многие века прославившего важнейшим культовым центром Египта, где почитался Осирис. Отныне здесь стремятся построить себе гробницу или поставить поминальную плиту, приобщившись таким образом благодати бога. Во владениях Осйриса в Абидосе соорудил себе усыпальницу и знаменитый своими многочисленными путешествиями в далекие страны сановник Уна, дабы быть «чтимым Осирисом». С этим богом, умершим и затем возрожденным к новой жизни, соединялись надежды на бессмертие. «Если жив он (Осирис), будет жить и (царь) Унас; если не умер он (Осирис), не умрет и Унас», — говорится в «Текстах пирамид».

Из более поздних заупокойных текстов Осирис известен как царь загробного мира, вершитель посмертной судьбы каждого египтянина на суде богов. С образом Осириса связывались понятия о справедливости еще в период V династии. Тогда же заметным становится рост этического элемента в общем контексте религиозной культуры Египта. Поступки и заслуги в зем-

ной жизни, как свидетельствуют «идеальные» биографии вельмож периода V—VI династий, уже могут оцениваться как угодные царю и богам и в этом мире, и в загробной жизни. В гробничных надписях появляются уверения в том, что умерший был «любим своим отцом и хвалим своей матерью», что он подавал хлеб и одежды нуждающемуся. «Я—тот, кто говорит благое и сообщает желаемое. Никогда не говорил я дурного властелину против каких-либо людей, ибо хотел я, чтобы было мне хорошо пред Богом Великим»,—повествуют о себе вельможи Хуфхор и Пепинахт.

В период создания единого государства упорядочиваются культы многочисленных богов Египта и связанные с ними религиозно-мифологические представления. Идея единовластия привела к возвышению культов богов крупнейших религиозных и политических центров, вокруг которых формировались основные теологические концепции: гелиопольская, мемфисская, гермопольская.

Взаимодействие различных жреческих школ на ранних этапах египетского государства было, видимо, интенсивным. Тексты из пирамиды царя Унаса запечатлели не только слияние осирического мифа и гермопольских жреческих построений с гелиопольской теологией, но и соединение в одной системе богов гермопольского учения и богов фиванских, еще не игравших тогда заметной роли в религиозной жизни страны.

Истоки солярного монотеизма, столь характерного для египетской религии, также, вероятно, следует искать в довольно раннем периоде. По крайней мере в эпоху V династии Ра в «Текстах пирамид» уже фигурирует как единый бог в разных ипостасях—Ра-Атум, Атум-Хепра-Ра, Ра-Хорахте и т. д. На фоне преобладающего на всем протяжении египетской истории политеизма—наследия ранних эпох—возникают такие сложные теологические концепции, как, например, мемфисская, свидетельствующая об особой глубине ума, сумевшего подняться над путаницей политеистических представлений, воспри-

няв всех богов как эманации единого Птаха, создавшего мир силой своего слова, замысленного «сердцем».

* * *

«Что станется с этой страной, когда скроется солнце и не будет больше сиять, дабы могли видеть люди? Не будут жить, сокрытые тучами, и все оцепенеет, лишившись его... Обмелеет река Египта, и смогут пересечь воды вброд... Южный ветер одолеет северный, и не будет в небесах ни единого дуновения... Придут враги с Востока, спустятся азиаты в Египет... И будет страна в смятении, не зная, что станется с ней... Я покажу тебе сына врагом, и брата недругом, и человека, убивающего своего отца. Все уста будут молить о сострадании, но исчезнет все благое, и погибнет страна...»

Этот образ бедствия, воспринимаемого как конец мира,—реминисценция небывалого мятежа, завершившего эпоху Древнего царства. Его описание вкладывается в уста великого мудреца древности Неферти как пророчество царю Снофру, во время которого еще ничто не предвещало грядущих испытаний. Подобная картина, но уже не как обобщенное, схематизированное пророчество, а как потрясающий своей исторической достоверностью документ, сохранилась в знаменитых «Речениях Ипувера», несомненно очевидца междоусобицы, который тяжело переживает упадок страны и торжество простолитинов над знатью и царем.

«Маат изгнана, в Зале Совета—ложь. Нарушены предначертания богов, и пренебрегают их заповедями. Страна пребывает в бедствии. Повсюду стенания. Города и области в скорби. Всякое лицо подобно (другому) во зле, и нет (более) почтительности. Нарушен покой (даже) владык молчания»,—как бы вторит словам Ипувера гелиопольский жрец Хахаперрасенеб (Анху), также, очевидно, современник смут, писания которого на многие столетия пережили его самого.

Братоубийственная вражда, распад государства, голод и лишения, рост значения местных центров и

их правителей, все более узурпирующих царские привилегии, усиление позиций средних слоев населения — все это не могло не сказаться на общем состоянии египетской культуры. «Подобно гончарному кругу», в этот период «повернулась» не только страна, но и само мировосприятие египтян, поставленных перед целым рядом социально-политических, религиозных и нравственных проблем. Но даже во времена упадка не были утрачены культурные ценности, созданные в эпоху Древнего царства.

От времени смут не сохранилось выдающихся памятников искусства, переживавшего тогда застой. Но в этот же период или непосредственно после него, в эпоху Среднего царства, появились такие глубокие сочинения, как «Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара» и «Спор Человека и Ба».

«Поучение гераклеопольского царя» — первое известное нам дидактическое сочинение, составленное от имени царя. В «Поучении» особый акцент делается на нравственные основы власти. Призывая Мерикара с беспощадностью относиться к мятежникам и остерегаться черни, гераклеопольский царь в то же время советует приближать к себе человека за его заслуги, не наказывать несправедливо и творить Маат, заботиться не только о своих вельможах, но и обо всех подданных, ибо все люди — «стадо бога», они — «подобия, вышедшие из его плоти». Увещевая сына следовать мудрым писаниям предков, он говорит об особой ответственности, которую налагает на царя его сан, и указывает ему, что именно благие поступки правителя — лучшая память о нем среди людей и залог оправдания на суде богов в загробном царстве, где добродетель ценится выше, чем пожертвованный «бык злодея». Так впервые идея загробного воздаяния, которая, по всей видимости, уже существовала во второй половине Древнего царства, приобретает для нас отчетливые очертания, свидетельствуя об углублении нравственных исканий.

Многочисленные намеки на эту

идею содержатся в новых заупокойных текстах («Тексты саркофагов»), призванных обеспечить их обладателям бессмертие. Линия преемственности этой идеи тянется далее, в новоегипетскую заупокойную литературу, где она предстает уже окончательно сложившейся, — в знаменитую 125-ю главу «Книги мертвых». Но здесь, как и в «Текстах саркофагов», этический момент кажется растворенным в магических формулах, без помощи которых, видимо, не до конца можно надеяться на загробное спасение. Магия сильнее любого оружия в мире земном и создана богом-творцом изначально ради отвращения всяческого зла, как подчеркивается в «Поучении гераклеопольского царя».

Официальная идеология эпохи смут стремится возродить политическое и духовное единство страны, порядок и гармонию, утраченные «из-за греховной сущности людей», призывает к восстановлению культов богов, и прежде всего почитания Ра, тесно сросшегося с идеей единодержавия, увещевает неукоснительно соблюдать все ритуалы и совершать жертвоприношения. Одновременно с этим в недрах египетской культуры зреет иная система мировосприятия, связанная с представлениями о загробном мире, всегда занимавшими центральное место в египетской религии.

«Не выйдешь ты (больше) наружу, дабы видеть Солнце» — эти строки из «Спора Человека и Ба» находятся в полном противоречии с заупокойными текстами, одно из магических назначений которых — дать возможность умершему ежедневно созерцать Солнце, без чего немислима жизнь в мире ином.

Представления о загробном мире как стране вечного сна, тягостного мрака, где нет воды и воздуха, радостей любви, были достаточно широко распространены в Египте, встречаясь даже в гробничных надписях жрецов. И хотя подобные взгляды встречали отпор, хотя вновь и вновь напоминалось, что время жизни на земле — это сон и что взамен воды, воздуха и любов-

ной улады дано будет «просветление», а вместо хлеба и пива — «умиротворение сердца», мало что-цкие некрополь не переводились.

«Песнь арфиста» из гробницы царя Антефа призывает «праздновать прекрасный день», не думая о смертном часе, ибо никто из умерших не вернулся, дабы поведать о своей участи и успокоить живущих, никто из них не взял в мир иной своего достояния, и места посмертного успокоения даже великого Имхотепа и Джедефхора исчезли с лица земли.

ральная культура уже не предстает как единое целое, сосуществуя с идеями неортодоксальными, само по себе весьма знаменательно. Не исключено, что неортодоксальные идеи возникли гораздо раньше, а годы великого социального и духовного потрясения лишь обнажили эти противоречивые тенденции египетской культуры.

* * *

Подъем культуры в эпоху Среднего царства кажется особенно впечатляющим на фоне предшество-

Что означают подобные настроения? «Скептицизм», как их обычно принято называть, или откровенное неверие, отсутствие или недостаток благочестия, упование на то, что вечно только всепобеждающее слово, а не каменные гробницы, подверженные разрушению, отрицание ли здесь существования самой загробной жизни или связанного с переходом к ней громоздкого ритуала? На эти вопросы нелегко дать ответ — слишком отрывочны и скупы наши данные.

Но они говорят о том, сколь сложны были представления египтян о проблеме жизни и смерти. И то, что в эпоху смут, впервые осязательно для нас, египетская сак-

вавших времен. Фиванские владыки во многом стремились возродить и продолжить традиции царей Древнего царства. Но изменения, затронувшие уклад жизни, язык, искусство, религию, литературу в период распада страны, наложили неизгладимый отпечаток на культуру эпохи, и без них невозможно понять ни стремительного расцвета светской художественной среднеегипетской литературы и научных знаний, ни усиления поисков индивидуальных черт в царской и частной скульптуре и возобладания их порой над внутренним, духовным, идеальным обликом, ни переосмысления роли царя в египетском обществе, который теперь все

*Нубийские войны.
Деревянная скульптура из гробницы номарха в Смуте.
Начало Среднего царства*

более представляется не только недосыгаемым божеством, но и конкретным человеком.

Отделенный неизмеримой дистанцией от своих подданных, царь тем не менее мог испытывать те же чувства страха, незащищенности перед превратностями судьбы, которые были свойственны простому смертному. И в этом смысле в «Поучении Аменемхета I» чувствуется связь с дидактикой смутных времен, с «Поучением гераклеопольского царя». Царские статуи, прежде скрытые в заупокойных

компонентах (типы колонн, декор зданий и т. д.), в сочетании архитектуры, скульптуры и рельефа. Но в начале Среднего царства, ознаменованном интенсивным храмовым строительством, архитектурный стиль Древнего царства был не просто возрожден, но и переосмыслен, исходя из местных политических, религиозных и художественных потребностей. Соединение традиций Древнего царства с элементами локальных культур дало такие образцы искусства, как росписи из гробницы номархов Антилопьего нома (Бени-Хасан) или заупокойный храм в Дейр-эль-Бахри Ментухотепа I. В этом ансамбле, гармонично сочетавшем в себе пирамиду и тип скальной гробницы, проявилась свойственная религиозно-политике фиванских царей тенденция к возрождению солярного культа, тесно связанного с культом царя и с местной традицией почитания Амона. Та же тенденция проявилась и при Сенусерте I, который соорудил храм Атому в Гелиополе и молельню (Белый храм) в Карнаке, посвященную Амону-Ра, даровавшему своему «сыну» Сенусерту «царство Обейх Земель».

Пирамиды царей XII династии, воздвигнутые ими от Дашура до Фаюма, выглядели намного скромнее пирамид Древнего царства и по своим размерам, и по материалу, и по технике исполнения. Зато грандиозными были царские замыслы по улучшению ирригационной системы в Фаюмском оазисе.

Здесь, в священных угодьях бога-крокодила Собека, близ новой столицы-крепости, носившей название Ит-тауи (Завладевший Обейми Землями), сооружается заупокойный храм Аменемхета III, названный греками Лабиринтом (от престольного имени царя — Ни-маат-Ра, произносившегося греками как Ламарес). Этот уникальный ансамбль, занимавший огромную территорию — 72 тыс. кв. м, до наших дней не сохранился. По свидетельству античных авторов, он представлял собой пантеон бесчисленного множества богов страны, вызывавший восхищение чужеземцев. «Я видел его, — писал о Лабиринте Геродот, — и нашел, что он

Кормление антилоп. Роспись из гробницы номарха Хнумхотепа II в Бени-Хасане. XII династия

сооружениях, отныне все чаще выносятся за их пределы. Они были обращены не столько к миру иному, сколько к подданным, перед которыми, запечатленная в камне, воспевалась мощь новых владык, покорителей Нубии, усмирителей бедуинов пустынь и азиатов, воюющих «со времен Хора».

Среднее царство по праву считается классическим периодом египетской культуры. В это время окончательно складывается средне-египетский язык, который как господствующий письменный язык просуществовал до XIV в. до н. э., до конца египетской истории сохранив преимущественно религиозно-культовое назначение. Развивается скоропись (иератическое письмо), свидетельствующая о подъеме хозяйственной жизни.

В эпоху Древнего царства уже были созданы основные архитектурные формы, воплотившиеся в монументальных сооружениях (пирамида и заупокойный храм, солнечный храм с обелиском) и их

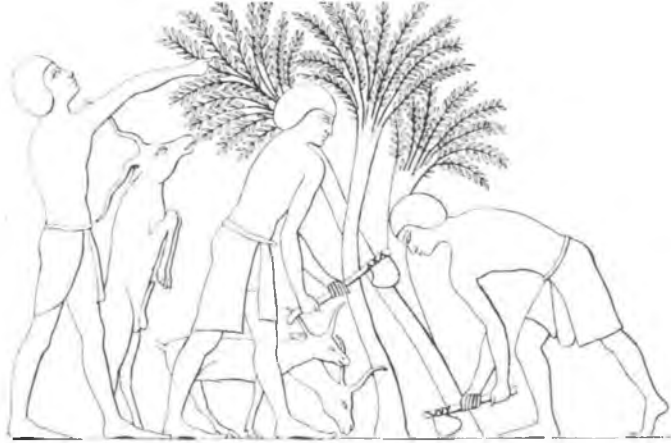
выше всякого описания. Действительно, если бы собрать вместе все эллинские укрепления и другие сооружения, то оказалось бы, что они стоили меньше труда и денег, нежели Лабиринт... Лабиринт превосходит сами пирамиды».

Лабиринт — апогей архитектурного строительства времени Среднего царства и, подобно пирамидам Древнего царства, явился символическим выражением расцвета и единства страны. При Аменемхете III будто снова возродилась слава мемфисских царей Древнего царства и в подражание им царь предстает в облике всевышнего бога. Он солнце лучезарное, «озаряющее Обе Земли больше солнечного диска, зеленающий больше Великого Хапи», — воспевал Аменемхета III вельможа Схотепибра.

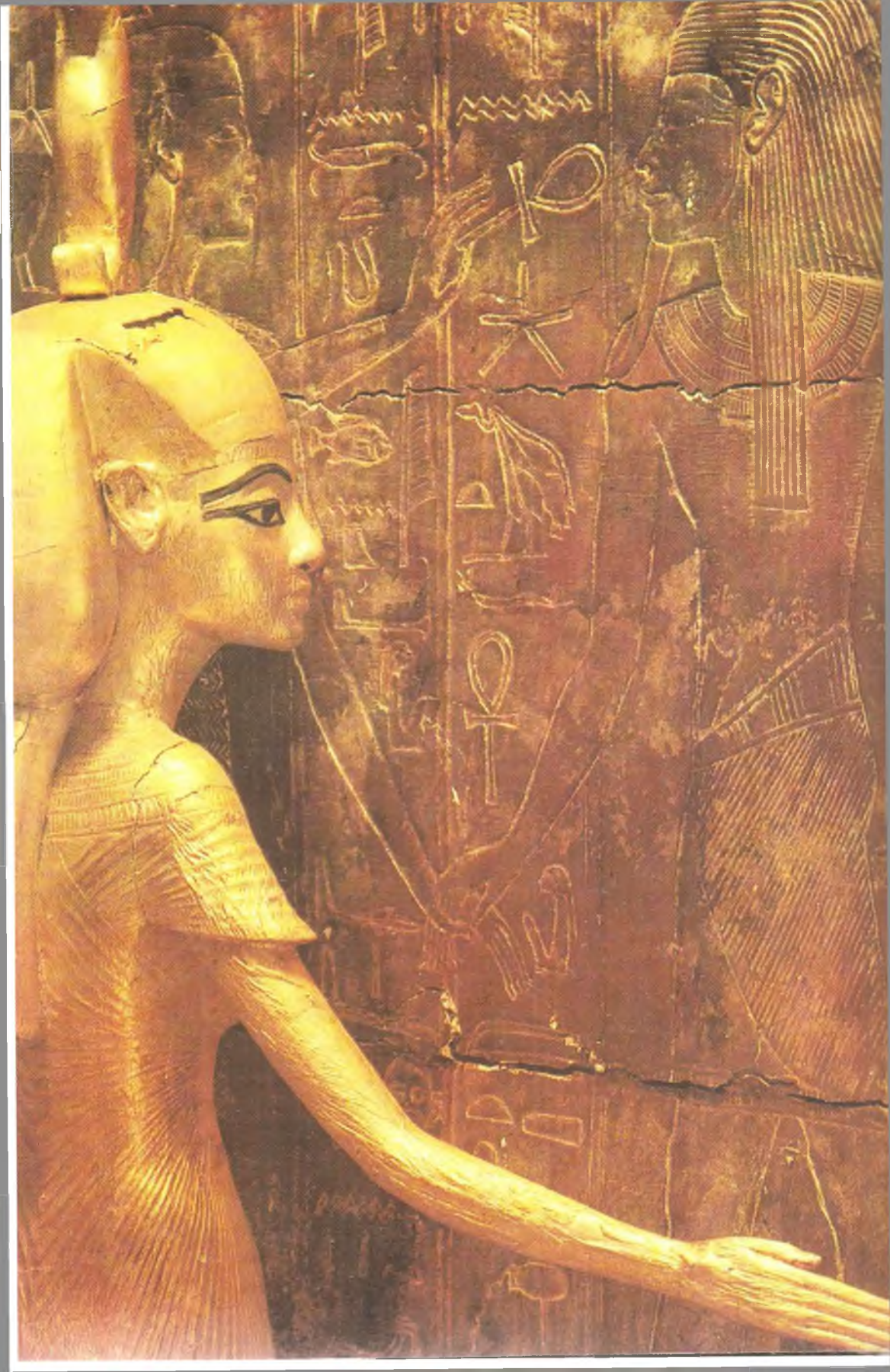
Процветание государства в эпоху Среднего царства способствовало подъему египетской культуры, развитию конкретного научного знания, если и не противопоставленного пока знанию магическому, то по крайней мере имеющего в перспективе освобождение и отделение от последнего. Само приобретение знания — на уровне школьной науки египетского писца — рассматривалось сугубо утилитарно. Хотя и дарованные богами, это знание было необходимо только для достижения высокого социального и имущественного положения. «Место писца — в столице, и не будет он знать там нужды»; «Если постигнешь писания — благо будет тебе, ибо нет должностей (иных достойных), представленных мною пред тобой»; «Нет должности, не подвластной начальнику, кроме (должности) писца, он (сам себе) начальник», — подчеркивалось в «Поучении Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пепи».

От эпохи Среднего царства и времени гиксосов дошли первые математические и медицинские тексты, содержащие практические и конкретные задачи. Московский математический папирус и математический папирус Ринд Британского музея, Кахунский папирус, магико-медицинские папирусы IV и V из Рамессеума и др. Большой медицинский папирус Эберса и хирур-

гический папирус Эдвина Смита являются текстами Нового царства, хотя, несомненно, восходят к значительно более древним трактатам. В папирусе Эберса, где впервые в истории медицины изложено учение о кровеносных сосудах, пульсе и сердце, в общем контексте магического знания уже виден проблеск научных обобщений. В папирусе Эдвина Смита, содержащем древнейшее учение о мозге, магическая терминология почти полностью уступает место терминологии практической.

От эпохи Среднего царства сохранились и древнейшая запись обмера страны, и списки созвездий на саркофагах, и первый в мире словник; напоминающий энциклопедию, который был найден в библиотеке, открытой в одной из гробниц Рамессеума. Наряду с религиозной, научной и традиционной дидактической литературой в той же библиотеке были обнаружены и шедевры египетской художественной литературы Среднего царства — «История Синухета» — «настоящий роман», по словам Б. А. Тураева, «совершенно лишенный фантастического элемента», и «Красноречивый поселянин», сугубо книжное сочинение, содержащее обвинительные речи несправедливо обиженного крестьянина, которые он произносит по всем правилам египетской риторики. Эти сочинения, а также «Сказка о потерпевшем кораблекрушение», отразившая в духе фольклора египет-

ские представления о волшебной экзотике дальних стран Красноморья, были у египтян излюбленным чтением, особенно «История Синухета», судя по количеству сохранившихся фрагментов копий на папирусах. Для позднейших эпох существования египетского государства литература Среднего царства была образцом, достойным подражания.

* * *

Эпоха гиксосского владычества затормозила естественную эволюцию египетской культуры, но не прервала линии ее преемственности.

Новое царство явилось дальнейшим значительным этапом не только внутреннего развития египетской культуры, но и небывалого прежде интенсивного распространения ее за пределы Египта, взаимодействия с культурами соседних народов. Положение Египта как мировой державы создает особо величественный стиль, ярко проявившийся в монументальных храмовых постройках в Фивах — «Граде Амона», в торжественных надписях фараонов-завоевателей, их анналах и одах, в гимнах богам, и прежде всего Амону Победоносному, именем которого освящались все военные походы. Главенствующее положение Египта нашло отражение в храмовых и гробничных сценах с изображениями посольства от четырех стран света или в гимнах, где египетские боги воспевались как творцы не только Египта, но и других стран. Культура иных народов, какими бы «жалкими» и «презренными» они ни представлялись самим египтянам, оказалась для них вовсе не чуждой и принималась тем легче, чем ближе к закату была слава великой державы фараонов, вынужденной все более считаться со своими новыми политическими соперниками — хеттами, ассирийцами, вавилонянами.

Степень проникновения египетской культуры в иную этнокультурную среду была различна. Она нашла особенно благоприятную почву среди народов Ливии и Нубии, с культурой которых египетская цивилизация имела много об-

щих корней и где экономическое и политическое господство египтян покоилось на прочном фундаменте. Так, в Нубии были восприняты многие элементы египетской государственности, искусства, религии и иероглифическое письмо. Лишь по мере ослабления власти египтян местная, специфическая африканская культура все настойчивее прорывается здесь сквозь налет культуры привнесенной. Через Нубию и Ливию египетская культура все более распространялась в глубь Африканского континента, и до не-

Богиня Нейт, охраняющая ковчег с канопами Тутанхамона. XVIII династия

давнего времени в Судане, Эфиопии и в Западной Африке еще были живы обычаи, весьма напоминавшие древнеегипетские.

В Азии основным средоточием египетской культуры оставался Библ, с которым Египет издревле имел тесные торговые связи. Цари Библа часто составляли надписи на египетском языке, молились местной богине Баалат Гебал в облике Хатхор, в честь которой здесь

Коленопреклоненный с наосом. XVIII династия

был сооружен один из самых древних на территории Азии египетских храмов. Культурное влияние Египта в Сирии и Финикии часто было данью признания египетского сюзеренитета над местными правителями и ограничивалось внешними формами: элементами декора зданий, бытовых предметов, гробничных стел, чертами иконографии божеств. Здесь, несомненно, оказалась устойчивая местная древняя традиция, противостоящая глубокому внедрению в нее культуры чужеродной.

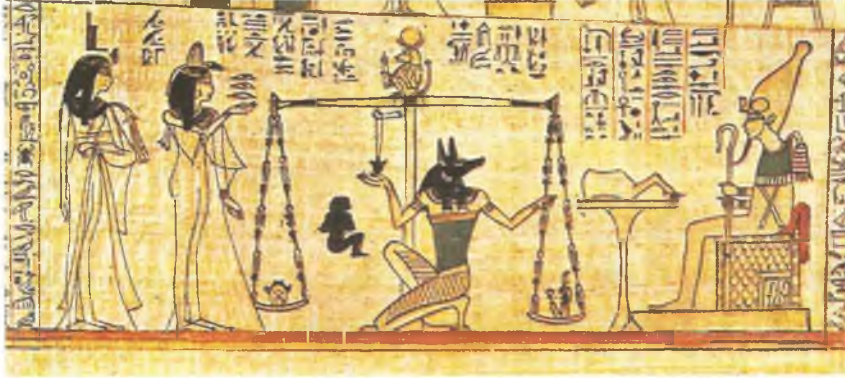
Египет, напротив, заимствовал из Азии гораздо больше, хотя и «переплавлял» азиатские элементы культуры в лоне культуры собственной. Почитание воинственных азиатских богов и богинь Баала, Решефа, Иштар, Анат и др., часто сопоставляемых с египетскими, «семитизмы» в египетской литературе, особенно распространившиеся после походов фараонов в Азию, не изменяя специфического облика египетской культуры, сообщили ей по сравнению с прошлыми временами более «восточную» ориентацию, особенно в северных районах, в области Дельты, испокон веков больше тяготевшей к Востоку, чем самобытный египетский Юг.

Расширение географического горизонта, взаимодействие с культурой иных народов, приток в Египет

огромных богатств явились стимулом небывалого расцвета египетской культуры. Эпоха Нового царства особенно примечательна грандиозным строительством храмов в Египте (Фивы, Абидос) и в Нубии (Абу-Симбел, Бухен, Солеб, Бейт-эль-Вали, Акша); дальнейшим совершенствованием искусства рельефа, росписи, пластики, ювелирного дела; развитием многожанровой литературы («Сказка о двух братьях», «Правда и Кривда», «Сказка об обреченном царевиче», «Миф об истреблении людей», «Сказание об

В новоегипетских текстах возрождаются и многократно умножаются утраченные в годы владычества гиксосов мотивы упоения ратной славой. Стены храмов и гробниц запечатлели бесконечные сцены пиршеств, изображения военных трофеев, торжественных церемоний принятия дани от чужеземных послов, экспедиций в далекий, сказочно богатый Пунт (рельефы заупокойного храма Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри). сцены приношения жертв, разнообразных даров, скота, пленных египетским богам.

Суд Осириса. - Книга мертвых». Папирус. XXI династия

Апопи и Секененра), «Взятие Яффы», «Путешествие Уну-Амона в Библ», басня «Гляба живота с головой», религиозная поэзия, многочисленные автобиографические надписи, наставления писцам, любовная лирика).

делившим военную славу с фараонами-завоевателями. Новые веяния вторгаются даже в такую консервативную область древнеегипетской литературы, как заупокойные тексты: гимны богам, включенные в «Книгу мертвых», как бы

отгесняющие ритуал на второй план, совпадают с торжественным настроем официальной литературы того периода.

В столицах Нового царства — Фивах, Ахетатоне, Мемфисе, Пер-Рамсесе — работали наиболее талантливые художники. Надписи XVIII—XIX династий донесли до нас имена выдающихся деятелей культуры: летописца Чанини, свидетеля боевых подвигов фараона Тутмоса III, зодчих Инени, Сенмута, Джхути, Аменхотепа, сына Хапу («предстателя» перед богами.

фараон-реформатор на двенадцатом году своего царствования окончательно порывает с традиционным египетским многобожием и учреждает культ солнечного диска — Атона. По приказу царя в египетских надписях делаются попытки уничтожить не только имена богов, но и само понятие «бог». Слово это стремятся заменить словом «властитель», а знак бога — знаком, обозначавшим фараона. Само солнце на завершающем этапе реформы мыслится не как бог, а как царь. Отныне в мире правят только

Погребальная процессия. Рельеф. XVIII династия

поставленного царем), культ которого существовал до конца египетской истории, скульптора Тутмоса, которому приписывается создание знаменитых портретов Нефертити, архитектора Майа, построившего в Карнаке, главном культовом центре страны эпохи Нового царства, резиденции Амона-Ра, самый крупный по тем временам колонный зал площадью 5 тыс. кв. м, изобретателя усовершенствованных водяных часов Аменемхета.

Мир и внешняя стабильность, казалось надолго установившиеся в Египте с воцарением Аменхотепа III после долгих войн, внезапно были разрушены в правление его сына и преемника Аменхотепа IV. Изменив вере своих предков, этот

два царя: Солнце-Атон и его сын Эхнатон — «Угодный Атону».

Религиозная реформа Эхнатона — исключительное явление в истории не только египетской, но и, возможно, всей древневосточной культуры. До сих пор мотивы и своеобразный характер ее, как и сама личность царя, — предмет острых споров. С одной стороны, в «солнцепоклонничестве» Эхнатона нельзя не видеть традиционную в египетской религии струю солярного монотеизма, связанного с гелиопольской жреческой доктриной, но освобожденного в реформированной религии от мифологического «балласта». Эхнатон словно довел до логического конца восходящую еще к эпохе великих пирамид

концепцию о царе как «сыне Солнца» и не менее древнее представление о Солнце как о царе. С другой стороны, полное игнорирование Эхнатона осирических представлений, ставших центральным моментом веры египтян в загробное преобразование, уничтожение в надписях на заключительных этапах реформы самого слова «бог» и знаков, обозначающих бога, придают учению Эхнатона оттенок намеренного богоборчества. Эхнатон же, «враг из Ахетатона», как его заклеили более поздние

стает, что единственным создателем «учения жизни» был сам царь, вряд ли бы последнему удалось осуществить свой смелый «эксперимент», не будь создана благоприятная обстановка в ближайшем царском окружении, целиком обязанном Эхнатону своим возвышением и ради мирских благ готовом принять или отвергнуть Атона или Амона. Следует иметь в виду и то, что непосредственно перед восшествием на престол Аменхотепа IV культ Солнца приобрел особое значение в царской семье. Отец царя-

Саркофаг Маху,
земледелец Дома
Амона. XVIII дина-
стия

тексты, «первый индивидуалист и религиозный гений в истории», по словам Б. А. Тураева, один из самых жестоких египетских владык, творящий «силу против не знающего учения его» и «обрекающий мраку» своих противников, в конце своего правления весьма напоминает не просто отступника, еретика, но и ниспровергателя веры в бога, заслоняющего собственной личностью своего «отца» Атона, несмотря на строгое соблюдение религиозной обрядности в служении Атону.

О социальных причинах реформы Эхнатона писали многократно; гораздо труднее постичь мировоззренческие причины ее. И хотя из текстов амарнского периода яв-

реформатора в отличие от своих предшественников с особой последовательностью называл себя «образом Ра», доведя до крайности культ своих собственных статуй (проявлений его божественной сущности). Он величался «Солнцем — владыкой Маат», именем, весьма напоминающим свойственное титулатуре Эхнатона имя Живущий Маат.

Амарнский период был кратким, но чрезвычайно ярким этапом древнеегипетской истории и, несмотря на верхушечный характер реформы, имел важные последствия для всех сфер египетской культуры.

Впитав в себя наиболее яркие реалистические сюжеты, компози-

ции и стилистические приемы египетского искусства, Амарна развила и упрочила их и, пройдя стадию гротеска, создала галерею скульптурных шедевров — портретов Эхнатона и членов его семьи, изящных рельефов, многоцветных росписей, среди которых особенно выделяются пейзажные композиции. Именно под влиянием Амарны в египетском искусстве впервые появляются светские образы царя и царицы, изображенных в бытовой, непринужденной обстановке.

Крышка канопы царицы Неби.
II тыс. до н. э.

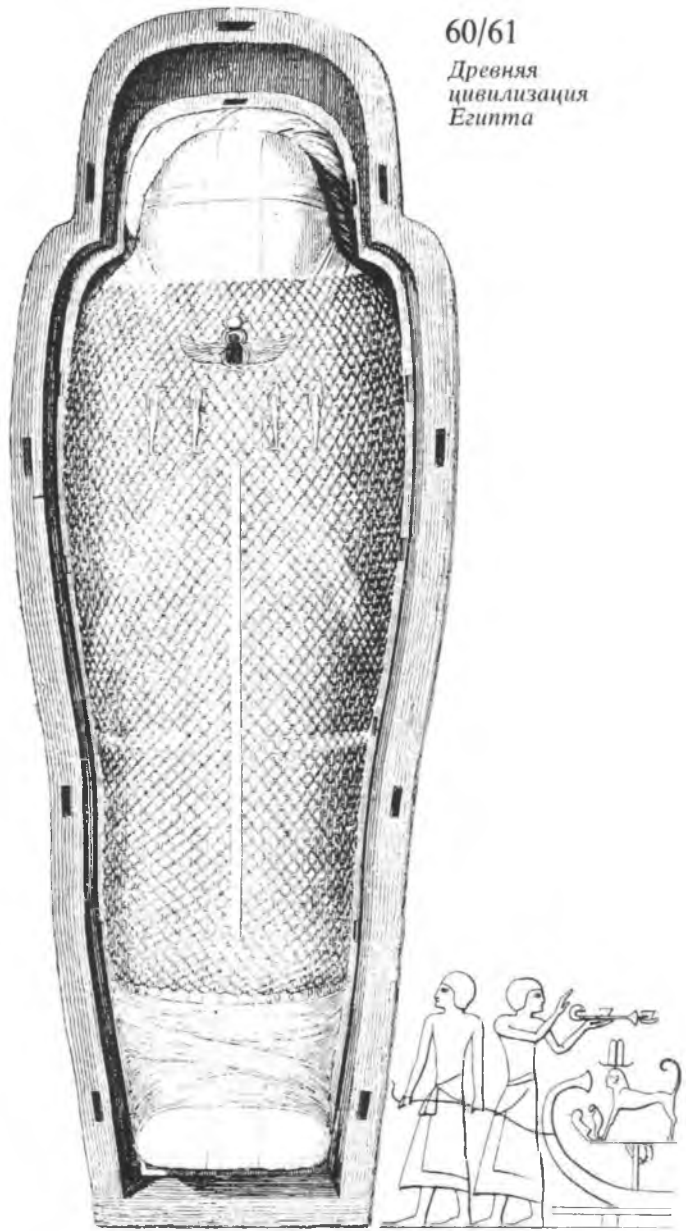
ментом в истории новоегипетского языка, и со времени правления Эхнатона он становится языком письменным. Новоегипетский язык в гораздо большей степени отличался от среднеегипетского, чем среднеегипетский от староегипетского. Несомненно, Амарна была стимулом и для появления множества рукописей светской литературы на новоегипетском языке, и среди них — любовная лирика, «песни услаждения сердца». Некультовая лирика Египта — уникальное явление на древнем Востоке, где любовная поэзия целиком подчинена сакральным целям и, как правило, включена в ритм жизни храма. Египетская любовная лирика, а также реалисти-

ческий скульптурный портрет значительно отличаются от традиционного искусства древнего Востока, напоминая, по нашему представлению, скорее светское искусство Западной Европы.

Значительно усилив реалистическое, светское направление в искусстве и литературе, реформа Эхнатона в то же время вызвала негативную реакцию со стороны традиционной сакральной культуры, одним из наиболее стойких приверженцев которой являлось фиванское жречество. В религии Амона Фиванского, ставшей целым этапом в истории развития культуры страны, ярко сказалась могучая сила египетской традиции, ибо фиванская теология впитала в себя идеи жреческих школ, возникших еще на заре египетской цивилизации.

Под влиянием идей имперского единовластия в религии Амона особенно проявились черты солнечного монотеизма. В некоторых текстах, носящих явный отпечаток Амарны, Амон, подобно Атону, величается даже «единственно-единым со множеством рук» (Атон представлялся в виде солнечного диска с лучами-руками). Органично впитав в себя наследие древних жреческих школ и Амарны, фиванская теология тем не менее явилась новым шагом в развитии египетской религиозно-философской мысли. В гимнах послеамарнского периода Амон все более воспевается как бог единый, предвечный, сущность которого неведома и непостижима и проявление которого — все боги. В то же время Амон все чаще предстает в гимнах как бог, милосердный к убогому и угнетенному. И в этом нельзя не видеть воздействие изменившейся социально-политической ситуации, когда на смену внешней несокрушимости империи пришли годы испытаний. Постепенная утрата завоеванных территорий, растущие внутренние противоречия, усиление коррупции заставляли общество вновь обращаться к всемогущим богам, и прежде всего к Амону, недавнему воинственному владыке мира, теперь же всеблагому судье, «приходящему на зов того, кто пребывает в утеснении».

Усиление этического элемента в египетской религии в эпоху Нового царства на фоне все усложняющегося магического знания, углубление теологической мысли и религиозного чувства, с одной стороны, рост вольнодумных настроений — с другой, — таковы основные тенденции в духовной жизни этого противоречивого периода. Именно тогда появляется 125-я глава «Книги мертвых» с ее идеей нравственного заградного суда и создаются риту-

ально-магические композиции, доступные первоначально узкому кругу посвященных («Книга Амдута», «Книга врат», «Книга дня», «Книга ночи» и др.)— В текстах гробниц фиванских жрецов и светских лиц, в молениях служителей фиванского некрополя— «послушных призыву в Месте Правды» — все чаще звучат религиозные мотивы покаяния и по мере упадка государственной религии растет благочестие отдельной личности.

И в то же время переписывается «Песнь арфиста» из гробницы царя

*Слепой арфист.
Рельеф гробницы
Па-Атен-емхеба
в Саккара.
XVIII династия*

*Госпожа и служанка.
Роспись из гробницы
Джесеркара-сенеб в Фивах.
XVIII династия*

Антефа, разгорается полемика официальной теологии с противоречащими ей идеями, и эта полемика проникает даже в заупокойную литературу (175-я глава «Книги мертвых», папирус Ани, XVIII династия). Вновь звучит мысль о вечности нерукотворных памятников — творений писцов-мудрецов древности, не подверженных разрушению, в отличие от храмов и гробниц («Прославление писцов», XIX—XX династии). Именно в эпоху Нового царства столь популярными становятся «песни услаждения сердца», героем в них мог быть теперь даже фараон «Мехи» (Хоремхеб?), попасть в гарем которого мечтает тоскующая о нем красавица. В ту же эпоху возникает явно пародийное произведение «Спор Хора с Сетом», где боги представлены порой в неприглядном обличье и благородный миф об Осирисе

утрачивает свой священный пафос.

После Амарнского периода усиливается начавшаяся еще при Аменхотепе III своего рода гигантомания в храмовом строительстве, которая проявилась также в сооружении царских статуй-колоссов. Достаточно вспомнить огромные луксорские колонные дворы и пилоны с монументальными статуями Рамсеса II, гигантский масштаб сооружений в Карнаке первых фараонов XIX династии, завершивших предпринятое здесь еще Хоремхе-

бом строительство гипостильного зала, знаменитый Рамессеум на западном берегу Фив, пещерный храм Рамсеса II в Абу-Симбеле с величественными статуями царя. Строительство заупокойного ансамбля Рамсеса III в Мединет-Абу (XX династия), напоминающего крепость, завершает эту блестящую эпоху храмового строительства.

Запечатленные в храмовых рельефах изображения грандиозных битв с азиатами, ливийцами и «народами моря», взятия вражеских крепостей и кораблей, посольств побежденных стран и верениц пленников, гробничные росписи со сценами пиров и папирусные рисунки с изображениями гаремных увлечений, скандальные процессы по делам ограбления гробниц, сохранившиеся в записях папирусов эпохи Рамессидов, — все это как бы сливается в одно огромное полот-

но, на котором величие и упадок империи уже сосуществуют в неразсторжимом единстве.

Воспевание воинских доблестей вырождается в пародию на них («Взятие кошачьей крепости»). Участь воина подвергается порицанию в поучениях писцов, чутко реагирующих на изменение обстановки. Гигантомания, как и войны царей XIX династии, оказывается призрачным отблеском былого величия; увлечение пышной фразеологией в надписях царей и их сподвижников, изяществом слога

ше всех. Искусство вышло из нее, чтобы достигнуть места, где я нахожусь, и знание вышло оттуда, чтобы достигнуть места, где я нахожусь».

* * *

По мере угасания цивилизации Египта неожиданно с новой силой проявились древнейшие ее черты, что было вызвано стремлением египтян отстоять свою самобытность перед угрозой военного и культурного завоевания.

Покорение египтянами новых зе-

в поучениях-письмах и внешней декоративностью в искусстве — прикрытием все более утрачиваемого содержания. Особое поклонение азиатским богам войны — не только дань эпохе войн, но и уступка культуре народов, которых теперь признают равноправными партнерами.

Пройдет немногим более столетия, и в Азии власть фараона превратится в фикцию, и лишь посланца Амона, жреца Уну-Амона («Путешествие Уну-Амона в Библ», XI в. до н. э.), здесь еще будут терпеть и в конце концов исполнять его просьбу, признавая величие имперского бога и древней культуры подвластной ему страны.

«Амон создал все земли. Он создал их, но землю Египетскую, из которой ты пришел, — говорит, обращаясь к Уну-Амону правитель Библа, — он создал рань-

мель в эпоху Нового царства, торговые поселения выходцев из иных стран, участвовавшие случаи смешанных браков, воспитание вельмож-чужестранцев и принятие политических беженцев при дворе фараона, проникновение иноземцев в государственный аппарат и египетское войско, усиливающееся межъязыковое общение, переводы азиатских мифологических текстов на египетский язык и т. д. — все это способствовало ускорению процесса взаимодействия и ассимиляции культур. На этой волне усиливающихся международных контактов и возникает новая тенденция в египетской культуре — намеренная архаизация.

Стремление к архаизации заметно уже в Египте с эпохи XXV династии. Один из лучших историко-литературных памятников этого периода — стела Пианхи из Гебель-

Батальная сцена.
Роспись на деревянном ларце из гробницы Тутанхамона. Фивы. XVIII династия

Баркала, красочное повествование о покорении Египта царем Напаты — в своих строках неоднократно обнаруживает связь со ставшими к тому времени классическими литературными и религиозными текстами. В эту же эпоху по приказу царя Шабак переписывается с древнего оригинала знаменитый «Мемфисский богословский трактат».

В период правления XXVI династии, при которой Египет вновь испытал кратковременный подъем экономики и культуры, архаизация

Сенеджем и его жена на полях Иалу. Гробница Сенеджема в Дейр-эль-Медине. XIX династия

становится основой официальной политики («саисский ренессанс»). Ушла в прошлое слава Фив, здесь больше не возводятся грандиозные постройки в честь Амона. Культурным средоточием страны становится город Саис в Дельте — культовый центр богини-воительницы Нейт, древнейшие черты почитания которой как великой матери богов вновь приобретают особое значение.

Архаизация культуры, борьба за ее «чистоту», самобытность в саисский период проявились в восстановлении древних государственных титулов и должностей, в обращении к образцам Древнего царства в искусстве (возрождение идеального портрета), в литературе (подражания классическим текстам или их воспроизведение), в противодействии азиатскому влиянию в языке (изгнание семитизмов), в религии (стремление устранить из египетского пантеона азиатских богов), в особом интересе к древним жреческим учениям и культам древних царей и, наконец, в резком усилении и доведении до крайности

культы животных, всегда игравшего важную роль в египетской религии и придававшего ей в глазах греков особую таинственность.

Надписи саисского периода поражают нагромождением титулов, изображения — смешением стилей, внешней стилизацией в ущерб индивидуализации. особым изяществом и совершенством исполнения, свидетельствующим о многовековой шлифовке. В саисскую эпоху обостряется чувство связи с прошлым, проявившееся, в частности, в пробуждении интереса к генеалогиям людей и богов, усиливается синкретическая тенденция в египетской религии, выразившаяся в причудливом слиянии образов самых разных богов, в почитании в одном храме наряду с главным божеством множества иных богов пантеона, которые рассматриваются как проявления его сущности.

«Национализм» саисского периода был искусственным явлением и не мог противостоять проникновению в страну других культур. В это время в Египте впервые основываются торговые поселения греков, среди которых особую роль в процессе сложения греко-египетского культурного синкретизма и в распространении элементов древнеегипетской культуры за пределы Египта суждено было сыграть Навкратису.

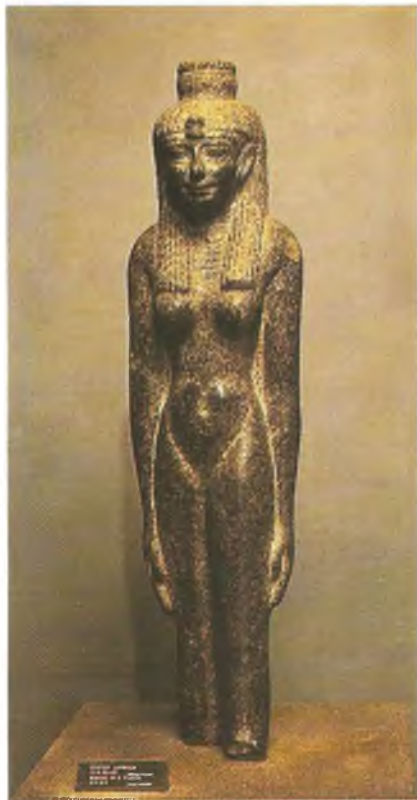
После завоевания персами Египет, являясь одной из наиболее развитых сатрапий Ахеменидской державы, непосредственно включился в жизнь целого ряда народов, объединенных в Царстве стран, с которыми прежде имел в основном косвенные контакты. Теперь Египет населяло еще большее число выходцев из Азии: евреев, арамеев, финикийцев, вавилонян, моавитян, персов, мидийцев, хорезмийцев, обитателей далекой Индии, которые приносили с собой свои обычаи, верования. Египтяне же по той или иной причине покидавшие родину, все сильнее приобщались к культуре тех стран, где они оседали, меняли имена, начинали жить новой жизнью, но сохраняли свое этническое самоназвание.

С саисского периода официальным письменным языком в Египте

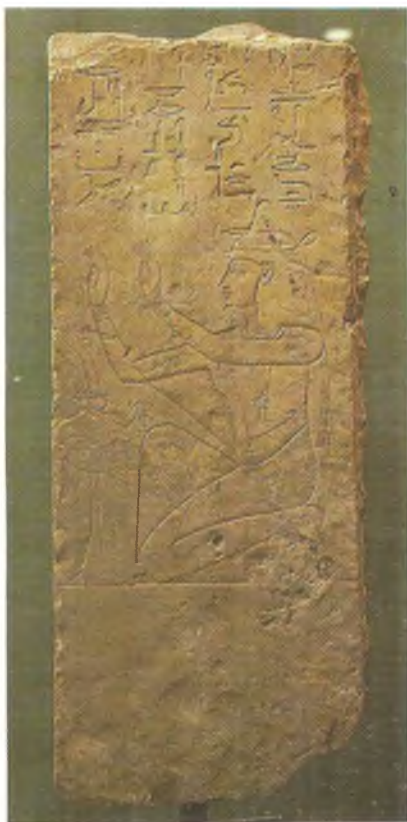

становится наследник новоегипетского языка — демотический. Возникнув в переломный момент истории страны под влиянием бурного развития торговых контактов, этот язык в период персидского господства активно включает в свою лексику слова из арамейского языка, распространенного тогда в западной части Персидской державы.

Персы не преследовали цель изменить язык Египта и специфику его культуры и ради упрочения здесь своего господства вынуждены были считаться с местными

традициями. Дарий I в угоду этим традициям изображался порой в египетском военном облачении. Камбиз был посвящен в мистерии Нейт и, как саисские цари, носил титул «сын Ра, подобие Нейт», поддерживая таким образом, не без влияния египетского жречества, идею непрерывности фараоновского владычества. Персидские цари на первых порах возводили храмы древним богам Египта. При Дарии I на стенах храма Амо-

на в Великом оазисе (Эль-Харге) был записан один из гимнов этому богу, где он воспевается как божество, тождественное природе («Ты — небо, ты — земля, ты — преисподняя, ты — вода, ты — воздух, пребывающий меж ними»).

В период персидского владычества получает дальнейшее развитие демотическая литература. При Дарии I была записана «Повесть Петеисе III». Это произведение — как бы невольное свидетельство духовной деградации египетского жречества в позднеегипетский период, ибо в центре внимания его — преступные интриги священнослужителей, борющихся за обладание жреческим саном, сулящим немалый доход.

Расцвет демотической литературы приходится на VII—II вв. до н. э., но она продолжает свою жизнь вплоть до римского завоевания, отражая основные черты культуры этой эпохи: углубление нравственных исканий и в то же время усиление тяги к магическо-

Статуя царя.
IV в. до н. э.

Молящийся перед
жертвенником.
XXII династия

Бог Птах. Птолемеевское время.
IV—I вв. до н. э.

му знанию («Сказания о Сатни-Хемуасе», «Царская книга» — папирус Инсингер), все более обостряющийся интерес к древности, идеализированному прошлому и воздействию культур иных народов («Сказания о Петубасте», «Демотическая хроника», «Рассказ о Бокхорисе и агне» и др.) — Эти произведения, выходящие за временные рамки самостоятельного существования египетской цивилизации, — завершающий этап древнеегипетской литературы, питаемой историческими реалиями уходящего в прошлое Египта фараонов.

Поздний Египет живет лихорадочной жизнью: постоянные смены династий, от упадка и развала — к новым взлетам, кажущемуся возрождению. Нестабильность, ожидание прихода завоевателей, смут между владельцами распадающегося на отдельные области государства вызвали волну небывалого увлечения чудесами, оракулами богов, привели к усилению апокалиптических настроений. В это время уже не ведется грандиозное храмовое строительство. В литературе развиваются в основном сложившиеся жанры, в искусстве за образец берутся устоявшиеся художественные приемы.

Было бы, однако, неверно оценивать древнеегипетскую эпоху только как время эпигонства, эклектизма и постепенно усиливающейся архаизации культуры. Пропилей храма на о-ве Филэ и карнакский пилон Нектанеба (XXX династия), скульптурные портреты из темно-зеленого камня саисского периода, гимны богам, по силе поэзии временами напоминающие библейские псалмы, появление таких литературных текстов, как «Наставление Ани своему сыну Хонсухотепу» (XXI династия) или «Поучение Аменемопе» (XXII—XXVI династии), отразивших несравненно более высокий уровень этических представлений египтян, чем древние произведения подобного жанра, усиление в сфере религии космического дуализма и дуализма этического под влиянием «великого ужаса» иноземного гнета, возрастание роли культа Осириса и богов его круга — все это свидетельству-

ет о далеко не исчерпанных возможностях египетской культуры. Даже в пору своего угасания она продолжала быть живительным источником для культур других народов, в глазах которых Египет по-прежнему оставался страной тайной премудрости, глубокого мистического опыта и бесценных знаний.

Не случайно так много соответствий находят между «Поучением Аменемопе» и «Книгой Притчей Соломоновых». И сколь многозначны слова, донесшие в «Деяниях апостолов» эхо ветхозаветной традиции: «И научен был Моисей всей мудрости Египетской, и был силен в словах и делах». Египетская дидактика и мистика, религиозная поэзия, сложившиеся словесные формы могли служить ветхозаветной литературе образцом для соотнесения с собственными этическими и религиозными представлениями и способами их литературной фиксации.

Особое значение для соседних с Египтом народов имела египетская медицина. Ее достижения, прежде всего в области хирургии, ценились при дворах иноземных владык, и слава египетских врачей, подобных «великому врачевателю» Уджохорресенту, жрецу богини Нейт, доверенному лицу персидских царей, надолго пережила их самих. В средневековых арабских и европейских медицинских текстах содержится немало рецептов, заимствованных из египетских медицинских папирусов и магических текстов.

Еще задолго до того, как взошла заря античной цивилизации, в Египте были накоплены важнейшие практические знания в области математики и астрономии (определение площади круга, объема усеченной пирамиды, площади поверхности полусферы, солнечный календарь, деление суток на 24 часа, знаки зодиака и др.). Культурное наследие Египта продолжало жить в юлианском календаре и, быть может, в «Геометрии» Герона, в исследованиях дробей у греческих математиков и в задаче на решение арифметической прогрессии у армянского математика VII в. н. э. Анания Ширакского.

Египетские нормы права и госу-

дарственного управления в той или иной мере были усвоены напатоко-мероитскими царями, державой Ахеменидов и эллинистическими монархиями, Аршакидами и Сасанидами, римлянами и Византией, народами христианского Востока, Русью.

Сокровища египетской мысли — научной, практической и мистической — оказались притягательным источником для видных греческих ученых, философов, государственных деятелей, которые посещали Египет, чтобы приобщиться к этим

знаниям и сделать их достоянием своей культуры. Согласно античной традиции, в Египте побывали Солон, Фалес, Пифагор, Гекатей Милетский. Плутарх сообщает, что «Эвдокс учился у Ксенофона из Мемфиса, Солон — у Сонхита из Саиса, Пифагор — у гелиополиита Ойнуфея. Особенно, кажется, этот последний, восхитительный и восхищавшийся жрецами, подражал их таинственной символике, облачая учение в иносказание».

Египетское искусство с его характерной монументальной архи-

Умерший, Осирис
и Ану비스. Погребальная педана.
Середина II в. н. э.

текстурой и статичной скульптурой явилось образцом для подражания еще в глубокой древности и было переосмыслено в крито-микенской культуре (III—II тыс. до н. э.), носившей также следы египетского влияния в области ювелирного мастерства, в сюжетах фресковой и вазовой живописи, в религии и письме. Отдельные черты египетской культуры прослеживаются в искусстве Ближнего Востока во II тыс. до н. э. у народов Сирии, Финикии, у хеттов, ассирийцев и др. Традиция египетской погребальной маски в сочетании с традициями эллинистического искусства вызвала к жизни такое удивительное явление, как фаюмский портрет. Египетский скульптурный портрет, пейзаж, пирамидальная гробница, обелиск и другие элементы архитектуры, львы и сфинксы были восприняты античным искусством, а через него — европейским, особенно в пору увлечения экзотикой и мистикой Востока.

Древнейшая родина дидактики и мессианских сочинений, любимых египтянами, колыбель басни и исторической повести, сказки и любовной лирики, Египет не мог не питать литературу соседних народов. По словам французского ученого Ж.-Ф. Шампольона, «Европа, получившая от Древнего Египта начатки науки и искусства, обязана ему еще одним благодеянием — алфавитным письмом». Египет не только оказал влияние на финикийское письмо и через него — на европейскую письменную систему, письмо сирийское и на становление древнейшего алфавита в Африке (мероитское письмо), но и внес определенную лепту в словарный запас соседних народов. Некоторые слова из египетского через греческий, коптский и арабский языки проникли в словари европейских.

* * *

Развитию культуры Египта не был положен предел при греко-македонском владычестве. Соприкоснувшись с иной цивилизацией, она пережила новый своеобразный расцвет, будучи уже частью общей эллинистической культуры. Заво-

еватели восприняли египетскую идею сакрального царства, поклонялись священным быкам и овнам, строили храмы египетским богам, соперничавшие по своей монументальности с постройками эпохи пирамид и Нового царства.

Но дни египетской языческой культуры были уже сочтены, несмотря на все ее стремление отстаивать свои позиции. Угасающая древность словно торопится завершить свои «мемуары»: стены храмов Птолемеевского Египта становятся настоящими неисчерпаемыми архи-

вами накопленных знаний, множатся справочники, подобные энциклопедиям. И, как завещание грядущим культурам, спешно переводятся на греческий язык египетские литературные и религиозно-мифологические тексты.

Египетская история в греческом словесном облике продолжает жить в сочинениях Манефона, дух независимости и вера в приход царя-мессии — избавителя от бед

Богиня Нут в обрамлении знаков зодиака. Саркофаг Соте-ра из Эль-Курне. II в. н. э.

иноземного ига (традиционный образ египетских пророчеств) — с новой силой возрождаются в «Апологии горшечника перед царем Аменофисом о будущей судьбе Египта». Египетская религия с ее идеей бессмертия покоряет греко-римский мир, изверившийся в собственных земных и небесных владах.

«Град у моря» — Александрия, скорая гибель которого предраекается в «Апологии», еще шлет своих посланцев, несущих культ Исиды и богов ее круга за пределы Египта, и на улицах Рима устраиваются в честь «владычицы мира» пышные празднества. Но пройдет немного времени, и средоточие греко-египетской языческой культуры, позднеантичной философии, литературы и науки, великий город, где впервые соединились судьбы Востока и Запада, станет свидетелем торжества христианства и превратится в важнейший центр христианского богословия и миссионерской деятельности. На смену Деметрию Фалерскому, основателю Александрийского музея, греко-иудейским богословам Филону Александрийскому и Аристобулу, гностикам Валентину и Василиду придут страстные проповедники новой веры: Павел Фивейский, первый отшельник Верхней Фиваиды, и Антоний — основатель пустынножительного монашества, великий аскет Макарий и Пахомий — родоначальник «киновитского» (общежительного) монашества, Афанасий Александрийский, Шенуте, архиепископ Кирилл, Климент Александрийский. Египетский мистицизм, многовековая отточенность культуры религиозного текста получают вторую жизнь, преобразившись в александрийской символической школе богословия, в монофизитстве коптов. И не уходят ли идеи христианского монашества и пустынножительства, впервые рожденные в Египте, своими сокровенными корнями в древнюю веру египтян в посмертное преобразование. «просветление» в пустынях Запада и в то, что земная жизнь — это только сон? И «нигде, — согласно Евсевию Кесарийскому, — слова евангельского уче-

ния, ни над кем не явили столько силы, как в Египте», ибо там за тысячи лет до первых христиан напряженно переживали великую тайну преодоления смерти.

Египет Древний с его богатой сказочной литературой, изобилующей чудесами, вновь оживет в памятниках коптской агиографии. Египетская магия, так и не покорившаяся этическому началу и всегда оттеснявшая его на второй план в культуре языческой, проникнет в гностические сочинения, в коптскую и эфиопскую апокрифи-

Коптские кресты.
Надгробный камень.
IV в. н. э.

ческую литературу. Египет Древний будет жить в крови коптов, в их языке и быте, в литургических песнопениях, иконографии. Египет древнехристианский неожиданно возродится в наше время в коптской практике пустынножительства и аскезы, в воссоздании древних монастырей Нитрийской долины и Западной пустыни... Культура Египта Древнего едва уловимой нитью вплетется в последующую культуру Египта исламского, и ее наследие доживет до сего дня в отдельных чертах быта и верований феллаха-мусульманина. Культура фараонского Египта, связь с которой поначалу отвергалась и христианами и мусульманами, ныне рассматривается всеми египтянами как неотъемлемая часть их исторической и духовной традиции.

Ancient
Civilizations
of Africa,
Southern Arabia

Древние

*Традиции глубокой
древности прочно
сохранялись в течение
многих веков*

цивилизации
Африки.

Южная
Аравия

ЦИВИЛИЗАЦИЯ МЕРОЭ

«Словно водяным ураганом был захвачен Мемфис, множество людей там убито, и приведены пленные к тому месту, где находился его величество... Нет больше нома, закрытого для его величества среди номов Юга и Севера, Запада и Востока».

Так повествует о воцарении кушитов в Египте в 729 г. до н. э. неизвестный автор стелы Пианхи.

Почти столетие именовали себя фараонами Египта пришельцы из Напаты, возникшие, словно из небытия, на исторической сцене после полуторавекового молчания эпиграфических и археологических источников южнее первого нильского порога. Впрочем, и предшествующий длительный период господства египтян внешне, казалось

бы, нивелировал многие стороны местных культурных традиций. Поиск происхождения новоявленных «владык Обеих Земель» уводит нас в глубокую древность.

Судьба двух народов, египтян и кушитов, тесно переплеталась на протяжении веков. По мнению академика Б. Б. Пиотровского, археологические материалы IV тыс. до н. э. отчетливо показывают, что одинаковая культура охватывала в то время Верхний Египет и Север-

ную Нубию. Позднее в силу особенностей географического фактора развитие культур шло двумя различными путями.

Куш контролировал территории главным образом между третьим и пятым нильскими порогами, однако иногда кушитским царям удавалось распространять свою власть на севере до Асуана и на юге до Хартума — столицы современного Судана. Неодинаковым было название страны, а также ее отдельных частей. Населяли Куш земледельческо-скотоводческие объединения.

Уже в III тыс. до н. э. территории к югу от первого порога Нила становятся объектом военных набегов, а затем и прямого завоевания со стороны египетских фараонов. Развитие ранней археологической культуры, известной под названием «группа А», было прервано в самом расцвете набегами с севера. Сменившее и частично поглотившее ее остатки население культуры «группы С» имело уже значительную примесь негроидных элементов. Последние археологические раскопки показали, что носители культур «группы С» Керма тесно связаны по происхождению с районами Южного и Восточного Судана, а также Сахары, что они появляются в долине Нила в середине последней четверти III тыс. до н. э. Судя по археологическим материалам, носители культуры «группы С» в основном занимали территорию собственно Северной Нубии, носители «культуры Керма» — территорию Куша.

Раскопки городища и некрополя Кермы рисуют картину развитого общества: мощный градостроительный комплекс, многоплановые архитектурные сооружения религиозного центра, жилые кварталы, возведенные из обожженного кирпича, имевшие большие зернохранилища, ограда, которая проходила вокруг центра города. Городище Кермы с полным основанием можно считать уникальным для всей Нубии.

Общество Кермы имело уже значительную классовую дифференциацию. Правители владели большими стадами быков и коз. Среди различных типов керамики наряду

с египетской выделяются вещи, отделанные перламутром с Красного моря, и предметы из слоновой кости, доставленной из Центрального Судана, что свидетельствует о широких связях и значительном уровне развития общества. Декор керамики свидетельствует о сильном влиянии Черной Африки. Население Кермы поддерживало тесные контакты с Египтом, населением Восточной Сахары, областями Хартума и пограничными районами Эфиопии. Некоторые гробницы метрополии и территории, на которую распространялась власть Кермы, достигали 100 м в диаметре, что дает еще одно доказательство мощи ее владык.

В эпоху своего расцвета, совпадающего с периодом Среднего царства и II Переходного периода, Керма контролировала территорию от второго до четвертого нильского порога. Даже в период египетской колонизации, как это показывают самые последние раскопки французского археолога Ш. Бонне, Керма, очевидно, сохраняла свой статус региональной метрополии. Наиболее устойчивым оставался местный обряд захоронения. В более поздний период конструкции новых центров кушитской цивилизации Кавы, Напаты и Мероэ показывают сходство с сооружениями Кермы, что доказывает местные (кермийские) корни этой цивилизации.

Большое количество природных ресурсов, среди которых важнейшее место занимали месторождения золота, располагавшиеся, в частности, в Вади Аллаки (здесь в 1961—1962 гг. вела раскопки советская археологическая экспедиция во главе с академиком Б. Б. Пиотровским), а также возможность разведения скота, ценных пород деревьев, угона пленных определили политику Египта в отношении этой страны. Эпоха господства египтян в Куше существенным образом сказалась на его развитии и надолго определила его судьбу. Уже к концу II Переходного периода египтизация кушитского общества доходит до такой степени, что практически трудно отделить местные черты от египетских. И с уходом египтян тень великой дер-

жавы навсегда сохраняется здесь даже в тех районах, где они никогда не воцарялись.

Процесс культурного взаимодействия в самом широком смысле слова при доминирующей роли Египта на первом этапе (от начального периода завоевания до XXV династии) проходил не только путем насильственного внедрения отдельных элементов культуры (типы храмов, египетские культы, атрибутика, стиль изображения, язык, социальная терминология и отчасти институты государственной власти, жречество), но и избирательно — сохранялись и вживались лишь те черты, которые соответствовали местным традициям и взглядам.

Однако египетская основа, трансформируясь на местной почве, обретала иной колорит, а порой и вовсе не свойственные ей в Египте черты. В период XXV династии результат длительного воздействия египтян на развитие кушитского общества бумерангом возвратился в Египет, завоеванный правителями Куша, обладавшими теми же титулами фараона (сын Ра, «властелин Обоех Земель», находящийся под покровительством Хора и богинь коршуна и змеи), проповедовавшими те же формулы религиозной борьбы по повелению Амона, которые в свое время оправдывали египетские завоевательные походы.

Пребывание на египетском престоле, казалось бы, усилило влияние Египта, но это был лишь внешний момент — стремление к подражанию и копированию величия бывшего властелина. Так, над могилой Пианхи была сооружена пирамида, хотя в самом Египте их не строили уже примерно за тысячу лет до этого. Не исключено, что тело Пианхи мумифицировали, ибо в гробнице были обнаружены каноны. Однако тело покоилось не в саркофаге, а на ложе, как это характерно для могильников Кермы.

Преемник Пианхи Шабак оставил добрую память о своем владычестве в Египте. По его приказу был переписан древнейший богословский трактат Мемфиса. Старания оказались напрасными. Еще долго после смерти Шабаки, вплоть

до птоломеевского времени, одна из улиц Мемфиса носила его имя. Апогея своего величия династия достигла при Тахарке. Его коронационная стела была установлена не только в достроенном и отделанном им великолепном храме Гемпатон (у третьего порога), но и в северной части Дельты, в Танниси. Последнему представителю XXV династии, Танутамону, несмотря на предписание воцариться в Египте, полученное во сне, недолго пришлось наслаждаться славой. Мощь и натиск ассирий-

ских войск развеяли в прах амбиции фараонов из Куша.

Видимо, в связи с угрозой вторжения иноземцев с севера или по каким-то иным причинам главные центры кушитской цивилизации отодвинулись значительно южнее, в Напату и Мероэ, к четвертому и пятому нильским порогам. Резиденция царской семьи с VI—V вв. до н. э. находилась в Мероэ, но Напата оставалась главным религиозным центром. Здесь происходил основной обряд коронации властелина, после чего он совершал поездки по другим крупным святищам Куша.

Наиболее выдающимся памятником местной архитектуры и искусства является религиозный комплекс в Мусавват-эс-Суфра, где почитался местный львиноголовый бог Апедемак. Рельефы этого

Храм в Семис. Эпоха Тутмоса III. XVIII династия

храма по стилю исполнения внешне еще очень напоминают египетские, хотя при внимательном изучении уже здесь наблюдается отход от принципов египетского канона. Гимн Апедемаку, начертанный, правда, египетскими иероглифами, по своему содержанию является чисто мероитским. В многочисленных изображениях льва на рельефах религиозного комплекса Мусавварат-эс-Суфра отразилась типично африканская символика царя-льва, связанная с представлениями о мощи и физической силе правителя, носителя плодородия, обеспечивающего благополучие своих подданных.

На рубеже нашей эры в честь бога Апедемака был построен другой храм, в Нага. Архитектура его была выдержана в местном стиле. На рельефах Апедемак представлен в виде трехглавого и четырехрукого львиноголового бога, а также в облике львиноголовой змеи с телом человека и головой льва. Эти образы целиком явились продуктом творчества местных мастеров и отражали функции львиноголового бога войны и вместе с тем бога плодородия.

Греческая традиция сохранила воспоминание о мероитском царе Эргамене (Аркамани), жившем во времена Птолемея II, который получил греческое воспитание и философское образование. Он осмелился уничтожить старые обычаи, согласно которым стареющий властелин по повелению жрецов должен был умереть. «Возмев образ мыслей, достойный царя,— писал Диодор,— он... перебил всех жрецов и, уничтожив этот обычай, переделал все по своему усмотрению». В современной науке с именем этого правителя иногда связывают и происхождение мероитской письменности.

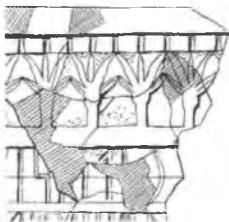
Первые надписи, составленные мероитским письмом, дошли до нас от II в. до н. э., хотя язык, безусловно, существовал много ранее. Это древнейшее на Африканском континенте алфавитное письмо возникло под непосредственным воздействием египетского, как иероглифического, так и демотического его варианта.

Вся история развития мероитской культуры проходила во взаимодействии с крупнейшими державами древности. В Куше были восприняты многие из их традиций и достижений. Синкретизм в культуре Куша является, таким образом, исторически обусловленным. Среди внешних факторов ведущая роль в становлении культурной традиции, безусловно, принадлежит Египту, целый ряд черт которого укоренился в Куше без изменений. Это относится к отдельным образам египетских богов, к стилю изображения рельефных и статуарных композиций, к атрибутике царей и богов — форме короны, скипетрам, приставному бычьему хвосту, к жертвенным формулам и ряду других элементов заупокойного культа, к некоторым храмовым ритуалам, к титулатуре царей.

Определенную роль в поддержании традиции играла постоянная прослойка египетского населения в Куше — непосредственного носителя культуры. Особенностью процесса была адаптация черт египетской культуры до такой степени, что они уже механически воспринимались населением и осознавались уже не как пришлый, а как местный элемент.

В греко-римский период процесс культурного влияния проходил опосредованно — через эллинистический и римский Египет, а также непосредственно — через греческое и римское население, находившееся в Мероэ. Наиболее яркими проявлениями этого влияния считаются так называемый римский киоск в Нага, остатки римских бань в Мероэ, фигуры богов анфас, по стилю сходные с греческими изображениями. Сюда же следует отнести поэтические произведения в честь местного бога Мандулиса, составленные по различным формам греческого литературного канона.

Уже со времен Александра Македонского Куш занимал вполне определенное место в эллинистической, а позднее и в римской литературе. Куш связывался с путешествиями, мнимыми или реальными географическими открытиями, считался местом убежища для тесни-

мых и гонимых из Египта правителей. Перед читателем предстает сказочно богатая золотом страна, место средоточия богов, почитаемых в греко-римском мире. Так в синтезе различных элементов, но при устойчивом сохранении местной основы на протяжении веков складывалась и развивалась качественно новая культура — цивилизация Куша, оказывавшая влияние на те страны, с которыми непосредственно соприкасалась.

Традиции глубокой древности сохранялись веками в народной памяти. Даже в современном фольклоре Судана имеется предание о

царе Напа из Нафты, этимологически явно восходящее к мероптскому топониму, о древних обычаях умерщвления царей и отмене их царем Акафом, о змеях — хранительницах храма и многие другие. В сказаниях присутствуют воспоминания о сокровищах Кермы, а местное население до сих пор окружает легендами и почитает руины — остатки древнего городища Кермы. Самобытная и оригинальная культура Куша внесла свой вклад в общее культурное наследие стран древнего Востока, явилась истоком современной культуры народов Судана.

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ

Нынешний уровень наших знаний позволяет с полной определенностью утверждать, что нигде в Африке к югу от Сахары до рубежа VII—VIII вв. н. э. не сложились общества с антагонистическими классами и что лишь после появления в Северной и Восточной Африке арабов народы субсахарской Африки познакомились с письменностью.

Бесспорно, однако, что в разных регионах существовали определенные общности, отличавшиеся теми или иными специфическими чертами материальной и духовной культуры, которые правильнее было бы определять как предцивилизации или протоцивилизации.

Эти, условно говоря, древнейшие цивилизации, сложение которых в общем совпало по времени с переходом к железному веку на всей территории субсахарской Африки, формировались в нескольких главных районах, которые разделяли огромные расстояния, где, по видимому, сохранялось население, жившее еще на ранних стадиях первобытнообщинного строя. Такими очагами цивилизаций были Западный Судан и сопредельные с ним части сахельской зоны на севере, а также прилегавшие к ним области Сахары; центральная и юго-западная части современной Нигерии; бассейн верхнего течения р. Луалаба (нынешняя провинция Шаба в Заире); центральные и восточные области сегодняшней Рес-

публики Зимбабве, которая своим названием обязана как раз блещущей цивилизации, сложившейся здесь в первые века II тыс. н. э., и, наконец, африканское побережье Индийского океана. Археологические исследования последних двух десятилетий убедительно показывают прямую преемственность между этими древнейшими цивилизациями и цивилизациями африканского средневековья — великими державами Западного Судана (Ганой, Мали, Сонгай), Ифе, Бенином, Конго, Зимбабве, суахильской цивилизацией.

Наибольшего развития достигли древнейшие цивилизации, сложившиеся в Западном Судане и в Нигерии. Центральноеафриканские очаги отставали по времени появления металлургии железа и меди и крупных поселений городского типа. Восточноафриканский очаг отличала определенная специфика, связанная с ролью морской торговли в его формировании.

Разделенность очагов цивилизаций Тропической Африки значительными расстояниями вовсе не означала, что между ними отсутствовали связи. Они прослеживаются между западносуданским и нигерийским очагами, между последним и бассейном Конго. Археологические данные обнаруживают контакты, существовавшие между территорией нынешних Замбии и Зимбабве и районом Верхней Луалабы, а также восточноафрикан-

ским побережьем, хотя в большинстве своем данные эти относятся к началу II тыс. н. э.

По-иному обстояло дело с контактами внеафриканскими. Если Западный Судан к VIII в. н. э. уже насчитывал многие столетия контакта с Северной Африкой, а Восточная Африка имела давние связи с бассейном Красного моря, а затем и районом Персидского залива и Южной Азией, то нигерийский и центральноафриканский очаги с неафриканскими обществами непосредственно не взаимодействовали.

излучины Нигера в районе нынешнего города Гао. Речь идет о так называемых дорогах колесниц: на скальные изображения запряженных лошадьми колесниц говорят о достаточно оживленных контактах, однако же с определенными ограничениями по времени и по характеру. С одной стороны, появление лошади в Сахаре относится лишь к I тыс. до н. э., а с другой — сами по себе колесницы сахарских изображений, по мнению специалистов, едва ли могли использоваться в каких-либо иных целях, кроме пре-

Сценка. Тассили.
Аджер. IV тыс.
до н. э.

Но это не исключало контактов опосредованных, например предшественников цивилизации Зимбабве с Ближним Востоком и Южной Азией. Они осуществлялись через гавани восточноафриканского побережья. Известны, например, находки римских изделий в достаточно удаленных от караванных и морских путей внутренних областях Африканского континента.

Высокий уровень цивилизации западносуданского очага был результатом развития местных обществ, хотя давние и стабильные связи с классовыми обществами Средиземноморья в определенной мере ускорили такое развитие. Связи засвидетельствованы многочисленными наскальными изображениями вдоль двух главных древних путей через Сахару: из Южного Марокко в район внутренней дельты р. Нигер и из Фецдана к восточной оконечности большой

стижных, из-за хрупкости конструкции, не позволяющей их применять ни как грузовую, ни, возможно, как боевую повозку.

Подлинный «технический переворот» произошел с появлением в Сахаре верблюда примерно на рубеже II—I вв. до н. э. и имел серьезные социальные последствия, определив формы взаимоотношений жителей пустыни и их оседлых соседей на юге и позволив торговле через пустыню стать стабильным и отрегулированным институтом. Правда, последнее, видимо, произошло окончательно позднее и было связано уже с появлением арабов.

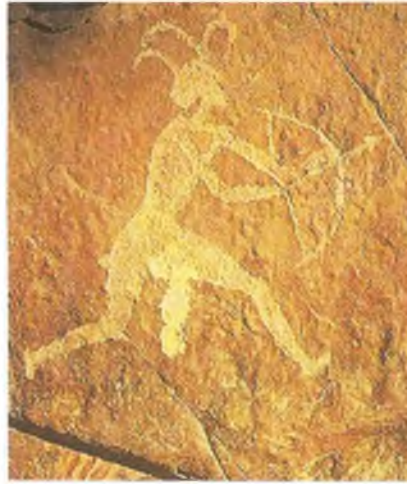
Транссахарские контакты сыграли, вероятно, определенную роль в сложении западноафриканского очага индустрии бронзового века, предшествовавшего металлургии железа,—очага, единственного во всей Тропической Африке. Раскоп-

ки французской исследовательницы Николь Ламбер в Мавритании в 60-х гг. доказали существование здесь крупного центра медной и бронзовой индустрии. В районе Акжужта были обнаружены медные рудники и места выплавки меди (Лемдена). Были найдены не только большие скопления шлака, но и остатки плавильной печи с дутьевыми трубками. Находки датируются VI—V вв. до н. э. Мавританский центр бронзовой индустрии лежал как раз у южной оконечности западной «дороги колесниц», которая непосредственно соединяла его с аналогичным, но относящимся к более раннему времени центром металлургии на юге Марокко.

В научной литературе выдвигалось предположение о связи между мавританским центром металлургии и многочисленными погребениями и мегалитическими сооружениями вдоль среднего течения Нигера в районе Гундам—Ниафунке. Отрицать принципиальную возможность такой связи не приходится. Однако в гораздо более близких к Акжужту районах вдоль уступа Дар-Тишит в Мавритании, лежащих на прямой линии между Акжужтом и долиной Нигера, влияние индустрии бронзы никак не проявилось. Археологические открытия конца 70-х—начала 80-х гг. заставляют связывать памятники района Гундам—Ниафунке скорее с другим центром цивилизации, уникальным для всей территории Тропической Африки, поскольку его отличает достаточно развитая традиция городской жизни, сложившаяся еще до начала нашей эры.

Речь идет о раскопках американских археологов Сьюзен и Родрика Мак-Интош в Дженне (Мали), начатых в 1977 г. На холме Дьоборо, в 3 км от города, были вскрыты остатки поселения городского типа: обнаружены руины городской стены и поквартальной застройки с многочисленными следами жилых строений. Дженне-Джено (Старый Дженне) сохранил свидетельства существования в округе развитой металлургии железа и керамического производства. Город служил центром активной торговли между

районом верхний Нигера и сахельской зоной, равно как и в средней дельте Нигера. Радиоуглеродные датировки позволяют отнести его основание еще к III в. до н. э., тогда как по традиции считалось, что город возник не ранее VIII в. Особенно важно, что результаты работ Мак-Интошей дают возможность пересмотреть и привычные взгляды на характер обменов в районе внутренней дельты, а также на причины сложения в данном регионе первого из известных нам раннегосударственных образований

Тропической Африки—древней Ганы. И в этом отношении западно-суданский очаг цивилизаций оказывается уникальным.

Дело в том, что образование древней Ганы обычно связывали с потребностями транссахарской торговли. Ныне же становится очевидным, что задолго до появления Ганы и становления крупной торговли через пустыню в среднем течении Нигера вырос довольно сложный и организованный экономический комплекс с развитой системой обменов, в которую были вовлечены продукты земледелия, железо, медь и изделия из них и продукция скотоводческого хозяйства; при этом железо в таких обменах предшествовало меди. Эти данные позволяют понять истинное соотношение внутренних и внешних факторов в историческом развитии региона.

Результаты археологических ис-

Изображение лучника. Тассили-н-Аджер. IV тыс. до н. э.

следования свидетельствуют о непрерывном ухудшении «политической» обстановки в районе Дар-Тишита на протяжении I тыс. до н. э. Уменьшение размеров поселений, обнесение их оборонительными стенами и постепенный перенос на вершины холмов говорят об усилении нажима со стороны кочевников, которых, очевидно, толкала к югу нарастающая аридизация Сахары. Высказывалось предположение о зарождении зачаточной эксплуатации земледельцев-негритов этими кочевниками. Но

Терракотовая голова. Ифе. (Нигерия). XII—XV вв.

тот же нажим в большей мере стимулировал становление у земледельцев крупных организационных раннеполитических структур, способных противостоять агрессии. Такая тенденция проявилась во всяком случае во второй четверти I тыс. до н. э., а возможно, и раньше, к началу этого тысячелетия. Древняя Гана на рубеже III—IV вв. н. э. стала логическим завершением данной тенденции. Это вполне объяснимо, если учесть, что появление в Сахаре верблюда резко увеличило военно-технический потенциал кочевых обществ.

Нигерийский очаг древнейших цивилизаций непосредственно связан с возникновением в Западной

Африке индустрии железа. Большинство ранних цивилизаций упомянутого очага отличается та или иная степенью преемственности по отношению к так называемой культуре Нок — самой ранней в регионе культуре железного века, восходящей к V в. до н. э. К ней принадлежат древнейшие дошедшие до нас памятники художественного творчества народов Тропической Африки — богатая коллекция реалистических скульптур, найденных при раскопках наряду с металлическими и каменными орудиями, украшениями из металла и жемчуга. Помимо чисто художественных достоинств она интересна тем, что в ней представлены черты стиля, сохранявшиеся в традиционной африканской скульптуре (включая и деревянную) вплоть до нашего времени. Кроме того, завершенность художественной формы предполагает этап достаточно долгого развития данной художественной традиции.

Преемственную связь с произведениями Нок обнаруживает цивилизация Ифе, создававшаяся предками современного народа йоруба. Реалистическая скульптурная традиция нашла в искусстве Ифе дальнейшее развитие и продолжение. Воздействие художественного стиля керамики Нок сказалось и в знаменитых бронзах Ифе.

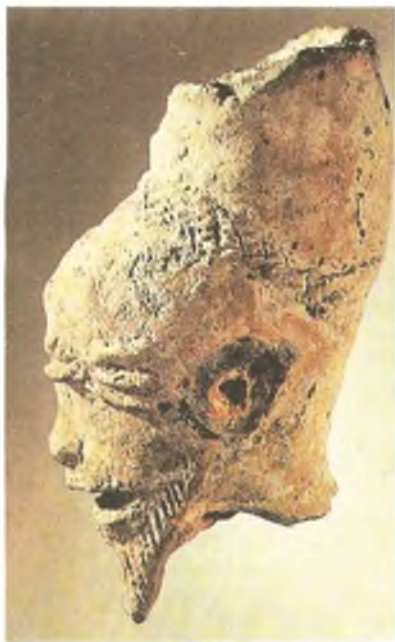
Возможность судить по археологическим материалам об уровне социальной организации создателей древних культур этого региона дают результаты раскопок, проведенных в Игбо-Укву, на нижнем Нигере. Британский ученый Терстен Шоу обнаружил здесь развитую раннюю цивилизацию с высокой художественной культурой, с весьма совершенной для своего времени технологией обработки железа и бронзы. Литейщики из Игбо-Укву владели техникой литья по выплавляемым моделям («потерянный воск»), которая несколькими столетиями позднее составила славу бенинской бронзы. Раскопки Шоу показали, что общество, создавшее эту цивилизацию, отличала развитая и уже довольно стратифицированная социальная организация.

Особо интересен вопрос о куль-

радиусе примерно 100 км вокруг совр. Иджамены). Раскопки обнаружили здесь множество терракотовых скульптур, представляющих совершенно самостоятельную художественную традицию, бронзовое оружие, утварь. Изучавший начальный этап культуры Сао французский исследователь Жан-Поль Лебёф относит самый ранний ее этап к VIII—X вв.

Вполне оригинальный очаг ранних цивилизаций сложился в верховьях р. Луалаба, о чем можно судить по материалам раскопок

78/79

Древние цивилизации Африки. Южная Аравия

Изображение Они (правителя). Бронза. Ифе. XII—XV вв.

Терракотовая голова. Сао. IX—XI вв.

турных связях Игбо-Укву и Ифе. На основании стилистического сходства скульптуры обоих центров было высказано предположение, что Ифе — цивилизация более древняя, чем принято было считать; аналогии же между отдельными видами украшений, известными по современным этнографическим исследованиям, и находкам в Ифе и Игбо-Укву позволили предположить, что Ифе как культурный центр по меньшей мере синхронен Игбо-Укву, т. е. может быть датирован временем не позднее IX в. н. э.

По-видимому, не была связана с культурой Нок культура Сао на территории современного Чада (в

двух крупных могильников — в Санге и Катото. Причем Катото датируется уже XII в., но его инвентарь обнаруживает явную преемственность по отношению к более ранней Санге. Последняя датируется, во всяком случае для части погребений, периодом между VII и IX вв. Богатейший погребальный инвентарь свидетельствует о высоком уровне развития местного ремесла. В частности, металлурги Санги не только владели литейным и кузнечным мастерством, но и умели волочить проволоку, железную и медную.

Обилие изделий из обоих металлов представляется вполне естественным, если вспомнить, что

провинция Шаба, где находится Санга, и в наши дни остается едва ли не главным горнопромышленным районом Тропической Африки. Характерно, что в Санге, как и вообще в Тропической Африке, металлургия железа предшествовала металлургии меди. О блестящем искусстве местных ремесленников свидетельствуют и украшения из слоновой кости. Очень самобытна керамика Санги, хотя она и обнаруживает несомненное родство с керамическими изделиями более обширного региона в Юго-Восточном Заире, обозначаемыми обычно как керамика кисале.

Ремесленная и художественная традиция, представленная Сангой и более поздней Катото, проявила удивительную жизнеспособность. Так, железные мотыги из погребального инвентаря Катото полностью воспроизводят форму современных мотыг, кустарно изготовляемых в этом районе. На основе материала раскопок в Санге можно говорить о крупной концентрации населения, а также о том, что район этот был заселен в течение долгого времени. Характер же инвентаря позволяет уверенно предполагать уже достаточно далеко зашедшее социальное расслоение. Поэтому справедливо считать, что район верховий Луалабы наряду с суданской зоной принадлежал к ключевым районам государствообразования на субконтиненте. При этом Санга хронологически предшествовала сложению системы обменов между верховьями Луалабы и бассейном Замбези, а значит, какая-то форма верховной власти возникла здесь спонтанно.

Упомянутая система дальних обменов в бассейне Луалабы, как и в суданской зоне, существовала параллельно с сетью возникших раньше ее локальных обменов. Но именно внешняя торговля сыграла, видимо, особенно важную роль в распространении влияния здешней цивилизации на юго-восток, в бассейн Замбези. И если, говоря словами известного бельгийского ученого Франсиса Ван Нотена, Санга и может рассматриваться как «блестящее, но изолированное» явление в бассейне Конго, то между Шабой

и территорией нынешних Замбии и Зимбабве влияние ее было достаточно ощутимым, что не говорит, однако, о несамостоятельности возникшей здесь цивилизации Зимбабве.

Расцвет этой цивилизации относится преимущественно к XII—XIII вв. Между тем необходимо упомянуть о ней, так как предпосылки ее образования возникли намного раньше. Медные изделия, найденные Роджером Саммерсом на плато Иньянга, где расположены многие важнейшие ее памятники, датируются тем же временем, что и Санга, — VIII—IX вв. — и называются намного более ранними, чем комплекс сооружений собственно Зимбабве. Но и в Зимбабве самые ранние следы заселения (так называемого Акрополя на Большом Зимбабве) датируются IV в. н. э. (правда, на основании единственного образца), а ранние поселения холма Гокомере — V—VII вв.

Блестящим примером африканских цивилизаций средневековья стала суахильская цивилизация, сложившаяся на восточноафриканском побережье Индийского океана. Как и в случае с Зимбабве, ее расцвет приходится уже на XII—XIII вв. Но так же как и там, создание предпосылок ее возникновения охватывало гораздо более длительный период — приблизительно с I по VIII в. К рубежу нашей эры Восточная Африка уже была связана со странами бассейна Красного моря и Персидского залива, а также с Южной и Юго-Восточной Азией достаточно давно и оживленными торговыми и культурными контактами.

Знакомство и контакты представителей средиземноморской цивилизации с Восточной Африкой засвидетельствованы в таких письменных памятниках древности, как «Перипл Эритрейского моря» и «География» Клавдия Птолемея. В I—II вв. районы побережья примерно до 8° южной широты (устье р. Руфиджи) регулярно посещали южноаравийские мореходы. Восточная Африка поставляла на тогдашний мировой рынок слоновую кость, бивни носорога, панцири че-

репах и кокосовое масло, вывозя железные и стеклянные изделия.

Археологические работы в разных пунктах побережья Восточной Африки дают результаты, относящиеся уже ко времени расцвета собственно суахильской цивилизации, т. е. к мусульманскому периоду истории региона, начало которого относится, если верить устной и литературной суахильской традиции, к рубежу VII—VIII вв. Однако исследования последних двух десятилетий, в особенности труды советского африканиста В. М. Мисюгина, свидетельствуют о том, что на побережье задолго до этого времени складывалась своеобразная предцивилизация, основывавшаяся главным образом на океанском судоходстве и океанском промысле.

Именно с этой предцивилизацией следует, видимо, связывать и появление сравнительно крупных поселений—торговых и промысловых,—превращавшихся затем в такие известные города-государства, типичные для суахильской цивили-

зации, как Килва, Момбаса и др. По всей вероятности, города сложились именно на протяжении I—VIII вв.: едва ли случайно анонимный автор «Перипла», написанного, очевидно, в последней четверти I в., избегает употребить слова «город» или «гавань», предпочитая говорить о «рынках» восточноафриканского побережья. Именно на базе таких торговых пунктов и формировались те города, основание которых традиция, а за нею и ранние европейские исследователи связывали с появлением здесь пришельцев из Аравии или Ирана. Но не может быть сомнения в том, что эти мигранты VII—VIII вв. оседали в пунктах, знаменитых ближневосточным мореходом и купцам уже на протяжении столетий по их контактам с жителями побережья.

Таким образом, к VIII в. н. э. на территории Тропической Африки уже сложилось несколько очагов ранних цивилизаций, которые стали основой последующего развития африканских культур.

ЦИВИЛИЗАЦИИ ДРЕВНЕЙ ЮЖНОЙ АРАВИИ

Судьба Аравийского п-ова поистине драматична. Находки раннепалеолитических орудий олдувайского типа на территории Южной Аравии от прибрежной полосы у пролива до западных районов Хадрамаута, а также обнаружение многочисленных раннепалеолитических стоянок по северной границе Руб-эль-Хали свидетельствуют о том, что Южная Аравия входила в одну из зон, откуда человечество начало свое «шествие по планете», стартовав из Восточной Африки. Один из путей расселения шел через Аравию, в то далекое время обильно орошаемую водами речных потоков, цветущую, богатую несчетными стадами травоядных.

По-видимому, не позднее чем к XX тыс. до н. э. обнаружили первые грозные признаки резкого изменения природных условий обитания человека в Аравии, которое в XVIII—XVII тыс. привело к абсолютной засухливости климата практически на всей территории полуострова. Люди покинули Ара-

вию, хотя не исключено, что на ее крайнем юге и востоке сохранились отдельные, мало связанные между собой «экологические убежища», где продолжали тлеть угольки жизни.

С VIII тыс. в условиях нового, на этот раз благоприятного для людей изменения климата начинается вторичное, и окончательное, ее заселение—вначале восточной прибрежной части (Катар), а затем, с VII—VI тыс., и Центральной и Южной Аравии (юго-западная часть Руб-эль-Хали, Северный Йемен, Хадрамаут и т. д.). Видимо, не позднее V тыс. вдоль восточного побережья Аравии расселяются носители убейдской культуры, а затем и культуры Джемдет-Наср. В III тыс. Восточная Аравия, и особенно Оман (древний Маган), включаются в морскую торговлю Южного Двуречья и «страны Дильмун» (Бахрейн) с Северо-Западной Индией.

Возможно, что в конце III—начале II тыс. до н. э. на террито-

рию Южной Аравии впервые проникают семитские племена. Нам не известны конкретные причины, побудившие их проделать полный лишения путь на юг п-ова, однако ясно, что уже на своей прародине они достигли довольно высокого уровня развития: им было знакомо земледелие, они приобрели навыки в ирригации и строительном деле. Общение с более культурными оседлыми народами познакомило их с письменностью, они уже обладали и стройной системой религиозных представлений.

II тыс. и до VI в. до н. э. цивилизации: Сабейская, Катабанская, Хадрамаутская и Маинская, сосуществовавшие на протяжении I тыс. до н. э. Вероятно, в течение всего этого времени южноаравийские цивилизации в своих культурных контактах с Ближним Востоком сохраняли ориентацию на те области, откуда некогда пришли их основатели. В культуре древнего Хадрамаута встречаются и определенные черты заимствования из областей крайнего востока Аравийского п-ова, длительное время на-

*Ущелье Аль-Гуза.
Раннепалеолитическая стоянка*

Особенности природных условий Южной Аравии — большая изрезанность рельефа, контрасты климатических зон, сравнительно узкие долины-вади, пригодные для земледелия, способствовали тому, что пришельцы, селясь отдельными племенными или родовыми группами, создавали изолированные очаги культуры. Одним из следствий такой изоляции явилось сосуществование на небольшой территории в течение долгого времени не менее четырех особых языков.

Явственные черты самобытности имели и возникавшие здесь с конца

ходившихся под воздействием Южного Двуречья.

В первой половине I тыс. до н. э. это уже были высокоразвитые общества, основывавшиеся на орошаемом земледелии, с многочисленными городами, развитой архитектурой и искусством. Важнейшую роль начинают играть технические культуры, и прежде всего деревья и кустарники, дающие ладан, мирру и другие благовонные смолы, которые пользовались высоким спросом в странах Ближнего Востока и Средиземноморья. Разведение благовонных деревьев стало

источником процветания государств Древнего Йемена — «Счастливей Аравии». Вывоз благоволий способствовал увеличению обмена и торговли, расширению культурных контактов. В X в. до н. э. Саба завязывает торговые и дипломатические отношения с Восточным Средиземноморьем. К VIII в. до н. э. Сабейское государство впервые вступает в контакт с Ассирийской державой и, видимо, не позднее VII в. до н. э. колонизирует территорию современной Северо-Восточной Эфиопии.

Место, занимаемое Южной Аравией на морском пути из Индии в Африку и Египет и далее, в Средиземноморье, уже в первой половине I тыс. до н. э., также определило и ее роль как важнейшего посредника в обмене товарами между древними цивилизациями Южной Азии и Ближнего Востока, бассейном Индийского океана и Средиземного моря. Гавани Хадрамаута и Катабана служили перевалочными пунктами для этих товаров, которые отсюда караванными путями шли на север — в Египет, Си-

82/83

*Древние цивилизации Африки.
Южная Аравия*

Производство ладана, мирры и др. было сосредоточено главным образом в прилегающих к Индийскому океану районах Хадрамаута (и частично Катабана), а внешняя караванная торговля с VI в. до н. э. оказалась в руках Майна. Отсюда начиналась главная часть караванного «Пути благоволий». В дальнейшем майнцы создают караванные станции и торговые колонии в Северо-Западной Аравии и начинают совершать регулярные торговые путешествия в Египет, Сирию и Двуречье, а затем и на о-в Делос.

рию, Двуречье. Дело облегчалось особым режимом ветров, дующих в северной части Индийского океана, который позволял зимой от гаваней западного побережья Индии плыть прямо к Юго-Западной Аравии и Восточной Африке, тогда как в летние месяцы ветры обеспечивали плавание из Южной Аравии и Африки в Индию.

С VII в. до н. э. на всю территорию Юго-Западной Аравии распространяется политическая гегемония Сабы, однако уже с VI—IV вв. до н. э. в результате длительных войн Майн, Катабан и Хадрамаут осво-

*Древние иероглифы.
Известняк. Западный
Хадрамаут*

бождаются от сабейской зависимости, и это находит отражение в многочисленных фактах «национального» культурного возрождения. Войны продолжаются на протяжении всей второй половины [тыс. до н. э. В результате их Майн поглощается Сабой, но и сама она, ослабленная этими войнами, надолго становится ареной междоусобных битв и смен различных периферийных династий. Относительная стабильность здесь устанавливается лишь с III в. н. э. К этому времени с исторической

Сомали и Адена, где товары, привезенные из Индии йеменскими и индийскими моряками, перегружаются на их суда. В конце II в. до н. э. по монополии Южной Аравии в транзитной торговле между Индией и Египтом был нанесен тяжкий удар. Открытие греко-египетскими мореплавателями режима муссонов позволило им совершать прямое плавание в Индию и обратно. Уже через каких-нибудь столет в Индию ежегодно отправлялось из Египта свыше 100 кораблей. С захватом Сирии и Египта

*Городище Рейбун.
Общий вид. VIII в.
до н. э.—I в. н. э.*

арены исчезает Катабан, в самой же Сабее воцаряется династия из Химияра — области, располагавшейся на крайнем юго-западе Южной Аравии.

К началу нашей эры происходит резкое изменение ситуации на путях вывоза благовоний, что повлияло на последующее развитие местных цивилизаций. Уже в середине II в. до н. э. Красное море и западная часть Аденского залива оказываются освоенными греко-египетскими мореплавателями и купцами. На своих кораблях они достигают северного побережья

Римом в I в. до н. э. положение еще более осложнилось. Внутри-аравийская торговля хиреет, борьба в Южной Аравии с I в. н. э. ведется уже не за господство на торговых путях, а непосредственно за земли, где растут деревья, дающие благовония, и за приморские районы, где располагались гавани для вывоза этих благовоний.

Основатели древнейеменских цивилизаций принесли с собой в Южную Аравию прочные знания, представления и навыки во многих областях хозяйственной и культурной жизни — об этом свидетельствуют

великолепные постройки из камня, огромные города, сооруженные на искусственных холмах в долинах-вади, непревзойденное мастерство строителей гигантских оросительных систем. Об этом же говорит и богатство духовной жизни, отражившееся в сложных представлениях о мире богов, в создании собственной «интеллигенции духа» — жречества, в чрезвычайно широком распространении письма.

Древние южноаравийцы, говорившие на языках отдельной подгруппы «южно-периферийных» се-

щики верблюдов и ремесленники, мужчины и женщины. В обнаруженных надписях встречаются описания исторических событий, статьи законов. Найдены также посвячительные и строительные тексты, надписи на гробницах, деловая переписка, копии закладных документов и т. д. и т. п. Именно надписи вкупе с отдельными упоминаниями в Библии, у античных и ранневизантийских авторов являются важнейшим источником знаний по истории и культуре Древней Южной Аравии.

митских языков, пользовались особым письмом, унаследованным ими от алфавитной письменности Восточного Средиземноморья, — многие знаки были изменены в соответствии с основной идеей — придания всей системе знаков четких геометрических форм. Писали на самых различных материалах: резали по камню, на деревянных дощечках, по глине, затем отливали надписи в бронзе, процарапывали на скалах (граффити), наносили также мягкие писчие материалы. Писали все: цари и знать, рабы и купцы, строители и жрецы, погон-

Правда, о духовной культуре известно немного — утрачены крупные произведения мифологического, ритуального и иного содержания. Важнейшими источниками по сей день остаются надписи, содержащие среди прочего имена и эпитеты богов, их символы, а также скульптурные и рельефные изображения божеств, их священных животных, мифологических сюжетов. На них основаны представления о характере пантеонов (единого сонма богов в Южной Аравии не сложилось) и некоторых функциях богов. Известно, что здесь на ранних

Рейбуи. Раскопки

этапах огромную роль играли астральные божества, стоявшие во главе пантеонов, в первую очередь древнесемитский бог Астар (ср. Иштар, Астарта и т. п.). Его образом была Венера. После Астара следовали различные ипостаси солнечного божества и, наконец, «национальные» боги — божества племенных союзов, олицетворением которых была Луна (Альмаках в Сабее, Вадд в Майне, Амм в Карабане и Син в Хадрамауте). Разумеется, были и другие боги — покровители отдельных родов, пле-

всяком случае со времени незадолго до начала нашей эры, выдвигание на первый план «национальных» богов и постепенное оттеснение главного астрального божества Астара. Впоследствии, к IV в. н. э., Альмаках в Сабее почти полностью вытесняет прочих богов, что существенно облегчало переход к монотеистическим религиям — иудейству и христианству.

Следствием особых природных условий существования древних южноаравийских цивилизаций и особенностью их развития были

Рейбун. Раскопки храма

мен, городов, «функциональные» божества (орошения и т. п.).

В целом в пангеонах объединились древнейшие общесемитские (Астар, возможно, Илу) боги или родовые божества, заимствованные в Двуречье (Син) и у соседей, из Центральной и Северной Аравии и т. п. Если говорить о динамике представлений в «языческую» эпоху, то четко прослеживается, во

близкое соседство и взаимодействие с кочевыми племенами внутренней Аравии. Часть этих племен постоянно стремилась выйти из пустынной страны в сельскохозяйственные районы и осесть там. Скотоводческие племена находились на значительно более низком уровне хозяйственного и культурного развития. Оседая в течение веков (в особенности начиная со II в. н. э.) на

землях Йемена, они вступали в непосредственный контакт с местными цивилизациями. Это в небольшой степени вело к общему упадку хозяйственной жизни и культуры, к тому, что местное население все более растворялось в массе пришлых племен и родов, утрачивало свою самобытность и язык, «арабизировалось». Неодолимое и все нарастающее воздействие отрицательных факторов предопределило постепенный упадок южноаравийских цивилизаций уже с первых веков нашей эры и их гибель в VI в.

Однако закат древних цивилизаций Южной Аравии сопровождался и необычайным взлетом духовной жизни, в которой в причудливой форме отразилась вся совокупность условий и особенностей их развития. В умирающих обществах она в сильнейшей степени окрасилась в эсхатологические тона.

То обстоятельство, что Южная Аравия, в особенности ее внутренние, наиболее развитые центры цивилизаций, все менее могла пользоваться выгодами особого положения на пересечении торговых путей, вовсе не означало, будто само это положение потеряло всякое значение в глазах великих империй древности. Можно даже утверждать, что с конца I в. до н. э. оно неизменно возрастало, а Аравия в целом и Южная Аравия в частности приобретали характер важнейшего элемента международных отношений.

На рубеже нашей эры естественными центрами распространения в Южной Аравии позднеэллинистических влияний (а впоследствии — христианства) стали как раз торговые поселения греко-египетских купцов в приморских торговых городах (Адене, Кане, на о-ве Сокотра). К этому времени относятся засвидетельствованные в иконографии попытки создания аллегорических образов южноаравийских богов и их «эллинизации». В первые века нашей эры в греко-римской среде Адена и на Сокотре начинает распространяться и христианство.

С IV в. н. э. Восточная Римская империя прилагает усилия к насаждению в Южной Аравии упомяну-

той религии, используя для этого как миссионерскую деятельность Александрийской церкви, так и христианизированную верхушку Аксума — государства, возникшего к началу нашей эры на территории Эфиопии и захватившего уже в начале II в. некоторые прибрежные районы в Юго-Западной Аравии. Вскоре Аравию наполнят еще ариане, монофиситы, несториане и др. К этой картине надо добавить местную древнюю языческую религию и примитивные культы бедуинов, оказывающих все большее

Посвятельная
надпись. Западный
Хадрамаут

влияние на политические события на юге Аравийского п-ова.

В ожесточенную борьбу идей, сопровождавшуюся столкновениями, вторжениями аксумитов, вовлекались широкие круги южноаравийского общества... Со всей очевидностью предстал главный политический вывод этой борьбы: и христианство любых толков, и иудаизм ведут к потере независимости, к порабощению страны иноземцами. Однако идеологический взрыв предотвратить было невозможно. Борьба идей распространялась за пределы юга Аравии, вовлекая в свою орбиту торговые пункты на караванных путях. Постепенно в этой борьбе пробивала себе дорогу другая главная политическая идея — идея единства и противостояния. Рождалось нечто свое, аравийское, неповторимое. Рождался ислам.

Ancient Civilizations of Mesopotamia

Древние цивилизации Месопотамии

*Месопотамская цивилизация —
одна из древнейших
в мире*

НАСЕЛЕНИЕ

Месопотамией (Междуречьем) древнегреческие географы называли равнинную область между Тигром и Евфратом, расположенную в их нижнем и среднем течении.

С севера и востока Месопотамия окаймлялась окраинными горами Армянского и Иранского нагорий, на западе граничила с Сирийской степью и полупустынями Аравии, с юга ее омывал Персидский залив.

Центр развития древнейшей цивилизации находился в южной части этой территории — в древней Вавилонии. Северная Вавилония носила название Аккад, южная — Шумер. В северной Месопотамии, которая представляет собой холмистую степь, переходящую в горные

районы, была расположена Ассирия.

Не позднее IV тыс. до н. э. на крайнем юге Месопотамии возникли первые шумерские поселения. Некоторые ученые полагают, что шумеры не были первыми обитателями южной Месопотамии, так как многие топонимические названия, бытовавшие там после заселения низовий Тигра и Евфрата этим народом, не могли происходить из шумерского языка. Возможно, что шумеры застали в южной Месопо-

тами племена, говорившие на языке, отличном от шумерского и аккадского, и заимствовали у них древнейшие топонимы. Постепенно шумеры заняли всю территорию Месопотамии (на севере — от района, где находится современный Багдад, на юге — до Персидского залива). Но откуда шумеры пришли в Месопотамию, выяснить пока не удастся. Согласно традиции, бытовавшей среди самих шумеров, они прибыли с островов Персидского залива.

Шумеры говорили на языке, род-

сковоходческими племенами древней Передней Азии и Сирийской степи. Язык семитских племен, поселившихся в Месопотамии, назывался аккадским. В южной Месопотамии семиты говорили на вавилонском, а к северу, в средней части долины Тигра, — на ассирийском диалекте аккадского языка.

В течение нескольких веков семиты жили рядом с шумерами, но затем стали продвигаться на юг и к концу III тыс. до н. э. заняли всю южную Месопотамию. В результате этого аккадский язык постепен-

*Круглые печати.
Эпоха Джемдет-Наср*

*Цилиндрическая
печать. Эпоха
Джемдет-Наср*

ственные связи которого с другими языками еще не установлены. Попытки доказать родство шумерского с тюркскими, кавказскими, этрусским или другими языками не дали сколько-нибудь положительных результатов.

В северной части Месопотамии начиная с первой половины III тыс. до н. э. жили семиты. Они были

но вытеснил шумерский. Однако последний оставался официальным языком государственной канцелярии еще в XXI в. до н. э., хотя в быту он все больше заменялся аккадским. К началу II тыс. до н. э. шумерский был уже мертвым языком. Лишь в глухих болотах нижнего течения Тигра и Евфрата он смог сохраниться до середины

II тыс. до н. э., но затем и там его место занял аккадский. Однако как язык религиозного культа и науки шумерский продолжал существовать и изучаться в школах до I в. н. э., после чего клинопись вместе с шумерским и аккадским языками была окончательно забыта. Вытеснение шумерского языка вовсе не означало физического уничтожения его носителей. Шумеры слились с вавилонянами, сохранив свою религию и культуру, которые у них с небольшими изменениями заимствовали вавилоняне.

В конце III тыс. до н. э. в Месопотамию из Сирийской степи начали проникать западносемитские скотоводческие племена. Вавилоняне называли эти племена амореями. По-аккадски Амурру означало «запад», главным образом применительно к Сирии, и среди кочевников этого региона было много племен, говоривших на различных, но близких друг другу диалектах. Часть этих племен называлась сугтии, что в переводе с аккадского означало «кочевники».

С III тыс. до н. э. в северной Месопотамии, от верховьев реки Диялы до оз. Урмии, на территории современного Иранского Азербайджана и Курдистана, обитали племена кутии, или гутии. С древнейших времен на севере Месопотамии жили хурритские племена.

По-видимому, они были автохтонными жителями Северной Месопотамии, Северной Сирии и Армянского нагорья. В Северной Месопотамии хурриты создали государство Митанни, которое в середине II тыс. до н. э. было одной из крупнейших держав Ближнего Востока. Хотя хурриты были основным населением Митанни, там проживали и индоарийские по языку племена. В Сирии хурриты, по-видимому, составляли меньшинство населения. По языку и происхож-

Сосуд. Силь «Сузы-А». IV тыс. до н. э.

Статуя молящегося правителя. Деталь. Известняк. Урук

дению хурриты были близкими родственниками урартских племен, живших на Армянском нагорье. В III—II тыс. до н. э. хуррито-урартский этнический массив занимал всю территорию от равнин Северной Месопотамии до Центрального Закавказья. Шумеры и вавилоняне называли страну и племена хурритов Субарту. В отдель-

ных районах Армянского нагорья хурриты сохранялись еще в VI—V вв. до н. э. Во II тыс. до н. э. хурриты заимствовали аккадскую клинопись, которой они писали по-хурритски и по-аккадски.

Во второй половине II тыс. до н. э. из Северной Аравии в Сирийскую степь, в Северную Сирию и Северную Месопотамию хлынула мощная волна арамейских племен. В конце XIII в. до н. э. арамеи создали в Западной Сирии и юго-западной Месопотамии множество мелких княжеств. К началу I тыс. до н. э. арамеи почти полностью ассимилировали хурритское и аморейское население Сирии и северной Месопотамии.

В VIII в. до н. э. арамейские государства были захвачены Ассирией. Однако после этого влияние арамейского языка только усилилось. К VII в. до н. э. вся Сирия говорила по-арамейски. Этот язык начал распространяться и в Месопотамии. Его успехам способствовали и многочисленность арамейского населения, и то обстоятельство, что арамеи писали удобным и легким для усвоения письмом.

В VIII—VII вв. ассирийская администрация проводила политику насильственного переселения покоренных народов из одного района

Ассирийской державы в другой. Цель таких «перетасовок» — затруднить взаимопонимание между различными племенами, предотвратить их мятежи против ассирийского ига. Кроме того, ассирийские цари стремились заселить опустошенные во время бесконечных войн территории. В результате неизбежного в таких случаях смешения языков и народов победителем выходил арамейский язык, который стал господствующим разговорным языком от Сирии до западных районов Ирана, даже в самой Ассирии. После крушения Ассирийской державы в конце VII в. до н. э. ассирийцы полностью утратили свой язык и перешли на арамейский.

Начиная с IX в. до н. э. в южную Месопотамию начали вторгаться родственные арамеям халдейские племена, которые постепенно заняли всю Вавилонию. После завоевания Месопотамии персами в 539 г. до н. э. арамейский стал официальным языком государственной канцелярии в этой стране, а аккадский сохранялся лишь в крупных городах, но и там постепенно вытеснялся арамейским. Самы вавилоняне к I в. н. э. полностью слились с халдеями и арамеями.

ШУМЕР

На рубеже IV и III тыс. до н. э., примерно одновременно с возникновением государства в Египте, в южной части междуречья Тигра и Евфрата появляются первые государственные образования. В начале III тыс. до н. э. на территории южной Месопотамии сложилось несколько небольших городов-государств. Они были расположены на естественных холмах и окружены стенами. В каждом из них жило приблизительно 40—50 тыс. человек. На крайнем юго-западе Месопотамии находился город Эриду, близ него — город Ур, имевший огромное значение в политической истории Шумера. На берегу Евфрата, к северу от Ура, находился город Ларса, а к востоку от него, на берегу Тигра, — Лагаш. Большую роль в объединении страны

сыграл город Урук, возникший на Евфрате. В центре Месопотамии на Евфрате находился Ниппур, являвшийся главным святилищем всего Шумера.

В первой половине III тыс. до н. э. в Шумере создалось несколько политических центров, правители которых носили титул лугаль или энси. Лугаль в переводе означает «большой человек». Так обычно называли царей. Энси называли самостоятельного владыку, правившего каким-либо городом с ближайшей округой. Титул этот жреческого происхождения и свидетельствует о том, что первоначально представитель государственной власти был также главой жречества.

Во второй половине III тыс. до н. э. на преобладающее положение

в Шумере стал претендовать Лагаш. В середине XXV в. Лагаш в жестокой битве разгромил своего постоянного врага — город Умму, расположенный к северу от него. Позднее правитель Лагаша Энметена (около 2360—2340 гг. до н. э.) победоносно окончил войну с Уммой.

Внутреннее положение Лагаша не было прочным. Народные массы города были ущемлены в своих экономических и политических правах. Чтобы восстановить их, они объединились вокруг Уруиним-

*Печать Лугальанды,
правителя Лагаша*

*Принц Ди-Уту,
внук Лугалькисальси,
царя Урука.
Деталь. Известняк.
Около 2400 г. до н. э.*

*Рельеф с изображением
Ур-Нанше,
царя Лагаша. Известняк.
Около 2500 г. до н. э.*

гины, одного из влиятельных граждан города. Тот сместил энси по имени Лугальбанда и сам занял его место. За период шестилетнего правления (2318—2312 гг. до н. э.) он провел важные социальные ре-

*Голова царя
(Саргон Аккадский).
Бронза. Ниневия.
Около 2250 г. до н. э.*

формы, которые являются древнейшими известными нам правовыми актами в области социально-экономических отношений. Он первым провозгласил ставший впоследствии популярным в Месопотамии лозунг: «Пусть сильный не обижает вдов и сирот!» Были отменены поборы с жреческого персо-

нала, увеличено натуральное довольствие подневольных храмовых работников, восстановлена независимость храмового хозяйства от царской администрации. Определенные уступки были сделаны и рядовым слоям населения: уменьшена плата за совершение религиозных обрядов, отменены некоторые налоги с ремесленников, уменьшена повинность на оросительных сооружениях. Кроме того, Уруинимгина восстановил судебную организацию в сельских общинах и гарантировал права граждан Лагаша, защитив их от ростовщической кабалы. Наконец, была ликвидирована полиандрия (многомужество). Все эти реформы Уруинимгина выдал за договор с главным богом Лагаша Нингирсу, а себя объявил исполнителем его воли.

Однако, пока Уруинимгина был занят своими реформами, началась война между Лагашем и Уммой. Правитель Уммы Лугальзагеси заручился поддержкой города Урука, захватил Лагаш и отменил введенные там реформы. Затем Лугальзагеси узурпировал власть в Уруке и Эриду и распространил свое господство почти на весь Шумер. Столицей этого государства стал Урук.

Основной отраслью экономики Шумера было земледелие, основанное на развитой оросительной системе. К началу III тыс. до н. э. относится шумерский литературный памятник, носящий название «Земледельческий альманах». Облечен он в форму поучения, даваемого опытным земледельцем своему сыну, и содержит указания, как сохранять плодородие почвы и приостановить процесс ее засоления. В тексте также дается подробное описание полевых работ в их временной последовательности. Большое значение в хозяйстве страны имело и скотоводство.

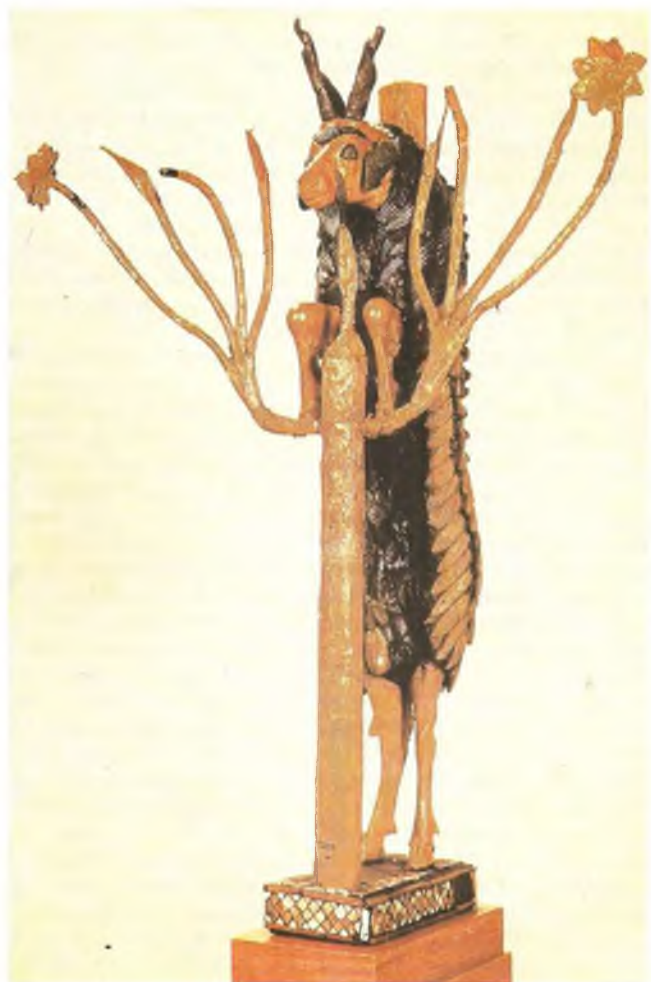
Развивалось ремесло. Среди городских ремесленников было много строителей домов. Раскопки в Уре памятников, относящихся к середине III тыс. до н. э., показывают высокий уровень мастерства шумерской металлургии. Среди погребального инвентаря найдены изготовленные из золота, серебра и

меди шлемы, топоры, кинжалы и копья, встречаются чеканка, гравировка и зернь. Южная Месопотамия не располагала многими материалами, их находки в Уре свидетельствуют об оживленной международной торговле. Золото доставляли из западных областей Индии,

период кирпич подвергался обжигу в печах. Для облицовки зданий пользовались глазурованными кирпичами. С середины III тыс. до н. э. для производства посуды стал употребляться гончарный круг. Наиболее ценные сосуды покрывались эмалью и глазурью.

94/95

Древние цивилизации Месопотамии

ляпис-лазурь — с территории современного Бадахшана в Афганистане, камень для сосудов — из Ирана, серебро — из Малой Азии. В обмен на эти товары шумеры продавали шерсть, зерно и финики.

Из местного сырья ремесленники имели в своем распоряжении лишь глину, тростник, шерсть, кожу и лен. Бог мудрости Эа считался покровителем гончаров, строителей, ткачей, кузнецов и других мастеровых. Уже в этот ранний

Козлик, опирающийся на куст. Из царских могил в Уре. Ракушки, ляпис-лазурь, золото. Около 2500 г. до н. э.

Статуэтка молящейся, пожертвованная в храм богини Аштарат. Алебастр. Мари. Около 2400 г.

Статуя царя Ику-Шямагана. Храм Ниния-Заа. Гипс. Мари. Около 2400 г.

Уже в начале III тыс. до н. э. стали изготавливать бронзовые орудия, которые до конца следующего тысячелетия, когда в Месопотамии начался железный век, оставались

основными металлическими орудиями.

Для получения бронзы к расплавленной меди добавляли небольшое количество олова.

МЕСОПОТАМИЯ В ЭПОХУ ГОСПОДСТВА АККАДА И УРА

Начиная с XXVII в. до н. э. северная часть Месопотамии была заселена аккадцами. Самым древним городом, основанным семитами в Месопотамии, был Аккад, позднее столица государства с тем же названием. Он был расположен на левом берегу Евфрата, там, где эта река и Тигр наиболее близко подходят друг к другу.

Около 2334 г. до н. э. царем Аккада стал Саргон Древний. Он был основателем династии: начиная с него самого, пять царей, сын сменяя отца, правили страной в течение 150 лет. Вероятно, имя Саргон было принято им лишь после восшествия на престол, так как оно значит «истинный царь» (по-аккадски Шаррукен). Личность этого правителя еще при жизни была окутана множеством легенд. Он говорил о себе: «Мать моя была бедна, отца я не знал... Зачала меня мать, родила тайно, положила в тростниковую корзину и пустила по реке».

Лугальзагеси, который установил свою власть почти во всех шумерских городах, вступил в долгую борьбу с Саргоном. После нескольких неудач последнему удалось одержать решительную победу над своим противником. После этого Саргон совершал успешные походы в Сирию, в районы гор Тавра и победил царя соседней страны Элама. Им было создано первое в истории постоянное войско, состоявшее из 5400 человек, которые, по его словам, ежедневно обедали у него за столом. Это было хорошо обученное профессиональное войско, все благополучие которого зависело от царя.

При Саргоне сооружались новые каналы, в общегосударственном масштабе была налажена оросительная система, введена единая система мер и весов. Аккад вел морскую торговлю с Индией и Восточной Аравией.

В конце правления Саргона голод вызвал восстание в стране, которое было подавлено уже после его смерти, около 2270 г. до н. э., его младшим сыном Римушем. Но впоследствии он стал жертвой дворцового переворота, давшего престол его брату Маништушу. После пятнадцати лет правления Маништушу также был* убит во время нового дворцового заговора, и на трон взшел Нарам-Суэн (2236—2200 гг.), сын Маништушу и внук Саргона.

При Нарам-Суэне Аккад достиг своего наивысшего могущества. В начале царствования Нарам-Суэна города юга Месопотамии, недовольные возвышением Аккада, подняли мятеж. Его удалось подавить лишь после многих лет борьбы. Укрепив свою власть в Месопотамии, Нарам-Суэн стал величать себя «могущественным богом Аккада» и повелел изображать себя на рельефах в головном уборе, украшенном рогами, которые считались божественными символами. Население должно было поклоняться Нарам-Суэну как богу, хотя до него никто из царей Месопотамии не претендовал на такую честь.

Нарам-Суэн считал себя властелином всего известного тогда мира и носил титул «царь четырех стран света». Он вел много успешных завоевательных войн, одержав ряд побед над царем Элама, над луллубейскими племенами, жившими на территории современного Северо-Западного Ирана, а также подчинил город-государство Мари, расположенное в среднем течении Евфрата, и распространил свою власть на Сирию.

При преемнике Нарам-Суэна Шаркалишарри (2200—2176 г. до н. э.), имя которого в переводе значит «царь всех царей», начался распад державы Аккада. Новому царю пришлось вступить в длитель-

ную борьбу с наседавшими с запада амореями и одновременно противостоять нашествию кутиев с северо-востока. В самой Месопотамии начались народные волнения, причиной которых были острые социальные конфликты. Невероятно увеличились размеры царского хозяйства, которое подчинило себе храмовое хозяйство и эксплуатировало труд безземельных и малоземельных аккадцев. Около 2170 г. до н. э. Месопотамия была завоевана и разграблена племенами кутиев, жившими в горах Загроса.

К 2109 г. до н. э. ополчение города Урука во главе со своим царем Утухенгалем нанесло поражение кутиям и изгнало их из страны. Победив кутиев, Утухенгал претендовал на царствование над всем Шумером, однако вскоре владычество над южной Месопотамией перешло к городу Уру, где у власти находилась III династия Ура (2112—2003 г. до н. э.). Основателем ее был Урнамму, который, как и его преемники, носил пышный титул «царь Шумера и Аккада».

При Урнамму царская власть приобрела деспотический характер. Царь был верховным судьей, главой всего государственного аппарата, он же решал вопросы войны и мира. Было создано сильное центральное управление. В царских и храмовых хозяйствах многочисленный штат писцов и чиновников регистрировал вплоть до мелочей все аспекты хозяйственной жизни. В стране действовал налаженный транспорт, гонцы рассылались с документами во все концы государства.

Сын Урнамму Шульги (2093—

2046 гг. до н. э.) добился своего обожествления. В храмах ставились его изваяния, которым надо было приносить жертвы. Шульги издал законы, свидетельствующие о существовании разработанной судебной системы. В них, в частности, устанавливалось вознаграждение за привод беглого раба его хозяину. Предусматривалось также наказание за различные виды членовредительства. При этом, в отличие от более поздних Законов Хаммурапи, Шульги не руководствовался принципом «око за око, зуб за зуб», а установил принцип денежного возмещения пострадавшему. Законы Шульги являются древнейшими из пока известных нам правовых актов.

При преемниках Шульги большую опасность для государства стали представлять аморейские племена, которые нападали на Месопотамию из Сирии. Чтобы приостановить продвижение амореев, цари III династии Ура соорудили линию укреплений большой протяженности. Однако и внутреннее положение государства было непрочным. Храмовое хозяйство требовало огромного количества работников, которые постепенно лишались прав свободных членов общества. Например, один лишь храм богини Баба в Лагаше владел земельной площадью более 4500 га. Армия Ура начала терпеть поражения в войнах с аморейскими племенами и эламитами. В 2003 г. власть III династии Ура была свергнута, последний представитель ее Иббисуэн уведен в плен в Элам. Храмы Ура подверглись разграблению, а в самом городе оставлен эламский гарнизон.

ВАВИЛОНИЯ ВО II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

Время от конца правления III династии Ура до 1595 г. до н. э., когда в Вавилонии установилось господство касситских царей, называют старовавилонским периодом. После падения III династии Ура в стране возникло много местных династий аморейского происхождения.

Около 1894 г. до н. э. амореи создали самостоятельное государство со столицей в Вавилоне. Начи-

ная с этого времени роль Вавилона, самого молодого из городов Месопотамии, в течение многих столетий неуклонно росла. Кроме Вавилонского в это время существовали и другие государства. В Аккаде амореи образовали царство со столицей в Исине, который был расположен в средней части Вавилонии, а на юге страны было государство со столицей в Ларсе, на

Голова Гудея, правителя Лагаша. Гирсу. Около 2150 г. до н. э.

Статуя правителя Лагаша. Алебастр. Гирсу. Около 2130 г. до н. э.

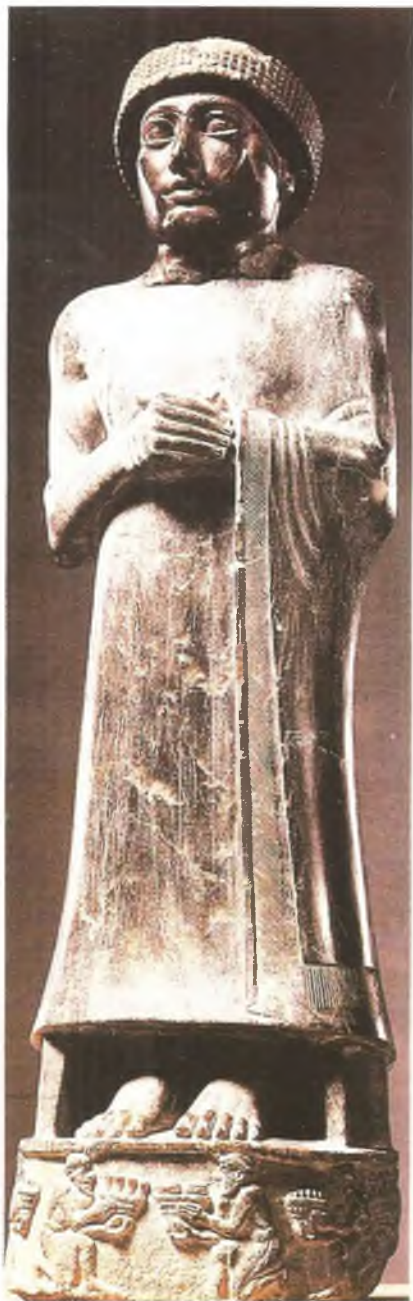
северо-востоке Месопотамии, в долине р. Диялы,—с центром в Эшнунне.

Вначале Вавилонское царство не играло особой роли. Первым царем, который начал активно расширять пределы этого государства, был Хаммурапи (1792—1750 гг. до н. э.). В 1785 г., воспользовавшись помощью Римсина, представителя эламской династии в Ларсе, Хаммурапи завоевал Урук и Иссин. Затем он содействовал изгнанию из Мари правившего там сына ассирийского царя Шамши-Адада I и воцарению Зимрилима, представителя старой местной династии. В 1763 г. Хаммурапи захватил Эшнунну и уже в следующем году нанес поражение могущественному царю и своему бывшему союзнику Римсину и захватил его столицу Ларсу. После этого Хаммурапи решил подчинить себе и Мари, которое раньше было дружественным ему царством. В 1760 г. он добился этой цели, а через два года разрушил дворец Зимрилима, стремившегося восстановить свою независимость. Затем Хаммурапи покорил область вдоль среднего течения Тигра, включая Ашшур.

После смерти Хаммурапи вавилонским царем стал его сын Самсуилуна (1749—1712 гг. до н. э.). Ему

пришлось отражать натиск касситских племен, которые жили в горных областях к востоку от Вавилонии. Около 1742 г. до н. э. касситы во главе со своим царем Гандашем совершили поход на Вавилонию, но смогли утвердиться только в предгорьях к северо-востоку от нее.

В конце XVII в. до н. э. Вавилония, переживавшая внутренний

кризис, уже не играла значительной роли в политической истории Передней Азии и не могла сопротивляться чужеземным нашествиям. В 1594 г. до н. э. пришел конец господству вавилонской династии. Вавилон был захвачен хеттским царем Мурсили I. Когда хетты вернулись с богатой добычей в свою страну, цари Приморья, береговой полосы у Персидского залива, захватили Вавилон. После этого около 1518 г. до н. э. страна была покорена касситами, господство которых длилось 362 года. Весь

означенный период принято называть касситским или средневавилонским. Однако вскоре касситские цари были ассимилированы местным населением.

Во II тыс. до н. э. в экономике Вавилонии происходили радикальные перемены. Для этого времени была характерна активная правовая деятельность. Законы государства Эшнунны, составленные в начале XX в. до н. э. на аккадском языке, содержат тарифы цен и оплаты труда, статьи семейного, брачного и уголовного права. За супружескую измену со стороны жены, изнасилование замужней женщины и похищение ребенка свободного человека предусматривалась смертная казнь. Судя по законам, рабы носили специальные клейма и не могли выйти за пределы города без разрешения хозяина.

Ко второй половине XX в. до н. э. относятся законы царя Липит-Иштара, в которых, в частности, регулируется статус рабов. Были установлены наказания за побег раба от хозяина и за укрывательство беглого раба. Оговаривалось, что, если рабыня вступала в брак со свободным, она и ее дети от такого брака становились свободными.

Самым выдающимся памятником древневосточной правовой мысли являются Законы Хаммурапи, увековеченные на черном базальтовом столбе. Кроме того, сохранилось большое количество копий отдельных частей этого судебника на глиняных табличках. Судебник начинается с пространного введения, где говорится о том, что боги передали Хаммурапи царскую власть, чтобы он защищал слабых, сирот и вдов от обид и притеснения со стороны сильных. Далее следуют 282 статьи законов, охватывающие чуть ли не все аспекты жизни вавилонского общества того времени (гражданское, уголовное и административное право). Кодекс завершается подробным заключением.

Законы Хаммурапи как по содержанию, так и по уровню развития юридической мысли представляли собой большой шаг вперед по сравнению с предшествовавшими им

Статуэтка знатной женщины. Эпоха Гудеа. Стеатит. Гирсу. Около 2150 г. до н. э.

шумерскими и аккадскими правовыми памятниками. В кодексе Хаммурапи принимается, хотя и не всегда последовательно, принцип вины и злой воли. Например, устанавливается различие в наказании за преднамеренное и нечаянное убийство. Но телесные повреждения карались по восходящему к глубокой древности принципу «око за око, зуб за зуб». В некоторых статьях законов в определении наказания отчетливо выражен классовый подход. В частности, предусматривались суровые кары для

Рельеф с изображением Ашшурнасир-пала II. Кальху. IX в. до н. э.

стропгих рабов, которые отказывались подчиняться хозяевам. Человек, укравший или укрывший чужого раба, карался смертной казнью.

В старовавилонский период общество состояло из полноправных граждан, которые назывались «сыновьями мужа», мушкенумов, являвшихся юридически свободными, но неполноправными людьми, так как они не были членами общины, а работали в царском хозяйстве, и рабов. Если кто-нибудь нанес членовредительство «сыну мужа», то наказание виновному выносилось по принципу талиона, т. е. «око за око, зуб за зуб», а соответству-

ющее членовредительство, причиненное мушкенуму, каралось лишь денежным штрафом. Если врач был виновен в неудачной операции над «сыном мужа», то он карался отсечением руки, если от такой же операции пострадал раб, необходимо было лишь уплатить хозяину стоимость этого раба. Если по вине строителя рухнул дом и в его развалинах погиб сын хозяина дома, строитель наказывался смертью своего сына. Если кто-нибудь украл имущество мушкенума, то ущерб необходимо было восстановить в десятикратном размере, в то время как за кражу царского или храмового имущества предусматривалось возмещение в тридцатикратном размере.

Чтобы не уменьшилось число воинов и налогоплательщиков, Хаммурапи стремился облегчить участь тех слоев свободного населения, которые находились в тяжелом экономическом положении. В частности, одна из статей законов ограничивала долговое рабство тремя годами работы на кредитора, после чего ссуда, независимо от ее суммы, считалась полностью погашенной. Если из-за стихийного бедствия урожай должника был уничтожен, то срок погашения ссуды и процентов автоматически переносился на следующий год. Некоторые статьи законов посвящены арендному праву. Плата за арендованное поле обычно равнялась $\frac{1}{3}$ урожая, а сада — $\frac{2}{3}$.

Чтобы брак считался законным, необходимо было заключить контракт. Прелюбодеяние со стороны жены каралось ее утоплением. Однако, если муж желал простить неверную жену, не только она, но и ее соблазнитель освобождался от наказания. Прелюбодеяние со стороны мужа не считалось преступлением, если только он не соблазнил жену свободного человека. Отец не имел права лишать сыновей наследства, если те не совершили преступления, и должен был научить их своему ремеслу.

Воины получали от государства земельные наделы и обязаны были по первому требованию царя выступить в поход. Эти наделы пере-

давались по наследству по мужской линии и были неотчуждаемы. Кредитор мог забрать за долги

только то имущество воина, которое тот сам приобрел, но не надел, пожалованный ему царем.

АССИРИЯ В III И II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ ДО Н. Э.

Еще в первой половине III тыс. до н. э. в Северной Месопотамии, на правом берегу Тигра, был основан город Ашшур. По имени этого города стала называться и вся расположенная на среднем течении Тигра страна (в греческой передаче — Ассирия). Уже к середине III тыс. до н. э. в Ашшуре утвердились выходы из Шумера и Аккада, образовав там торговую факторию. Позднее, в XXIV—XXII вв. до н. э., Ашшур стал крупным административным центром созданной Саргоном Древним Аккадской державы. В период III династии Ура наместниками Ашшура были ставленники шумерских царей.

В отличие от Вавилонии Ассирия была бедной страной. Своим возвышением Ашшур был обязан выгодному географическому положению: здесь пролегли важные караванные пути, по которым из Северной Сирии, Малой Азии и Армении доставлялись в Вавилонию металлы (серебро, медь, свинец) и строительный лес, а также золото из Египта, а в обмен вывозились вавилонские продукты сельского хозяйства и ремесел. Постепенно Ашшур превратился в крупный торгово-перевалочный центр. Наряду с ним ассирийцы основали много торговых колоний за пределами своей страны.

Важнейшая из этих колоний-факторий находилась в г. Канесе в Малой Азии (совр. местность Кюль-Тепе, недалеко от города Кайсари в Турции). Сохранился обширный архив этой колонии, относящийся к XX—XIX вв. до н. э. Ассирийские купцы доставляли в Канес крашенные шерстяные ткани, массовое производство которых было налажено у них на родине, и вывозили домой свинец, серебро, медь, шерсть и кожу. Кроме того, ассирийские купцы перепродавали местные товары в другие страны.

Отношения членов колонии с жителями Канеса регулировались местными законами, а во внутренних

делах колония подчинялась Ашшуре, который облагал ее торговлю значительной пошлиной. Верховным органом власти в Ашшуре был совет старейшин, и по имени одного из членов этого совета, которые ежегодно менялись, велись датировка событий и отсчет времени. Существовала также наследствен-

Статуя Ашшурнасиры-пала II. Песчаник. Кальху. IX в. до н. э.

ная должность правителя (ишшаккум), который имел право созывать совет, но без санкции последнего он не мог принимать важные решения.

Для удержания в своих руках караванных дорог и захвата новых путей Ассирии надо было иметь сильную военную власть. Поэтому влияние ишшаккума начало постепенно усиливаться. Но во второй половине XVIII в. до н. э. Ассирию подчинил себе вавилонский царь Хаммурапи. Приблизительно тогда же Ассирия утратила и свою монополию в караванной торговле.

К середине II тыс. до н. э. ослабевшая Ассирия вынуждена была признать власть царей Митанни. Около 1500 г. до н. э. Митанни достигло зенита своего могущества, захватив области Северной Сирии. Но вскоре начинается упадок Митанни. Сначала египтяне изгнали митаннийцев из Сирии, а около 1360 г. до н. э. хеттский царь Суппилиума I разгромил их. Затем ассирийский царь Ашшур-убаллит I воспользовался поражением Митанни и захватил часть территории этого государства. Позднее царь Ассирии Адад-нерари I (1307—1275 гг. до н. э.) воевал с Вавилонией и покорил всю территорию Митанни. После этого он захотел заключить союз с хеттским царем Хаттусили III и предложил ему считать его своим братом. Но ответ был оскорбительным: «Что это за разговоры о братстве?.. Ведь ты и я, мы не рождены одной матерью!»

Во второй половине XIII в. при царе Тукульти-Нинтурте I (1244—1208 гг. до н. э.) Ассирия стала самым могущественным государством Ближнего Востока. Ассирийский правитель, захватив Вавило-

нию, назначил туда своих наместников и вывез в Ашшур из храма Эсагила в Вавилоне статую верховного бога вавилонян Мардука. Во время многочисленных войн власть ассирийского царя значительно возросла, однако страна была истощена, ослаблена внутренними беспорядками. В одном из текстов сообщается, например, что в середине XI в. до н. э. царский сын и знать Ассирии подняли мятеж, сбросили правителя с трона и убили мечом.

Период XV—XI вв. до н. э. именуется в истории Ассирии средне-ассирийским. К этому времени относятся так называемые средне-ассирийские законы, которые были самыми жестокими из всех древне-восточных законов. Изначально земля в Ассирии принадлежала главным образом членам общин и подвергалась систематическим переделам. Но начиная с XV в. до н. э. она стала предметом купли-продажи, хотя все еще считалась собственностью общины.

Рабы в тот период стоили очень дорого, и их было мало. Поэтому богатые стремились закабалить свободных земледельцев путем ростовщических заемных сделок, так как ссуда выдавалась на тяжелых условиях и под залог поля, дома или членов семьи. Но законы до некоторой степени ограничивали произвол кредитора по отношению к лицам, отданным в долговую залог. Однако, если ссуда не была погашена в срок, заложник становился полной собственностью кредитора. При неуплате долга в срок кредитор мог делать с заложником все, что хотел: «бить, выщипывать волосы, бить по ушам и просверлить их» и даже продать за пределы Ассирии.

Рельеф из дворца
в Дур-Шаррукине.
VIII в. до н. э.

ВАВИЛОНИЯ В XII—VII ВВ. ДО Н. Э. И АССИРИЙСКАЯ ДЕРЖАВА

В конце XIII в. до н. э. начинается упадок Вавилонии. Столетие спустя эламский царь Шутрук-Наххунте I решил, что настал час расплаты с давним врагом и, напад на Вавилонию, разграбил города Эшнунна, Сиппар, Opis и наложил на них тяжелую подать. Сын Шутрук-Наххунте по имени Кутир-

Наххунте III продолжал политику грабежа Вавилонии. Вавилоняне объединились вокруг своего царя Эллиль-надин-аххе (1159—1157 гг. до н. э.), чтобы освободить измученную страну. Однако война, продолжавшаяся три года, окончилась победой эламитов. Вавилония была захвачена, ее города и храмы раз-

граблены, а царь вместе со знатью уведены в плен. Так окончилось почти шестивековое господство касситской династии, и наместником Вавилонии был назначен эламский ставленник.

Но вскоре Вавилония начала набирать силы, и при Навуходоносоре I (1126—1105 г. до н. э.) в стране наступил кратковременный расцвет. Около крепости Дер, на границе между Ассирией и Эламом, произошла ожесточенная битва, в которой вавилоняне одержали верх над эламитами. Победители вторглись в Элам и нанесли ему такое сокрушительное поражение, что после этого он в течение трех столетий не упоминался ни в одном источнике. Разгромив Элам, Навуходоносор I стал претендовать на власть над всей Вавилонией. Он, а за ним и его преемники носили титул «царь Вавилонии, царь Шумера и Аккада, царь четырех стран света». Столица государства была перенесена из города Иссина в Вавилон. В середине XI в. до н. э. полукочевые племена арамеев, жившие к западу от Евфрата, стали вторгаться в Месопотамию, грабить и разорять ее города и селения. Вавилония вновь оказалась ослабленной на многие десятилетия и в союзе с Ассирией вынуждена была бороться против арамеев.

К концу X в. до н. э. ассирийцы восстановили свое господство в Северной Месопотамии и возобновили серию походов. К тому времени ассирийская армия по своей численности, организованности и вооружению превосходила армии остальных стран Ближнего Востока. Ассирийский царь Ашшурнацир-апал II (Ашшурнасирипал) (883—859 г. до н. э.) прошел территорию Вавилонии и Сирии, истребляя жителей этих стран за малейшее сопротивление. С непокорных сдирали кожу, их сажали на кол или связывали в целые живые пирамиды, а остатки уцелевшего населения уводили в плен.

В 876 г. до н. э. ассирийское войско во время одного из походов прошло до финикийского побережья. Когда в 853 г. до н. э. ассирийцы под руководством своего царя Салманасара III (859—

824 г. до н. э.) совершили новый поход в Сирию, они встретились с организованным отпором государств: Сирии, Палестины, Финикии и Киликии. Во главе этого союза стоял город Дамаск. В результате битвы ассирийское войско потерпело поражение. В 845 г. до н. э. Салманасар III собрал армию в 120 тыс. человек и снова выступил против Сирии. Но и эта акция успеха не имела. Однако вскоре в самом сирийском союзе произошел раскол, и, воспользовавшись этим, ассирийцы в 841 г. до н. э. пред-

приняли еще один поход и сумели установить свое господство в Сирии. Но скоро Ассирия вновь потеряла контроль над своим западным соседом. При Адад-нерари III, вступившем на престол еще мальчиком, в течение многих лет фактически правила его мать Саммурат, известная по греческой легенде под именем Семирамиды. Были возобновлены походы в Сирию, а также установлена верховная власть ассирийского царя над Вавилонией.

Начиная с IX в. до н. э. в течение многих столетий в истории Вавилонии большую роль играли племена халдеев, которые говорили

на одном из диалектов арамейского языка. Халдеи селились между берегами Персидского залива и южными городами Вавилонии, в районе болот и озер вдоль нижнего течения Тигра и Евфрата. В IX в. до н. э. халдеи прочно заняли южную часть Вавилонии и начали продвижение на север, воспринимая древнюю вавилонскую культуру и религию. Они жили родами, под управлением вождей, которые стремились сохранить независимость друг от друга, а также от ассирийцев, пытавшихся установить свою власть в Вавилонии.

При Шамши-Ададе V (823—811 гг. до н. э.) ассирийцы часто вторгались в Вавилонию и постепенно захватили северную часть страны. Этим воспользовались халдейские племена, которые завладели почти всей территорией Вавилонии. Позднее, при ассирийском царе Адад-нерари III (810—783 гг. до н. э.), Ассирия и Вавилония находились в довольно мирных отношениях. В 747—734 гг. до н. э. в Вавилонии царствовал Набонасар, которому удалось установить в центральной части государства стабильное правление, но над остальной частью страны он осуществлял лишь слабый контроль.

Новое усиление Ассирии падает на время царствования Тиглатпаласара III (745—727 гг. до н. э.), который провел важные административные и военные реформы, заложившие основы нового могущества страны. Прежде всего были разукрупнены наместничества, права наместников ограничены сбором податей, организацией подданных на выполнение повинностей и руководством военными отрядами своих областей. Изменилась также политика в отношении покоренного населения. До Тиглатпаласара III целью ассирийских походов были главным образом грабежи, взимание дани и увод части коренных жителей захваченных территорий в рабство. Теперь таких людей стали в массовом порядке переселять в этнически чуждые им области, а на их место пригонять пленных из других покоренных ассирийцами областей. Иногда население оставлялось на земле своих предков, но

облагалось тяжелой податью, а завоеванную территорию включали в состав Ассирии. Оно платило подать продуктами земледелия и скотоводства, привлекалось к строительным, дорожным и оросительным повинностям, а частично обязано было служить и в армии (главным образом в обозе).

Была создана постоянная армия, находившаяся на полном государственном обеспечении. Ее ядром являлся «царский полк». Армия состояла из колесничих, конницы, пехоты и саперных частей. Асси-

рийские воины, защищенные железными и бронзовыми панцирями, шлемами и щитами, были отличными солдатами. Они умели сооружать укрепленные лагеря, строить дороги, применять стенобитные металлические и зажигательные орудия. Ассирия превратилась в ведущую в военном отношении державу на Ближнем Востоке и смогла возобновить свою завоевательную политику. Было остановлено продвижение урартов в области, ранее захваченные ассирийцами.

В 743 г. до н. э. Тиглатпаласар выступил в поход против Урарту, стремившегося установить свое господство в Сирии. В результате

Орлиноголовое божество из дворца в Кальху. IX в. до н. э.

Рельеф из дворца Тиглатпаласара III. VIII в. до н. э.

двух битв урартам пришлось отступить за Евфрат. В 735 г. до н. э. ассирийцы совершили поход через всю территорию Урарту и дошли до столицы этого государства—города Тушпы, который они, однако, взять не смогли. В 732 г. до н. э. ими был захвачен Дамаск. В то же время Ассирия подчинила своей власти и Финикию.

Три года спустя Тиглатпаласар захватил Вавилон, после чего Вавилония лишилась своей независимости на целое столетие. Однако ассирийский царь воздержался от превращения ее в рядовую провинцию, а сохранил за этой страной статус отдельного царства. Он торжественно воцарился в Вавилонии под именем Пулу и получил корону вавилонского правителя, исполнив древние священные обряды в день

новогоднего праздника.

Теперь Ассирийская держава охватывала все страны «от Верхнего моря, где садится солнце, до Нижнего моря, где солнце поднимается»,— другими словами, от Средиземного моря до Персидского залива. Таким образом, ассирийский царь стал владыкой всей Передней Азии, за исключением Урарту и нескольких мелких областей на окраинах.

Преемники Тиглатпаласара Саргон II (722—705 гг. до н. э.), Синнахериб (705—681 гг. до н. э.), Асархаддон (681—669 гг.) и Ашшурбанапал (669—около 629 гг. до н. э.) на протяжении ста лет достаточно успешно сохраняли гигантскую империю. На короткое время ассирийцам удалось даже подчинить себе Египет.

ГИБЕЛЬ АССИРИИ И НОВОВАВИЛОНСКАЯ ДЕРЖАВА

В последние годы правления Ашшурбанапала начался распад Ассирийской державы, отдельные центры ее стали соперничать друг с другом. В 629 г. до н. э. Ашшурбанапал умер, и царем стал Синшар-ишкун.

Через три года в Вавилонии вспыхнуло восстание против ассирийского владычества. Во главе его стоял халдейский вождь Набопаласар. В своих более поздних надписях он подчеркивал, что прежде был «маленьким человеком, неизвестным народу». Вначале Набопаласар смог установить свою власть лишь на севере Вавилонии.

Восстановив традиционный союз халдейских племен с Эламом, Набопаласар осадил Ниппур. Однако в городе были сильны проассирийские настроения, и взять его не удалось. В октябре 626 г. до н. э. ассирийцы нанесли поражение войску Набопаласара и прорвали осаду Ниппура. Но к этому времени Вавилон перешел на сторону Набопаласара, и уже 25 ноября последний торжественно воцарился в нем, основав новую, халдейскую (или нововавилонскую) династию. Однако предстояла еще долгая и ожесточенная война с ассирийцами.

Лишь через десять лет вавилоня-

нам удалось захватить Урук, а в следующем году пал и Ниппур, который ценой больших лишений и страданий так долго сохранял верность ассирийскому царю. Теперь вся территория Вавилонии была очищена от ассирийцев. В том же году войско Набопаласара осаждало Ашшур, столицу Ассирии. Однако осада была безуспешной, и вавилоняне отступили, неся большие потери. Но вскоре на Ассирию обрушился сокрушительный удар с востока. В 614 г. до н. э. мидийцы окружили крупнейший ассирийский город Ниневию. Когда им не удалось взять его, они осаждали и захватили Ашшур и истребили его жителей. Набопаласар, верный традиционной политике своих халдейских предков, явился с войском, когда битва уже закончилась, и Ашшур был превращен в руины. Мидийцы и вавилоняне заключили между собой союз, закрепив его династийным браком между Навуходоносором, сыном Набопаласара, и Амитидой, дочерью мидийского царя Киаксара.

Хотя падение Ашшура ослабило позиции Ассирийской державы, пока победители были заняты разделом добычи, ассирийцы под руководством своего царя Синшар-ишкуну возобновили военные дей-

Настенная живопись ассирийского дворца в Тиль-Барсипе. Северная Сирия. VIII в. до н. э.

Эпизод военной кампании Сеннахериба в болотах Южной Месопотамии. Гипс. Дворец Сеннахериба. Ниневия, VIII в. до н. э.

ствия в долине Евфрата. Но тем временем мидийцы и вавилоняне совместно осадили Ниневию, и через три месяца, в августе 612 г. до н. э., город пал. После этого последовала жестокая расправа: Ниневия была разграблена и разрушена, ее жители вырезаны.

Часть ассирийской армии сумела пробиться в г. Харран на севере Верхней Месопотамии и там под руководством своего нового царя Ашшур-убаллита II продолжила войну. Однако в 610 г. до н. э. ассирийцы вынуждены были поки-

перебив размещенных там вавилонян. Однако вскоре прибыл Набопаласар с основными силами и нанес окончательное поражение ассирийцам.

В результате крушения Ассирийской державы мидийцы захватили коренную территорию этой страны и Харран. Вавилоняне же укрепились в Месопотамии и готовились установить свой контроль над Сирией и Палестиной. Но на господство в этих странах претендовал также египетский фараон. Таким образом, на всем Ближнем Востоке

нуть и Харран, главным образом под ударами индийского войска. В городе был оставлен вавилонский гарнизон. Но египетский фараон Нехо II, боясь чрезмерного усиления Вавилонии, год спустя послал на помощь ассирийцам сильное подкрепление. Ашшурубаллиту II снова удалось захватить Харран,

осталось только три могущественных государства: Мидия, Вавилония и Египет. Кроме того, в Малой Азии было два более мелких, но независимых царства: Лидия и Киликия.

Весной 607 г. до н. э. Набопаласар передал командование армией своему сыну Навуходоносору, сос-

*Человек с козленком. Из дворца Саргона II в Дур-Шаррукине. Краше-
ный гипс. Конец
VIII в. до н. э.*

редоточив в своих руках управление внутренними делами государства. Перед наследником престола стояла задача захватить Сирию и Палестину. Но предварительно необходимо было овладеть г. Каркемиш на Евфрате, где находился сильный египетский гарнизон, в составе которого были и греческие наемники. Весной 605 г. до н. э. вавилонское войско перешло Евфрат и напало на Каркемиш одновременно с юга и севера. Еще за городскими стенами началась жестокая битва, в результате кото-

от Вавилонии. Навуходоносор осадил Иерусалим и 16 марта 597 г. до н. э. взял его. Более 3 тыс. иудеев было уведено в плен в Вавилонию, а царем в Иудее Навуходоносор поставил Седекию.

В декабре 595 — январе 594 г. до н. э. в Вавилонии начались волнения, вероятно исходившие от армии. Руководители мятежа были казнены, и в стране восстановлен порядок.

Вскоре новый египетский фараон Априй решил попытаться установить свою власть в Финикии и захватил города Газа, Тир и Сидон, а также уговорил царя Седекию поднять восстание против вавилонян. Навуходоносор решительными действиями отгеснил египетское войско обратно к прежней границе и в 587 г. до н. э. после 18-месячной осады захватил Иерусалим. Теперь Иудейское царство было ликвидировано и присоединено к Нововавилонской державе в качестве рядовой провинции, тысячи жителей Иерусалима (вся иерусалимская знать и часть ремесленников) во главе с Седекией уведены в плен.

При Навуходоносоре II Вавилония превратилась в процветающую страну. Это было временем ее возрождения, экономического и культурного подъема. Вавилон стал центром международной торговли. Большое внимание уделялось оросительной системе. В частности, около г. Сиппара был сооружен большой бассейн, откуда брало начало много каналов, с помощью которых регулировалось распределение воды во время засухи и наводнения. Реставрировались старые и строились новые храмы. В Вавилоне был выстроен новый царский дворец, а также завершено сооружение семизэтажного зиккурата Этеменанки, названного в Библии Вавилонской башней, разбиты знаменитые висячие сады. Кроме того, вокруг Вавилона были воздвигнуты мощные фортификационные сооружения, чтобы обезопасить столицу от возможных вражеских нападений.

В 562 г. до н. э. Навуходоносор II умер, и после этого вавилонская знать и жречество начали

Коленопреклоненная фигура из дворца в Кальху. IX в. до н. э.

рой египетский гарнизон был уничтожен. После этого Сирия и Палестина подчинились вавилонянам. Несколько позднее были покорены и финикийские города.

Будучи в завоеванной Сирии, Навуходоносор в августе 605 г. до н. э. получил известие о смерти своего отца в Вавилоне. Он спешно направился туда и 7 сентября был официально признан царем. В начале 598 г. до н. э. он совершил поход в Северную Аравию, стремясь установить там свой контроль над караванными путями. К этому времени царь Иудеи Иоаким, побуждаемый уговорами Нехо, отпал

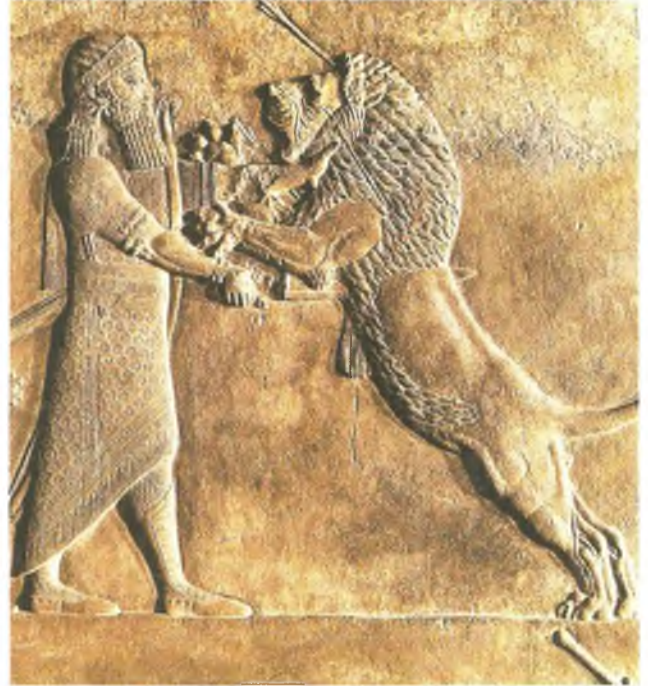
активно вмешиваться в проводимую его преемниками политику и устранять неудобных им царей. В течение следующих двенадцати лет на престоле сменилось три царя. В 556 г. до н. э. трон достался Набониду, который был арамеом в отличие от предшествовавших ему нововавилонских царей халдейского происхождения.

Набонид стал проводить религиозную реформу, выдвигая на первое место культ бога Луны Сина в ущерб культу верховного вавилонского бога Мардука. Тем самым он, по-видимому, стремился создать могущественную державу, объединив вокруг себя многочисленные арамейские племена, среди которых культ Сина был очень популярен. Однако религиозная реформа привела Набонида к конфликту со жречеством древних храмов в Вавилоне, Борсиппе, Уруке.

В 553 г. до н. э. началась война между Мидией и Персией. Воспользовавшись тем, что мидийский царь Астиаг отозвал из Харрана свой гарнизон, в том же году Набонид захватил этот город и распорядился о восстановлении там разрушенного во время войны с ассирийцами в 609 г. до н. э. храма бога Сина. Набонид покорил также область Тейма в северной части Центральной Аравии и установил контроль над караванными дорогами по пустыне через оазис Тейма в Египет. Этот путь имел большое значение для Вавилонии, поскольку к середине VI в. до н. э. Евфрат изменил свое течение, и поэтому морская торговля через Персидский залив из гаваней в г. Уре стала уже невозможной. Набонид перенес в Тейму свою резиденцию, поручив правление в Вавилоне своему сыну Бел-шар-уцуру.

Пока Набонид был занят активной внешней политикой на западе, у восточных границ Вавилона появился могущественный и решительный противник. Персидский

царь Кир II, который уже завоевал Мидию, Лидию и многие другие страны до границ с Индией и имел в своем распоряжении огромную и хорошо вооруженную армию, готовился к походу против Вавилонии. Набонид вернулся в Вавилон и приступил к организации обороны своей страны. Однако положение Вавилонии стало уже безнадежным. Поскольку Набонид стремился сломить могущество и влияние жрецов бога Мардука и пренебрегал религиозными праздниками, связанными с его культом, вли-

Царь, убивающий
льва. Дворец
Ашшурбанипала.
Гипс. Ниневия.
VII в. до н. э.

ятельные жреческие круги, недовольные своим царем, были готовы помочь любому его противнику. Вавилонская армия, истощенная в многолетних войнах в Аравийской пустыне, не смогла отразить натиск во много раз превосходящих сил персидской армии. В октябре 539 г. до н. э. Вавилония была захвачена персами и навсегда утратила свою независимость.

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Персидское завоевание и утрата Вавилонией независимости не означали еще конца месопотамской ци-

вилизации. Для самих вавилонян приход персов, возможно, казался вначале просто очередной сменой

правлящей династии. Прежнего величия и славы Вавилона хватало местным жителям для того, чтобы не испытывать перед завоевателями чувства ущербности и неполноценности. Персы со своей стороны также относились к святыням и культуре народов Месопотамии с должным уважением.

Вавилон сохранял положение одного из величайших городов мира. Александр Македонский, разбив персов при Гавгамелах, вступил в октябре 331 г. до н. э. в Вавилон, где он «короновался», принес

еще полтысячелетия после краха собственно месопотамской государственности. Приход эллинов в Междуречье явился поворотным моментом в истории месопотамской цивилизации. Обитатели Месопотамии, пережившие не один разгром и ассимилировавшие не одну волну пришельцев, на этот раз столкнулись с культурой, явно превосходившей их собственную. Если с персами вавилоняне могли чувствовать себя на равных, то эллинам они уступали практически во всем, что сознавали сами и что роковым

Лев. Декор улицы, ведущей к воротам Иштар. Изразцы. Вавилон. Начало VI в. до н. э.

жертвы Мардуку и отдал распоряжение восстановить древние храмы. По замыслу Александра Вавилон в Месопотамии и Александрия в Египте должны были стать столицами его империи; в Вавилоне он и умер 13 июня 323 г. до н. э., вернувшись из восточного похода. Изрядно пострадавшая в ходе сороклетней войны диадохов Вавилония осталась за Селевком, преемники которого владели ею до 126 г. до н. э., когда страну захватили парфяне. От разгрома, учиненного парфянами Вавилону за эллинистические симпатии его жителей, город так и не оправился.

Таким образом, древнемесопотамская культура просуществовала

образом сказалось на судьбе вавилонской культуры. Упадок и конечную гибель месопотамской цивилизации следует объяснять не столько причинами экономическими и экологическими (засоление почв, изменение русел рек и т. п.), в полную меру сказавшимися, очевидно, лишь в сасанидскую эпоху (227—636 гг. н. э.), сколько социально-политическими: отсутствием «национальной» центральной власти, заинтересованной в поддержании старых традиций, влиянием и соперничеством со стороны новых городов, основанных Александром Македонским и его наследниками, а главное — глубокими и необратимыми переменами в этнолингвисти-

ческой и общекультурной ситуации. К моменту прихода эллинов арамеи, персы и арабы составляли большой процент населения Месопотамии; в живом общении арамейский язык начал вытеснять вавилонский и ассирийский диалекты аккадского еще в первой половине I тыс. до н. э. При Селевкидах старая месопотамская культура

месопотамские представления и ценности оказались устаревшими и не могли удовлетворить запросов критического и динамичного сознания эллинов и эллинизированных жителей месопотамских городов. Сложная клинопись не могла конкурировать ни с арамейским, ни с греческим письмом; средством «международного» общения, как

сохранялась в державшихся старинных общинах, объединявшихся вокруг наиболее крупных и почитаемых храмов (в Вавилоне, Уруке и других древних городах). Подлинными ее носителями были ученые писцы и жрецы. Именно они на протяжении трех столетий сберегали древнее наследие в новом по духу, куда более быстро меняющемся и «открытом» мире. Однако все усилия вавилонских ученых спасти прошлое были тщетны: месопотамская культура отжила свое и была обречена.

В самом деле, что могла значить вавилонская «ученость» для людей, уже знакомых с творениями Платона и Аристотеля? Традиционные

и повсеместно на Ближнем Востоке, служили греческий и арамейский. Даже апологеты древних традиций из числа эллинизированных вавилонян вынуждены были писать по-гречески, если желали быть услышанными, как это сделал вавилонский ученый Берос, посвятивший свою «Бабилониаку» Антиоху I. Греки проявили поразительное равнодушие к культурному наследию завоеванной страны. Месопотамская литература, доступная только знатокам клинописи, осталась незамеченной; искусство, следовавшее образцам тысячелетней давности, не импонировало греческому вкусу; местные культы и религиозные идеи были чужды эл-

*Дракон сирруш.
Декор ворот богини
Иштар. Изразцы.
Вавилон. Начало
VI в. до н. э.*

линам. Даже прошлое Двуречья, судя по всему, не вызывало у греков особого интереса. Не известно случая, чтобы какой-нибудь греческий философ или историк изучил клинопись. Пожалуй, только вавилонская математика, астрология и астрономия привлекли внимание эллинов и получили широкое распространение.

В то же время греческая культура не могла не прельщать многих из неконсервативно настроенных вавилонян. Помимо всего прочего причастность к культуре завоевателей открывала путь к социальному успеху. Как и в других странах эллинистического Востока, в Месопотамии эллинизация происходила (проводилась и принималась) сознательно и затрагивала в первую очередь верхи местного общества, а затем уж распространялась на низы. Для вавилонской культуры это, очевидно, означало потерю немалого числа активных и способных людей, «перешедших в эллинизм».

Однако импульс, данный греками, с течением времени и по мере распространения ослабевал, тогда как обратный процесс варваризации пришлых эллинов шел по нарастающей. Он начался с социальных низов переселенцев, был стихийным и вначале, вероятно, не очень заметным, но в конце концов греки растворились в массе местного населения. Одолея Восток, правда Восток уже не вавилонский, а арамейско-иранский. Собственно древнемесопотамское культурное наследие было воспринято последующими поколениями на Востоке и Западе лишь в ограниченном объеме, часто в искаженном виде, что неизбежно при всякой передаче через вторые и третьи руки. Это, впрочем, несколько не умаляет ни нашего интереса к нему, ни важности изучения древнемесопотамской культуры для лучшего понимания всеобщей истории культуры.

Месопотамская цивилизация — одна из древнейших, если не самая древняя в мире. Именно в Шумере в конце IV тыс. до н. э. человеческое общество едва ли не впервые вышло из стадии первобытности и вступило в эпоху древности, отсю-

да начинается подлинная история человечества. Переход от первобытности к древности, «от варварства к цивилизации» означает сложение культуры принципиально нового типа и рождение нового типа сознания. Как первая, так и второе теснейшим образом связаны с урбанизацией, сложной социальной дифференциацией, становлением государственности и «гражданского общества», с появлением новых видов деятельности, особенно в сфере управления и обучения, с новым характером отношений между людьми в обществе. Существование какого-то рубежа, отделяющего первобытную культуру от древней, ощущалось исследователями давно, но попытки определить внутреннюю сущность различия между этими разностадийными культурами стали предприниматься только в последнее время. Для догородской бесписьменной культуры характерна симпратичность информационных процессов, имеющих место в обществе; иными словами, основные виды деятельности не требовали каких-либо самостоятельных коммуникативных каналов; обучение хозяйственным, промысловым и ремесленным навыкам, ритуалу и т. п. строилось на непосредственном подключении обучаемых к практике.

Мышление человека первобытной культуры можно определить как «комплексное», с преобладанием предметной логики; индивид полностью погружен в деятельность, связан психологическими полями ситуационной действительности, не способен к категориальному мышлению. Уровень развития первобытной личности можно назвать дорефлексивным. С рождением цивилизации отмеченная симпратичность преодолевается и возникает «теоретическая» текстовая деятельность, связанная с новыми видами общественной практики (управление, учет, планирование и т. п.). Эти новые виды деятельности и становление «гражданских» отношений в обществе создают условия для возникновения категориального мышления и понятийной логики.

По существу в своих основах

культура древности и сопутствующий ей тип сознания и мышления не отличаются принципиальным образом от современной культуры и сознания. К этой новой культуре была причастна лишь часть древнего общества, первоначально, вероятно, весьма небольшая; в Месопотамии новый тип людей — носителей такой культуры, по видимому, лучше всего представляли фигуры шумерского чиновника-бюрократа и ученого писца. Люди, управлявшие сложным храмовым или царским хозяйством, планировавшие крупные строительные работы или военные походы, лица, занятые прогнозированием будущего, накоплением полезных сведений, совершенствованием системы письма и обучением смены — будущих администраторов и «ученых», первыми вырвались из вечного круга безрефлективного, почти автоматического воспроизведения сравнительно ограниченного набора традиционных шаблонов и образцов поведения. По самому роду своих занятий они были поставлены в иные условия, часто оказывались в ситуациях, невозможных прежде, и для решения стоявших перед ними задач требовались новые формы и приемы мышления.

На протяжении всего периода древности первобытная культура сохранялась и сосуществовала бок о бок с древней. Воздействие новой городской культуры на различные слои населения Месопотамии было неодинаковым; первобытная культура постоянно «ионизировалась», подвергалась преобразующему воздействию со стороны культуры древних городов, но тем не менее благополучно сохранилась до конца периода древности и даже пережила его. Жители отдаленных и глухих селений, многие племена и социальные группы оказывались не затронутыми ею.

Немаловажную роль в становлении и закреплении новой культуры древнего общества сыграла письменность, с появлением которой стали возможны новые формы хранения-передачи информации и «теоретической», т. е. чисто интеллектуальной, деятельности. В культуре древней Месопотамии письмен-

ности принадлежит особое место: изобретенная шумерами клинопись — самое характерное и важное (во всяком случае для нас) из того, что было создано древнемесопотамской цивилизацией. При слове «Египет» мы сразу представляем себе пирамиды, сфинксов, руины величественных храмов. В Месопотамии ничего подобного не сохранилось — грандиозные сооружения и даже целые города расплылись в бесформенные холмы-телли, едва различимы следы древних каналов. О прошлом говорят лишь письменные памятники, бесчисленные клинообразные надписи на глиняных табличках, каменных плитках, стенах и барельефах. Около полутора миллионов клинописных текстов хранится сейчас в музеях мира, и каждый год археологи находят сотни и тысячи новых документов. Глиняная табличка, испеченная клинописными значками, могла бы служить таким же символом древнего Двуречья, каким для Египта являются пирамиды.

Месопотамская письменность в своей древнейшей, пиктографической форме появляется на рубеже IV—III тыс. до н. э. По-видимому, она сложилась на основе системы «учетных фишек», которую вытеснила и заменила. В IX—IV тыс. до н. э. обитатели ближневосточных поселений от Западной Сирии до Центрального Ирана использовали для учета различных продуктов и товаров трехмерные символы — маленькие глиняные парики, конусы и т. п. В IV тыс. до н. э. наборы таких фишек, регистрировавшие какие-то акты передачи тех или иных продуктов, начали заключать в глиняные оболочки размером с кулак. На внешней стенке «конверта» иногда отгискивали все фишки, заключаемые внутрь, чтобы иметь возможность вести точные подсчеты, не полагаясь на память и не разбивая опечатанных оболочек. Необходимость в самих фишках, таким образом, отпала — достаточно было одних отгисков. Позже отгиски были заменены процарапанными палочкой значками-рисунками. Такая теория происхождения древнемесопотамского письма объясняет выбор глины в

качестве писчего материала и специфическую, подушко- или линзообразную форму древнейших табличек.

Полагают, что в ранней пиктографической письменности было свыше полутора тысяч знаков-рисунков. Каждый знак означал слово или несколько слов. Совершенствование древнемесопотамской системы письма шло по линии унификации значков, сокращения их числа (в нововавилонский период их осталось чуть более 300), схематизации и упрощения начертания, в результате чего появились клинописные (состоящие из комбинаций клиновидных оттисков, оставляемых концом трехгранной палочки) знаки, в которых почти невозможно узнать исходный знакорисунок. Одновременно происходила фонетизация письма, т. е. значки стали употреблять не только в первоначальном, словесном значении, но и в отрыве от него, как чисто слоговые. Это позволило передавать точные грамматические формы, выписывать имена собственные и т. п.; клинопись стала подлинной письменностью, зафиксированной живой речью.

Самые древние письменные сообщения представляли собой своеобразные ребусы, однозначно понятные только составителям и лицам, присутствовавшим при записи. Они служили «памятками» и вещественным подтверждением условий сделок, которое могло быть предъявлено в случае возникновения каких-либо споров и разногласий. Насколько можно судить, древнейшие тексты — это описи полученных или выданных продуктов и имущества или же документы, регистрирующие обмен материальными ценностями. Первые вотивные надписи также по существу фиксируют передачу имущества, посвящение его богам. К числу древнейших относятся и учебные тексты — списки знаков, слов и т. д.

Развитая клинописная система, способная передавать все смысловые оттенки речи, выработалась к середине III тыс. до н. э. Сфера применения клинописи расширяется: помимо документов хозяйственной отчетности и купчих появляются

ся пространные строительные или закладные надписи, культовые тексты, сборники пословиц, многочисленные «школьные» или «научные» тексты — списки знаков, списки названий гор, стран, минералов, растений, рыб, профессий и должностей и, наконец, первые двуязычные словари.

Шумерская клинопись получает широкое распространение: приспособив к нуждам своих языков, ее с середины III тыс. до н. э. используют аккадцы, семитоязычные жители Центральной и Северной Месопотамии и эблаитяне в Западной Сирии. В начале II тыс. до н. э. клинопись заимствуют хетты, а около 1500 г. до н. э. жители Угарита на ее основе создают свою упрощенную слоговую клинопись, которая, возможно, повлияла на формирование финикийского письма. От последнего берут начало греческий и соответственно более поздние алфавиты. Пилосские таблички в архаической Греции, вероятно, также восходят к месопотамскому образцу. В I тыс. до н. э. клинопись заимствуют урарты; персы также создают свое парадное клинописное письмо, хотя в эту эпоху уже известны более удобные арамейское и греческое. Клинопись, таким образом, во многом определила культурный облик переднеазиатского региона в древности.

Престиж месопотамской культуры и письменности был столь велик, что во второй половине II тыс. до н. э., несмотря на упадок политического могущества Вавилона и Ассирии, аккадский язык и клинопись становятся средством международного общения на всем Ближнем Востоке. Текст договора между фараоном Рамсесом II и царем хеттов Хаттусили III был составлен по-аккадски. Даже своим вассалам в Палестине фараоны пишут не по-египетски, а по-аккадски. Писцы при дворах правителей Малой Азии, Сирии, Палестины и Египта старательно изучают аккадский язык, клинопись и литературу. Чужая сложная грамота доставляла этим писцам немало мучений: на некоторых табличках из Телль-Амарны (древний Ахета-

тон) видны следы краски. Это египетские писцы при чтении пытались разделить на слова (подчас неверно) сплошные строки клинописных текстов. 1400—600 годы до н. э. — время наибольшего влияния месопотамской цивилизации на окружающий мир. Шумерские и аккадские ритуальные, «научные» и литературные тексты переписываются и переводятся на другие языки во всем ареале клинописи.

Древнемесопотамская шумеро- и аккадоязычная литература известна сравнительно неплохо — сохранилась примерно четверть того, что составляло «основной поток традиции», т. е. изучалось и переписывалось в древних школах-академиях. Глиняные таблички, даже необожженные, прекрасно сохраняются в земле, и есть основания надеяться, что со временем будет восстановлен весь корпус литературных и «научных» текстов. Обучение в Двуречье издавна строилось на копировании текстов самого различного содержания — от образцов деловых документов до «художественных произведений», и целый ряд шумерских и аккадских сочинений был восстановлен по многочисленным ученическим копиям.

При школах-академиях (эдубба) создавались библиотеки по многим отраслям знания, существовали и частные собрания «глиняных книг». Крупные храмы и дворцы правителей также нередко имели кроме хозяйственно-административных архивов большие библиотеки. Самая известная из них — библиотека ассирийского царя Ашшурбанапала в Ниневии, обнаруженная в 1853 г. при раскопках холма возле деревни Куюнджик на левом берегу Тигра. Собрание Ашшурбанапала было не только крупнейшим для своего времени; это едва ли не первая в мире настоящая, систематически подобранная и расставленная библиотека. Царь лично следил за ее комплектованием: по его приказам писцы по всей стране снимали копии с древних или редких табличек, хранившихся в храмовых и частных собраниях, или же доставляли в Ниневию оригиналы.

Голова статуи молящегося из Квадратного храма. Эпшунна. Гипс. Около 2700 г. до н. э.

Голова статуи из Квадратного храма. Эпшунна. Гипс. Около 2700 г. до н. э.

Некоторые сочинения представлены в этой библиотеке в пятидесяти экземплярах. Пространные тексты составляли целые «серии», включавшие иногда до 150 табличек. На каждой такой «серийной» табличке стоял ее порядковый номер; заглавием служили начальные слова первой таблички. На полках «книги» размещались по определенным отраслям знаний. Здесь были собраны тексты «исторического» содержания («анналы», «хроники» и др.), судебники, гимны, молитвы, заговоры и заклинания, эпические поэмы, «научные» тексты (сборники примет и предсказаний, медицинские и астрологические тексты, рецепты, шумеро-аккадские словари и т. п.), сотни книг, в которых «отложились» все знания, весь опыт древнемесопотамской цивилизации. Большая часть того, что мы знаем о культуре шумеров, вавилонян и ассирийцев, была получена при изучении этих 25 тыс. табличек и фрагментов, извлеченных из руин дворцовой библиотеки, погибшей при разрушении Ниневии.

Древнемесопотамская словесность включает как памятники фольклорного происхождения — «литературные» обработки эпических поэм, сказок, собрания пословиц, так и произведения авторские, представляющие письменную традицию. Самым выдающимся памятником шумеро-вавилонской словесности, по мнению современных исследователей, является аккадский «Эпос о Гильгамеше», в котором повествуется о поисках бессмертия и ставится вопрос о смысле человеческого существования. Найден целый цикл шумерских поэм о Гильгамеше и несколько более поздних аккадских версий эпоса. Этот памятник, очевидно, пользовался заслуженной славой и в древности; известны его переводы на хурритский и хеттский языки, упоминание о Гильгамеше есть и у Элиана.

Огромный интерес представляют старовавилонская «Поэма об Атрахасисе», повествующая о сотворении человека и всемирном потопе, и культовый космогонический эпос «Энума элиш» («Когда вверху...»). Дошла из Месопотамии и поэма-сказка о проделках хитреца, триж-

ды отомстившего своему обидчику. Этот сказочный сюжет хорошо представлен в мировом фольклоре (тип 1538 по системе Аарн-Томпсона). Широко распространен в мировом фольклоре и мотив полета человека на орле, впервые встречающийся в аккадской «Поэме об Этане». Шумерские «Поучения Шурушака» (середина III тыс. до н. э.) включают ряд пословиц и сентенций, повторяющихся позже во многих ближневосточных литературах и у античных философов.

Из произведений нефольклорно-

Посвятительная надпись на каменной табличке. Шумер или Аккад. XXV в. до н. э.

го, изначально письменного, авторского происхождения следует указать несколько поэм о невинном страдальце, так называемую «Вавилонскую теодицею» и «Разговор господина с рабом», предвосхищающих темы библейских книг Иова и Экклезиаст. Некоторые покаянные псалмы и плачи вавилонян также находят параллели в библейских псалмах. В целом можно утверждать, что древнемесопотамская словесность, ее тематика, поэтика, само видение мира и человека оказали значительное воздействие на литературы соседних народов, на Библию и через нее — на литературы Европы.

По-видимому, месопотамские истоки имела и арамейская «Повесть об Ахикаре» (древнейшая запись датируется V в. до н. э.), переве-

денная в средние века на греческий, арабский, сирийский, армянский и славянские языки («Повесть об Акире Премудром»).

Глубокий след в современной культуре оставили шумеро-вавилонская математика и астрономия. По сей день мы пользуемся позиционной системой цифр и шестидесятиричным счетом шумеров, деля круг на 360° , час — на 60 минут, а каждую из них — на 60 секунд. Особенно значительны были достижения вавилонской математической астрономии.

Самый творческий период вавилонской математической астрономии приходится на V в. до н. э. В это время существовали знаменитые астрономические школы в Уруке, Сиппаре, Вавилоне и Борсиппе. Из этих школ вышли два великих астронома: Набуриан, разработавший систему определения лунных фаз, и Киден, установивший продолжительность солнечного года и еще до Гиппарха открывший солнечные прецессии. Большую роль в передаче грекам вавилонских астрономических знаний играла школа, основанная вавилонским ученым Беросом на о-ве Кос около 270 г. до н. э. Таким образом, греки имели прямой доступ к вавилонской математике, уровень которой во многих отношениях не уступал уровню Европы эпохи раннего Возрождения.

Любопытно наследие месопотамской цивилизации в области политической теории и практики, военного дела, права и историософии. Сложившаяся в Ассирии административная система была заимствована персами (деление страны на сатрапии, разделение в провинции гражданской и военной власти). Ахемениды, а вслед за ними эллинистические правители и позже римские кесари усвоили многое из придворного обихода, принятого у месопотамских царей.

Родившаяся, по-видимому, на рубеже III—II тыс. до н. э. идея единой истинной «царственности», переходящей со временем из одного города-государства в другой, пережила тысячелетия. Войдя в Библию (Книга Даниила) как идея смены «царств», она стала

достоянием раннехристианской историософии и послужила одним из источников возникшей на Руси в начале XVI в. теории «Москвы — третьего Рима». Характерно, что инсигнии византийских императоров и русских царей, согласно византийским и русским авторам, происходят из Вавилона. «Услышав же князь Владимир Киевский, что царь Василий (император Византии 976—1025 гг. — И. К.) получил (из Вавилона. — И. К.) такие великие царские вещи, и послал к нему своего посла, чтоб ево чем

Табличка с четырьмя
рисуночными
знаками. Шумер.
XXIX в. до н. э.

подарил. Царь же Василий ради чести своей послал князю Владимиру в Киев в дарех сердоликову крабицу да мономахову шапочку. И с того времени прослыша великий князь Владимир Киевский — Мономах. А ныне та шапочка в Московском государстве в соборной церкви. И как бывает властопоставление, тогда ради чину воскладывают ея на главу», — читаем мы в «Сказании о Вавилоне-граде» (по списку XVII в.).

Несмотря на то что в ветхозаветной и христианской традициях к Вавилону и Ассирии было явно неприязненное отношение, Вавилон оставался в памяти многих поколений первым «мировым царством», наследником которого выступали последующие великие империи.

Ancient
Civilizations
of Asia
Minor

Ц

Малая Азия
была естественным мостом в передаче
культурных достижений

ИВИЛИЗА-
ЦИИ

Древней Малой
Азии

Малая Азия (иначе Анатолия) — один из основных центров цивилизаций древнего Востока. Становление ранних цивилизаций в этом регионе было обусловлено всем ходом культурно-исторического развития Анатолии.

В древнейшую эпоху (в VIII—VI тыс. до н. э.) здесь сложились важные культурные центры производящего хозяйства (Чайюню-Тепеси, Чатал-Хююк, Хаджилар), основу которых составляли земледелие и скотоводство.

Уже в этот период истории значение Анатолии в историко-культурном развитии древнего Востока определялось не только тем, что культурные центры Малой Азии оказывали влияние на многие

соседние области и сами испытывали обратные влияния. Благодаря географическому положению Малая Азия была естественным местом передачи культурных достижений в разных направлениях.

Наука еще не располагает точными сведениями о том, когда именно появились в Анатолии первые раннегосударственные образования. Ряд косвенных данных указывает на то, что они, вероятно, возникли здесь уже в III тыс. до н. э.

В частности, такой вывод может быть сделан на основании некоторых аккадских литературных текстов, повествующих о торговой деятельности аккадских купцов в Анатолии и военных акциях Саргона Древнего и Нарам-Суэна против правителей городов-государств Малой Азии; эти истории известны и в пересказах, записанных по-хеттски.

Важное значение имеют и свидетельства клинописных табличек из города-государства середины III тыс. до н. э. Эблы. Согласно этим текстам, между Эблой и многими пунктами Северной Сирии и Месопотамии, располагавшимися вблизи границ Малой Азии, — Каркемиш, Харран, Уршу, Хашшу, Хахха — поддерживались тесные торговые связи. Позднее в этих и более южных областях осуществляли свои военные предприятия древнехеттские, а впоследствии и новохеттские цари. В конечном счете ряд этих областей был включен в состав Хеттского государства.

Вывод о наличии городов-государств в Малой Азии III тыс. до н. э. хорошо согласуется и с результатами анализа текстов («каппадокийских табличек»), происходящих с территории самой Анатолии. Это деловые документы и письма, выявленные в торговых центрах Малой Азии, которые существовали здесь в XIX—XVIII вв. до н. э. Они составлены клинописью на староассирийском (ашшурском) диалекте аккадского языка. Анализ названных документов показывает, что деятельность торговцев контролировалась правителями местных анатолийских городов-государств. Иноземные купцы выплачивали последним определенную пошлину за право торговать. Правители малоазиатских городов пользовались преимущественным правом покупки товара. Поскольку города-государства Малой Азии XIX—XVIII вв. до н. э. представляли собой довольно развитые политические структуры, то становление этих царств, очевидно, должно было произойти задолго до образования ашшурских торговых центров в Малой Азии.

Среди купцов в торговых центрах были представлены не только ашшурцы (восточные семиты), здесь было много выходцев из северносирийских областей, населенных, в частности, народами, говорившими на западносемитских диалектах. Западносемитские (аморейские) слова содержатся, например, в лексике архивов Каниша. Аморейские купцы, видимо, не были первыми торговцами, проторившими пути из Северной Сирии в Анатолию. Как и ашшурские купцы, возможно сменившие аккадских, они, видимо, следовали в Анатолию за северносирийскими купцами III тыс. до н. э. Торговля явилась существенным катализатором многих социально-экономических процессов, протекавших в Малой Азии в III — начале II тыс. до н. э.

Активную роль в деятельности торговых центров играли местные купцы: хетты, лувийцы, хатты. Были среди них торговцы-хурриты. Выходцы как из городов Северной Сирии, Северной Месопотамии, так, вероятно, и из Малой Азии. В Анатолию купцы везли ткани, хитоны. Но главными статьями торговли были металлы: восточные купцы поставляли олово, а западные — медь и серебро. Особый интерес проявляли ашшурские торговцы к другому металлу, пользовавшемуся огромным спросом; он стоил в 40 раз дороже серебра и в 5—8 раз дороже золота. Как установлено в исследованиях последних лет, этим металлом было железо. Изобретателями способа выплавки его из руды были хатты. Отсюда металлургия железа распространилась в Передней Азии, а потом и в Евразии в целом. Вывоз железа за пределы Анатолии, видимо, был запрещен. Именно этим обстоятельством могут быть объяснены неоднократные случаи его контрабандного вывоза, описанные в ряде текстов.

Торговля обеспечивалась с помощью караванов, доставлявших товары на вьючных животных, главным образом дамасских ослах. Караваны двигались небольшими переходами. Известно около 120 названий пунктов стоянок на пути

Женская статуэтка.
Серебро и золото.
Хасаноглан. Около
2100 г. до н. э.

через Северную Месопотамию, Северную Сирию и по восточной части Малой Азии.

В период последней фазы существования ассирийских торговых центров (приблизительно в XVIII в. до н. э.) заметно активизировалась борьба правителей городов-государств Анатолии за политическое лидерство. Ведущую роль среди них первоначально играл город-государство Пурусханда. Только правители этого царства носили титул «великий правитель». Впоследствии борьбу с Пурусхандой и

Найден и кинжал с короткой надписью, в которой содержится имя Анитты. Однако сама история успешной борьбы Питханы и Анитты известна нам из более позднего документа, выявленного в архивах Хеттского государства, которое образовалось приблизительно через 150 лет после событий, связанных с Аниттой. Этот промежуток времени между правлением Анитты и образованием Хеттского государства в письменных документах не освещен. Можно лишь предположить, что образование Хеттского

*Золотой сосуд.
Аладжа-Хююк. Около
2300 г. до н. э.*

*Ритон в виде льва.
Кюльтепе. XVIII в.
до н. э.*

другими городами-государствами Малой Азии повели цари малоазийского города-государства Куссары: Питхана и его сын Анитта. После продолжительной борьбы Анитта захватил город-государство Хаттусу, разрушил его и запретил заселять впредь. Он прибрал к рукам Несу и сделал его одним из опорных пунктов той части населения, которая говорила на хеттском языке. По названию этого города сами хетты стали именовать свой язык несийским или канессийским. Анитта сумел взять верх и над правителем Пурусханды. В знак признания своего вассалитета тот принес Анитте атрибуты своей власти—железный трон и скипетр.

Имена царей Куссары Питханы и Анитты, добившихся значительных успехов в борьбе за политическую гегемонию в Анатолии, упоминаются в «каппадокийских табличках».

государства (XVII—XII вв. до н. э.) явилось закономерным итогом социально-экономических, этнокультурных и политических процессов, особенно активизировавшихся на рубеже III—II тыс. до н. э. и в самом начале II тыс. до н. э.

Письменные документы—клинописные таблички, освещающие историю Хеттского государства, обнаружены в самом начале нашего века в архивах хеттской столицы Хаттусы (совр. Богазкей, в 150 км восточнее Анкары). Сравнительно недавно в местечке Машат-Хююк, на северо-востоке Малой Азии, вблизи города Зиле, найден еще один хеттский архив. Среди нескольких десятков тысяч клинописных текстов и фрагментов, найденных в Хаттусе (в Машат-Хююке обнаружено более 150 текстов и фрагментов), имеются историче-

ские, дипломатические, правовые (в том числе свод законов), эпистолярные (письма, деловая корреспонденция), литературные тексты и документы ритуального содержания (описания празднеств, заклинания, оракулы и т. п.).

*Керамический
сосуд. Кюльтепе.
XVIII в. до н. э.*

*Ригон в виде льва.
Кюльтепе. XVIII в.
до н. э.*

понденция), литературные тексты и документы ритуального содержания (описания празднеств, заклинания, оракулы и т. п.).

Большинство текстов составлено на хеттском языке; многие другие — на аккадском, лувийском, палайском, хаттском и хурритском языках. Все документы хеттских архивов записаны специфической формой клинописи, отличающейся от орфографии, использовавшейся в письмах и деловых документах ашшурских торговых центров. Предполагается, что хеттская клинопись была заимствована из варианта староаккадской клинописи, применявшейся хурритами в Северной Сирии. Дешифровка текстов на хеттском клинописном языке впервые была осуществлена в 1915—1917 гг. выдающимся чешским востоковедом Б. Грозным.

Наряду с клинописью хетты пользовались также иероглифическим письмом. Известны монументальные надписи, надписи на печатях, на различных предметах обихода и письма. Иероглифическое письмо применялось, в частности, в I тыс. до н. э. для записей текстов на диалекте лувийского языка. Эта система письма употреблялась и во II тыс. до н. э. Однако дошедшие до нас древние иероглифические тексты пока не дешифрованы, и точно не известно, на каком языке они составлялись. Более того, большая часть иероглифических текстов II тыс. до н. э., записывавшихся на деревянных табличках, по всей видимости, до нас не дошла.

В хеттских клинописных текстах часто речь идет о «писцах (иероглифами) на деревянных табличках».

Во многих клинописных документах отмечается, что они выполнены согласно подлиннику, составленному (иероглифами) на деревянной табличке. Опираясь на эти и многие другие факты, некоторые исследователи предполагают, что иероглифическое письмо могло быть наиболее ранней системой письма хеттов. В дешифровку иероглифического лувийского языка важный вклад внесли многие зарубежные ученые, в частности

П. Мериджи, Э. Форрер, И. Гельб, Х. Боссерт, Э. Ларош и др.

Историю Хеттского государства ныне принято делить на три периода: Древнее, Среднее и Новое царства. Создание древнехеттского государства (1650—1500 гг. до н. э.) в самой хеттской традиции приписывается царю по имени Лабарна. Однако тексты, которые были бы составлены от его имени, не найдены. Самым ранним царем, известным по ряду записанных от его имени документов, был Хаттусили I. Вслед за ним в период Древнего царства правили несколько царей, среди которых наиболее крупными политическими фигурами были Мурсили I и Телепину. Менее документирована история Среднего царства (1500—1400 гг. до н. э.). Наибольшего могущества достигло Хеттское царство во времена царей новохеттского периода (1400—1200 гг. до н. э.), среди которых особенно выделяются личности Суппилулиумы I, Мурсили II, Муваталли и Хаттусили III.

Система государственного устройства Хеттского царства характеризуется целым рядом специфических черт. Верховный правитель страны носил титул хаттского происхождения табарна (или лабарна). Он имел важные военные, культово-религиозные, правовые и экономические функции. Наряду с царем важную роль, особенно в сфере культа, играла и царица, носившая хаттский титул тавананна.

Царица-тавананна, пережившая своего супруга, сохраняла свое высокое положение и при сыне-царе. Ее титул наследовался, видимо, независимо от титула царя следующей царицей. Царица имела свой дворец, который обслуживали ее придворные, ей принадлежали многие земельные владения; область, из которой происходила царица, видимо, уплачивала особую подать в пользу своей повелительницы. Она распоряжалась принадлежащим ей имуществом, могла вершить суд над своими подданными.

В функциях царя-табарны и царицы-тавананны ощущается наследие раннего этапа развития об-

ществ Древней Малой Азии. Так, функции хеттского царя и царицы иногда рассматриваются как пережиток дуальной системы власти (двойного царствования наподобие многих обществ Африки, в которых носителями власти являются царь и царица-соправительница). Статус царицы в хеттском государственном управлении был, вероятно, обусловлен и обычаем наследования престола по женской линии. Так, еще в древнехеттский период одним из основных претендентов на престол считался сын сестры

122/123

*Цивилизации
Древней
Малой Азии*

*Стяжной амулет
в виде фигурки бога.
XIX—XVIII вв.
до н. э.*

царя (которая одновременно могла быть и женой царя, т. е. женой своего брата), а также зять (муж сестры царя). Наряду с главной женой-тавананной у царя могли быть и другие жены и наложницы, статус которых существенно отличался от статуса царицы-соправительницы.

Власть царя и царицы в хеттском обществе во многом сохраняла сакральный характер. Исполнение правителем и правительницей многих культово-религиозных функций расценивалось в качестве деятельности, способствующей обеспечению плодородия страны и благополучия всего населения. Многие существенные стороны всего комплекса представлений о царе и царице как символах плодородия (а также о связанных с ними конкретных атрибутах: царском троне.

жезле и т. п., священных животных— воплощениях власти) сохраняют отчетливые связи с представлениями, характерными для традиций страны Хатти.

Вместе с тем в институте царской власти хеттов, видимо, сказывается влияние практики, существовавшей в среде хетто-лувийского населения раннего периода, и в частности обычая избрания царя (предводителя) на народном собрании. Пережитком такого собрания считается хеттский панкус. В период Древнего царства хеттов в «собрание» входили воины (часть свободного населения царства Хатти) и высшие сановники. Панкус имел юридические и религиозные функции. Впоследствии этот институт отмирает.

Управление государством осуществлялось с помощью многочисленной администрации. Ее верхушку составляли главным образом родственники и свойственники царя. Они обычно назначались правителями городов и областей страны, становились высшими придворными.

Основу хозяйства хеттов составляли земледелие, скотоводство, ремесла (металлургия и изготовление орудий из металлов, гончарное, строительное дело и т. п.). Важную роль в хозяйстве играла торговля. Существовали государственные земли (дворцовые и храмовые), а также общинные, находившиеся в распоряжении определенных коллективов. Владение и пользование государственной землей связывалось с исполнением натуральной (саххан) и трудовой (луцци) повинностей. От саххана и луцци были освобождены земли, принадлежавшие храмам и другим культовым учреждениям. Земли частного лица, находившегося на царской службе, полученные им в «дар» от царя, также могли быть освобождены от обязательств, связанных с сахханом и луцци.

Вместе с тем в некоторых хеттских документах сохраняются определенные свидетельства того, что в ранний период истории обществ древней Анатолии взаимоотношения царя с подданными могли регулироваться на основе институ-

та обменных дарений. Такой обмен по форме носил добровольный характер, но по существу был обязательным. Приношения подданных предназначались царю за то, что на нем лежала функция по обеспечению плодородия страны. Со своей стороны подданные могли рассчитывать на ответное отдаривание со стороны царя. Взаимный обмен, видимо, имел место в моменты важнейших общественных празднеств, приуроченных к основным сезонам года.

Институт взаимных услуг нашел свое отражение в ряде хеттских текстов, в которых предписывается дать «хлеб и масло голодному», дать «одежду голому». Подобные представления засвидетельствованы и в культуре многих древних обществ (в Египте, Месопотамии, Индии) и не могут быть выведены из некоего утопического гуманизма древних обществ.

В то же время очевидно, что на протяжении всей истории хеттского общества происходило постепенное вытеснение из общественной практики института, основанного на принципе взаимных обязательств владыки и подданных. Вполне вероятно, что из системы первоначально добровольных услуг, оказываемых населением вождю (царю), происходят и хеттские саххан и луцци, которые уже в период Древнего царства хеттов обозначали определенные повинности в пользу государства.

Такой вывод вполне согласуется с отраженной в некоторых хеттских текстах тенденцией к постепенному сокращению прав свободных граждан. В частности, в одном из параграфов хеттских законов говорится о том, что человек, имеющий поля, полученные им в «дар» от царя, не выполняет саххана и луцци. Согласно более поздней редакции законов, владелец таких государственных полей уже должен был выполнять повинности и освобождался от них лишь по специальному царскому указу.

Другие статьи хеттских законов также свидетельствуют о том, что были упразднены свободы от несения повинностей, которыми пользовались в Хеттском государстве

жители ряда городов, воины, некоторые категории ремесленников. Древние привилегии были сохранены за привратниками, жрецами, ткачами важнейших культовых центров государства (г. Аринны, Нерика и Ципланды). В то же время были лишены таких прав лица, проживавшие на земле этих жрецов и ткачей на правах совладельцев земли. Свобода от несения повинностей не только жрецов, но и привратников объясняется, видимо, тем, что последние профессии расценивались как занятия,

шалея вопрос о том, какая из крупнейших держав Ближнего Востока того периода будет преобладать в районах Восточного Средиземноморья, через которые пролегли важные торговые пути всего субрегиона. На востоке они воевали с правителями царства Асси.

Хеттская история знала периоды необычайных взлетов и падений. При Лабарне и Хаттусили I границы страны Хатти были расширены от «моря и до моря» (под этим подразумевалась территория от Черного до Средиземного моря).

имеющие ритуальный характер.

Вся история Хеттского государства — это история многочисленных войн, которые велись на различных направлениях: на севере и северо-востоке — с воинственными причерноморскими народами каска, постоянно угрожавшими своими походами самому его существованию, на юго-западе и западе — с царствами Кищуватна и Арцава, населенными лувийцами и хурритами; на юге и юго-востоке — с хурритами (в том числе с хурритским царством Митгани). Хетты вели войны с Египтом, в которых ре-

Хаттусили I завоевал ряд важных областей на юго-западе Малой Азии. В Северной Сирии он взял верх над мощным хурритосемитским городом-государством Алалах, а также над двумя другими крупными центрами — Урпу (Варсува) и Хашпу (Хассува) — и начал длительную борьбу за Хальпу (совр. Алеппо). Этот последний город был захвачен его преемником на престоле Мурсили I. В 1595 г. до н. э. Мурсили, кроме того, захватил Вавилон, разрушил его и взял богатую добычу. При Телепину под хеттским контролем

Глиняные фигурки бычков. Бююккале. XIV в. до н. э.

оказалась и важная в стратегическом отношении область Малой Азии Кишдуватна.

Эти и многие другие военные успехи привели к тому, что Хеттское царство стало одним из самых могущественных государств Ближнего Востока. Вместе с тем уже в древнехеттский период восточные и центральные области страны Хатти подвергались разорительным вторжениям хурритов с Армянского нагорья и из Северной Сирии. При хеттском царе Хантили хурриты захватили и даже казнили

рых были посажены сыновья Суппилулиумы Пияссили и Телепину. Под контролем хеттов оказались многие царства Сирии вплоть до Ливанских гор.

Существенное укрепление позиций хеттов в Сирии в конечном счете привело к столкновению двух крупнейших держав того времени— Хеттского царства и Египта (см. гл. III). В битве у Кадета (Кинза) на р. Оронт хеттская армия под командованием царя Мува-талли нанесла поражение египетским войскам Рамсеса II. Сам фа-

Рельеф, изображающий царя (или бога), с «царских ворот» Хаттусы. XIV в. до н. э.

Ступенчатый подъем на западный склон Хаттусы

хеттскую царицу вместе с ее сыновьями.

Особенно громкие победы были достигнуты в период новохеттского царства. При Суппилулиуме I под контролем хеттов оказались западные области Анатолии (страны Арцава). Был одержан верх над причерноморским союзом каска, над царством Ашци-Хайаса. Суппилулиума достиг решительных успехов в борьбе с Митанни, на престол которой он возвел своего ставленника Шаттивазу. Были завоеваны важные центры Северной Сирии Хальпа и Каркемиш, правителями кото-

раон чудом избежал плена. Столь крупный успех хеттов, однако, не привел к изменению в соотношении сил. Борьба между ними продолжалась, и в конечном счете обе стороны были вынуждены признать стратегический паритет. Одним из свидетельств его явился уже упоминавшийся нами хеттско-египетский договор, заключенный Хаттусили III и Рамсесом II около 1296 г. до н. э. Между хеттским и египетским дворами установились тесные, дружественные связи. Среди переписки царей страны Хатти с правителями других государств

большинство составляют послания, направленные из Хатти в Египет и обратно в период правления Хаттусили III и Рамсеса II. Мирные отношения были закреплены браком Рамсеса II с одной из дочерей Хаттусили III.

В конце среднехеттского и в особенности в новохеттский период Хатти вступила в непосредственный контакт с государством Аххиява, видимо располагавшимся на самом крайнем юго-западе или западе Малой Азии (согласно некоторым исследователям, это царство

может быть локализовано на о-вах Эгейского моря или в материковой Греции). Аххияву часто отождествляют с Микенской Грецией. Соответственно название государства связывают с термином «ахейцы», обозначавшим (по Гомеру) союз древнегреческих племен. Яблоком раздора между Хатти и Аххивой были как области западной Малой Азии, так и о-в Кипр. Борьба велась не только на суше, но и на море. Хетты дважды овладевали Кипром — при Тудхалии IV и Суппилулиуме II — последнем царе

126/127

*Цивилизации
Древней
Малой Азии*

Хеттского государства. После одного из этих рейдов был заключен договор с Кипром.

В своей завоевательной политике хеттские цари опирались на организованную армию, включавшую как регулярные формирования, так и ополчение, которое поставляли зависимые от хеттов народы. Военные действия обычно начинались весной и продолжались до поздней осени. Однако в некоторых случаях ходили в походы и в зимнее время, главным образом на юг, а порой даже на восток, в области

службу специальные гарнизоны хеттских регулярных войск. Правители вассальных стран были обязаны снабжать гарнизоны хеттов продуктами питания.

Армия состояла главным образом из колесничьего войска и тяжеловооруженной пехоты. Хетты были одним из пионеров в использовании легких колесниц в армии. Хеттская колесница, запряженная двумя лошадьми, несшая на себе трех человек — возничего, воина (обычно копейщика) и прикрывавшего их щитомосца, представляла собой грозную силу.

Одно из ранних свидетельств боевого применения колесниц в Малой Азии встречается в древнейшем хеттском тексте Анитты. В нем говорится, что на 1400 пехотинцев войска Анитты приходилось 40 колесниц. О соотношении колесниц и пехотинцев в хеттской армии свидетельствуют и данные о битве у Кадеша. Здесь силы хеттского царя Муваталли состояли приблизительно из 20 тыс. пехотинцев и 2500 колесниц.

Колесницы представляли собой изделия высокого технического мастерства и стоили довольно дорого. Для их изготовления требовались специальные материалы: различные породы дерева, произраставшие главным образом на Армянском нагорье, кожа и металлы. Поэтому производство колесниц, вероятно, было централизованным и велось в специальных царских мастерских. Сохранились хеттские царские наставления для мастеров, изготовлявших колесницы.

Не менее трудоемким, дорогостоящим и высокопрофессиональным делом была и подготовка по специальной методике большого числа лошадей, впрягаемых в колесницы. Хеттские приемы ухода за лошадьми и обучения упряжных лошадей известны из древнейшего в мире трактата по тренингу, составленного от имени Киккули, и других подобных текстов. Главной целью многомесячных тренировок лошадей была выработка у них выносливости, необходимой для военных целей.

Наставление Киккули составлено на хеттском языке. Однако само

*Львиные ворота,
Хаттуса, XIV в.
до н. э.*

горной страны Хайаса. В периоды между походами, во всяком случае, часть регулярных сил расквартировывалась в специальных военных лагерях. Во многих пограничных городах страны Хатти, а также в населенных пунктах, контролируемых хеттскими царями вассальных государств, несли

имя тренера, по-видимому приглашенного на хеттскую службу, хурритское. Хурритскими являются и некоторые встречающиеся в трактате специальные термины. Эти и многие другие факты дают основание считать, что история изобретения боевых колесниц и методов подготовки лошадей, впрягавшихся в них, тесно связана с хурритами. Вместе с тем определенное влияние на хурритские приемы тренинга лошадей оказали и индо-иранские племена. Так, специальные коневодческие термины — «лошадиный тренер», «стадион» (манеж), «поворот» (круг) — и числительные, использовавшиеся для обозначения количества «поворотов», были заимствованы из «митаннийского», арийского диалекта, носители которого распространились на части территории хурритского царства Митанни.

Для захвата городов хетты часто прибегали к осаде, используя при этом штурмовые орудия, широко применяли они и тактику ночных маршей.

Существенным инструментом хеттской внешней политики была дипломатия. Хетты имели дипломатические отношения со многими государствами Малой Азии и Ближнего Востока в целом; эти отношения в ряде случаев регулировались специальными договорами. В хеттских архивах сохранилось больше дипломатических актов, чем во всех вместе взятых архивах других государств Ближнего Востока.

Содержание посланий, которыми обменивались хеттские цари с правителями других стран, а также содержание международных соглашений хеттов показывает, что в дипломатии того времени существовали определенные нормы взаимоотношений государей, использовался во многом стандартный тип договора. Так, в зависимости от соотношения сил сторон цари обращались друг к другу как «брат к брату» или как «сын к отцу». Периодические обмены послами, посланиями, подарками, а также династические браки расценивались как акты, свидетельствующие о дружественных отношениях и бла-

гих намерениях сторон.

Международными сношениями руководило специальное ведомство при царской канцелярии. Видимо, в штат этого ведомства входили разного ранга послы, посланники и переводчики. Через послов, часто сопровождаемых переводчиками, письма государей, дипломатические акты (клинописные таблички в глиняных конвертах) доставлялись государям-адресатам. Доставленное письмо обычно служило своего рода верительной грамотой посла. Письма, послылавшиеся из страны Хатти правителями царств Малой Азии, а также заключавшиеся с этими последними договоры составлялись на хеттском языке. К другим царям Ближнего Востока шли письма на аккадском языке, который был языком международных отношений. Договора в таком случае обычно составлялись в двух вариантах: один — на аккадском, а другой — на хеттском языке.

Послания государей иностранных держав, а также тексты международных соглашений порой обсуждались хеттским царем на специальном царском совете, именовавшемся тулией. Известно также, что утверждению договора могли предшествовать длительные консультации, во время которых согласовывался взаимоприемлемый проект соглашения, как, например, в связи с заключением договора между Хаттусили III и Рамсесом II. Договоры скреплялись печатями царей, иногда они записывались не на глиняных, а на металлических (серебряных, бронзовых, железных) табличках, что практиковалось, в частности, хеттами. Таблички договоров обычно хранились перед статуями верховных божеств страны, так как боги, главные свидетели договора, вправе были наказывать того, кто нарушит соглашение.

Большинство международных соглашений хеттов представляли собой акты, закреплявшие военные победы хеттской армии. Поэтому в них часто ощущается неравноправный характер взаимоотношений сторон. Хеттский царь обычно предстает в качестве «сюзерена», а его партнер — в качестве «вассала».

Хеттские печати

Так, хеттские цари часто обязывали вассала платить дань, возвращать скрывавшихся у него беглых земледельцев и сановников, замешанных в политических интригах. Они обязывают «данника» ежегодно являться с визитом пред очи хеттского царя, заботиться о гарнизонах хеттских войск, расквартированных в городах вассала, по первому зову выступать с войском на помощь хеттскому правителю, не поддерживать тайных сношений с государями других враждебных хеттам стран.

Вассал обязан был ежегодно (порой трижды в год) перечитывать соглашение. Соблюдать договор обязаны были сыновья, внуки и правнуки вассала, другими словами, он заключался как бы на вечные времена. Однако в действительности такие надежды редко оправдывались. Чтобы стимулировать подчиненную сторону к совместным действиям против враждебных сил, некоторые договоры содержат статьи, регулирующие правила раздела добычи: добыча принадлежит той армии, которая захватила ее.

Характерной чертой дипломатической практики хеттов были и династические браки. Хетты, видимо, относились к международным брачным союзам по-иному, нежели, например, египтяне. У последних, как свидетельствует переписка между Аменхотепом III и касситским правителем Вавилона Бурнабуриашем, считалось, что египетская царевна не может быть отдана в жены царю другой страны. Не только царевна, но даже знатная египтянка не была дана в жены Бурнабуриашу, хотя последний был согласен и на такую замену. Одна из причин отказа, видимо, заключалась в том, что египтяне руководствовались принципом, согласно которому статус «дающих жен» ниже статуса «берущих жен» (подобные представления засвидетельствованы и во многих других архаических коллективах). Соответственно «выдача жень» могла означать принижение статуса фараона и страны в целом. В то же время известно, что в периоды упадка мощи Египта фараоны по-

рой выдавали своих царевен замуж за иностранных государей. Более того, во время расцвета Хеттского государства при Суппилулиуме I вдова Тутанхамона слезно молила хеттского правителя прислать ей в мужья любого из его сыновей.

В отличие от египтян хеттские цари довольно охотно выдавали замуж своих дочерей и сестер. Часто они сами брали в жены иностранных царевен. Использовались такие браки не только для поддержания дружественных отношений. Династические браки порой связывали по рукам и ногам вассала. Ведь, выходя замуж, представительница хеттского царского рода попадала не в число гаремных наложниц, а становилась главной женой. Именно такое условие ставили хеттские правители перед своими зятьями. Об этом говорится, в частности, в договорах, заключенных Суппилулиумом I с правителем Хайасы Хукканой и с царем Митанни Шаттивазой. Правда, такого условия нет в договоре Хатти с Египтом. Тем не менее известно, что в отличие от митаннийских царевен, которые были взяты в гарем египетского фараона, хеттская царевна, выданная замуж за Рамсеса II, считалась его главной женой.

Через посредство своих дочерей и сестер хеттские цари укрепляли свое влияние в других государствах. Более того, поскольку законными наследниками престола иностранного государства становились дети главной жены, возникала реальная возможность того, что в будущем, когда на трон взойдет племянник хеттского царя, влияние государства Хатти в вассальной стране еще более упрочится.

В хеттской дипломатической практике имели место и случаи обращения к правителям иностранных держав с просьбами о присылке медиков. Уровень хеттской медицины был ниже, чем, например, в Египте и Вавилонии. Об этом свидетельствует, в частности, то, что хеттские писцы переписывали аккадские медицинские трактаты и переводили их на хеттский язык. Из Вавилонии присылали в Хатти врачей и жреца-заклинателя. Для оказания медицинской помощи при-

*Наскальный рельеф
из Язылькая.
XIV—XIII вв.
до н. э.*

езжали врачи из Египта; отсюда же привозили хеттскому царю Хаттусили III, страдавшему болезнью глаз, «хорошее медицинское средство». Как-то Хаттусили III обратился к Рамсесу с просьбой прислать в Хатти врача для лечения бесплодия своей сестры Массануцци. После непродолжительной переписки из Египта последовало медицинское заключение: поскольку Массануцци исполнилось 60 лет, то невозможно изготовить препарат, который излечил бы ее от этого недуга.

За время существования Хеттского государства его народом были созданы многие культурные ценности. К их числу относятся памятники искусства, архитектуры, разнообразные литературные сочинения. Вместе с тем культура Хатти сохранила в себе богатое наследие, почерпнутое из традиций древних этносов Анатолии, а также заимствованное из культур Месопотамии, Сирии, Кавказа. Она стала важным звеном, соединившим культуры древнего Востока с культурами Греции и Рима. В частности, в переводах на хеттский дошли до нас многочисленные мифы из традиции Древнего царства, переложенные хеттами с хаттского языка: о борьбе бога Грозы со Змеем, о Луне, упавшей с неба, об исчезнувшем божестве (боге растительности Телепину, боге Грозы, боге Солнца).

К оригинальному жанру литературы относятся анналы — древнехеттские Хаттусили I, среднехеттские Мурсили II. Среди произведений ранней хеттской литературы привлекают внимание «Повесть о царице города Канеса» и погребальная песня. В «Повести о царице города Канеса» речь идет о чудесном рождении у царицы 30 сыновей. Близнецов поместили в горшки и пустили плыть по реке. Но они были спасены богами. Через некоторое время царица родила 30 дочерей. Повзрослев, сыновья отправились на поиски матери и пришли в Канес. Но поскольку боги подменили человеческую суть сыновей, они не узнали своей мате-

ри и взяли в жены своих сестер. Самый младший, узнав сестер, пытался воспротивиться браку, но было слишком поздно.

Сказание о царице города Канеса имеет обрядовый фольклорный источник. Мотив брака братьев и сестер обнаруживает очевидные типологические параллели с письменными и фольклорными текстами многих народов, в которых представлена тема кровосмешения. Широко известен во многих культурах и архаический обычай расправы с близнецами, подобный тому, о котором повествуется в хеттском тексте.

Древние индоевропейские поэтические нормы, видимо, отражены в хеттской погребальной песне, представляющей собой почти единственный образец хеттской поэзии:

Саван Несы, саван Несы // Принеси ты мне. // Матери моей одежды // Принеси ты мне. // Деда моего одежды // Принеси ты мне. // Что все это значит? // Предков я спрошу (Перевод Вяч. Вс. Иванова).

Среди оригинальных жанров хеттской литературы периода Среднего и Нового царств следует отметить молитвы, в которых исследователями обнаруживаются совпадения с идеями ветхозаветной и новозаветной литературы, а также «Автобиографию» Хаттусили III — одну из первых автобиографий в мировой литературе.

В период Среднего и Нового царств на хеттскую культуру сильное влияние оказала культура хуррито-лувийского населения юга и юго-запада Анатолии. Это культурное влияние явилось лишь одной из сторон воздействия. Подобно тому как в период Древнего царства хеттские цари носили в основном хаттские имена, в этот период цари, происходившие из хурритской династии, имели по два имени. Одно — хурритское — они получали от рождения, другое — хеттское (хаттское) — по восшествию на престол.

Хурритское влияние обнаруживается в рельефах хеттского святилища в Язылыкая. Благодаря хурритам и непосредственно из культуры этого народа хетты переняли и

переложили на свой язык ряд литературных произведений: аккадские тексты о Саргоне Древнем и Нарам-Суэне, шумерский эпос о Гильгамеше, имеющий в целом месопотамский первоисточник — среднехеттский гимн Солнцу, хурритские эпосы «О царстве на небесах», «Песнь об Улликумми», рассказы «Об охотнике Кесси», «О герое Гурпарандаху», сказки «Об Апу и двух его сыновьях», «О боге Солнца, корове и рыбацкой чете». Именно хеттским переложениям мы обязаны, в частности, тем, что многие произведения хурритской литературы не исчезли безвозвратно в глубине веков.

Одно из важнейших значений хеттской культуры заключается в том, что она выполняла роль посредника между цивилизациями Ближнего Востока и Греции. В частности, обнаруживаются сходства между хеттскими текстами, являющимися переложениями соответствующих хаттских и хурритских, с греческими мифами, зафиксированными в «Теогонии» греческого поэта VIII—VII вв. до н. э. Гесиода. Так, существенные аналогии прослеживаются между греческим мифом о борьбе Зевса со змееподобным Тифоном и хеттским мифом о сражении бога Грозы со Змеем. Имеются параллели между тем же греческим мифом и хурритским эпосом о каменном чудовище Улликумми в «Песне об Улликумми». В этом последнем упоминается гора Хацци, куда переселился бог Грозы после первого сражения с Улликумми. Та же гора Касион (по более позднему автору — Аполлодору) — место сражения Зевса с Тифоном.

В «Теогонии» история происхождения богов описывается как насильственная смена нескольких поколений богов. Эта история, возможно, восходит к хурритскому циклу о царствовании на небесах. Согласно ему, вначале в мире царствовал бог Алалу (связанный с Нижним миром). Он был свергнут богом неба Ану. На смену ему пришел бог Кумарби, который в свою очередь был низвергнут с престола богом Грозы Тешубом. Каждый из богов царствовал по

девять веков. Последовательная смена богов (Алалу — Ану — Кумарби — бог Грозы Тешуб) представлена и в греческой мифологии (Океан — Уран — Крон — Зевс). Совпадает мотив смены не только поколений, но и функций богов (хурритское Ану от шумерского Ан — «небо»; бог Грозы Тешуб и греческий Зевс).

Среди отдельных совпадений греческой и хурритской мифологией отмечаются греческий Атлант, который держит Небо на своих плечах, и хурритский великан Упеллури в «Песне об Улликумми», поддерживающий Небо и Землю (аналогичный образ бога известен и в хаттской мифологии). На плече Упеллури росло каменное чудовище Улликумми. Бог Эа лишил его силы, отделив его с помощью резака от плеча Упеллури. Согласно хурритской мифологии, этот резак был впервые использован при отделении Неба от Земли. Способ лишения силы Улликумми имеет параллели в мифе об Антее. Антей, сын Посейдона, повелителя морей, и Геи, богини Земли, был непобедим, пока прикасался к матери-земле. Геракл сумел задушить его, только подняв вверх и оторвав от источника силы. Как и в «Песне об Улликумми», согласно греческой мифологии, специальное орудие (серп) используется для отделения от Земли (Геи) Неба (Урана) и оскопления последнего.

* * *

Около 1200 г. до н. э. Хеттское государство перестало существовать. Падение его, по-видимому, было обусловлено двумя причинами. С одной стороны, оно было вызвано усилившимися центробежными тенденциями, приведшими к распаду некогда могучей державы. С другой стороны, вероятно, что потерявшая былую силу страна подверглась нашествию племен Эгейского мира, именуемых в египетских текстах «народом моря». Однако, какие именно племена среди «народов мира» участвовали в разрушении страны Хатти, точно не известно.

Civilizations of Ancient Iran

Цивилизация Древнего Ирана

*Народы Древнего Ирана
создали
оригинальную и высокоразвитую цивилизацию*

Иран — страна древней и высокоразвитой цивилизации. Его обитатели еще в начале III тыс. до н. э. создали свою письменность и оригинальную культуру, которую затем и совершенствовали в течение многих тысячелетий.

Древнеиранские религии (зороастризм, зерванизм и манихейство) оказали значительное влияние на разработку философских воззрений античного мира и на возникновение эсхатологических учений в христианстве и исламе. Многие произведения древней и раннесредневековой иранской литературы были переведены на арабский, сирийский, армянский и другие языки, а затем — в эпоху Возрождения и позднее — дали сюжеты для ли-

тературных памятников Запада и Востока. Произведения искусства, созданные мастерами Древнего Ирана, прочно вошли в сокровищницу мировой культуры.

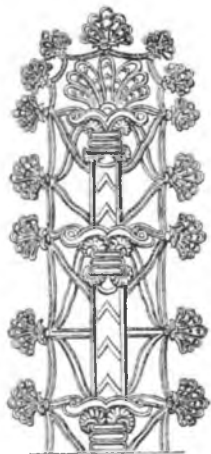
Исконным населением юго-западной части Ирана были эламиты, родственные, как полагают многие ученые, дравидийским племенам, жившим к востоку от них, в Белуджистане. В западных предгорьях Загроса и на территории северо-западного Ирана жили пле-

мена неиндоевропейского происхождения, в том числе хурриты, маннеи, луллубеи и др. На рубеже XII—XI вв. до н. э. на территории Западного Ирана стали селиться мидийские и персидские племена, которые впоследствии заняли все Иранское нагорье и ассимилировали автохтонное население.

В истории Древнего Ирана четко

выделяются следующие этапы: время возникновения и расцвета эламской цивилизации (с конца IV тыс. до конца VII в. до н. э.); мидийская эпоха (VIII—середина VI в. до н. э.); ахеменидский период (с середины VI в. до 330 г. до н. э.); парфянское время (середина III в. до н. э.—приблизительно 224 г. н. э.).

ЭЛАМ

Юго-западную часть Ирана занимал Элам (совр. провинция Хузистан), где были благоприятные условия для быстрого развития производительных сил. Равнинная часть Элама (Сузиана) орошалась водами рек Карун и Керха, впадавших в древности в Персидский залив. Эта аллювиальная долина — одна из древнейших областей земледельческой культуры. Уже на рубеже IV—III тыс. до н. э. там выращивали обильные урожаи ячменя, эммера и фруктов. Тогда же здесь возникло и ремесло. Особенно значительного расцвета достигло гончарное дело. Горная часть Элама (совр. Бахтиярские горы) была богата строительным лесом и полезными ископаемыми (медь, свинец и др.). Основным занятием жителей горных районов было скотоводство.

В начале III тыс. до н. э. появились раннегосударственные объединения племен. Столицей одного из этих объединений стали Сузы, крупный город в долине Каруна и Керхи, расположенный на месте скрещения важнейших путей, соединявших Элам с Двуречьем, а также с Северным и Восточным Ираном. Кроме того, в Эламе существовали государства Аван, Аншан, Кимаш и Симаш.

Постепенно выработалась характерная система государственного управления, существовавшая с середины III до середины II тыс. до н. э. Наряду с верховным правителем, который носил титул суккалмах («великий посланец») и пребывал в Сузах, большую роль играл его заместитель, обычно младший брат и будущий преемник верховного правителя. Он назывался суккалом (посланцем). На

третьем месте в государственной иерархии стоял наместник области Сузиана, который был старшим сыном царя. Он занимал место суккала Симаша в случае смерти последнего. Более мелкими областями управляли лица местного происхождения, после кончины которых власть переходила к их племянникам (сыновьям сестер).

Для царских семей Элама были характерны браки на сестрах и левират, когда после смерти царя его брат и преемник женился на вдове умершего и тем самым получал право на престол. Поэтому цари и наследники престола в Эламе издревле носили титул «сыновья сестры». Браки на сестрах продолжались в течение очень долгого времени, во всяком случае до середины VII в. до н. э.

Хотя в течение всей истории Элама женщина сохраняла свое почетное положение, в системе государственного управления постепенно произошли большие изменения. Начиная с XIII в. до н. э. царский престол стали передавать по наследству по отцовской линии, от царя к его старшему сыну.

В III тыс. до н. э. основной формой экономической и социальной организации в Эламе являлись сельские общины, куда входили все свободные люди независимо от их родственных уз, коллективно владевшие землей и совместно обрабатывавшие ее. Эти общины управлялись старейшинами, выбранными народным собранием того или иного города или деревни. Народное собрание и избранные им должностные лица регулировали спорные вопросы, разбирали имущественные тяжбы и судили преступников.

Однако с начала II тыс. до н. э. стали интенсивно развиваться частные хозяйства с использованием рабского труда. Это приводило к имущественной дифференциации, к распаду сельских общин и разорению свободных общинников, которые лишались земли и орудий труда. Земля стала сосредотачиваться в руках отдельных экономически могущественных семей. На смену сельским общинам, которые к концу II тыс. до н. э. перестали существовать, пришли домашние общины. Производители, входившие в них, были связаны родственными узами. Домашние общины коллективно владели землей и сообща обрабатывали ее и затем делили доходы между собой.

С течением времени в домашние общины могли объединиться и люди, которые не были родственниками. Для этого надо было только заключить договор о «братстве» и передать свою землю в общинное пользование. Однако постепенно такие договоры стали применять для увеличения рабочей силы за счет малоземельных свободных, которые, вступив в общину, утрачивали свою собственность и принимали участие в обработке земли, получая за это часть урожая. Малоимущим приходилось прибегать к ссудам зерном или деньгами, отдавая в залог свои дома или сады. Кроме погашения ссуды кредитор требовал также уплаты процентов. Поэтому многие малоимущие оказывались в долговом рабстве. Постепенно процессы имущественной дифференциации привели к разложению домашней общины, распаду коллектива семей как единой хозяйственной ячейки, разделу общинного имущества между отдельными членами и даже к аренде и продаже земли.

Наряду с общинными, а позднее и частновладельческими хозяйствами в Эламе были также царские и храмовые хозяйства. Храмы были собственниками крупных земельных владений, занимались торговыми и ростовщическими операциями, давая в долг под проценты зерно, деньги и т. д. Часть храмовых земель сдавалась в аренду, остальные угодья обрабатывали храмо-

вые рабы, а также общинники. Однако в I тыс. до н. э. в результате бесконечных войн и многократных вторжений чужеземцев на территорию Элама храмовые хозяйства оказались разоренными и перестали играть видную роль в экономической жизни страны.

По верованиям эламитов, законы были установлены богами, и нарушение их каралось богом Солнца Наххунте. В рассматриваемом нами обществе были не только религиозные законы, но также законы об усыновлении, разделе имущества,

Статуя царицы Напирасу. Сузы. XIII в. до н. э.

продаже земли и т. д. Для эламского права были характерны жестокие наказания преступников. Например, за ложную клятву отрезали руку и язык или топили в реке. Нередко нарушители контракта тоже приговаривались к смертной казни.

Политическая история Элама на всем своем протяжении была тесно связана с историей Месопотамии. Обе страны часто воевали друг с другом, заключали мирные договоры и имели оживленные торговые и культурные связи. В XXIV—XXIII вв. до н. э. Элам был включен в состав Аккадского государ-

ства. Большинство документов и надписей в Эламе в тот период составлялось на аккадском языке. В XXII—XXI вв. до н. э. при царях III династии Ура Элам оставался под господством Двуречья, но во второй половине XXI в. до н. э. добился независимости. При царе Кутир-Наххунте I (1730—1700 гг. до н. э.) эламиты вторглись в Двуречье и, как говорится в одной вавилонской надписи, на целое столетие «наложили руки на святилища Аккада и превратили Аккад в прах». До середины XIV в. до н. э. Элам сохранял свою независимость, но затем был надолго завоеван вавилонянами. Около 1180 г. до н. э. эламский царь Шутрук-Наххунте I изгнал вавилонское войско с территории Элама и, совершив победоносный поход в Вавилонию, разграбил ее города и увез оттуда в Сузы богатую добычу. Среди этой добычи находилась также стела с Законами Хаммурапи, которая в самом начале нашего столетия была раскопана в Сузах французскими археологами.

В 1159—1157 гг. до н. э. эламский царь Кутир-Наххунте III воевал с Вавилонией, где правил последний представитель касситской династии Энлиль-надин-аххе. Война окончилась полной победой эламитов, захвативших Вавилон, Сиппар, Ниппур и другие города Двуречья. Это было время расцвета Элама, и в самом Иране власть эламских царей простиралась от Персидского залива на юге до области нынешнего города Хамадан на севере.

В VIII в. до н. э., когда Вавилония боролась за свою независимость от Ассирии, Элам стал союзником вавилонян и оказался втянутым в бесконечные войны с ассирийцами. Сначала военная удача была на стороне Элама и его союзников. В 720 г. до н. э. эламиты в кровопролитной битве при Деро нанесли сокрушительное поражение ассирийцам. Но десять лет спустя ассирийский царь Саргон II вторгся в Элам и разгромил его войско.

В 692 г. до н. э. вавилоняне подняли новое восстание против Ассирии. Элам, верный своей традиционной политике, решил оказать помощь своим союзникам.

Вокруг Элама объединились также все племена Загроса, включая персов. Была создана сильная армия, ядро которой составляли эламские и персидские колесничие, пехота и конница. Битва с ассирийцами произошла в местности Халуде на Тигре. Хотя эламиты одержали верх в ожесточенной схватке с ассирийцами, сами они оказались настолько обескровленными, что были не в состоянии перенести войну на территорию противника.

Когда в 652 г. до н. э. вавилонский царь Шамаш-шум-укин поднял восстание против Ассирии, эламиты снова выступили на стороне Вавилонии. Война окончилась десятилетие спустя полным поражением Элама и захватом Суз ассирийцами. Позднее, около 549 г. до н. э., Элам был захвачен персами и навсегда лишился своей независимости. Однако эламская цивилизация оказала огромное влияние на материальную и духовную культуру Древней Персии.

Эламиты создали самобытную культуру. В начале III тыс. до н. э. они изобрели пиктографическое (рисуночное) письмо. Возможно, что наличие письменности у живших рядом шумеров дало толчок к его возникновению, однако последнее является самостоятельным видом письма, которое принято называть протоэламским. На протяжении 400 лет оно употреблялось для записи документов хозяйственной отчетности, имело около 150 основных знаков, передававших целые понятия и слова. На глиняных табличках в виде рисунков изображались крупный рогатый скот, кушпины, вазы и т. д. Такие таблички найдены не только на собственно эламской территории (в Сузах, Аншане и др.), но и в Центральном Иране (в местности Сиалк) и на крайнем юго-востоке Ирана, в 300 км от Кермана, на Тепе-Яхья, что свидетельствует о широком распространении эламской культуры в начале III тыс. до н. э. Однако это письмо пока еще не расшифровано.

Во второй половине III тыс. в Эламе было изобретено линейное слоговое письмо, которое возникло независимо от протоэламского.

Знаками линейного письма, которые состояли из комбинаций различных геометрических линий, обозначалось не слово (логографическое письмо), а слог (силлабическое письмо). Такими знаками (а их насчитывалось около 80) можно было записать не только хозяйственные, но и политические или религиозные тексты. Материалом для письма служили камень, глина и металл. Однако линейное письмо недолго находилось в употреблении в большинстве областей Элама, и основные тексты, записанные им, относятся к XXIII в. до н. э.

С конца III тыс. до н. э. эламиты прибегали к шумеро-аккадской клинописи, ею они пользовались до середины V в. до н. э. В первой половине II тыс. до н. э. для составления деловых документов, а также для записи литературных текстов они обычно пользовались аккадским языком. Со второй половины II тыс. до н. э. начинает появляться значительное количество клинописных текстов на эламском языке.

Хотя эламская религия была связана с религией Двуречья, но в существенных чертах она весьма своеобразна. Религиозным центром страны служили Сузы. Первоначально во главе эламского пантеона стояла Пинекир, «великая богиня», считавшаяся матерью богов, что свидетельствует о сильном влиянии пережитков матриархального права в эламском обществе. Большое значение имел также культ Иншущинака, покровителя Суз, а позднее и бога преисподней. К середине II тыс. до н. э. главенствующее положение в эламском пантеоне занял бог Хумбан. Бог Солнца Наххунте считался создателем дня. В одном тексте XXIII в. до н. э. приводятся имена 37 эламских божеств. Многие из них почитались эламитами по крайней мере до середины V в. до н. э.

Еще в IV тыс. до н. э. эламиты создали оригинальное искусство. Эламские сосуды украшены геометрическими узорами и геометризованными изображениями птиц, животных и людей. Искусство III тыс. до н. э. наиболее ярко отразилось в печатях, на которых

изображены грифоны, крылатые львы и демоны. На каменных сосудах — изображения крупного рогатого скота, птиц и зверей.

Во II тыс. до н. э. вавилонское изобразительное искусство оказало значительное влияние на эламское. Статуи упомянутого периода изготовлены в традициях круглой скульптуры Вавилонии. Шедвром эламского искусства является бронзовая статуя царяцы Напирасу (XIII в. до н. э.), которая весит 1800 кг и выполнена с большим мастерством.

Большая золотая чаша. Хасалу.
XIII—XII вв.
до н. э.

Самый крупный памятник эламской архитектуры — это зиккурат (культовая башня), построенный непосредственно в Дур-Унташ (ныне Чога-Замбил), в 30 км от Суз, при царе Унташ-Напирисе в XIII в. до н. э. От р. Карун в город для снабжения водой был проведен канал длиной 50 км. У входа в зиккурат стояли скульптурные изображения львов, быков, грифов, статуи богов и царей, изваянные из золота и серебра. Длина сторон нижнего этажа зиккурата равнялась 105 м. Зиккурат имел семь ворот и был четырехэтажным. Общая высота строения составляла 42 м. На его сооружение были израсходованы миллионы кирпичей и сотни тысяч камней. В руинах зиккурата французские археологи, проводившие там планомерные раскопки, нашли много посвячитель-

ных сосудов из металла, мрамора и стекла, а также сотни царских надписей. Город Дур-Унташ был раз-

рушен в VII в. до н. э. мощным нашествием ассирийского войска, вторгшегося в Элам.

ПРИХОД МИДИЙСКИХ И ПЕРСИДСКИХ ПЛЕМЕН В ИРАН

Мидийцы и персы составляли часть огромного мира иранских племен, простиравшегося от Северного Причерноморья до территории современного Афганистана. Эти племена говорили на различных диалектах иранских языков. Многие из них занимались кочевым скотоводством.

До недавнего прошлого большинство ученых полагало, что прародина иранцев находилась в Средней Азии и прилегающих к ней районах и отсюда в IX—VIII вв. до н. э. часть иранских племен направилась на Иранское плато. Но в настоящее время многие специалисты склонны считать, что иранские племена направилась на плато из южнорусских степей через Кавказ. Например, по мнению В. И. Абаева, по меньшей мере с начала II тыс. до н. э. иранские племена находились на юге России, а позднее часть их направилась отсюда через Кавказ и вдоль северного побережья Каспийского моря соответственно в Иран и в Среднюю Азию, в то время как скифы, также являвшиеся иранцами, остались в Южной России. Имеются, правда, и иные гипотезы, другие научные концепции.

Во всяком случае можно говорить о том, что мидийцы и персы появились на плато уже в начале I тыс. до н. э. В IX—VIII вв. во многих районах Ирана местное неираноязычное население еще оставалось преобладающим в политическом отношении, но начиная со второй половины VIII в. иранцы уже составляли большинство в различных областях Западного Ирана, в том числе и на территории будущего Мидийского царства, и к западу от него. Когда мидийцы и персы пришли в эти районы, у них уже были развитые культурные и социально-экономические традиции и институты, они занимались как скотоводством и коневодством, так и земледелием, были хорошо знакомы с обработкой металлов. В

военных походах пользовались колесницей. Царство мидийцев, как позднее и государство персов, возникло в области, где преобладал иранский этнический элемент, возникло именно на основе предшествующего развития иранских племен, их социально-экономических отношений и культурных традиций.

Древнейшая история иранцев очень скупо отражена в письменных источниках. Как видно из ассирийских текстов, мидийцы в начале I тыс. до н. э. осели в северо-западном Иране. В IX в. до н. э. на этой территории начинался переход от первобытнообщинных отношений к классовым и там существовали десятки мелких княжеств, которые объединяли как мидийцев, так и автохтонное население.

Персы также впервые упоминаются в ассирийских источниках IX в. до н. э. В надписи ассирийского царя Салманасара III, составленной около 843 г. до н. э., говорится об области Парсуа. В 834 г. ассирийцы получили податей с 27 «парей» этой области. По всей вероятности, она была расположена в горах Центрального Загроса. Персы тогда еще не были объединены и находились под предводительством своих многочисленных вождей, которые были независимы друг от друга. В конце VIII в. до н. э. в ассирийских текстах упоминается страна Парсумаш, расположенная восточнее нынешнего города Сулеймание, т. е. к северо-западу от Элама. По-видимому, около 800 г. до н. э. персы отделились от родственных им мидийских племен и постепенно двинулись на юго-восток. В 714 г. до н. э. они упоминаются как подданные ассирийского царя Саргона II. С течением времени они заняли исконную эламскую территорию на юго-западе Ирана, которая по имени новых пришельцев получила название Парса. Территория эта примерно совпадала с современной иранской провинцией Фарс. Последнее

название является арабизированной формой от Парса, обозначавшей как страну и народ персов, так и столицу их Персеполь.

До начала 40-х годов VII в. до н. э. персы находились в зависимости от эламских царей и затем на короткое время стали данниками ассирийцев. По-видимому, уже в то время персы составляли племенной союз, который возглавлялся вождями из рода Ахеменидов. Основа-

телем династии традиция считала Ахемена. Около 675—650 г. до н. э. союз персидских племен возглавлял Чипшиш, которого поздняя традиция считала сыном Ахемена. После Чипшиша царская власть перешла к его сыну Киру I, который был правителем области Парсумаш и около 646 г. до н. э. послал собственного сына в качестве заложника в Ниневию, столицу Ассирии.

МИДИЯ

Необходимость оказать сопротивление грабительским нашествиям ассирийцев ускорила процесс объединения мелких мидийских княжеств в единое государство. В 672 г. до н. э. мидийцы, поддерживаемые киммерийцами и скифами, вторгшимися из Северного Причерноморья в Переднюю Азию в последние десятилетия VIII и в начале VII в. до н. э., подняли восстание против Ассирии. Но вскоре ассирийцам удалось добиться, чтобы скифы отпали от восставших. Мидийцы продолжали борьбу и смогли добиться независимости. Они сумели создать свое государство, которое к середине VII в. до н. э. наряду с Ассирией, Эламом и Урарту стало крупным царством. В 653 г. мидийцы предприняли поход против Ассирии. Но в это время скифы, союзники Ассирии, напали на мидийцев. Последнее поражение, не выдержав борьбы на два фронта. В 653—624 г. до н. э. в Мидии господствовали скифы.

В 624 г. до н. э. мидийский царь Киаксар нанес поражение скифам и окончательно объединил все индийские племена в единое государство со столицей в Экбатанах (ныне Хамадан). Вскоре Киаксар создал боеспособную регулярную армию, реорганизовав ее по родам оружия (копьеносцы, лучники и конница) вместо прежнего ополчения по племенному принципу.

Теперь мидийцы обратились против Ассирии, которая к тому времени уже более десяти лет воевала с Вавилонией. В 614 г. до н. э. мидийцы во главе с Киаксаром захватили Ашшур, древнюю столицу Ассирии. В августе 612 г. ми-

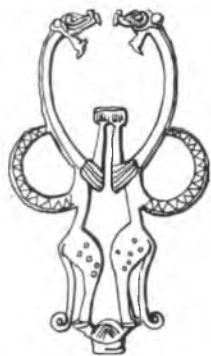
дийцы и вавилоняне ворвались в Ниневию. В результате разгрома Ассирийской державы мидийцы захватили восточную часть Малой Азии и коренную территорию Ассирии.

Киаксар, которого древнегреческий трагик Эсхил назвал «основателем владычества над Азией», стал расширять границы своего государства за счет южных и восточных соседей. Один из первых его ударов обрушился на Персию, которая была завоевана около 624 г. до н. э. Киаксару удалось захватить также Парфию и Гирканию, расположенные к востоку от Каспийского моря, а кроме того, Армению. Около 590 г. Киаксар присоединил к Мидии Манну — крупное государство к западу от Мидии. Тогда же мидийцы подчинили своей власти и Урарту.

В VII и первой половине VI в. до н. э. Мидия была центром иранской материальной и духовной культуры, которую затем заимствовали и развили персы. В трудах Геродота и Полибия сохранилось описание царского дворца в Экбатанах. Дворец был окружен семью крепостными стенами. При этом одна стена возвышалась над другой на высоту бастиона, а сами бастионы были окрашены в различные цвета. Два бастиона, примыкавшие к дворцу, были соответственно посеребрены и позолочены. Внутри этих стен находились сам дворец и сокровищница. Дворец имел в окружности более одного километра. Потолки и портики дворцовых покоев были сделаны из кедра, обшитого золотом и серебром. Раскопки археологических па-

мятников Мидии начались всего несколько десятилетий назад. Поэтому исследователям еще предстоит открыть индийскую дворцовую архитектуру и памятники монументального искусства. За последние 30 лет на территории Мидии велись интенсивные археологические работы. Обнаруженные в ходе их памятники относятся к эпохе железного века и датируются временем между 1300—600 гг. до н. э. Особо следует отметить «луристанские бронзы» — вотивные и бытовые предметы, оружие, детали конской сбруи, изображающие реальных и фантастических животных. Часть предметов относится к рубежу II и I тыс. до н. э.

В 1947 г. местные жители нашли у высокого холма в 42 км к востоку от г. Саккыз большой клад. Среди найденных сокровищ выделяются золотое нагрудное украшение, которое, по всей вероятности, носил царь, обломок золотой царской диадемы, массивная золотая часть ножен меча, серебряные и золотые детали конской сбруи и керамические сосуды. Для украшения этих предметов чаще всего использовались изображения оленя, грифа, зайца и барана. Позднее археологи установили, что на месте клада в VIII—VII вв. до н. э. была расположена крепость. Надо полагать, что к тому же времени относятся и упомянутые вещи из Саккыза.

С 1951 г. велось исследование холма Хасанлу в северо-западном

Иране. Этот холм высотой 25 м скрывал, в частности, памятники мидийской эпохи. Было раскопано укрепленное здание (по-видимому, дворец), окруженное стеной с двенадцатью башнями, интервалы между которыми составляют около Юм. К зданию вел портик длиной 4,5 м. За портиком следовал «зал аудиенций» с четырьмя рядами колонн. Здание это погребло в огне в конце IX в. до н. э. во время набега урартского войска.

В 1961—1962 гг. был раскопан могильник Марлик в области Гилян. Этот памятник содержал 53 погребения с богатым инвентарем. Особый интерес представляют найденные в нем золотая фигурка человека в церемониальной одежде, мужская и женская керамические фигуры обезьяно-людей, золотые и серебряные сосуды с изображениями различных, в том числе и фантастических, животных.

Большой интерес представляет памятник мидийской эпохи, получивший название Нуш-и Джантепе. Он расположен в 70 км к югу от Хамадана. В 750—600 гг. там была мидийская крепость с культовыми и административными зданиями и жилыми покоями для правителей и их вельмож. Помещения крепости, сооруженные из сырцового кирпича, сохранились на высоту до 8 м. На территории крепости находились также зал для аудиенций и два храма огня. Все эти здания были обнесены круглой кирпичной стеной с башнями.

АХЕМЕНИДСКАЯ ДЕРЖАВА. ЭТАПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

В 558 г. до н. э. царем персидских племен стал Кир II. Центр Персидского государства был расположен вокруг г. Пасаргады, интенсивное строительство которого относится еще к началу царствования Кира.

Когда Кир II стал царем Персии, на всем Ближнем Востоке оставалось четыре крупных державы: Мидия, Лидия, Вавилония и Египет. В 553 г. до н. э. Кир поднял восстание против Астиага, царя Мидии, в вассальной зависимости от которого находились персы. Война длилась три года и окончилась в 550 г. полной победой пер-

сов. Экбатаны, столица бывшей Мидийской державы, стали одной из царских резиденций Кира. Покорив Мидию, Кир формально сохранил Мидийское царство и принял официальные титулы индийских царей: «великий царь, царь царей, царь стран».

Начиная со времени захвата Мидии Персия, до того малоизвестная периферийная область, выступает на широкую арену мировой истории, чтобы в течение следующих двух столетий играть в ней ведущую роль. В 549—548 гг. до н. э. персы

подчинили своей власти страны, входившие в состав бывшей Мидийской державы, а именно Парфию, Гирканию и, вероятно, Армению. В конце октября 547 г. до н. э. у р. Галис произошла кровопролитная битва между персами и лидийцами, окончившаяся безрезультатно. Ни одна из сторон не рискнула вступить в новый бой, царь Лидии Крез отступил в свою столицу Сарды. Следующая битва произошла у стен этого города. Под напором превосходящих сил противника лидийцам пришлось бежать в Сарды, где они были осаждены. Осада длилась всего четырнадцать дней. В мае 547 г. до н. э. город был взят персами, и Лидийское царство перестало существовать. После этого настала очередь и греческим государствам Малой Азии признать власть Кира.

Между 545 и 539 гг. до н. э. Кир покорил восточноиранские (ныне восточные провинции Ирана и некоторые районы Афганистана и Индии) и среднеазиатские области Дрангиану, Маргиану, Хорезм, Согдиану, Бактрию, Арейю, Гедросию, племена саков, Саттагидию, Арахосию и Гандхару. Осенью 539 г. персы захватили Вавилонию. После этого все западные страны до границ Египта (Сирия, Палестина и Финикия) добровольно подчинились Киру. Затем Кир решил обезопасить северо-восточные границы своего государства от вторжения кочевых племен массагетов в Средней Азии. Эти набеги наносили значительный ущерб областям с оседлым населением, которые входили в состав Ахеменидской державы. Во время битвы на восточной стороне Амударьи в начале августа 530 г. до н. э. персидская армия потерпела полное поражение, а сам Кир погиб.

В том же году царем Ахеменидской державы стал Камбиз, старший сын Кира. В мае 525 г. до н. э. персы разгромили египетскую армию и захватили Египет. В марте 522 г. Камбиз умер, и в конце того же года царский престол в Персии захватил Дарий I. Начало его правления было ознаменовано многочисленными восстаниями народов Ахеменидской державы. Против

Дария подняли мятежи Персия, Мидия, Элам, Маргиана, Парфия, Саттагидия, сакские племена Средней Азии, Вавилония и Египет. Эти восстания были подавлены через год с небольшим в результате кровопролитных битв.

Восстановив империю Кира и Камбиза в ее прежних границах, Дарий в 519 г. до н. э. возглавил поход против сакского племени тиграхауда, жившего в Средней Азии, и покорил его. Затем между 519—512 гг. персы захватили Фракию, Македонию и северо-

Фигурный сосуд.
Обнаженный плакальщик с сосудом для возлияния. Курдистан. VIII—VII вв. до н. э.

западную часть Индии. К концу VI в. до н. э. границы Ахеменидской державы простирались от р. Инд на востоке до Эгейского моря на западе, от Армении на севере до первого нильского порога на юге. Таким образом возникла первая в истории мировая держава, объединившая под властью персидских царей из династии Ахеменидов десятки стран и народов. Социально-экономические институты и культурные традиции, сложившиеся в ахеменидский период, сыгра-

ли большую роль в мировой истории и сохранились в течение многих столетий, обслуживая государства Александра Македонского, Селевкидов, парфян, Сасанидов.

Вскоре на политическом горизонте появилась опасный противник. Весной 334 г. до н. э. Александр Македонский выступил в поход против Персии. Его армия состояла из 30 тыс. пехотинцев и 5-тысячной конницы. Ядром войска были тяжеловооруженная македонская пехота и конница. Кроме того, в нем были греческие пехотинцы, критские лучники и фессалийская конница. Войско сопровождало 160 боевых кораблей. Для штурма городов везли осадные машины.

Первое столкновение произошло летом 334 г. до н. э. на Геллеспонте при р. Гранике. Победителем вышел Александр. После этого он захватил греческие города в Малой Азии и двинулся в глубь страны. Летом 333 г. македоняне устремились в Сирию, где были сосредоточены основные силы персов. В ноябре того же года произошла новая битва при Иссе, на границе Киликии с Сирией. Пока шли ожесточенные сражения, персидский царь Дарий III потерял самообладание и, не ожидая их исхода, бежал, бросив свою семью, которая попала в плен. Битва окончилась полным триумфом Александра, и теперь для него был открыт путь в

Сирию и на финикийское побережье. С захватом Финикии македонянами персидский флот лишился своего главенствующего положения на море, поскольку он состоял в основном из финикийских кораблей.

Осенью 332 г. до н. э. Александр захватил Египет, а потом вернулся в Сирию и направился к местности Гавгамелы, недалеко от Арбелы, где находился персидский царь со своим войском. 1 октября 331 г. до н. э. произошла битва. Решающая схватка завязалась в центре, где Александр вместе со своей конницей врзался в середину персидского войска. Персы ввели в бой колесницы и слонов, но Дарий III, как и при Иссе, преждевременно счел продолжавшуюся битву проигранной и трусливо скрылся. Александр одержал бесспорную победу и захватил Вавилонию, а в феврале 330 г. до н. э. македоняне вступили в Сузы. Потом в руки македонского войска попали города Персеполь и Пасаргады, династические столицы персидских царей, где хранились их главные сокровищницы. Дарий III со своими приближенными бежал в Восточный Иран, где вскоре пал от руки наместника Бактрии Бесса, стремившего захватить престол. Но в 329 г. до н. э. Бактрия также была покорена македонской армией, и Ахеменидская держава погибла.

ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

По своему социально-экономическому укладу и традициям империя персидских царей отличалась большим разнообразием. В нее входили области Малой Азии, Элам, Вавилония, Сирия, Финикия и Египет, которые задолго до возникновения государства персидских племен имели свои развитые цивилизации и социальные институты. Наряду с этими экономически передовыми странами персы покорили также массагетские и другие племена, которые находились на стадии разложения родового строя, занимались собирательством и жили групповым браком.

Для создания эффективного аппарата управления столь разнород-

ными областями около 519 г. до н. э. Дарий I приступил к осуществлению своих знаменитых административно-финансовых реформ. Государство было разделено им на двадцать административно-податных округов, которые назывались сатрапиями. Во главе их стояли сатрапы. Этот титул существовал еще при Кире II и Камбизе, но тогда гражданские и военные функции были объединены в руках одного и того же лица, каковым и являлся сатрап. Дарий же ограничил власть сатрапов, установив четкое разделение функций между ними и военачальниками. Теперь сатрапы превратились в гражданских наместников. Они стояли во

Фигурка лани.
Золото. Ахеменидский период. VI в.
до н. э.

главе администрации своей области, осуществляли там судебную власть, следили за хозяйственной жизнью, поступлением податей и выполнением повинностей. Армия была в ведении военачальников, независимых от сатрапов и подчиненных непосредственно царю. Однако после смерти Дария I правило о четком разделении военных и гражданских функций строго не соблюдалось.

В состав обширных сатрапий могли входить и страны, которые пользовались автономией во внут-

решных праздников — в Пасаргадах и Персеполе.

Официальным языком Ахеменидской державы был арамейский, который применялся для общения между государственными канцеляриями всего государства. Из центра в Сузах во все концы державы рассылались официальные документы на этом языке. Получив документы на местах, писцы, которые знали два или несколько языков, переводили их на родной язык наместников областей. Кроме общего для всей империи арамей-

Гривна с головами львиц. Золото. VI—V вв. до н. э.

решных делах. Это относится к отдаленным провинциям, в повседневную жизнь которых персидская администрация вмешивалась редко, осуществляя управление ими с помощью местных правителей и ограничиваясь получением податей. Такие племена, как арабы, колхи, эфиопы, саки и др., управлялись своими племенными вождями.

В связи с осуществлением новых реформ был создан большой центральный аппарат во главе с царской канцелярией. Центральное государственное управление находилось в Сузах — административной столице Ахеменидской державы. Царский двор осень и зиму проводил в Вавилоне, лето — в Экбатанах, весну — в Сузах, а время боль-

шого языка в различных странах официальные документы писали и на местных языках, и, таким образом, делопроизводство велось на двух и более языках.

Для управления сатрапиями была налажена регулярная почтовая служба. На крупных дорогах существовали специальные пункты с постоянными дворами, которые были расположены на расстоянии дневного перехода и охранялись государством. На особенно важных из них находились сторожевые укрепления с охраной. От Сард до Суз, например (путь этот составлял около 2470 км), было 111 станций. Сменяя лошадей и гонцов, за день можно было преодолеть до 300 км, и все расстояние от Сард до Суз

проезжали обычно за неделю.

Клинописные документы из Персеполья, составленные на рубеже VI и V вв., содержат обильную информацию о доставке государственной почты в различные области Ахеменидской державы, от Египта до Индии. Сохранились, в частности, письма служебного характера и донесения высокопоставленных чиновников друг другу. Донесения, адресованные царю, обычно отправляли в Сузы и, по всей вероятности, в большинстве случаев фактически были предназ-

письма посылались либо с оказией, либо через гонцов или агентов, состоявших на службе у частных лиц. Много частных писем сохранилось из Вавилонской сатрапии Ахеменидской державы. Поскольку они дают представление о повседневной жизни, приведем некоторые из них. Например, сестра пишет своему брату: «Привет моему брату. Будешь ли ты хорошо обращаться с моими детьми, когда я умру? Выкупишь ли ты их из долговой тюрьмы, если они попадут туда? При моей жизни ты был

начены для царской канцелярии. Из Суз с распоряжениями царя гонцов посылали чуть ли не во все сатрапии. Естественно, что для регулярной доставки государственных распоряжений необходимо было располагать значительным штатом профессиональных гонцов, которые находились на постоянном государственном довольствии. На промежуточных пунктах имелись царские склады, откуда отпускали продовольствие для гонцов и других чиновников, отправленных с поручениями в дальний путь. Для сообщения срочных вестей применялась также сигнализация огнем.

Однако в древности почтовая служба существовала лишь для государственных нужд. Частные

жесток со мною. Подними голову и скажи правду, глядя на солнце: не растила ли я тебя, как если бы ты был моим собственным сыном? Или я должна сама прийти к тебе и сказать все это прямо тебе в глаза? Почему, когда наш брат Римут заболел, ты не отправил его ко мне?.. Пришли мне ячмень и финики, ибо у меня ничего нет. Пусть это письмо смягчит твое сердце, и боги сделают твое сердце милосердным».

Другой человек пишет своей сестре: «Это ужасно! Почему нет никаких известий ни от кого из вас? Мое сердце радуется, узнав, что ты беременна. Вести, которые доходят до меня, неутешительны. Пошли мне одну мину серебра и

Гривна с головами львиц. Золото, бирюза. X в. до н. э.

тунику с кем-нибудь, кто направляется сюда...» Следующее письмо полно тревоги за судьбу друга: «Бел-эпуш, который находится с вами, дорог мне, как брат. Вы должны заставить замолчать всякого, кто своими рассказами порочит его. Во всех отношениях мы с ним как братья. Я пишу это, будучи в большом беспокойстве. Сделайте мне одолжение и срочно пришлите ответ на это письмо». Некий Римут-Набу пишет своим родственникам: «В течение двух лет я не видел вашей сестры, но в

сохранились интересные частные письма. Большинство из них было написано на рубеже VI—V вв. до н. э. Одно письмо кончается, например, следующими словами: «Когда я найду надежного человека, я вам кое-что вышлю». Отправитель другого письма сообщает: «Змея укусила меня, и я умираю, а ты даже не пришьлешь письма, чтобы справиться, жив ли я или уже умер». В третьем письме содержится просьба: «Смотри теперь за детьми, пока Ахутаб не прибудет и не доверит их другим».

Серебряный ритон.
V в. до н. э.

тот же день, когда увидел, взял ее к себе. Два года Набу-кишар требует ее, говоря: «Она — рабыня, которая принадлежит мне». Вы слишком боитесь наместника и поэтому не решаетесь пожаловаться царю. Из-за этой боязни вы потеряете ее». За кажущимся интересом к астрономии в строках другого письма проглядывают тревоги земной жизни: «Когда я смотрел на Луну, появились облака. Не произошло ли лунного затмения? Пожалуйста, сообщи мне точно об этом. Узнай, какие молитвы нужно произносить в случае затмения. Сообщи мне свое мудрое мнение».

Из Египетской сатрапии также

Ахеменидская империя могла существовать при хорошо налаженной налоговой системе. Однако при Кире II и Камбизе еще не было твердо отрегулированной системы податей, основанной на учете экономических возможностей стран, входивших в состав державы. Около 519 г. до н. э. Дарий I ввел новую систему государственных податей. Все сатрапии обязаны были платить строго зафиксированные для каждой области денежные подати серебром, что устанавливалось с учетом обрабатываемой земли и степени ее плодородности. В труде Геродота сохранился подробный перечень податей, которые

ежегодно платили сатрапии Ахеменидской державы. Согласно ему, в общей сложности подвластные персидским царям народы платили в год около 7740 вавилонских талантов серебра (232 200 кг), не считая Индийской сатрапии, которая вносила подать золотым песком. Кроме денежных налогов необходимо было также платить подать натурой: зерном, фруктами, вином, скотом, коврами, одеждой, золотыми и серебряными сосудами и т. д.

Дарий I ввел единую для всей державы монетную единицу, составлявшую основу ахеменидской денежной системы, а именно золотой дарик весом 8,42 г. Чеканка золотой монеты была прерогативой персидского царя. Обычным средством обмена служил серебряный сикль весом 5,6 г с примесью не более 5%, чеканившийся главным образом в малоазийских сатрапиях от имени царя. Серебряные монеты различной стоимости чеканили также автономные города и зависимые цари, например цари финикийских городов, а также сатрапы.

Однако монеты персидской чеканки имели ограниченное хождение вне Малой Азии. Обычно торговля велась с помощью слитков нечеканного серебра, а монеты персидской чеканки играли лишь второстепенную роль. Поэтому легко понять, почему в кладе серебряных монет, найденных в 1933 г. в Кабуле и свидетельствующих об обращении чеканенных денег в Восточном Иране (клад был зарыт около 380 г. до н. э.), содержится всего 8 сиклей персидской чеканки. В то же время клад имеет греческие монеты чуть ли не из всех областей Греции и всех времен, начиная от архаических слитков квадратной формы с клеймами до статов и тетрадрахм.

Именно в ахеменидское время с монетным обращением ознакомились области Восточного Ирана и Средней Азии, и на их территории найдены образцы дариков и других персидских монет. Тем не менее нет оснований говорить об их широком распространении на этих территориях.

Относительное политическое спокойствие и регулярные контакты

между различными сатрапиями Ахеменидской державы и наличие хороших морских и сухопутных дорог способствовали развитию международной торговли в небывалых до того времени масштабах. Для расцвета торговых связей большое значение имела и экспедиция морехода Скилака, уроженца области Кария в Малой Азии. Около 518 г. до н. э. Дарий I велел ему выяснить возможность установления морских связей между Индией и другими странами своей державы. Корабли Скилака проплыли по

Фигура скачущего всадника. Золото. Ахеменидский период

Индии до Индийского океана и затем, обогнув Аравию, вдоль южных берегов Ирана добрались до побережья Красного моря.

В Ахеменидской державе существовало много важных караванных путей. В частности, большое значение имела дорога, которая, пересекая Загросские горы, соединяла Вавилонию с Экбатанами и затем продолжалась до Бактрии и границ Индии.

Для развития торговых контактов немалое значение имело и различие в природе и климатических условиях стран, входивших в состав Ахеменидской державы. Из Индии импортировали золото, сло-

новую кость и благовония. Из Согдианы и Бактрии в страны Передней Азии поступали лазурит и сердолик, из Хорезма — бирюза. Из Египта вывозили зерно и полотно, из Вавилонии — шерстяную одежду, из финикийских городов — вино и предметы ремесленного производства (прежде всего стеклянные сосуды).

Золотой ритон. Хаммадан. V в. до н. э.

Орел, терзающий лебедя. Золото, эмаль. Ахеменидский период

Особенно обширная информация о торговле сохранилась в вавилонских документах ахеменидского времени. Большое значение во внутренней и внешней торговле имели могущественные деловые дома. Наиболее известным из таких домов был дом Эгиби, который начал функционировать еще до ахеменидского времени и продолжал свою деятельность до V в. до н. э. Он продавал и покупал поля, дома, рабов, а также занимался банковскими операциями, выступая заимодавцем, принимая на хранение вклады, давая и получая векселя, уплачивая долги своих клиентов, финансируя и основывая коммерческие предприятия. Велика была роль дома Эгиби и в международной торговле. Например, представители Эгиби ездили в Мидию и Элам, покупая там местные товары и перепродавая их в Вавилонии.

В V в. до н. э. в южной и центральной Вавилонии выделялся дом Мурапу, занимавшийся торговыми и ростовщическими операциями. Он брал в аренду поля, принадлежавшие персидским вельможам, чиновникам и царским воинам, платил их владельцам арендную плату и вносил за них в государственную казну денежные и натуральные подати. В течение одного календарного 423/422 года до н. э. доходы Мурапу одними только финиками равнялись около 48 200 гектолитров, что в денежном исчислении составило бы 350 кг серебра.

Стабильность Ахеменидской державы во многом зависела от армии. Ее костяк составляли мидийцы и персы. Большая часть взрослого мужского населения персов являлись воинами. Они начинали служить с двадцати лет. В войнах, которые вели персидские цари, не последнюю роль играли и восточные иранцы. В частности, сакские

племена Средней Азии поставляли для персидских царей значительное количество привычных к постоянной военной жизни конных лучников. Высшие должности в гарнизонах, основных стратегических пунктах, крепостях и т. д. обычно находились в руках персов. Армия состояла из конницы и пехоты. Совместные действия кавалерии и лучников обеспечили персам победы во многих войнах. Лучники расстреливали ряды противника, после чего кавалерия уничтожала его.

В завоеванных странах для предотвращения восстаний покоренных народов были размещены войска, состав которых был очень пестрым. Но в них обычно отсутствовали жители данной страны. Например, в Египте персидские цари держали армию в 10—12 тыс. человек. Приблизительно такое же число воинов было и в гарнизонной армии, размещенной в Вавилонии.

На границах державы персидские цари сажали воинов, наделив их земельными участками. Из армейских гарнизонов подобного типа лучше всего известна элфантинская военная колония, созданная для несения сторожевой и военной службы на границах Египта с Нубией. В этом гарнизоне, размещенном на о-ве Элефантина, находились персы, мидийцы, греки, карийцы, хорезмийцы и другие чужеземцы, но основную его часть составляли иудейские поселенцы, служившие там еще при египетских фараонах, т. е. до завоевания этой страны персами.

Во время важнейших военных походов все народы державы обязаны были выделить установленное количество воинов. Со времени Дария I персы стали играть господствующую роль и на море. Морские войны велись с помощью кораблей финикийцев, киприотов, жителей островов Эгейского моря и египетского флота.

КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

В первой половине I тыс. до н. э. в Восточном Иране или в Средней Азии возник зороастризм — религиозное учение, основателем которого был Зороастр. Можно утвер-

ждать, что он жил еще до завоевания Средней Азии персами. Ахеменидское господство, как известно, оказало глубокое воздействие на культуру всех народов

Персидской империи. Но в Авесте, священной книге зороастрийцев, нет ахеменидских терминов. Там нет также упоминаний о деньгах, налоговой системе и других развитых социальных понятиях и государственных институтах, о индийских или ахеменидских царях. В целом материальная культура Авесты архаична, ибо она не знает железа, городской жизни и крупных государственных образований.

Правда, Авеста — памятник мно-

гослойный. Ее древнейшие части (Гаты) по форме и содержанию значительно отличаются от остальной Авесты. Они составлены в стихотворной форме и являются

проповедями самого Зороастра. Наибольшей частью Авесты является так называемая Младшая Авеста. Составление ее ядра началось, по-видимому, в последней четверти V в. до н. э. Многие произведения младоавестийской литературы относятся к еще более позднему, аршакидскому времени, приблизительно к III в. до н. э.

С момента своего возникновения зороастризм за время долгого развития пережил сложную эволюцию. Учение самого Зороастра нашло отражение в Гатах. Согласно этому сочинению, Зороастр получил от бога Ахура-Мазды (в греческой транскрипции — Ормузд) наказ обновить религию, после чего порвал с древними верованиями. Он провел в жизнь кардинальную религиозную реформу, возвестил миру о новой вере, вере в конечную победу Ахура-Мазды, отверг часть древних племенных богов (дэвов), а других поставил ниже нового божества.

Ахура-Мазда, по учению Зороастра, — единственный всемогущий и вездесущий бог добра, символ света, жизни и правды. Он существовал до сотворения мира и является его создателем. Но наряду с ним издревле существовал и дух зла — Анхро Манью (в греческой транскрипции — Ариман), который олицетворяет собой мрак, смерть и вместе со своими пособниками (дэвами) творит зло. Ахура-Мазда непрерывно борется с ним и в этой борьбе опирается на своих помощников, которые несут добромыслие, правду и бессмертие (триада зороастрийской этики). Человек создан Ахура-Маздой, но свободен в выборе между добром и злом и потому доступен воздействию духов зла. Своими мыслями, словами и делами человек должен бороться против Анхро Манью и его приверженцев — дэвов.

Кроме того, Зороастр обращается к своим последователям с призывом защищать стада от набегов кочевых племен. Он выступает против истребления скота, против кровавых жертвоприношений и вменяет в обязанность каждому верующему выращивать и сберегать животных. В Гатах, отразив-

ших процесс распада доклассового общества в восточноиранских и среднеазиатских областях, слышны и отзвуки борьбы скотоводов и земледельцев против могущественной родовой знати.

Зороастрийские жрецы создали сложное эсхатологическое учение, согласно которому мировая история длится 12 тыс. лет. Первые 3 тыс. лет были золотым веком — тогда не было ни холода, ни жары, ни болезней, ни смерти, ни старости. Земля изобиловала скотом; это был период господства Ахура-Мазды. Но затем золотой век кончился, и Анхро Манью породил голод, болезни и смерть. Однако в мир явится спаситель (саошьянт) из рода Зороастра, и в конечном счете добро восторжествует над злом, возникнет идеальное царство, где будет безраздельно, и на небе и на земле, владычествовать Ахура-Мазда. Солнце будет сиять вечно, и зло сгинет навсегда.

Зороастризм стал распространяться в Мидию, Персию и в другие страны иранского мира. По-видимому, в период правления последнего мидийского царя Астиага (первая половина VI в. до н. э.) зороастризм уже стал официальной религией в Мидии. Согласно Геродоту, придворными жрецами у Астиага были маги, которые являлись жрецами зороастрийского культа, хранителями религиозных традиций мидийцев и персов.

В VI и V вв. до н. э. народные массы Персии поклонялись древним божествам природы — Митре (бог Солнца и света), Анахите (богиня воды и плодородия) и др., почитая, иными словами, свет, Солнце, Луну, ветер и другие стихийные силы природы. Кир II и Камбиз еще находились в плену древних религиозных представлений иранских племен, и верховное место в их пантеоне, по всей вероятности, принадлежало не Ахура-Мазде, а Митре. Зороастризм начал распространяться в Персии лишь на рубеже VI—V вв. до н. э., в период царствования Дария I. Персидские владыки, оценив преимущества учения Зороастра как новой официальной религии, тем не менее не отказались от культов

древних богов, которым поклонялись иранские племена. Если у Зороастра Ахура-Мазда был по существу единственным богом, то у персидских царей, начиная с Дария I, он стал верховным божеством. В ахеменидский период (VI—IV вв.) зороастризм еще не превратился в догматическую религию с твердо установленными нормами, и поэтому появлялись различные модификации нового религиозного учения. Одной из таких

Лучники Дария I.
Глазурованный кирпич.
Сузы. Ахеменидский период

форм раннего зороастризма и была персидская религия, берущая начало со времени Дария I.

Отсутствием догматической религии объясняется веротерпимость

персидских царей. Например, Кир II покровительствовал возрождению древних культов в покоренных странах и велел даже восстановить разрушенные халдейскими завоевателями храмы в Вавилонии, Эламе, Иудее и т. д. Захватив Вавилонию, он принес жертвы верховному богу вавилонского пантеона Мардуку и другим местным богам, чтит их и восстанавливал их святилища. После захвата Египта Камбиз короновался по египетским

«Ворота всех народов». Персеполь.
V в. до н. э.

обычаям, участвовал в религиозных церемониях в храме богини Нейт в городе Саисе, поклонялся и другим египетским богам и приносил им жертвы. Подобным же образом он короновался на Вавилонское царство, исполнив древние

священные обряды и приняв престол «из рук Мардука».

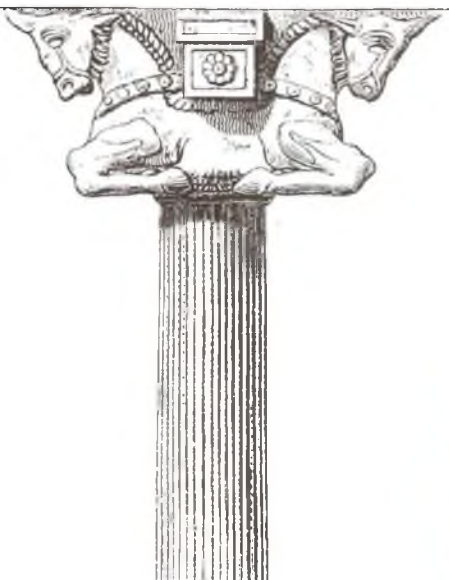
Объявив себя сыном богини Нейт, Дарий I строил храмы Амону и другим египетским божествам, посвящал им богатые пожертвования. Подобным же образом в Иерусалиме персидские цари почитали Яхве, в Малой Азии — греческих богов, в других завоеванных странах — местных богов. В их храмах приносились жертвы от имени персидских царей, которые стремились добиться благожелательного к себе отношения со стороны сверхъестественных сил.

Персы обожествляли также горы и реки. Боги иранского пантеона выступали в персепольских текстах гораздо реже, нежели эламские боги, и, судя по размерам жертвоприношений и возлияний, отнюдь не занимали привилегированного положения.

Почитание персидскими царями богов покоренных народов было не только актом политического расче-

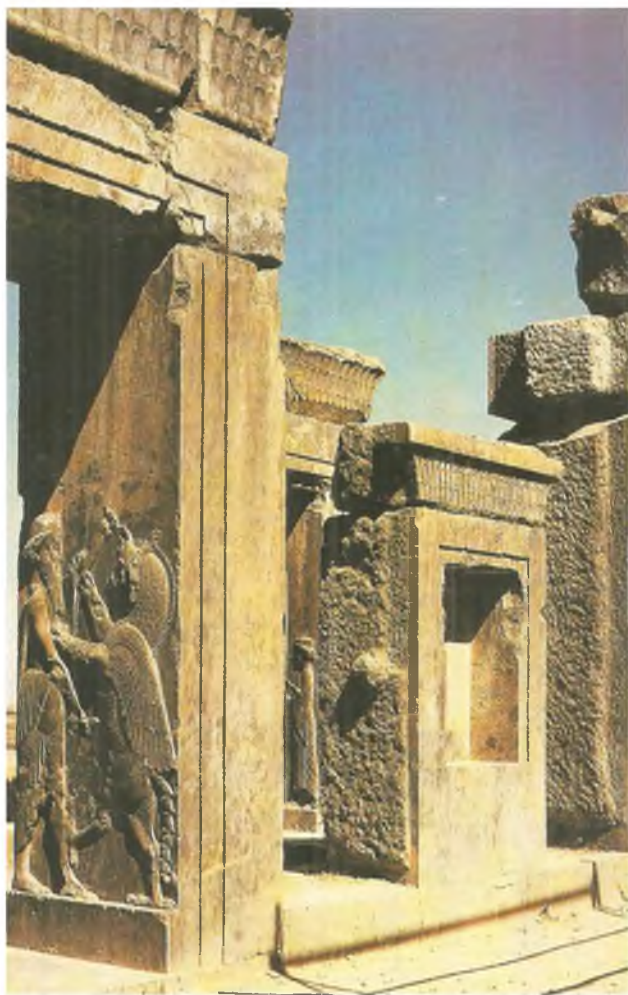
та, позволявшим избежать трудностей на пути к мировому господству. Хотя ахеменидские цари считали своего Ахура-Мазду самым могущественным богом, они верили также и в богов покоренных народов, молились им и искали у них снисхождения и защиты. Правда, когда в 482 г. до н. э. в Вавилонии вспыхнуло восстание против персидского господства, Ксеркс разрушил главный храм этой страны Эсагилу и велел увезти оттуда в Персию статую бога Мардука. Во время греко-персидских войн Ксеркс разрушал также некоторые греческие храмы.

В самом Иране Ксеркс провел религиозную реформу, направленную на централизацию религиозного культа. С помощью этой реформы он, по-видимому, стремился уничтожить храмы Митры, Анахиты и других древнеиранских богов, отвергнутых Зороастром. Однако реформа оказалась безуспешной, так как ко времени правления Ар-

таксеркса II (405—359 гг. до н. э.) низвергнутые было божества вновь оказались официально признанными. Хотя ахеменидские цари не ущемляли религиозных чувств покоренных народов, они стремились не допустить чрезмерного усиления храмов. С этой целью после завоевания Египта Камбиз прекратил выдачу из государственных средств многочисленных даров храмам страны, которые они получали раньше, до прихода персов. В

154/155

*Цивилизации
Древнего Ирана*

Египте, Вавилонии и других сатрапиях империи храмы были обложены государственными податями и должны были посылать своих рабов в царское хозяйство.

Персидские завоевания, объединившие более восьмидесяти наро-

*Центральный зал
дворца Дария I.
Персеполис. V в.
до н. э.*

дов в одну державу, способствовали расширению культурных и географических познаний. Это был период интенсивного этнического смешения и синкретизма культур и религиозных представлений различных народов. Контакты между различными странами стали более регулярными, чем в предшествующий период.

В частности, источники свидетельствуют о частых поездках государственных чиновников из Египта, Вавилонии, Лидии, Индии, Бактрии и других стран в Сузы и Персеполь. Стало возможным также ездить из одной страны в другую для торговых или других целей и жить там постоянно или длительное время. Например, из Элама в Вавилонию даже отправлялись наемники для выполнения сезонных сельскохозяйственных работ, а после уборки урожая возвращались домой. Осуществлялись и поездки для сбора научной информации. Можно упомянуть о знаменитом Геродоте, который был в Вавилонии, Финикии, Египте и других странах Ахеменидской державы, собирая материал для своей «Истории».

Иран, с незапамятных времен являвшийся посредником в передаче культурных ценностей, продолжал эту миссию и при Ахеменидах. Но народ Ирана создал свою оригинальную и высокоразвитую цивилизацию. Одним из великих ее достижений является древнеперсидская клинопись, в которой насчитывается всего 43 знака в отличие от аккадской клинописи с ее 600 знаками. Однако персидская письменность употреблялась в основном для царских торжественных надписей, которые украшали гробницы правителей, стены и колонны дворцов или вырезались на металлической посуде, оружии, каменных вазах и печатях. Самой знаменитой из этих надписей является Бехистунская, рассказывающая о событиях конца правления Камбиза и первых годах царствования Дария I.

Высота ее вместе с рельефом составляет 7,8 м, ширина — 22 м. Как и большинство других ахеменидских надписей, она составлена

на древнеперсидском, эламском и аккадском языках. Кроме того, на о-ве Элефантина найдены фрагменты арамейского варианта этой надписи, а в Вавилоне — большой обломок камня, на котором сохранилась часть аккадской версии ее. Трехязычный текст надписи высечен на Бехистунской скале, расположенной между городами Хамадан и Керманшах, на высоте 105 м над дорогой, которая в древности связывала Вавилонию с Мидией и другими странами к востоку от нее.

Над надписью возвышается рельеф. Бог Ахура-Мазда, который парит над остальными фигурами,

Лев, терзающий быка. Рельеф, украшающий дворцовую лестницу. Персеполь. V в. до н. э.

Артахсеркс I на троне, поддерживаемом народами Ахеменидского царства

протягивает левую руку с кольцом к Дарию, символически вручая ему царскую власть, а поднятой правой рукой благословляет царя. Дарий изображен в натуральную величину в царской короне. Правая рука его в молитвенном жесте простерта к Ахура-Мазде, в левой он держит лук.евой ногой Дарий попирает поверженного, корчащегося в агонии мага Гаумату, захватившего престол еще при жизни Камбиза. Слева, за спиной Дария, находятся двое его придворных — копьеносец Гобрий и лучник Аспатин. Непос-

три массивных саркофага, в одном из них покоились останки Дария, а в двух других — прах членов его семьи. Над портиком возвышаются скульптурные изображения. Дарий в окружении своих придворных восседает на троне, его держат представители 30 народов Ахеменидской державы, запечатленные с детальной передачей характерных для них антропологических и этнографических особенностей. Изображения сопровождаются надписями — «ярлыками», указывающими на этническую принадлежность каждого из них. В левой руке царь держит лук, правая рука поднята к Ахура-Мазде, как бы парящему над всем памятником. Справа — алтарь со священным огнем.

Три надписи Дария I повествуют о сооружении по его приказу канала от Нила до Красного моря. Они найдены на бывшем перешейке Суэцкого канала и составлены на египетском, древнеперсидском, эламском и аккадском языках. На всех трех стелах в египетском тексте имеются сходные изображения: обе половины Египта символически соединены с овалом, где начертано имя Дария. Надпись упоминает 24 подвластные Дарию страны; представители каждой страны изображены в отдельных овалах обращенными лицом к овалу с царским именем.

В Сузах найдена статуя Дария I, когда-то стоявшая у монументальных ворот в его парадный дворец. Царь изображен на прямоугольном постаменте в образе египетского бога Атума (божество закатного солнца), но в персидской одежде. Статуя имела магическую цель гарантировать Дарию вечные благодеяния со стороны египетских богов. На памятнике сохранилась также четырехязычная надпись.

По крайней мере уже в VI в. до н. э. возник древнеперсидский календарь. Это был лунный календарь, который состоял из 12 месяцев по 29 или 30 дней. 12 лунных месяцев составляли 354 дня. Таким образом, древнеперсидский календарь имел год на 11 дней короче солнечного года. Через три года разница между лунным и солнечным календарем достигала 30—

Рельеф из дворца в Персеполе. IV в. до н. э.

редственно за Гауматой изображены восемь мятежных самозванцев, вздумавших бунтовать при восшествии Дария на трон, и вождь сакского племени тиграхауда. Руки их связаны за спиной, они скованы одной длинной цепью.

Другие надписи ахеменидских царей находятся в Накш-и-Рустаме, Персеполе, Сузах, Эқбатане и в Египте. Большинство их сопровождается рельефами. Накш-и-рустамские надписи помещены на гробнице Дария I, в 5 км к северо-западу от Персеполя. Гробница эта сооружена на высоте около 20 м. Она выдолблена в скале в стиле древних иранских традиций. В усыпальнице, в которую ведет дверь, в громадных нишах расположены

33 дней, и, чтобы эту разницу устранить, через три года необходимо было добавлять к году дополнительный (високосный) тринадцатый месяц. Названия месяцев были связаны с сельскохозяйственными работами (например, месяцы чистки оросительных каналов, сбора чеснока, лютото мороза) или с религиозными праздниками (месяц поклонения огню и т. д.).

В Иране существовал также зороастрийский календарь, в котором названия месяцев и дней образованы от имен зороастрийских божеств (Ахура-Мазды, Митры, Анахиты и др.). Год этого календаря состоял из 12 месяцев по 30 дней в каждом, к которым добавляли еще 5 дней (всего 365 дней). По-видимому, зороастрийский календарь возник в Восточном Иране еще в ахеменидский период. Но в

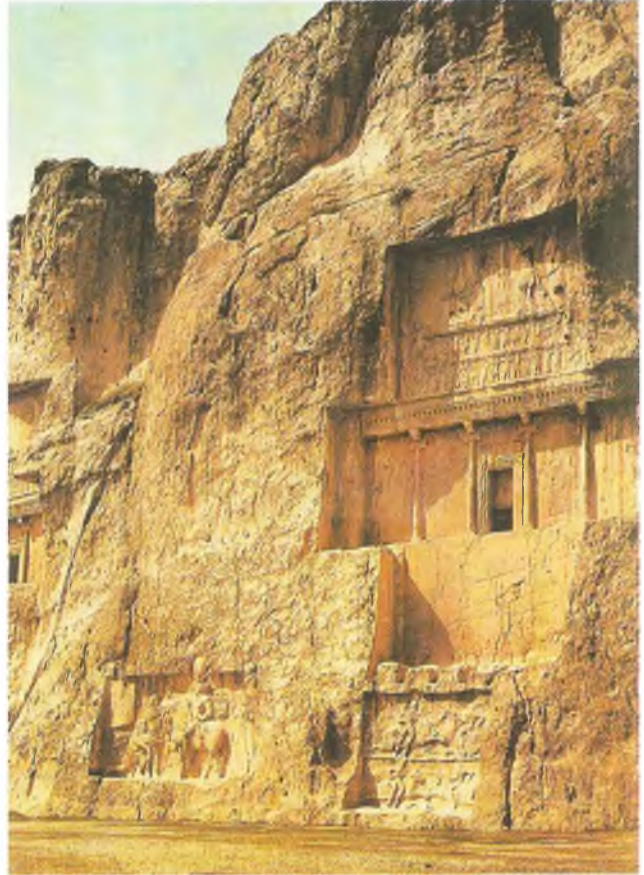
носится также заимствование многих древнеиранских слов санскритом. Это прежде всего были термины социально-экономической, военной и административной лексики.

Величественными памятниками персидской архитектуры являются дворцовые комплексы в Пасаргадах, Персеполе и Сузах. Пасаргады выстроены на высоте 1900 м над уровнем моря на обширной равнине. Здания города, которые представляют собой древнейшие памятники персидской материальной культуры, сооружены на высо-

это время он употреблялся только в религиозных целях, а позднее (во всяком случае при Сасанидах) был признан в качестве официального государственного календаря.

В ахеменидское время народы Средней Азии и северо-западной Индии впервые ознакомились с арамейским письмом, которое, как отмечалось, употреблялось главным образом в государственной канцелярии. При Ахеменидах работали стандартные формулы передачи арамейских терминов и канцелярских выражений на различных иранских языках, и из канцелярского арамейского впоследствии возникли парфянская, среднеперсидская, согдийская и хорезмийская идеографические системы письма, сыгравшие большую роль в истории культуры иранских народов. К ахеменидскому времени от-

кой террасе. Они облицованы светлым песчаником, красиво гранулированным и напоминающим мрамор, расположены среди парков и садов. Самым замечательным памятником Пасаргад является сохранившаяся до сих пор гробница, в которой был погребен Кир II. Семь широких ступеней ведут в погребальную камеру шириной 2 и дли-

Сосуд. Ярым-Тепе.
90 г. до н. э.

Гробница Дария I.
Накш-и-Рустем.
V в. до н. э.

ной Зм. К этой гробнице прямо или косвенно восходят многие аналогичные памятники, в том числе и галикарнасский мавзолей наместника Карии Мавсола, считавшийся в древности одним из семи чудес света. Кстати, от имени этого наместника происходит и современное слово «мавзолей».

Строительство Персеполя началось около 520 г. до н. э. и продолжалось приблизительно до 450 г. до н. э. Площадь его составляет 135 тыс. кв. м. У подножия горы была сооружена искусственная

важных государственных приемов, в том числе и для приема послов. Она была связана с личными дворцами Дария I и Ксеркса специальными входами. В ападану вели две лестницы, на которых сохранились рельефы с изображениями придворных, личной гвардии царя, конницы и колесниц. По одной стороне лестницы тянется, например, длинная процессия представителей 33 народов державы, несущих подарки и подати персидскому царю. Это настоящий этнологический музей с изображением характерных

Медальон с портретом парфянского царя. Серебро. Сасанидский период

Орел с газелью. Рисунок на бутылке. Сасанидский период

Сосуд с изображением лица и охотничьих сцен. Сасанидский период

платформа, для чего пришлось выровнять около 12 тыс. кв. м неровной скальной породы. Построенный на этой платформе город был окружен с трех сторон двойной стеной из сырцового кирпича, а с восточной стороны примыкал к неприступной горной скале. В Персеполе можно было пройти по широкой лестнице из 110 ступеней. Парадный дворец Дария I (ападана) состоял из большого зала площадью 3600 кв. м. Зал был окружен портиками. Потолки зала и портиков поддерживались 72 тонкими и изящными колоннами из камня. Высота их превышала 20 м.

Ападана символизировала мощь и величие царя и служила для

черт в облике, одежде, вооружении различных народов и племен, в том числе и черт лица. В Персеполе были расположены также дворцы других ахеменидских царей, помещения для прислуги и казармы.

При Дарии I большое строительство велось и в Сузах. Надписи сообщают о сооружении там по его приказу нескольких дворцов. Для этого из 12 стран были доставлены необходимые материалы и ремесленники из многих областей державы были заняты на строительных и декоративных работах. Кедр, в ча-

стности, был привезен из Ливана, тиковое дерево — из Гандхары и Кармании, золото — из Лидии и Бактрии, самоцветы, лазурит и сердолик — из Согдианы, бирюза — из Хорезма, серебро и эбеновое дерево — из Египта, слоновая кость — из Эфиопии, Индии и Арахосии. Среди ремесленников, мастеров и зодчих были ионийцы, лидийцы, мидийцы, египтяне и вавилоняне.

Замечательным достижением народов Ахеменидской державы является искусство, известное не

*Орел и газель.
Рельеф на блюде.
Сасанидский период*

*Царь в окружении
музыкантов и слуг.
Рельеф на блюде.
Сасанидский период*

*Флейтист на сказочном
звере. Фрагмент
блюда.
Сасанидский период*

только по памятникам Пасаргад, Персеполя, Суз и других центров культуры, но и по многочисленным произведениям тореvтики (чеканка на металле) и глиптики (резьба на драгоценных или полудрагоценных камнях). Однако сюжеты этого искусства очень однообразны и ограничены. Это прежде всего изображения правителя у жертвенника с пылающим огнем, борьба царя-героя с разного рода фантастическими чудовищами, сцены военных триумфов и охоты государей и их вельмож. Ахеменидское искусство оставалось главным образом придворным монументальным искусством, которое символизировало могущество и величие царской власти.

Его определяющие черты оформляются еще на рубеже VI—V вв. до н. э. Это — строгая канонизация, стремление к симметрии, зеркальное построение одних и тех же сцен. В частности, эти черты характеризуют рельефы Персеполя. Например, проемы дверей дворцов имеют на обоих фасах косяков не только идентичные сцены, но также точно повторяемые пояснительные надписи. Каноны, созданные еще при Дарии I, не нарушаются на более поздних дворцах Персеполя, в архитектурном украшении скальных гробниц персидских царей, на памятниках тореvтики V—IV вв. до н. э., хотя и дополняются новыми мотивами и образами. В Персеполе создается тот имперский ахеменидский стиль, который впоследствии широко распространяется, создав единство культуры от Инда до побережья Малой Азии и даже дальше к западу, до Египта. Произведения тореvтики, в особенности ритоны, исполненные индийскими, малоазийскими и восточ-

ноиранскими мастерами, каноничны по форме, орнаменту, даже по размерам, независимо от места их происхождения.

При анализе памятников ахеменидского искусства заметно влияние в конструкции колонн, урартские приемы возведения зданий на громадных искусственных платформах. Но вместе с тем ахеменидское искусство — вовсе не сумма заимствований. Привнесенные формы быстро утрачивали в нем свои первоначальные качества и функции. Другими словами, хотя детали того или иного образа, того или иного архитектурного здания известны из прошлых эпох и разных стран, сам образ отличен от всего известного и является специфически ахеменидским. Поэтому, несмотря на заимствования, все существенные аспекты ахеменидского искусства остаются самобытными и в целом оно — результат специфических исторических условий, определенной идеологии и социальной жизни.

Для ахеменидского искусства характерно виртуозное изображение изолированного предмета. Чаще всего это металлические чаши и вазы, высеченные из камня кубки, ритоны из слоновой кости, изделия ювелиров, скульптура из ляпислазури. Высокого уровня достигло художественное ремесло, на памятниках которого изображены домашние и дикие животные (бараны, львы, кабаны и др.). Значительный интерес представляют цилиндрические печати, вырезанные из агата, халцедона, яшмы. Эти печати с изображением царей, героев, фантастических и реальных существ до сих пор поражают зрителя совершенством форм и оригинальностью сюжетов.

ИРАН В ПАРФЯНСКОЕ ВРЕМЯ

Племена парнов, кочевавшие в степях между Амударьей и Каспийским морем, около 250 г. до н. э. вторглись в область Нисейя в долине Атрека (на территории совр. Туркменской ССР) и около 247 г. до н. э. провозгласили царем Аршака (по его имени правители династии называются Аршакидами).

Создав собственное государство, парны бросили вызов селевкидским правителям, владькам огромной державы, простиравшейся от Сирии до Средней Азии. В 239 г. до н. э. парны захватили провинцию Парфиену, ранее принадлежавшую Селевкидам, и впоследствии полностью слились с жившими там пар-

фянскими племенами, которые были родственны им.

Около 171 г. до н. э. царем Парфии стал Митридат I, при котором это государство превратилось в могущественную державу, ставшую наследницей политического могущества Ахеменидов и в какой-то степени их культуры.

Парфянская держава не была однородна. В частности, на юге Ирана, в Фарсе, в начале III в. н. э. существовало несколько полузависимых мелких княжеств. Во главе одного из них стоял Сасан, от которого позднее правители Сасанидской династии получили свое родовое имя. Арташир, потомок Сасана и один из правителей этих княжеств, начал расширять принадлежавшие ему владения. Объединив под своей властью все области Фарса, он присоединил к царству также районы Кермана и Хузистана. Парфянский царь Артабан V, встревоженный успехами Арташира, решил оказать ему противодействие. Однако в 224 г. н. э. он потерпел поражение от Арташира. Через два года, в 226 г., Арташир захватил г. Ктесифон, расположенный в Месопотамии и ранее принадлежавший парфянам. В том же году он провозгласил себя царем Ирана и торжественно короновался. Таким образом, Парфянская держава перестала существовать, и на древней родине ахеменидских царей возникла новая иранская империя — империя Сасанидов.

* * *

Интерес к достижениям древней культуры, созданной мидийцами, персами и другими родственными им иранскими народами, был всегда велик в нашей стране и в Европе. Уже начиная с XV в. европейские путешественники стали интересоваться рельефами персепольских дворцов и доставлять в свои страны копии древнеперсидских надписей. В 1621 г. пионер итальянского востоковедения Пьетро делла Валле описал развалины Персеполя и снял копию с одной надписи. Но на расшифровку клинописи европейским ученым потребовалось два столетия. В 1836 г. одновременно несколько исследо-

вателей претендовали на приоритет в расшифровке древнеперсидской клинописи. Вскоре благодаря трехязычной Бехистунской надписи была расшифрована и ассирио-вавилонская клинопись. Это в свою очередь позволило прочитать шумерские, эламские, урартские, хеттские и многие другие древние тексты.

Еще в начале XVIII в. европейские ученые стали интересоваться Авестой. Француз Анкетиль Дюперрон проник в среду парсов, поклонников зороастризма в Индии, много лет изучал у них авестийские произведения и в 1762 г. привез в Париж их рукописи. В 1771 г. он издал перевод ряда книг Авесты. Но этот перевод был полон грубых ошибок, и великий философ Вольтер обрушился на Дюперрона с резкими нападками, говоря, что тот либо клеветает на Зороастра, приписывая ему вздорные высказывания, либо сами эти произведения, если действительно принадлежат Зороастру, лишены всякого смысла и поэтому нет необходимости переводить их на французский язык. Человека, потратившего многие десятилетия своей жизни на то, чтобы добыть рукописи зороастрийских произведений, единодушно критиковали и знатоки санскрита. Однако именно благодаря санскриту, родственному авестийскому языку, ученым постепенно удалось разобраться в зороастрийских произведениях.

Естественно, далеко не все достижения древнеиранской культуры дошли до нас, хотя ряд произведений древнеиранской литературы был переведен на арабский, сирийский и другие восточные, а впоследствии и на западные языки. Среди таких произведений встречались и собственно иранские, как, например, «Шахнаме» великого Фирдоуси, и переводные — «Калила и Димна» и др.

Начиная с древнейших времен история Ирана была тесно связана с историей нашей страны. Культурные контакты и торговые связи между Ираном и Средней Азией, Кавказом и южнорусскими степями в течение всей древности почти никогда не прерывались.

Ancient Civilizations of Transcaucasus

Древние цивилизации Закавказья

*Они сохраняли
самобытность
материальной
и духовной культуры*

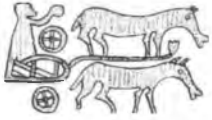
История Закавказья в древности — одна из интереснейших страниц в мировой культуре. Именно здесь возникло древнейшее государственное образование на территории нашей страны — Урартское царство.

Позднее здесь же сформировались своеобразные цивилизации Колхиды, Иберии, Армении, Кавказской Албании.

Истоки интенсивного развития закавказских культур восходят к VI—V тыс. до н. э., когда в долинах Куры и Аракса существовали небольшие поселения оседлых земледельцев и скотоводов. Их обитатели жили в глинобитных домах, имевших круглый план, пользовались кремневыми, каменными и костяными орудиями. Позднее

появляются медные изделия. Дальнейший культурно-хозяйственный прогресс отмечается в III тыс. до н. э., когда на Армянском нагорье и в Закавказье распространяется культура раннебронзового века, получившая название куро-аракской.

Процесс разложения первобытных отношений получил интенсивное развитие среди племен, обитавших в районе оз. Ван и носивших наименование урартов. Восемь стран под общим наименованием Уруатри упоминаются в этом рай-

оне в ассирийских источниках уже в XIII в. до н. э. В документах времени правления ассирийского царя Ашшурнасирпала II вместо многочисленных мелких владений упоминается страна, носящая имя Урарту. Другое государственное объединение урартских племен сложилось к юго-западу от оз. Урмия и носило название Муцацир. Здесь располагался общеурартский культовый центр. К сожалению, Урарту долгое время оставалось малоисследованной цивилизацией древнего Востока. Русские и советские востоковеды М. В. Никольский, И. Н. Мещанинов, Н. Я. Марр, И. А. Орбели, Г. А. Меликишвили опубликовали и подробно проанализировали урартские письменные тексты, что явилось надежной основой изучения этого «забытого царства». Проводившиеся под руководством академика Б. Б. Пиотровского раскопки урартского города Тейшебаини, руины которого носят название Кармир-Блур и расположены неподалеку от Еревана, по существу заново открыли многие стороны урартской цивилизации.

Исключительная значимость этих исследований определяется тем, что это были первые строго научные раскопки урартского города. Благодаря им был получен огромный вещественный материал, ставший основой для понимания истории материальной культуры Урарту, и, что гораздо важнее, раскопки и изучение полученных результатов позволили впервые понять истинное место урартской цивилизации среди древневосточных цивилизаций и роль ее наследия для дальнейших судеб культуры всего Закавказья, создать научную периодизацию Урартского государства и его культуры, выявить социальную природу урартского общества. Кроме того, раскопки Тейшебаини «подтолкнули» к изучению других памятников Урарту как на территории нашей страны, так и за ее пределами (в Турции и Иране).

Первым правителем объединенного Урарту стал царь Арам (864—845 гг. до н. э.). Однако против него предприняла походы армия Салманасара III. Ассирийские по-

литики, видимо, уже почувствовали потенциальную угрозу в зарождающемся молодом государстве. Однако эти военные акции не затронули основных областей Урарту и Муцацира, и вопреки надеждам царей Ассирии усиление нового государства продолжалось. Урартский правитель Сардури I (835—825 гг. до н. э.) уже официально оформил свои амбиции. Он принял пышный титул, заимствованный у ассирийских царей. Это был прямой вызов могуществу Ассирии. Столицей Урартского государства стал город Тушпа в районе оз. Ван, вокруг которого возводятся мощные каменные стены.

Активной деятельностью отмечено правление урартского царя Ишпуини (825—810 гг. до н. э.). Если надписи Сардури писались по-ассирийски, то теперь официальные тексты составляются на урартском языке, для чего была использована чуть измененная ассирийская клинопись. Молодое государство все явственнее утверждало свою самостоятельность. Границы владений правителя Тушпы расширяются до оз. Урмия, и второе урартское образование—Муцацир—становится одним из зависимых владений.

Для идеологического сплочения нового государства была проведена религиозная реформа—особая роль придавалась трем главным богам: Халди—богу неба, Тейшебы—богу грома и дождя и Шивини—богу Солнца. Упрочилось влияние древнего религиозного центра урартских племен Муцацира, где располагался главный храм верховного бога урартского пантеона—Халди. Интенсивная строительная деятельность охватывает почти всю территорию государства. О ней сообщают многочисленные надписи Ишпуини, они повествуют и о многочисленных походах.

Подлинным создателем урартского могущества был царь Менуа. Сохранилась часть официальных анналов, год за годом описывающих деятельность этого правителя (подобные анналы в Урарту тоже были одним из нововведений Менуа). Военные походы Менуа

шли в двух направлениях — на юг, в сторону Сирии, где его войска захватили левобережье Евфрата, и на север, в сторону Закавказья. При этом особое внимание уделялось организации подчиняемых территорий. Видимо, в ряде случаев сохранялась власть местных царьков, но одновременно назначались и представители центральной власти — начальники областей. Ко времени Менуа относится, очевидно, и административная реформа — разделение Урартского государства на области, управляемые представителями центрального правительства. Большим размахом отличалась и строительная деятельность Менуа. В районе столичного горо-

Важное значение придавал Аргишти и продвижению в Закавказье. Урартские войска доходят до Колхиды в Западной Грузии, форсируют Араке и овладевают обширной территорией на его левобережье вплоть до оз. Севан. Во вновь присоединенных областях осуществляется обширная программа хозяйственно-строительной деятельности. Около Армавира в 776 г. до н. э. строится крупный городской центр Аргиштихинили. На месте современного Еревана в 782 г. до н. э. возводится другой

Чаша из Триалети.
2000—1500 гг.
до н. э.

да Тушпы был проведен канал длиной около 70 км, причем в отдельных местах вода перебрасывалась по сложенным из камня акведукам, достигавшим в высоту 10—15 м. Помимо этого сооружения, именованного в древности «канал Менуа», каналы проводились и в других районах царства.

При сыне и преемнике Менуа Аргишти (786—764 гг. до н. э.) Урарту достигло зенита своего могущества. Урартские войска проникают в Северную Сирию, где склоняют на свою сторону местных правителей. На юго-востоке, включив в орбиту своего влияния Маннейское царство, урарты спускаются по горным долинам до бассейна Диалы, практически выходя к границам Вавилонии. В результате Ассирия оказывается как бы охваченной с трех сторон владениями Урарту и его союзников.

город — Еребуни. В районе Аргиштихинили проводятся четыре канала, закладываются виноградники и фруктовые сады. В городах-крепостях устраиваются гигантские зернохранилища, где сосредоточиваются государственные запасы зерна. Политика создания второго важного экономического центра Урартской державы в Закавказье, в области, отдаленной от основного театра военных действий, полностью себя оправдала в ходе последующих событий. Дело своего отца продолжал сын Аргишти Сардури II (764—735 гг. до н. э.).

Однако в Ассирии происходит известная внутренняя стабилизация — к власти приходит Тиглагпаласар III, усиливший боевую мощь ассирийской армии. В 734 г. до н. э. вооруженные силы Ассирии вступают в сражение с возглавля-

Серебряная чаша
с ритуальной сценой.
Триалети.
2000—1500 гг.
до н. э.

*Бомбовидный сосуд.
Урарту. VIII в.
до н. э.*

*Чудовище, служащее
подножием для бога.
Деталь трона урартского
божества.
Бронза, инкрустированная
золотом.
Русахинили, VIII—
VII вв. до н. э.*

*Карнатида. Деталь
трона урартского
божества. Храм
бога Халди. Русахи-
нили. VIII—VII вв.
до н. э.*

емой Урарту коалицией в Северной Сирии около города Арпад. Союзники терпят поражение, и Сардури отступает на коренные земли своей державы. В 735 г. до н. э. Тиглатпаласар III наносит удар в самое сердце Урартского государства, в район оз. Ван. Ряд центральных районов был предан огню и мечу.

Но борьба не была окончена. Царь Руса I (735—713 гг. до н. э.) стремился возродить могущество Урарту. Во внешней политике он старался избежать открытого противоборства с Ассирией, поддерживая вместе с тем всюду антиассирийские настроения. Проведение активной политики на юге затрудняло и вторжение кочевников-

киммерийцев в северные области Урарту. Но урартские владения в Закавказье систематически расширялись, основывались новые города. Большие работы по созданию мощного хозяйственного комплекса осуществлялись Русой I в районе к северу от города Урмия. Не забывал царь и традиционный центр своего государства — район оз. Ван. Там было построено обширное водохранилище, появились виноградники и поля, возник новый город, названный Русахинили.

Видя, с какой энергией Руса I

укрепляет могущество Урарту, Ассирия поспешила с нанесением нового удара. Поход был тщательно подготовлен. В 714 г. до н. э. ассирийские войска, возглавляемые Саргоном II, двинулись в области к востоку от оз. Урмия против местных правителей, искусно натравливаемых на Ассирию урартским царем. Но и Руса I счел момент удобным для решающего сражения

и попытался со своей армией зайти в тыл к армии Саргона II. Битва закончилась поражением урартов. В результате этого похода Урарту потерпело поражение в борьбе за политическую гегемонию в Передней Азии и уступило эту роль Ассирии.

Однако в дальнейшем обе стороны избегали прямых столкновений. В этих условиях Аргишти II (713—685 гг. до н. э.) направил свои походы на восток, достигая побережья Каспийского моря. Здесь продолжалась традиционная политика урартских царей — побежденные области не разорялись, а подчинялись на условиях выплаты дани. Аргишти II проводил ирригационные работы и в центральных областях Урартской державы — около оз. Ван. Это стабильное положение продолжалось и при Русе II (685—645 гг. до н. э.).

Судя по всему, Русе II удалось заключить союз с киммерийцами, совместно с которыми он совершает успешные походы в Малую Азию. В Закавказье им проводятся большие ирригационные работы и строится упомянутый выше город Тейшебаини. Однако угроза урартскому могуществу крылась в новой силе — в скифских кочевых племенах, проникших в Переднюю Азию и создавших в 670-х гг. до н. э. собственное «царство». Скифы нанесли поражение союзникам Урарту — киммерийцам. Видимо, одновременно пострадал и ряд районов Урарту.

Ведь эти удары были тем более опасными, что они затрагивали глубокие тылы Урартской державы, оставшиеся практически недосыгаемыми для ассирийской армии. Урарту заметно ослабевают и сдает свои прежде прочные позиции на международной арене. Строительная деятельность продолжается в Ванском районе и в Закавказье, но масштабы ее сокращаются. В начале VI в. до н. э. Урарту попадает в вассальную зависимость от нового могущественного государства древнего Востока — Мидии, а к 590 г. до н. э. прекращает свое существование как независимое государство.

Урартское государство уделяло большое внимание развитию экономики, особенно заботясь о проведении оросительных каналов и устройстве водохранилищ. Значительную роль в экономике играли царские хозяйства. При постройке Тейшебаини Руса II одновременно проводил канал и создал обширные сельскохозяйственные угодья. По ориентировочным подсчетам, зернохранилища и винные склады Тейшебаини были рассчитаны на продукцию, получаемую на территории в 4—5 тыс. га. По клинопис-

ным надписям, персонал царского хозяйства в Русахинили исчислялся в 5500 человек. В царских хозяйствах велась обработка продукции земледелия, работали ремесленные мастерские. Значительно меньшее значение имели храмовые хозяйства.

Замечательными были достижения урартов в области культуры. История Урарту — это история урбанизации Закавказья. Территория городов обычно достаточно велика — от 200 до 300 га (Аргиштихинили даже 400—500 га). Города, как правило, создавались у подножия высоких холмов, вершины которых занимали цитадели. Планировка некоторых урартских городов имела регулярный характер, например, в Зернакитепе. Видимо,

Стенная роспись с орнаментом. Урарту. Еребуни. VIII в. до н. э.

прямоугольная система планирования существовала и в Тейшебаини. Строители городов стремились к тому, чтобы границы городской застройки совпадали с естественными препятствиями (река, отвесные склоны холмов и т. д.). Оборонительные системы городов состояли из одной, чаще двух, а иногда и трех линий стен. Городские стены толщиной 3,5—4 м обычно были снабжены контрфорсами и массивными выступающими квадратными башнями.

Урартские дворцы были двух типов. Основу композиции дворца в Еребуни составляют два двора, вокруг которых находятся помещения различного назначения. Один из дворов окружен колоннадой, и вокруг него сгруппированы все важнейшие помещения дворца. Ядром дворцов второго типа являются колонные залы. Дворцовый комплекс западной цитадели Аргистихинили делился на две части: парадно-жилую и хозяйственную. Центром парадной части являлся большой колонный зал (два ряда по десять колонн). Очень разнообразна храмовая архитектура Урарту. Храм бога Халди в Еребуни состоит из основного продолговатого зала с колонным портиком перед ним и двух квадратных помещений, одно из которых — башенное. Этот тип близок хуррито-митанийским сооружениям. Наиболее распространен, однако, другой тип храма: квадратное в плане однокомнатное здание, возведенное на платформе, с угловыми выступами и шатрообразным перекрестием. Еще один тип храма известен только по воспроизведению на рельефе. Это знаменитый ассирийский рельеф, изображающий взятие Муцацира. Храм в Муцацире напоминает античные.

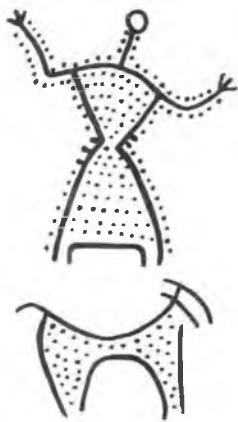
Монументальное искусство Урарту представлено каменными рельефами, круглой скульптурой, а также стенными росписями. Каменная скульптура делится на две четко различимые группы. К одной относятся памятники собственно урартской скульптуры, связанные с традициями искусства древнего Переднего Востока. Правда, находки этой скульптуры очень редки. Сох-

ранилась, в частности, поврежденная статуя из серого базальта, найденная в Ване и изображающая, видимо, одного из первых урартских царей. Гораздо чаще встречается народная скульптура «традиционно-условного стиля», продолжающая традиции скульптуры эпохи бронзы. Монументальные рельефы лучше всего известны по находкам в Адылджевазе, где, видимо, была представлена процессия богов.

Наиболее изучена урартская настенная живопись. Живописные панно располагались в виде часто чередующихся горизонтальных полос — орнаментальных и образительных. Урартские росписи входят в общий круг переднеазиатской древней монументальной живописи. Для них характерны большая условность и каноничность, сказывающиеся в применении определенных стереотипов при изображении живых существ и растений, использование определенного, строго ограниченного набора тем (преобладают изображения божеств, царей, ритуальных сцен), очень сильная символичность, связывающая во едино как изобразительные, так и орнаментальные мотивы.

Большого мастерства урарты достигли в прикладном искусстве, особенно в производстве художественных произведений из бронзы. Это достигалось, в частности, благодаря высокому техническому уровню урартской металлообработки.

Произведения урартской торевтики были чрезвычайно популярны. Их находки зафиксированы в Малой Азии (в частности, в Гордионе), на ряде островов Эгейского моря (Родос, Самос), в материковой Греции (Дельфы, Олимпия), даже в Этрурии. Яркими образцами искусства Урарту являются парадные щиты, шлемы, колчаны, служившие приношениями в храмы. Они были украшены рельефными сценами (изображения всадников, боевых колесниц, иногда встречаются и сакральные сцены). При раскопках найдено и большое количество золотых и серебряных украшений высокого художественного уровня.

Урартская культура сыграла исключительную роль в последующих судьбах культуры всего Переднего Востока. Наибольшие ее достижения были восприняты Мидией, затем Ахеменидским Ираном и широко распространились по всему Переднему и Среднему Востоку.

В послеурартское время завершается становление классового общества и государственности еще в трех закавказских центрах: Колхиде, Иберии и Албании. Здесь, так же как и в историческом наследнике Урарту — древнеармянском царстве, к местным и древневосточным культурным традициям добавляется позднее мощный импульс, идущий со стороны античной цивилизации. Эта общая закономерность исторического и культурного развития осуществлялась в сложной политической ситуации образования и распада новых государств, военных походов и дипломатических союзов.

Таким образом, в общих чертах периодизация цивилизаций Закавказья в настоящее время выглядит следующим образом: в первые века I тыс. до н. э. здесь существует один центр государственности и классового общества — Урарту, затем в зону становления государственности включается черноморское побережье Закавказья — древняя Колхида; в эллинистическое время — остальные районы этого региона — Иберия (современная Восточная Грузия) и Кавказская Албания (области совр. Азербайджана и часть Дагестана).

Значительная часть бывших урартских владений вошла в состав Мидийской державы, а затем империи Ахеменидов. Они были включены в состав нескольких сатрапий, выплачивали центральному правительству налог, поставляя вооруженные контингенты в ахеменидскую армию. В рамках таких сатрапий в VI—V вв. до н. э. происходит формирование древнеармянской народности, постепенно включившей в свой состав потомков урартов и некоторых других племенных групп. Ахемениды широко привлекали к управлению местную знать. Вскоре правителями

одной из сатрапий стали представители древнеармянской знати — Ервандиды (Оронтиды в греческой передаче). Культура и быт сатрапа и его окружения следовали ахеменидским образцам. В Еребуни урартские постройки были перепланированы таким образом, что образовали большой 30-колонный зал — местный отголосок царских парадных залов Персеполя и Суз. Расширяются культурные и торговые связи — при раскопках Еребуни найдены греческие монеты V в. до н. э. Древнеиранские религиозные представления, и в частности, видимо, зороастризм, оказывают значительное влияние на древнюю Армению. Однако массовая, народная культура во многом продолжает урартские традиции.

Столицей владений Ервандидов стал Армавир, расположенный на территории более раннего урартского центра. Сравнительно недолгой независимости Армении пришел конец в 220 г. до н. э., когда Антиох III присоединил это государство к так называемой Великой Армении, созданной им в рамках Селевкидского государства. Во II в. до н. э., в период ослабления этого государства, в областях к западу от оз. Ван образуется независимое государство Софена, во главе которого встал Зариандр (арм. Зарех), между Ваном и Севаном складывается другое государство, официально именовавшееся Арменией. Ее первым царем стал Арташес I (греч. Артаксий), основатель новой династии — Арташесидов. Сам Арташес I (189—161 гг. до н. э.) уделял много внимания благоустройству нового государства, при нем, в частности, была основана неподалеку от Армавира новая столица — Арташат.

Около 95 г. до н. э. парфяне способствовали вступлению на трон Арташесидов Тиграна II, однако он оказался умелым и дальновидным политиком и вскоре сам потеснил парфян. Начинается недолгий «взлет» древнеармянского царства. В Сирии Тигран II подчинил своей власти часть бывших владений Селевкидов и к юго-западу от оз. Ван, в предгорьях Армянского Тавра, основал новую столицу

цу — Тигранокерт, созданную по типу эллинистических греческих полисов. Титул «царь царей», который вскоре принимает Тигран II, был вполне закономерен — при нем Армения действительно превратилась в крупнейшую державу.

Однако общая обстановка в Передней Азии продолжала оставаться напряженной. Тигран II вынужден был уступить римскому натиску, и в 66 г. до н. э. в Арташате был подписан мирный договор с Помпеем. Границы «Великой Армении» были урезаны, «царь царей» признал себя «другом и союзником римского народа».

Успехи парфян, и в частности решительная победа над Крассом при Каррах в 53 г. до н. э., способствовали некоторому укреплению независимости армянского государства, но вскоре походы Антония вновь низвели страну до положения римского вассала.

Активизация Рима на востоке едва ли не в первую очередь сказывалась на Армении. В 114 г. н. э. при Траяне Армения, правда на короткий срок, вообще была объявлена римской провинцией. Многочисленные восстания и давление со стороны Парфии вынудили Адриана вывести римские гарнизоны, и со второй половины II в. н. э. Армения становится практически независимой. Сменившие Парфию Сасаниды пытались подчинить Армению, но встретили твердый отпор. Государство с древними традициями стремилось утвердить и идеологическую независимость, с чем было, в частности, связано принятие при Тиридате III (287—330 гг.) в качестве государственной религии христианства, начавшего распространяться в Закавказье со II в. н. э.

Армения в последние века до н. э. и первые века н. э. была страной высокой культуры. Яркий показатель этого — процесс урбанизации. Древнеармянские города были основаны по всем правилам эллинистического градостроительства. Характерна, в частности, регулярная планировка городских кварталов.

Подъем градостроительства, естественно, способствовал и разви-

тию архитектуры. Заимствовались передовые эллинистические и римские строительные приемы, типы построек. Широко известен храм в Гарни, недавно полностью восстановленный. Он представляет собой периптер (24 колонны) ионического ордера, стоящий на высоком подиуме. Крыша была двускатной, фасад украшен фронтоном. В ходе восстановительных работ было выяснено, что перекрытие наоса храма было сводчатым. Храм, видимо, был возведен в I в. н. э. и посвящен богу Михру. Очень интересна и баня Гарни, пол одного из помещений которой был украшен мозаикой.

Скульптура Армении характеризуется большим разнообразием. Здесь найдены и великолепные привозные произведения эллинистического ваяния, и очень простые, схематичные статуи — продолжение предшествующей народной традиции. Но наиболее популярным было художественное течение, представлявшее собой органичное слияние эллинских и местных художественных принципов.

Ярким явлением была армянская коропластика. Найденные в Армавире и Арташате терракотовые статуэтки представляют собой женские и мужские фигурки, изображения всадников, музыкантов и т. д. Коропластика Армении напоминает коропластику Месопотамии парфянского времени, однако отличается рядом своеобразных и самобытных черт. Высоким был уровень металлообработки и связанных с ней отраслей искусства: торевтики и ювелирного дела.

Менее известна духовная жизнь Армении античного времени. Можно предполагать, что в этот период существовала значительная разница между характером культуры царского двора и верхушки господствующего класса, с одной стороны, и культурой основной части населения Армении — с другой. Если первые оказались весьма восприимчивыми к эллинистическим и парфянским культурным влияниям, то вторые оставались верными местным вековым традициям. В духовной культуре народа, видимо, важную роль играл героический

Орнамент котла.
Бронза. Урарту.
VIII в. до н. э.

Языческий храм.
Гарни. I—II вв. н. э.

эпос, отголоски которого сохранились у Мовсеса Хоренаци и в эпическом цикле о Давиде Сасунском.

Религия Армении характеризовалась синкретизмом, в ней слились воедино древние местные культы и иранские влияния.

Важнейшее место в пантеоне занимали божества Михр, Анаит и Вахагн. Цари стремились создать и широко распространить культ династии, который должен был служить средством объединения населения под властью армянских владык.

Особое место в истории Закавказья занимала Колхида. История Колхиды в древности освещена античными письменными источниками, значительную информацию дают археологические исследования (особо необходимо отметить работы О. Д. Лордкипанидзе и Г. А. Лордкипанидзе), в последнее время сделаны и эпиграфические находки. В отличие от других областей этого региона она была более тесно связана с миром средиземноморских культур и в VI в. до н. э. стала объектом греческой колонизации.

Проблема греческой колонизации в Колхиде — одна из наиболее дискуссионных в современной науке. Некоторые ученые доказывали, что «модель» греческой колонизации в этом районе ничем не отличается, например, от северопричерноморской, где греки создали свои полисы и освоили обширную сельскохозяйственную территорию. Согласно другой точке зрения, греки, осевшие здесь, не создавали своих полисов, а поселялись в ме-

стных городах. В последние годы все большим признанием пользуется третья точка зрения: греки создавали свои полисы на восточном побережье Черного моря, но их основной экономической базой бы-

до не сельское хозяйство (как у большинства «колониальных» полисов), а посредническая торговля. Основным препятствием для широкой экспансии греков послужило то обстоятельство, что к моменту их прибытия в Колхиду здесь уже сложилось местное государственное образование. Одной из важнейших предпосылок возникновения его явилось бурное развитие производительных сил в эпоху раннего железного века. Колхида стала одним из важнейших центров металлургии железа. Резкая социальная дифференциация в Колхиде выявляется на материалах погребений. Так, только одна женская могила V в. до н. э. содержала свыше 1600 золотых изделий, включая великолепные диадемы с изображением львов, терзающих быка и газель.

Поселения городского типа складываются и в материковой части, вдали от побережья (Вани и др.). Основой расцвета Колхиды были разнообразные ремесла и развитая торговля. Особенным совершенством отличались изделия местных мастеров из железа и золота. Недаром в античном мире утвердилось представление о Колхиде как о стране «золотого руна»; приключения аргонавтов, прибывших за ним в Колхиду,— одна из популярнейших тем греческого эпоса.

На вывоз производились лен и пенька, и, как специально отмечали античные географы, в частности Страбон, страна была «замечательна всем необходимым для кораблестроения». Торговля была не только местной, но и транзитной, и считалось, что в Диоскуриде сходились для торговли представители 70 племен и народностей. С этим обстоятельством было связано и раннее развитие денежного обращения. На побережье были широко распространены монеты различных греческих городов, а во внутренних районах Колхиды преобладали монеты местного выпуска, названные современными исследователями «колхидками». На этих монетах на одной стороне изображен бюст правителя, а на другой—голова быка. Выпуск «колхидок» в V—первой половине III в. до н. э. сви-

детельствует о развитых товарно-денежных отношениях и, по мнению ряда ученых, о существовании самостоятельного колхидского государства. К III в. до н. э. относятся золотые монеты, чеканенные от имени местного царя Ака. В административном отношении Колхида делилась на ряд провинций, во главе которых стояли лица, носившие титул скептухов («скипетроносцев»).

Наиболее примечательной чертой культуры древней Колхиды было взаимодействие коренной и греческой традиций. В прибрежных центрах, а, возможно, также и в Вани работали греческие мастера-ремесленники из Синопа, Гераклеи и других центров. При раскопках в Вани обнаружено много греческих амфор и иные привозные изделия. В Колхиду поступали и высокохудожественные произведения античного искусства: расписная керамика, мраморная скульптура и т. д.

Важнейшие материалы для суждения о характере культуры Колхиды дали раскопки Вани. Город состоял из двух частей: «акрополя», расположенного на треугольном в плане высоком холме, и «нижнего города», лежавшего в месте слияния рек Сулори и Риони. Акрополь был прекрасно укреплен. Система его укреплений свидетельствует о глубоком знании передовых тогда принципов эллинистической фортификации. Вместе с тем заметны и местные черты—у городских ворот с наружной стороны располагалась статуя богини-хранительницы города.

На территории акрополя открыто несколько сооружений. Изучение архитектурных памятников Вани показывает, что местные зодчие были хорошо знакомы с достижениями эллинистической архитектуры и градостроительства. Влияние греческой архитектуры в первую очередь сказывается в строительной технике (рустованные блоки, широкое использование кровельной черепицы, мозаичные полы). Внедряются также элементы ордерной архитектуры (базы аттического профиля, капители коринфского ордера, архитравы, симы в виде голов львов, кессонные потолки).

Внедрение элементов греческого ордера, однако, не меняло сущности местной архитектуры. Ордер воспринимался как декоративная система, сами же конструкции оставались традиционными. Особенно показательны в этом отношении башнеобразные святилища, восходящие к древним местным прототипам.

Колхида была центром своеобразной области искусства. Здесь зафиксировано наличие каменной и бронзовой скульптуры, найдены небольшие статуэтки, в том числе и серебряные, встречаются памятники корошластики, торевтики, глиптики. Для всех сфер искусства характерно слияние местных и греческих художественных традиций.

По мере распространения влияния Рима на востоке в орбиту его воздействия попадает и Колхида. Включенная в состав владений Митридата VI Понтийского, она после поражения этого яркого врага римлян попадает в зависимость от победителей. В прибрежных городах располагаются римские гарнизоны. В 63 г. до н. э. Помпей утверждает «царем колхов» некоего Аристарха, чеканившего собственную монету. В I в. н. э. прибрежные области, именуемые Полемоновский Понт, образуют римскую провинцию.

Вскоре Колхида включается в состав римской провинции Каппадокия.

В III—IV вв. н. э. Западная Грузия в античных источниках именуется Лазикой, хотя местные жители называли свою страну Этриси. Столицей был Археополь. С начала IV в. здесь распространяется христианство.

Важным и своеобразным государственным образованием Закавказья античной эпохи была Иберия. Иберией греко-римские авторы называли Восточногрузинское царство античной эпохи (III в. до н. э.—III—IV вв. н. э.). Средневековые грузинские источники именуют его Картли. Иберия занимала главным образом нынешнюю Восточную и Южную Грузию. Однако с течением времени она смогла овладеть и некоторыми районами Колхиды. История Иберии изве-

стна нам по сообщениям античных авторов, немногочисленным надписям. Но в последние десятилетия проводились широкие по масштабам археологические работы, давшие новый богатейший материал, который активно изучается (очень интересными в этой связи представляются исследования Г. А. Меликишвили, О. Д. Лорджкианидзе, А. В. Бохочадзе, Ю. М. Гагошидзе).

В эллинистическую эпоху происходило формирование и укрепление государства в Иберии. Интересный храмовый комплекс того времени (II—I вв. до н. э.) исследован в местности, называемой Дедопли-Миндори. Раскопками выявлена грандиозная система одновременных построек, представляющих собой прямоугольник площадью около 6 га, обнесенный стеной. Продольной осью он ориентирован по линии север—юг. В южной части комплекса находился главный храм (46x30 м) — четырехколонный квадратный зал с четырехугольной платформой для алтаря в центре. Зал и ведущий к нему обширный портик с трех сторон окружены системой коридоров. К основному прямоугольнику храма с севера примыкает помещение типа айвана — открытый портик с двумя колоннами. В 90 м к северу от главного храма расположен малый храм.

Строго симметрично по отношению к храмам находятся восточные и западные ворота, представляющие собой обширные пропилеи с шестью колоннами, состоящими из двух неравных портиков — наружного и внутреннего.

Исследователи (в частности, руководитель раскопок Ю. М. Гагошидзе) считают, что данный обширный храмовый комплекс был посвящен богам маздеистского круга, в значительной мере слившимся с древними местными грузинскими астральными божествами, и что главный храм был посвящен божеству типа вестийской Ардвисуры Анахиты.

Археологические исследования последних десятилетий позволили судить о характере городов Иберии в первые века нашей эры. Соглас-

Золотые серьги.
Колхида. V в.
до н. э.

но древнегрузинской исторической традиции, сохранившейся у Леонтия Мровели, первый царь Иберии — Парнаваз — начал строить свою резиденцию на горе Армази, где воздвиг также «идола» (т. е. статую) в свою честь. Согласно той же традиции, последующие цари продолжали здесь строительство. Гора превратилась в акрополь. Грузинская традиция согласуется с данными таких античных авторов, как Страбон и Плиний Младший. Этот город локализуется на холме Багинети. Археологические раскопки обнаружили оборонительные стены, дворцовые и общественные сооружения, гробницы. Археологи вскрыли руины еще целого ряда городов Иберии (в Саркине, Дзалиси, Урбниси и др.). Существовали и так называемые пещерные города, например Уплисцихе.

Здания дворцового типа открыты в Багинети, Армазисхави, Дзалиси. В нескольких местах обнаружены термы с типично римским устройством. Архитектура Иберии достигла очень высокого уровня развития. Уже в ранних центрах (например, в Самадло) применялся такой сложный прием, как террасирование склонов холма. В строительстве зданий правилом было сочетание камня и сырцового кирпича; с первых же веков нашей эры, особенно при сооружении терм, — обожженный кирпич. Широко использовалась черепица. В архитектуре Иберии были популярны колонные конструкции и торонидные базы.

Особое внимание привлекают мозаики, среди которых наиболее интересны панно из Дзалиси. В термах представлены растительные сюжеты, изображения рыбы, дельфина, раковины. В дворцовом же помещении — великолепные по качеству мозаичные сцены с изображением Диониса и Ариадны, различных персонажей дионисийского круга, богатый растительный и геометрический орнамент, пояснительные надписи.

Дионис и дионисийский культ были весьма популярны в Иберии. Об этом свидетельствуют многие находки произведений искусства.

Так, например, при раскопках Саркине были обнаружены прекрасно качества терракотовые маски, изображающие Диониса и Ариадну, и статуэтки дионисийского круга. Вполне вероятно, что терракотовые маски служили для украшения интерьера какого-то здания и подвешивались на стене в один ряд: об этом свидетельствуют небольшие дырочки для шнура. В Иберии развивались также торевтика, глиптика, ювелирное дело.

Кавказская Албания располагалась дальше от центров греко-римского мира, нежели другие области Закавказья, и поэтому в трудах античных авторов ее история и культура нашли слабое освещение. Почти полностью отсутствуют и эпиграфические материалы. В силу этого особое значение приобретают археологические находки. Среди довольно многочисленных исследований по истории Кавказской Албании особое место занимают труды К. В. Тревер, И. Г. Алиева, И. А. Бабаева, Дж. А. Халилова и др.

Проблема времени формирования государственности и классового общества на территории Кавказской Албании все еще остается дискуссионной, однако можно считать, что упомянутый процесс завершается в эллинистическую эпоху. Албания менее других стран Закавказья была задета римской экспансией, хотя римляне проникали сюда и в I в. до н. э. (походы Помпея), и позднее. Одним из свидетельств этого является составленная от имени центуриона XII легиона латинская надпись конца I в. н. э., найденная в горах Гобустана, неподалеку от Баку. Позднее в Кавказской Албании власть захватила династия Аршакидов. Албания в той или иной степени была вовлечена в римско-парфянское противоборство в Закавказье.

Предпосылки для возникновения городов в Албании сложились к середине I тыс. до н. э. В I в. н. э. крупнейшим городским центром и столицей страны стала Кабала. Археологические исследования показали, что общая площадь города достигала 50 га. Кроме того, городские центры античного времени

зафиксированы в Шемахе, Минге-чауре, Тазакенте и в северной части страны, на территории Дагестана (Дербент и др.).

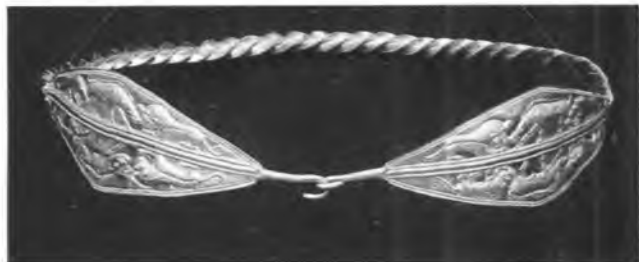
В ходе раскопок, например, в Кабале исследовались рядовые жилища и здания общественного назначения. В строительстве использовались дерево, кирпич-сырец, камень. Популярными при возведении крупных зданий были колонны, базы которых обычно делались из камня, а стволы — из дерева. Богатые жилые дома, а также общественные сооружения покрывались черепицей. В Албании развивалось сельское хозяйство, ремесло, торговля. Средством обращения служила местная монета — подражание драхам Александра Македонского. Время начала чеканки этих монет остается пока объектом дискуссий.

Популярным видом искусства являлась скульптура. Найден ряд очень условно выполненных статуй, несомненно восходящих по своим приемам к древним прототипам. По всей видимости, они носят культовый характер. Довольно широко распространены мелкие бронзовые скульптуры. Необычайно изящна фигурная керамика. Гончары древности придавали сосудам антропоморфные и зооморфные формы в виде козла, петуха, оленя, быка и т. д. Антропоморфные сосуды встречаются только в районе Шемахи. Параллельно развивалась и коропластика. Наиболее популярными были изображения обнаженных женщин. При раскопках Кабала найдена большая коллекция глиняных бул с изображениями как эллинистического (Геракл), так и местного типа (всадники, различные животные). Из Римской империи в Кавказскую Албанию проникали стекло, бронзовые сосуды, украшения и т. д.

Значительную роль в жизни Албании играла религия. Верховная триада богов включала, по свидетельству Страбона, Селену, Гелиосу и Зевса (Страбон называет греческие эквиваленты местных божеств). Верховный жрец — второе лицо в государстве после царя, «он стоит во главе большой и густонаселенной священной обла-

сти, а также распоряжается рабами храма».

Древние цивилизации Закавказья, при всем своеобразии каждой из них, обладали и рядом сходных черт, порожденных как близостью социально-экономического строя, так и общностью исторических судеб и длительными взаимными контактами. Они прошли долгий путь исторического развития, взаимодействуя сначала с древневосточными цивилизациями, затем с эллинистическим миром и, наконец, с Римской империей и

Золотая диадема.
Колхида. V в.
до н. э.

Парфянским (а затем Сасанидским) Ираном. История возложила на них задачу огромной важности — они служили цивилизациям Переднего Востока надежным щитом с севера, прикрывая их от многочисленных и воинственных кочевых племен, обитавших в степях за Кавказским хребтом и неоднократно совершавших походы на юг.

Подвергаясь постоянному давлению как с юга, так и с севера, народы Закавказья тем не менее смогли создать, сохранить и развить свои глубоко своеобразные цивилизации, в которых органически слились как древнейшие культурные традиции, так и внешние влияния, которые были освоены и переработаны таким образом, что стали важным составным элементом в общей сокровищнице мировой культуры.

Жизненность культурных традиций — одна из самых поразительных и ярких особенностей цивилизаций, сложившихся в древности в Закавказье.

Scythian Civilization

ИВИЛИЗАЦИЯ СКИФОВ

Вклад скифов в сокровищницу мировой культуры уже по достоинству оценен

Скифы, как и другие близкородственные им народы, обитавшие в I тыс. до н. э. в евразийских степях, не имели своей письменности, и потому их социальную и политическую историю приходится воссоздавать преимущественно на основе сведений, сохраненных в инокультурных источниках, и по археологическим данным.

Имя скифов, известное нам прежде всего из сочинений греческих и латинских авторов, использовалось там в разных значениях. Зачастую древние писатели именовали скифами широкий круг народов, обитавших в ту эпоху на обширных пространствах евразийского степного пояса и обладавших во многом сходной культурой. Но тщательное изучение употребления этого имени в древних источниках свидетель-

ствует, что сами себя именовали так лишь обитатели Северного Причерноморья и Приазовья или даже первоначально только одно племя, в первые века I тыс. до н. э. подчинившее себе прочее население этого региона и создавшее на этой основе мощный союз племен, позже переросший в раннегосударственное образование. Греческие поселенцы, начавшие с VII в. до н. э. активную колонизацию се-

верного побережья Черного моря, первоначально вошли в соприкосновение именно с этим народом. Со временем, все более расширяя круг своих знаний об обитателях евразийских степей и обнаруживая в их культуре и образе жизни много сходного с тем, что уже было известно им о скифах, греки стали обозначать все народы этого круга именем того из них, который был знаком им раньше и лучше других. Так термин «скифы» приобрел расширительное значение. Но многие античные авторы сохранили пони-

ние об истории и культуре скифов и других народов широко понимаемого «скифского мира» евразийских степей.

К сожалению, почти полностью отсутствуют данные о скифском языке. Все, чем располагают ученые,—некоторое число личных имен и географических названий, оставшихся в иноязычных текстах. Но и этих остатков оказалось достаточно, чтобы определить: скифский язык принадлежал к иранской группе, входящей в индоиранскую ветвь индоевропейской семьи языков. Этноязыковая принадлежность других народов евразийского степного пояса остается более гипотетичной, но кое-какие данные имеются и на этот счет. Так, о савроматах—ближайших восточных соседях скифов—Геродот сообщает, что они якобы произошли от браков скифских юношей с амазонками и говорят на скифском языке, но «издревле испорченном». Иными словами, язык савроматов по существу диалект скифского. Отдельные дошедшие имена и названия свидетельствуют, что в евразийских степях обитали и иные ираноязычные народы.

Вопрос о происхождении скифов решается путем синтеза письменных и археологических данных. Из древних авторов наиболее подробно пишет об этом Геродот. Согласно его рассказу, скифы пришли в Причерноморье из Азии, вытеснив отсюда киммерийцев. Перекликается с этим известием сообщение Диодора Сицилийского, повествующего, что некогда скифы были слабым и немногочисленным народом и обитали на берегах Аракса, но затем усилились и завоевали Предкавказье и все северное побережье Черного моря. К сожалению, неясно, какую именно реку Диодор называет Араксом—древние авторы именовали так разные реки, и потому в науке существуют различные мнения о первоначальной зоне обитания скифов. Иногда, опираясь на Геродота, ее локализуют очень далеко на Востоке, к примеру в Центральной Азии. Но если вспомнить, что древние географы считали границей между Азией и Европой р. Танаис (совр.

Изображение хищника. Курган Кулаковского. Крым

мание и его конкретного этноисторического смысла и отличали собственно скифов от других степных народов, имена которых также были им известны,—от савроматов, массагетов, йсседонов и т. д.

Историческая наука Нового времени издавна проявляла внимание к сведениям о скифах, сохраненным греко-римской традицией—в сочинениях Геродота, Страбона, Плиния Старшего и других авторов. Критический анализ этих текстов приобрел все большую глубину по мере накопления археологических данных, сопоставимых с древними свидетельствами. Интерес к древностям причерноморских скифов пробудился еще в конце XVIII в. Современная наука имеет уже достаточно полное представле-

Дон), то правомерность этой гипотезы окажется серьезно поколебленной.

Скорее всего прародина скифов находилась не восточнее бассейна Волги (в некоторых древних источниках она именуется Ра, может быть, это и есть Араке?) или в крайнем случае Урала. Кстати, такое предположение лучше согласуется с данными лингвистики о зоне формирования иранских языков. В предскифское время в Северном Причерноморье и Нижнем Поволжье обитали носители одной археологической культуры —

срубной. Видимо, одно из передвижений в пределах этого культурно однородного ареала, археологически почти неуловимое, и запечатлено в предании, зафиксированном Геродотом и Диодором.

Мнение Геродота, что все киммерийцы были изгнаны скифами со своей земли, также не подтверждается археологией: многое в культуре скифов обнаруживает прямую преемственность от культуры Причерноморья предшествующей поры. Скорее всего скифский союз племен образовался в ходе завоевания пришедшим с востока племенем близкородственных ему обитателей этой территории. Не исключено, что завоеватели были прямыми предками того из скифских племен, которое Геродот в V в. до н. э. знает под именем «скифов царских», сообщая, что они господствуют над остальными скифами, считая их своими рабами. Вероятно, именно это племя первоначально и было носителем самоназвания «скифы».

Согласно рассказу Геродота, после покорения Причерноморья скифы, преследуя бежавших киммерийцев, вторглись в Переднюю Азию. Это сообщение подтверждается данными древневосточных текстов, в которых вторгшийся народ именуется «шкуда» — другая передача того же этнического названия. Чаще, впрочем, всех северных пришельцев восточные писцы именовали «гимирри» — киммерийцы, и такое обобщенное их именование лучше всего говорит за то, что скифы и киммерийцы были близки между собой этнически и

культурно. Скорее всего в действительности имело место не единовременное вторжение обитателей Причерноморья на древний Восток, а постепенное — несколькими волнами — их проникновение сюда начиная по крайней мере с конца VIII в. до н. э.

На протяжении всего VII в. до н. э. скифо-киммерийские военные отряды активно участвовали в политической жизни Передней Азии, вмешивались в конфликты между государствами, поддерживали одних, наносили удары другим. Поз-

Оборотная сторона
серебряного зеркала. Деталь.
Келермесский курган. Кубань

же, потерпев ряд поражений, скифы покинули этот регион и вернулись в Северное Причерноморье. С этого времени начинается примерно четырехсотлетний период их господства в причерноморских степях. Но пребывание скифов на Ближнем Востоке, знакомство с древневосточной цивилизацией не прошло бесследно, оставив заметный след в облике скифской культуры.

До упомянутых походов обитате-

Сосуд из кургана
Куль-Оба. Золото.
Крым.

приобрели различные изображения животных, послужившие основой для формирования знаменитого скифского звериного стиля — наиболее интересного и самобытного элемента скифской культуры. Для этого искусства характерно воплощение строго определенных образов — по преимуществу копытных животных, прежде всего оленей, а также кошачьих хищников и птиц, — изображаемых в нескольких каноничных позах. Эти мотивы служили главным образом для украшения предметов воинского снаряжения, конского убора, ритуальных сосудов. Совершенно очевидно, что все эти изображения имели в глазах скифов некое важное содержание, но вопрос о семантике скифского звериного стиля до сих пор составляет предмет дискуссий.

Одни исследователи придерживаются мнения, что в его основе лежат магические представления — стремление обеспечить обладателя этих изображений теми выдающимися качествами, которые присущи воплощаемым животным. Другие связывают их со скифской мифологией, полагая, что скифы мыслили своих богов как имеющих зоморфный облик. Иногда звериный стиль рассматривают как своего рода символическую знаковую систему, призванную воплощать общие представления о строении мироздания. Вопрос о смысловой нагрузке скифского анималистического искусства требует еще углубленной разработки. Как бы то ни было, искусство звериного стиля, сложившееся на основе синтеза древнеиранских представлений о мире и древневосточной иконографии, превратилось в наиболее яркое и самобытное явление скифской культуры.

Совершенно иной характер имело другое событие из истории взаимоотношений скифов с древним Востоком — их борьба против вторжения в их земли войск персидского царя Дария I. Нашествие огромных полчищ грозило Скифии большими несчастьями. Как это, однако, ни парадоксально, данный эпизод представляет для нас интерес прежде всего не как важная страница политической истории ски-

ли причерноморских степей (как и другие индоиранские народы на ранних стадиях их истории) не знали изобразительного искусства, ограничиваясь для декорирования своей бытовой и ритуальной утвари простейшим геометрическим орнаментом. Когда же социальное развитие скифского общества, особенно ускорившееся как раз в период завоевания скифами Причерноморья и походов их в Переднюю Азию, потребовало создания художественного языка, призванного воплотить определенные религиозно-мифологические концепции, связанные с представлениями об иерархической организации общества и о божественном происхождении института царской власти, для этой цели были использованы образы, заимствованные из древневосточного художественного репертуара.

Переосмысленные в духе собственно скифских концепций, эти образы закрепились в скифской культуре. По не вполне еще понятным исследователям причинам наибольшую популярность в Скифии

фов, а с точки зрения исследования скифской культуры. Дело в том, что подробный рассказ об этой войне, сохраненный античными авторами (в первую очередь Геродотом), восходит, судя по целому ряду его особенностей, к собственно скифскому устному эпическому преданию. Фольклор любого народа отражает важнейшие аспекты истории его культуры, и его исследование чрезвычайно важно. Фольклор же скифов почти бесследно утрачен, и представления о нем можно составить лишь по скудным инокультурным его пере-сказам.

Согласно сохраненной Геродотом традиции, Дарий, переправившись через Дунай, в течение двух месяцев продвигался по причерноморским степям вслед за скифами, которые уходили, не принимая боя. Попытка персидского царя вызвать скифов на решающее сражение не принесла успеха. Скифы мотивировали свой отказ тем, что, не имея ни городов, ни обработанных земель, которые стоило бы защищать от врага, они не видят необходимости в активной борьбе, но просто продолжают вести обычный для них кочевой образ жизни. Тем не менее они постоянно тревожили персов мелкими набегами, нанося им существенный урон. В итоге войско Дария, пройдя по всей Скифии и некоторым соседним с нею землям, вынуждено было бежать из Причерноморья, понеся большие потери.

О реальных событиях скифо-персидской войны этот рассказ, судя по всему, содержит сведения весьма скудные. Даже описанный в нем маршрут не столько отражает истинный ход военных действий, сколько призван воплотить идею тотального характера конфликта и продиктован ритуально-магическими концепциями древних ираноязычных народов. Зато это повествование содержит интереснейшие данные о скифских обычаях, представлениях, культурных моделях. Примечательна описанная в нем величественная фигура вождя скифов царя Иданфирса — мудрого правителя и военачальника, — типичная для древнего эпоса.

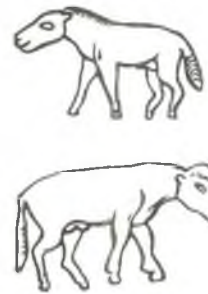
После отражения персидского нашествия для Скифии наступает почти двухсотлетний период расцвета. Именно к этому времени относится абсолютное большинство исследованных археологами скифских памятников. Это по преимуществу погребальные курганы. Их размеры колеблются в значительных пределах: над погребениями рядовых воинов сооружались небольшие насыпи, которые теперь — после многовековой распушки и выветривания — едва возвышаются над уровнем земли; зато над

Пектораль. Курган Толстая Могила. Золото. Нижнее Приднестровье

могилами племенных вождей или царей сооружались гигантские земляные холмы, порой с применением и каменных конструкций.

Так, один из самых известных царских курганов Скифии — Чертомлык — накануне раскопок имел высоту более 19 м и окружность основания 330 м, а высота другого кургана — Александропольского — превышала 21 м. Под насыпью кургана размещалась могила. Чаще всего это так называемая катакомба — своеобразная пещера простой или усложненной конфигурации, вырытая под одной из боковых стенок глубокого (до нескольких метров) входного колодца. В погребениях знати таких камер могло быть несколько.

В пространстве камеры, а иногда и входной ямы размещался основной сопровождающий умершего инвентарь. В аристократических погребениях часто здесь же или в специальных дополнительных могилах укладывались тела погребенных вместе с «владыкой» прислужников — оруженосца, конноха, служанки, а также предназначенных для умершего верховых коней.

В обряде похорон скифского вождя, по рассказу Геродота, участвовали все его подданные, силами которых и воздвигалась гигантская насыпь. Эти же люди были участниками тризны — поминального ритуала, следы которого часто находят при раскопках. Так, во рву, окружающем недавно исследованный украинскими археологами курган Толстая Могила (богатый, хотя и не слишком большой), были обнаружены кости такого количества съеденных в ходе тризны домашних и диких животных, которое позволяет полагать, что в похоронах принимало участие примерно 2,5—3 тыс. человек. Погребение рядового члена общества совершалось его ближайшими родственниками и друзьями.

Набор инвентаря в скифских могилах достаточно традиционен, хотя в аристократических курганах он, конечно, неизмеримо богаче, чем в рядовых. В мужских погребениях это прежде всего предметы вооружения. Справедливость замечания Геродота, что каждый скиф — конный стрелок, подтверждает наличие в могиле бронзовых наконечников стрел, а иногда и остатков самого лука. С формой скифского лука древние авторы сравнивали очертания Черного моря, прямая линия южного берега которого соответствует тетиве, а северное побережье — дугу с изгибом в том месте, где находилась рука стрелка. О том, насколько тугим был скифский лук и какая сноровка требовалась при обращении с ним, свидетельствует сохранившийся Геродотом миф о трех сыновьях родоначальника скифов, который, чтобы выбрать из них достойного претендента на царский престол, в качестве испытания предложил им натянуть тетиву на

его лук; преуспеть в этом испытании смог, согласно скифской традиции, лишь младший из сыновей.

Распространенным оружием у скифов были также копыя и мечи-акинаки, но последние чаще встречаются в аристократических, чем в рядовых, погребениях. В женских могилах обычной находкой являются простые личные украшения — серьги, перстни, браслеты, а также зеркала.

Значительно разнообразнее набор предметов, находимых в погребениях знати. Основные категории вещей здесь те же самые, но типы их многообразнее, а убранство — богаче. Ножны акинаков и гориты — футляры для лука и стрел — часто украшены золотыми пластинами, снабженными ритуально-мифологическими изображениями. Пышно украшен золотыми накладками и ритуальный женский головной убор. Золотыми бляшками с изображениями расшивались одежда погребенных и покрывала, которыми завешивали стенки погребальной камеры. Очень часты в аристократических погребениях ритуальные сосуды различных форм — шаровидные кубки, ритоны, открытые чаши с двумя горизонтальными ручками. Подобные сосуды изготавливали из драгоценных металлов или из дерева с металлическими обкладками. Все эти предметы помимо указания на необычайное богатство скифской аристократии важны тем, что содержание украшающих их изображений отражает скифские представления о власти вождей и царей как о богоданном установлении: ее сакральный характер подтверждался композициями на мифологические сюжеты.

Многие изделия этого типа являются продукцией не собственно скифских, а греческих мастеров. Поскольку сами скифы по сути не знали изобразительного искусства, создать изобразительные воплощения их мифов предстояло эллинистическому миру. Формирование специфического греко-скифского искусства — процесс, в котором были в равной мере заинтересованы обе стороны: для скифов это был путь к получению памятников, воплоща-

ющих их идеологические концепции, а для греков — обеспечение рынка сбыта своей художественно-ремесленной продукции.

Чтобы надежнее закрепиться на этом рынке, эллинские мастера не просто импортировали в Скифию свою серийную продукцию, но, приспосабливаясь к вкусам и запросам скифской знати, изготавливали памятники, специально предназначенные для сбыта в скифской среде. Разнообразные предметы этой серии, полученные в процессе раскопок богатых скифских курганов и украшающие музейные собрания СССР, по стилистическому облику принадлежат античной художественной культуре, воплощая высшие ее достижения — динамизм, пластичность, достоверность и жизненность в передаче человеческого и звериного тела. Но по содержанию большинство украшающих эти предметы изображений связано с присущими скифскому миру представлениями, и потому они служат бесценным источником для воссоздания присущих скифам идеологических концепций.

Так, на электровом кубке из кургана Куль-Оба, раскопанного в Крыму свыше 150 лет назад, представлены сцены уже упомянутого мифа о трех сыновьях скифского первопредка: два старших брата изображены в тот момент, когда они залечивают травмы, полученные при неудачных попытках натянуть тетиву на отцовский лук, а третий из братьев — преуспевшим в этом испытании. Тот же сюжет запечатлен на серебряном сосуде из кургана, раскопанного в окрестностях Воронежа, но его образительная трактовка в этом случае иная: мы видим изгнание из страны двух старших сыновей и вручение младшему отцовского лука как символа власти над Скифией.

Специального внимания заслуживает золотая ажурная пектораль из кургана Толстая Могила. Греческий художник запечатлел на ней сложную систему скифских космологических представлений: нижний фриз трехъярусной композиции символизирует потусторонний мир — зону господства хаоса и сил смерти, а верхний — мир людей,

противостоящий хаосу «космос». В среднем фризе чудесное сплетение растительного орнамента символизирует «Мировое дерево», соединяющее два столь несхожих мира. В центральной сцене верхнего фриза представлено ритуальное действо — шитье одежды из овечьего руна, которому многие народы древности приписывали магическую способность обеспечивать богатство и, в частности, плодovitость скота.

Бытуют в греко-скифском искусстве и другие обрядовые или мифо-

Войлочная седельная покрывка из I Пазырыкского кургана. Горный Алтай

логические сцены. Так, на большой серебряной вазе из кургана Чертомлык плечики украшены сценами жертвоприношения коня в точном соответствии с описанием этого скифского ритуала, который сохранился у Геродота.

Многие парадные и ритуальные предметы из скифских курганов снабжены изображениями на сюжеты греческих мифов и сказаний. Здесь можно встретить Геракла, Афины, Горгону Медузу, эпизоды Троянской войны. Иногда эти композиции толкуются как свидетель-

Украшение конской сбруи из I Пазырыкского кургана. Горный Алтай

ство распространения в скифской среде эллинских культов, однако вероятнее, что подобные изображения переосмысливались скифами, трактовавшими их как иллюстрации к собственным мифам и воплощение своих богов и героев.

Согласно данным Геродота, особым почитанием у скифов пользовались семь главных богов. Первое место среди них принадлежало Табити — богине огня, стихии, считавшейся особо священной у всех индоиранских народов древности. Следом за ней в скифской религиозно-мифологической иерархии почитали супружескую пару — божества неба и земли Папая и

Апи, считавшихся прародителями людей и создателями всего земного мира. Четыре бога третьего «ряда» олицетворяли, видимо, этот земной, телесный мир. Среди них наиболее известен нам бог, воплощенный в древнем железном мече. Его скифское имя до нас не дошло, но зато Геродот подробно описывает способы поклонения ему. По словам историка, в каждой из областей Скифского царства сооружался из хвороста гигантский алтарь, посвященный этому богу. Водруженному на вершине алтаря мечу-акинаку приносили в жертву домашних животных и каждого соотопленного пленника.

Общескифской святыней был, по-видимому, огромный бронзовый котел, находившийся в урочище Эксампей, в междуречье Днепра и Южного Буга: по свидетельству Геродота, котел этот был отлит из бронзовых наконечников стрел, снесенных сюда — по одному от каждого воина — по велению скифского царя Арианта, желавшего таким образом выяснить численность своих подданных. Котел, конечно, не сохранился, но о его форме можно судить по многочисленным бронзовым котлам, зачастую находимым в скифских курганах. Что же касается размеров находившегося в Эксампее котла, то данные Геродота на этот счет, несомненно, преувеличены и имеют чисто легендарный характер.

В соответствии с древней индоиранской традицией скифское общество делилось на три сословия — воинов, жрецов и рядовых общинников: земледельцев и скотоводов. Каждое из сословий вело свое происхождение от одного из сыновей первопредка и обладало своим священным атрибутом. Для воинов им служил боевой топор, для жрецов — чаша, а для общинников — плуг с ярмом. Скифский миф повествует, что эти золотые предметы упали с неба в начале мира и с тех пор стали объектом почитания у скифских царей.

К мифической эпохе первотворения традиция относит и формирование политической структуры скифского царства, во главе которого стояло три царя. Такая поли-

тическая организация существовала, как мы знаем, и в эпоху скифо-персидской войны. Ее крупнейшие относятся к середине IV в. до н. э., когда царь Атей стал единовластным правителем Скифии. Эпоха Атея, к которой относятся почти все наиболее известные богатые скифские курганы,— период последнего подъема могущества скифов. Внутренние причины последовавшего затем упадка Скифии еще не вполне ясны исследователям.

Лучше известны нам способствовавшие этому внешние факторы. Так, античные источники сохранили сведения о серьезном поражении, нанесенном скифам в 339 г. до н. э. Филиппом Македонским, когда в сражении погиб и сам скифский владыка Атей, к тому времени уже 90-летний старец. Но главную роль в крушении Скифии сыграло нашествие с востока, из приуральских степей, сарматов — народа, принадлежавшего к той же, что и скифы, этноязыковой семье. Ко II в. до н. э. сарматы заняли уже все днепровское левобережье, а несколько позже проникли и на правый берег Днепра.

Описывая сарматское нашествие на Скифию, Диодор Сицилийский сообщает, что они опустошили значительную ее часть и, «поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню». Конечно, уничтожить все население Скифии эта катастрофа все же не могла. Остатки скифского населения сохранились, в частности, в многочисленных укрепленных городищах, возникших в это время по обоим берегам Днепра. В культуре их обитателей слились черты, унаследованные от эпохи расцвета Скифского царства, и те, что были принесены новым населением Причерноморья — сарматами. Но то была уже новая страница в истории региона.

* * *

Необходимо кратко коснуться и культуры тех частей евразийского степного пояса, которые располагались к востоку от Скифии. Материальная их культура в результате раскопок сотен и тысяч курганов

известна достаточно детально. Именно произведенные раскопки позволили выявить культурную близость обитателей евразийских степей и причерноморских скифов, хотя каждый из народов этого круга обладал и специфичными, лишь ему присущими культурными чертами. Курганы упомянутых племен были исследованы в низовьях Сырдарьи и в Центральном Казахстане, на Тянь-Шане, Памире и Алтае, в Минусинской котловине и даже в Восточном Туркестане.

Пожалуй, наибольшего внимания

заслуживают памятники так называемой пазырыкской культуры, обнаруженные в Горном Алтае. Климатические условия, характерные для зоны распространения пазырыкских памятников, и особенности конструкции присущих им погребальных сооружений привели к образованию в подкурганном пространстве локальных линз вечной

Войлочные фигурки лебедей из V Пазырыкского кургана. Горный Алтай

мерзлоты. Это обеспечило сохранение в могилах Пазырыка и некоторых других могильников данного региона предметов, изготовленных из органических материалов, обычно в земле бесследно разрушающихся. Среди них — одежда погребенных, украшения и утварь из резного дерева, войлочные и ворсовые ковры и т. д. Даже тела самих похороненных здесь людей, украшенные замысловатой татуировкой, хорошо сохранила вечная мерзлота.

С каждым поколением, даже с

отских курганов и грунтовый могильник VI—IV вв. до н. э. Особый интерес представляют несколько меотских святилищ IV в. до н. э., сооруженных на уже существовавших насыпях бронзового века. В святилище уляпского кургана № 1 среди многочисленных костей животных и человека оказалось большое число различных находок (бронзовые котлы, античные амфоры и бронзовые сосуды, орудия труда, детали конского убора, предметы вооружения, разнообразные золотые украшения). Наиболь-

Рягон. Уляп.
V—IV вв. до н. э.

каждым полевым сезоном знания о жизни, быте, культуре давно исчезнувших народов неуклонно пополняются.

* * *

Новейшие замечательные находки связаны с исследованием памятников Кубани. Обитателями этого региона в I тыс. до н. э. были племена меотов, которые относятся к иберо-кавказской языковой семье. Первые упоминания о меотах античными авторами датируются VI в. до н. э. Судя по Геродоту, Страбону, многочисленным эпиграфическим памятникам Боспорского царства, эти племена обитали в Восточном Приазовье и на Кубани.

В последние годы в Закубанье, близ адыгейского аула Уляп, Кавказская археологическая экспедиция ГМИНВ под руководством А. М. Лескова исследовала ряд ме-

отских курганов и грунтовый могильник VI—IV вв. до н. э. Особый интерес представляют несколько меотских святилищ IV в. до н. э., сооруженных на уже существовавших насыпях бронзового века. В святилище уляпского кургана № 1 среди многочисленных костей животных и человека оказалось большое число различных находок (бронзовые котлы, античные амфоры и бронзовые сосуды, орудия труда, детали конского убора, предметы вооружения, разнообразные золотые украшения). Наиболь-

ший интерес представляют две крупные золотые пластины в виде фигур шагающих оленей. Голова, прямо посаженная на могучей пшее, увенчана ветвистыми рогами, удивительно пропорциональное туловище на длинных стройных ногах как бы устремлено вперед. Таковы уляпские олени — замечательный образец скифо-меотского звериного стиля, где сочетаются реалистическая трактовка фигур этих благородных животных с условно переданными рогами в виде причудливого сочетания стилизованных головок грифонов.

Рягон. Уляп.
V—IV вв. до н. э.

стин, крепившихся между собой на деревянной основе из орешника с помощью серебряных гвоздиков, на каждый из которых напаяна золотая шляпка. На пластинах имеются обрамленные рельефами вырезы для клыков, глаз и ушей. Они закрыты золотыми вставками, крепившимися на деревянной основе под серебряными пластинами. Нижние края пластин, хотя и загнуты под прямым углом к плоскости с изображением кабана и имеют отверстия для крепления к основе, не сходятся между собой. Этот факт свидетельствует о том, что скульптура кабана служила навершием, надевавшимся на плоскую основу, выступавшую ниже основания пластин. Видимо, эта основа и крепилась на шесте.

Пластины со стилистически близкими изображениями кабана известны в скифском искусстве (степи Украины и Придонья). Однако круглая скульптура кабана, при создании которой были использованы разные материалы и виды техники (штамповка, гравировка, пайка), встречена в скифо-меотском искусстве впервые. Навершие в виде кабана также не были известны ранее. Второе навершие в виде скульптуры оленя восстановлено лишь частично (серебряная пластина туловища еще находится в реставрации). Удалось восстановить голову оленя, посаженную на стройную длинную шею. Скупыми, лаконичными средствами (продолговатыми вдавлениями отмечены ноздри и рот животного, несколько сложнее изображены глаза) мастер добивается редкой выразительности. Завершенность образу придают массивные ветвистые серебряные рога. Скульптурная голова уляпского оленя, созданная без всякого схематизма, условности и стилизации, может быть поставлена в один ряд с лучшими образцами раннего скифо-меотского искусства.

Великолепный комплекс находок обнаружен на ритуальной площадке, расположенной на вершине уляпского кургана № 4, вокруг которого располагался грунтовый могильник IV в. до н. э. Здесь были обнаружены человеческий череп.

три античных бронзовых сосуда, серебряная фиала, золотые гривна и бляшки, а также два ритона — золотой и серебряный. Золотой ритон в месте перегиба опоясывает пластина, все поле которой украшено проволочными накладками в виде буквы S со свернутыми спиралью концами. На основание ритона надет наконечник в виде трубочки, украшенной четырьмя плетеными поясками и завершающейся скульптурным изображением головы пантеры. Ее уши, имеющие треугольную, сердцевидную фор-

му, помогают определить место производства ритона. Подобная трактовка уха восходит к древностям хетто-хурритского круга и Нуристана. Позднее такая форма уха встречается в наиболее ранних изображениях пантеры, выполненных в скифском зверином стиле (клад из Зивие).

Уже с середины VI в. до н. э. в

*Навершие в виде
головы оленя.
Фрагмент. Уляп.
IV в. до н. э.*

памятниках скифо-античной торевтики такое изображение уха не встречается, а значит, имеются все основания считать этот ритон привезенным из Ирана или Малой Азии. Второй серебряный ритон на стройной рюмкообразной ножке имеет прямое высокое тулово с чуть отогнутым краем. Венец сосуда изнутри и снаружи опоясывает накладная золоченая пластина, украшенная снаружи пальметами и стилизованными цветами лотоса, выполненными тиснением и гравировкой. Ниже по тулову сосуда

размещены ряд накладных позолоченных пальмет и частично сохранившаяся фигурка Сатира. Плавно изгибаясь, ритон завершается протомой крылатого коня Пегаса, мощную шею которого венчает голова с золоченой гривой. Приподнятые уши, большие глаза, некогда инкрустированные янтарем, чуть приоткрытые губы, сквозь которые видны зубы и золоченый язык, раздутые ноздри, рельефно выделенные вены — таким представлялся мастеру божественный конь. Богатое золочение верхней

*Ритон. Уляп.
V в. до н. э.*

части, а также могучие золоченые крылья, грива, ремни оголовья и поводок, ярко выделяющиеся на фоне серебра, придают ритону торжественный вид, достойный царственного стола.

Большой интерес представляет фриз, опоясывающий среднюю часть тулова сосуда. На позолоченной пластине высоким рельефом художник с незаурядным талантом изобразил шесть противоборствующих пар, познакомив мир еще с одним вариантом отражения в прикладном искусстве древнегрече-

Гера, атакующая гиганта храмовым ключом.

Судя по иконографии персонажей, изображенных на фризе, ритон был создан не позднее середины V в. до н. э., в эпоху высшего расцвета античного искусства и культуры. Именно тогда творил безвестный мастер прикладного искусства, подаривший миру этот шедевр. Уляпский ритон с протомой Пегаса по праву входит в число уникальных произведений древнего искусства, открытых отечественной археологией.

190/191

Цивилизация скифов

ского мифа о борьбе богов и гигантов (гигантомахия). Среди богово-олимпийцев легко узнать Зевса, поражающего своего противника «перунами», Гермеса, изображенного дважды с кадUCEем в левой руке, Гефеста с кузнечными клещами и зажатой в них огненной крицей. В сцене, где богу помогает лев, вероятно всего, также следует видеть Зевса, ведь именно ему, любимцу матери богов Реи, помогает сопутствующий ей царь зверей. Если это предположение верно, то становится понятным, почему художник дважды использует отгиск с изображением Гермеса — тогда на двух крайних сценах обеих сторон фриза сражаются рядом одни и те же боги—Зевс и Гермес. Сложнее установить, какая из олимпийских богинь изображена на фризе. Не исключено, что это супруга Зевса

***

Ни один из древних народов не уходит с исторической сцены бесследно. Его культурное наследие переходит к его преемникам. Самый опутимый скифский пласт отложился в нартском эпосе, бытующем у разных народов Северного Кавказа. Среди этих народов, конечно, следует прежде всего называть осетин—ираноязычный народ, родственный если не самим скифам, то племенам скифского круга. Ныне нартский эпос—достояние самых различных кавказских народов, и в каждой его версии можно выявить элементы, восходящие к эпохе скифов—народа, жившего на земле в далеком прошлом, но оставившего в истории мировой культуры заметный и самобытный след.

Навершие в виде фигурки кабана. Уляп. IV в. до н. э.

Ancient
Civilizations
of Central
Asia

Древние
цивилизации
Средней
Азии

*Их культурное своеобразие
сохранялось и в
ахеменидскую,
и в греко-македонскую эпохи*

Чем шире разворачивается исследование прошлого Средней Азии, тем отчетливее становится выдающаяся роль этого региона в истории мировой культуры.

Давно были признаны достижения ученых, писателей, художников, архитекторов Средней Азии эпохи средневековья, но только недавно стало ясно, что фундаментом, на котором возникла эта блестящая цивилизация, являлись местные культуры эпохи античности. Парфия, Маргиана, Хорезм, Согд, Бактрия, Чач, Фергана — культура всех этих древних областей еще несколько десятилетий назад была практически не изучена, а воспринималась многими историками

как далекая периферия Ирана («внешний Иран»), лишенная культурной оригинальности. Открытие самобытных культур древней Средней Азии поставило вопрос об их истоках, и снова ответ дала археология — была обнаружена среднеазиатская цивилизация бронзовой эпохи.

В настоящее время периодизацию исторического развития древней Средней Азии можно представить следующим образом: конец III — рубеж II—I тыс. до н. э. —

цивилизации бронзового века; рубеж II—I тыс. до н. э.— начало раннего железного века и формирование местного классового (рабовладельческого) общества и государственности; VI в. до н. э.— завоевание значительной части Средней Азии Ахеменидами; конец IV в. до н. э.— завоевания Александра Македонского и начало эллинистической эпохи, конец которой в различных районах приходится на различное время (в Парфии—середина III в. до н. э., в Бактрии—130-е гг. до н. э. и т. д.). Последующий период был временем становления местной государственности и расцвета культуры народов Средней Азии в рамках складывавшихся крупных держав, в первую очередь Парфии и Кушанского царства. В IV—V вв. н. э. разворачивается кризис, знаменующий конец рабовладельческой и начало феодальной эпохи в истории Средней Азии.

Цивилизации Средней Азии возникают в различных историко-географических регионах. Природные условия здесь характеризуются значительными контрастами. Пустынно-степные ландшафты, и прежде всего пустыни Каракумы и Кызылкум, соседствуют с плодородными оазисами, орошаемыми Амударьей и Сырдарьей, целым рядом их притоков и менее значительных водных артерий. Весьма своеобразны высокогорные массивы Тянь-Шаня и Памира. В этих условиях в различной экологической ситуации происходило формирование культур, разных по своему облику и способам ведения хозяйства. Взаимодействие разнообразных культур является одной из специфических черт древней истории Средней Азии. Другая особенность зарождения здесь местных цивилизаций—ранние и тесные связи с древними очагами других цивилизаций Востока, прежде всего Передней Азии.

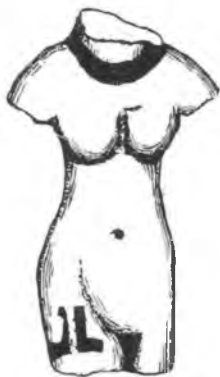
Эти две главные отличительные черты ярко проявились уже на начальных этапах истории племен и народов Средней Азии. В VI тыс. до н. э. на юго-западе Средней Азии, на узкой подгорной равнине между хребтом Копетдаг и пусты-

ней Каракумы, сложилась джейтунская неолитическая культура. Джейтунские племена вели оседлый образ жизни, возделывали пшеницу и ячмень, разводили мелкий домашний скот. Земледельческо-скотоводческая экономика обеспечивала подъем благосостояния и развитие культуры. Поселки джейтунских племен состояли из прочных глинобитных домов. Центром такого поселка был крупный дом—общинное святилище со стенами, украшенными живописью. Лучше всего сохранилась живопись в Песседжик-Депе, где была изображена сцена охоты. Ряд черт в строительном деле, глиняной посуде с несложной росписью и в других областях указывает на тесные связи с оседло-земледельческими культурами Ирана и Месопотамии, в первую очередь с культурой Джармо.

В V—IV тыс. до н. э. происходит дальнейшее развитие среднеазиатских земледельческо-скотоводческих общин. Они осваивают выплавку меди, начинают разводить крупный рогатый скот, а затем и верблюдов. Для орошения полей проводятся небольшие каналы. Так было положено начало ирригационному земледелию, дающему высокие урожаи.

Процесс хозяйственного и культурного развития вел к образованию на юго-западе Средней Азии первых городов и формированию протгородской цивилизации. Ее наиболее изученный памятник называется Алтын-Депе (исследования В. М. Массона). Для цивилизации Алтын-Депе, датируемой примерно 2300—1900 гг. до н. э., характерны некоторые черты, присущие развитым культурам древнего Востока. Ее центрами были два поселения городского типа—Алтын-Депе и Намазга-Депе. Эти «города» были обнесены крепостными стенами из сырцового кирпича, а ворота, ведущие внутрь застроенного пространства, обрамляли мощные башни-пилоны.

Центром Алтын-Депе был монументальный культовый комплекс с четырехступенчатой башней. В него входили многочисленные хранилища, дом главного жреца и гроб-

нича жреческой общины. При раскопках в гробнице была найдена золотая голова быка со вставкой на лбу из бирюзы в форме лунного диска. Весь храмовый комплекс был посвящен богу Луны, который в месопотамской мифологии часто представляется в образе быка огненного цвета. Другая линия культурных связей ведет в долину Инда, к городам и поселениям Харапшской цивилизации. На Алтын-Депе среди вещей, положенных в богатые могилы, и в составе кладов ценных предметов, замурованных в стены, были найдены харапшские изделия из слоновой кости. Обнаружены там и печати харапшского типа.

По материалам раскопок в составе населения городов Алтын-депенской цивилизации можно выделить три различные социальные группы. Рядовые общинники, ремесленники и земледельцы обитали в многокомнатных домах, состоявших из тесных каморок. Дома общинной знати более респектабельны: в гробницах состоятельных общинников обнаружены ожерелья из полудрагоценных камней, серебряные и бронзовые кольца и печати. Более заметны имущественная и социальная дифференциация на примере третьей группы населения—вождей и жрецов. Их большие дома имели правильную планировку и занимали площадь 80—100 кв. м. В гробницах, располагавшиеся в «квартале знати», помещались разнообразные украшения, в том числе из золота и серебра. Здесь же были найдены изделия из слоновой кости, явно привозные. Возможно, в хозяйстве знати уже применялся труд рабов. Не исключено, что последним принадлежат захоронения, лишенные каких-либо предметов и расположенные около богатых гробниц.

В середине II тыс. до н. э. пригородские поселения этой древнейшей цивилизации Средней Азии приходят в упадок и происходит перемещение основных центров на восток. В дельте р. Мургаб, по среднему течению Амударьи складываются новые оазисы оседлых земледельцев. По среднему течению Амударьи раскопан ряд укреп-

ленных поселений древних общин, но крупных населенных пунктов пока не обнаружено. Поселения укреплены стенами с башнями, широко распространяется боевое оружие, сделанное из бронзы. Это, возможно, указывает на постоянные войны. Многие черты культуры позволяют условно считать обитателей этих оазисов прямыми потомками создателей цивилизации Алтын-Депе, но вместе с тем в их культуре имеется ряд новых, принципиально иных явлений.

Таковы, в частности, плоские ка-

менные печати, на которых с незаурядным мастерством изображены драматические сцены борьбы быков и драконов, змей, атакующих тигра, и мифологического героя, побеждающего диких зверей. Некоторые из запечатленных на них образов свидетельствуют об усилении связей с Месопотамией и Эламом, культурное воздействие которых постоянно возрастает. К началу I тыс. до н. э. юг Средней Азии был зоной высокоразвитых культур древневосточного типа.

Одновременно с созданием на юге Средней Азии новых оазисов в северных областях расселяются племена степных скотоводов. В своеобразных условиях взаимодействия степняков севера и оседлых земледельцев юга и протекал интенсивно процесс развития на территории Средней Азии классовых отношений и становления государства. Технический прогресс в это время был связан в первую очередь с распространением железа. В

Золотая голова быка. Алтын-Депе. III тыс. до н. э.

X—VII вв. до н. э. железные изделия появляются на юге Средней Азии, а с VI—IV вв. до н. э. железо широко применяется для изготовления орудий труда уже на всей ее территории. В юго-восточном Прикаспии и в дельте Мургаба создаются сложные ирригационные системы. Следствием этого становится постепенное усложнение социальной структуры общества, находящее свое выражение в создании оазисной системы расселения (что предполагает существование четкой системы руководства

ожесточенным противодействием мощного союза кочевых племен, которые в античных источниках называются массагетами.

В конечном счете основные области обитания кочевников оставались независимыми, но главные оседлые оазисы вошли в состав державы Ахеменидов и были объединены в несколько сатрапий. Во главе бактрийской сатрапии, вероятно как одной из наиболее важных, часто находился член правящей ахеменидской династии. Сатрапии выплачивали центральному правительству налоги и поставляли воинские контингенты, местная аристократия становилась посредником в проведении таких мероприятий. Это способствовало усилению социальной дифференциации и нарастанию классовых противоречий. Так, при восшествии на престол Дария I в 522 г. до н. э. восстания и сепаратистские движения охватили государство, в том числе и Среднюю Азию. Особенно ожесточенными были столкновения в Маргиане. Царь Дарий в Бехистунской надписи сообщает: «Страна Маргиана стала мятежной. Одного человека по имени Фрада, маргианца, они сделали (своим) вождем. После этого я послал (гонца) к персу по имени Дадаршиш, моему слуге, сатрапу в Бактрии, (и) сказал ему так: «Иди, разбей войско, которое не называет себя моим». Затем Дадаршиш отправился с войском и дал бой маргианцам». Решающее сражение произошло 10 декабря 522 г. до н. э. В нем маргианцы потерпели поражение. В сражении было убито 55 243 человека и взято в плен 6972 из числа восставших. Сообщение о числе погибших и пленных явно показывает, что восстание в Маргиане было действительно народным.

Браслет из Амударьинского клада. Золото, бирюза. V или IV в. до н. э.

трудовыми усилиями общества в рамках оазиса), а также возникновение различных типов поселений. В частности, центрами оазисов были крупные поселения, имеющие цитадели, расположенные на мощных платформах, построенных из сырцового кирпича. В цитаделях находились монументальные дворцы правителей. Таково, например, раскопанное археологами поселение Яз-Депе в дельте Мургаба, в древней Маргиане.

Сходная по типу культура была распространена на территории Бактрии и, как показали новейшие археологические исследования, также в долинах Зеравшана и Капшкардаря, т. е. на территории страны, которая в древности называлась Согдом.

Когда Средняя Азия частично вошла в состав Ахеменидской державы, Ахемениды столкнулись с

Начиная с V в. до н. э. наступил период относительного спокойствия. Развиваются города, из которых крупным центром становится Мараканда, столица Согда, располагавшаяся в долине Зеравшана (на месте совр. Самарканда). Значительного развития достигают ремесла, налаживается регулярная международная торговля. Одним из наиболее популярных был путь

через Бактрию в Индию. Хотя местные черты остаются основными, но усиление связей с другими странами приводит к появлению иноземных традиций. Следуя канонам имперской столицы — Персеполя местные правители строят монументальные дворцовые здания. Такой дворец, например, был обнаружен на городище Калалыгыр в Хорезме. Здание было практически полностью построено (очевидно, на рубеже V—IV вв. до н. э.), но не обживалось, поскольку изменилась политическая ситуация. Хорезм добился независимости, и резиденция, в которой должен был обосноваться представитель ахеменидской администрации, была оставлена.

Слабеющая Ахеменидская империя потерпела сокрушительное поражение от армии Александра Македонского, однако удачливому полководцу пришлось силой отставить свои завоевания, и едва ли не наибольшие трудности у него возникли именно в Средней Азии. Последний ахеменидский сатрап Бактрии — Бесс — поспешил объявить себя «царем Азии» и попытался создать на базе восточных сатрапий новое государство. Однако при приближении греко-македонских отрядов Бесс бежал и вскоре был выдан Александру своими же соратниками. Серьезное сопротивление греко-македонцы встретили в Согде, где восстания народных масс под руководством энергичного представителя согдийской знати Спитамена почти три года сотрясали страну (329—327 гг. до н. э.). Александр Македонский подавил это народное движение жестокими методами. По сообщениям источников, было уничтожено 70 тыс. согдийцев.

В состав своей армии Александр включил согдийские и бактрийские контингента, а женитьба на Роксане, дочери знатного бактрийца Оксиарта, была столь же романтическим, сколь и политическим, актом. Много внимания было уделено градостроительству — в Бактрии, Согде и Парфии (области совр. Южного Туркменистана и северо-восточного Ирана) были основаны города, получившие наименование Александрии.

После смерти Александра Македонского Средняя Азия вошла в состав одного из государств, сложившихся на руинах новой империи, так и не успевшей окрепнуть. Это было государство Селевкидов, которое около 305 г. до н. э. распространило свою власть на Бактрию. Ранние селевкидские цари рассматривали восточную часть принадлежащей им державы как очень важный регион, стремились поднять его экономический потенциал и укрепить свой контроль над ним. Осуществлять эту политику

Ножны акивака с изображением льва и оленя. Слоновая кость, резьба, гравировка. VI — начало V в. до н. э.

Нашивная бляха с женской головкой. Серебро, литье, чеканка. Тахти-Сангин. II—I вв. до н. э.

Вотивный алтарь со скульптурой Силена. Камень, бронза. На алтаре надпись на древнегреческом языке: «По обету посвятил Атросок Оксу». Тахти-Сангин. II в. до н. э.

Азия вступила в полосу относительной стабилизации. Однако, как при Ахеменидах и Александре Македонском, политическая власть была чуждой для большинства местного населения. Тенденция к политической самостоятельности еще более усилилась с подъемом местной экономики. Да и Селевкиды рассматривали восточные сатрапии лишь как источник получения новых сил и средств для войн, ведущихся ими на западе. Соединение самых различных интересов и устремлений вело к созданию в Средней Азии самостоятельных государств. Около 250 г. до н. э. бактрийский сатрап Диодот объявил себя независимым правителем. Почти одновременно от Селевкидов отпала Парфия.

Особое место среди независимых среднеазиатских государств занимала Греко-Бактрия. Здесь сохранялась типичная эллинистическая структура общества — власть принадлежала завоевателям: грекам и македонянам. До недавнего времени почти совершенно отсутствовали археологические материалы, позволяющие судить о культуре этого своеобразного государственного образования. Однако недавно был открыт крупный греко-бактрийский город — городище Ай-Ханум (на территории совр. Афганистана), материалы которого позволили получить ясное представление о многих чертах греко-бактрийской культуры.

Интересные памятники греко-бактрийской культуры были обнаружены и в Таджикистане. Это прежде всего городище Саксонохур. В центре его находился большой дворцовый комплекс, своего рода уменьшенная копия дворца в Ай-Ханум. Еще более убедительны находки, сделанные на городище Тахти-Сангин (Каменное городище). Здесь выявлен храм, построенный по канонам «иранской» сакральной архитектуры: квадратная cella, окруженная коридорами, в центре — четыре колонны. Найдено значительное число великолепных произведений искусства — в качестве пожертвований их приносили в храм верующие. Среди них — парадное оружие и статуи; первое

пришлось сыну и наследнику основателя державы Селевка — Антиоху. В 292 г. до н. э. он был назначен соправителем отца с передачей ему в управление сатрапий, лежавших к востоку от Евфрата. Столицей его наместничества стали Бактры (Балх). Антиох энергично взялся за восстановление хозяйства. В Маргиане им была заново отстроена столица области, получившая наименование Антиохии Маргианской, а весь оазис окружен стеной протяженностью 250 км с целью оградить его от набегов кочевников.

При Антиохе в Бактрии чеканилась серебряная монета. Средняя

в большинстве случаев чисто греческого характера, с исключительными по красоте рельефами. Здесь найден и небольшой алтарь с бронзовой фигуркой силена Марсия и греческой надписью на нем — посвящением богу реки Оке.

На основании всех имеющихся источников можно утверждать, что в 80-е гг. II в. до н. э. греки Бактрии начали движение на юг — перевалили через Гиндукуш и предприняли завоевание областей Индии. Но в это же время произошло другое политическое событие, имевшее важные последствия, — против законных царей династии Евтидема восстал военачальник Евкратид. Во взаимодействии этих тенденций — постепенного расширения владений греко-бактрийцев на индо-пакистанском субконтиненте и постоянного дробления некогда единого государства на отдельные мелкие владения — и разворачивается вся дальнейшая история Греко-Бактрии.

В отличие от Греко-Бактрийского царства история Парфии пошла по иному пути. Первоначально независимость Парфии от Селевкидов провозгласил, как это было и в Бактрии, местный сатрап по имени Андрагор. Но вскоре страна была захвачена кочевавшими поблизости племенами, предводитель которых Аршак в 247 г. до н. э. принял царский титул. По имени основателя династии последующие правители Парфии принимали в качестве тронного имени имя Аршак. Первоначально новое государство было сравнительно небольшим и объединяло помимо собственно Парфии соседнюю Гирканию, область на юго-востоке Каспия. Но уже при Митридатe I (171 — 138 гг. до н. э.) началась активная экспансия на запад вплоть до Месопотамии. Парфия становится мировой державой. Древняя метрополия, располагавшаяся теперь на северо-востоке Парфянской державы, сохранила свое значение уже лишь как один из ее центров.

В середине II в. до н. э. Средняя Азия пережила серьезные события. Движение кочевых племен привело к гибели Греко-Бактрии и

едва не уничтожило Парфию. В тяжелой борьбе с кочевниками пали два парфянских царя, и лишь при Митридатe II (123 — 87 гг. до н. э.) эта угроза была локализована, а вторгшимся племенам была предоставлена для поселения провинция Сакастан (совр. Систан). Ввязавшись в затяжную конфронтацию с Римом, Парфия нередко терпела военные и политические поражения в борьбе с многоопытным и сильным соперником, также претендовавшим на главенство в Передней Азии.

С конца I — начала II в. н. э. происходит ослабление Парфянской державы, сопровождаемое ростом самостоятельности отдельных провинций, во главе которых стояли члены рода Аршакидов или представители других знатных парфянских семей. Гиркания, стремящаяся к независимости, направляет своих послов прямо в Рим; утверждается особая династия в Маргиане, первый представитель которой

Голова эллинистического правителя. Глина, алебастр с полихромной окраской. Тахти-Сангин. II в. до н. э.

по имени Санабар именуется себя на монетах тем же титулом, что и правящий Аршакид, — «царь царей». Возможно, власть маргианского правителя распространялась и на территорию собственно Парфии, или Парфиены. В 20-х гг. аршакидская Парфия полностью теряет свою самостоятельность под ударами основателя новой могущественной династии Арташира Сасанида.

Для ряда областей Средней Азии парфянский период был временем интенсивного развития городской жизни, подъема ремесленных производств и расширения сферы денежного обращения. В самой Парфии наиболее известным городом была Ниса, руины которой расположены около современного Ашхабада. Рядом с собственно городом находились царская резиденция и гробница старших Аршакидов. Многолетние раскопки советских археологов выявили замечательные памятники архитектуры, скульптуры и, как уже отмечалось, парфянский архив — его изучением занимаются известные советские востоковеды В. А. Лившиц и И. М. Дьяконов. Было обнаружено около 2 тыс. документов первичной хозяйственной отчетности царского хозяйства. Благодаря найденным документам получены новые данные об административной структуре Парфянского царства, о системе налогообложения и землепользовании. Большой интерес представляет анализ многочисленных рмен, календарной системы. Один из черепков представляет собой «памятную записку» о восшествии на престол царя. Исследование этих документов позволило восстановить «родословное древо» первых Аршакидов.

На социальную структуру Парфии определяющее воздействие оказало ее завоевание кочевниками-парнами. Кочевники поставили в зависимость местное оседлое население, которое, если верить античным свидетельствам, находилось «между рабством и свободой». Крестьяне Парфии, объединенные в общины, были прикреплены к земле, обработка которой рассматривалась ими как государственная

повинность. Они должны были платить значительные налоги. Большую роль в хозяйстве играл труд рабов. Существовавшая система управления требовала четкой работы административного и фискального аппарата, о чем, в частности, свидетельствуют нисийские хозяйственные документы. В них тщательно фиксировались натуральные поступления с общинных земель, храмовых и государственных хозяйств. Своеобразнейшее явление представляет собой парфянская культура. Синтез местных и грече-

Ритон. Слоновая кость. Ниса. II в. до н. э.

Серебряная монета с портретом Деметрия. Первая половина II в. до н. э.

ских начал в ней проявляется гораздо сильнее, чем в культуре Греко-Бактрии. Раскопки, проведенные в сакральном центре Парфии, на городище Старая Ниса (он носил название Митридатокерт, что означало «построенный Митридатом»), отчетливо высветили эту особенность парфянской культуры. Возведенные здесь здания типологически отражают либо иранские, либо еще более древние традиции. Характерный пример — так называемый квадратный зал, представляющий по устройству типичный иранский «храм огня».

«Круглый храм» восходит к очень древним концепциям погребальной архитектуры. Это здание своеобразной планировки, представляющей собой сочетание круга с квадратом: внутреннее помещение — круглое в плане, наружный же план — квадратный. Однако все постройки Старой Нисы несут на себе явные черты воздействия эллинской архитектуры. В их декоре постоянно присутствуют элементы греческого ордера, правда исполь-

Бутероль с изображением Гипокампессы. Слоновая кость. Тахтисангин. II в. до н. э.

зуемого не так, как это делалось в греческом мире, а только для оживления интерьера. Особенно интересной новой чертой в зодчестве Парфии является стремление к вертикальному развитию интерьера, разбивка внутреннего пространства здания на ряд ярусов.

Поражает своим разнообразием и скульптура Митридатокерта. Здесь были найдены небольшие мраморные изваяния, привезенные из Средиземноморья, вероятнее всего из Александрии. Особую известность получила статуя, изобра-

Замечательными образцами эллинистического искусства являются ритоны из слоновой кости, найденные при раскопках сокровищницы Митридатокерта. Сокровищница по своему устройству напоминает сокровищницу Ай-Ханум (к сожалению, они обе еще в древности были разграблены). Однако при раскопках были найдены вещи, не взятые грабителями. Среди них уже упомянутые мраморные статуи, ритоны, ряд фрагментов от парадной мебели, мелкие серебряные позолоченные статуэтки, изобража-

жающая Афродиту (так называемая Родогуна), — образец раннеэллинистической скульптуры, а также величественная статуя женщины, выполненная в архаизирующей манере. Наряду с мраморной скульптурой в Старой Нисе были найдены и фрагменты глиняной. Часть из них представлена в той обобщенной манере, которая характерна для среднеазиатской школы первых веков нашей эры, часть создана под греческим влиянием, а возможно, даже и самими греками.

ющие Афину, Эроту и других богов.

Одна из наиболее бросающихся в глаза особенностей парфянской культуры — явный разрыв в уровне культуры между крупными городскими центрами и деревней (округой). Проведенные в последние годы исследования сельских поселений в подгорной полосе Копетдага показали, что общинники жили в очень простых, небольших по размерам жилищах, сделанных из сырца, лишенных даже малейших

элементов декора. В быту они пользовались незамысловатой керамикой. Ни в одном из этих поселений пока не найдено ни одного произведения искусства.

Благодаря раскопкам и исследованию парфянских документов можно проследить постепенное усиление роли зороастрийских верований в духовной жизни Парфии. Как показали нисийские остраки, в Парфии использовался зороастрийский календарь, встречается много имен, связанных с зороастрийской традицией. Постепенно греческие надписи на монетах заменяются парфянскими, начинают появляться на них и зороастрийские религиозные символы. В поздней традиции сохранились сведения, что при царе Вологесе (Валарше) была проведена первая кодификация «Авесты».

Культура Маргианы в первые века нашей эры довольно сильно отличалась от культуры Парфии. Наиболее разительное отличие состоит в том, что в Маргиане популярны были небольшие терракотовые статуэтки, видимо представлявшие собой изображения божеств местного пантеона, в то время как в Парфии этих статуэток нет. Наиболее распространенными были изображения женских божеств, причем в первые века нашей эры происходит знаменательный переход от типов, навеянных образительными канонами эллинизма (обнаженная богиня, переданная в свободной позе), к типам более иератическим: неподвижное, прямое тело, одежды, богато украшенные нашивками, величественное лицо. Постепенно, однако, качество воспроизведений ухудшается, статуэтки вырождаются в чисто ремесленную продукцию.

Вторая особенность историко-культурного развития Маргианы — более сложный характер религиозной жизни, чем в Парфии. Здесь господствовал зороастризм (типично зороастрийский некрополь исследовался археологами возле Мунон-Деле). Сюда же в первые века нашей эры начал проникать и буддизм. В самом конце парфянского времени в пределах городских стен Мерва (городище Гяур-Кала) была

построена буддийская ступа. Культура Маргианы, как и в более раннее время, больше тяготела к культуре Бактрии, чем Парфии.

История Бактрии после падения власти греков и завоевания кочевниками (40-е гг. II в. до н. э.) условно «распадается» на два этапа. Вначале на ее территории существовало несколько мелких владений, созданных вождями кочевых племен. Эти вчерашние кочевники довольно скоро восприняли традиции оседлой культуры и проявили себя рачительными хозяевами.

Сцена в саду.
Слоновая кость,
резьба. Тахти-
Сангин. Первые
века н. э.

Ими в I в. до н. э. на территории Бактрии проводятся новые каналы, создаются земледельческие оазисы, строятся города. Вскоре один из таких правителей, по имени Ге-

рай, помещает на крупных серебряных монетах свое изображение в виде вооруженного всадника и сопровождает его надписью, сделанной греческим алфавитом, как бы символизируя связь двух начал — традиций кочевой степи и эллинистической государственности. Еще более показательно само название этого правителя — он именуется себя кушанцем. Дальнейший рост этого небольшого владения Герая привел в конечном счете к созданию Кушанской державы. Так было положено начало второму этапу в исто-

Айргамский фриз.
I—II вв. н. э.

рии Бактрии — уже в составе Кушанского царства.

Его основателем был Кадфиз I, который подчинил себе четыре небольших княжества, располагавшиеся на территории Бактрии. В результате вся Бактрия оказалась объединенной под властью нового правителя, который принял пышный титул «царя царей». Эти события предположительно приходится на I в. н. э. Новая держава обратила свои взоры к традиционным путям на юг, за пределы Гиндукуша, где Кадфизу I удалось утвердиться в ряде областей. Выпуск монет с индийскими надписями показывает, что в состав его владений вошло и индийское население. При Кадфизе I центр Кушанского

государства составляла Бактрия, столицей скорее всего был город Бактры. Дальнейшее расширение кушанских границ произошло при сыне и преемнике основателя государства Кадфизе II. Он присоединил к Кушанской державе значительную часть северо-западной Индии.

Наибольшую известность из числа кушанских правителей получили Канишка, но по вопросу о времени его правления среди исследователей существуют значительные расхождения. Главный центр Кушанской державы перемещается в сторону индийских владений. Столицей государства был город Пурушапура (совр. Пешавер).

Позднее Кушаны потерпели поражение в столкновении с Сасанидским государством, пришедшим на смену Парфии. Особенно важными были события середины IV в. н. э., когда сасанидские войска вторглись на территорию Бактрии, а сасанидские наместники на Востоке носили титулы «царя кушан» или даже «великого царя кушан». Таков был закат некогда могучей империи. Отдельные кушанские владения оставались еще независимыми, но единого Кушанского государства, простиравшего свои границы от Ганга до Амударьи, уже не существовало.

Кушаны унаследовали многие традиции бактрийской культуры, в том числе и материальной. Основу экономики составляло поливное земледелие, интенсивное развитие торговли и ремесел способствовало дальнейшему подъему городской жизни, в торговле все большее значение приобретали денежные отношения.

Кушанские города образовывали целую систему, связанную дорогами и караванными путями. На одном из первых мест стояли торговые связи с западными странами — Римской империей, и прежде всего с ее восточными провинциями. Эта торговля велась как по суше, так и по морю — через западные порты Индостана. Сухопутная дорога уходила на север через Ферганскую долину в Китай. По этим торговым путям перевозились разнообразные товары. В Рим везли

пряности, благовония, драгоценные камни, слоновую кость, сахар. Особенно большое значение имела торговля рисом и хлопчатобумажными изделиями. Транзитом из Китая доставлялись шелк, кожи и другие изделия. Крупнейшую международную торговую артерию того времени иногда даже именовали Великим шелковым путем. Из Рима доставляли ткани и одежды, рассчитанные на местные вкусы, изделия из стекла и драгоценных металлов, статуи и различные вина. В большом количестве ввозилась золотая и серебряная римская монета.

Едва ли не наиболее значительным достижением кушанского времени является высокий уровень культуры. В кушанской культуре (при всех ее локальных и временных различиях) в творческом единстве были сплавлены достижения местной цивилизации древневосточного типа, лучшие традиции культуры эллинизма, утонченность искусства Индии и особый стиль, принесенный кочевыми племенами из просторов Азии. Начальный этап этого синтетического кушанского искусства хорошо представлен материалами из погребений знати, открытых советскими археологами в Южной Бактрии на поселении Тилиа-Тепе (совр. Афганистан).

Здесь прослеживается несколько художественных традиций, повлиявших на раннекушанскую культуру. Так, сюжеты и манера исполнения сцен яростного противоборства зверей, сцепившихся в беспорядочно сплетенном клубке, фигуры животных, полные напряженной экспрессии, крылатые драконы вводят нас в мир художественной культуры кочевых племен Азии, перекликаясь с произведениями сарматского искусства. Другая группа сюжетов представляет чисто античную линию. Многие изображения сложны и пока не могут быть должным образом интерпретированы. Возможно, они воспроизводят местные, бактрийские образы, выступающие в сочетании с эллинистическими и индийскими зияниями. По находкам монет захоронения могут быть датированы

I в. до н. э.— первой половиной I в. н. э.

Видимо, примерно к тому же времени относится и Халчаян, представлявший собой династический центр одного из кочевнических владений на севере Бактрии (исследования Г. А. Пугаченковой). Скульптурный декор этого комплекса в сущности имеет только одну тему—прославление местной династии. Традиции эллинистического искусства здесь еще чрезвычайно сильны, но тема совершенно новая, навеянная идеями

Голова мужчины.
Фреска из Фаяз-Тепе. II—IV вв. н. э.

рождающейся монархической концепции власти. В отдельных скульптурах ощущаются индивидуальные портретные черты, но без раскрытия внутреннего мира персонажа. Перед нами ранний этап культурной интеграции, истоки замечательной кушанской культуры. Носителями новых культурных эталонов, дающих устойчивый набор от бытовой посуды до предметов

культы, становятся кушанские гермафродиты. Складывающаяся в них своего рода урбанизированная культура проникает, так же как и денежные отношения, в сельские поселения.

В кушанский период широко распространилось в Бактрии влияние буддизма. Памятники, как правило, щедро декорированы скульптурами, рельефами и живописью. Около Термеза раскопан буддийский пещерный монастырь Кара-Тепе (раскопки Б. Я. Ставиского). Здесь имелся целый ряд строений

открытого типа и пещерных келий. Другой монастырь, также находящийся в округе Термеза,—Фаяз-Тепе (исследования Л. И. Альбаума), наоборот, полностью наземный. Его центральную часть образует двор, по периметру которого шли кельи и молельни, а в центре находился зал общих собраний. Фаяз-Тепе богато украшен глиняно раскрашенной скульптурой и живописью, в которой фигуры донаторов (дарителей) выполнены под явным воздействием эллинистического портрета. Буддийское святилище с гипсовой скульптурой открыто в пригороде Дальверзина.

Большой интерес представляют надписи из Кара-Тепе и Фаяз-Тепе.

выполненные письмом брахми и кхароштки. Они написаны на пра-
ките — так называемом среднеин-
дийском языке. Исследование над-
писей, проведенное советскими
учеными и венгерским ученым
Я. Харматтой, показало, что в них
упоминаются названия различных
буддийских школ.

Кушанские правители, покрови-
тельствуя буддизму, стремились
вместе с тем утвердить и авторитет
светской власти. Таким памятни-
ком династийного культа являются
святилища Сурх-Котала, распо-
-

ложенные в Северном Афганистане к
югу от Пули-Хумри. Главный храм
с алтарем огня находился на высо-
ком холме, укрепленном крепо-
стной стеной. Наверх вела много-
ступенчатая лестница. В найденной
здесь надписи приводится и назва-
ние всего комплекса — Храм Ка-
нишка-Победитель. Возможно, на
территории Северной Бактрии ана-
логичным памятником являлся
Айртам, где еще в 30-е гг. были
случайно найдены каменные релье-
фы, близкие по стилистике ган-
дхарской скульптуре. В ходе архе-

206/207

*Древние
цивилизации
Средней Азии*

*Часть скульптурной
композиции.
Топрак-Кала.
III—IV вв. н. э.*

*Голова статуи. Гли-
на. Гяур-Кала.
II—III вв. н. э.*

*Фреска. Пенджикент.
VI в. н. э.*

ологических исследований здесь была обнаружена каменная плита с фрагментированной надписью.

Наряду с официальными культурами и религиями в Кушанском государстве существовали и местные народные верования. Интереснейшими памятниками, связанными с этими представлениями, являются многочисленные терракотовые статуэтки, находимые как в городах, так и в сельских поселениях. Другая характерная черта массовой народной культуры — терракотовые фигурки всадников,

входили плодородные оазисы в долинах Кашкадарьи и Зеравшана. Согд, судя по всему, был включен в состав Селевкидской державы Греко-Бактрийского царства. В его столице Мараканде, руины которой известны под именем Афрасиаб, расположены на окраине современного Самарканда, открыты крепостные стены и другие сооружения того далекого времени. В культуре видно влияние греческих образов.

Для суждения о различных сторонах жизни Согда большой интерес представляют «старые согдийские письма» — документы, происходящие из согдийских колоний в Восточном Туркестане. Написаны они на согдийском языке с использованием арамейской графики. Несмотря на трудности их прочтения, вызванные плохой сохранностью, они несут информацию о социальной культуре согдийского общества (упоминаются, например «свободные — благородные»), о положении женщины в обществе, хозяйственной деятельности и т. д. В последние годы советские ученые много сделали для изучения согдийской культуры первых веков нашей эры. На городище Ертурган был раскопан дворец правителя очень значительных размеров (120x90 м), возведенный на мощной платформе из сырцового кирпича.

Особое положение в древней истории Средней Азии занимал Хорезм, располагавшийся в низовьях Амударьи. Эта страна еще в IV в. до н. э. отделилась от Ахеменидского государства, и хорезмийский царь Фарасман в 329—328 гг. до н. э. явился к Александру Македонскому для переговоров. Уже тогда в Хорезме существовала развитая городская культура. Вскоре возможно, во время продвижения кочевых союзов на юг, в сторону Парфии и Греко-Бактрии, Хорезм подпадает под власть кочевых племен. Интересно, что, когда в I в. до н. э. выпускаются первые местные монеты, на их оборотной стороне уже помещено изображение правителя на коне.

Типичным городским центром древнего Хорезма является городище Топрак-Кала, раскопки которого

Голова правителя.
Топрак-Кала.
III—IV вв. н. э.

а то и просто оседланных коней как своеобразная память об основателях Кушанской державы и символ одной из основ ее вооруженных сил.

Кушанские культурные эталоны оказали значительное влияние на соседние страны и народы. Это, в частности, наблюдается в другой важной области древней Средней Азии — Согде, в состав которой

го ведутся советскими учеными уже несколько десятилетий. Его важнейшей частью была цитадель на кирпичной платформе многометровой высоты. Здесь располагались дворцовый комплекс с парадными залами и целый ряд подсобных строений. Залы богато украшены росписью и глиняной скульптурой. Наряду с влиянием традиций эллинистической художественной школы здесь можно усмотреть и воздействие кушанских эталонов, а в рельефах, изображающих пасущихся оленей, — даже воздействие непосредственных связей с культурой кочевых племен.

Город имеет четкую планировку, продольные и поперечные улицы членят пространство внутри прямоугольника городских стен на правильные кварталы, состоящие в свою очередь из отдельных домохозяйств. В дворцовом комплексе найдены хозяйственные документы, сделанные арамейской письменностью, приспособленной на этот раз к хорезмскому языку. Всего обнаружено более ста документов на пергаменте и 18 на дереве. В них, в частности, дан учет членов «домов-семей» (видимо, большесемейных общин), занимавших отдельные домохозяйства топрак-калинских кварталов. Численность таких общин колебалась от 20 до 40 человек. Имелись здесь и домашние рабы, причем число их достаточно велико — до 12 человек насчитывалось в отдельных домохозяйствах.

Основные достижения древнесреднеазиатской цивилизации были связаны с развитием конкретных местных культур — бактрийской, парфянской, согдийской и хорезмийской. Возможно, в рамках этих регионов шел процесс консолидации

отдельные народности — бактрийскую, парфянскую, согдийскую и хорезмийскую. В IV—V вв. н. э. основные городские центры во всех областях приходят в упадок, их сменяют укрепленные усадьбы и замки. Советские историки полагают, что эти перемены были связаны не только с вторжением коче-

вых племен — хионитов и эфталитов, но и с внутренним кризисом древних городских цивилизаций.

Культурное наследие древних эпох оказало заметное влияние на последующее развитие среднеазиатской цивилизации. Многие достижения в области материальной и духовной культур сохранились и развивались на протяжении столетий.

Замечательные достижения средневековой среднеазиатской астрономии имели, видимо, своим далеким истоком те наблюдения, ко-

Надпись на брахми.
Кара-Тепе

торые делались в таких сооружениях, как хорезмийская Койкрылган-кала, служившая одновременно храмом заупокойного культа и примитивной обсерваторией. Расцвет средневековой литературы был подготовлен древним эпическим творчеством. В частности, видимо, в Мерве родился сюжет популярного цикла «Вис и Рамин». Эпические сказания парфянской эпохи стали основой многих позднейших циклов. Тысячи нитей связывают изобразительное искусство Средней Азии античной и раннесредневековой эпох. Непрерыв-

Значительным было воздействие древней цивилизации Средней Азии на другие регионы древнего Востока и на античный мир.

Ancient Civilizations of Afghanistan

Древние цивилизации Афгани- стана

*Уже в древности
в Афганистане
сложилась
высокоразвитая культура*

Расположенный в сердце Азии Афганистан давно уже привлекал внимание специалистов своими древностями, но лишь после второй мировой войны здесь начались широкие археологические работы.

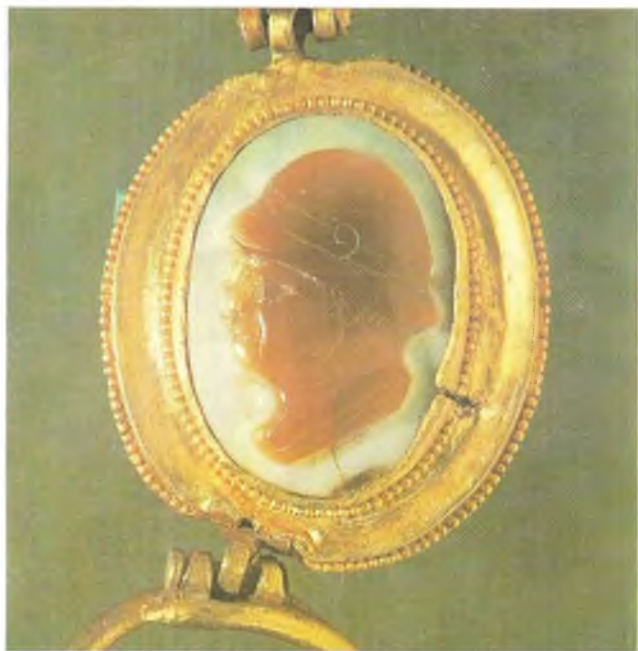
Они выявили многие памятники прошлого и позволили наметить эволюцию древних цивилизаций на территории Афганистана. Особенности географического положения этой страны делали ее в древности связующим звеном между многими цивилизациями: среднеазиатской, иранской, индийской, китайской.

В то же время местные культуры сохраняли своеобразие, присущее только им одним. Одна из особенностей древней истории Афганистана — наличие различных культур.

На севере его находилась Южная Бактрия (левобережье Амударьи), культурно близкая Северной Бактрии (правобережье Амударьи), но обладавшая и собственной спецификой. На северо-западе находилась Арея (Гератский оазис), которая как бы соединяла две культуры: бактрийскую и парфянскую. Степные районы запада дали жизнь цивилизации Сакастана, где в органическом единстве слились культуры древних земледельцев и пришедших с севера кочевников.

Своеобразным районом был юго-запад—вокруг современных Кандагара и Газни. Особая культура существовала в горных областях Центрального Афганистана (у античных авторов область Паропамисады). Наконец, районы Кабула и Джелалабада тяготели к культуре бассейна Инда.

Другой важной особенностью был неодинаковый темп исторического развития областей, выдвигавший в «лидеры» то одну, то другую из них. Однако с течением времени уровни развития сближались, а

Камень в золотой оправе. Тилли-Тепе. II—I вв. до н. э.

культуры синкретизировались и унифицировались. Конечно, к концу эпохи древности этот процесс еще не завершился, но определенная степень единства многих культур была уже достигнута.

Во II тыс. до н. э. наиболее ощутимый прогресс наблюдается на севере Афганистана. Здесь, на Бактрийской равнине, складывается новый центр древневосточной культуры. На плодородных землях, щедро орошаемых водами рек, стекающих с предгорий Гиндукуша, с начала II тыс. до н. э. основываются десятки и сотни поселений древних земледельцев. Поселки состояли из домов правильной планировки, построенных из стан-

дартного сырцового кирпича и отличающихся высокой культурой домостроительной техники. Так, бактрийцы, устраивая в своих домах внутрестенные очаги, одни из первых прибегли к технике, позволяющей направлять дым из помещения через специальные дымоходы. В поселках существовала развитая дренажная система, выводившая сточные воды за их пределы. Хотя большинство поселков еще не было укреплено, уже появляются единичные крепости, прямоугольные в плане и обнесенные мощными (до 4 м шириной) оборонительными стенами, усиленными по углам круглыми башнями.

Надо полагать, такие крепости служили резиденцией богатых семей. Это свидетельствует о социальном разделении бактрийского общества эпохи бронзы. На окраинах селений располагались гончарные мастерские, продукция которых отличалась разнообразием и вычурностью форм. Особенно эффектно выглядят изящные стройные вазы и кубки на высоких ножках, «соусники» и «чайники», миски, кринки, кувшины.

До недавних открытий советских археологов в Афганистане никто из ученых не предполагал, что в Бактрии существовал развитый и своеобразный очаг древней металлообработки. Из рук мастеров выходили сотни медно-бронзовых изделий: орудия труда и всевозможные украшения. Тяжелые, массивные топоры, по преимуществу церемониальные, со скульптурными изображениями птиц, животных и людей имеют прототипом так называемые луристанские бронзы Западного Ирана. Подлинным шедевром бактрийского искусства является уникальный серебряный топор в виде птицеголового демона с кабаном и крылатым драконом. Среди многих десятков простых медных булавок выделяются экземпляры с фигурными навершиями, в том числе в виде горных козлов, кабанов, птиц, людей, выполненных с большой экспрессией и реализмом. Золотые и серебряные сосуды сохранили чеканные, гравированные сцены, имеющие аналогии в иранском Хорасане.

Уникальная коллекция медных косметических флаконов со скульптурными фигурками представляет исключительно яркое явление в художественных традициях эпохи бронзы Передней Азии. Отдельные металлические изделия, и в первую очередь так называемые гарпуны, древних могил Бактрии перекликаются с находками в эламесопотамском мире, заставляя думать об их общем западном происхождении.

Столь же заметных успехов достигло в Бактрии камнерезное дело. Из светлых мраморовидных пород камня вытачивались сосуды разнообразных форм, а темный мягкий стеатит служил благодатным материалом для изготовления миниатюрных флаконов и парфюмерных коробочек, имевших косметическое назначение и нередко украшенных гравированными орнаментами, в том числе в виде извивающихся драконов. Высокий уровень искусства резьбы по камню демонстрируют составные статуэтки, выточенные из черного стеатита с приставками в виде головок из белого камня. Как правило, они изображают матрон, одетых в пышные одеяния шумерийского типа, украшенные резными «язычками».

Особое место в переднеазиатской глиптике занимают каменные амулеты и медные печати Бактрии. Среди них обращают на себя внимание амулеты с гравированными изображениями борьбы драконов и змей, олицетворяющих борьбу добра и зла. В свою очередь медные перегородчатые печати открывают неизвестный до сих пор пантеон древнебактрийских божеств, главное место среди которых занимают антропоморфные крылатые божества с птичьими головами.

О высоком уровне развития древнебактрийского общества свидетельствует светская и религиозная монументальная архитектура. Дворцы и храмы позволяют говорить о существовании особой школы древнебактрийского зодчества. В целом древний Афганистан уже в эпоху камня и бронзы выступает как высококультурный центр переднеазиатского мира.

Уровень развития общества периода железа лучше всего прослеживается по монументальной архитектуре. В Южной Бактрии советскими археологами исследован ряд памятников, давших информацию об этом ранее неизвестном виде искусства древнего Афганистана. Одним из них является Кутлуг-Тепе, основу планировки которого составляет система кольцевых коридоров. Культовое назначение его несомненно. Монументальный комплекс был исследован также в Дашлинском оазисе. Он носит на-

212/213

Древние цивилизации Афганистана

Серьги в виде амулетов. Тилля-Тепе. II—I вв. до н. э.

Золотой браслет с головками львов. Тилля-Тепе. II—I вв. до н. э.

звание Алтын-10 и состоит из ряда самостоятельных объектов. Один из них представляет собой прямоугольное здание размером 80x55 м, по четырем углам которого располагается по одному квадратному помещению с опорным столбом в центре; внешние углы этих помещений оформлены широкими пилястрами. Все сооружение разграничивается посередине серией вытянутых в цепочку помещений, которые в свою очередь делят его пополам. По обе стороны от этого центрального ряда помещений — два обширных двора. Каждый из них по трем сторонам имеет колоннадный портик — айван. Очевидно, это сооружение играло роль летнего дворца.

Второе сооружение представляет собой небольшое здание, организующим центром которого является внутренний двор с бассейном. Анфилада поразительно однотипных

Золотая фиала.
Тилля-Тепе.
II—I вв. до н. э.

Перстень с изображением Афины.
Тилля-Тепе.
II—I вв. до н. э.

Инталия с грифоном.
Тилля-Тепе.
II—I вв. до н. э.

помещении, идущих вдоль трех направлений, ограничена со стороны двора обводным коридором. Вход, располагавшийся с восточного фаса, имел по обе стороны привратницы. Угловые помещения того же фаса могли иметь купольные перекрытия. По всей видимости,

здание представляло собой зимний дворец местного правителя, выполнявший одновременно и культовое назначение.

Значительный рубеж в истории древних народов Афганистана приходится на 20-е гг. IV в. до н. э. Армия Александра Македонского захватывает все эти области, и вскоре греки здесь основывают ряд крупных городов — таких, как Александрия Оксиана (городище Ай-Ханум), Александрия Каписа (городище Беграм), Александрия в Арахосии (Кандагар) и ряд других. Вскоре после смерти великого македонца исторические судьбы двух частей Афганистана пошли различными путями. Области к северу от Гиндукуша стали составной частью державы, которую создал Селевк I, один из диадохов Александра. Это государство занимало огромную территорию — от Малой Азии до Бактрии.

Те части Афганистана, которые располагались к югу от Гиндукуша, вошли в состав индийской державы Маурьев. К царю Чандрагупте отошли Паропамисады (район Кабула — Джелалабада) и Арахосия (область вокруг Кандагара). Греки, уже достаточно прочно осевшие здесь, видимо, сохранили свое привилегированное положение. Не случайно, когда царь Ашока обращался к ним с проповедью, его эдикты переводились на греческий язык.

Только около 180 г. до н. э. судьбы двух частей страны снова сходятся: греки из Бактрии начинают завоевательные походы на п-ов Индостан; в результате этих походов под их властью оказываются и Паропамисады, и Арахосия, которые поздние Маурьи не могут уже удержать. Однако судьба самой Греко-Бактрии была предопределена: в 140-х гг. она погибла под ударами кочевников.

Весьма своеобразной была культура Греко-Бактрии. Это государственное образование продолжало традиции эллинистической государственности: власть в нем принадлежала завоевателям-грекам.

Политическая история его изучена пока недостаточно, характер культуры стал выявляться только

в последние годы благодаря раскопкам городища Ай-Ханум.

Александрия Оксиана после Бактр представляла собой один из двух крупнейших городов Бактрии того времени. В состав Греко-Бактрии входили также Согдиана со столицей Мараканда (Самарканд) и Маргиана со столицей Антиохия Маргиана (Мерв). Помимо этих центров в составе Греко-Бактрийского царства было множество средних и мелких городов и поселений. В поздней литературной традиции один из греко-бактрийских царей, Евкратид, назывался даже «владыкой тысячи городов».

Александрия Оксиана, видимо, наиболее типичный пример крупного греко-бактрийского города. Для его строительства было выбрано очень удачное место. Он располагался в месте впадения р. Кокча в Амударью. Здесь же находился высокий естественный холм с крутыми обрывистыми склонами, послуживший местом расположения городской цитадели. Вся территория города была обнесена мощной стеной, сложенной из сырцовых кирпичей, и усилена башнями. Верхний город практически не был застроен, видимо, из-за того, что туда нельзя было подать воду.

Территория нижнего города была занята жилыми и общественными сооружениями. Часть их имела типично греческий характер: театр на склоне холма, вмещавший до 6 тыс. зрителей, и огромный гимнасий, в состав которого входили помещения для спортивных упражнений и для школьных занятий. Здесь же находился бассейн. На территории гимнасия была найдена греческая надпись с посвящением греческим божествам Гермесу и Гераклу, которые в Элладе являлись покровителями гимнасиев. Ай-ханумский гимнасий был настоящим центром интеллектуальной и физической подготовки юношей-греков, местом приобщения их к эллинской культуре.

Свидетельством того, что греческая культура здесь сохраняла свою роль, служит, например, надпись, в которой говорится, что некий Клеарх (как выяснили уче-

ные, Клеарх из Сол — ученый раннеэллинистического времени) скопировал в Дельфах известные «максимы» (афоризмы, в которых в сжатой форме даются основные правила эллинского общежития) и привез в Ай-Ханум. Здесь же на каменной плите были вырезаны и некоторые из этих «максим». Еще более интересным было обнаружение отпечатков на глине какого-то исчезнувшего греческого текста, написанного на папирусе или пергаменте. Анализ немногих сохранившихся строк тем не менее неопро-

вержимо свидетельствовал, что это отрывок философского трактата школы перипатетиков.

Почти треть территории города занимал огромный дворец, в состав которого входили парадные, жилые и служебные помещения. Перед дворцом был обширный двор,

Золотая статуэтка
архара. Тилля-Теле.
II—I вв. до н. э.

окруженный колоннадой дорического ордера. В архитектуре дворца чисто греческие черты (использование коринфского ордера с колоннами изысканных пропорций и великолепными капителями) сочетались с чертами, унаследованными от древнего Востока (общий принцип устройства дворца и стремление к грандиозности). К дворцу примыкало здание сокровищницы, подвергшейся разграблению еще в древности. Однако археологи нашли там небольшое число монет, чудом уцелевших во время

по многочисленным находкам, хранилось оружие для многих сотен воинов, резиденции высших городских магистратов, храмы и жилые дома.

Особенно интересны храмы. В городе, где власть принадлежала грекам, где основная часть населения была греческой, архитектура храмов не имела ничего общего с архитектурой обычных эллинских святилищ. Кроме того, как показали исследования археологов, и ритуалы, совершавшиеся здесь, также не были похожи на греческие. Однако в этих храмах стояли типично греческие статуи божеств. Перед нами — первый шаг долгого процесса культурного взаимодействия Эллады и Востока, начавшегося с религиозного синкретизма. Это было естественным явлением: греки являлись политеистами, убежденными в том, что каждой стране покровительствуют свои боги и потому, прийдя в чужую страну, необходимо поклоняться и им. Следствием подобного понимания природы божеств и был религиозный синкретизм, ставший начальным этапом общего культурного синтеза.

Однако в этом феномене в Ай-Ханум присутствовал еще один, совершенно неожиданный аспект. Архитектура храмов, построенных греками в Бактрии, являлась не бактрийской, а месопотамской. Процесс культурного синтеза, таким образом, выглядит куда более сложным, чем того можно было ожидать. При раскопках Ай-Ханум была обнаружена скульптура — чисто греческая по своему характеру. Одна из статуй неоконченная. Это явно свидетельствует о том, что здесь работали скульпторы-профессионалы. Замечательными образцами медальерного искусства являются монеты греко-бактрийских царей.

Движение кочевников, сокрушившее Греко-Бактрию, привело к резкому изменению общей политической ситуации. Кое-где сохранились мелкие греческие царьки, правившие под контролем завоевателей. В Бактрии возникли пять отдельных кочевых владений, на территории Арахосии и в Северной

Статуэтка молящегося из буддийского святилища. Хадда. V в. н. э.

погрому, и несколько документов финансовой отчетности, написанных тушью на глиняных черепках. Кроме дворца были исследованы также остатки арсенала, где, судя

Индии существовали свои мелкие правители-кочевники.

Совсем недавно советские археологи открыли на севере Афганистана замечательный некрополь, принадлежавший семье одного из таких мелких правителей, кочевника по происхождению. Погребения поражают своим великолепием: в шести могилах было найдено более 20 тыс. предметов из драгоценных металлов. Однако особое внимание привлекает то обстоятельство, что здесь представлены вещи, выполненные в самых различных художественных традициях, причем заметно, что греческое искусство еще сохраняет, хотя и в угасающей форме, свою жизненную силу. Великолепны, например, две пряжки с изображением греческого воина, вероятнее всего бога Ареса, стоящего в полной паноплии македонского «офицера». Есть произведения, выполненные уже в духе греко-восточного синтеза, например пояс с изображениями богини Кибелы на льве или Диониса и Ариадны на каком-то чудовище, отдаленно напоминающем грифона. Целый ряд изделий—явно творение рук ремесленников, хорошо знающих вкусы кочевников. «Сибирский звериный стиль» здесь находит свое ярчайшее выражение. Заметны и влияния искусства Древней Индии.

Выдающимся памятником кушанской эпохи в Бактрии является уже упоминавшееся выше династийное святилище Сурх-Котал на самом юге области, возведенное древними строителями на высоком холме. На склоне холма были вырублены три огромные платформы, расположенные одна над другой. В середине находилась лестница, ведущая к храму, воздвигнутому на самой вершине холма. Фасад храма был обращен к востоку—к лучам восходящего солнца. Здание стояло посередине обширной эспланады, обрамленной по краям портиками. В нишах располагались статуи и скульптурные группы, видимо изображавшие членов правящей династии. Сам храм по периметру также был окружен колоннадой, но его целла представляла собой типичный «храм огня» с четырьмя колоннами и платформой в центре

между ними. На платформе находился алтарь.

Это было действительно династийное святилище, в котором в первую очередь почитался самый могущественный царь Кушанской династии—Канишка. Надпись выполнена на бактрийском языке, для которого использовался видоизмененный греческий алфавит.

Идея планировки, идущая из иранской традиции, широкое использование греческих архитектурных приемов, определенное влияние индийских религиозных представлений—таким предстает перед нами Сурх-Котал, самый выразительный памятник кушанской эпохи на территории Бактрии, настоящий символ культурного синтеза.

То же самое явление прослеживается на примере другого крупного культурного центра—Беграма. Здесь у городской стены было раскопано здание, точное назначение которого остается загадкой. В нем был обнаружен огромный склад произведений искусства, полученных из разных концов тогдашнего мира. Большое впечатление производит целый ряд панно из слоновой кости индийского происхождения, лаковые шкатулки из Китая, огромное количество вещей, поступивших некогда из пределов Римской империи: бронзовые статуэтки, стеклянные сосуды с росписью, серебряные блюда. Но самой интересной частью коллекции являются гипсовые матрицы с различными, главным образом мифологическими, сюжетами, предназначенные для копирования.

Великолепные образцы буддийского искусства найдены археологами во всех областях Афганистана. Важное значение древних цивилизаций Афганистана состоит в их роли «связующего звена»: испытывая влияния извне, они сами давали мощные импульсы развитию соседних культур. В сближении различных культурных традиций, их взаимосвязи и взаимообогащении, культурном синтезе—этом важнейшем процессе развития человечества в древности—огромная роль принадлежит цивилизациям, созданным народами, населявшими Афганистан в древности.

Ancient Indian Civilization

Древне- индийская цивилизация

*Индия издавна
считалась
„страной мудрецов“*

Одной из самых самобытных цивилизаций Востока была индийская. Ее вклад в общую культуру человечества поистине огромен. Уже в древности об Индии знали как «о стране мудрецов».

С очень раннего времени она находилась в тесных историко-культурных контактах со многими странами Востока и античным миром. Достижения индийской цивилизации оказали значительное воздействие на арабскую и иранскую культуры и науки. Многие античные писатели и философы стремились посетить Индию, чтобы познакомиться с ее оригинальными учениями о мироздании и месте в нем человека.

Результаты новых археологиче-

ских раскопок говорят о том, что Индия была заселена еще в глубочайшей древности: в различных районах открыты раннепалеолитические культуры. Прогрессивное развитие хозяйства и общественных отношений определило переход от палеолита к мезолиту и неолиту, памятники которых открыты в разных областях Индостана. Новые раскопки в Мехргархе (совр. Пакистан, французская экспедиция под руководством Ж.-Ф. Жариха) вскрыли последова-

тельное развитие местных культур от периода докерамического неолита до эпохи металла и позволили пересмотреть традиционную точку зрения об относительно позднем (IV тыс. до н. э.) по сравнению с другими странами времени возникновения оседлых земледельческих культур на Индостане. Теперь

можно говорить о том, что уже в VII тыс. до н. э. население культивировало многие злаки, одомашнило крупный рогатый скот, вступило в тесные контакты с синхронными культурами Ирана и Средней Азии. Индия встала в один ряд с древнейшими очагами культур Востока.

ХАРАПСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Одной из самых ярких страниц в истории древнеиндийской культуры была Харапская цивилизация. Когда в 50-х гг. прошлого века английский генерал А. Каннингем, руководивший археологическими работами в Индии, при осмотре древнего городища в Хараппе (совр. Пакистан) обнаружил печать с «неизвестными знаками», он, безусловно, и не подозревал, какой важности открытие было им сделано. До планомерных раскопок, которые начались лишь в 20-х гг. в долине Инда (раскопки в Хараппе и Мохенджо-Даро, что на языке синдхи означает «холм мертвых»), науке практически была неизвестна цивилизация, ныне называемая Харапской.

В настоящее время эта цивилизация предстает перед нами как высокоразвитая, возникшая на местной основе. Ее поселения обнаружены теперь на огромной территории: более чем на 1100 км с севера на юг и более 1600 км с запада на восток. По подсчетам ученых, в наиболее крупных городах проживало до 100 тыс. человек. В ту эпоху города были центрами торговли, ремесла, в них находились и административные власти, но большинство населения — земледельцы и скотоводы — продолжало жить общинами в сельской местности. В течение многих десятилетий ведут ученые спор о хронологии Харапской цивилизации. Сейчас наиболее принятой является следующая датировка: 2500 (2300)—1800 (1700) гг. до н. э.

О высоком уровне развития харапской культуры говорят строгая планировка при строительстве городов, монументальная архитектура, наличие письменности, систе-

ма мер и весов, произведения искусства. Раскопки в главных центрах показали, что они строились по заранее разработанному плану: улицы шли параллельно друг другу, пересекались под прямым углом; главные улицы были довольно широкими — до 10 м. Почти все крупные города состояли из двух частей: цитадели, которая возвышалась над городом, и «нижнего города». В цитадели находились, видимо, городские власти (некоторые ученые считают, что там же были и дома жрецов), в «нижнем городе» проживало основное население. Общение между двумя частями было, судя по раскопкам, ограничено: существовали специальные ворота, которые могли закрываться, дабы не допускать простых жителей в цитадель. Зажиточные горожане жили в двух- и даже трехэтажных домах.

Основным занятием населения было земледелие, жители культивировали пшеницу (несколько сортов), ячмень, горох, занимались садоводством. В некоторых поселениях были найдены остатки риса. В речных долинах широко использовали ирригацию. Были уже приручены домашние животные, разводили крупный рогатый скот, овец, коз, были одомашнены собака, кошка, осел. Население собирало два урожая в год, при посадках используя удобрения.

Харапские города были крупными центрами торговли, как внутренней, так и внешней. Судя по находкам печатей в городах Двуречья, особенно активной была торговля с Месопотамией. Она осуществлялась, очевидно, и морем, и сухопутным путем. Раскопки на о-ве Бахрейн показали, что здесь находился «перевалочный пункт»;

Стеатитовые печати. Мохенджо-Даро. Середина III тыс. до н. э.

вероятно, тут встречались торговцы из Индии и торговцы, направлявшиеся из Месопотамии на Восток. О морской торговле говорит открытие в Лотхале (харапский город недалеко от совр. Бомбея) печатей с изображением судов с мачтами.

Одна из самых сложных загадок Харапской цивилизации — язык и письменность. К настоящему времени найдено свыше 1 тыс. печатей с надписями, которые наносились также на керамику, металлические изделия. Ученые выделили более 400 различных знаков, но вопрос о том, каковы истоки этой письменности и на каком языке говорило население харапской культуры, — предмет острейших дискуссий. В последние годы к расшифровке харапской письменности и языка была применена новая методика — с помощью вычислительной техники. Эту работу вели параллельно советские ученые во главе с проф. Ю. В. Кнорозовым, который успешно занимался дешифровкой письменности майя, индийские и финские исследователи. Удалось установить не только направление письма — справа налево, но главное — подтвердилась уже высказанная ранее лингвистами точка зрения о принадлежности языка населения Харапской цивилизации к дравидийскому языку, вернее, к протодравидийскому.

После периода расцвета наступил закат, упадок культуры. Он протекал по-разному в различных районах, и, возможно, причины в каждом конкретном случае были неодинаковы (разливы рек, изменение климата, тектонические толчки, эпидемии и т. д.). В самое последнее время антропологи, применив новую методику анализа костных останков, пришли к выводу, что причиной гибели жителей населенных пунктов была малярия. Такое заключение не опровергает реальности факта прихода в Индию индоарийских племен, но, судя по историко-лингвистическим данным, это произошло на несколько веков позднее падения Харапской цивилизации.

Древнейший письменный памятник индоариев «Ригведу», по мне-

нию большинства современных ученых, следует датировать XI—X вв. до н. э. Данные ведийских текстов позволяют в общих чертах проследить продвижение индоарийских племен на восток и освоение ими областей Гангской долины. Это был продолжительный процесс, занявший несколько столетий.

Населению ведийской эпохи были известны многие злаки, в том числе ячмень, рис, пшеница, бобовые. Рисоводство появилось в результате широкого освоения долины Ганга. По мнению ряда ученых, рис не был известен индоариям до их прихода в Индию и искусство его выращивания они заимствовали у местных племен. Ведийские племена жили в небольших укрепленных поселениях, которые, как показывают археологические раскопки, мало чем напоминали крупные города Харапской цивилизации. Но постепенно в долине Ганга возникают города.

Ярким показателем развития имущественного и общественного неравенства явилось появление рабства. Рабами (даса) вначале становились военнопленные, но затем в рабскую зависимость стали попадать члены той же общины. Рабство было тогда еще неразвитым, патриархальным, ведийское общество стояло на уровне родоплеменной организации.

В ведийских сочинениях и эпосе упоминается большое число древних династий и названий древнейших государств в долине Ганга, однако вопрос об исторической реальности этих данных очень спорен и в большинстве случаев пока не подтверждается материалами археологии. Постепенно из большого числа государств первостепенное значение в долине Ганга приобрела Магадха. Древняя Магадха (на территории теперешнего Южного Бихара) занимала очень выгодное географическое, стратегическое и торговое положение. Страна вела оживленную торговлю со многими областями Индии, была богата полезными ископаемыми, в частности металлами. Древнейшей столицей ее являлась Раджагриха. При магадхском царе Удаине (461—445 гг.

Статуэтки богини-матери. Терракота. Мохенджо-Даро. Середина III тыс. до н. э.

до н. э.) столицей государства стала Паталипутра (совр. Патна), превратившаяся в крупнейший центр Древней Индии. Затем на магадхском престоле утвердилась

династия Нандов и была образована крупная империя. Созданное Нандами государство подготовило условия для организации крупной империи Маурьев.

ИНДИЯ В ЭПОХУ МАУРЬЕВ

Фигура жреца.
Мохенджо-Даро.
Середина III тыс.
до н. э.

Стеатитовая печать.
Мохенджо-Даро.
Середина III тыс.
до н. э.

Повозка с двойной упряжкой. Мохенджо-Даро. Середина III тыс. до н. э.

Создание Маурийской империи явилось важнейшим историческим событием в жизни страны. Впервые столь значительная территория (фактически весь Индостан, за исключением крайнего юга) вошла в состав объединенного государства.

У античных авторов имеются сведения о борьбе царя Чандрагупты из рода Маурьев с греко-

македонскими гарнизонами и наместниками, которые были «посажены» в Индии Александром Македонским. У Плутарха сохранилось даже любопытное сообщение о встрече в Пенджабе юного Чандрагупты с Александром. Так или иначе, удачная война с остатками греческих войск усилила позиции Чандрагупты и позволила ему двинуться из Северо-Западной Индии, где он находился, к Паталипутре. В ожесточенной битве с последним из нандских царей он одержал победу и завладел магадхским престолом.

Примерно в 314 г. до н. э. Чандрагупта стал полноправным правителем, основателем новой династии — Маурийской. Но политическая обстановка продолжала оставаться крайне напряженной. Особенно сложными были взаимоотношения с Селевкидами, которые создали свое государство как бы на развалинах империи Александра. Античные писатели рассказывают о военных столкновениях Чандрагупты с Селевком Никатором, тогдашним правителем этого государства, и о заключении между ними мира (в 303 или 302 г. до н. э.). Трудно с достоверностью описать ход этой борьбы, но, судя по результатам мирного договора (Селевк получил 500 боевых слонов, а маурийский царь — некоторые области на северо-западе Индии, которые раньше подчинил Александр), победа фактически оказалась на стороне Чандрагупты. После заключения мира Селевк направил ко двору маурийского царя своего посла Мегасфена.

Мегасфена при маурийском дворе сменил другой селевкидский посол — Деймах, который прибыл уже к царю Биндусаре — сыну Чандрагупты. В этот период Маурьи поддерживали дипломатические отношения и с птолемеевским Егип-

том — в Паталипутру был направлен Дионисий. Наследником Биндусары стал Ашока.

Благодаря его многочисленным надписям-эдиктам, найденным в различных частях Индии, мы знаем о важнейших политических событиях, системе управления, политике царя. Надписи позволяют довольно точно датировать начало его царствования: коронация Ашоки, очевидно, относится к 268 (267) г. до н. э. Места находок эдиктов царя дают возможность очертить границы его империи: она включала не только области Западной, Центральной, Восточной и Южной Индии (кроме крайнего юга), но и территории Пакистана и некоторые районы Афганистана. Сопоставление индийских и «внеиндийских» версий эдиктов царя Ашоки показывает, что основной текст указа составлялся в столице империи Паталипутре, откуда затем рассылались в различные провинции. Здесь местные писцы переписывали его на соответствующие локальные ди-

алекты и языки в зависимости от проживавшего там населения, внося в первоначальный текст особенности своего родного языка. Большинство эдиктов написано письмом брахми, и лишь версии на Северо-Западе — кхароштхи (этот шрифт сложился на основе брахми под влиянием арамейского письма).

Судя по эдиктам, Ашока особое внимание уделял буддизму. Согласно его собственному признанию, он посетил буддийскую общину — сангху, стал упасакой — мирянином-последователем учения Будды, а совершая путешествие по империи, направился в Лумбини — место, где, согласно бытующей традиции, родился сам основатель буддизма.

После смерти Ашоки империя была поделена на западную и восточную части. Наследники императора уже не могли сохранить былого могущества государства. В 180 г. до н. э. власть в Паталипутре перешла к представителю новой династии — Шунгов.

КУШАНСКАЯ И ГУПТСКАЯ ИМПЕРИИ

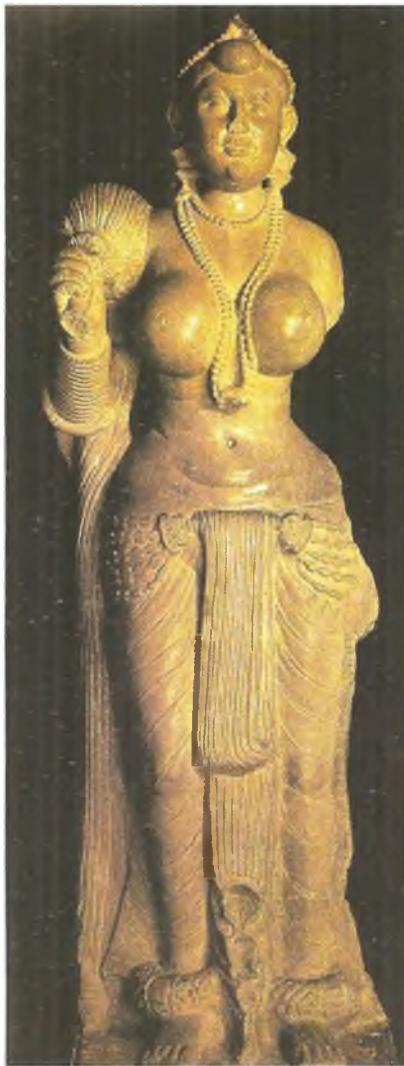
После падения Маурийской империи на северо-западе Индостана образовалось несколько небольших индо-греческих государств, политическая история которых восстановлена пока лишь в самых общих контурах. Наиболее известным индо-греческим царем был Менаандр, находки монет которого позволяют очертить границы его власти: Гандхара, Арахосия, некоторые районы Пенджаба.

Индо-греческим царям пришлось столкнуться с племенами саков, которые в I в. до н. э. проникли в Индию из Средней Азии. Вначале успех сопутствовал индо-грекам, затем сакам — в Северо-Западной Индии были созданы индо-сакские государства. Позднее политическая карта этого региона стала еще более пестрой: возвышаются индо-парфянские династии, которые старались захватить территории индо-греческих и индо-сакских правителей. Индо-парфяне особенно усилились при царе Гондофаре, но вскоре и им пришлось уступить власть новой могущественной дина-

стии — кушанской. Первоначально кушаны занимали области Бактрии в Средней Азии. Постепенно кушанские цари значительно расши-

*Сцева из Джвтаки.
Ступа в Бхархуте.
Эпоха Шунгов.
II в. до н. э.*

*Женская скульптура
из Дилдарганджа.
Эпоха Маурьев.
III в. до н. э.*

*Девушка, собираю-
щая цветы. Матхура.
Эпоха Кушан.
II в. н. э.*

рили территорию своего государства. При царе Куджуле Кадфизе они подчинили Арахосию, часть Парфии.

Сын Куджулы Вима Кадфиз распространил власть Кушан уже до низовой Инда. Процесс индианизации кушан получил отражение на монетах Вимы Кадфиза: на них изображается бог Шива, царь иногда величается Махешварой — одним из имен этого бога. При Виме была проведена важная денежная реформа: началась чеканка новой золотой монеты, номинал которой равнялся римскому аурею, и был установлен строгий номинал медных монет. Это, очевидно, вы- зывалось существованием в раз-

личных областях империи разными системами денежного обращения. Для централизации государства реформа по унификации монет имела большое значение.

К сожалению, имеющиеся материалы не позволяют дать точные даты правления Куджулы и Вимы. Мнения ученых по этому вопросу различны, но наиболее приняты сейчас такие даты: Кадфиз I — 25 г. до н. э. — 35 г. н. э.; Кадфиз II — 35—62 гг. н. э. (или несколько позже).

Самым известным кушанским правителем был Канишка, с именем которого связан расцвет империи, подъем экономики и культуры, утверждение и распространение «северного буддизма» — махаяны. Наши сведения о правлении Канишки основываются на небольшой серии надписей, ведущим счет времени по «эре Канишки», и данных нумизматики. Кроме того о нем сохранилось немало свидетельств в поздних буддийских сказаниях, в которых традиция рисовала царя как ревностного буддиста. Государство Кушан при Канишке заметно расширилось и включало области Бихара, некоторые территории Центральной Ин-

дии вплоть до р. Нармада. При Канишке Кушанская держава превратилась в одну из сильнейших держав древнего мира, конкурируя с Китаем, Римом и Парфией. В этот период особенно оживились связи с Римом. Возможно, что к кушанам относится сообщение античных авторов об индийском посольстве в Риме в правление императора Траяна (99 г. н. э.).

К сожалению, до сих пор остается крайне спорным вопрос о годах правления Канишки, о дате той «эры», которая упоминается в его надписях и надписях его наследников. В течение долгого времени ученые придерживались мнения, что «эра Канишки» началась в 78 г.

н. э., теперь многие специалисты склонны датировать начало его правления более поздним временем — первой четвертью II в. н. э.

Среди преемников Канишки наиболее известными были Хувишка и Васудева. В этот период при царе Васудеве стали уже заметны черты начавшегося упадка Кушанского государства. Его наследники вели упорную борьбу как с сильной державой Сасанидов (Иран), так и с местными династиями, утвердившимися в различных районах Ин-

Якши, разговаривающая с полугаем. Бхутесар. Эпоха Кушан. II в. н. э.

Богиня Лакшми среди лотосов. Матхура. Эпоха Кушан. II в. н. э.

дии. Наиболее упорной была борьба Кушан с Сасанидским Ираном в середине III в. н. э., когда при Шапуре I (241—272 гг.) в состав Сасанидской державы вошли западные области Кушанской империи. К концу правления династии Кушан принадлежали лишь области Гандхары. Затем почти все индийские владения Кушан стали частью Гуптской империи.

Укрепление Гуптского государства падает на период правления

Чандрагупты I, который носил пышный титул «правитель великих царей». Начало правления Чандрагупты — «эры Гуптов» — датируется 320 г. н. э.

Еще большего могущества империя достигла в правление Самундрагупты. Ему удалось захватить многие области долины Ганга и даже Декана. Области Юга, очевидно не вошедшие в состав империи, считались подвластными областями и выплачивали дань. В зависимом положении от Гуптов находились и некоторые районы Западной и Северо-Западной Индии. Тесные связи поддерживал Самундрагупта со Шри-Ланкой.

При Самундрагупте империя стала одной из крупнейших на древнем Востоке. Расширилось ее влияние, тесные связи были установлены со многими государствами. По данным эпиграфики, Самундрагупта правил до 380 г. Затем трон перешел к его сыну Чандрагупте II, царствовавшему вплоть до 413 или 415 г.

Фигура Чандрагупты II — одна из

самых популярных в индийской традиции, где он известен под именем Викрамадити (Солнце Могущества). Традиция связывает с периодом его правления творчество многих величайших писателей, поэтов и ученых. В современной индийской науке период Чандрагупты II нередко называется «золотым веком Гуптов».

После смерти Чандрагупты II на престол вступил его сын Кумарагупта (415—455 гг.). Вскоре после его смерти его преемнику Скандаргупте пришлось вести очень упорную борьбу с племенами гуннов-эфталитов, вторгшихся в Индию. При эфталитском царе Торамане (490—515 гг.) гуннам удалось продвинуться в глубь Индии, захватив Синд, районы Раджастан и Западной Индии.

Гупты еще в течение некоторого времени удерживали свою власть над Магадхой и другими территориями, но это были уже слабые потомки некогда могущественных гуптских царей. Так пала одна из крупнейших империй древности.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Достижения древних индийцев в самых различных областях — литературе, искусстве, науке, философии — вошли в золотой фонд мировой цивилизации, оказали немалое воздействие на дальнейшее развитие культуры не только самой Индии, но и ряда других стран. Особенно значительным было индийское влияние в Юго-Восточной, Центральной Азии и на Дальнем

поколение, бережно сохраняли. Эти обращения к богам, гимны и заклинания рисуют мир ведийского человека, его верования, представления о мироздании. Совокупность этих верований принято называть ведизмом. Ведизм не был общиндийской религией, а оставался лишь верованиями той группы индоарийских племен, которая заселила Восточный Пенджаб и Уттар-Прадеш явилось создателем «Ригведы» и других ведийских сборников (самхит).

Одной из характерных черт ведийской религии являлся политеизм — поклонение многим богам и божествам. Их обычно наделяли свойствами человека (антропоморфизм), но иногда они рисовались и как полубоги-полузвери (териоморфизм). Главным богом считался Индра — бог грозы, могущественный воитель. Хранителем мирового порядка и справедливости считался бог Варуна, особым почитанием пользовался бог огня Агни — заступник домашнего очага, «хра-

Большую роль в духовной жизни Древней Индии играла религия. Главным религиозным течением был индуизм (ему сейчас следует более 80% населения Индии); корни этой религии уходят в глубокую древность.

О религиозных и мифологических представлениях племен ведийской эпохи можно судить по памятникам того периода — ведам, содержащим богатый материал по мифологии, религии, ритуалу. Ведийские гимны считались и считаются в Индии священными текстами, их изустно передавали из поколения в

Фигура мирянина —
последователя буд-
дизма. Сангол.
Эпоха Кушан.
II в. н. э.

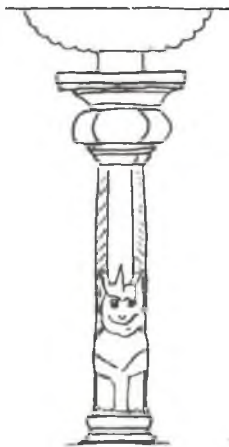

Сцена ритуального
опьянения в саду.
Матхура. Эпоха
Кушан. II в. н. э.

Сидящий будда
из Катре. Матхура.
Эпоха Кушан.
II в. н. э.

Ограда ступы.
Фрагмент. Саигол.
Эпоха Кушан.
II в. н. э.

нитель дома и людей»; бог Солнца Сурья ассоциировался с приходом дня, он развеивал мрак ночи, проезжая каждое утро на своей колеснице по небу. Индийцы эпохи вед разделяли весь мир, всю Вселенную на три сферы — небо, землю, антарикшу (пространство между ними), и с каждой из этих сфер ассоциировались определенные боги. К богам неба относились Сурья, Варуна, к земным — Агни и Сома — бог «опьяняющего напитка».

Для ведизма характерен синкретизм в описании богов; строгой иерархии божеств не существовало, не было верховного божества; обращаясь к конкретному богу, ведийцы наделяли его характеристиками многих богов, в каждый конкретный момент именно он представлялся главным, несущим счастье и отводившим болезни и беды.

Индиец эпохи вед обожествлял силы природы, одушевляя растения, горы, реки. Позднее оформи-

лось учение о переселении душ. Индийцы верили, что ведущий благостную жизнь отправляется после смерти в рай, грешника же ждут гонцы бога загробного мира — Ямы. Чтобы завоевать расположение богов, индийцы приносили им жертвы, молили о помощи, покое и богатстве. Конечно,

жертвоприношения не были одинаковыми — богатые устраивали пышные церемонии, бедные довольствовались поднесением цветов и «священной воды». В ведах рассказывается о жертвенном огне в честь богов, в который бросали зерна, возливали опьяняющий «напиток бессмертия» — сому, приносили в жертву животных.

Ведийские сочинения рисуют богатый духовный мир индийцев той далекой эпохи, сложные космогонические представления. Уже тогда человек задумывался над загадками мироздания, пытался постичь причины возникновения мира, появления всего живого на земле. Конечно, то были наивные попытки в мифологизированной форме объяснить тайны Вселенной. В ведийских гимнах выражается мысль о том, что даже боги не вечны, что творцом было некое «абстрактное божество», что из великана Пуруши родилось все — земля, небо, солнце, люди, боги. В «Гимне о

сотворении мира» основой бытия провозглашается нечто безличное.

Многие черты ведизма вошли в индуизм, хотя это была уже развитая религия, отражавшая иной этап в духовной жизни.

В индуизме на первый план выдвигается бог-творец, устанавливается строгая иерархия в пантеоне. Особую роль стали играть культы богов Брахмы, Вишну и Шивы. Так складывается триада, триединство (тримурти) этих главных божеств, воспринимаемое как проявление единого высшего божества. Брахма считался создателем и управителем мира, ему принадлежало и установление на земле социальных законов (дхарма), деление на варны; он — каратель неверных и грешников. Постепенно в тримурти особую роль стали играть Вишну (бог-охранитель) и Шива (бог-разрушитель), что привело к появлению двух основных направлений в индуизме — вишнуизма и шиваизма. Это оформление было закреплено в текстах пуран — главных памятников индуистской мысли, которые сложились в первые века нашей эры. Наряду с индоарийскими верованиями оба направления индуизма вобрали в себя и верования неарийского, прежде всего дравидийского, населения. Вообще для индуизма как религиозно-мифологической системы характерно включение верований разных племенных групп, их ассимиляция.

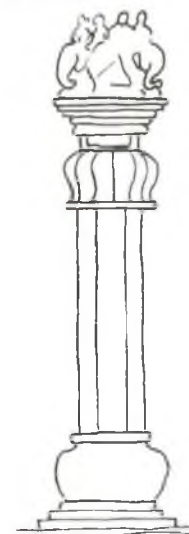
Включение в индуистскую религиозную систему различных культов, их соотнесение с образом Вишну осуществлялись благодаря концепции аватар, а именно учения о том, что бог Вишну нисходит в мир и, перевоплощаясь, является в различных образах.

В ранних индуистских текстах говорится о десяти аватарах («нисхождениях») Вишну: первая аватара связана с рассказом о потопе, когда Вишну, желая спасти людей, принял образ рыбы; вторая — о том, как Вишну, приняв образ черепахи, помог достать напиток бессмертия (амриту); третья изображает Вишну в виде вепря, который победил демона и спас землю от гибели; четвертая — в виде человека-льва, который благодаря титани-

Шива-Лингам.
Гуптский период.
IV—V вв.

Сцены с изображением Ямш. Матхура.
Эпоха Кушан.
II в. н. э.

ческой мощи смог одолеть демона; пятая — в виде карлика — рисует хитрость Вишну, который, приняв этот образ, сумел обмануть царя демонов и отвоевать у него землю; шестая — в виде Парашурамы («Рама с топором»), когда Вишну одолел кшатриев, захвативших власть на земле; седьмая — в виде Рамы, победившего злого демона-ракшасу Равана (рассказ о подвигах Рамы составил сюжет знаменитой эпической поэмы «Рамаяна»),

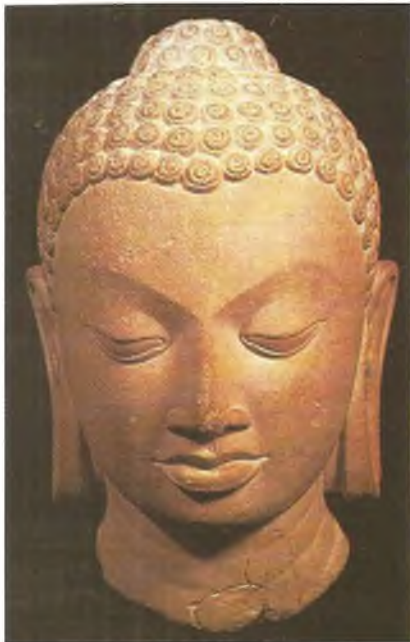
В восьмом «нисхождении» он предстает в облике Кришны — героя племени ядавов. Эта аватара — одна из самых популярных, а Кришна стал излюбленным персонажем многих сочинений. Культ Кришны приобрел такую популярность, что его последователи выделились в самостоятельную ветвь вишнуизма — кришнаизм. Девятая аватара — в образе Будды — результат включения в индуизм буддийских представлений. Десятая — в виде Калки — отражает представление о том, что Вишну в конце века Кали явится в образе всадника и разрушит все несчастья, восстановит порядок и справедливость на земле. В позднем индуизме на первый план выдвигается аватара Кришны. По мнению ряда ученых, имя Кришна — местного, доарийского происхождения.

Большую популярность очень рано приобрел культ Шивы, который в триаде главных богов олицетворяет собой разрушение. Но в мифологии Шива ассоциируется с разными качествами — он и божество плодородия, и аскет, и покровитель скота, и танцор-шаман. Это свидетельствует о том, что культ Шивы вобрал в себя разные местные верования.

Религиозные концепции индуизма оказывали большое влияние на различные стороны жизни древнеиндийского общества, в том числе и на социальную сферу. Система варн считалась священной, от верующих требовалось строгое выполнение уже predeterminedенного долга и социальных обязанностей; считалось, что стать индуистом нельзя, им можно только родиться. Особого развития индуизм достиг в

средние века, став основной религией населения.

Из огромного числа религиозных и религиозно-философских сочинений индуизма наибольшей популярностью уже в древности пользовалась и продолжает пользоваться сейчас «Бхагавадгита» («Песнь Бхагавата»). Это сочинение составляет часть эпической поэмы «Махабхарата», но оно может рассматриваться как вполне самостоятельное произведение. Основное содержание сводится к диалогу воина Арджуны с Кришной — земным

воплощением верховного бога. Но это не просто диалог, а наставления о судьбе человека, о высокой морали, о чувстве долга, о мирском и божественном. В центре поэмы — описание путей, которые ведут верующего к религиозному «освобождению». Главным признается любовь к богу (бхакти).

«Гита» стала своего рода символом духовной жизни Индии. К ней не раз обращались многие выдающиеся общественные деятели, писатели, художники, о ней с восхищением говорили М. Ганди, Дж. Неру, Р. Тагор.

Значительно позднее, чем ведизм, сложился в Индии буддизм, но через несколько столетий имен-

Голова Будды.
Гуптский период.
IV—V вв.

но он перешел границы Индии, утвердился во многих странах Азии, стал одной из трех мировых религий.

Как отмечалось выше, Сиддхартха Шакьямуни («отшельник из рода Шакьев») — создатель буддийского учения — родился в 563 г. до н. э. в местечке Лумбини (совр. Непал) в кшатрийской семье. Когда ему было 40 лет, он в Сарнатхе (около совр. г. Варанаси-Бенарес) «достиг просветления» и стал называться Буддой, т. е. «просветленным». Достоверных исторических

истинам. В них по традиции Будда изложил причины человеческих страданий и наметил «путь освобождения».

Традиция приписывает Будде и слова о том, что, подобно тому как вода в океане имеет привкус соли, так и его учение имеет «вкус освобождения». Жизнь — страдание, которое возникает в связи с желанием, стремлением к земному существованию и его радостям. Поэтому следует отказаться от желаний и следовать «восьмеричному пути» — праведным взглядам, праведному поведению, праведным усилиям, праведной речи, праведному образу мыслей, праведной памяти, праведному образу жизни, праведному самоуглублению.

Не случайно огромное значение в буддизме играла этическая сторона. Нравственный аспект в поведении человека должен был занять особое место. Следуя «праведному пути», человек, согласно учению Будды, должен полагаться на самого себя, а не искать помощи, защиты и спасения извне.

Буддизм не признавал существования бога-творца, бога-созидателя, который, согласно индуизму, порождает все в мире, в том числе человека, и от которого зависит человеческая судьба.

Несмотря на выдвигаемые идеи о всеобщем равенстве людей по рождению, о демократическом характере буддийской монашеской общины — сангхи, буддизм не является радикальным социальным движением. Причина всех мирских тягот, земных страданий и социальной несправедливости, согласно буддийским проповедям, заключается в личном «ослепении» человека; она объясняется его неспособностью отказаться от мирских желаний. Преодолеть земные страдания можно, согласно буддийскому учению, лишь погашением всяких реакций на мир, уничтожением сознания собственного «я».

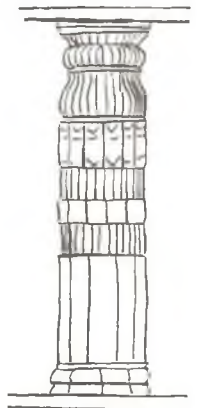
Однако буддизм выступал против резких кастовых перегородок, за равенство людей по рождению, и это, естественно, привлекало к нему торговые слои, разбогатевших вайшьев, которым брахманизм отводил весьма скромное место в

Бог Вишну.
Гуптский период.
IV—V вв.

данных, синхронных жизни Будды, не сохранилось, но можно говорить об историчности основателя буддийского учения независимо от того, насколько права традиция о событиях его биографии и самом его имени.

Как и всякая религия, буддизм содержал в основе доктрины идею о спасении — в буддизме постижение этого «освобождения» именуется нирваной. Достигнуть нирваны, учили ранние буддисты, могут лишь монахи, хотя стремиться к ней должен каждый верующий. На этом долгом пути к «освобождению» необходимо следовать основным заповедям, прежде всего так называемым четырем благородным

*Бог богатства
Кубера. Матхура.
Гуптский период.
V в. н. э.*

*Дворцовая сцена.
Эпоха Сатаваханов.
II в. до н. э.*

общественной и социальной иерархии. Буддизм нашел поддержку и среди кшатриев.

К периоду Маурьев в буддизме оформились два основных направления — стхавиравадины (последо-

ватели «учения старейших») и махасангхики (сторонники «большой общины»). Последнее направление явилось, очевидно, основой учения махаяны («большая колесница», «широкий путь»), последователи которого стали отличать себя от приверженцев хинаяны. Термином «хинаяна» («малая колесница», «узкий путь») махаянисты называли сторонников, с их точки зрения, более замкнутого и ортодоксально-го буддийского направления. Но открытого конфликта между представителями этих школ в Индии не было.

Древнейшие махаянские тексты появляются, очевидно, еще в I в. до н. э., но большая часть их датируется первыми веками нашей эры.

Одним из важнейших в доктрине махаяны являлось учение о бодхисатве. Понятие бодхисатвы было и в хинаяне, но в махаяне культ бодхисатв приобрел особое значение. Считалось, что бодхисатва — существо, обладающее способностью стать Буддой, приближающееся к достижению нирваны, но из великого сострадания к другим существам и всему миру отказывающееся вступить в нирвану. Если, по учению хинаянистов, нирваны могли достичь только монахи, полностью порвавшие с мирской жизнью, то, согласно махаяне, высшее «освобождение» было доступно и мирянам.

Иной была в махаяне также трактовка образа основателя учения Будды и самого понятия «будда». Если в хинаяне Будда считался реальным историческим лицом, указывающим верующим пути и способы «освобождения», то в махаяне он рассматривался как всевышнее абсолютное существо. В махаяне будды и бодхисатвы становятся объектом почитания. Особое значение приобретают ритуал и обрядность.

Поскольку достижение нирваны, согласно махаяне, происходит с помощью бодхисатв, то верующие старались добиться их расположения, делая богатые подношения. В первые века нашей эры буддийские монастыри превратились в крупных собственников, которым цари — последователи буддизма и другие

богатые донаторы дарили земли, давали большие денежные суммы, различные ценности.

Перейдя границы Индии, буддизм нес в другие страны и многие традиции индийской образованности, а также произведения как религиозного, так и светского характера. С санскрита на тибетский и китайский языки переводились многие литературные и научные сочинения. В тибетском буддийском каноне большую часть составляют санскритские в своей основе сочинения. Через буддийское посредничество с индийской культурой познакомился Китай. В первые века нашей эры на китайский язык было переведено несколько сот санскритских текстов.

В Древней Индии очень высокого развития достигла философия. Наиболее известной школой древнеиндийских материалистов была локаята. Локаятики выступали против основных положений религиозно-философских школ, в том числе против идеи религиозного «освобождения» и всеислия богов. Основным источником познания они считали чувственное восприятие. Большим достижением древнеиндийской философии было атомистическое учение школы вайшешика, находящее определенные аналогии с учением Демокрита. Патанджали — основатель школы йоги — специальное внимание уделял разработке вопросов человеческой психологии. Одним из крупнейших махаянских философов был Нагарджуна, выступивший с концепцией «всеобщей относительности», или «пустоты» (шунья-вада). Его идеи оказали большое влияние на судьбы буддийской философии в Тибете и Китае, а разработка им логических категорий во многом предопределила развитие школы логики в Индии. Школа санкхья (доел, «счет») отразила многие достижения древнеиндийской науки. К концу древности наибольшее влияние приобрела идеалистическая школа веданта, создателем которой был выдающийся философ и проповедник Шанкара, но немалую роль в развитии индийской философии сохраняли и рационалистические концепции.

Древнеиндийская литература по праву занимает одно из самых почетных мест в истории всемирной литературы. Она очень многообразна и по своим жанрам, и по языково-культурным традициям, поражает глубиной, оригинальностью содержания, исключительно поэтична. Древняя Индия подарила миру таких великих писателей, как Калидаса. Его творчество явилось одним из важнейших этапов в культурном развитии страны. Когда в конце XVIII — начале XIX в. появились первые переводы его сочинений на западноевропейские языки, к Калидасе обратились крупнейшие писатели и поэты Западной

Европы. Рано познакомились с творчеством Калидасы и в России.

Историю древнеиндийской литературы принято подразделять на несколько этапов — ведийский, эпический, период классической санскритской художественной литературы (так называемая литература кавья), хотя наряду с сочинениями на санскрите существовала богатая литературная традиция на пракрытах (среднеиндийских языках) и на дравидийских языках, прежде всего тамильском. Для первых двух этапов характерно преобладание устной традиции передачи текста —

Сидящий Будда.
II—III вв.

черта, прослеживаемая и в последующие периоды развития художественной литературы Древней Индии.

Подлинными энциклопедиями индийской жизни являются две великие эпические поэмы Древней Индии — «Махабхарата» и «Рамаяна», которые запечатлели все стороны жизни древних индийцев и оказали огромное воздействие на дальнейший ход развития индийской культуры.

Образы и сюжеты эпоса вошли составной частью в общенациональную традицию страны, к ним обращались и обращаются выдающиеся деятели театра, музыки, изобразительного искусства. Эти ставшие священными эпопеи вышли за границы Индии и уже в раннее средневековье стали весьма популярными в Непале, Камбодже, Индонезии, Тибете, на Дальнем Востоке. По силе художественного воплощения, гигантскому объему и воздействию на культуру многих народов поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна» справедливо сравнивают с «Илиадой» и «Одиссеей» («Махабхарата» содержит 100 тыс. двустиший, «Рамаяна» — 24 тыс.).

Окончательная редакция «Махабхараты» и «Рамаяны» относится к первому веку нашей эры, но путь сложения героического эпоса занял огромный по времени период: эпос вобрал в себя различный материал, который, складываясь в устно-поэтической традиции, все более приобретал дидактический характер, пронизывался религиозно-философскими идеями и включал в себя сочинения собственно религиозного содержания.

Основная канва «Махабхараты» — повествование о соперничестве двух царских родов — Кауравов и Пандавов, о 18-дневной битве на поле Куру. Авторство поэмы традиция приписывает мудрецу Вьясе.

В основе повествования «Рамаяны» — рассказ о походе на о-в Ланка царя Рама для спасения своей возлюбленной Ситы, похищенной царем демонов Раваной. Рама и Сита стали любимыми героями миллионов индийцев; их преданность друг другу, победа добра

над злом и сегодня остаются в Индии символом благородства и высоких нравственных идеалов.

Эпические поэмы были переведены на многие восточные языки, особенно они были популярны в Юго-Восточной Азии, где на их основе издавались оригинальные местные сочинения.

Многие сюжеты эпоса составили канву художественных сочинений последующих эпох, они очень популярны в современной Индии. Так, сказание о Шакунтале составило сюжет одной из драм Калидасы. Его перу принадлежит много пьес, эпических и лирических поэм: драма «Шакунтала» («Узнанная по перстню Шакунтала»), «Маялика и Агнимитра», «Викрамоурваши» («Мужеством добытая Урваши»), поэмы «Мегахдута» («Облако-вестник»), «Кумарасамбхава» («Рождение Кумарь»), «Рагхувамша» («Род Рагху»). Время жизни этого великого мастера точно не установлено, но большинство ученых относят его к IV—V вв. н. э. — эпохе могущества Гуптской империи.

Эпоха Гуптов была временем развития древнеиндийского театра, и это нашло свое отражение в появлении специальных трактатов по драматургии. В одном из них, «Натьяшастре», подробно излагаются задачи театра, различные виды представлений, рассказывается об игре актеров, о технике сцены и т. д. Уровень древнеиндийской драматургии был настолько высок, что многие индологи XIX — начала XX в. считали, что театральное искусство расцвело в Индии под непосредственным влиянием греческого театра, однако, хотя и существовали связи Индии с античным миром, театр возник в ней самостоятельно и, более того, индийская театральная традиция древнее греческой.

Большую популярность среди санскритских сочинений приобрела «Панчатантра» — сборник рассказов и притч, в значительной степени основанных на фольклорном материале. «Панчатантра» была переведена на многие языки Азии, в том числе на пехлеви, сирийский, арабский. Сохранились ее монголь-

ские, тибетские, лаосские, малайские переводы и редакции. На Ближнем Востоке она была известна под названием «Калила и Димна». Ее сирийский перевод «Стефанит и Ихнилат» лег в основу древнерусских переводов. В целом известно более 200 переводов «Панчатантры».

Наряду с санскритскими сочинениями, связанными с брахманистско-индуистской традицией, в Древней Индии существовала богатая литература, относившаяся к иной — буддийской (санскритская и палийская) — традиции. Наиболее ярким дарованием выступает здесь писавший на санскрите поэт и драматург Ашвагоша (I—II вв. н. э.). Его поэма «Буддхачарита» («Жизнеописание Будды») свидетельствует о появлении в Индии нового жанра — искусственного эпоса, где очень сильно чувствуется влияние народной поэзии. Другая его драма, «Шарипутрапракарана» («Пракарана об обращении Шарипутры»), оказала заметное влияние на последующее развитие индийской драматургии.

Высокого уровня достигла в Древней Индии теория литературного творчества, в том числе поэзии. Подробно разрабатывались правила стихосложения, составлялись специальные тексты по метрике, трактаты по поэтике. Одно из ранних сочинений по поэтике, «Кавья-аланкара» («Поэтические украшения»), принадлежит перу Бхамахи (IV—V вв. н. э.). Постепенно оформляется несколько школ «поэтической науки», ведущих между собой споры о сути поэзии, о художественных приемах, жанрах, поэтическом языке.

Среди ранних литературных памятников на тамильском языке прежде всего следует указать на «Курал», авторство которого местная тамильская традиция связывает с Тируваллуваром. Этот сборник изречений отразил длительную историю самостоятельного развития литературной традиции дравидийского населения Индии и вобрал в себя многие фольклорные элементы. «Курал» и по сей день исключительно популярен в Индии.

Первые по времени памятники

архитектуры и изобразительного искусства Древней Индии относятся к эпохе Харапской цивилизации, но наиболее яркие образцы были созданы в Кушано-гуптскую эпоху. Высокими художественными достоинствами отличались памятники как религиозного, так и светского характера.

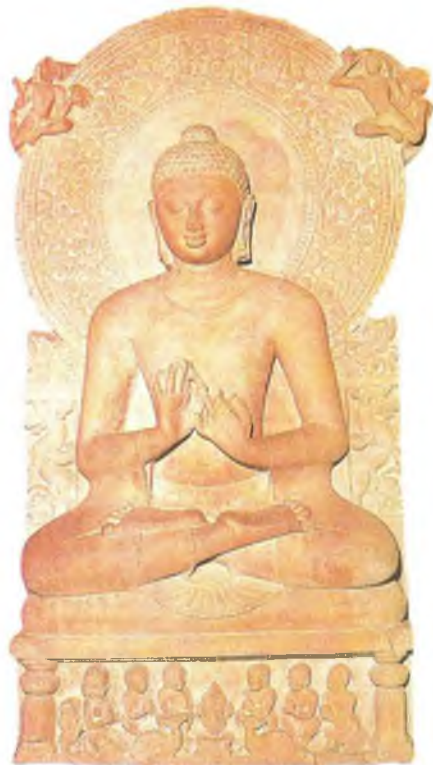
В эпоху древности большинство сооружений возводилось из дерева, и потому до наших дней эти архитектурные памятники не сохранились. Судя по запискам Мегасфена, огромный дворец маурийского царя Чандрагупты был построен из дерева, и раскопки, которые проводили индийские археологи в столице его империи Паталипутре, открыли лишь остатки каменных колонн. В первые века нашей эры в строительстве начинает широко применяться камень. Религиозная архитектура этого времени представлена пещерными комплексами, храмами (индуистскими, буддийскими и джайнскими) и ступами — каменными сооружениями, в которых, согласно традиции, хранились реликвии Будды.

Из пещерных комплексов самыми впечатляющими являются комплекс в Карле (около Бомбея) и в Эллоре (недалеко от Аурангабада). Огромный пещерный храм в Карле имеет почти 14 м в высоту, 14 м в ширину и около 38 м в длину. В центральном зале — монолитные колонны, большое число скульптур и ступа для поклонения. В Гуптскую эпоху началось строительство пещерного комплекса в Эллоре, которое продолжалось в течение нескольких веков.

К V в. н. э. относится наземный индуистский храм в Санчи — один из лучших образцов архитектурного искусства Древней Индии. Широкую известность получила и буддийская ступа в Санчи, окруженная воротами и оградой. Резные украшения ворот говорят об утонченном мастерстве их авторов, сюжетно они связаны с буддийскими рассказами о жизни Будды.

В Древней Индии существовало несколько школ скульптуры, из которых наиболее крупными были гандхарская (Северо-Западная Ин-

Фигура сидящего Будды. Сарнатх. Гунтский период. IV—V вв.

Принцессы в саду. Аджанта. V—VI вв.

дия), матхурская (в долине Ганга) и школа Амаравати (в Андхре). Большинство из дошедших до нас скульптур культового характера, но наряду с религиозной существовала и светская скульптурная традиция. В Древней Индии были созданы специальные руководства по скульптуре, которые содержали правила создания статуй, прежде всего для храмов и других культовых сооружений. Были разработаны и приемы иконографии, отличавшиеся в разных религиозных традициях,— существовали буддийская, джайнская и индуистская иконография.

В гандхарской школе заметно сочетание различных традиций: местной буддийской, греко-римской и среднеазиатской. Многие гандхарские скульптуры столь отличаются от индийских образцов, что ученые выдвинули теорию о римском или эллинистическом происхождении этой школы. Однако определяющим все же оставалось местное индийское искусство. Гандхара дает нам образцы очень ранних изображений Будды, что было, очевидно, связано с доктриной махаяны, где сложилось представление о Будде как о боге. Раньше Будда в образе человека и бога не изображался, а обозначался различными символами: дерево Бодхи (по традиции принц Сиддхартха достиг под этим деревом «просветления»), колесо (намек на буддийское учение о круговороте жизни). Махаянская доктрина повлияла и на появление статуй бодхисатв.

В матхурской школе, расцвет которой совпадает с Кушанской эпохой, особое значение получает светская струя наряду со скульптурными композициями чисто религиозного характера — целая галерея светских персонажей представлена статуями кушанских правителей и меценатов. Очень рано в матхурской скульптуре появляются изображения Будды. Матхурская школа испытала на себе воздействие более раннего по времени маурийского искусства, а некоторые скульптурные образцы говорят о влиянии даже хараппских традиций (фигуры матери-богини в терракоте, местные божества и

т. д.). По сравнению с Гандхарой и Матхурой школа Амаравати воплотила наряду с буддийской традицией и некоторые элементы традиций юга страны; эти художественные каноны были сохранены и в более поздних южноиндийских скульптурах. Амараватская скульптура оказала воздействие на искусство Шри-Ланки и Юго-Восточной Азии.

Наиболее известным памятником древнеиндийской живописи являются стенные росписи в пещерах Аджанты, так называемые фрески Аджанты, хотя фресками в собственном смысле слова они не были, так как росписи наносили на сухую штукатурку. В этом буддийском комплексе, состоящем из 29 пещер, живопись покрывает стены и потолки внутренних помещений. Разнообразные сюжеты передают сцены из жизни Будды, различные мифологические темы, иллюстрируют буддийские сказания — аваданы. Здесь и сцены из повседневной жизни, и дворцовая тематика (царская охота, приемы послов и т. д.).

Поражает прекрасная сохранность живописи, несмотря на многовековой возраст росписей, влажный климат и локализацию — открытые пещеры. Древние индийцы прекрасно владели искусством укрепления грунта, знали секреты стойких красок. Применяемый для росписей грунт делался из двух слоев, для связки употребляли пчелиный воск, патоку, камень, после высыхания внешнего грунта стену ложили, поливали известковым молоком. Приступая к нанесению рисунка, мастера вначале делали контур, который раскрашивался. Цвету уделялось особое внимание, считалось, что именно цвет в наибольшей степени воздействует на зрителя. Выбор цвета строго зависел от того, какие фигуры предстояло изобразить. Боги и цари всегда рисовались белыми красками; этим цветом нельзя было изображать персонажи, олицетворявшие зло.

Традиции Аджанты оказали воздействие на живопись других районов Индии и на искусство Шри-Ланки (знаменитые фрески Сигирии). Уже в древности росписи

Аджанты производили огромное впечатление на всех, кто их видел. О них с восхищением говорил, например, китайский паломник VII в. н. э. Сюань Цзан.

Впечатляющими были успехи древних индийцев в математике, астрономии, медицине, лингвистике. Их научные достижения оказали немалое воздействие на культуру других народов, но особенно они повлияли на развитие арабской и ирано-персидской науки; сделанные индийцами открытия предвосхищали многое из того, к чему

позднее пришла и европейская наука Нового времени.

Почетное место в истории мировой математики и астрономии занимает имя Арьябхаты (V — начало VI в. н. э.). Индийскому ученому было известно значение числа π, он предложил оригинальное решение линейного уравнения, которое близко к современным методам математики.

Выдающимся достижением древнеиндийской науки было создание десятичной системы счисления (с применением нуля); это новшество сложилось не только в результате развития собственно математиче-

Сцены из жизни Будды. Эпоха Сатаваханов. II в. до н. э.

ской традиции, но также под влиянием мировоззренческого понятия «пустота», введенного в философскую мысль известным буддийским мыслителем Нагарджуной. Десятичная система была заимствована арабскими учеными («арабские цифры»), затем ее восприняли и другие народы. Сейчас ею пользуются во всем мире.

Древнеиндийская система обозначения чисел определила современную систему нумерации и легла в основу современной арифметики. Благодаря разработке учения об абстрактном числе и выработке цифровой системы высокого уровня развития достигла алгебра. Именно в этой области в отличие от античной науки, где основное внимание уделялось геометрии, древние индийцы достигли исключительных успехов. Алгебраические сочинения древнеиндийских математиков в средние века были широко использованы арабскими учеными, с трактатами которых начиная с XI—XII вв. стали знакомиться и в Западной Европе. Так, в 1145 г. с арабского на латынь был переведен алгебраический трактат аль-Хорезми, во многом восходящий к сочинениям индийских математиков.

Некоторые математические термины, которыми пользуются и современные ученые, имеют индийское происхождение, например «цифра», «синус», «корень». Искусство математиков в Древней Индии очень ценилось. Известный математик Брахмагупта, живший в конце VI—начале VII в. н. э., писал: «Как Солнце затмевает своим блеском звезды, так и ученый может затмить славу других, предлагая, а тем более решая математические задачи».

Древнеиндийские трактаты по астрономии свидетельствуют о высоком уровне астрономических знаний, которые постоянно совершенствовались. Независимо от античной науки Арьябхата высказал догадку о вращении Земли вокруг своей оси. Эта поистине революционная идея столь резко расходилась с традиционными взглядами и религиозными концепциями о строении Вселенной, что труд Арьябха-

ты был гневно осужден жрецами и учеными, стоявшими на ортодоксальных позициях.

Введение десятичной системы способствовало точным астрономическим расчетам, хотя телескопа и обсерваторий в Древней Индии еще не было. Сирийский астроном Север Себохт в VII в. писал о том, что астрономические открытия индийцев «более остроумны», чем у вавилонян и греков, а по словам арабского ученого IX в. аль-Джахиза, «наука астрономии происходит от них (индийцев), и прочие люди ее заимствовали».

До сих пор в Индии большим почетом пользуется аюрведа (наука о долголетию), которая зародилась здесь в глубокой древности. Древнеиндийские врачи изучали свойства трав, влияние климата на здоровье человека, значительное внимание уделялось личной гигиене и диете. На высоком уровне стояла хирургия: в древнеиндийских медицинских трактатах первых веков нашей эры упоминается о 300 различных операциях и 120 хирургических инструментах. Популярная сегодня на Западе тибетская медицина основана на традициях древнеиндийской аюрведы.

Несмотря на независимое происхождение, наблюдается сходство между древнеиндийской медициной и физиологическими теориями античности (Гиппократ, Гален и др.). Древнеиндийские медики считали, что в основе человеческого организма лежат три главных «жизненных сока» (или «первоэлемента»): ветер, желчь и флегма—их отождествляли с принципами движения, огня и размягчения (подобные понятия о «жизненных соках» существовали и в античной медицине). Индийская медицинская мысль, как и античная, специально внимание уделяла антропogeографии, т. е. влиянию на человеческий организм природных условий. Определенные параллели прослеживаются в индийских и античных учениях о наследственности и о врачебной этике.

В Древней Индии высокого уровня развития достигла наука о языке, что было связано с исключительной ролью в индийской культу-

ре устной традиции и очень рано сложившейся концепции божественного характера речи. Считалось, что речь лежит в основе всех наук и искусств. В грамматике Панини «Ашпадхьяи» («Восьмикнижие») анализ языкового материала проведен столь глубоко и основательно, что современные ученые находят сходства *между лингвистическими теориями древних индийцев и современной европейской лингвистикой.

Уже с глубокой древности Индия была тесно связана с другими странами Востока и античного мира. Это способствовало обмену культурными достижениями, лучшему знакомству друг с другом. В период Харашпской цивилизации установились торговые и культурные контакты с Месопотамией, Ираном, Средней Азией, в эпоху Маурьев укрепились связи с античным миром, Египтом, Юго-Восточной Азией, Дальним Востоком. Особенно тесными были связи с соседним Ираном: ахеменидское влияние сказалось в индийской архитектуре, письменности, а Древний Иран многое заимствовал из индийской науки.

Индийские посольства, судя по сообщениям античных авторов, достигали Рима при императорах Августе, Траяне, Адриане, Аврелиане. В первые века нашей эры об индийских философах и их учениях знали античные и раннехристианские философы и писатели. Индийцы интересовались античной астрономией и астрологией. Об этом ярко свидетельствует перевод с греческого языка на санскрит астрологического трактата, известного в Индии как «Яванаджатака» («Греческое сочинение»).

Древнеиндийская культура оказала большое воздействие на культуру Шри-Ланки и Юго-Восточной Азии, письменности этих регионов сложились на основе индийской системы брахми, в местные языки вошло много индийских слов. Большим влиянием пользовались в Шри-Ланке и в Китае буддизм и буддийская литература, а в странах Юго-Восточной Азии — индуизм и санскритская литература.

Когда Европа и Америка позна-

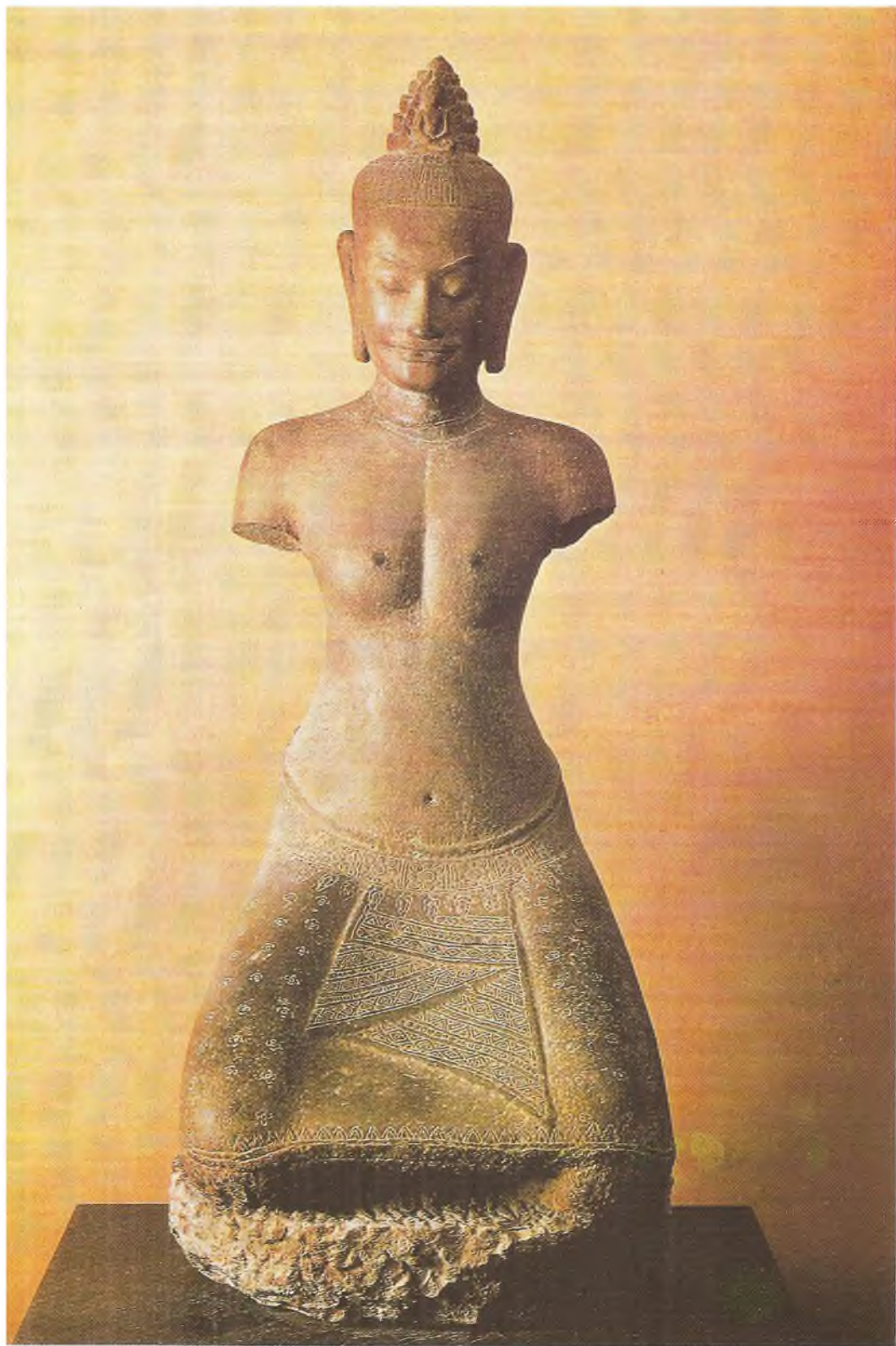
комились с древнеиндийской литературой, индийская культура привлекла внимание многих выдающихся писателей и поэтов. К индийским сюжетам и мотивам обращались И. Гердер, И. Гёте, Г. Гейне, Г. Гессе, С. Цвейг, Л. Толстой, Р. Роллан, Р. Киплинг и др. Гердер, Гёте, Ф. Шиллер восторгались «Шакунталой» Калидасы, считая эту драму одним из лучших произведений мировой литературы. На сюжеты индийских легенд Гёте создал несколько баллад (особенно известна «Бог и баядера», написанная в 1794 г.).

Древнеиндийская философия повлияла на творчество таких известных американских писателей, как У. Эмерсон, Г. Торо, У. Уитмен. Исследователи справедливо отмечали воздействие идей «Гить» на поэму У. Уитмена «Листья травы».

Особо следует сказать о знакомстве России с древнеиндийской литературой и философией. Уже в 1778 г. появился перевод «Бхагавадгить» на русский язык; в 1792 г. известный историк Н. М. Карамзин перевел несколько сцен из «Шакунталы», он сравнивал Калидасу с Гомером. В 1844 г. поэт В. А. Жуковский перевел главы из эпоса «Наль и Дамаянти». Перевод этот получил одобрение В. Г. Белинского. К творчеству Калидасы обращали свои взоры Ф. Тютчев и А. Фет. Многими аспектами древнеиндийской цивилизации, особенно буддизмом, увлекался Л. Н. Толстой. В начале XX в. «индийская тематика» привлекла внимание И. Бунина, В. Брюсова, К. Бальмонта и А. Блока. С литературой и философией Древней Индии был хорошо знаком М. Горький.

В современной Индии наследие ушедших эпох проявляется во всех сферах жизни и культуры. Для этой страны характерна исключительная живучесть древних традиций, и неудивительно, что многие достижения древнеиндийской цивилизации вошли составной частью в общекультурный фонд индийцев. Они стали неотъемлемым компонентом и мировой цивилизации.

Ancient
Civilizations
of South-Eastern
Asia

*Юго-Восточная Азия-
регион неповторимого
культурного
своеобразия*

Древние цивилизации Юго- Восточной Азии

ДОНГШОНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Донгшонская цивилизация как таковая сравнительно недавно вошла в разряд основных цивилизаций древнего Востока.

В настоящее время данная оценка культуры древнейших государств аустрических народов, населявших Юго-Восточную Азию и прилегающие области, общепризнана, но ее развернутая характеристика именно как цивилизации еще не предлагалась. Это объясняется поздним ее открытием, всего 60 лет назад, относительно малой пока изученностью, а главное — почти полным отсутствием памятников письменности и их непереверенностью, как, впрочем, и малым числом вскрытых городских

центров и их недостаточной раскопанностью.

Сыграло свою роль и распространение до 60-х гг. XX в. представление о том, что у рисоводческих аустрических народов, и прежде всего у основных из них — аустроазиатов и аустронезийцев, цивилизации формировались уже с учетом социального и культурного опыта отдаленных соседей. То обстоятельство, что у этих народов был свой раннеклассовый культурный центр, своя цивилизация, чей опыт и был прежде всего воспри-

нят периферийной частью этих народов, оказав на них глубокое влияние, выяснилось довольно поздно. Между тем Донгшонская цивилизация сложилась еще в начале I тыс. до н. э. в низовьях Красной реки, в северо-восточной части Индокитайского п-ова, у лаквьетов (предков вьетнамцев), чей язык относился к аустроазиатской семье языков.

Возникшая там социальная и культурная структура раннеклассового общества обладала всеми чертами древней цивилизации, а выростившее на ее основе искусство было одним из немногих полностью самостоятельно развившихся больших искусств мира.

В духовной культуре донгшонцев преобладало почитание духов предков, постепенно формировавшее особую религию классового общества, впоследствии долгое время уживавшуюся рядом с мировыми религиями и конфуцианством. В то же время не получили развития культ богов сил природы, противопоставление богов земных и небесных. Не случайно, что в донгшонском искусстве мы не видим изображений богов и чудовищ, в то время как изображения людей (как считают многие исследователи, часть из них — именно предки) — огромное количество. Ряд исследователей предполагают существование у донгшонцев соляного культа. Есть немало данных о почитании неба, птиц и т. д. С определенностью можно говорить о наличии у лаквьетов сферической, или концентрической, модели Вселенной, в которой определенным «кольцам» соответствовали люди, животные, птицы; в центре сферы (круга) находилась «звезда» с канонизированным числом лучей. Имеются свидетельства существования у лаквьетов-рисоводов, как и у других земледельческих народов, культа плодородия, о нем говорят парные изображения мужчины и женщины в момент полового акта.

Черты духовной жизни древних донгшонцев-лаквьетов присущи представителям других аустрических народов. Последние, не участвуя в создании донгшонской религии, восприняли многие ее элементы, развили их и дополнили. А

это было бы невозможно без фундаментальной близости в духовной сфере в прошлом и без регулярных широких контактов в момент восприимчивости. Самое же главное — возникновение в раннеклассовых обществах аустрических народов потребности в сложных культах и сложном религиозном искусстве для их отправления, а также способность донгшонской цивилизации удовлетворять этот спрос в течение веков. Но такой процесс культурного обмена, шедший на фоне быстрого экономического (наступившее железное веко) и социального (возникновение государств во всех крупных речных долинах Юго-Восточной Азии) подъема, оказался недостаточным, и началось активное осмысление социального и культурного опыта более отдаленных и более развитых очагов: индо-дравидийского на Западе и ханьского на Севере. Донгшонская цивилизация в центре своего распространения прошла путь от возникновения, через расцвет до упадка, наступившего в силу каких-то пока неясных для нас причин.

С упадком было связано изменение религиозных представлений ее носителей, выразившееся в исчезновении из практики культа почти всех ведущих образцов при сохранении самих основных предметов культа. Начавшиеся контакты лаквьетов с ханьцами не привели к распространению присущих последним элементов духовной жизни, но, возможно, косвенно способствовали возрастанию роли текста по сравнению с изобразительными способами хранения религиозной информации. Существенно, что поздний этап не сопровождался распространением китайских элементов ни в художественной манере, ни в наборе образов и сюжетов.

Донгшонская цивилизация известна своим своеобразным реалистическим искусством, служившим культовым целям. Они требовали именно реалистической передачи подробностей обряда, сам же обряд касался многих сторон повседневной жизни людей, что и отразилось в искусстве. Люди изображались чаще всего в рамках канонизированных композиций, причем

композиции эти бинарны на основном ритуальном предмете — бронзовом полом усеченном конусе, открытом снизу, а сверху имеющем плоский диск; поздней традицией он воспринимался как барабан. «Донгшонскими барабанами» их называют и в современной литературе.

Бинарность состоит в том, что на плоском верхнем диске имеются две сложные группы сцен, каждая из которых подобна другой, но занимает противоположную половину «кольца». Возможно, так представлен мир живых и мир мертвых. Насколько можно судить, важная функция донгшонского искусства с его подробным воспроизведением с небольшими модификациями одних и тех же сцен ритуала и связанных с ним действий — фиксация обряда. В этом отношении они функционально соответствуют тексту описания обряда в других религиях.

На конусе встречаются изображения воинов на боевом корабле и пеших. Слабая стилизация образов на ранних, собственно лаквьетских изделиях позволяет многое узнать о культе. При всем реализме, точности деталей, соразмерности это только «знак» корабля, поскольку между кораблями стоят птицы и животное. Сцена не рассматривается мастером как изображение корабля на плаву. Но в самом корабле все реалистично, кроме присутствующего порой аиста — священной птицы донгшонцев и всех народов, воспринявших верования лаквьетов. В остальном это корабль в бою, со стреляющими лучниками, воинами с копьями и поднятыми боевыми топорами, с сигнальным барабаном, запасами воды и, наконец, с командиром, закаляющим копьём пленного. Ниже взору предстает «полоса воинов», отдельные фигуры в картушах изображают пеших воинов в огромных шлемах с перьями, идущих в бой.

На всех этих изделиях сцены или незначительно разнятся в пределах дозволенного для конкретного художника, или различаются заметно. Но всегда образуют группу схожих сюжетов, родственных наибо-

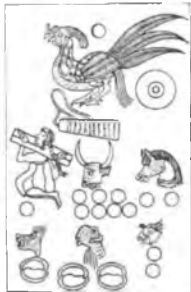
лее детальным композициям на самых крупных «барабанах». Тут речь идет, видимо, о версиях обряда. Так, люди в лодках могут быть невооруженными, сцена приготовления к пиру может отсутствовать и т. п. Главные же компоненты — летящая цапля и процессия воинов в пернатых шлемах — существуют и на «бедных», небольших «барабанах». Кстати, они дольше всего сохраняются в конце существования данной культуры, когда обряд либо уже сменился другим, либо передавался во все большей степени текстом. Необходимо подчеркнуть, что изображаются не просто различные реальные люди, а стандартный набор сцен с явно фиксированной семантикой. Это мифологический рассказ и обрядовая сцена одновременно.

Донгшонское искусство говорит о существовании у лаквьетов определенной магической, жертвенной (убийство пленного), культовой (культ священной птицы) практики, о развитой военной обрядности. Основу идеологической практики Донгшонской цивилизации составляли, по-видимому, достаточно сложные магические действия, можно говорить и о симпатической магии, тем более что на следующем этапе развития идеологии донгшонцев на «барабанах» появляются изображения лягушек, «вызывающих дождь». Согласно прослеженной этнографами поздней практике, ритуально употребление «барабанов» призвано было регулировать отношения людей с посторонними силами в рамках процедур, выполняемых людьми без участия изображений богов и без ведущей роли жрецов. Эти фундаментальные особенности присущи именно культу предков в той его форме, что прослеживается по более поздним документам и этнографическим данным для австралийских народов, особенно их австро-азиатской части (хмонги).

Система культовых сюжетов на священных «барабанах» — наиболее яркая характеристика Донгшонской цивилизации именно как раннеклассовой и основанной на культуре предков. Прелесть всего главной фигурой является не бог или свя-

ценнослужитель, а человек. Но человек — в момент совершения религиозного обряда или приготовления к нему, а не «просто человек» (что, впрочем, и невозможно как массовое явление на этом этапе общественного развития). Более того, по степени сложности, которая уже достаточно стандартизована, искусство этой цивилизации можно отнести к следующей ступени после искусства первобытного общества — к первой ступени искусства классовых обществ. В пользу такой точки зрения свидетельствует реалистичность самих изображений и, что гораздо существеннее, реалистичность композиций, передающих отношения между людьми в коллективе: рушение риса, отправление культа, совместное участие в бою на корабле.

О культовости этих изображений говорит в числе прочего то, что донгшонские сюжеты строго канонизированы. Очевидно, что за ними стояли совершенно определенные религиозные тексты, набор действующих лиц которых и некоторые отношения между этими лицами можно восстановить. В то же время народам, воспринявшим донгшонские культы, многое в них было чуждо не только по содержанию (что влекло за собой отказ от воспроизведения некоторых сюжетов или их быструю стилизацию до неузнаваемости), но и по манере выражения. Это проявлялось как в отказе от строгой реалистической графики донгшонского искусства в пользу более гибкой (в государстве Диен, к северо-западу от Аулака) или более декоративной (в Индонезии) манеры, так и в отказе от нормативности композиции и набора действующих лиц, когда объектом изображения становятся просто все типические фигуры людей и сцены хозяйственной, военной и религиозной жизни, как в Диене. Следует сказать о явлении «вторичного реализма», при котором наряду с донгшонскими по стилю, смыслу и функции образами в искусстве народов-реципиентов появляются свои изображения, слабо или почти нестилизованнные: в Диене и в Индонезии знакоор-

наментальные новшества намветов, живших к северо-востоку от Аулака, стоят особняком.

Они гораздо ближе к «натуре», чем изображения донгшонского стиля у этих же народов, а стилизация, явно находящаяся еще на раннем этапе, у каждого народа своя. Очевидно, что у донгшонцев был ими воспринят сам принцип реалистической сюжетной композиции, который скоро стал передаваться «местными средствами». Столь же очевидно, что он не мог быть воспринят без соответствующего текста и обряда, т. е. религии. У донгшонцев не сложилось в те века, как и у их ближайших соседей, чисто иератического искусства, вообще нетипичного для культа предков и возникших на его основе философий (под иератическим искусством имеется в виду подчеркивание величия бога, его господства над всем). Это отличает донгшонскую религию от религий ранних цивилизаций Нила и Мезодуречья предписьменного и раннеписьменного периодов. Отсутствие изображений бога и даже чаще других повторяющегося образа чем-то отличающегося человека как-то связано, по-видимому, с преобладанием культа предков.

В период своего расцвета, в VI—IV вв. до н. э., а в некоторых областях и позднее, донгшонское искусство породило ряд локальных вариантов. Быстрому его восприятию другими (но не всеми) австрическими народами наиболее экономически развитых областей «прото-Юго-Восточной Азии» способствовали два уже упомянутых фактора: то, что переходящее к классовому обществу население основных ривоводческих долин нуждалось в развитой идеологии, и то, что основа религиозных представлений всех этих народов — культ предков.

Напомним, что культ предков в значительной степени сохранился до сих пор и многое определяет в духовной жизни народов Юго-Восточной Азии. Лаквьеты первыми создали на этой основе более сложную религиозную систему; они и позднее шире остальных практиковали этот культ.

На ранних этапах донгшонская

цивилизация распространялась в сторону Малаккского пролива Индонезии, а также вверх по Красной реке; на поздних — на северо-восток, в земли родственных лаквьетам намвьетов, где уже сложилось свое государство, создатели которого не практиковали, видимо, донгшонского культа в момент образования государства. Это еще раз подтверждает тот факт, что при наличии родства разной степени близости в кругу развитых народов «прото-Юго-Восточной Азии» Донгшонская цивилизация формировалась в довольно ограниченном центре, а распространялась за счет восприятия по мере возникновения «спроса» на идеологию классового общества и соответствующие формы искусства. Распространение донгшонской религии явно шло не за счет переселений донгшонцев в сколько-нибудь заметных количествах в другие места, хотя морские и сухопутные контакты их были значительными.

О том, что донгшонская культура не навязывалась, а добровольно воспринималась, говорит и то, что у соседей мы видим лишь часть донгшонских религиозно-художественных образцов, а именно: с одной стороны, наиболее близкие тому или иному народу (эта часть донгшонского комплекса специфична для каждого из них), с другой — занимавшие ключевое положение в донгшонской религии (эта часть одинакова у всех: летающий аист, профессия воинов, звезда в центре «сферы мироздания»). Был и еще один образ, который связан с наличием глубокой исходной близости аустрических народов. Это орнамент в виде двойной спирали (латинская буква S); ее разновидности у аустрических народов многообразны, но у многих из них они были унифицированы под влиянием донгшонского варианта двойной спирали.

Наиболее интересными школами, возникшими под влиянием донгшонского искусства, можно считать школы в малайско-яванском мире, в тайско-аустроазиатской среде государства Диен у о-ва Дали (в совр. Юньнани), а также у намвьетов (государство Намвьет —

территория Гуанси и Гуандуна).

В Диене, при сохранении в несколько видоизмененном виде донгшонских норм для некоторых изделий, преобладали «барабаны», выполненные в местной манере, с использованием местных образов, с добавлением обильной ритуальной мелкой пластики на верхней плоскости. В искусстве Диена изменился стиль орнамента, исчез сюжет религиозного праздника на верхней плоскости инструмента, зато появились культовые изображения почитаемых здесь тигра и змеи, кстати почти не встреченные у лаквьетов. Второй по массовости вид сакрального искусства донгшонцев — мелкая бронзовая пластика — достиг в Диене исключительного развития, обогатившись чертами «вторичного реализма».

У аустронезийцев сохранилось прежде всего основное в религиозном сюжете — полет аиста и процессия воинов в шлемах с перьями. Одновременно появились собственные сакральные образы (фигуры и лики), стилизовался лаквьетский и расцвел свой декор. В южной школе преобладало «вплетение» новых образов в ткань старой композиции, сама же она, в отличие от искусства Диена, быстро теряла реалистические черты, стилизовалась до полной утраты исходного варианта.

В намвьетской школе свои образы людей уже не создавались, новые элементы были орнаментальными знаками, в чем косвенно отразилось распространение здесь ханьской культуры. И тут дольше всего сохранялись изображения летающего аиста и процессия воинов, причем применительно к первому шло постепенное замещение образом другой птицы, а применительно ко второму — быстрая стилизация и превращение в орнаментальный мотив. Важно, что результаты стилизации на северо-востоке донгшонского ареала и на его юге были совершенно различны. Одинакова была основа — культ и искусство Донгшонской цивилизации эпохи ее расцвета, пути же дальнейшего развития были у других народов самобытными.

В позднедонгшонский период

(II—I вв. до н. э.) следы исследуемого искусства исчезают, а с начала нашей эры в долине Красной реки и в долинах непосредственно к югу от нее и производство соответствующих культовых предметов. Но сам культ предков сохраняется здесь до сих пор. Тем самым речь идет о каком-то изменении культовой практики или исчезновении какого-то вида культа предков. Вряд ли случайно совпадение начала сокращения производства «барабанов» с распространением из Индии буддизма и с началом попыток культурной ассимиляции лаквьетов ханьцами. В I—II вв. н. э. культ, связанный с «барабанами», преследовался ханьской администрацией, их конфисковывали, переплавляли. Но все это было уже после постепенного исчезновения с них сложных композиций и появления литых изображений лягушек, «вызывающих дождь». Культ этих последних скорее всего был присущ намвьетам, так как на их территории есть только поздние изделия с лягушками, а у лаквьетов они появляются приблизительно в то время, когда лаквьетское государство Аулак было в конце III в. до н. э. захвачено намвьетами.

Возможно, главную роль в постепенном исчезновении донгшонской культовой практики сыграло распространение с I в. н. э. у лаквьетов буддизма, постепенно становившегося их основной рели-

гией, а не политический контроль ханьцев. Примечательно, что долгие всего эта практика сохранялась в горных районах, прилегающих к центру и основным периферийным очагам Донгшонской цивилизации (горы северо-востока Индокитайского п-ова и бассейна р. Сицзян) и на части островов Индонезии. В то же время в культуре вьетов долгое время сохранялся культ древнего бронзового барабана как символа сверхъестественных сил, защищающих государство вьетов, как духов-хранителей наряду с предками вьетских императоров; два этих культа были связаны в сознании средневековых вьетов.

Несколько ранее, по-видимому к VIII в., оказались вытесненными традиции донгшонского искусства. Это еще раз говорит о том, что закат донгшонского искусства — это не закат породившей его идеологической системы. Вначале исчез мир изображений на культовом предмете, много позже — сам предмет, и до сих пор существует обслуживаемый другими предметами и другими изображениями сам культ предков.

Начавшееся в основном с рубежа нашей эры широкое восприятие социального и культурного опыта древних индийцев и отчасти древних китайцев, будучи не первым для австралонезийских народов восприятием норм классового общества, пошло гораздо быстрее, чем обычно в таких ситуациях.

ЦИВИЛИЗАЦИИ I тыс. н. э.

С развитием на бывшей периферии Донгшонской цивилизации и на ее «далних подступах» самостоятельных очагов классового общества стало распадаться единство австралонезийского культурного комплекса. Этими процессами был отмечен переход от раннего периода древней истории Юго-Восточной Азии (I тыс. до н. э.) к поздней древности (II—IV/VII вв. н. э.). У предков мон-кхмеров и австронезийцев в Центральном и Юго-Восточном Индокитае, на севере Малаккского п-ова и на о-вах Западной Нусантары, у протобирманских групп и монов Западного Ин-

докитай, а также у некоторых тайско-австроазиатских групп современной Юньнани становление культуры и идеологии раннеклассовых государств происходило при усилившихся контактах с древнеосточными цивилизациями.

Включение брахманских культов в идеологическую систему и распространение из Индии и Шри-Ланки буддизма в первой половине I тыс. н. э. закономерно вело к насаждению определенных общеканонических принципов культовой архитектуры и иконографии. И на первых порах знакомство с ними происходило, видимо, через ло-

кальные южноиндийские и ланкийские образцы построек (чайтьи, шикхары, ступы) и культовой пластики прежде всего южных школ (Амаравати, ранних Паллавов), а также Гупта.

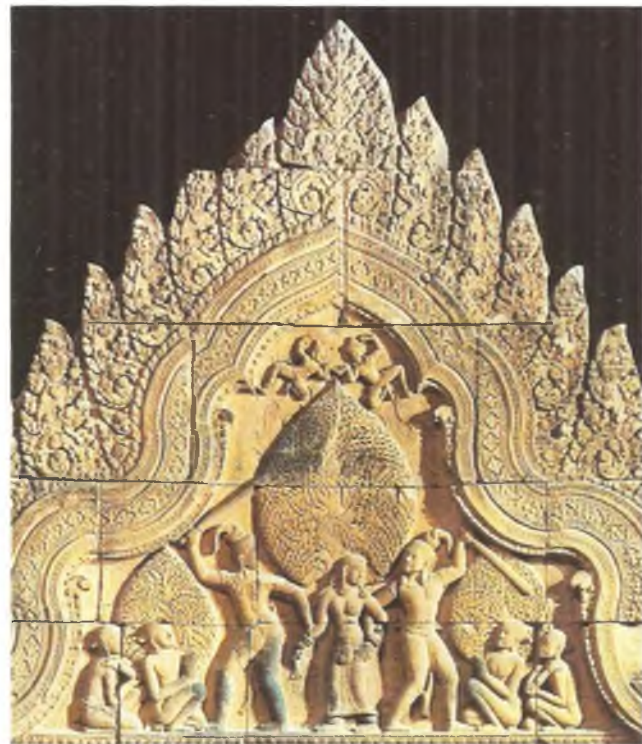
Однако раскопки показали, что в наиболее развитых центрах юга Индокитайского п-ова, таких, как города Баннома, ко времени появления памятников индоцентрического круга уже бытовала автохтонная традиция строительства с применением кирпича и камня и возводились соответствующие храмы, обслуживавшие раннекхмерские анимистические культы.

Существовала религиозная и светская изобразительная пластика, орнаментально-декоративное искусство с системой глубоко самобытных образов и мотивов. Во II—V вв. н. э. Банном и форпосты морских коммуникаций в Южных морях на его имперских территориях (особенно полуостровные, монско-аустронезийские) были зонами широкого соприкосновения местной культуры с индуизмом и буддизмом и наиболее ранних форм приспособления последних к традициям культа предков и божеств-духов природы, к богатому арсеналу религиозно-мифологических образов аустрических народов. В архитектуре это нашло выражение прежде всего в строительстве святилищ, связанных с индуизированным культом Царя Горы в облике высших ипостасей Шивы.

Преемственность царской власти освящалась монархическим культом линги как фаллического символа сакральной мощи монарха. Позднебанномские курунги (цари) Лунной династии V—начала VI в. строили в районе Ангкор-Борея храмы Шивы в образе Гириши и Махешвары, который считался божественным аналогом Царя, обитающего на священной Горе. Эта традиция была наследована в Ченле (предшественнице Камбуджадеша) с ее главным святилищем — храмом Линги Ват Пху.

Другим значительным центром храмового строительства, связанного с этим кругом идеологических представлений, была древняя Тям-

па (от середины Центрального до северной части Южного Вьетнама), где еще с IV в. н. э. бытовал династийный культ Шивы-Бхадрешвары, известного у кхмеров под именем Эйсора как Царь Горы, и строились в храмовом городе Мисоне храмы шивалинги. Хотя археологический материал для этого раннего периода довольно беден, есть все основания считать, что отмеченные факторы послужили важной основой сложения еще до VI в. н. э. ранних форм того регионального типа монументальной храмовой постройки, который дал начало классической архитектуре средневековья, а именно типа «храма-горы».

Фронтон храма
Шивы. Камбуджадеша.
X в. н. э.

альной храмовой постройки, который дал начало классической архитектуре средневековья, а именно типа «храма-горы».

Башнеобразная или пирамидально-террасная (с башенным верхом) конструкция «храма-горы» стала устойчивой моделью временных и локальных (аустроазиатских и аустронезийских) направлений архитектуры благодаря контаминации общеканонического индуистского и буддийского образа космической горы Меру с местными ураническими представлениями и самобыт-

ной мегалитической строительной традицией. Последняя связана, видимо, с древними монами и предками малайских народов. В бапномскую эпоху сформировались важные конструктивные и художественно-технические приемы, впоследствии развитые кхмерскими зодчими,— применение кирпича и латерита, ложного свода, штукатурного декора и т. д.

В общерегиональном масштабе раннеклассовое искусство оформлялось как шиваизмом и вishнуизмом, с которыми связана значительная часть скульптуры, так и буддизмом. К распространению буддизма относится второй важнейший архитектурный образ, который наряду с образом «храма-горы» составил структурную основу культового зодчества древних и раннесредневековых государств Юго-Восточной Азии. Это ступа колоколообразной или шлемообразной формы. Ранние формы этого буддийского мемориально-культового сооружения развивались под влиянием образцов Амаравати и Шри-Ланки. Наиболее широкое распространение ступа получила вначале у монов Нижней Бирмы и Таиланда и в раннебирманских царствах пью на Средней Иравати. В этих областях Центрального и Западного Индокитая развитие монументального искусства было тесно связано с буддизмом хинаяны.

Древнейшие из известных в Индокитае и на о-вах Нусантары произведенный «индианизированной» культовой иконографии — это изображения Будды в стиле школы Амаравати и ее ланкийских вариантов II—III вв. н. э. В иконографии Будды, ориентированной на индийские образцы гуптской эпохи (IV—V вв. н. э.), заметны некоторые местные черты передачи декора и композиции. Это статуи из Донг-Зыонга (Вьетнам), Понг-Тука (Таиланд), Сунгей-Буджанга (Малаккский п-ов). Хотя иконография буддизма хинаяны по сравнению с индуистской и более поздней ваджраянистской была в целом более консервативной и единообразной, позднеебапномскую буддийскую иконографию V—VI вв., среди ко-

торой выделяется массивная деревянная скульптура, можно отнести к первому подъему монументальной древнекхмерской пластики, предшествовавшему появлению раннеклассического стиля.

Местное искусство обработки камня и дерева и бронзолитейное дело имели глубокие корни, и производство антропоморфной каменной и металлической буддийской скульптуры привилось быстро. В цивилизации Бапнома оно, несомненно, вдохновлялось также не только взаимообогащением внутрирегиональных традиций, но и знакомством с великой изобразительной традицией античности. Все это проявилось в чертах раннеклассического доангкорского стиля Пном Да (первая половина VI в.), в котором изображения Будды и особенно Вишну и других индуистских богов уже гармонично соединяют элементы влияния нескольких индийских школ с принятыми кхмерами признаками условно-анатомической моделировки тела и этнического облика.

На рубеже древности и средневековья важно отметить определенные политико-идеологические факторы, во многом обусловившие характер классического искусства народов исторического региона Юго-Восточной Азии. Это — наличие крупных государственных объединений — Ченлы (Камбуджи), монского Дваравати в бассейне Тьяо-Прайи, раннебирманского царства Тареккитара (Шрикшетра) в долине Иравати, Дали (Наньчжао) в современном Юго-Западном Китае, аустронезийских государств Тямпы, Шривиджайи (с центром на о-ве Суматра) и Матарамы на о-ве Ява; дальнейшее развитие официального культа монарха-бога в оболочке индуизма и буддизма, различных традиционных форм культа предков; распространение буддизма «широкого пути» (махаяны) и особенно мистической идеологии буддизма ваджраяны. В связи с этими факторами находятся важнейшие достижения художественной культуры, составившие прямую основу раннесредневековых классических норм.

1. Архитектурный образ «храма-

горы» дал начало внутрирегиональным моделям — это кхмерский прасат, тямский калан, яванский чанди, малайский биаро. Все это башнеобразные, а затем (преимущественно у кхмеров) террасно-башенные святилища, т. е. башенные храмы, возводимые наверху ступенчатой пирамиды — «горы».

Каждое из наиболее значительных местных направлений зодчества к VIII в. н. э. привнесло в региональную традицию свое эстетическое своеобразие: яванское — через классически ясную, «ордерную» тектонику и гармонию конструктивного и декоративного начал, кхмерское — через пластическое богатство, торжественную нарядность архитектурных форм и развитие пространственного и ансамблевого принципов, тямское — через строгую монументальную выразительность и орнаментальную нагрузку отдельно стоящих кирпичных храмов.

2. Ведущие направления скульптуры связаны в первую очередь с вышеупомянутой архитектурой, т. е. с храмовыми комплексами индуистского характера, преимущественно с шиваитским оформлением идеи сакральности власти монарха и его посмертного культа. Это выдающиеся образцы пластически точного и этнически узнаваемого, но вместе с тем обобщенно-идеализированного человеческого типа в статуях кхмерских индуизированных богов из Самбор Прей Кук и Прасат Андет, особенно — популярного образа Харихары (Шивы-Вишну). Это чувственная экспрессия и декоративное начало в раннетямской скульптуре Мисона и отвлеченная духовная сосредоточенность облика индо-яванских культовых персонажей из чанди группы Дьенг. Все это памятники VII—VIII вв.

3. Выработка собственных норм монументального искусства на рубеже древности и средневековья наблюдается и в рамках буддийских канонов. В архитектуре государств Центрального и Западного Индокитая, у предшественников тай и бирманцев — монов это происходило преимущественно в направлении развития комплекса ступ-

пы-дагобы и интерьерного святилища под ступообразным верхом, а также традиционного использования таких строительных конструкций и приемов, как стрельчатая арка и сводчатый вестибюль, кирпичная кладка и штук. В иконографии важным фактором стало влияние монского стиля Дваравати.

Распространение в VII в. н. э. ваджраяны с изощренной фантазией ее мифологии, идеалом спасителя-бодхисатвы и сложной космологией послужило обогащению классического зодчества и пластики в предангкорской Камбодже, в государствах яванцев и малайцев. Свидетельство этого — центрально-яванский культовый комплекс Боробудур (конец VIII — начало IX в. н. э.), воспроизводящий телеологическую модель буддийского универсума, уникальная постройка, соединившая в себе образ священной Горы, ступы и пирамиды и несущая сложную систему повествовательных рельефов и статуарных изображений будд и бодхисатв.

4. Во вьетском культурном ареале в период «северной зависимости» (I в. до н. э. — IX в. н. э.) экспансия институтов китайской цивилизации натолкнулась на жизнестойкость традиций раннеклассового общества носителей Донгшонской цивилизации — лаквьетов, особенно их народной культуры и традиций культа предков. Восприятие и адаптация буддизма дхьяны сопровождались, насколько можно судить по скудным свидетельствам того времени, появлением отдельных значительных памятников зодчества, пластики и орнаментального искусства, отмеченных самобытными чертами (культовые буддийские и гражданские сооружения в Дайла и Люилау, модели ступ из Тьензу, различных погребальный инвентарь).

Художественное наследие обществ древности Юго-Восточной Азии сыграло существенную роль в передаче эстафеты культурных ценностей, составивших неотъемлемую часть традиционной культуры современных крупнейших этносов региона.

Бодхисатва. Центральная Ява. VIII в. н. э.

Civilization
of Ancient
China

Д

*Чжаньго-Цинь-Ханьская эпоха
для Китая была тем,
чем стал греко-римский мир
для Европы*

древне-
китайская
ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ГОСУДАРСТВА КИТАЯ
В ЭПОХИ ШАН И ЧЖОУ

История Китая насчитывает по крайней мере семь тысячелетий начиная с периода неолита. Почти треть ее занимает эпоха древнекитайской цивилизации, одной из древнейших цивилизаций мира.

Она восходит к рубежу III—II тыс. до н. э., когда в бассейне Хуанхэ возникли первые протогородские культуры. Концом ее считают крушение империи Хань (220 г. н. э.).

Специфика природных условий в значительной мере определила ряд важных особенностей древнекитайской цивилизации. Условия для возникновения цивилизации оказались здесь менее благоприятными, чем в странах северных субтропиков, таких, как Египет и Шумер, и

государство сложилось позже, на более высоком уровне развития производительных сил. Сыграло свою роль и то, что до второй половины I тыс. до н. э. Древний Китай развивался по сути в отрыве от других цивилизаций.

Неиригационный тип первичных очагов древнекитайской цивилизации существенно отличает ее от так называемых гидравлических обществ: древнеегипетского, нижнемесопотамского, древнеиндийского, с самого начала основанных

на искусственном орошении. Полливное освоение долин двух великих рек Китая началось лишь с середины I тыс. до н. э., когда древнекитайская цивилизация прошла уже тысячелетний путь развития.

Возникновению государства в Древнем Китае предшествовала очень длительная эпоха родового строя. В V тыс. до н. э. в бассейне Хуанхэ на базе местного палеолита и мезолита сложилась неолитическая культура расписной керамики яншао, сменившаяся в середине

в Древнем Китае. Во всяком случае на рубеже III тыс. до н. э. в бассейнах Хуанхэ и Янцзы существовали независимые центры бронзовой индустрии.

Древнейшие раннеклассовые образования, относящиеся к типу родовых-государств, появляются на территории Китая во II тыс. до н. э. Ранние городские культуры, основанные на паводковом и атмосферном орошении, обнаружены в Хэнани, Шаньси, Шэньси, Шаньдуне, Хэбэе, Хубэе, северной части Хунани и Цзянси. Среди них исключительное место занимает раскопанный в Хэнани, в районе г. Аньяна, «Великий город Шан», как его именуют древнейшие протокитайские «гадательные надписи» XIV—XI вв. до н. э., найденные там же. Шанский город-государство стоял во главе довольно крупного объединения. Его культовый центр, известный под названием «иньский оракул», где найдены тысячи надписей на костях животных и черепаховых панцирях, служил для ритуала гадания шанского и других союзных коллективов.

Шанский правитель назывался ваном. Он обладал военными полномочиями и функциями верховного жреца, выступал в особых случаях и организатором производства. Власть ванов была, по видимому, ограничена советом знати и народным собранием. Шанцы вели постоянные войны, военнопленных массами приносили в жертву обожествленным предкам и духам природы. О зарождении в шанском обществе частной собственности на рабов свидетельствуют раскопки могил среднего размера, где вместе с хозяином заживо сопогребено несколько рабов.

О политической истории государства Шан мы знаем очень мало. Известно, что на рубеже II—I тыс. до н. э. оно было завоевано чжоусцами, пришедшими с запада, из бассейна р. Вэй. В результате завоевания чжоусцы создали сравнительно большое, но непрочное государственное образование, которое традиция называет Западным Чжоу. Во главе его стояли наследственные правители из чжоуского

Голова богини. Крашеная глина, инкрустированная нефритом. Неолитическая культура Хуншань. Ляонин. III тыс. до н. э.

III тыс. до н. э. поздненеолитической культурой черной керамики луншань. Яншао традиционно считалась древнейшей прямой предшественницей китайской цивилизации. Однако недавно раскопки открыли на северо-востоке Китая, в Ляньине, возникшую еще задолго до яншао культуру хуншань, которую археологи КНР считают наряду с яншао колыбелью китайской цивилизации.

С древнеземледельческим ареалом Северного Китая связано одомашнивание чумизы. Южный Китай входит в первичный очаг возделывания риса. Сложен и далек от разрешения вопрос о происхождении и генезисе металлургии бронзы

царского рода, которые восприняли от панцев титул «ван». При этнической пестроте западночжоуского государства и отсутствии прочных экономических и общественно-политических связей правовое обоснование законности власти чжоуского вана имело исключительное значение.

Разработанное в этот период религиозное учение о божественном происхождении «царственности» и священном праве на власть чжоуских ванов исходило из мифических представлений и вытекало из чжоуского культа Неба как высшего божества. Чжоуский ван был провозглашен Сыном Неба (Тяньцзы) и «Едиственным» земным воплощением его, наделенным магической силой дэ, делающей его

вопрос престолонаследования) принимали участие представители высшей титулованной чжоуской аристократии — чжухоу.

С середины IX в. до н. э. западночжоуская держава вступает в полосу внутривосточного кризиса. С ростом сепаратизма чжухоу ослаблялась военная мощь ванов. В условиях усилившегося в начале VIII в. до н. э. натиска северо-западных кочевых племен Западного Чжоу оказалось не в состоянии противостоять внешней угрозе. Исконные земли чжоусцев в бассейне

сверхъестественным существом — посредником между Небом и людьми, мироустроителем и владыкой Тянься — Поднебесной. Считалось, что ван получал власть от самого Неба в силу ниспослания ему Небесного Повеления на царствование (Тянь мин).

Западночжоуский двуединный культ верховного божества Неба и Сына Неба был надплеменным, межэтническим, совместимым с общинными культами, создававшим идеологическую основу для культурно-политической консолидации разных этнических общностей. Однако само западночжоуское государство не приобрело деспотической формы правления. Власть вана была ограничена состоящим при нем сановным советом. В экстренных случаях в решении дел государственной важности (таких, как

р. Вэй были захвачены племенем цюаньжунов, и в 770 г. до н. э. чжоуская столица была перенесена на восток (в район совр. Лояна). Территория чжоуского государства, именуемого отныне в источниках Восточным Чжоу, резко сократилась. Наряду с ним в Китае к этому времени образовалось множество самостоятельных царств. Среди них выделялись известным единством культурной традиции царства среднего течения Хуанхэ и Великой Китайской равнины. Одни

Предмет ритуального назначения. Нефрит. Эпоха Шан. Вторая половина II тыс. до н. э.

Сосуд из красной глины. Неолитическая культура Давэнькоу. Шаньдун. Середина IV — конец III тыс. до н. э.

Тигр, пожирающий человека. Сосуд для жертвенного вина. Бронза. Эпоха Шан. Вторая половина II тыс. до н. э.

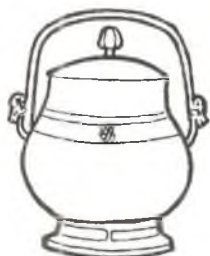
из них относили себя к потомкам чжоусцев, другие — иньцев, но все они признавали над собой верховную сакральную власть чжоуского вана как Сына Неба.

На территории этих царств шел процесс формирования культурно-генетической общности хуася, в ходе которого к середине I тыс. до н. э. образуется устойчивый этнокультурно-политический комплекс срединных царств (чжунго) и возникает представление об их превосходстве над остальной периферией «варваров четырех стран света». Идея культурного приоритета чжунгожэнь (людей срединных царств) становится важным компонентом самосознания древних китайцев.

На территории Китая находились государства, возникшие на местной этнической основе, отличные от срединных по языку и культуре, не уступавшие им ни по размерам, ни по уровню развития, но которых ортодоксальная чжоуская традиция третировала как «варваров». О высокой древней культуре этих царств свидетельствуют раскопки последних десятилетий. Среди «пяти гегемонов» — могущественных политических лидеров, диктовавших свою волю всей Поднебесной в период Чуньцю (Весен и осеней), VIII—V вв. до н. э., — четверо были из «варварских» царств: северо-западного жунского царства Цинь, маньских царств Чу (в среднем течении Янцзы) и У (в дельте Янцзы) и самого южного из всех, этнически пестрого Юэ, где жило население, родственное предкам вьетнамцев.

Из них только Цинь признавало номинальную власть восточножюуского вана. В период Чжаньго (Борющихся царств), V—III вв. до н. э., из «семи сильнейших» царств Древнего Китая три относили к нехуасяским: северо-восточное Янь и два уже упомянутых — Чу и Цинь. Последнему из них выпала столь выдающаяся роль в истории Китая, что этноним «циньцы» стал служить наименованием древних китайцев. Этимологически к нему восходят и латинское Синэ, и немецкое Хина, и французское Шин, и английское Чайна.

Срединные царства находились в постоянных контактах с соседними народами, в ходе которых шел сложный процесс ассимиляции и взаимовлияний. Так, на формирование общности хуася существенное воздействие оказало оседание на Великой Китайской равнине в VII—VI вв. племен ди, принадлежавших к «скифскому миру». Раскопки последнего десятилетия доказали высокий культурный уровень хэбэйского царства Чжуншань, образованного в это время белыми ди. Чжуншаньские изделия заняли достойное место среди лучших художественных образцов бронзолитейного искусства срединных I тыс. до н. э. Кроме Чжуншань белыми ди в Северном Китае

были созданы и другие государства.

Как и западножоуские ваны, правители восточножоуских царств практиковали выделение земель в управление знатным родам и раздачу земель за службу. Эти пожалования не были в собственном смысле земельной собственностью. При мелкотоварном характере экономики и отсутствии централизованного управления это была вполне оправдывавшая себя форма содержания правительственного аппарата. Хотя формально государь мог в любой момент отобрать

Начиная с VI в. до н. э. повсеместно отмечается, с одной стороны, борьба знатных родов за захват власти в своих царствах, а с другой — наступление правителей на потомственные привилегии иерархической аристократии.

Желая подорвать влияние этой клановой знати, правители царств старались опереться на лично им преданных людей из незнатных семей, вводя совершенно новую систему их должностного вознаграждения — «жалованье», уплачиваемое зерном, служившим важнейшим эквивалентом стоимости. В ряде царств на стороне правителя против кланов знати выступали «люди страны» — гожэнь. Их активное вмешательство, правда спорадическое, в важнейшие дела не только внутренней, но и внешней политики может говорить о сохра-

Ритуальный сосуд. Бронза. Западная династия Чжоу. XI—IX вв. до н. э.

Сосуд для возлияний в виде совы. Раскопки могилы верховной жрицы. Бронза. Эпоха Шан. Вторая половина II тыс. до н. э.

должностные пожалования, передача их по наследству постепенно становилась правилом.

Господствующее положение в царствах периода Чуньцзо принадлежало наследственной аристократии, связанной чаще всего родством с царскими домами. Она потомственно занимала высшие посты в государственном управлении, владела боевыми бронзовыми колесницами, составлявшими основу войска. В противовес ей правители стремились формировать свои армии из пехотных подразделений.

нении пережитков народных собраний и совета старейшин. Однако общественно-политическое значение гожэнь со второй половины I тыс. до н. э. даже в маленьких городах-государствах сходит на нет.

В крупных царствах постепенно вводилась централизованная политико-административная система. Основными производителями в сельском хозяйстве являлись свободные земледельцы-общинники. К концу первой половины I тыс. до н. э. во многих царствах прекраща-

Сосуд на трех ножках в виде носорогов. Бронза. IV в. до н. э. Из раскопок столицы царства Чжуншань в Хэбэе

Ритуальный колокол. Бронза. IV в. до н. э. Из раскопок столицы царства Чжуншань в Хэбэе

ются общинные переделы, земля переходит во владение отдельных больших семей. Усиливается процесс имущественной дифференциации общинников. В конце Чуньцю распространяется практика залога и отчуждения частных усадеб, садов и огородов, хотя скольконбудь заметного развития сделки с землей не получают. Появляется долговое рабство, сначала под видом «усыновления» и «залога детей». И что показательно, при множестве обозначений форм патриархальной зависимости рабского типа в середине I тыс. до н. э. утверждается обобщающий термин для обозначения рабов — нубэй, ставший затем стандартным на века.

При всем множестве и разнообразности государственных образований эпохи Чуньцю, их культурно-исторической специфике и неравномерности развития все они по характеру классовых отношений в целом принадлежали к одному и тому же раннему этапу развития древнего общества.

К середине I тыс. до н. э. политическая карта Древнего Китая по сравнению с началом Чуньцю существенно образом меняется: от почти двухсот государственных образований остается менее трех десятков. Среди них выделяются «семь сильнейших» — упомянутые Цинь, Янь и Чу, относящиеся к числу периферийных, и крупнейшие из срединных царств — Вэй, Чжао, Хань и Ци. Борьба между ними за господство в Поднебесной становится определяющим фактором политической истории в последующий двухвековой период Чжаньго.

С середины I тыс. до н. э. наступает эпоха глубоких изменений древнекитайского общества. Кардинальные сдвиги в развитии производительных сил были связаны с освоением плавки железа, что создавало условия для быстрого подъема ремесла и земледелия. Распространение железных орудий позволило выйти за пределы речных пойм, расширить площадь обрабатываемых земель. На начало второй половины I тыс. до н. э. падает активная деятельность по созданию гидротехнических сооружений

в бассейнах Хуанхэ, Хуайхэ и верховьях Янцзы.

С ирригацией был связан переход к интенсивной системе земледелия. После осуществления царством Цинь в конце IV — середине III в. до н. э. крупных воднохозяйственных мероприятий орошаемое

земледелие стало залогом его процветания. Ирригационные работы производились и в других «сильнейших» царствах, расширявших свои территории до пределов целых речных долин. С этого времени развитие культуры поливного земледелия превращается в важнейший фактор прогресса китайской цивилизации.

В период Чжаньго появляются торгово-ремесленные города с полумиллионным населением. Распространяется монетная форма денег. Создаются крупные частные хозяйства как сельскохозяйственного профиля, так и ремесленно-промысловые, рассчитанные на рынок. Мощный стимул получает частное рабовладение. Патриархально-рабовладельческая эксплуатация проникает в общину, разъедает ее изнутри. В ряде царств была официально разрешена купля-продажа земли.

В середине IV в. до н. э. министр Шан Ян в царстве Цинь провел реформы, которые имели целью политическую централизацию, административно-территориальное переустройство, подрыв могущества аристократических родов, изменение системы налогообложения с учетом трансформации общины. Шан Ян ввел единое законодательство и судопроизводство, узаконил залог и скупку земли, отменил ограничение размера наделов, вмешивался в землевладение большинства семейных объединений, требуя раздела патриархальных хозяйств. Стоял за порабощение бедняков. Отменялись все прежние наследственные титулы. Новые ранги знатности жаловались за личные, в первую очередь военные, заслуги, и только они давали право на занятие административных постов. Их обладатели получали, в соответствии со статусом, льготные регламентированные права на владение землей, рабами и другим имуществом.

Вскоре ранги стали продаваться, что открыло доступ к власти имущественной знати. В войске Шан Ян заменил колесницы — основу военной мощи аристократии — маневренной конницей, бронзовое оружие — железным. Правом изго-

товления вооружения располагало только государство. Циньская армия стала одной из самых боеспособных. После проведения реформ Шан Яна царство Цинь превратилось по типу государственного строя в военно-бюрократическую деспотию. В его политике и идеологии уже намечаются контуры будущей империи.

Эпоха Чжаньго вошла в традицию как классический период в истории духовной культуры Китая. И действительно, она была в изве-

*Боевая секира.
Бронза. Из раскопок
столицы царства
Чжуншань.
IV в. до н. э.*

*Бронзовый шлем.
Из раскопок в Ляонине.
Середина
I тыс. до н. э.*

стном смысле неповторимой эпохой широкой и открытой борьбы идей, фактически не стесняемой никакой официальной идеологической догмой. Ни до, ни после на протяжении древности и средневековья общество Китая не знало такой напряженности интеллекту-

альной жизни, такой распространенности гуманитарных учений. На городских площадях, на улицах и в переулках, во дворцах правителей и домах знати происходили идейные диспуты. В знаменитой на весь чжаньгоский Китай «академии» Цзися («У ворот Цзи») в циской столице Линьцзы одновременно сходились до тысячи «мужей, искусных в споре», состязавшихся в красноречии.

В эту эпоху «соперничества школ», как ее называют источники, складывались основные направ-

шестве сформировался новый социально-психологический тип личности, вырвавшейся из оков традиционного мировосприятия. Вместе с ней возникает критическая философия и теоретическая научная мысль.

Однако на глубинном уровне массового сознания продолжало господствовать нерасчлененное народно-мифологическое мышление. Культы общинных богов продолжали играть огромную роль. Кроме повсеместно распространенного культа предков семейной общины

Крылатый дракон.
Бронза, инкрустированная серебром.
IV в. до н. э.
Из раскопок столицы царства Чжуншань в Хэбэе

ления философской мысли Древнего Китая: конфуцианство, даосизм и др., создавались авторские художественные произведения. Именно тогда как результат длительного процесса преодоления архаических форм общественного сознания и трансформации мифологического мышления в древнекитайском об-

широко практиковались общинно-территориальные культы, связанные с магией плодородия, в частности весенней обрядностью. Еще с иньской эпохи существовали культы сил природы. Одним из наиболее стойких оставался сопровождаемый человеческими жертвами культ священных гор. Ритуал жер-

твоприношений пяти горным пикам возглавлял чжоуский ван. Когда стали возникать крупные политические образования, общинные верования должны были уступить место общегосударственным. Там, где местные культы упорно противостояли официальному, государство вело с ними борьбу. Так, в 227 г. до н. э. на захваченной царством Цинь чуской территории было предписано «искоренить местные обычаи», а после образования империи — вырубить священные рощи, где располагались капища местных божеств.

В процессе приспособления мифопоэтической традиции к идеологии господствующего класса из мифов изымался мотив бунтарства героев. Но искоренить из народной памяти титанический образ борца с наводнениями — самой грозной природной стихией Китая — мифического героя Гуня, восставшего против Небесного Владыки и во имя блага людей укравшего у него живую саморастущую землю, не удалось. Согласно легенде, за эту дерзость боги казнили Гуня, но тело героя оказалось нетленным, его рвали совы и черепахи и не могли растерзать. Через три года пыток Небесный Владыка повелел рассечь Гуня волшебным мечом. И тогда из его чрева вышел сын Юй, победивший вселенский потоп.

С ростом научных знаний пробивала себе дорогу критика мифологического мировоззрения, что нашло отражение в идеологии эпохи Чжаньго. В конфуцианской школе она велась с позиций историзации и рационализации, в даосской, близкой к народному творчеству, использование мифологических сюжетов превращалось в литературный прием. Наивно-реалистическая критика мифологических представлений звучит в «Вопросах Небу» — памятнике середины I тыс. до н. э., где она уже приобретает черты религиозного скептицизма.

Еще в эпоху Шан предки древних китайцев знали счет до 30 тысяч. Раннее развитие получила астрономия, вероятно, в связи с существованием лунного года, который необходимо было согласовывать с природными сезонами, связанными

с годом солнечным, продолжительность которого была вычислена весьма точно. В 613 г. до н. э. древнекитайские астрономы впервые зарегистрировали появление кометы Галлея. В V в. до н. э. Гань Дэ и Ги Шэном был составлен звездный каталог. Астрономы умели вычислить лунные затмения и заранее предвидеть возможность солнечных. Установленная древнекитайскими астрономами периодичность движения светила сыграла важную роль в возникновении одного из основных мировоззренче-

Ритуальная бронза из царского погребения с человеческими жертвоприношениями. Хубэй. V в. до н. э.

ских понятий древнекитайской философии — дао (пути).

Развитию письменности содействовали переход от письма на узких бамбуковых дощечках к письму на шелке и от царапающей палочки к писцовой кисточке. Размер писчего материала переставал лимитировать объем текста, что создавало возможность для собственно письменного творчества. Развивались математика, физика и особенно механика, вызванная потребностями ирригации, фортификационного и крепостного строительства.

Развитие естественнонаучных знаний способствовало утверждению стихийно-диалектических и наивно-материалистических взглядов. Ранние диалектические идеи

получили отражение в натурфилософском сочинении — «Книга перемен» («Ицзин»), Исходя из ее постулата об изменчивости всего сущего, авторы философского трактата середины I тыс. до н. э. «Сипычжуань» развивали мысль о движении как неотъемлемом свойстве объективного мира и представляли кардинальное ицзиновское понятие «тайцзи» (великий предел) как перво материю — некую изначально двойственную сущность, порождающую противоположные субстанции ян и инь.

В эпоху Чжаньго происходило культурное сближение царств, чему способствовало распространение древнекитайской иероглифической письменности. Благодаря отсутствию в ней прямой связи между чтением и графическим начертанием она могла использоваться носителями любого языка. Грамотность охватывала достаточно широкие слои населения и считалась признаком образованности. Показательно, что царские указы не просто оглашались, но записывались на скрижалях и выставлялись у городских ворот для публичного ознакомления. Перемещения людских масс в ходе непрерывных войн и переселений, вызванных колонизаторской политикой «сильнейших» царств, вели к постепенному смешению и нивелировке диалектов, в связи с чем начинала складываться единый устный древнекитайский язык.

Эпоха Чжаньго считается «золотым веком» китайской философии. В это время возникают философские учения в собственном смысле слова. Важнейшие из них — конфуцианство, даосизм, моизм и легизм (фацзя) — оказали огромное влияние на все последующее развитие китайской философской и общественно-политической мысли. Конфуцианство возникло на рубеже VI—V вв. до н. э. Его основоположником считается Учитель Кун (Кунцзы, в латинской транскрипции — Конфуций, 551 — 479 гг.) — странствующий проповедник из царства Лу, который был впоследствии обожествлен. Государственный культ Конфуция с официальным ритуалом жертвопри-

ношений, учрежденный в стране в 59 г. н. э., просуществовал в Китае вплоть до 1928 г. Учитель Кун излагал свое учение изустно в форме диалогического собеседования. Изречения Конфуция были затем записаны его учениками и сведены в трактат «Луньюй» («Беседы и суждения»).

На протяжении многих веков «Луньюй» являлся своего рода катехизисом конфуцианства и вплоть до XX в. составлял основу начального обучения в китайских школах, где от учащихся требовалось его зазубривание наизусть. Официальная традиция связывала с именем Конфуция исключительный пиетет в Китае к грамотности, «книжной учености». Конфуций впервые в истории Китая открыл частную школу. В школе Конфуция преобладала практическая философия, связанная с проблемами нравственности и управления. Конфуций уделял главное внимание не вопросам бытия, а человеку и человеческому обществу. Впоследствии конфуцианцы создали свою каноническую литературу, в которую включили будто бы отредактированные Конфуцием «Книгу перемен», «Книгу песен», «Книгу преданий» и лускую летопись «Чуньцю», якобы им написанную.

На протяжении дальнейшей истории Древнего Китая конфуцианство претерпело существенные изменения. Из религиозно окрашенного, но преимущественно политико-социально-этического учения оно в условиях древнекитайской империи Хань превратилось в философско-теологическую систему и даже заявило свои притязания на роль мировой религии, хотя им и не суждено было сбыться.

В целом древнее конфуцианство поражает своей архаичностью, огромной ролью в нем культа предков, сильными пережитками мифологического, социоантропоморфического сознания, неотделенностью физического от морального. Оно восприняло традиционные древние верования в сверхъестественную силу Неба как верховного божества, развивало учение о сознательной Воле Неба и о священном характере власти земного

Элемент древка секиры. Золото с инкрустацией. Из раскопок в Хэбее. Эпоха Чжаньго

правителя как Сына Неба.

По конфуцианскому учению, общественная структура, как и устройство мира, вечна и неизменна, каждый в ней по Воле Неба занимает строго определенное место. Небом предопределено деление людей на «управляющих» — «благородных мужей», «способных к нравственному самоусовершенствованию» (Конфуций относил к ним лишь аристократов по рождению) — и «управляемых» — «низкий, презренный люд», аморальный по природе, которому предназначено свыше заниматься физическим трудом, «кормить и обслуживать» правящую элиту. Кредо Конфуция: «Правитель должен быть правителем, отец — отцом, сын — сыном». Конфуций был противником введения писаного права, призывая к возрождению древних обычаев и методов управления. Идеалом его была эпоха Западного Чжоу.

Религиозно-философские проблемы конфуцианства разрабатывал Мэнцзы (372—289 гг. до н. э.), теоретически обосновывая постулат о Воле Неба, осуществляемой через «гуманное правление» высокопоставленного государя. Основу «гуманного правления» составляло беспрекословное следование традиции, не допускающее отступления от заветов божественных предков — правителей «золотого века» древности во главе с Яо и Шунем. Мэнцзы выдвинул концепцию Кары Небес — Гэмин (Изменения Воли Неба), пытаясь представить насильственную смену власти как возмездие, ниспосланное свыше, но отнюдь не как бунт снизу.

Конфуцианство освящало общественное неравенство, стояло на страже монархии, представляя ее единственно угодной Небесам формой правления. «Как на небе не может быть двух солнц, так и у народа не может быть двух правителей», — провозглашал Мэнцзы. Учение Конфуция и Мэнцзы о «гуманном правлении» было призвано обосновать право потомственных знатных родов на политическое господство, возведенное к Воле Неба.

Аристократическая мораль ран-

него конфуцианства ярко проявилась в учении Сюньцзы (313—238 гг. до н. э.) о ритуале. Закрывающий в себе этические, политические и правовые нормы, ритуал выступает у него высшей формой различий между «теми, кто сверху» и «теми, кто внизу». Господство одних над другими Сюньцзы объявлял извечным состоянием общества. Он утверждал (в отличие от Мэнцзы), что натура людей изначально зла, что социальное и имущественное неравенство коренится в природе человека, требовал соблюдения сословных различий между знатью и народом.

Знаменитая фраза Конфуция: «Я передаю, а не создаю» — стала основополагающей для теории и практики ортодоксального конфуцианства, противившегося новому, осуждающего всякий намек на свободомыслие. Идеи конфуцианства о независимости знания от практической деятельности стали препятствием развитию естественных и прикладных наук. Несмотря на некоторые элементы наивно-материалистического мышления в раннем конфуцианстве, в дальнейшем оно развивалось в русле идеалистической философии.

Возникновение даосизма традиция связывает с именем полубогородного мудреца из царства Чу, будто бы старшего современника Конфуция, Лаоцзы, который считался автором натурфилософского трактата «Даодэцзин» («Книга о дао и дэ»; записана, по-видимому, в IV—III вв. до н. э.). В отличие от метафизического в целом конфуцианства даосское мировоззрение проникнуто яркими чертами стихийно-диалектического мышления. Основная категория учения дао трактовалась как «путь природы», «мать всех вещей». Социальным идеалом древнего даосизма был возврат к «естественному», первобытному состоянию и внутриобщинному равенству — «золотому веку» даосской утопии. Даосы резко порицали социальный гнет. Они осуждали войны, выступали против богатства и роскоши знати, поборов властей, доводящих народ до нищеты, бичевали жестокость правителей и самочинство сановой

Меч. Бронза.
Из раскопок в Хубэе. V в. до н. э.

элиты. Лаоцзы выдвинул теорию недеяния, которая в плане социологическом, с одной стороны, была направлена на ограничение произвола власти имущих, а с другой — проповедовала пассивность как принцип жизни, обрекая массы на следование дао — естественному ходу вещей.

Древние даосы признавали объективность мира, выступали против обожествления неба. Они учили, что небо, как и земля, — всего лишь части природы. Мир в их представлении состоял из мельчайших неделимых материальных частиц цзи и находился в постоянном изменении, где все бесконечно переходило в свою противоположность: «неполное становится полным, кривое — прямым, пустое — наполненным, ветхое — новым». Даосы отрицали культ предков, отвергали жертвоприношения небу, земле, рекам, горам и другим обожествленным явлениям природы.

Идеи древнего даосизма получили развитие у философа Лецзы (V—IV вв. до н. э.). Лецзы по прозвищу Защита Разбойников, родом из царства Чжэн, вышел из среды ремесленников. Трактат, названный его именем, дошел в поздней записи, однако, по мнению ученых, в нем достоверно изложены взгляды мыслителя. Лецзы был выдающимся материалистом и диалектиком древности, трактуя категорию дао как «вечное самодвижение материи». Он заявлял: «Вещи сами рождаются, сами развиваются, сами формируются, сами окрашиваются, сами познают, сами усиливаются, сами истощаются, сами исчезают. Неверно говорить, будто кто-то намеренно порождает, развивает, формирует, окрашивает, дает познание, силу, вызывает истощение и исчезновение».

Теория материи Лецзы близка к представлению об атомистическом строении вещества. В качестве материальной субстанции в его учении выступают два первоэлемента: цзи (эфир, воздух) и цзи (семена). «Вся тьма вещей выходит из семян и в них возвращается», — говорил он. Философ рассматривал небо как «скопление воздуха», а землю — как «скопление твердого ве-

щества». Он развивал материалистическую концепцию о вечности и бесконечности Вселенной, о множественности миров, одним из которых является земной мир. Лецзы принадлежит научно-материалистическое, атеистическое по своей направленности учение об эволюции жизни на Земле от простейших организмов до человека. Лецзы отвергал идею о predetermined свыше предназначении человека, о загробной жизни и бессмертии души. Мыслитель утверждал, что душа человека состоит из тех же частиц, что и его тело, но только более легких и теплых.

Крупнейшим представителем классического даосизма являлся блистательный художник слова, занимающий уникальное место в китайской культуре, Чжуанцзы (около 369—286 гг. до н. э.). Сведения о его жизни крайне скудны. Известно, что родился он в царстве Сун. Философия Чжуанцзы противоречива, наряду с идеалистическими положениями она содержит глубокие материалистические идеи и гениальные догадки о мироздании. Основой учения мыслителя является концепция дао. Дао (истинный властелин, великий учитель) выступает в его доктрине как сущность бытия, субстанциальная основа мира, абсолютное единое начало, от которого происходят все вещи, постоянно изменяющиеся в вечном круговороте мироздания. Жизнь — непрерывный поток движения. Всеобщность изменений и переход явлений в свою противоположность делают все качества относительными.

Чжуанцзы утверждал природное равенство людей, отстаивал право на индивидуальную мораль, отрицал деление на «благородных» и «ничтожных», сочувствовал рабской доле, страстно обличал стяжательство и лицемерие власть имущих. Среди его героев много тружеников, искусных умельцев. Чжуанцзы заявлял, что этические принципы конфуцианства «гуманность», «справедливость», «долг» чужды истинной природе человека и так же не нужны ему, как «пестрый палец на руке». Его особенно занимала проблема жизни и смер-

Дух — хранитель могилы. Из раскопок в Хэнане. V—III вв. до н. э.

ти. Решая ее материалистически, философ утверждал: «Со смертью тела исчезает душа человека». Чжуанцзы развенчивал постулат о целенаправленной «Воле Неба». Мировую стихию мыслитель уподобил «огромному плавильному котлу», в котором непрестанно и вечно переплавляется вся «тьма вещей».

Общая идейная направленность древнего даосизма, осуждение им социальной несправедливости отвечали настроениям общинных масс, в чем и крылась причина его популярности. В нем получил отражение пассивный протест общественных низов против эксплуатации. Вместе с тем натурфилософские воззрения и широта этических принципов привлекали к даосизму представителей господствующего класса, однако в их интерпретации доктрина недеяния приобретала нередко ярко выраженный индивидуалистический характер.

В идеологическую борьбу активно включилась школа моистов, выступавшая против конфуцианства. Название этой школы идет от имени ее основателя Мо Ди, или Учителя Мо (около 468—376 гг. до н. э.). Место его рождения не установлено, возможно, он жил в Чу, где его учение получило широкое распространение. Учение Мо Ди было направлено против засилья наследственной аристократии, ее привилегированного общественного и политического положения. Мо Ди обличал паразитизм родовитой знати, ее моральное вырождение, роскошь ее дворов, противопоставлял ей тяжелую трудовую жизнь простолюдинов и требовал облегчения положения народных низов.

Мо Ди выдвинул утопическую программу переустройства общества на основе принципа «всеобщей любви и взаимной пользы». Он предлагал отменить систему наследования должностей и рангов знатности, лишить власти «ничтожную родню» правителей и придворной знати, «подобную глухим, которых поставили музыкантами». Мыслитель предлагал формировать аппарат управления сверху донизу, выдвигая мудрых людей из народа, независимо от происхождения и

характера занятий. «Если земледелец, ремесленник или торговец проявит недюжинные способности, то следует поручить ему дела управления соразмерно способностям»,— заявлял он.

Учение моистов отличалось противоречивостью. Во многом оно было близко интересам основной массы свободных производителей. Заметный контингент в его школе составляли городские низы, из этой среды вышел и Мо Ди. Вместе с тем доктрина, выдвинутая им, не была направлена против эксплу-

ататоров как таковых. Будучи нацелена на борьбу с правящей потомственной аристократией и ее идеологами-конфуцианцами, она не только не ущемляла новую, имущественную рабовладельческую знать, выпешдшую из недр общины и рвущуюся к политической власти, но и объективно была в значительной мере выражением ее идеологии. Показательно, что богатство выступает в учении моистов как добродетель, а нищета осуждается как явление аморальное. «Богатство происходит от трудолюбия, а бедность — от нерадивости»,— утверждал Мо Ди.

В моизме, видимо, нашли отражение интересы городской самоуправляющейся общины. Монеты были защитниками городов, подвергшихся агрессии, и значительная

Бронзовый сосуд
с драконами.
Из раскопок в Хэ-
бее. IV в. до н. э.

Украшение дышла колесницы. Позолоченная бронза с серебром. Из раскопок в Хэняни. V—III вв. до н. э.

часть трактата Мо Ди посвящена искусству их обороны. Мо Ди выдвинул внешнеполитическую доктрину равенства государств как основу мирных межгосударственных отношений. Он требовал прекращения междоусобных войн, которые считал бедствием для народа и нарушением Воли Неба. «Когда войска вторгаются на чужую территорию, они вытаптывают посевы, разрушают города, засыпают каналы, сжигают храмы предков, забивают скот, непокорных убивают, а захваченных в плен связывают и уводят с собой... мужчин превращают в рабов, женщин — в рабынь», — писал он. Мыслитель разделял войны на захватнические, которые осуждал, и оборонительные, которые оправдывал.

Мо Ди выдвинул идею о социальной роли труда. В способности к целенаправленной деятельности философ видел основное отличие людей от животных. Защищая тезис о великом значении активного начала, Мо Ди выступал против как учения Конфуция с его презрением к физическому труду, так и теории недеяния Лаоцзы.

Монеты внесли вклад в развитие стихийно-научного мировоззрения. Последователи Мо Ди («поздние монеты») отбросили его теистические положения, подошли к выявлению законов формальной логики, в частности противоречия. Первыми в истории китайской философии они стали изучать процесс познания, объявляли предметом познания внешний мир как объективную реальность; считали трудовой коллективный опыт людей источником и критерием достоверности знания. У моистов получили развитие математика, физика, инженерное дело. Их учение отличалось практиче-

ской целеустремленностью. В царствах Чу и Цинь они выступали за реформы, направленные против наследственной аристократии.

Политико-философское течение легизм (фацзя) зародилось одновременно с конфуцианством и даосизмом — в VII—VI вв. до н. э. Первому оно противостояло, со вторым имело во многом общие мировоззренческие черты. Важнейшими его представителями были Шан Ян (казнен в царстве Цинь в 338 г. до н. э.) и Хань Фэйцзы (отравлен в царстве Цинь в 223 г. до н. э.). Легисты материалистически толковали дао как естественный путь развития природы. Хань Фэйцзы выступал против жертвоприношений, поклонения богам и духам, разоблачал культ предков. Философские проблемы в легизме были подчинены конкретным задачам государственного устройства.

Легисты требовали введения единых, обязательных для всех законов, направленных на охрану частной собственности и утверждение единоличной власти правителя. Провозглашая гласность закона, легисты настаивали на наказании за малейшее его нарушение по принципу: «В строгой семье не бывает строптивых рабов». Идеал политического строя легистов, нашедший яркое выражение у Хань Фэйцзы, предвосхитил будущую имперскую государственность. С наибольшей последовательностью легистские реформы были проведены Шан Яном в царстве Цинь. Легисты были идеологами имущественной знати, связанной с развитием рабовладения, и новой чиновничьей бюрократии.

В русле материалистических идей сложилось учение Ян Чжу (430—360 гг. до н. э.). Он был родом из царства Вэй, происходил из общинной среды, владел небольшим полем, имел несколько рабов. Произведения Ян Чжу не сохранились, хотя, по свидетельству Мэнцзы, в его время «слова Ян Чжу заполнили Поднебесную». Его учение вызывало яростные нападки и конфуцианцев, и даосов, и легистов. Идеиные противники сделали все, чтобы «заткнуть рот Ян Чжу». О его взглядах известно

косвенно, из сочинений других философов.

В центре философии Ян Чжу стоит наивно-материалистическое учение о человеке. Ян Чжу считал, что природа и человек как ее составная часть подчинены необходимости, заложенной в самих вещах. В объективно существующем мире все «совершается само собой». Человек должен постичь дао (закон природы) и не действовать вопреки ему. Человек состоит из тех же «пяти первоэлементов», что и вся природа, отличаясь от других живых существ лишь разумом. Распространенное в древнекитайской философии представление о мире как единстве неба, земли и человека имеет у Ян Чжу материалистический характер. Утверждая, что небо, земля и человек как части природы не подчинены надмировой, разумной силе, философ дает по сути атеистическую трактовку понятия неба, отрицающую божественную сущность последнего.

Решение проблемы жизни и смерти ставит Ян Чжу в один ряд с величайшими атеистами древнего мира. Ян Чжу рассматривал смерть как закономерное природное явление. «По закону природы не существует бессмертия. По закону природы нет вечной жизни», — сказал мыслитель. Ян Чжу считал этическим идеалом наслаждение жизнью и счастье индивидуума. «Следует наслаждаться при жизни, а не тревожиться о том, что будет после смерти», — учил он. Однако, заявляя, что «нужно осуществлять то, что желают наши органы чувств, нужно действовать так, как хочет наша душа», Ян Чжу имел в виду разумное удовлетворение потребностей и утверждал, что чрезмерные желания вредят природе человека.

С исключительной резкостью он опровергал возможность загробной жизни, отвергал культ предков, похоронную обрядность, жертвоприношения. Гуманизм этических взглядов Ян Чжу раскрывается в осуждении им насилия и социального лицемерия, в сочувствии обездоленным, в готовности «дать отдохнуть усталому, накормить голодного, обогреть замерзшего».

Философ выступал и против бедности, и против чрезмерного богатства. Философия Ян Чжу носит жизнеутверждающий характер: смысл жизни — в стремлении человека к счастью, в развитии его физической и духовной сущности.

В эпоху Борющихся царств появляются первые произведения индивидуального творчества в поэзии. Источником древнекитайской словесности была устная народная традиция, и прежде всего мифы.

В царстве Чу творил великий поэт древнего Китая Цюй Юань

Великая Китайская
стена

(340—278 г. до н. э.) — лирик и трагик. Стихи его отличаются изысканностью формы и глубиной содержания, насыщены мифологическими образами. В изгнании он создал оду «Скорбь изгнанника» — свою поэтическую исповедь. Она заложила основу песенного жанра фу — лирических и лиро-эпических од с прозаическим вступлением, которые получили развитие в следующую эпоху.

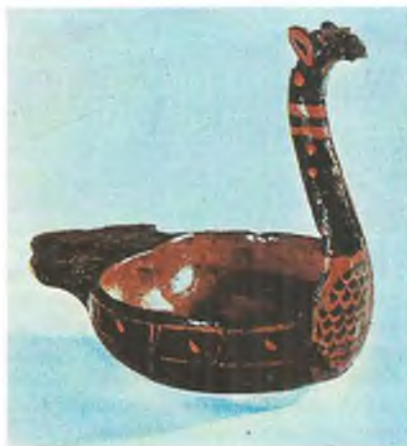
В развитие поэзии внес свой вклад чуский поэт Сун Юй (290—223 г. до н. э.). В отличие от скорбно-пессимистических стихов Цюй Юаня лирика Сун Юя пронизана ощущением радости жизни. Он считается первым в Китае певцом любви и женской красоты. Поэзия любовного томления нашла отражение в одах «Распутный Дэнту», «Горы высокие Тан», в «Оде о Бессмертной».

Циньский знак военной власти. Бронза с золотой инкрустацией. V—III вв. до н. э.

Как уже говорилось, после проведения реформ Шан Яна царство Цинь превратилось в мощную державу. С этого времени циньские правители становятся на путь агрессии. Используя внутренние противоречия древнекитайских царств и их междоусобицы, циньские ваны захватывали одну территорию за другой и после ожесточенной борьбы подчинили себе все государства Древнего Китая. В 221 г. до н. э.

Циньская лаковая ладья. Из раскопок в Хубэе. III в. до н. э.

Цинь завоевало последнее самостоятельное царство Ци на Шаньдунском п-ове. Циньский ван принял новый титул «хуанди» — император — и вошел в историю как Цинь Шихуанди — «Первый император Цинь». Столица царства Цинь Сяньян была объявлена столицей империи.

Цинь Шихуанди не ограничился завоеванием древнекитайских царств, он продолжил экспансию на север, где складывался племенной союз сюнну. 300-тысячная циньская армия нанесла поражение сюнну и оттеснила их за излучину

Хуанхэ. Чтобы обезопасить северную границу империи, Цинь Шихуанди приказал возвести гигантское фортификационное сооружение — Великую Китайскую стену. Он предпринял завоевания в Южном Китае и Северном Вьетнаме. Ценой огромных потерь его армиям удалось добиться номинального подчинения древневьетнамских государств Намвьет и Аулак.

Цинь Шихуанди распространил на всю страну установления Шан Яна, создав военно-бюрократическую империю во главе с единовластным деспотом. Циньцы занимали в ней привилегированное положение, им принадлежали все руководящие чиновничьи должности. Была унифицирована и упрощена иероглифическая письменность. Законом устанавливалось единое для всех полноправных свободных гражданское наименование «черноголовые». Мероприятия Цинь Шихуанди проводились крутыми мерами.

В стране царил террор. Всех, кто высказывал недовольство, казнили, по закону круговой поруки соучастников обращали в рабство. За счет порабощения масс военнопленных и осужденных судами число государственных рабов оказалось огромным.

«Цинь учредило рынки рабов и рабынь в загонах вместе со скотом; управляя подданными, всецело распоряжались их жизнью», — сообщает древнекитайские авторы, усматривая в этом чуть ли не главную причину быстрого падения династии Цинь. Колоссальных затрат и человеческих жертв требовали далекие походы, сооружение Великой стены, ирригационных каналов, проведение дорог, широкое градостроительство, возведение дворцов и храмов, создание гробницы для Цинь Шихуанди — недавние раскопки вскрыли огромные масштабы этого подземного мавзолея. Тяжелейшие трудовые повинности легли на плечи основной массы рабочего населения. В 210 г. до н. э., в возрасте 48 лет, Цинь Шихуанди скорострительно скончался.

сразу же после его смерти в империи вспыхнуло мощное восстание. Наиболее удачливый из повстанческих вождей, выходец из среды рядовых общинников Лю Бан сплотил силы народного движения и привлек на свою сторону опытных в военном деле врагов Цинь из потомственной аристократии. В 202 г. до н. э. Лю Бан был провозглашен императором и стал основателем новой династии Хань.

Первая древняя империя Китая — Цинь просуществовала всего полтора десятка лет, но она заложила прочную социально-экономическую основу империи Хань. Новая империя стала одной из сильнейших держав древнего мира. Ее более чем четырехвековое существование было важным этапом в развитии всей Восточной Азии, который в рамках всемирно-исторического процесса охватывал эпоху подъема и крушения рабовладельческого способа производства. Для национальной истории Китая это был важный этап консолидации древнекитайской народности. По сию пору китайцы называют себя ханьцами — этническим самоназванием, берущим начало от империи Хань.

История Ханьской империи подразделяется на два периода: Старшей (или Ранней) Хань (202 г. до н. э.—8 г. н. э.) и Младшей (или Поздней) Хань (25—220 гг. н. э.).

Придя к власти на гребне антицинского движения, Лю Бан отменил законы Цинь, облегчил бремя налогов и повинностей. Однако цинское административное деление и бюрократическая система управления, а также большинство экономических установлений империи Цинь остались в силе. Правда, политическая ситуация заставила Лю Бана нарушить принцип безусловной централизации и раздать часть земель во владение своим соратникам — семь сильнейших из них получили титул «ван», ставший отныне высшим аристократическим рангом. Борьба с их сепаратизмом явилась первоочередной внутриполитической задачей преемников Лю Бана. Окончательно сила ванов была сломлена при императоре Уди (140—87 гг. до н. э.).

В сельскохозяйственном производстве империи основную массу производителей составляли свободные земледельцы-общинники. Они были обложены поземельным (от VI5 до 1/30 урожая), подушным и подворным денежными налогами. Мужчины несли рабочую (по месяцу в году в течение 3 лет) и воинскую (2-годовичную армейскую и ежегодно 3-дневную гарнизонную) повинности. Земледельцы составляли известную часть населения и в городах. Столица империи г. Чаньань (около Сиани) и круп-

нейшие города, такие, как Линьцзы, насчитывали до полумиллиона, многие другие — свыше 50 тыс. жителей. В городах функционировали органы самоуправления, являвшие собой характерную черту древнекитайской «городской культуры».

Рабство было основой производства в промышленности, как частной, так и государственной. Труд рабов хотя и в меньшей мере, но повсеместно использовался в сельском хозяйстве. Работорговля в это время получает бурное развитие. Рабов можно было купить

Лучник императорской гвардии. Терракота. Конец III в. до н. э. Из раскопок могилы Цинь Шихуанди под Сянью.

Наконечник копья. Шичжайшань. Эпоха Хань

почти в каждом городе, на рынках их считали, как рабочий скот, по «пальцам рук». Партии закованных рабов переправлялись за сотни километров.

Ко времени правления Уди Ханьская держава превратилась в сильное централизованное государство. Развернувшаяся при этом императоре экспансия была направлена на захват чужеземных территорий, покорение соседних народов, господство на международных торговых путях и расширение внешних рынков. Над империей с самого

После этого морские и сухопутные ханьские войска напали на древнекорейское государство Чосон и вынудили его в 108 г. до н. э. признать власть Ханей.

Отправленное при Уди на запад посольство Чжан Цяня (умер в 114 г. до н. э.) открыло Китаю огромный мир чужеземной культуры. Чжан Цянь побывал в Дася (Бактрии), Кангюе, Давань (Фергане), разузнал об Аньси (Парфии), Шэньду (Индии) и других странах. В эти страны были направлены послы от Сына Неба. Ханьская

начала нависла угроза вторжения кочевников еюнну. Их набеги на Китай сопровождались угоном тысяч пленных и достигали даже столицы. Уди взял курс на решительную борьбу с сюнну. Ханьским армиям удалось оттеснить их от Великой стены, а затем расширить территорию империи на северо-западе и утвердить влияние империи Хань в Западном крае (так китайские источники называли бассейн р. Тарима), по территории которого проходил Великий шелковый путь. Одновременно Уди вел захватнические войны против вьетских государств на юге и в 111 г. до н. э. заставил их покориться, присоединив к империи земли Гуандуна и север Вьетнама.

империя установила связи со многими государствами на Великом шелковом пути — международной трансконтинентальной трассе, протянувшейся на расстояние 7 тыс. км от Чаньани до стран Средиземноморья. По этому пути караваны тянулись непрерывной чередой, по образному выражению историка Сыма Цяня (145—86 гг. до н. э.), «один не выпускал из виду другого».

Из империи Хань на Запад везли железо, считавшееся лучшим в мире, никель, драгоценные металлы, лаковые, бронзовые и другие художественные и ремесленные изделия. Но основным предметом экспорта был шелк, производимый тогда только в Китае. Междуна-

родные, торговые и дипломатические связи по Великому шелковому пути способствовали обмену культурными достижениями. Особую важность для Ханьского Китая представляли заимствованные из Средней Азии сельскохозяйственные культуры: виноград, фасоль, люцерна, гранатовые и ореховые деревья. Однако прибытие иноземных послов воспринималось Сыном Неба как выражение покорности империи Хань, а привозившиеся в Чаньань товары — как «дань» чужеземных «варваров».

себя императором Новой династии.

Указами Ван Мана была запрещена купля-продажа земли и рабов, предполагалось наделить землей неимущих за счет изъятия ее излишков у богатей общины. Однако уже через три года Ван Ман вынужден был отменить эти установления из-за сопротивления собственников. Потерпели неудачу и законы Ван Мана о выплавке монеты и нормировании рыночных цен, представляющие попытку вмешательства государства в экономику страны. Упомянутые реформы

Захватническая внешняя политика Уди требовала огромных средств. Налоги и повинности очень возросли. Сыма Цянь отмечает: «Страна устала от непрерывных войн, люди объаты печалью, запасы истощились». Уже в конце правления Уди в империи вспыхнули народные волнения. В последней четверти I в. до н. э. по стране прокатилась волна восстаний рабов. Наиболее дальновидные представители господствующего класса сознавали необходимость проведения реформ с целью ослабления классовых противоречий. Показательна в этом отношении политика Ван Мана (9—23 гг. н. э.), который совершил дворцовый переворот, сверг династию Хань и объявил

не только не смягчили социальных противоречий, но и привели к еще большему их обострению. По всей стране прокатились стихийные восстания. Особый размах имело движение «Красных бровей», начавшееся в 18 г. н. э. в Шаньдуне, где бедствия населения были умножены катастрофическим разливом Хуанхэ. Чаньань перешла в руки повстанцев. Ван Ман был обезглавлен.

Стихийность протеста масс, отсутствие у них военного и политического опыта привели к тому, что движение пошло на поводу у представителей господствующего класса, заинтересованных в свержении Ван Мана и возведении на трон своего ставленника. Им стал

Отряд пехотницев и всадников. Крашеная глина. Шэньси. Первая половина II в. до н. э.

отпрыск ханьского дома, известный под именем Гуан Уди (25—57 г. н. э.), основавший Младшую династию Хань. Гуан Уди начал правление карательным походом против «Красных бровей». К 29 г. ему удалось разбить их, а затем подавить остальные очаги движения. Размах восстаний показал необходимость уступок низам. Если раньше любые попытки сверху ограничить частное рабство и вторгнуться в права земельных собственников вызывали сопротивление богачей, то теперь перед реаль-

ность, ставя задачей добиться прямых контактов с Дацинь (Великой Цинь, как ханьцы называли Римскую империю). Однако отправленное им посольство дошло лишь до римской Сирии, будучи задержано парфянскими купцами.

Со второй половины I в. н. э. получает развитие посредническая ханьско-римская торговля. Древние китайцы впервые воочию увидели римлян в 120 г., когда в Лоян прибыла и выступала при дворе Сына Неба группа бродячих фокусников из Рима. Одновременно

Погребальное облачение жены брата императора Уди из 2156 нефритовых пластин, скрепленных золотыми нитями. Хань. II в. до н. э.

ной угрозой массовых восстаний они не протестовали против законов Гуан Уди, запрещавших клеймение рабов, ограничивавших право хозяина на убийство рабов, и ряда мероприятий, направленных на сокращение рабства и некоторое облегчение положения народа.

В 40 г. н. э. вспыхнуло народно-освободительное восстание против ханьских властей в Северном Вьетнаме под руководством сестер Чынг, которое Гуан Уди удавалось с огромным трудом подавить только к 44 г. Во второй половине I в., умело использовав (а в известной мере спровоцировав) раскол сюнну на северных и южных, империя приступила к восстановлению ханьского владычества в Западном Крае, который при Ван Мане подпал под власть сюнну. Империи Хань удалось к концу I в. установить влияние в Западном Крае и утвердить гегемонию на этом отрезке Шелкового пути. Ханьский наместник Западного Края Бань Чао развернул в это время активную дипломатическую деятель-

Ханьская империя установила связи с Индостаном через Верхнюю Бирму и Ассам и наладила морское сообщение из порта Бакбо в Северном Вьетнаме до восточного побережья Индии, а через Корею — в Японию. По южному морскому пути в 166 г. в Лоян прибыло первое «посольство» из Рима, как именовала себя частная римская торговая фирма. С середины II в., с утратой гегемонии империи на Шелковом пути, получает развитие внешняя торговля ханьцев со странами Южных морей, Ланкой и Ханчипурой (Южная Индия). Империя Хань отчаянно и по всем направлениям рвется к внешним рынкам. Казалось, никогда еще Ханьская держава не достигала такого могущества. В ней проживало около 60 млн человек, что составляло более 1/5 населения земного шара в тот период.

Однако видимое процветание поздних ханьской империи таило в себе глубокие противоречия. К этому времени наметились серьезные изменения в ее социальном и

политическом строе. Рабовладельческие хозяйства продолжали существовать, но все большее распространение получали имения так называемых сильных домов, где зачастую наряду с рабами широко использовался труд «тех, кто своей земли не имеет, а берет у богатых и возделывает ее». Эта категория работников оказывалась в личной зависимости от земельных собственников. Под покровительством сильных домов находилось по несколько тысяч таких семей. Регистрируемая государством площадь пахотных земель неуклонно сокращалась, число податного населения катастрофически падало: от 49,5 млн человек в середине II в. до 7,5 млн по переписи середины III в. Имения сильных домов становились экономически замкнутыми хозяйствами.

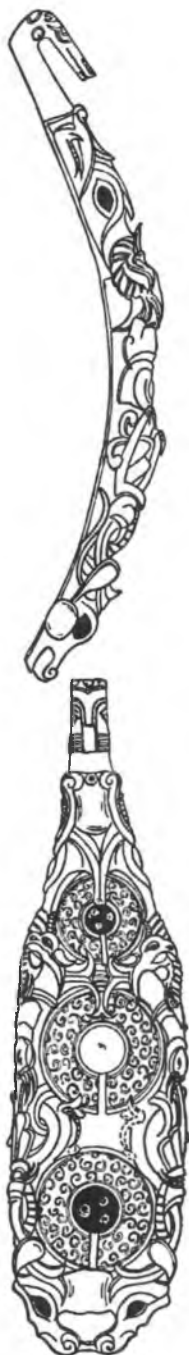
Начался стремительный упадок товарно-денежных отношений. Количество городов по сравнению с рубежом нашей эры сократилось более чем вдвое. В самом начале III в. был издан указ о замене в империи денежных платежей натурой, а затем монета была официально отменена и в оборот введены шелк и зерно как товаро-деньги. Со второй четверти II в. хроники чуть ли не ежегодно отмечают локальные восстания — за полвека их зафиксировано более сотни. В условиях политического и глубокого социально-экономического кризиса в империи разразилось самое мощное в истории Древнего Китая восстание, известное под названием «Желтых повязок». Его возглавил маг-врачеватель Чжан Цзяо — основатель тайной продаосской секты, готовившей восстание в течение 10 лет. Чжан Цзяо создал 300-тысячную военизированную организацию. По донесениям властей, «вся империя приняла веру Чжан Цзяо».

Движение вспыхнуло в 184 г. сразу во всех частях империи. Повстанцы надели желтые головные повязки в знак победы справедливого Желтого Неба над Синим небом — несправедливой династией Хань. Они разрушали правительственные здания, убивали представителей власти. Восстание «Желтых повязок» носило характер широкого общественного движения с несомненной эсхатологической окраской.

Выступая под религиозной оболочкой учения Пути Великого Благоденствия (Тайпиндао), движение «Желтых повязок» было первым в истории Китая восстанием угнетенных народных масс, имеющим собственную идеологию. Власти оказались бессильны справиться с восстанием. На борьбу с «Желтыми повязками» поднялись армии сильных домов и совместными усилиями жестоко расправились с повстанцами. В ознаменование победы у главных ворот столицы была сложена башня из сотен тысяч отрубленных голов «желтых». Начался дележ власти между палачами движения. Их междоусобицы завершились крушением Ханьской империи: в 220 г. она распалась на три царства, в которых активно шел процесс феодализации.

Ханьский период был своего рода кульминацией культурных достижений Древнего Китая. На основе вековых астрономических наблюдений был усовершенствован лунно-солнечный календарь. В 28 г. до н. э. ханьские астрономы впервые отметили существование солнечных пятен. Достижением мирового значения в области физических знаний явилось изобретение компаса в виде квадратной железной пластины со свободно вращающейся на ее поверхности магнитной «ложкой», ручка которой неизменно указывала на юг. Ученый Чжан Хэн (78 — 139 гг.) первым в мире сконструировал прототип сейсмографа, соорудил небесный глобус, описал 2500 звезд, включив их в 320 созвездий. Им была разработана теория Земли и безграничности Вселенной во времени и пространстве. Ханьские математики знали десятичные дроби, впервые в истории изобрели отрицательные числа, уточнили значение числа π . Медицинский каталог I в. перечисляет 35 трактатов по разным болезням. Чжан Чжунцзин (150 — 219 гг.) разработал методы пульсовой диагностики и лечения эпидемиологических заболеваний.

Конец эпохи древности отмечен изобретением механических двига-

телеи, использующих силу падающей воды, водоподъемного насоса, усовершенствованием плуга. Ханьские агрономы создают сочинения, описывающие грядковую культуру, систему переменных полей и чередования посевов, способы удобрения земель и предпосевной пропитки семян, в них содержится руководство по орошению и мелиорации. Трактаты Фань Шэньчжи (I в.) и Цуй Ши (II в.) обобщили многовековые достижения древних китайцев в области сельского хозяйства.

К выдающимся успехам матери-

Деревянная фигурка носорога. Ганьсу. Эпоха Хань

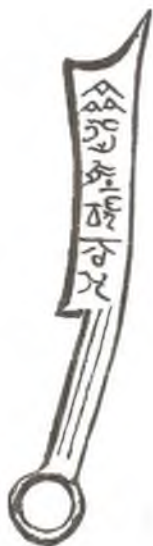
альной культуры относится древнекитайское лаковое производство. Лаковые изделия составляли важную статью внешней торговли Ханьской империи. Лаком покрывалось оружие и предметы воинского снаряжения для предохранения дерева и тканей от воздействия влаги, а металла — от коррозии. Им отделявали архитектурные детали, предметы погребального инвентаря, широко использовался лак и во фресковой живописи. Китайские лаки высоко ценились за уникальные физические и химические свойства, например способность консервировать дерево, противостоять воздействию кислот и высоких температур (до 500° С).

Со времени «открытия» Великого шелкового пути империя Хань становится всемирно известным поставщиком шелка. Китай был единственной страной древнего мира, освоившей культуру шелкопряда.

В империи Хань разведение шелковичного червя являлось домашним промыслом земледельцев. Существовали крупные частные и государственные шелководни (некоторые насчитывали до тысячи рабов). Вывоз шелковичных червей за пределы страны карался смертью. Но такие попытки все же предпринимались. Чжан Цянь во время своей посольской миссии узнал о вывозе шелкопрядов из Сычуани в Индию в тайнике бамбукового посоха иноземными купцами. И все же вывезать у древних китайцев секреты шелководства никому не удалось. О его происхождении высказывались фантастические предположения: у Вергилия и Страбона, например, говорилось, что шелк растет на деревьях и с них «счесывается».

О шелке античные источники упоминают с I в. до н. э. Плиний писал о шелке как одном из наиболее ценимых римлянами предметов роскоши, из-за которого ежегодно из Римской империи выкачивались колоссальные суммы денег. Парфяне держали под контролем ханьско-римскую торговлю шелком, взимая за посредничество не менее 25% его продажной цены. Шелк, который нередко использовался в функции денег, сыграл важную роль в развитии международных торговых связей между древними народами Европы и Азии. Индия также была посредником в шелковой торговле. Связи между Китаем и Индией складываются до ханьской эпохи, но в это время они становятся особенно оживленными.

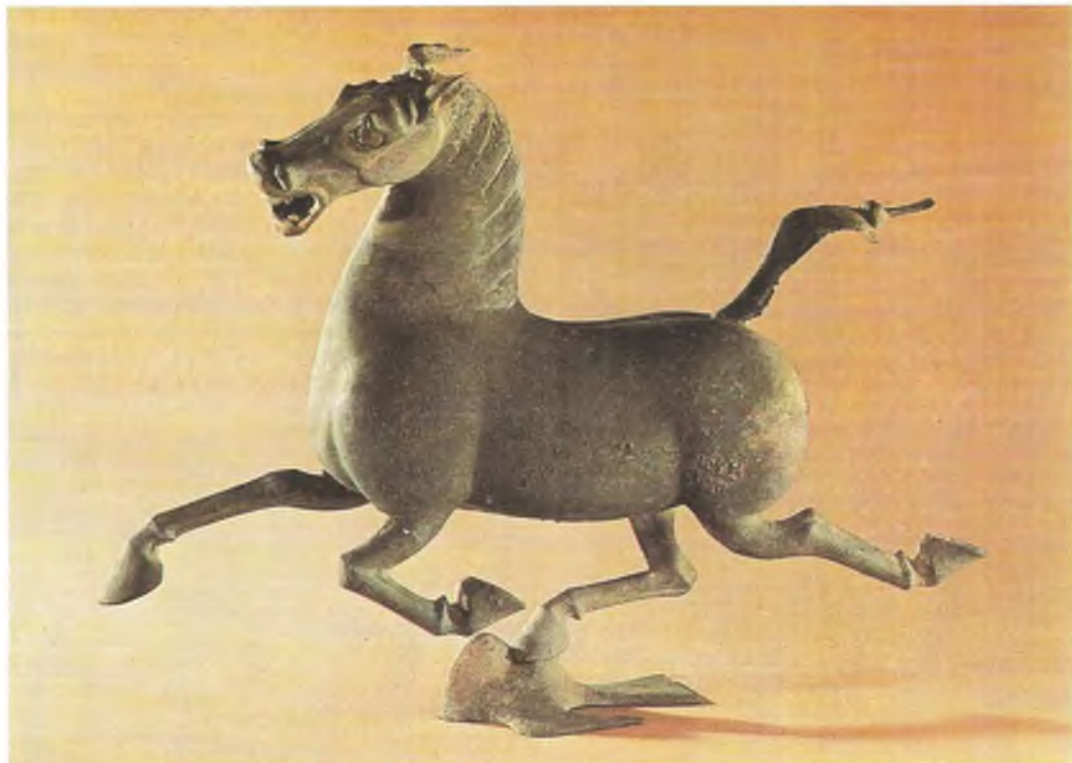
Великим вкладом Древнего Китая в общечеловеческую культуру явилось изобретение бумаги. Изготовление ее из отходов коконов шелка началось еще до нашей эры. Шелковая бумага была очень дорогостоящей, доступной лишь избранным. Действительным открытием, имевшим революционное значение для развития человеческой культуры, бумага явилась тогда, когда она стала дешевым массовым материалом для письма. Изобретение общедоступного способа производства бумаги из древесного волокна традиция связывает с именем Цай Луня, бывшего раба ро-

дом из Хэнани, жившего во II в., однако археологами древнейшие образцы бумаги датируются II—I вв. до н. э. Изобретение бумаги и туши создало условия для развития техники эстампов, а затем и возникновения печатной книги. С бумагой и тушью было связано и усовершенствование китайской письменности: в ханьское время был создан стандартный стиль письма кайшу, заложивший основу современного начертания иероглифов. Ханьские материалы и средства письма были, вместе с иерог-

лификой, восприняты древними народами Вьетнама, Кореи, Японии, которые в свою очередь повлияли на культурное развитие Древнего Китая—в области сельского хозяйства, в частности рисоводства, мореплавания, художественных ремесел.

В период Хань производится сбор, систематизация и комментирование древних памятников. По сути все, что осталось от древнекитайского духовного наследия, дошло до нас благодаря записям, осуществленным в это время. Тог-

*Лошадь в галопе.
Бронза. Из погребения полководца, Ганьсу.
Эпоха Хань.*

*Бык с повозкой.
Крашеное дерево.
Ганьсу. Эпоха Хань.*

да же зародились филология, поэтика, были составлены первые словари. Появились крупные произведения художественной прозы, прежде всего исторической. Кисти «отца китайской истории» Сыма Цяня принадлежит фундаментальное произведение «Исторические записки» («Шицзи») — 130-томная история Китая от мифического первопредка Хуанди до конца правления Уди.

Сыма Цянь стремился не только отразить события прошлого и настоящего, но и осмыслить их, проследить в них внутреннюю закономерность, «проникнуть в сущность перемен». Труд Сыма Цяня подводит итог предшествующему

развитию древнекитайской историографии. Вместе с тем он отступает от традиционного стиля погодного летописания и создает новый тип исторического сочинения. «Шицзи» являются единственным источником по древнейшей истории соседних с Китаем народов. Выдающийся стилист, Сыма Цянь ярко и сжато давал описания политической и экономической обстановки, быта и нравов. Он впервые в Китае создал литературный портрет, что ставит его в один ряд с крупнейшими представителями ханьской словесности. «Исторические записки» стали образцом для последующей древней и средневековой историографии в Китае и других странах Дальнего Востока.

Метод Сыма Цяня получил развитие в официальной «Истории Старшей династии Хань» («Хань шу»). Основным автором этого труда считается Бань Гу (32—93 гг.). «История Старшей династии Хань» выдержана в духе ортодоксального конфуцианства, изложение строго придерживается официальной точки зрения, зачастую расходясь в оценках одних и тех же событий с

Ритуальная утварь. Из раскопок в Хэбее

Лаковая утварь с надписями: «Господин, отдайте блюдо», «Господин, отдайте вина». Хуань. Середина II в. до н. э.

Керамический сосуд в форме утки. Из раскопок в Хэбее

Сьма Цянем, которого Бань Гу критикует за приверженность к даосизму. «Хань пу» открыла собой серию династийных историй. С тех пор по традиции каждая из пришедших к власти династий составляла описание царствования своей предшественницы.

Как самый блестящий поэт среди плеяды ханьских литераторов выделяется Сьма Сянжу (179—118 гг.), воспевавший могущество империи и самого «великого человека» — самодержца Уди. Его творчество продолжало традиции чусьской оды, что характерно для ханьской литературы, впитавшей в себя песенно-поэтическое наследие народов Южного Китая. Ода «Красавица» продолжает поэтический жанр, начатый Сун Юем в «Оде о бессмертной». Среди произведений Сьма Сянжу есть подражания народным лирическим песням, такие, как песенка «Удочка».

В систему имперского управления входила организация общегосударственных культов в противовес аристократическим местным. Эту задачу преследовала созданная при Уди Музыкальная палата (Юэфу),

где собирались и обрабатывались народные песни, в том числе «песни дальних варваров», создавались обрядовые песнопения. Несмотря на утилитарный характер, Музыкальная палата сыграла важную роль в истории китайской поэзии. Благодаря ей сохранились произведения народного песенного творчества эпохи древности. Авторские песни в стиле юэфу близки к фольклору, для них предметом подражания служили народные песни разных жанров, в том числе трудовые и любовные. Среди любовной лирики выделяются творения двух поэтесс — «Плач о седой голове» Чжо Вэньцзюнь (II в. до н. э.), где она упрекает в неверности мужа — поэта Сьма Сянжу, и «Песня о моей обиде» Бань Цзюей (I в. до н. э.), в которой в образе брошенной белоснежного веера представлена горькая участь покинутой возлюбленной. Особого подъема лирика юэфу достигла в период Цзяньань (196—220 гг.), который считается золотым веком китайской поэзии. Лучшие из литературных юэфу этого времени созданы на основе народных произведений.

Фрагмент похоронного шелкового стяга с изображением супруги императора Цянди. Хунань. Середина II в. до н. э.

Лишь в редчайших случаях сохранялись песни, выражавшие бунтарский дух народа. Среди них — «Восточные ворота», «К востоку от кургана Пинли», а также четверостишия-частушки жанра яо, в которых звучит социальный протест вплоть до призыва свергнуть императора (особенно в так называемых тунъяо, очевидно рабских песнях). Одна из них, приписываемая вождю «Желтых повязок» Чжан Цзяо, начинается воззванием: «Да сгинет Синее Небо!», другими словами, династия Хань.

К концу империи Хань содержанием светских стихов все больше становится анакреонтическая и сказочная тематика. Распространяется мистическая и фантастическая литература. Власти поощряют театрализованные обряды и светские представления. Организация зрелищ становится важной функцией государства. Однако зачатки специального искусства не привели к развитию в Древнем Китае драмы как рода литературы.

В Цинь-Ханьскую эпоху сложились основные особенности традиционной китайской архитектуры. Судя по фрагментам фресок из ханьских погребений, в этот период появляются зачатки портретной живописи. Сенсацией стало открытие циньской монументальной скульптуры. Недавние раскопки могилы Цинь Шихуанди обнаружили целое «глиняное войско» императора, состоящее из трех тысяч пехотинцев и всадников, выполненных в натуральную величину. Эта находка позволяет говорить о появлении в раннеимперское время портретной скульптуры.

Со времени Уди официальной идеологией Ханьской империи становится трансформированное конфуцианство, превращавшееся в своеобразную государственную религию. В конфуцианстве усиливаются идеи о сознательном вмешательстве Неба в жизнь людей. Основоположник конфуцианской теологии Дун Чжуншу (180—115 гг.) развивал теорию божественного происхождения императорской власти, провозглашал Небо верховным, почти антропоморфным божеством. Он положил начало обо-

жествлению Конфуция. Дун Чжуншу требовал «искоренить все сто школ», кроме конфуцианской.

Религиозно-идеалистическая сущность ханьского конфуцианства нашла отражение в вероучении Лю Сяна (79—8 гг. до н. э.), который утверждал, что «дух есть корень неба и земли и начало всех вещей». Под влиянием социальных и идеологических процессов, происходящих в империи, конфуцианство на рубеже нашей эры раскололось на два основных толка: мистическое,

Модель башни. Глазурованная керамика. Хань. II в. н. э.

продолжающее линию Дун Чжуншу (школа Новых текстов), и противостоящее ему, носящее более рационалистический характер (школа Старых текстов), приверженцем которого выступал Ван Ман.

Государство все активнее использует в своих интересах конфуцианство, вмешивается в борьбу различных его толков. Император выступает инициатором религиозно-философских диспутов, добиваясь прекращения раскола конфуцианства. Собор конца I в. н. э. формально положил конец разногласиям в конфуцианстве, признал ложной всю апокрифическую литера-

Орнаментальные фигурки, изображающие мифических существ. Позолоченная бронза, инкрустированная стеклом. Шэнься. II—I вв. до н. э.

туру и утвердил доктрину школы Новых текстов в качестве официальной религиозной ортодоксии. В 195 г. н. э. на камне был высечен государственный экземпляр конфуцианского «Пятикнижия» в версии школы Новых текстов. С этого времени нарушение конфуцианских заповедей, инкорпорированных в уголовное законодательство, каралось вплоть до смертной казни как «наитягчайшее преступление».

С начавшимися гонениями на «ложные» учения в стране стали распространяться тайные секты ре-

*Игроки в фишки.
Деревянная скульптура. Ганьсу.
Эпоха Хань*

лигиозно-мистического толка. Несогласных с правящим режимом объединял оппозиционный конфуцианству религиозный даосизм, который отмежевался от философского даосизма, продолжавшего развивать древние материалистические представления. В начале II в. оформилась даосская религия. Ее основателем считается Чжан Даолин из Сычуани, которого называли Учителем. Его пророчества о достижении бессмертия привлекали толпы обездоленных, которые жили замкнутой колонией под его началом, заложив основу тайным даосским организациям. Проповедью равенства всех по признаку веры и осуждением богатства даосская «ересь» привлекала массы. На рубеже II—III вв. движение религиозного даосизма, возглавляемое сектой «Пять мер риса», привело к созданию в Сычуани недолговечного теократического государства.

Тенденция к превращению древних философских учений в религи-

озные доктрины, проявившаяся в трансформации конфуцианства и даосизма, являлась признаком глубоких социально-психологических перемен. Однако не этические религии Древнего Китая, а буддизм, проникнув в Китай на рубеже нашей эры, стал для агонизировавшего позднеханьского мира той мировой религией, которая сыграла роль активного идеологического фактора в процессе феодализации Китая и всего восточноазиатского региона.

Достижения в области естественных и гуманитарных знаний создали основу для того взлета материалистической мысли, который проявился в творчестве самого выдающегося ханьского мыслителя Ван Чун (27—97 гг.). В атмосфере идеологического нажима Ван Чун имел смелость бросить вызов конфуцианским догмам и религиозной мистике.

В его трактате «Критические рассуждения» («Луньхэн») изложена стройная система материалистической философии. Ван Чун с научных позиций критиковал конфуцианскую теологию. Обожевлению неба философ противопоставлял материалистическое и атеистическое в своей основе утверждение, что «небо есть тело, подобное земле». Свои положения Ван Чун подкреплял доходчивыми примерами, «понятными каждому». «Некоторые полагают, — писал он, — что небо рождает пять злаков и производит на свет шелковицу и коноплю лишь для того, чтобы людей накормить и одеть. Это значит уподоблять небо рабу или рабыне, чье назначение — возделывать землю и выкармливать шелкопрядов на пользу людям. Такое суждение ложно, оно противоречит ответственности самих вещей».

Ван Чун провозглашал единство, вечность и материальность мира. Продолжая традиции древнекитайской натурфилософии, он признавал источником бытия тончайшую материальную субстанцию ци. Все в природе возникает естественно, как результат сгущения этой субстанции, независимо от какой-либо надмирной силы. Ван Чун отрицал врожденное знание, мистическую

интуицию, которой конфуцианцы наделяли древних мудрецов, видел путь познания в чувственном восприятии реального мира. «Среди существ, рождаемых небом и землей, человек является наиболее ценным, и эта ценность определяется его способностью к знанию»,— писал он. Ван Чун развивал мысль о диалектическом единстве жизни и смерти: «Все имеющее начало должно иметь свой конец. Все имеющее конец должно иметь свое начало... Смерть есть результат рождения, в рождении

Материалистическое мировоззрение Ван Чуна, особенно его учение о «естественности» (цзыжань)—естественно-необходимом процессе развития объективного мира, сыграло важную роль в истории китайской философии. Но в современной ему действительности философия Ван Чуна не могла получить признания.

Его творение даже подверглось преследованию за критику Конфуция. Лишь спустя тысячелетие его рукопись была случайно обнаружена, подарив миру наследие одного

Фрагмент стеной
росписи. Ляонин.
Эпоха Хань

заклочена неизбежность смерти».

Он выступал против конфуцианской концепции культурной исключительности древних китайцев, их нравственного превосходства над якобы этически неполноценными «варварами».

На многих конкретных примерах Ван Чун доказывал, что обычаи, нравы и человеческие качества не определяются неизменными врожденными свойствами. В этом он солидаризировался с другими ханьскими мыслителями, отрицавшими принципиальные различия между «варварами» и древними китайцами. Ван Чун был одним из образованнейших людей своего времени. Он ставил широкие просветительские задачи, разоблачая с рационалистических позиций распространенные в народе предрассудки и суеверия.

из самых выдающихся материалистов и просветителей глубокой древности.

Чжаньго-Цинь-Ханьская эпоха для исторического развития Китая и всей Восточной Азии в принципе имела то же значение, что и греко-римский мир для Европы. Древнекитайская цивилизация заложила основы культурной традиции, которая прослеживается далее на протяжении многовековой истории Китая вплоть до Нового и новейшего времени.

Civilization
of Ancient
Japan

Древне-японская
цивилизация

*Японская цивилизация
и сейчас
поражает
своей
загадочностью*

Древнеяпонская цивилизация не оказала существенного влияния на древнюю и средневековую культуру других регионов. Значение ее для мировой культуры заключается в ином.

Выработав на основании самых разнородных и разнотадальных элементов своеобразное искусство, литературу, мировосприятие, Япония сумела доказать, что ее культурные ценности обладают достаточными потенциями как во времени, так и в пространстве, даже если они и оставались в силу островного положения страны неизвестными современникам в других странах. Задача историка японской древности состоит, в частности, в том, чтобы понять, каким

образом были заложены основы того, что мы именуем ныне японской культурой, которая после многовекового периода аккумуляции культурного наследия других стран вносит в настоящее время всевозрастающий вклад в развитие общечеловеческой культуры.

Японская цивилизация молода. Молод и народ, создавший ее. Он сформировался в результате сложных и разновременных этнических слияний переселенцев, преодолевших водную преграду, отделя-

Глиняные фигурки.
Период дзёмон.
VIII—I тыс. до н. э.

ющую Японские о-ва от материка. Наиболее ранними обитателями Японии были, по всей вероятности, протоайнские племена, а также племена малайско-полинезийского происхождения. В середине I тыс. до н. э. из южной части Корейского п-ова наблюдается интенсивная миграция протояпонских племен, которым удалось в значительной мере ассимилировать население юга Японии (японский язык, согласно последним исследованиям С. А. Старостина, обнаруживает наибольшее родство с корейским).

И хотя в ту эпоху все племена, заселявшие территорию Японии, находились на уровне первобытно-общинного строя, уже тогда, вероятно, был заложен один из ведущих стереотипов мировосприятия японцев, который просматривается на всем протяжении истории этой страны,— это способность к усвоению навыков и знаний, поступающих в результате контактов с другими народами. Именно после ассимиляции с местными племенами на рубеже IV—III вв. до н. э. начинается возделывание поливного риса и обработка металла.

Период продолжительностью шесть веков (до III в. н. э.) носит в японской историографии название «яэй» (по кварталу в Токио, где

впервые были обнаружены остатки этой культуры). Культура яэй характеризуется созданием устойчивых общин, основой жизни которых было поливное земледелие. Поскольку бронза и железо проникают в Японию практически одновременно, то бронза использовалась в основном для изготовления культурных предметов: ритуальных зеркал, мечей, колоколов, а железо — для производства орудий труда.

Способность к усвоению иноземных образцов становится особенно заметной вместе с возникновением государственности, датируемой III—IV вв. н. э. В это время происходит завоевательный поход союза племен Южного Кюсю в Центральную Японию. В результате начинается формироваться так называемое государство Ямато, культура которого характеризуется невиданной дотоле однородностью.

Период с IV по начало VII в. носит название курганного («кофун дзидай») по типу погребений, устройство и инвентарь которых отличаются чертами сильного корейского и китайского влияний. Тем не менее такое широкомащтабное строительство — а в настоящее время обнаружено более 10 тыс. курганов — не могло бы иметь успеха, если бы сама идея курганов была чужда населению Японии. Курганы Ямато, вероятно, генетически связаны с дольменами Кюсю. Среди предметов погребального культа особое значение имеет глиняная пластика ханива. Среди этих блестящих образцов древнего ритуального искусства — изображения жилищ, храмов, зонтов, сосудов, оружия, доспехов, лодок, животных, птиц, жрецов, воинов и т. д. По этим изображениям восстанавливаются многие особенности материальной и духовной жизни древних японцев. Строительство сооружений курганного типа было, очевидно, связано с культом предков и культом Солнца, что нашло свое отражение и в дошедших до нас памятниках раннеяпонской письменности (мифологическо-летописные своды «Кодзики», «Нихон сёки»).

Культе предков имеет особое значение для исконно японской рели-

гии — синтоизма, а значит, и для всей культуры Японии. Наряду с отмеченной выше открытостью к иноземным влияниям культ предков представляет собой другую мощную движущую силу развития японской цивилизации, силу, которая обеспечивала преемственность в ходе исторической эволюции.

На государственном уровне культ предков воплотился в культе богини Солнца Аматэрасу, считающейся прародительницей правящего рода. Среди цикла мифов, посвященных Аматэрасу, центральное место занимает повествование

о ее сокрытии в небесной пещере, когда мир погрузился во тьму и пребывал в ней до тех пор, пока богам с помощью магических приемов не удалось выманить богиню из ее прибежища.

Пантеон раннего синтоизма включал божеств—предков родов, которые занимали ведущее место в социальной структуре японского общества в период оформления мифа как категории государственной идеологии. Божества-первопредки считались полифункциональными защитниками родов, выводивших от них свое происхождение. Помимо родовых божеств японцы поклонялись и многочисленным ландшафтными божествам, имевшим, как правило, местное значение.

К середине VI в. в государстве Ямато была достигнута определенная политическая стабильность, хотя смягчение центростремительных тенденций все еще оставалось одной из основных забот правящего рода.

Деталь глиняной статуэтки. III—II тыс. до н. э.

Глиняная статуэтка. Конец периода дзёмон. II в. до н. э.

Чтобы преодолеть идеологическую раздробленность, освящаемую родовыми и региональными культурами синто, японские правители обратились к религии развитого классового общества — буддизму.

Трудно переоценить роль, которую сыграл буддизм в истории Японии. Помимо его вклада в становление общегосударственной идеологии вероучение буддизма формировало новый тип личности, лишенной родовой привязанности и потому более пригодной для функционирования в системе государственных отношений. Процесс буддийской социализации не был когда-либо завершен полностью, но тем не менее на данном этапе исторического развития буддизм служил той цементирующей силой, которая обеспечивала идейную гомогенность японского государства. Велика была и гуманизирующая роль буддизма, привносящего положительные этические нормы общезначимости, которые приходили на

Глиняный сосуд.
Период дзёмон.
VIII—I тыс. до н. э.

Танцор. Ханьва.
Период кофун.
Середина III—середина VI в. н. э.

смену табуациям синто.

Вместе с буддизмом в Японию проникает и материальный комплекс, обслуживающий потребности этой религии. Начинается строительство храмов, производство скульптурных изображений будд и бодхисатв, других предметов культа. Синтоизм в то время еще не имел развитой традиции строительства крытых культовых сооружений для проведения богослужений.

Планировка первых японских буддийских храмовых комплексов с их ориентацией с юга на север в целом соответствует корейским и китайским прототипам. Однако многие конструктивные особенности строительства, например антисейсмичность сооружений, свидетельствуют о том, что храмы и монастыри возводились при непосредственном участии местных мастеров. Важным свойством многих первых буддийских храмов Японии являлось также отсутствие в них помещения для молений—особенность, унаследованная от композиционного построения синтоистских храмов. Интерьер предназначался не для молений, а для сохранения храмовых святынь.

Наиболее грандиозным буддийским культовым сооружением стал храм Тодайдзи, комплекс которого занимал более 90 га (возведен в середине VIII в.). Храм символизировал мощь государства. Помимо чисто религиозных нужд он использовался и для проведения светских церемоний общегосударственного значения, например для присвоения чиновничьих рангов. «Золотой павильон» («кондо») Тодайдзи неоднократно отстраивался после разрушительных пожаров. В настоящее время он является самым большим деревянным сооружением в мире. Его высота—49, ширина—57, длина—50 м. В нем размещается гигантская статуя

космического будды Вайрочаны высотой 18 м. Однако «синдром гигантомании» был преодолен довольно быстро, и в дальнейшем ничего подобного храмовому комплексу Тодайдзи сооружено не было. Характерным становится стремление к миниатюризации.

В VII—VIII вв. континентальная буддийская скульптура почти полностью подавляет местную иконографическую традицию. Бронзовые буддийские статуи либо ввозились из Кореи и Китая, либо изготавливались приезжими мастерами. Наряду с бронзовой скульптурой со второй половины VIII в. все более распространенным становится изготовление лаковых, глиня-

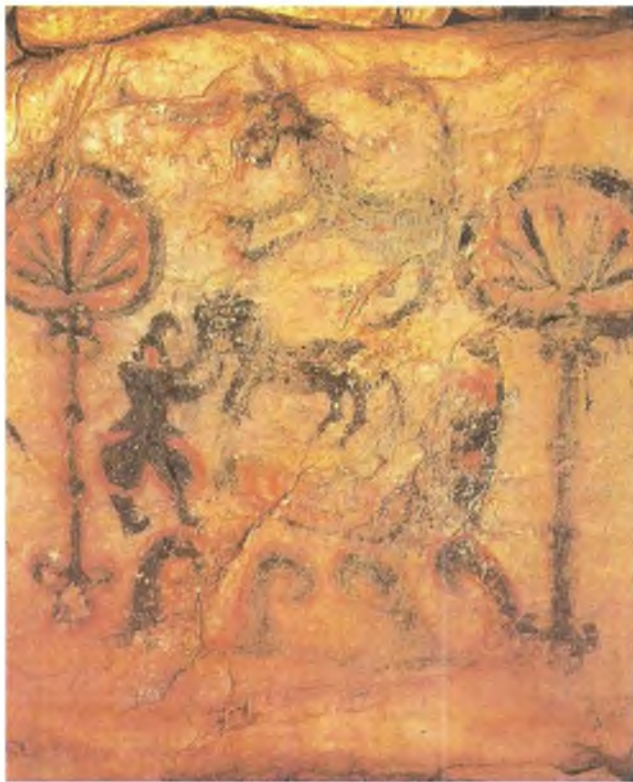
ных и деревянных буддийских изображений, в облике которых заметно влияние местного иконографического канона. По сравнению со скульптурой монументальная храмовая живопись занимала в изобразительном каноне намного меньшее место.

Скульптура изображала не только будд и бодхисатв. Поскольку буддизм принес с собой концепцию личности, отличающуюся большей индивидуализированностью, нежели та, которую успел к этому времени выработать синтоизм, то не случайно, что с середины VIII в. наблюдается интерес к портретному изображению выдающихся деятелей японского буддизма (Гёсин, Гиэн, Гандзин и др.). Однако портреты эти еще лишены личностных черт человека и тяготеют к типизации.

К 710 г. было завершено строительство постоянной столицы Нара, представлявшей собой типичный чиновничье-бюрократический город с определенной планировкой, подобной столице танского Китая — Чаньани. С юга на север город был разделен девятью улицами, а с запада на восток — восемью. Пересекаясь под прямым углом, они образовывали прямоугольник размером 4,8 на 4,3 км, в 72 кварталах которого вместе с ближайшими пригородами могло, согласно современным оценкам, проживать до 200 тыс. человек. Нара была тогда единственным городом: уровень развития сельского хозяйства, ремесел и социальных отношений еще не достиг той ступени, когда возникновение городов стало бы повсеместной необходимостью. Тем не менее колоссальная по тем временам концентрация населения в столице способствовала развитию продуктообмена и товарно-денежных отношений. В VIII в. в Японии уже чеканилась собственная монета.

Строительство столицы по континентальному образцу представляло собой одну из важных мер по превращению Японии из полуварварского королевства в «империю», чему должны были способствовать многочисленные реформы, начавшие активно проводиться с середи-

ны VII в. В 646 г. был обнародован указ, состоящий из четырех статей. Согласно статье 1-й, упразднялась прежняя наследственная система владения рабами и землей; вместо этого провозглашалась государственная собственность на землю и в соответствии с чиновничьими рангами выделялись фиксированные кормления. Статья 2-я предписывала новое территориальное деление страны на провинции и уезды; определялся статус столицы. Статья 3-я объявляла о переписи дворов и составлении реестров

Стенная роспись
гробницы. V—
VI вв. н. э.

для передела земли. Статья 4-я отменяла прежнюю произвольную трудовую повинность и устанавливала размеры натурального подвального обложения продуктами сельского хозяйства и ремесла.

Вся вторая половина VII в. отмечена повышенной активностью государства в области законодательства. Впоследствии отдельные указы были сведены воедино, и на их основе в 701 г. завершено составление первого универсального законодательства «Тайхорё», служив-

Ритуальные буддийские объекты. Старый дворец, Киото. VII—VIII вв. н. э.

Стенная роспись гробницы Токамицудзука. VI в. н. э.

шего с добавлениями и модификациями базой феодального законодательства на протяжении всего средневековья. Согласно «Тайхорё» и «Ёрорё» (757 г.), административно-чиновничий аппарат японского

государства представлял собой сложную и разветвленную иерархическую систему со строгим соподчинением сверху донизу. Экономическую основу страны составляла государственная монополия на землю.

На протяжении VII—VIII вв. японское государство пытается идейно обосновать сложившиеся и вновь создаваемые институты управления. В первую очередь этому должны были послужить мифологическо-летописные своды «Кодзики» (712 г.) и «Нихон сёки» (720 г.). Мифы, записи исторических и полуполюгендарных событий подверглись в обоих памятниках существенной обработке. Основной целью составителей было создание государственной идеологии, иначе говоря, состыковка «мифа» и «истории»: повествование «Кодзики» и «Нихон сёки» делится на «эру богов» и «эру императоров». Следовательно, тогдашнее положение царского рода, а также других наиболее могущественных родов из среды родо-племенной аристократии находило обоснование в той роли, которую играли божества-первопродки во время «эры богов».

Составление «Кодзики» и «Нихон сёки» знаменует важный этап в создании общегосударственной идеологии на основе синтоистского мифа. Эту попытку следует признать весьма удачной. Миф был приведен в соответствие с реалиями истории, а система сакральных генеалогий вплоть до XX в. играла выдающуюся роль в событиях японской истории.

Одновременно с активным привлечением синтоизма к государственному строительству буддизм теряет свои позиции в данной сфере. Особенно заметно это становится после неудавшегося переворота, предпринятого буддийским монахом Докё в 771 г. Чтобы избежать давления буддийского духовенства, обосновавшегося в храмах и монастырях Нара, в 784 г. столица переносится в Нагаока, а в 794 г.—в Хэйан. Лишившись в значительной степени государственной поддержки, буддизм тем не менее в громадной степени способствовал формированию выделявшейся из кол-

лектива личности и постоянно участвовал в процессе ее социализации. В этом заключается его непреходящая значимость в истории Японии.

Несмотря на то что составление «Кодзики» и «Нихон сёки» преследовало одни и те же цели, «настоящей» династийной хроникой была признана только «Нихон сёки». Хотя оба памятника были составлены на китайском языке («Кодзики» — с большим привлечением фонетической записи иероглифов «маньёган»), «Кодзики» была записана Оно Ясумаро с голоса сказителя Хиэда-но Арэ. Использовался, таким образом, привычный синтоизму «устный канал» передачи сакральной информации. Только тогда, согласно убеждениям приверженцев традиционализма, текст становился текстом истинным.

Текст же «Нихон сёки» с самого начала возникает как текст письменный. Ввиду активного распространения китайской письменности, создававшей новые возможности в фиксации и хранении важных культурных ценностей, перед японским обществом встал вопрос о том, какую речь — письменную или устную — следует признать более авторитетной. Вначале выбор был сделан в пользу первой. Языком культуры на некоторое время стал китайский литературный язык. Он обслуживал прежде всего потребности государства. На китайском языке велись хроники, составлялись законы. В качестве учебников в государственных школах, учрежденных в VIII в., использовались произведения китайской философской, социологической и литературной мысли.

Средневековая японская поэзия известна теперь всему миру. Но первая из дошедших до нас стихотворных антологий — «Кайфусо» (751 г.) — представляет собой собрание стихов на китайском языке. Через некоторое время составляется и антология японской поэзии — «Маньёсю», стихи которой были записаны «маньёганой». Эта антология подвела итог многовековому развитию японской поэзии. В «Маньёсю» вошли стихи различных временных пластов: образцы

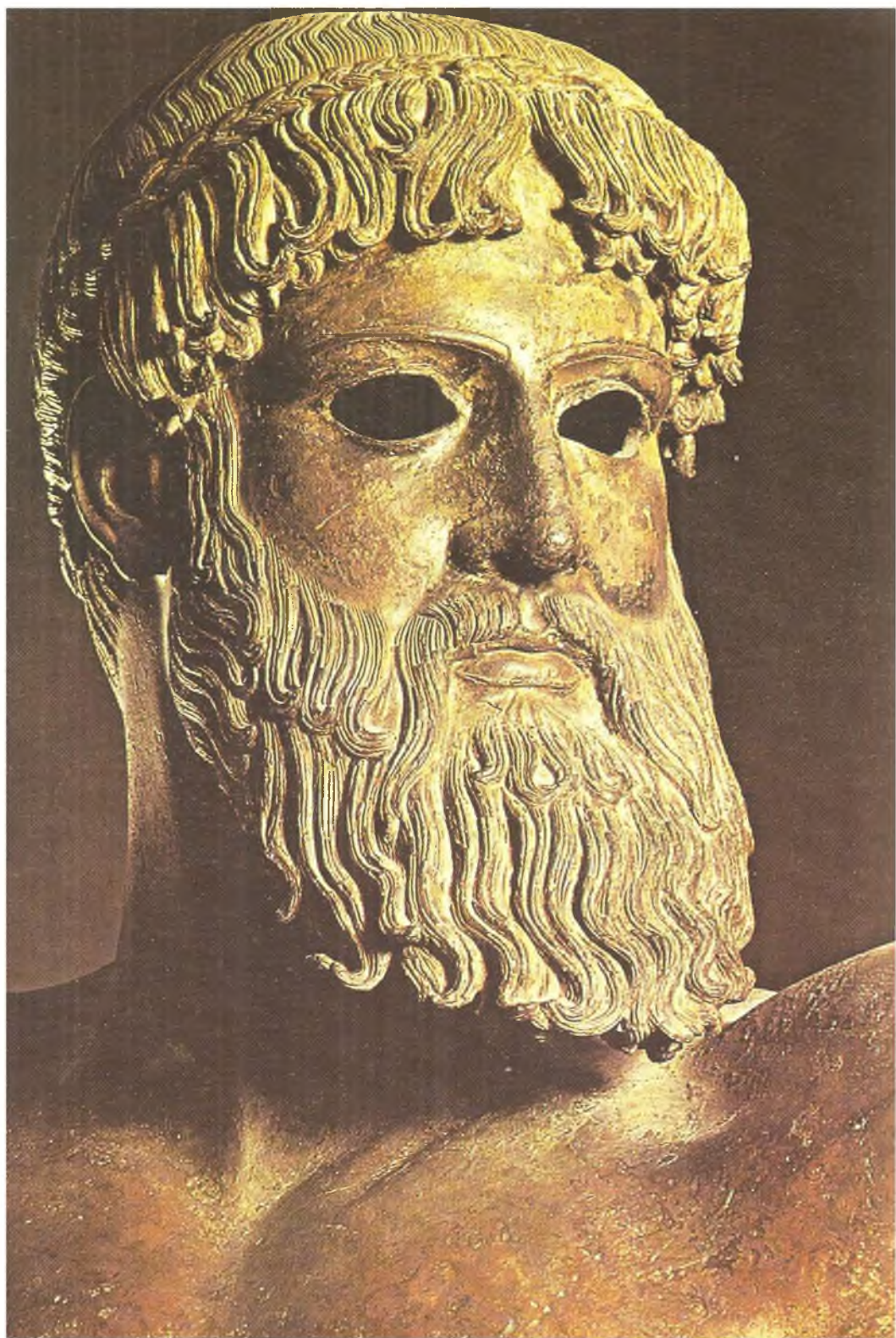
фольклорной и культовой поэзии, авторские сочинения, еще не утратившие связь с народным песенным творчеством. Последние вплотную приблизились и к индивидуальному творчеству. Однако большая престижность китайского языка привела к тому, что после составления «Маньёсю» японские стихи надолго исчезают из сферы письменной культуры. Следующая антология на японском языке — «Кокинсю» — появляется лишь в начале X в. Стихи «Кокинсю» обнаруживают как преемственность

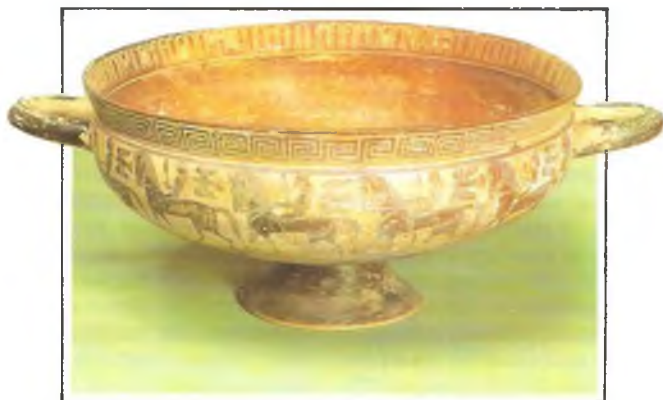

Деревянные даосские ритуальные фигурки. Киото. IX в. н. э.

по отношению к «Маньёсю», так и многие качественные отличия. Это свидетельствует о непрерывном совершенствовании поэтической традиции, несмотря на долголетнее вытеснение японской поэзии из разряда официальной культуры.

Конечно, главные достижения ждали японскую культуру впереди. Период, непосредственно предшествующий блистательной и вполне самостоятельной средневековой культуре хэйана, был в значительной степени временем упорного и плодотворного ученичества. Тем не менее даже при самых разнообразных заимствованиях японцам удалось сохранить преемственность по отношению к прошлым достижениям собственной культуры. К середине IX в. японская культура, обогащенная иноземными заимствованиями, уже обладала достаточной внутренней энергией для самостоятельного развития.

Ancient
Greek
Civilization

Достижения
древнегреческой цивилизации
легли
в основу
европейской культуры

Древне-
греческая
ЦИВИЛИЗАЦИЯ

РАННЯЯ ГРЕЦИЯ

Рубеж III—II тыс. до н. э. является важнейшим этапом в истории Европы. Именно тогда в южной части Балканского п-ова и на прилежащих островах возникают общества, разделенные на классы.

Около 2500 г. до н. э. на многих островах Эгейского моря и на материке создаются крупные металлургические центры. Значительные успехи наблюдаются в керамическом производстве, где стал применяться гончарный круг. Благодаря развитию мореплавания усиливаются контакты между различными районами, распространяются технические и культурные новшества. Столь же ощутимым был и прогресс в сельском хозяйстве, связанный с созданием нового поликультур-

турного типа (так называемая средиземноморская триада), в основе которого лежит выращивание злаковых, прежде всего ячменя, винограда и оливок. Большое влияние на развитие этого региона оказало и соседство древних цивилизаций Переднего Востока.

Начальные стадии становления классового общества и государства в этом регионе пока еще недостаточно изучены, и это объясняется главным образом тем, что в распоряжении исследователей сравни-

тельно немного источников. Археологические материалы, относящиеся к данному периоду, не могут осветить политическую историю, характер социальных отношений, а древнейшая система письменности, появившаяся на Крите (так называемое линейное письмо А), еще не дешифрована. В дальнейшем греки Балканского п-ова приспособили это письмо к своему языку (так называемое линейное письмо Б). Оно было дешифровано только в 1953 г. английскими учеными М. Вентрисом и Дж. Чэдвиком. Но

Расписной сосуд из Старого дворца в Фесте. Около XIX—XVIII вв. до н. э.

все тексты—документы хозяйственной отчетности, и потому объем сведений, сообщаемых ими, ограничен. Определенную информацию об обществе II тыс. до н. э. сохранили знаменитые поэмы греков «Илиада» и «Одиссея», а также некоторые мифы. Однако исторически интерпретировать эти источники сложно, так как действительность в них художественно преобразована, идеи и реалии различного времени сплавлены воедино и крайне трудно вычленишь то, что бесспорно относится ко II тыс. до н. э.

Как полагают некоторые исследователи, вполне возможно, что первые очаги государственности возникают на Балканском п-ове еще в середине III тыс. до н. э. Но процесс становления классового общества и государственности в южной части Балканского региона

был прерван нашествием племен с севера. Около XXII в. до н. э. здесь появились собственно греческие племена, называвшие себя ахейцами или данаями. Старое, догреческое население, этническая принадлежность которого не установлена, было частично вытеснено или уничтожено пришельцами, частично ассимилировано. Завоеватели стояли на более низком уровне развития, и это обстоятельство сказалось на определенном различии судеб двух частей региона: материковой и о-ва Крит. Крит не был задет упомянутым процессом и потому на протяжении нескольких веков представлял зону наиболее быстрого социально-экономического, политического и культурного прогресса.

Цивилизацию эпохи бронзы, возникшую на Крите, обычно называют минойской. Такое название ей дал английский археолог А. Эванс, впервые обнаруживший памятники этой цивилизации при раскопках дворца в Кноссе. Греческая мифологическая традиция считала Кносс резиденцией царя Миноса—могущественного владыки Крита и многих других островов Эгеиды. Здесь у царицы Пасифаи родился Минотавр (получеловек-полубык), для которого Дедал построил в Кноссе лабиринт.

Во второй половине III—начале II тыс. до н. э., видимо, были освоены все земли, пригодные для земледелия—ведущей отрасли хозяйства Крита. Важную роль, по всей вероятности, играло и скотоводство. Значительный прогресс наблюдался в ремесле. Рост производительности труда, создание избыточного продукта приводили к тому, что часть его могла использоваться и в межобщинном обмене. Для Крита это имело особое значение, поскольку остров лежал на перекрестье древних морских путей.

На рубеже III и II тыс. до н. э. на Крите возникают первые государства. Вначале их было четыре с центрами-дворцами в Кноссе, Фесте, Маллии, Като-Закро. Именно появление дворцов свидетельствует о классовом характере общества и развитии государственности.

Эпоха «дворцовой цивилизации» на Крите охватывает примерно 600 лет: от 2000 до 1400 г. до н. э. Около 1700 г. до н. э. дворцы были разрушены. Как считают некоторые ученые, это было вызвано природными катаклизмами (вероятнее всего, грандиозным землетрясением), другие видят в этом результат социальных конфликтов, следствие борьбы народных масс. Однако разразившаяся катастрофа ненадолго задержала развитие. Вскоре на месте разрушенных дворцов появились новые, превос-

оужающую природу или стены из жизни его обитателей. Большую часть цокольного этажа занимали кладовые, в которых хранилось вино, оливковое масло, зерно, изделия местного ремесла, а также товары, поступавшие из дальних стран. Во дворце располагались и ремесленные мастерские, где работали ювелиры, гончары, художники-вазописцы.

Вопрос о социальной и политической организации критского общества решается учеными по-разному, но на основании име-

ходившие старые монументальностью и роскошью.

Об эпохе «новых дворцов» мы знаем несколько больше. Хорошо исследованы, например, четыре упомянутых выше дворца, ряд поселений, некрополи. Лучшее изучено раскопанный А. Эвансом кносский дворец — грандиозное сооружение на общей платформе (около 1 га). Хотя до нашего времени сохранился только один этаж, совершенно ясно, что здание было двух-, а возможно, и трехэтажное. Дворец имел прекрасную систему водоснабжения и канализации, терракотовые ванны в специальных помещениях, продуманную вентиляцию и освещение. Многие предметы быта выполнены на высоком художественном уровне, часть — из драгоценных металлов. Стены помещений дворца украшали великолепные росписи, воспроизводившие

юющих данных можно предполагать, что основой хозяйственной жизни государства было дворцовое хозяйство. Критское общество эпохи расцвета, вероятно, представляло собой теократию: в одном лице сочетались функции царя и верховного жреца. Уже появились рабы, но число их оставалось незначительным.

Апогей минойской цивилизации приходится на XVI — первую половину XV в. до н. э. В начале этого периода происходит объединение всего Крита под властью кносских владык. Греческое предание считает царя Миноса первым «владыкой моря» — он построил большой флот, уничтожил пиратство и установил свое господство на Эгейском море. В конце XV в. до н. э. на Крит обрушилась катастрофа, нанесшая смертельный удар минойской цивилизации. Очевидно, она

Фреска из Кносского дворца. Около XV в. до н. э.

произошла из-за грандиозного извержения вулкана на о-ве Тира. Большинство поселений и дворцов погибло. Воспользовавшись этим, на остров с Балкан вторглись ахейцы. Из передового центра Средиземноморья Крит превращается в провинцию ахейской Греции.

Расцвет цивилизации ахейской Греции наступает в XV—XIII вв. до н. э. Центром этой цивилизации была, очевидно, Арготида. Расширяясь, она охватила затем весь Пелопоннес, Среднюю Грецию (Аттика, Беотия, Фокида), значительную часть Северной Греции (Фессалия), а также многие острова Эгейского моря.

Как и на Крите, важнейшую роль в жизни общества играли дворцы. Наиболее значительные из них открыты в Микенах, Тиринфе, Пилосе, Афинах, Фивах, Орхомене, Иолке. Но ахейские дворцы резко отличаются от критских: все они представляют собой мощные цитадели. Самым впечатляющим примером служит цитадель Тиринфа, стены которой выложены из огромных блоков известняка, достигающих порой 12 т веса. Толщина стен превышала 4,5 м, высота же только в сохранившейся части — 7,5 м.

Подобно критским, ахейские дворцы имеют одинаковую планировку, однако для них характерна четкая симметрия. Лучшее изучено археологами пилосский дворец. Он был двухэтажным и состоял из нескольких десятков помещений: парадных, са크ральных, покоев царя и царицы, их домочадцев: складов, где хранили зерно, вино, оливковое масло, предметы обихода; подсобных помещений. Важную часть дворца составлял арсенал с запасом оружия. Во дворце существовала налаженная система водоснабжения и канализации. Стены многих помещений украшали росписи, часто с батальными сценами.

Исключительную важность для

истории II тыс. до н. э. представляют результаты раскопок, начатых греческими археологами в 1967 г. на о-ве Тира — самом южном из группы Кикладских о-вов. Под слоем вулканического пепла здесь были найдены остатки города, погибшего при извержении вулкана. Раскопки вскрыли мощные улицы, большие здания, от которых сохранились вторые и даже третьи этажи с ведущими на них лестницами. Поразительны росписи стен зданий: голубые обезьяны, стилизованные антилопы, два бьющихся мальчика, на руке одного из них специальная перчатка. На фоне красных, желтых и зеленых скал, покрытых травой и мхом.

Ритон в виде бычьей головы из Милого дворца в Кноссе. XVI в. до н. э.

Статуэтка богини со змеями из Кносского дворца. XVII в. до н. э.

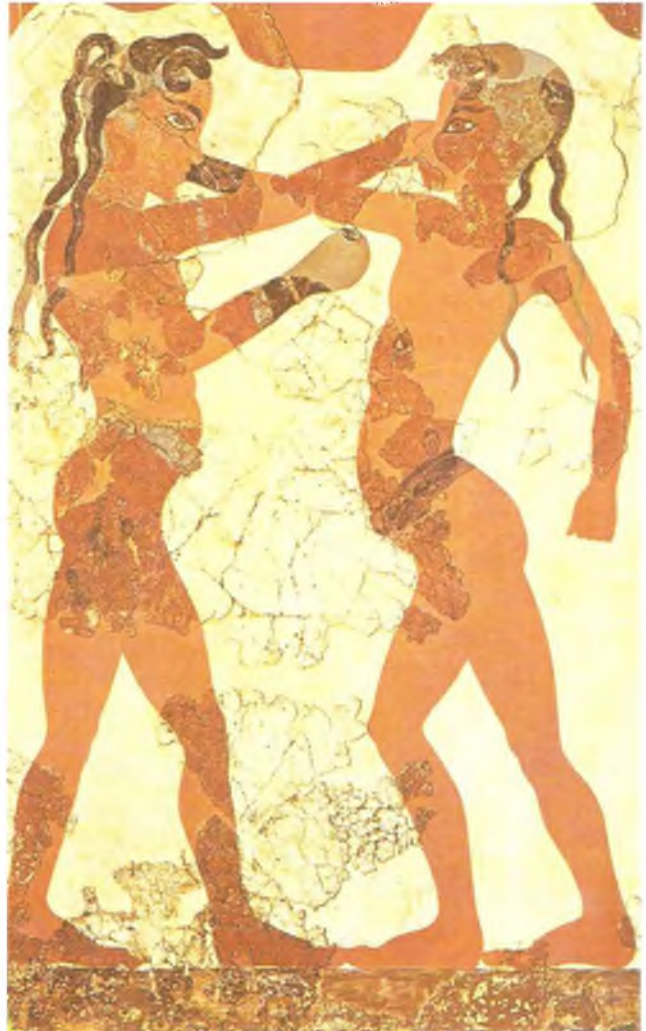
красные лилии на желтых стеблях и летящие над ними ласточки. Повидимому, так художник написал картину прихода весны, и роспись дает возможность судить о том, как выглядел этот цветущий остров, пока его не постигла катастрофа. О том же, в каких домах жили, на каких судах плавали тогдашние тиренцы, можно судить по другой росписи, изображающей, очевидно, панораму города и море со множеством кораблей.

Основной экономической структурой ахейского общества было двор-

являлся дворец. Все земли делились на две категории: находившиеся в частном владении и общинные. Самый низший слой общества составляли рабы, но их было относительно немного, и принадлежали они в основном дворцу. Рабы различались по своему положению, и между рабами и свободными отсутствовала четкая граница. Важную социальную группу составляли формально свободные общинники. Они имели свои участки земли, дом, хозяйство, но зависели от дворца экономически и политически. Господствующий слой включал в первую очередь развитый бюрократический аппарат — центральный и местный. Во главе государства стоял царь («ванака»),

Юноша с рыбами.
Фреска с о-ва Тира.
XVI в. до н. э.

Боксирующие дети.
Фреска с о-ва Тира.
XVI в. до н. э.

цовое хозяйство, которое включало большие ремесленные мастерские — по переработке сельскохозяйственных продуктов, прядильные и швейные, металлургические и металлообрабатывающие, изготовлявшие орудия труда и оружие. Дворцовое хозяйство контролировало также основные виды ремесленной деятельности на всей территории, — под особо строгим контролем находилась металлообработка.

Владельцем земли, как следует из документов пилосского архива,

обладавший политическими и сакральными функциями.

Политическая история ахейской Греции известна плохо. Некоторые ученые пишут о единой Ахейской державе под гегемонией Микен. Однако более правильно считать, что каждый дворец — центр самостоятельного государства, между которыми часто возникали военные конфликты. Это, однако, не исключало возможности временного объединения ахейских царств. Видимо, так было во время похода на Трои, события которого легли в

тий. Во многих местах возводятся новые и ремонтируются старые укрепления. Как свидетельствуют археологические раскопки, катастрофа разразилась в самом конце XIII в. до н. э. Почти все дворцы и большая часть поселений оказались уничтожены. Агония ахейской цивилизации продолжалась около ста лет, и в конце XII в. до н. э. погиб последний ахейский дворец в Иолке. Население было частично уничтожено, частично закрепилось в малоприспособленных для обитания районах, а то и вообще эмигрировало из страны.

Ученые давно ищут причины этих роковых событий в истории Греции. Существует ряд гипотез, объясняющих разрушение ахейской цивилизации. Наиболее убедительной представляется, на наш взгляд, следующая. В конце XIII в. до н. э. на Грецию двинулись северные народы, в том числе грекидорийцы, а также другие племена. Массового переселения, однако, тогда не произошло, и только позднее на опустошенную территорию постепенно стали проникать дорийцы. Старое ахейское население сохранилось лишь в некоторых областях, например в Аттике. Вытесненные из Греции ахейцы расселились в восточном направлении, заняв острова Эгейского моря, западное побережье Малой Азии и Кипр.

XI—IX века до н. э. в истории Греции ученые называют темными веками. Главными источниками этого периода служат археологические материалы и эпические поэмы «Илиада» и «Одиссея». В поэмах описывается поход ахейцев под Трои, взятие города и возвращение домой после многих приключений одного из героев Троянской войны — Одиссея. Таким образом, основное содержание поэм должно отражать жизнь ахейского общества в самом конце его расцвета. Но сам Гомер, по всей видимости, жил уже в VIII в. до н. э. и многие реалии, быт и отношения минувшего знал плохо. Более того, он воспринимал события прошлого сквозь призму своего времени. Наконец, необходимо учитывать и общие особенности эпоса: гиперболы-

основу «Илиады» и «Одиссеи». Не исключено, что Троянская война — один из эпизодов широкого колониционного движения, начавшегося во второй половине II тыс. до н. э. Ахейские поселения появились на западном и южном побережьях Малой Азии, активно заселялись о-ва Родос и Кипр, ахейские фактории были открыты в Сицилии и Южной Италии. Ахейцы участвовали в том мощном натиске на прибрежные страны Переднего Востока, который обычно называют движением «морских народов».

В XIII в. до н. э. процветающие ахейские государства начали ощущать приближение грозных собы-

Золотая погребальная маска из Микен. XVI в. до н. э.

зацию, определенные стереотипы в рассказах о героях и их быте, нарочитую архаизацию.

В описываемый период основным занятием населения Греции по-прежнему оставалось земледелие. Видимо, большую часть обрабатываемой земли занимали зерновые, важную роль играли садоводство и виноделие; оливы продолжали оставаться одной из ведущих культур. Развивалось и скотоводство. Судя по поэмам Гомера, крупный рогатый скот выступал в роли «всеобщего эквивалента». Так, в

лась в тех областях, где завоеватели-дорийцы покорили местное ахейское население, например в Спарте. Дорийцы завоевали долину Еврота и поставили в зависимость от себя местное население.

Основной формой организации общества был полис как особая форма общины. Гражданами полиса являлись главы входивших в него патриархальных семей. Каждая семья представляла экономически самостоятельную единицу, что определяло и их политическое равенство. И хотя нарождающаяся знать стремилась поставить общину под свой контроль, до завершения этого процесса было еще далеко. Полис-община выполняла две важнейшие функции: защита земли

*Дама с ожерельем.
Фреска из Микен.
XIII в. до н. э.*

*Серебряный ритон
в виде бычьей
головы из Микен.
XVI в. до н. э.*

«Илиаде» большой треножник оценивается в двенадцать быков, а искусная мастерица — в четыре быка.

Важные изменения происходили в ремесленном производстве, в первую очередь в металлургии и металлообработке. Именно тогда начинает широко использоваться железо. Освоение этого металла, процесс производства которого в сравнении с бронзой был более простым, имело огромные последствия. Отпала необходимость в производственной кооперации ряда семей, и возникли возможности для экономической самостоятельности патриархальной семьи, перестало оправдывать себя централизованное производство, хранение и распределение железа, исчезла экономическая потребность в бюрократическом аппарате, характерном для всех ахейских государств.

Ведущей фигурой в экономике Греции был свободный земледelec. Несколько иная ситуация сложи-

и населения от притязаний соседей и регулирование внутриобщинных отношений. Только такие полисы, как Спарта, где имелось покоренное население, в эту эпоху приобретали черты примитивных государственных образований.

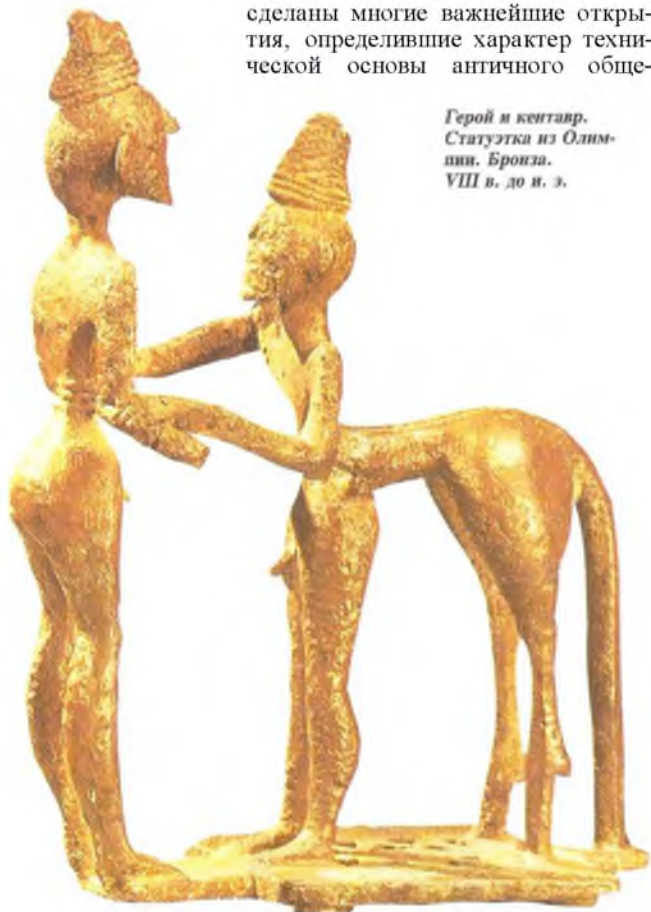
Таким образом, Греция к концу рассматриваемого периода представляла собой мир сотен мелких и мельчайших полисов-общин, объединявших крестьян-земледельцев. Это был мир, где основную экономическую единицу составляла патриархальная семья, хозяйственно самостоятельная и почти независи-

мая, с простым бытом, отсутствием внешних связей, мир, где верхушка общества резко еще не выделялась из основной массы населения, где эксплуатация человека человеком только нарождалась. При примитивных формах социальной организации еще не было сил, способных заставить основную массу производителей отдавать избыточный продукт. Но именно в этом заключались экономические потенции греческого общества, раскрывшиеся в следующую историческую эпоху и обеспечившие его быстрый взлет.

АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

Архаическим периодом в истории Греции обычно называют VIII—VI вв. до н. э. По мнению некоторых исследователей, это время наиболее интенсивного развития античного общества. Действительно, в течение трех столетий были сделаны многие важнейшие открытия, определявшие характер технической основы античного обще-

ства, развились те социально-экономические и политические явления, которые придали античному обществу определенную специфику по сравнению с другими рабовладельческими обществами: классическое рабство; система денежного обращения и рынка; основная форма политической организации — полис; концепция суверенитета народа и демократическая форма правления. Тогда же были разработаны и главные этические нормы и принципы морали, эстетические идеалы, оказывавшие воздействие на античный мир на всем протяжении его истории вплоть до возникновения христианства. Наконец, в этот период зародились основные феномены античной культуры: философия и наука, главные жанры литературы, театр, орднерная архитектура, спорт.

*Герой и кентавр.
Статуэтка из Олимпии.
Бронза.
VIII в. до н. э.*

Чтобы яснее представить себе динамику развития общества в архаический период, приведем такое сравнение. Около 800 г. до н. э. греки жили, на ограниченной территории юга Балканского п-ова, островов Эгейского моря и западного побережья Малой Азии. Около 500 г. до н. э. они уже занимают берега Средиземноморья от Испании до Леванта и от Африки до Крыма. Около 800 г. до н. э. Греция в сущности деревенский мир, мир самообеспечивающихся маленьких общин, к 500 г. до н. э. Греция уже масса небольших городов с местными рынками, денежные отношения властно вторгаются

в экономику, торговые связи охватывают все Средиземноморье, объектами обмена выступают не только предметы роскоши, но и товары повседневного потребления. Около 800 г. до н. э. греческое общество — простая, примитивная социальная структура с преобладанием крестьянства, мало чем отличающейся от него аристократией и с ничтожным количеством рабов. Около 500 г. до н. э. Греция уже пережила эпоху больших социальных перемен, раб классического типа становится одним из главных элементов социальной структуры, наряду с крестьянством существуют иные социoproфессиональные группы; известны различные формы политической организации: монархия, тирания, олигархия, аристократическая и демократическая республики. В 800 г. до н. э. в Греции еще практически нет храмов, театров, стадионов. В 500 г. до н. э. Греция — страна со множеством прекрасных общественных зданий, руины которых еще и сейчас восхищают нас. Возникают и развиваются лирическая поэзия, трагедия, комедия, натурфилософия.

Стремительный подъем, подогретый предыдущим развитием, распространение железных орудий имели многообразные последствия для общества. Возрастание производительности труда в сельском хозяйстве и ремесле приводило к увеличению избыточного продукта. Из сельскохозяйственной сферы высвобождалось все большее число людей, что обеспечивало быстрый рост ремесла. Обособление сельскохозяйственного и ремесленного секторов экономики повлекло за собой регулярный обмен между ними, появление рынка и всеобщего эквивалента — чеканной монеты. Новый вид богатства — деньги — начинает соперничать со старым — земельной собственностью, разлагая традиционные отношения.

В результате происходит быстрое разложение первобытнообщинных отношений и становление новых форм социально-экономической и политической организации общества. Этот процесс по-разному протекает в различных ча-

стях Эллады, но везде влечет за собой назревание социальных конфликтов между оформляющейся аристократией и рядовым населением, в первую очередь крестьянами-общинниками, а затем и другими слоями.

Становление греческой аристократии современные исследователи обычно относят к VIII в. до н. э. Аристократия того времени — это ограниченная группа людей, которой свойственны особые, обязательные для входящих в нее образ жизни и система ценностей. Она

Мисхофор («несущий теленка»). Акрополь, Афины. Около 570 г. до н. э.

занимала преобладающее положение в сфере общественной жизни, особенно в отправлении правосудия, играла ведущую роль в войне, так как только знатные воины имели тяжелое вооружение, и потому сражения представляли по существу поединки аристократов. Аристократия стремилась полностью

Так называемая дипилонская голова. Афины. Около 600 г. до н. э.

поставить под свой контроль рядовых членов общества, превратить их в эксплуатируемую массу. По мнению современных исследователей, наступление аристократии на рядовых сограждан началось в VIII в. до н. э. О деталях этого процесса известно мало, но об основных результатах его можно судить на примере Афин, где усиление влияния аристократии привело к созданию четко оформленной сословной структуры, к постепенному сокращению слоя свободного крестьянства и увеличению числа зависимых.

С этой ситуацией тесно связано и такое явление огромного исторического значения, как «великая греческая колонизация». Начиная с

середины VIII в. до н. э. греки оказались вынуждены покинуть родину и переселяться в другие страны.

За три века они создали множество колоний на берегах Средиземного моря. Колонизация развивалась в трех основных направлениях: западном (Сицилия, Южная Италия, Южная Франция и даже восточное побережье Испании), северном (фракийское побережье Эгейского моря, район проливов, ведущих из Средиземного моря в Черное, и его побережье) и юго-восточном (побережье Северной Африки и страны Леванта).

Современные исследователи считают, что главным ее стимулом был недостаток земли. Греция страдала как от абсолютного аграрного перенаселения (увеличение населения вследствие общего экономического подъема), так и от относительного (недостаток земли у беднейших крестьян вследствие концентрации земельной собственности в руках знати). К числу причин колонизации относят также политическую борьбу, которая обычно отражала главное социальное противоречие эпохи — борьбу за землю, в результате чего побежденные в гражданской войне часто были вынуждены покинуть родину и переселяться за море. Имели место и торговые мотивы: стремление греков поставить под свой контроль торговые пути.

Пионерами греческой колонизации стали расположенные на о-ве Эвбея города Халкида и Эретрия — в VIII в. до н. э., по-видимому, наиболее передовые города Греции, важнейшие центры металлургического производства. В дальнейшем в колонизацию включились Коринф, Мегары, малоазийские города, особенно Милет.

Колонизация оказала огромное влияние на развитие древнегреческого общества, особенно в экономической сфере. Невозможность наладить на новом месте нужные отрасли ремесла привела к тому, что очень скоро колонии установили теснейшие экономические связи со старыми центрами Балканского п-ова и Малой Азии. Отсюда и в колонии, и к местному населению,

соседствовавшим с ними, стали поступать изделия греческого ремесла, особенно художественного, а также некоторые виды сельскохозяйственной продукции (лучшие сорта вин, оливковое масло и др.). Взамен колонии поставляли в Грецию зерно и другие продукты питания, а также сырье (лес, металлы и т. д.). В результате греческое ремесло получило толчок к дальнейшему развитию, а сельское хозяйство стало приобретать товарный характер. Таким образом, колонизация пригласила социальные конфликты в Греции, выведя за ее пределы массу безземельного населения и в то же время способствуя изменению социальной и экономи-

ческого всего были связаны с установлением писаных законов, ограничивавших произвол аристократии.

Сопrotивление растущему господству знати облегчалось по крайней мере тремя обстоятельствами. Около 675—600 г. до н. э. благодаря техническому прогрессу происходит своего рода революция в военном деле. Тяжелые доспехи становятся доступными рядовым гражданам, и аристократия лишается своего преимущества в военной сфере. Из-за скудости природных ресурсов страны греческая

ческой структуры греческого общества.

Наступление аристократии на права демоса достигло апогея в VII в. до н. э., вызвав ответное сопротивление. В греческом обществе появляется особый социальный слой людей, которые жили, чаще всего благодаря ремеслу и торговле, значительные богатства, вели аристократический образ жизни, но не имели наследственных привилегий знати. «Деньги в почете всеобщем. Богатство смешало породы», — с горечью замечает поэт Феогнид из Мегар. Этот новый слой жадно рвался к управлению, становясь тем самым союзником крестьян в борьбе со знатью. Первые успехи в этой борьбе чаще

аристократия не могла сравниться с аристократией Востока. В силу особенностей исторического развития в Греции железного века не было таких экономических институтов (подобных храмовым хозяйствам Востока), опираясь на которые можно было бы эксплуатировать крестьянство. Даже находившиеся в зависимости от аристократов крестьяне не были связаны с хозяйствами последних экономически. Все это предопределяло непременность господства знати в обще-

Одна из голов мифологического чудовища. Фронтон Гекатомпедона на афинском Акрополе. Раскрашенный известняк. Около 570 г. до н. э.

Бронзовая фигурка всадника. VI в. до н. э.

стве. Наконец, силой, препятствовавшей укреплению позиций аристократов, была их этика. Она имела «атональный» (соревновательный) характер: каждый аристократ в соответствии с присущими этому слою этическими нормами стремился повсюду быть первым — на поле боя, в спортивных состязаниях, в политике. Эта система ценностей была создана знатью раньше и перенесена в новый исторический период, когда для обеспечения господства ей требовалось сплочение всех сил. Однако достичь этого аристократия не смогла.

Обострение социальных конфликтов в VII—VI вв. до н. э. привело к рождению во многих греческих городах тирании, т. е. единоличной власти правителя.

В тот период понятие «тирания» еще не имело присущего ему сегодня негативного оттенка. Тираны проводили активную внешнюю политику, создавали мощные вооруженные силы, украшали и благоустроивали свои города. Однако ранняя тирания как режим не могла существовать долго. Историческая обреченность тирании объяснялась ее внутренней противоречивостью. Свержение господства знати и борьба против нее были невозможны без поддержки со стороны народных масс. Крестьянство, выигрывавшее от этой политики, первоначально поддерживало тиранов, но, когда исходившая от аристократии угроза ослабевала, оно постепенно приходило к сознанию ненужности тиранического режима.

Тирания не являлась этапом, характерным для жизни всех полисов. Наиболее типичной она была для тех городов, которые еще в эпоху архаики стали крупными торгово-ремесленными центрами. Процесс формирования классического полиса благодаря относительному обилию источников лучше всего известен нам на примере Афин.

История Афин в архаическую эпоху — это история становления демократического полиса. Монополия на политическую власть в рассматриваемый период принадлежала здесь знати — эвпатридам, кото-

Стела Аристонна работы Аристокла. Около 510 г. до н. э.

Тираноубийцы Гармодий и Аристокитон. Римская копия с оригинала V в. до н. э.

рая постепенно превращала рядовых граждан в зависимую массу. Этот процесс уже в VII в. привел к вспышкам социальных конфликтов.

Коренные изменения происходят в начале VI в. до н. э., и связаны они с реформами Солона. Самой важной из них была так называемая сисахфия («стряхивание бремени»). В результате этой реформы крестьяне, из-за долгов превратившиеся по существу в ипольных арендаторов собственной земли, восстановили свой статус собственников. Одновременно было запрещено обращать афинян в рабство за долги. Огромное значение имели реформы, подорвавшие политическое господство знати. Отныне объем политических прав зависел не от знатности, а от размера имущества (все граждане по-лиса делились на четыре имущественных разряда). В соответствии с этим делением перестраивалась и военная организация Афин. Был создан новый орган управления — совет (буле), возросло значение народного собрания.

Реформы Солона, несмотря на свою радикальность, отнюдь не решили всех проблем. Обострение социальной борьбы в Афинах привело в 560 г. до н. э. к установлению тирании Писистрата и его сыновей, продержавшейся здесь с перерывами до 510 г. до н. э. Писистрат проводил активную внешнюю политику, укрепляя позиции Афин на морских торговых путях. В городе процветало ремесло, развивалась торговля, велось большое строительство. Афины превращались в один из крупнейших экономических центров Эллады. При преемниках Писистрата этот режим пал, что вновь вызвало обострение социальных противоречий. Вскоре после 509 г. до н. э. под руководством Клисфена проводится новая серия реформ, окончательно утвердивших демократический строй. Важнейшая из них — реформа избирательного права: отныне все граждане, независимо от своего имущественного положения, обладали равными политическими правами. Была изменена система территориального деления, разру-

шавшая влияние аристократов на местах.

Иной вариант развития дает Спарта. Захватив Лаконику и поработив местное население, доряне уже в IX в. до н. э. создали в Спарте государство. Родившись очень рано в результате завоевания, оно сохранило в своей структуре много примитивных черт. В дальнейшем спартанцы в ходе двух войн стремились завоевать Мессению — область на западе Пелопоннеса. Назревавший уже раньше внутренний социальный конфликт между знатью и рядовым гражданством разразился в Спарте во время Второй Мессенской войны. В своих основных чертах он напоминал конфликты, которые примерно в это же время существовали и в других частях Греции. Длительная борьба между рядовыми спартиатами и аристократией привела к переустройству спартанского общества. Создается строй, который в более позднее время назывался Ликурговым, по имени якобы установившего его законодателя. Конечно, традиция упрощает картину, ибо этот строй не был создан сразу, а складывался постепенно. Преодолев внутренний кризис, Спарта смогла завоевать Мессению и превратилась в самое мощное государство Пелопоннеса и, пожалуй, всей Греции.

Вся земля в Лаконике и Мессении была разделена на равные участки — клеры, которые каждый спартиат получал во временное владение, после его смерти земля возвращалась государству. Стремлению к полному равенству спартиатов служили и другие меры: суровая система воспитания, направленная на формирование идеального воина; строжайшая регламентация всех сторон жизни граждан — спартиаты жили так, будто находились в военном лагере; запрещение заниматься земледелием, ремеслом и торговлей, пользоваться золотом и серебром; ограничение контактов с внешним миром. Был реформирован и политический строй. Наряду с царями, выполнявшими функции военачальников, судей и жрецов, советом старейшин (герусией) и народным собранием (апеллой) по-

явился новый орган управления — коллегия пяти эфоров (надзирателей). Эфорат представлял собой высший контрольный орган, следивший за тем, чтобы никто не отступал ни на шаг от принципов спартанского строя, который стал объектом гордости спартиатов, считавших, что они достигли идеала равенства.

В историографии традиционно существует взгляд на Спарту как на военизированное, милитаристское государство, а некоторые авторитетные специалисты даже называют ее «полицейским» государством. В этом определении есть свой резон. Базой, на которой зиждилась «община равных», т. е. коллектив равноправных и полноправных, совершенно не занятых производительным трудом спартиатов, была эксплуатируемая масса порабощенного населения Лаконики и Мессении — илоты. Ученые уже много лет спорят о том, как определить положение этого слоя населения. Многие склонны считать илотов государственными рабами. Илоты владели участками земли, орудиями труда, обладали хозяйственной самостоятельностью, но они были обязаны передавать определенную долю урожая своим хозяевам — спартиатам, обеспечивая их существование. По подсчетам современных исследователей, эта доля равнялась приблизительно $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{8}$ урожая. Лишенные всех политических прав, илоты целиком принадлежали государству, которое распоряжалось не только их имуществом, но и жизнью. Малейший протест со стороны илотов жестоко карался.

В спартанском полисе существовала еще одна социальная группа — периэки («живущие вокруг»), потомки дорийцев, не вошедшие в состав граждан Спарты. Они жили общинами, обладали внутренним самоуправлением под надзором спартанских должностных лиц, занимались земледелием, ремеслом и торговлей. Периэки были обязаны выставлять воинские контингенты. Сходные общественные условия и близкий спартанскому строй известны на Крите, в Аргосе, Фессалии и других областях.

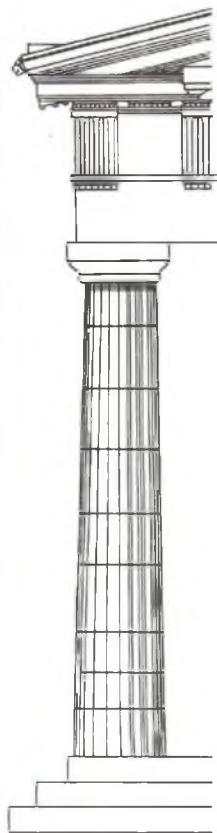

302/303

Древнегреческая
цивилизация

Аполлон из Ширя.
Бронза. Около
520 г. до н. э.

Аттический курс.
Середина VI в.
до н. э.

Подобно всем другим сферам жизни, греческая культура в архаическую эпоху переживала бурные изменения. В эти столетия происходила выработка этнического самосознания, греки постепенно начинали осознавать себя единым народом, отличным от других народов, которых они стали называть варварами. Этническое самосознание находило свое проявление и в некоторых общественных установлениях. Согласно греческой традиции, на-

Вотивная табличка со сценой жертвоприношения. Живопись по дереву. 540 г. до н. э.

чиная с 776 г. до н. э. стали устраиваться Олимпийские игры, на которые допускались только греки.

В эпоху архаики складываются основные черты этики древнегреческого общества. Ее отличительной особенностью было соединение рождающегося чувства коллективизма и агонистического (сопоставительного) начала. Формирование полиса как особого типа общины, педшего на смену рыхлым объединениям «героической» эпохи, вызвало к жизни и новую, полисную мораль — коллективистскую в своей основе, поскольку существование индивида вне рамок полиса было невозможно. Выработке этой морали способствовала также военная организация полиса (строй фаланги). Высшая доблесть гражданина состояла в защите своего полиса: «Сладко ведь жизнь потерять, среди воинов доблестных

павши, храброму мужу в бою ради отчины своей» — эти слова спартанского поэта Тиртея как нельзя лучше выражали уmonoстроения новой эпохи, характеризую систему господствовавших тогда ценностей. Однако новая мораль сохраняла принципы морали гомеровского времени с ее ведущим принципом состязательности. Характер политических реформ в полисах обусловил сохранение этой морали, поскольку не аристократия лишалась своих прав, а рядовое гражданство поднималось с точки зрения объема политических прав до уровня аристократии. В силу этого традиционная этика аристократии распространялась и среди народных масс, хотя уже в измененной форме: важнейший принцип — кто лучше послужит полису.

Определенную трансформацию переживала и религия. Формирование единого греческого мира при всех локальных особенностях повлекло за собой создание общего для всех греков пантеона. Свидетельство тому — поэма Гесиода «Теогония». Космогонические представления греков принципиально не отличались от представлений многих других народов. Считалось, что изначально существовали Хаос, Земля (Гея), подземный мир (Тартар) и Эрос — жизненное начало. Гея породила звездное небо — Уран, который стал первым властителем мира и супругом Геи. От Урана и Геи родилось второе поколение богов — титаны. Титан Кронос (бог земледелия) низверг власть Урана. В свою очередь дети Кроноса — Аид, Посейдон, Зевс, Гестия, Деметра и Гера — под водительством Зевса свергли Кроноса и захватили власть над Вселенной. Таким образом, олимпийские боги — третье поколение божеств. Верховным божеством стал Зевс — властитель неба, грома и молнии. Посейдон считался богом влаги, орошающей землю и моря, Аид (Плутон) — владыкой подземного мира. Супруга Зевса Гера являлась покровительницей брака, Гестия — богиней домашнего очага. Как покровительницу земледелия почитали

Деметру, дочь которой Кора, некогда похищенная Аидом, стала его супругой.

От брака Зевса и Геры родились Геба — богиня юности, Арес — бог войны, Гефест, олицетворявший вулканический огонь, скрытый в недрах земли, а также покровительствовавший ремесленникам, особенно кузнецам. Среди потомков Зевса особо выделялся Аполлон — бог светлого начала в природе, нередко называвшийся Фебом (Сияющим). Согласно мифам, он поразил дракона Пифона, и на месте, где он совершил свой подвиг, а было это в Дельфах, греки возвели в честь Аполлона храм. Этот бог считался покровителем искусств, богом-врачевателем, но одновременно и божеством, приносящим смерть, разнося эпидемии; позднее он стал покровителем колонизации. Роль Аполлона с течением времени все более возрастает, и он начинает вытеснять Зевса.

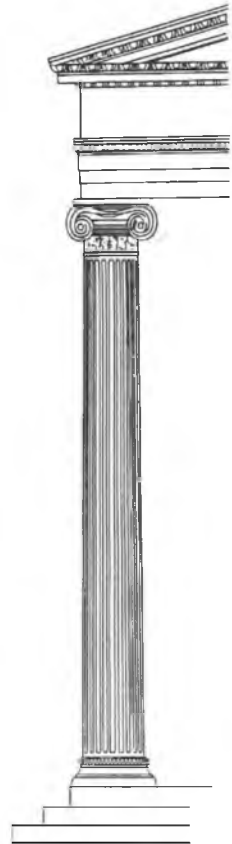
Сестра Аполлона Артемида — богиня охоты и покровительница молодежи. Многосторонни функции Гермеса, первоначально бога материального достатка, затем торговли, покровителя обманщиков и воров, наконец, патрона ораторов и спортсменов; Гермес отводил также души умерших в подземный мир. Диониса (или Вакха) почитали как божество производящих сил природы, виноградарства и виноделия. Большим почетом пользовалась Афина, родившаяся из головы Зевса, — богиня мудрости, всякого рационального начала, но и войны (в отличие от Ареса, который олицетворял безрассудную отвагу). Постоянная спутница Афины — богиня победы Ника, символ мудрости Афины — сова. Афродите, родившейся из морской пены, поклонялись как богине любви и красоты.

Для греческого религиозного сознания, особенно на этой стадии развития, не характерна идея всемогущества божества, над миром олимпийских богов царила безликая сила — Судьба (Ананка). Из-за политической раздробленности и отсутствия жреческого сословия у греков не сложилась единая религия. Возникло большое количество

очень близких, но не идентичных религиозных систем. По мере развития полисного мировоззрения оформлялись представления об особой связи отдельных божеств с тем или иным полисом, покровителями которого они выступали. Так, богиня Афина особенно тесно связана с городом Афинами, Гера — с Самосом и Аргосом, Аполлон и Артемида — с Делосом, Аполлон — с Дельфами, Зевс — с Олимпией и т. д.

Для греческого мировоззрения характерен не только политеизм, но и представление о всеобщей одушевленности природы. Каждое природное явление, каждая река, гора, роща имели свое божество. С точки зрения грека, не было непреодолимой грани между миром людей и миром богов, посредствующим звеном между ними выступали герои. Такие герои, как Геракл, за свои подвиги приобрелись к миру богов. Боги греков и сами были антропоморфны, они испытывали человеческие страсти и могли страдать, подобно людям.

Архаическая эпоха — время становления архитектуры. Бесспорен примаат общественной, в первую очередь сакральной, архитектуры. Жилища того времени просты и примитивны, все силы общества обращены на монументальные сооружения, прежде всего храмы. Среди них первенствовали храмы богов — покровителей общины. Формирующееся чувство единства гражданского коллектива находило свое выражение в создании таких храмов, считавшихся местом обитания богов. Ранние храмы повторяли устройство мегарона II тыс. до н. э. Храм нового типа родился в Спарте — древнейшем полисе Элады. Характерная особенность греческой архитектуры — применение ордеров, т. е. особой системы построения, которая подчеркивает архитектонику здания, придает выразительность несущим и несомым элементам конструкции, выявляя их функцию. Ордерное здание обычно имеет ступенчатое основание, на него ставился ряд несущих вертикальных опор — колонн, поддерживавших несомые части — антаблемент, который от-

ражал конструкцию балочного перекрытия и крыши. Первоначально храмы строились на акрополях— укрепленных возвышенностях, древних центрах поселений. Позднее в связи с общей демократизацией общества происходят изменения в местоположении храмов. Их возводят теперь в нижнем городе, чаще всего на агоре— главной площади, бывшей центром общественной и деловой жизни полиса.

Храм как институт способствовал развитию различных видов искусства. Рано установился обычай

чем-то вроде музея.

В архаическую эпоху возникает монументальная скульптура— вид искусства, ранее неизвестный Греции. Древнейшие скульптуры представляли собой изображения, грубо вырезанные из дерева, часто инкрустированные слоновой костью и покрытые листами бронзы. Усовершенствования в технике обработки камня не только сказались на архитектуре, но и привели к возникновению каменной скульптуры, а в технике обработки металла— к отливке скульптуры из бронзы. В VII—VI вв. до н. э. в скульптуре господствуют два типа: обнаженная мужская фигура и задрапированная женская. Рождение статуарного типа обнаженной фигуры мужчины связано с основными тенденциями развития общества. Статуя изображает прекрасного и доблестного гражданина, победителя в спортивных состязаниях, прославившего родной город. По этому же типу стали изготавливать надгробные статуи и изображения божеств. Появление рельефа в основном связано с обычаем ставить надгробные памятники. В дальнейшем рельефы в виде сложных многофигурных композиций стали неременной частью антаблемента храма. Статуи и рельефы, как правило, раскрашивались.

Греческая монументальная живопись известна намного хуже, чем вазопись. На примере последней лучше всего прослеживаются основные тенденции развития искусства: возникновение реалистических начал, взаимодействие местного искусства и влияний, пришедших с Востока. В VII—начале VI в. до н. э. преобладали коринфские и родосские вазы с пестрыми росписями так называемого коврового стиля. На них обычно изображались растительный орнамент и расположенные в ряд различные животные и фантастические существа. В VI в. до н. э. в вазописи господствует чернофигурный стиль: закрашенные черным лаком фигуры резко выделялись на красноватом фоне глины. Росписи на чернофигурных вазах часто представляли собой многофигурные композиции на мифологиче-

*Кора в пеплосе.
Около 540 г.
до н. э.*

приношения даров в храм, ему жертвовали часть добычи, захваченной у врагов, оружие, подношения по случаю избавления от опасности и т. д. Значительную часть таких даров составляли произведения искусства. Важную роль играли храмы, приобретшие всегреческую популярность, прежде всего храм Аполлона в Дельфах. Соперничество сначала знатных родов, а затем полисов способствовало тому, что здесь сосредоточивались лучшие произведения искусства, а территория святилища становилась

ские сюжеты: различные эпизоды из жизни олимпийских богов, популярностью пользовались подвиги Геракла, Троянская война. Реже встречались сюжеты, связанные с повседневной жизнью людей: битва гошлитов, состязания атлетов, сцены пира, хоровод девушек и др.

Поскольку отдельные изображения исполнялись в виде черных силуэтов на фоне глины, они производят впечатление плоских. Вазам, изготовлявшимся в разных городах, присущи только им свойственные черты. Чернофигурный стиль достиг особого расцвета в Афинах. Аттические чернофигурные вазы отличались изяществом форм, высокой техникой изготовления, сюжетным разнообразием. Некоторые вазописцы подписывали свои росписи, и благодаря этому мы знаем, например, имя Клития, расписавшего великолепный сосуд для вина (кратер): роспись состоит из нескольких поясов, на которых представлены многофигурные композиции. Другой великолепный образец росписи — килик Эксекия. Всю круглую поверхность чаши для вина вазописец занял одной сценой: на плывущем под белым парусом судне возлежит бог Дионис, возле мачты выются виноградные лозы, свисают тяжелые гроздья. Вокруг ныряют семь дельфинов, в которых, согласно мифу, Дионис превратил тирренских пиратов.

Величайшим достижением греческой культуры архаической эпохи стало создание алфавитного письма. Преобразовав финикийскую слоговую систему, греки создали простой способ фиксации информации. Для того чтобы научиться писать и считать, теперь не нужны были годы упорного труда, произошла «демократизация» системы обучения, позволившая постепенно сделать практически всех свободных жителей Греции грамотными. Тем самым знания были «секуляризованы», что стало одной из причин отсутствия в Греции жреческого сословия и способствовало повышению духовного потенциала общества в целом.

С эпохой архаики связано явление исключительной важности

Чернофигурная амфора. 540-е гг. до н. э.

Чернофигурная амфора. Около 550 г. до н. э.

для европейской культуры — возникновение философии. Философия — принципиально новый подход к познанию мира, резко отличный от того, какой господствовал на Переднем Востоке и в Греции

более раннего периода. Переход от религиозно-мифологических представлений о мире к философскому пониманию означал качественный скачок в интеллектуальном развитии человечества. Постановка и формулировка проблем, опора на человеческий разум как на средство познания, ориентация на поиски причин всего происходящего в самом мире, а не вне его — вот то, что существенно отличает философский подход к миру от религиозно-мифологических воззрений.

В современной научной литерату-

ре существует два основных взгляда на возникновение философии. Согласно одному, рождение философии — производное от развития науки; количественное накопление позитивных знаний имело своим результатом качественный скачок. Согласно другому объяснению, ранняя греческая философия практически ничем, кроме способа выражения, не отличалась от стадильно более ранней мифологической системы познания мира. Однако в последние годы высказан взгляд, кажущийся наиболее пра-

308/309

Древнегреческая цивилизация

Чернофигурная амфора. 540—530 гг. до н. э.

Чернофигурная амфора. Вторая половина VI в. до н. э.

Чернофигурная гидрия. 530-е гг. до н. э.

Чернофигурный динос. 510—500 гг. до н. э.

вильным: философия родилась из социального опыта гражданина раннего полиса. Полис и отношения граждан в нем—вот та модель, по аналогии с которой греческие философы видели мир. Подтверждает этот вывод то обстоятельство, что возникновение философии в ее самой ранней форме—натурфилософии (т. е. философии, обращенной прежде всего к познанию самых общих закономерностей мира)—происходит в наиболее передовых малоазийских полисах. Именно с ними связана деятельность первых философов—Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена. Натурфилософские учения о первоэлементах давали возможность построить общую картину мира и объяснить ее, не прибегая к помощи богов. Рождавшаяся философия была стихийно-материалистической, основное в творчестве первых ее представителей—поиски материальных первооснов всего сущего.

Основоположник ионийской натурфилософии Фалес считал такой первоосновой воду, находящуюся в непрерывном движении. Превращения ее создавали и создают все вещи, в свою очередь снова превращающиеся в воду. Землю Фалес представлял в виде плоского диска, плавающего на поверхности первичной воды. Фалеса считали также основоположником математики, астрономии и ряда других конкретных наук. Сопоставляя записи о последовательно происходивших солнечных затмениях, он предсказал затмение солнца 597 (или 585) г. до н. э. и объяснял его тем, что Луна заслонила Солнце. По Анаксимандру, первооснова всего—апейрон, неопределенная, вечная и беспредельная материя, находящаяся в постоянном движении. Анаксимандр дал первую формулировку закона сохранения энергии и создал первую геометрическую модель Вселенной.

Материализму и диалектике ионийских натурфилософов противостояли пифагорейцы—последователи учения Пифагора, создавшего в Южной Италии религиозно-мистическое сообщество. Основой основ пифагорейцы считали

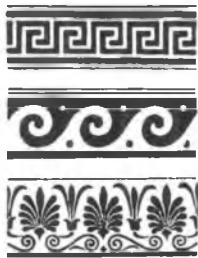
математику, полагая, что не качество, а количество, не вещество, а форма определяют сущность всего. Постепенно они стали отождествлять вещи с числами, лишив их материального содержания. Превращенное в абсолюте абстрактное число мыслилось ими как основная нематериальная сущности мира.

В начале архаической эпохи господствующим жанром литературы был эпос, унаследованный от предшествующей эпохи. Фиксация поэм Гомера, произведенная в Афинах при Писистрате, ознаменовала конец «эпического» периода. Эпос как отражение опыта всего общества в новых условиях должен был уступить первенство другим видам литературы. В эту эпоху, наполненную бурными социальными конфликтами, развиваются лирические жанры, отражающие переживания индивида. Гражданственность отличает поэзию Тиртея, воодушевлявшего спартанцев в их борьбе за обладание Мессенией. В своих элегиях Тиртей восхвалял воинские доблести и излагал нормы поведения воинов. И в позднейшие времена их пели во время походов, они пользовались популярностью также вне Спарты как гимн полисному патриотизму. Творчество Феогнида—поэта-аристократа, осознавшего гибель аристократического строя и страдавшего от этого,—пронизано ненавистью к низам и жаждой мести:

Крепко пятою топчи пустодушный
народ, беспощадно
Острою палкой коли, тяжким ярмом
придави!

Жизнь, полную невзгод и страданий, прожил один из первых поэтов-лириков—Архилох. Сын аристократа и рабыни, Архилох, гонимый нуждой, отправился с родного Пароса вместе с колонистами на Фасос, сражался с фракийцами, служил наемником, побывал в «прекрасной и счастливой» Италии, но нигде не нашел счастья:

В остром копы у меня замешен
мой хлеб. И в копы же—
Из-под Исмара вино. Пью, опершись
на копы.

В творчестве другого великого лирика — Алкея — отразилась бурная политическая жизнь того времени. Наряду с политическими мотивами в его стихах присутствуют и застольные, в них звучат радость жизни и печаль любви, размышления о неизбежности смерти и призывы к друзьям возрадоваться жизни:

Дожди бушуют. Стужей великого
Несет от неба. Реки все скованы...
Прогоним зиму. Ярko пылающий
Огонь разложим. Щедро мне сладкого
Налей вина. Потом под щеку
Мягкую мне положи подушку.

«Саффо фиалкокудрая, чистая, с улыбкой нежной!» — обращается поэт к своей великой современнице Саффо.

В центре творчества Саффо стояла женщина, страдающая от любви и терзаемая муками ревности, или мать, нежно любящая своих детей. В поэзии Саффо преобладают грустные мотивы, что придает ей своеобразное очарование:

Богу равным кажется мне по счастью
Человек, который так близко-близко
Пред тобой сидит, твой звучащий
нежно

Слушает голос
И прелестный смех. У меня при этом
Перестало сразу бы сердце биться.

Поэзией красоты, любви и веселья называл свое творчество Анакреонт. Он не думал о политике, войнах, гражданских раздорах:

КЛАССИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

Классический период в истории Древней Греции, согласно принятой периодизации, охватывает время с рубежа VI—V вв. до 338 г. до н. э. Это время наивысшего подъема Греции, полного расцвета всех тех явлений, которые сформировались в архаическую эпоху, время господства такой своеобразной формы социально-экономической и политической организации общества, как полис. По мнению многих исследователей, именно полисной формой организации общества объясняются основные особенности развития древнегреческого общества, в том числе характер культуры и искусства.

Мил мне не тот, кто, пируя, за полную
чашею речи
Только о тяжбах ведет да о прискорб-
ной войне;
Мил мне, кто, Муз и Киприды благие
дары сочетая,
Правилом ставит себе быть веселее
в пиру.

Стихи Анакреонта, отмеченные печатью бесспорного таланта и чарующие своей формой, оказали огромное влияние на европейскую, в том числе и русскую, поэзию.

К концу эпохи архаики относятся рождение художественной про-

зы, представленной произведениями логографов, собиравших местные предания, генеалогии знатных родов, рассказы об основании полисов. Тогда же возникает и театральное искусство, корни которого лежат в народных обрядах земледельческих культов.

Обычно полис определяют как гражданскую общину, тем самым подчеркивая два его элемента: общинный характер данного социального организма и своеобразие этой общины, отличающейся от других типов общин (родовой, семейной, территориальной и т. д.). Главная особенность античной гражданской общины заключалась в том, что в основе ее лежала античная форма собственности, глубоко исследованная К. Марксом, показавшим, что именно отличает ее от других форм собственности: двуединый характер, диалектическое единство государственного и частного принципов собственности.

Афина Промехос.
Бронза. 450 г.
до н. э.

Этой особенностью античной формы собственности объясняются основные черты древнегреческого полиса. Прежде всего совпадение в принципе политического коллектива (коллектива полноправных граждан) и коллектива земельных собственников, взаимообусловленность гражданского статуса и права собственности на землю. Все группы населения, не имеющие гражданских прав, отстраняются от права собственности на землю. Существует и обратная зависимость, хотя она и не столь ярко выражена: во многих полисах утрата участка земли означала и потерю политических прав.

Полис как коллектив граждан обладал правом верховной собственности на землю. Взаимообусловленность права собственности на землю и гражданского статуса, совпадение в принципе социальной и политической структур приводили к тому, что граждане обладали, в идеале, равными политическими правами. В полисе действовали различные органы управления (совет, магистратуры), но верховным органом (даже в полисах с явно олигархическими тенденциями) всегда было народное собрание, которому принадлежало право окончательного решения всех важнейших вопросов. Этим определяется демократическая тенденция в развитии древнегреческого общества. Еще одной важнейшей особенностью полиса было совпадение политической и военной организаций. Вооруженные силы гражданской общины — ополчение граждан. Гражданин-собственник одновременно являлся и воином, обеспечивавшим неприкосновенность полиса и тем самым своей личной собственности.

Экономика полиса базировалась прежде всего на сельском хозяйстве, представлявшем основную сферу занятий гражданина. Даже в наиболее экономически развитых полисах, таких, как Афины, подавляющая масса граждан занималась сельским хозяйством.

Основной экономической принцип полиса — идея автаркии, т. е. самообеспеченности. Автаркия выступала в качестве экономической основы свободы. Ни отдельно взя-

тыи индивид, ни полис в целом не чувствовали себя полностью свободными, если средства их существования зависели от кого-то другого.

В соответствии с этими принципами вырабатывалась и полисная система ценностей, продолжавшая существовать и оказывать влияние даже тогда, когда менялись условия жизни. Важнейший элемент этой системы ценностей составляла твердая уверенность в том, что полис — высшее благо, что существование человека вне его рамок невозможно, что благополучие отдельного лица зависит от благополучия полиса. Сюда же относились идея превосходства земледельческого труда над всеми иными видами деятельности, осуждение стремления к прибыли, желание сохранить неизменными и экономическую основу, и все остальные условия жизни, приоритет традиций. В целом полис предстает перед нами как своеобразная «крестьянская республика» со всеми свойствами такому социальному организму чертами.

Для данной эпохи характерно еще одно важное явление: начало широкого распространения в Греции рабства классического типа. Существовали две основные формы рабства: рабство типа илотии, засвидетельствованное не только в Спарте, но и в ряде других земледельческих областей, и рабство классического типа, наиболее распространенное в экономически развитых центрах. При классическом рабстве (лучше всего известном на примере Афин) раб не только лишен собственности на орудия и средства производства, но и сам представляет «говорящее орудие» и как таковое полностью принадлежит своему хозяину. Право собственности рабовладельца на раба ничем не ограничено. Дети рабынь назывались приплодом и также становились рабами. Рабы классического типа в Греции, как правило, не являлись ее уроженцами, их захватывали в других странах во время военных действий и пиратских набегов. Затем они поступали на невольничьи рынки, становясь живым товаром. Полис превраща-

ется в «машину», оеспечивающую господство рабовладельцев над рабами.

Сформировавшийся в силу ряда особенностей природных условий Эллады и своеобразия ее социально-экономического и политического развития полис был явлением, практически неизвестным в мире древних цивилизаций Переднего Востока, резко отличным от существовавших там форм организации эбщества. Формирование и развитие полиса было явлением всемирно-исторического значения, посе-

кольку полисный мир создавал принципиально новую цивилизацию, новый вариант развития рабовладельческого строя.

Уже в самом начале полисной цивилизации пришлось отстаивать свою самобытность и право на свое существование в борьбе с «мировой» Ахеменидской державой, осуществлявшей свою экспансию на Запад.

Поводом для войны послужило восстание греческих городов Малой Азии против власти персов в 500 г. до н. э. Продолжавшаяся пять лет неравная борьба закончилась поражением греков. Используя в качестве предлога помощь восставшим со стороны некоторых полисов Балканского п-ова, персы усилили свое давление на Запад. В 490 г. до н. э. персидская армия высадилась в Аттике, у Марафона,

*Умирающий воин.
Деталь западного
фронтонна храма
Афины на Эггине.
Около 500—480 гг.
до н. э.*

но в происшедшей здесь битве была разбита.

В 480 г. до н. э. огромная персидская армия и флот под водительством царя Ксеркса вновь вторглись в Грецию. Часть греков признала персидскую власть, другие остались нейтральны, и только небольшое число полисов во главе со Спартой и Афинами твердо решили бороться до конца за свою свободу. Несмотря на героическое сопротивление отряда спартанцев во главе с царем Леонидом в Фермопильском ущелье, персы прорвались в Центральную Грецию. Население Афин бежало, завоеватели захватили город и разграбили его. Но дальнейшее продвижение персов было остановлено благодаря победе греческого флота у о-ва Саламин. Решающую роль в этом сражении сыграл афинский флот, построенный между 490 и 480 г. до н. э. по инициативе выдающегося афинского политического деятеля Фемистокла. Главные события произошли в 479 г. до н. э., когда персы понесли два поражения—и на суше и на море. Персидские войска оставили Грецию, были освобождены греческие города Малой Азии. Военные действия продолжались еще 30 лет, но ход войны коренным образом изменился. Греция смогла отстоять свою независимость, мир полисов доказал свою жизнеспособность.

Эти успехи греков имели важное значение. Одно из них — психологическое. Греки, особенно из тех полисов, которые с самого начала боролись с персами, гордились своей победой над могущественной державой Ахеменидов, пребывая в убеждении, что победу дала им свобода, а персы понесли поражение потому, что все они — рабы «великого» царя. Ранее сформировавшееся представление о превосходстве греков над остальными народами в ходе этой войны перерастало в убеждение.

Греко-персидские войны оказали существенное влияние на социально-экономическое развитие Эллады. Особенно важным стал второй этап войны, когда греки одерживали победы и обращали в рабов многочисленных военнопленных.

Цены на рабов падали, что позволяло людям среднего достатка приобретать их. Тем самым греко-персидские войны способствовали широкому распространению рабства в Греции.

Последствия греко-персидских войн наиболее сильно сказались в Афинах. Последующий период — время преобладания Афин, их огромного влияния на судьбы всего средиземноморского мира. Развитие Афин следует рассматривать с точки зрения эволюции в трех тесно взаимосвязанных сферах: внешнеполитической (создание Афинской морской державы), экономической (превращение Афин в крупнейший экономический центр Эллады), внутривнутриполитической (укрепление афинской рабовладельческой демократии).

В годы войны с Персией для борьбы с ней возник союз равноправных полисов с центром на о-ве Делос — так называемый Делосский морской союз, который постепенно все более подпадал под контроль Афин. В союзе преобладали приморские и островные государства. Их экономика была тесно связана с морем и морской торговлей, поэтому господство афинян на море ставило их в зависимость от Афин. Со временем афиняне стали сами распоряжаться союзной казной, единолично устанавливая размер взносов союзников. На земли союзных полисов выводились афинские колонисты — клерухи. Делосский морской союз постепенно превратился в Афинскую морскую державу; в период расцвета он насчитывал около 250 полисов. Опираясь на ресурсы союза, Афины проводили великодержавную политику, но им неоднократно приходилось преодолевать сопротивление союзников, недовольных своим подчиненным положением.

После изгнания персов из Греции наступил подъем экономики. В сельском хозяйстве стал широко применяться рабский труд, почти в каждом хозяйстве теперь появились рабы. Однако крупные рабовладельческие хозяйства были исключением, главным производителем оставался средний крестьянин. Само хозяйство приобретает те-

перь товарный характер, сократились посева зерновых, расширились площади, занятые виноградом и оливой. Значительная часть проекции продавалась на внутреннем рынке, часть шла на экспорт. Еще большие изменения претерпевает ремесленное производство, чему способствовало особое положение Афин как крупнейшего центра, объединившего вокруг себя многие города Эллады. В силу того что основу мощи Афин составлял флот, бурно развивается кораблестроение и связанные с ним отрасли ремесла. Руководители афинской демократии стремились сделать свой город красивейшим в Элладе, осуществлялась грандиозная строительная программа, что вызвало подъем строительного дела — от работ в каменоломнях до обработки слоновой кости и золочения статуй. Важной отраслью экономики Афин было горное дело — на территории Аттики находились Лаврионские рудники, где добывалось серебро.

В Афинах преобладали мастерские с двумя-тремя рабочими; в некоторых же отраслях специфика производства и достигнутая степень разделения труда требовали большего количества производителей. По подсчетам современных исследователей, для нормального функционирования мастерской по переработке добытой в Лаврионе руды необходимо было в среднем 33 рабочих. Рабский труд в ремесленном производстве использовался гораздо шире, чем в сельском хозяйстве. В мастерских, как правило, работал сам хозяин-свободный с одним-двумя рабами. Рабы стоили недорого, и после двух-трех лет работы затраты окупались. Дорого платили только за обученных рабов, имевших какую-нибудь специальность. В больших мастерских работали почти исключительно рабы. Практически чисто рабским был труд в шахтах и мастерских по переработке руды — самых трудоемких отраслях хозяйства.

Развитие ремесла и рост товарности сельского хозяйства способствовали развитию обмена. С восхищением рассказывает комедиог-

раф Гермипп о товарах, которые свозились со всего тогдашнего мира в афинский порт Пирей:

Шлет для мечей рукоятки и кожи
волковы Кирена,
Скумбрию и солонину везут с берегов
Гелеспонта,
А из Италии — скот и крупу из
толченой пшеницы,
Из Сиракуз — сицилийских свиней нам
и сыр доставляют,
Снасть корабельную, холст и папирус
везут из Египта,
И благовонья — из Сирии...
С Крита прекрасного шлот кипарис
для богов многочисимых.

Ливия кость для поделок слоновую нам
присылает,
Родос — изюм и инжир, погружающий
в дрему хмельную.
Сладкий каштан и миндаль, изумрудом
сверкающий, ввозят
Из Пафлагонии; финики шлот и муку
финикийцы,
А Карфаген поставляет ковры и
подушки цветные.

На основании этого отрывка можно судить и об определенной специализации производства в отдельных районах тогдашнего мира.

С внешнеполитическими успехами Афин и возрастанием их роли как крупнейшего экономического центра связано и дальнейшее развитие афинской демократии. В се-

Голова божества.
Римская копия
с оригинала V в.
до н. э.

редине V в. до н. э. проводится ряд политических реформ, в результате которых в Афинах окончательно оформился демократический строй.

Древнегреческая, в частности афинская, демократия представляла собой выдающееся явление в истории человечества, ибо не только впервые появилось само понятие «демократия» (народоправство), но и последовательно проводилась в жизнь сама эта система. Вместе с тем то была демократия для меньшинства, так как распространялась она только на граждан. Политическими правами не пользовались женщины, метеки — иноземцы, постоянно проживавшие в Афинах и составлявшие значительный процент населения. Никаких политических прав не имели и рабы. Более того, демократия явилась своеобразной реакцией на развитие рабства, представляя в конечном счете форму организации рабовладельцев.

Расцвет Афин связан с именем одного из крупнейших деятелей античности, общепризнанного вождя афинской демократии — Перикла. Талантливый, прекрасно образованный человек, блестящий оратор, он умел силой красноречия убедить слушателей в своей правоте. Перикл стремился не только упрочить демократию и усилить военно-политическую мощь Афин, но и превратить свой город в центр просвещения Эллады. В его доме собирались известные деятели культуры того времени, Перикл был дружен с историком Геродотом, трагиком Софоклом, скульптором Фидием. Честный и преданный родному полису и его демократическому строю, Перикл пользовался огромной популярностью демоса.

Укрепление Афинского морского союза, растущая сила Афин вызывали беспокойство во многих полисах, усиливая внутреннюю напряженность в Греции. Важнейшим противником Афин выступали Спарта и возглавляемый ею Пелопоннесский союз. Этот союз был достаточно разнороден: в него входили и Спарта с ее аграрной экономикой, и такие передовые в эконо-

мическом отношении полисы, как Коринф и Мегары, и мелкие бедные полисы Ахайи и Аркадии. Основной целью союза, как отмечают современные исследователи, было сохранение стабильности политической и социальной ситуации. Спартанцы боялись, что всякое изменение внутренних и внешних условий может привести к ослаблению их позиции и вызовет подъем борьбы илотов. Эти настроения укрепились после того, как Афины поддержали восставших илотов, а затем помогли остаткам повстанцев поселиться в г. Навпакте. Усиление Афин воспринималось Спартой как вызов. Коринф также опасался его. Уже в архаическую эпоху сложилось своеобразное разделение «зон влияния» между этими центрами: Афины ориентировали свои интересы на восток и север, Коринф — на запад. Однако в V в. до н. э. Афины постепенно проникают и на запад, осваивая пути, ведущие к Сицилии и Южной Италии. Все эти противоречия вызревали постепенно, неоднократно приводя к конфликтам, и наконец в 431 г. до н. э. между Пелопоннеским и Афинским морскими союзами разразилась война, охватившая всю Грецию и получившая название Пелопоннесской.

Оба союза ставили перед собой решительные цели, и война продолжалась с коротким периодом перемирия целых 27 лет, отличаясь крайним ожесточением.

В конечном счете поражение Афин было предопределено действиями спартанской дипломатии, которая смогла получить от Персии значительные денежные субсидии. Именно на персидское золото был создан спартанцами флот, который уничтожил морские силы Афин. Правда, за эту помощь Спарта пообещала отдать Персии греческие города Малой Азии. Спартанские войска под командованием талантливого полководца и дипломата Лисандра осадили Афины, и в 404 г. до н. э., лишившись всякой надежды на успех, афиняне были вынуждены сдаться. Это повлекло за собой изменение политического строя. У власти оказались олигархи, подвергшие своих про-

тивников жестокому преследованию.

Поражение Афин коренным образом изменило ситуацию в Греции. Афинский морской союз перестал существовать. Демократические режимы, установившиеся в большинстве греческих полисов,

были заменены олигархическими, опиравшимися на спартанские гарнизоны. Гегемония в греческом мире перешла к Спарте. Пелопоннесская война стала важнейшим рубежом в истории Греции классической эпохи, она знаменовала собой начало кризиса полиса.

316/317

Древнегреческая цивилизация

КУЛЬТУРА КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Временем наивысшего подъема греческой культуры считается V в. до н. э. Сформировавшийся полис с его четкими тенденциями к демо-

рода Гипподам. Под влиянием его идей были спланированы Олинф и восстановленный после персидского разгрома Милет. Теория Гиппо-

кратии и вместе с тем живучестью аристократических этических представлений создавал ту идейную почву, на которой расцветала греческая культура классической эпохи.

Новые тенденции хорошо прослеживаются в градостроительстве. Большинство греческих городов сохраняло традиционную хаотическую систему застройки с узкими кривыми улицами, отсутствием удобств. Однако родившаяся в эпоху греческой колонизации регулярная система планировки начинает оказывать влияние на градостроительную теорию и практику. Видимо, в V в. до н. э. жил создатель теории регулярной планировки го-

дама не сводилась только к разбивке города на сетку прямоугольных кварталов, разделенных пересекающимися под прямым углом улицами. Она включала в себя также идею членения городской террито-

*Голова женщины.
Около 420 г. до н. э.*

*Зевс, несущий Ганимеда.
Около 470 г.
до н. э.*

рии на несколько районов, различавшихся по функциям: общественный центр, жилая часть, портовая, торговая и промышленная зоны.

Основным типом общественного здания по-прежнему оставался храм. В первой половине V в. до н. э. были созданы наиболее значительные произведения дорийского зодчества: величественные храмы в г. Посейдонии в Южной Италии и храм Зевса в Олимпии. Последний считался самым замечательным среди всех эллинских святилищ. В нем находилась колоссальная статуя восседающего на троне Зевса, выполненная афинским скульптором Фидием из золота и слоновой кости.

Особое место в истории древнегреческого зодчества занимает комплекс сооружений на Афинском Акрополе. Разрушенный персами в 480 г. до н. э., он заново отстраивался в течение всего V в. до н. э. Ансамбль Акрополя считается вершиной древнегреческой архитектуры, символом эпохи наивысшего расцвета и могущества Афин. Он включал ряд сооружений: парадные ворота — Пропилеи, храм Ники Аптерос (Бескрылой Победы). Здесь же возвышались Эрехтейон и главный храм Афин — Парфенон.

Строительство ансамбля Акрополя осуществлялось по программе. В его создании ведущая роль принадлежала Периклу и крупнейшему скульптору Фидию. Руководители

Афин стремились создать комплекс святилищ, которые бы не только прославляли Афины, но и выступали в роли религиозного центра всего Афинского морского союза.

Главное сооружение Акрополя — Парфенон. Древние греки верили, что здание храма представляет как бы дом божества, а это требовало замкнутого помещения с основной

Парфенон. Восточный фасад

молебствий внутри их. Народ во время культовых действий оставался вне помещения храма, что вызывало обращенность храма вовне. Особое назначение Парфенона заключалось в том, что он строился и как памятник, призванный увековечить победу греков над персами, греческой культуры над варварами, и как символ славы и величия Афинского государства — главы морского союза.

Поставленный на верхней площадке скалы Акрополя, на высоте около 150 м над уровнем моря, Парфенон был виден не только из любой точки города, но и с подплывавших к Афинам многочисленных судов. Построенный архитекторами Икгином и Калликратом, храм представлял собой дорический периптер, окруженный колоннадой из 46 колонн. Храм имел богатое скульптурное оформление: 92 метопы и ионический рельефный фриз, проходящий за колоннадой по периметру здания. Разумеется, такая грандиозная работа была не по силам одному человеку, и над созданием скульптур и рельефов работал целый коллектив мастеров, но истинным их творцом по праву считают Фидию. Ему принадлежит общая композиция и разработка всего скульптурного декора, часть которого он выполнил сам.

Парфенон — одно из величайших творений мирового искусства. Все его скульптурное оформление призвано прославить богиню Афи-

культовой статуей в центре. Парфенон — храм Афины-Девы (Парфенос), и потому в центре его находилась хрисоэлефантинная (т. е. сделанная из слоновой кости и золотых пластин на деревянной основе) статуя богини, выполненная Фидием. В отличие от христианских храмов древнегреческие не предназначались для совершения

*Афина Промяхос
(реконструкция)*

ну и ее город — Афины. Тема восточного фронтона — рождение любимой дочери Зевса. На западном фронте мастер изобразил сцену спора Афины с Посейдоном за господство над Атикой. Согласно мифу, в споре победила Афина, подарившая жителям этой страны оливковое дерево. Это был символический сюжет: в то время богиня Афина воспринималась как покровительница демократии, а Посейдон — как покровитель аристократии. Изображения на метопах связаны с мифами (борьба богов с титанами, афинских героев с амазонками, битва лапифов с кентаврами, разрушение греками Трои),

но скульпторы переосмыслили их. Единая идейная основа объединяет все сюжеты: борьба света, добра и цивилизации с силами тьмы, дикости и отсталости. В единый смысловой ряд поставлены боги, лапифы и греки, в другой — гиганты, кентавры и троянцы. Все эти мифы заключали прекрасно осознаваемую современниками аллегория борьбы и победы греков над персами. Завершает скульптурный декор Парфенона фриз, на котором представлена торжественная процессия во время праздника великих Панафиней, в нем должны были принимать участие как граждане Афин, так и афинские метеки и делегации союзников. Фриз Парфенона считается одной из вершин классического искусства. При всем композиционном единстве он поражает своим разнообразием, из более чем пятисот фигур юношей, старцев, девушек, пеших и конных ни одна не повторяет другую. С изумительным мастерством переданы полные динамики движения людей и животных.

Помимо статуи Афины для Парфенона Фидий выполнил еще одну — бронзовую фигуру, первый после разрушения персами Акрополя памятник, поставленный среди его руин в 465—455 гг. до н. э. Фидий создал иной образ богини — Афины Промяхос (Афины-воительницы), грозной и суровой защитницы своего города; правой рукой она опирается на копьё, в левой держит щит, на голове — шлем. Фигура Афины как бы царяла над городом, и все подплывавшие с моря видели сверкающие на солнце верхушку копьё и гребень шлема статуи.

Уже после смерти Фидия неподалеку от Парфенона возводится храм, посвященный одновременно Афине, Посейдону и легендарному царю Эрехтею (отсюда его название — Эрехтейон). Он построен на том месте, где, по преданию, происходил спор Афины с Посейдоном. В полу храма находилось отверстие, через которое показывали след на скале, якобы оставленный трезубцем Посейдона, а около храма росла священная олива. Эрехтейон выделяется необычностью

своей планировки: он асимметричен, и его отдельные части находятся на разных уровнях. Три различных портика примыкают к его основной части, из них особенно известен портик карнатид, где несущие крышу колонны заменены фигурами девушек, медленно движущихся к Парфенону.

Так был создан великолепный ансамбль Акрополя — здания, «грандиозные по величине и неподражаемые по красоте», как писал биограф Перикла Плутарх. Эти творения и в его время (а жил он в

320/321
Древнегреческая цивилизация

*Голова мальчика.
Римская копия
с оригинала V в.
до н. э.*

*Голова девушки.
Римская копия
с оригинала V в.
до н. э.*

*Голова Афины.
Римская копия
с оригинала V в.
до н. э.*

I в. н. э., т. е. пять столетий спустя) вызывали восхищение, как будто, по словам того же Плутарха, они «проникнуты дыханием вечной юности, имеют нестареющую душу».

Скульптура и живопись Греции V в. до н. э. развивали традиции предшествующего времени. Основными оставались изображения богов и героев — покровителей полиса и «идеальных» граждан. Однако искусство сделало шаг к реализму, что связано с распространением идеи «мимесиса» — подобия — как основной эстетической категории. Преодолевается оцененность фигур и схематизм, свойственный архаической скульптуре, статуи становятся более реалистическими. Развитие скульптуры связано в V в. до н. э. с именами трех прос-

Зевс Олимпийский
(реконструкция)

давленных мастеров — Мирона, Поликлета и Фидия.

Наиболее прославленной из скульптур Мирона считается «Дискобол» — атлет в момент метания диска. Совершенное тело атлета в момент наивысшего напряжения — любимая тема Мирона. В другом известном произведении — группе Афины и Марсия — скульптор обращается к хорошо известному каждому греку мифу: Афина изобрела флейту, но, увидев, как обезобразилось ее лицо во время игры, в гневе бросила ее, прокляв каждого, кто будет на ней играть. Мирон изобразил, как, уходя, Афина услышала шум и полуобернулась — лесное божество силен

Марсий, подкравшись к флейте, отшатнулся, испуганный проклятием Афины. Скульптор показал борьбу двух начал: Афины — воплощения разумности и ясности — и Марсия — стихийности. Фигура богини стройна, линии ее тела плавны, движения же Марсия порывисты. Созданные Мирона изображения животных также вызвали восхищение современников. Сохранилось, например, более тридцати эпитаграм на знаменитую бронзовую статую тёлки из Афин. Вот одна из них:

Дальше паси свое стадо, пастух, чтобы
тёлку Мирона
Как живую тебе с прочим скотом
не угнать.

В творчестве Поликлета ведущая тема — изображение атлетов, которые воспринимались как воплощенные лучших черт гражданина. Наиболее известны «Дорифор» и «Диадумен». Дорифор — могучий воин с копьем, воплощение спокойного достоинства, Диадумен — стройный юноша, увенчивающий себя повязкой победителя в соревнованиях.

Величие, отрешенность, неземная красота — характерные черты произведений Фидия. Выше уже говорилось о скульптурных произведениях, созданных <Фидием в Афинах. Сами греки считали величайшим творением Фидия статую Зевса Олимпийского, помещенную в его храм в Олимпии. Она была изготовлена в той же технике, что и статуя Афины на Акрополе: обнаженную по пояс фигуру, сделанную из дерева, покрывали пластины слоновой кости, одежду — золотые листы. Сидящий на троне Зевс в правой руке держал фигуру богини победы Ники, в левой — символ власти — жезл. Фидиеву статую Зевса древние причислили к чудесам света.

Бог ли на землю сошел и явил тебе,
Фидий, свой образ,
Или на небо ты сам бога узреть
восходил? —

писал покоренный ее совершенством поэт Филипп из Фессалоник, живший пять столетий спустя.

Тенденция к реалистическому изображению человека видна и в живописи V в. до н. э. С именем

Полиглотта и Аполлодора Афинского связаны ее важнейшие достижения. Полиглотт создавал многофигурные композиции, стремясь передать глубину пространства, объемность фигур. Аполлодор открыл эффект светотени, положив начало живописи в современном смысле слова.

В греческой вазописи V в. до н. э. преобладает краснофигурный стиль. Очертания фигур обводились черным лаком, после чего лаком закрашивали весь фон, а фигуры сохраняли естественный цвет глины. В отличие от чернофигурных ваз, обладавших обычно довольно богатой полихромией, красочная гамма краснофигурных ваз в основном двухцветна.

В росписи краснофигурных ваз окончательно преодолевается старая система поясов, и чаще всего роспись представляет теперь единую композицию из нескольких фигур, мифологическую или бытовую сцену. Новые философские и моральные идеи, искания, находившие воплощение в различной трактовке всем хорошо известных мифов, в творениях прославленных трагиков, воздействовали и на искусство, в том числе вазопись. Трактовка мифологических сюжетов углубляется, и если ранее роспись прежде всего подчинялась форме сосуда, то теперь она становится самодовлеющей.

Более частыми стали изображения бытовых сцен. Это и трогательные сцены прощания с близкими воинов, уходящих в поход, и разнообразные картины мирного быта: многочисленные изображения юношей-атлетов, сцены пира, девушки, занятые туалетом. При всем разнообразии сюжетов везде господствует человек как основная тема художника. Одним из крупнейших аттических вазописцев был Евфроний, в творчестве которого большое место занимали жанровые сцены. Как бы желая вдохнуть жизнь в своих персонажей, он писал около каждого произнесенные им слова. Замечательный образец такого рода росписи хранится в Эрмитаже. Глядя вверх на летящую ласточку и указывая на нее рукой, юноша говорит: «Смотри:

ласточка!» Сидящий рядом с ним мужчина, повернувшись, чтобы увидеть птицу, подтверждает: «Правда, клянусь Гераклом!» А мальчик, подняв руку, восклицает: «Вот она!» И мужчина завершает разговор: «Уже весна». Некоторые вазописцы того времени испытали влияние Полигнота, и их росписи позволяют судить о стиле этого прославленного художника.

Греческая литература также переживает расцвет. Последний и самый выдающийся певец греческой аристократии Пиндар слагал торжественные оды в честь победителей на всеэллинских спортивных состязаниях — Олимпийских, Пифийских (в Дельфах) и др. Пиндар не описывает самих состязаний, победа интересует его как возможность для прославления доблести в лице победителя. Доблесть не есть личное качество победителя, она передается по наследству в знатных родах в силу их божественного происхождения. Его эпиникии становятся как бы исповеданием аристократического мировоззрения.

V век до н. э. — время расцвета драматического искусства. Важнейшими драматическими жанрами были трагедия, сюжетами которой служили мифы о богах и героях, и комедия, чаще всего политическая. Каждая трагедия — это борьба, и люди, которые ведут ее, мужественны, утверждая безграничные способности человека противостоять несчастьям во имя других людей, и прежде всего своего народа. Трагический герой борется с разными препятствиями, мешающими свободному развитию личности, он восстает против несправедливости, выступает за торжество добра, за то, чтобы мир стал лучше, чтобы пробудить в людях мужество, помочь им жить. Борьба героя тяжела и трагична, препятствия, которые предстоит ему преодолеть, воздвигнуты на его пути роком — силой, против которой он беспомощен. Но он вступает в эту борьбу и ведет ее. Трагический герой чаще всего обречен на гибель, но его гибель вызывает не отчаяние, не ужас, а восхищение и веру в силы человека, в величие его духа.

В этом — непреходящая ценность древнегреческой трагедии.

Развитие древнегреческой трагедии связано с именами трех крупнейших драматургов: Эсхила, Софокла и Еврипида. Хотя в трагедиях действующими лицами были, как правило, боги и герои, их проблематика обычно остросовременна, мифологический сюжет служит лишь формой для выражения борьбы идей. Так, в трилогии «Орестея» Эсхила описываются события, происходившие в Микенах после окончания Троянской войны, однако для афинского зрителя важны те политические идеи, которые хотел выразить автор. Он, например, прославлял Ареопаг, что в условиях политической борьбы того времени означало антидемократизм позиции драматурга.

Эсхил был основоположником гражданской по своему идейному звучанию трагедии, современником и участником греко-персидских войн, поэтом времени становления демократии в Афинах. Главный мотив его творчества — прославление гражданского мужества, патриотизма. Один из самых замечательных героев трагедий Эсхила — непримиримый богоборец Прометей — олицетворение творческих сил афинян. Это образ негибаемого борца за высокие идеалы, за счастье людей, воплощение разу-

ма, преодолевающего власть природы, символ борьбы за освобождение человечества от тирании, воплощенной в образе жестокого и мстительного Зевса, рабскому служению которому Прометей предпочел муки:

Знай хорошо, что я б не променял
Своих скорбей на рабское служенье.

В трагедиях Софокла выражен художественный идеал, который был выработан демократическими Афинами и нашел пластическое воплощение в скульптурах Фидия. Образы его глубоко человечны, и внутренняя жизнь его героев гораздо богаче, чем у Эсхила. Усложняя действие трагедии сменой ситуаций, Софокл разнообразит переживания своих персонажей. Его герои — носители высоких душевных качеств, величия и благородства. Но Софокл уступает Эсхилу в глубине мыслей и остроте проблематики. Заслуга Софокла перед мировой литературой состоит в созданных им художественных образах. Несравненны в своей монументальности и естественности образы Эдипа, Антигоны, Электры; художественно переосмысленные, они неоднократно использовались в европейской литературе — в трагедиях Расина, Корнеля, Вольтера и др.

Эсхил и Софокл — творцы античной трагедии в ее классической форме. В их произведениях изображались преимущественно столкновения по вопросам этики и морали. Конфликт между государством и родом, свободой и деспотизмом, неписаным и писаным законом, страдание во имя долга, соотношение между субъективными намерениями человека и объективным смыслом его поступков — таков круг тем в трагедиях Эсхила и Софокла.

В трагедиях Еврипида отражены кризис традиционной полисной иде-

*Статуя пеллофоры.
Римская копия
с оригинала V в.
до н. э.*

*Так называемый
Аполлон из Пьомби-
но. Бронза. Около
475 г. до н. э.*

*Так называемый
Эрот Соранцо. Рим-
ская копия с ори-
гинала V в. до н. э.*

Голова возницы.
Около 470 г. до н. э.

ологии и поиски новых основ мировоззрения. Он чутко откликался на животрепещущие вопросы политической и социальной жизни, и его театр представлял собой своеобразную энциклопедию интеллектуального движения Греции во второй половине V в. до н. э. В произведениях Еврипида ставились разнообразные общественные проблемы, излагались и обсуждались новые идеи. Античная критика называла Еврипида «философом на сцене». Поэт не являлся, однако, сторонником определенного философского учения, и его взгляды не отличались последовательностью. Двойственным было его отношение к афинской демократии. Он проповедовал ее как строй свободы и равенства, вместе с тем его пугала неумирующая «толпа» граждан, кото-

рая в народных собраниях решала вопросы под влиянием демагогов. Через творчество Еврипида проходит и другой момент, характерный для периода кризиса полисной идеологии,—интерес к личности с ее субъективными устремлениями. Он изображает людей с их влечениями и порывами, радостями и страданиями. Еврипиду чужды монументальные образы Софокла, высоко вознесенные над обыденным уровнем. На это различие указывал сам Софокл, определивший своих героев как людей, «какими они должны быть», а героев Еврипида—как людей, «каковы они были на самом деле». Созданные им образы, особенно женские (Медея, Федра, Электра), отличаются глубиной психологических характеристик. Еврипид заставлял зрителей раздумывать над своим местом в обществе, над отношением к жизни.

Наиболее острым в политическом отношении жанром являлась аттическая комедия, которая по происхождению и по социальным симпатиям была наиболее близка крестьянству. Крупнейший представитель этой комедии—Аристофан, расцвет творчества которого падает на годы Пелопоннесской войны. Комедии Аристофана дают живое представление о публицистической направленности творчества их создателя. Ведущая тема его комедий тех лет—мир. Аристофан—противник войны, всю силу блестящего таланта отдавший борьбе за мир. Герой одной из его комедий—«Ахарняне»—Дикеополь (Справедливый Гражданин) заключает для себя мир с соседними полисами и блаженствует, в то время как хвастливый воин Ламах страдает от тягот войны. Война представляется поэту непрошеной гостьей:

К тем, кто счастлив и доволен, вдруг
И творит дела лихие, и буянит,
И дерется. А попробуй по-хорошему
сказать:
«Ляг, возьми задравный кубок, выпей
сладкого вина»,
Так она еще свирепей наши изгороди
жжет
И еще неумолимей топчет, давит
виноград.

В комедии «Мир» другой крестьянин, Тригей (Виноградарь), добывает мир для всей Греции. По его призыву земледельцы Греции собираются с кирками и лопатами на Олимп и освобождают из заточения богиню мира, которую спрятал Полемос (Война). Аристофан великолепно передает надежды простых крестьян, предвкушающих радость мирного труда:

Видит Зевс, блестит мотыга наостренным лезвием
И на солнышке сверкают вилы зубьями
тремя!
Как чудесно, как нарядно выстроились
их ряды!
Как мне хочется вернуться поскорее
на поля!

Изменение политической обстановки в Афинах после ее поражения в Пелопоннесской войне отразилось на характере комедий Аристофана: ослабевает политическая сатира, ее злободневность и конкретность. Но Аристофан не отказывается от постановки политических и социальных проблем в форме типичного для ранней комедии карнавального сюжета. В комедии «Плутос» бедняк Хремил захватывает слепого Плутоса (Богатство), излечивает его от слепоты, и все в мире переворачивается: честные люди начинают жить в достатке, бедность и несправедливость покидают город.

Аристофан дает смелую сатиру на политическое и культурное состояние Афин в то время, когда демократия начинает переживать кризис. В его комедиях представлены различные слои общества: государственные деятели и полководцы, поэты и философы, крестьяне и воины, городские обыватели и рабы. Аристофан достигает острых комических эффектов, соединяя реальное и фантастическое и доводя осмеиваемую идею до абсурда. У Аристофана гибкий и живой язык, то приближающийся к обыденному, подчас очень грубый и примитивный, то пародийно-приподнятый и богатый неожиданными комедийными словообразованиями.

Особенностью всех древних драм был хор, который пением и танцами сопровождал все действие. Эс-

хил ввел двух актеров вместо одного, уменьшив партии хора и сосредоточив основное внимание на диалоге, сделал решительный шаг для превращения трагедии из мимической хоровой лирики в подлинную драму. Игра двух актеров давала возможность усилить напряженность действия. Появление третьего актера — нововведение Софокла, которое позволило обрисовать различные линии поведения в одном и том же конфликте. Женские роли исполнялись мужчинами. Герои трагедий выступали в пышных одеждах, в обуви на толстой подошве (котурны), что увеличивало их рост; лица покрывали маски, выражение которых отвечало характеру персонажа. Комические актеры облачались в нарочито уродливые шутовские наряды.

В отличие от современного театра в Греции не было постоянных трупп, да и профессиональные актеры появились не сразу. Первоначально играли, пели и танцевали сами граждане, для каждой постановки готовились костюмы, маски и очень простые декорации. Финансирование и организация театрального представления были одной из обязанностей (литургий) наиболее богатых граждан (так называемая хорегия): театр был государственным институтом.

Театральные представления, обычно продолжавшиеся во время общенародных государственных праздников три дня и длившиеся от восхода до заката солнца, носили характер соревнований. К состязаниям допускались три трагических поэта и три комических, причем каждый трагик должен был представить три трагедии и одну так называемую сатирическую драму. Каждое утро, захватив с собой еду и подушку для сидения, в театр собирались все, чтобы своей реакцией вдохновлять исполнителей и соперничать им, тогда как победителей определяли специальные судьи.

В Афинах эпохи Перикла обычно не повторяли старых трагедий и комедий — на представление собирались все желающие. Этим объясняется и огромное число произведений, созданных трагиками. По

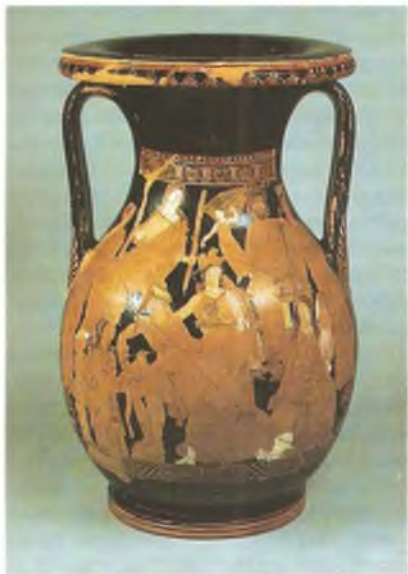

подсчетам современников Эсхила, Софокла и Еврипида, на каждого из них приходилось более 90 произведений.

Древнегреческий театр, особенно афинский, был тесно связан с жизнью полиса, будучи по существу вторым народным собранием, где обсуждались самые животрепещущие вопросы. Сходство с народным собранием усиливалось благодаря тому, что театральные представления давались по праздникам.

В V в. до н. э. создавали свои труды два крупнейших греческих

328/329

Древнегреческая цивилизация

Ваза в виде сфинкса из Фанагории. Рубеж V—IV вв. до н. э.

Краснофигурная пельиса. IV в. до н. э.

Краснофигурный лезиф. Начало IV в. до н. э.

историка — Геродот и Фукидид. Творчество Геродота было подготовлено деятельностью логографов. Его справедливо называют «отцом истории», хотя не менее справедливо было бы назвать его и «отцом географии». Свою основную задачу он видел в том, чтобы рассказать о величайшем событии своего времени — войнах греков с персами. Но Персидское государство включало тогда многие земли и многие народы Передней Азии — от Эгейского моря до Западной Индии. Поэтому Геродот обращается к этим народам, он хочет узнать и поведать о них все. Это и побудило Геродота предпослать собственно истории греко-персидских войн исследования обо всех народах, напавших на Грецию.

Краснофигурная кальянда. IV в. до н. э.

о которых греки, его сограждане, знали мало. Геродота интересовала не только собственно история, любознательность вела его и к тому, что мы называем географией и этнографией.

Геродота привлекало все: нравы, верования, развлечения, памятники прошлого, природа — реки, климат, растения, животные, но прежде всего и более всего — люди, их деятельность и жизнь. По словам одного современного исследователя, «по своему стремлению изображать людей всех стран, всех народов Геродот является одной из самых привлекательных фигур античного гуманизма». Геродот пытлив, доверчив, но в отношении того, что наблюдал сам, он ошибался редко. Много путешествуя, он не только много видел, но и о многом расспрашивал, а все услышанное передал без какого-либо критического анализа, причем его особенно привлекало чудесное, невероятное. Поэтому труд Геродота — это причудливая смесь научной честности и доверчивости. Хотя на первом плане в объяснении причин исторических событий у него стоит деятельность отдельных личностей, Геродот достаточно отчетливо осознает и некоторые глубинные причины событий.

Развитие историографии в этот период характеризуется усилением рационалистического начала, стремлением выявить реальные причины происшедшего. Особенно отчетливо это прослеживается у Фукидида. Труд Фукидида — это современная ему история Пелопоннесской войны, только в самом начале своего сочинения он дает очень краткий очерк истории Греции с древнейших времен. Источники Фукидида обширны. Сам участник войны, он приводит подлинные тексты договоров, надписи, а его личная жизнь сложилась так, что он смог ознакомиться с материалами, происходящими из обоих борющихся лагерей. Он собирал сведения от участников описываемых событий и от лиц, близко к ним стоявших. Фукидида можно считать родоначальником исторической критики.

Как писал сам историк, «что же

касается имевших место в течение войны событий, то я не считал согласным со своей задачей записывать то, что узнавал от первого встречного, или то, что я мог предполагать, но записывал события, очевидцем которых был сам, и то, что слышал от других, после точных, насколько возможно, исследований относительно каждого факта, в отдельности взятого». Фукидид стремится создать правдивую историю Пелопоннесской войны, выявить борющиеся политические силы и сделать понятным читателю ход событий. Он пытается объяснить все происходившее природой человека, переносит естественнонаучный метод в сферу политической истории; различает объективные причины войны, которые ставит в связь с этой природой, и непосредственные поводы. Согласно человеческой природе действуют и коллективы людей, поэтому за всеми политическими событиями, как полагает Фукидид, можно видеть рациональное, логическое.

Он не отрицает и роли слепых сил, стихийных событий, случая. Взаимодействие рационального и иррационального и образует, по Фукидиду, реальный исторический процесс. Политические взгляды Фукидида, истинного афинянина эпохи Перикла, сказались на трактовке им ряда событий, но при всей любви к согражданам Фукидид отдает должное и их противникам. Объективность — одна из ценных и привлекательных сторон его труда.

Сложная эволюция происходит в философской мысли Древней Греции. На рубеже архаической и классической эпох творил Гераклит Эфесский, в трудах которого нашли завершение искания натурфилософов предыдущего времени. Основное в концепции Гераклита — утверждение, что высшим законом природы является вечный процесс движения и изменения. Гераклит первым пришел к мысли о диалектическом развитии материального мира как о присущей материи закономерности.

Развитие стихийного материализма, родившегося в ионийской на-

турфилософии, прослеживается в творчестве Эмпедокла и Анаксагора. Своей вершины материалистическое понимание мира в древнегреческой философии достигло у Левкиппа и особенно у Демокрита. Основная особенность учения Демокрита — соединение последовательного атомизма с идеей диалектического развития.

Своеобразной реакцией на призыв натурфилософской проблематики оказалось софистическое движение, начавшееся в середине V в. до н. э. Софистов интересовали прежде всего гносеологические проблемы: природа человеческого знания, критерии его истинности или ложности. Софисты сделали дальнейший шаг в развитии философии, ибо натурфилософия этих проблем еще не ставила. Вместе с тем софистика была порождена практическими потребностями полиса: поскольку власть в нем принадлежала в конечном счете народному собранию, постольку каждый политический деятель должен был уметь опровергнуть доводы своего противника, показав их ложность, обосновать свою позицию, доказав ее истинность. Так развитие философии в сочетании с требованиями политической практики вызвало к жизни софистическое движение, развитие которого связано в первую очередь с именами Протагора и Горгия.

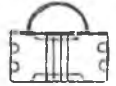
«Человек есть мера всех вещей», — учил один из крупнейших софистов, идеолог демократии Протагор. Но этот тезис независимо от субъективных политических симпатий Протагора противопоставлял личность коллективу, вносил в этику скептицизм и релятивизм. В политических теориях софистов и в их риторической изощренности масса афинских граждан не без основания видела орудие подрыва демократии, средство обмана народа. Между тем из борьбы с софистическим движением возникла идеалистическая философия Сократа. Создав «сократический» метод ведения спора, он утверждал, что истина рождается только в споре, в котором мудрец при помощи ряда наводящих вопросов заставляет своих противников

признать сначала неправильность собственных позиций, а затем справедливость взглядов их оппонента. Мудрец, по мнению Сократа, приходит к истине путем самопознания, а затем познания объективно существующего духа, объективно существующей истины. Важнейшее значение в общеполитических взглядах Сократа занимала идея профессионального знания, из которой делались выводы, что человек, не занимающийся политической деятельностью профессионально, не имеет права на суждение о ней. Это было вызовом основным принципам афинской демократии.

Важнейшей чертой развития науки являлось происходившее в V в. до н. э. выделение из натурфилософии отдельных наук. Показателен прогресс в медицине, связанный в первую очередь с деятельностью Гиппократова. Для Гиппократовой медицины характерен строгий рационализм. По мнению Гиппократова, все болезни вызываются естественными причинами. Он требовал от врача индивидуального подхода к больному, учета особенностей как самого пациента, так и естественной среды обитания его.

Математика развивалась прежде всего под влиянием пифагорейских ученых. В V в. до н. э. она превращается в самостоятельную научную дисциплину, перестает быть прерогативой одних только пифагорейцев, становясь предметом профессиональной деятельности ученых, не примыкавших ни к какому философскому направлению. Прогресс математического знания особенно заметен в арифметике, геометрии, стереометрии. К V в. до н. э. относятся также значительные успехи в астрономии.

Картина культурной жизни греческого города будет неполной, если не сказать о праздниках. Так, в Афинах отмечалось около 60 праздников, некоторые из них продолжались по нескольку дней. Самые важные — Дионисии, Ленеи и Большие Панафины. Именно в праздниках наглядно проявлялся всенародный характер греческой культуры, ее демократизм и свойственный жизни древних греков дух

соревнования, стремление превзойти других и тем самым достичь наивысшего совершенства. Праздники включали всякого рода состязания, массовые пляски, костюмированные процессии, драматические представления.

Особенно блестящими были Большие Панафины, отмечавшиеся раз в четыре года. В эти дни проходил парад всадников, устраивались соревнования атлетов — бег, бег с факелами в темноте, борьба, кулачный бой, декламации рапсодов, особенно отрывков из «Илиады» и «Одиссеи». Наиболее важная, заключительная часть праздника — торжественная процессия на Акрополь, чтобы надеть на старинную деревянную статую Афины, стоящую в Эрехтейоне, священные златотканые одежды, всякий раз изготовлявшиеся афинскими девушками.

Среди общегреческих праздников самыми известными были Олимпийские игры, которые проходили каждые четыре года на юге Греции, в Олимпии. Заранее назначались судьи, внимательно изучавшие их правила. Из Олимпии отправлялись специальные вестники, они шли из города в город, приглашая принять участие в состязаниях и возглашая священное перемирие, поскольку с момента объявления священного месяца игр все враждебные действия среди греков прекращались. К участию в них допускались только свободные греки, никогда не осуждавшиеся по суду и не уличенные в бесчестных поступках. Женщины не должны были во время игр показываться в Олимпии под страхом смерти. Правила запрещали убивать своего противника, прибегать к недозволенным приемам, спорить с судьями. Участники состязаний прибывали в Олимпию заранее и проходили здесь тренировки.

Сама Олимпия была не городом, а священным округом. Здесь находились многочисленные храмы, алтари, дома жрецов, палестра, гимнасий, ипподром, т. е. постройки для тренировок и состязаний. Обычно пустынная, во время праздников Олимпия преображалась. Сюда со всех уголков греческого

чира стекались толпы людей — друзья, родственники, поклонники атлетов и просто все желающие принять участие в этом радостном и ярком действе. Прибывали и торговцы: ведь Олимпийские игры всегда сопровождалась ярмаркой. Всюду царило оживление. В Олимпии было на что посмотреть: лучшие архитекторы и скульпторы работали над ее украшением. Можно было полюбоваться храмами, алтарями, статуями богов и атлетов, послушать известных ораторов и философов, посмотреть на жертвоприношения. Делегации от городов в праздничных одеждах несли различные дары, вельи украшенных лентами и венками жертвенных животных. Но в центре внимания находились состязания, которые занимали три из пяти дней, отведенных для праздника, и включали бег колесниц, пятиборье (бег, прыжки, метание диска, метание копья и борьбу), состязание мальчиков, кулачный бой, панкратий (представлявший комбинацию бокса и борьбы) и бег в полном вооружении. Самый древний вид состязаний — на колесницах, запряженных четверкой лошадей, — всегда оставался наиболее популярным у зрителей и самым опасным испытанием.

Победители игр (олимпионики) награждались венками из листьев дикой оливы, росшей около храма Зевса. В последний день праздника устраивалась торжественная процессия в честь победителей, а возвращение олимпионика в родной полис превращалось в настоящий триумф. Весь город выходил ему навстречу, городские власти устраивали пир, на котором присутствовали все граждане, одну его стацию ставили на городской площади, другую — в Олимпии. Олимпионик в течение всей жизни пользовался особым уважением — имел почетное место в театре, к нему обращались за советами и т. д.

Высочайший подъем греческой культуры в V в. до н. э. был связан главным образом с расцветом классического полиса. Усиление демократии, участие в политической жизни большинства свободных граждан и в то же время ожесточенные политические и социальные конфликты, требующие самоопределения каждого индивида, прогресс позитивной науки, расширение географического кругозора, осознание превосходства своего образа жизни над иными — все это породило своеобразные черты культуры классической Греции.

КРИЗИС КЛАССИЧЕСКОГО ПОЛИСА

В современном антиковедении IV век до н. э. определяется как время кризиса древнегреческого полиса. Наиболее сильно кризис сказался на Афинах, причем он проходил в условиях экономического подъема. Кризисные явления проявлялись прежде всего в том, что разрывались противоречия между традиционной социально-экономической структурой полиса и характером его хозяйственного развития. Полис, возникший как община граждан-земледельцев, становился тормозом в развитии товарно-денежных отношений. Полисные принципы препятствовали значительной части богатых жителей Афин, не являвшихся гражданами, заниматься предпринимательской деятельностью, так как они не могли получать в качестве зало-

га землю — основную форму собственности граждан. Закрыта была для них и возможность эксплуатировать участки в Лаврионе. Все это имело тем большее значение, что ремесло, торговля, кредит — основные сферы деятельности метеков. Отмеченные противоречия явились результатом экономического прогресса и изменения в силу этого характера собственности: в полисе ранее безоговорочно господствовала ее античная форма, теперь же все более оформлялась новая форма, приближавшаяся к полной частной собственности.

Изменения происходили и в политической сфере. На смену старому разделению гражданства на сторонников олигархии и сторонников демократии пришло новое. Теперь общество распалось на более

Голова кулачного бойца из Олимпии. Бронза. Около 330 г. до н. э.

Женщина, борющаяся с кентавром. Фронтон храма Зевса в Олимпии. Около 460 г. до н. э.

дробные группы со своими особыми интересами. Каждая из групп стремилась направить политику афинского полиса таким образом, чтобы это было выгодно ей.

Если в Афинах борьба среди граждан выливалась в яростные дебаты в народном собрании, в судебные процессы, изгнания политических противников, то в других полисах дело часто доходило до гражданских войн. В каждом государстве «заключены два враждебных между собой государства: одно — бедняков, другое —

тывали не только тираны. Такое же положение было и в других полисах, становясь особенно сложным во время войн: граждане не хотели и не могли воевать, в вооруженных силах ряда полисов большую роль стали играть наемники, которым нужно было платить. Так возникает принцип: война должна сама кормить себя. Наемничество было одним из самых ярких проявлений кризиса. Наиболее пронзительные идеологи полиса того времени, например афинский оратор Исократ, видели в наемниках «язву всей Эллады».

Традиционная полисная мораль начинает уступать место индивидуализму. Деньги становятся мерилом всех ценностей, определяющих место человека в обществе. В одной из комедий афинского комедиографа второй половины IV в. до н. э. Менандра говорится весьма красноречиво:

А вот по мне — единственно полезные
 Нам боги — это серебро и золото.
 Лишь в дом их принесешь, — о чем
 помолишься,
 Все будет у тебя, что только хочется:
 Земля, дома, служанки, украшения.
 Друзья, свидетели и судьи — лишь
 плати!
 К тебе пойдут и боги в услужение.

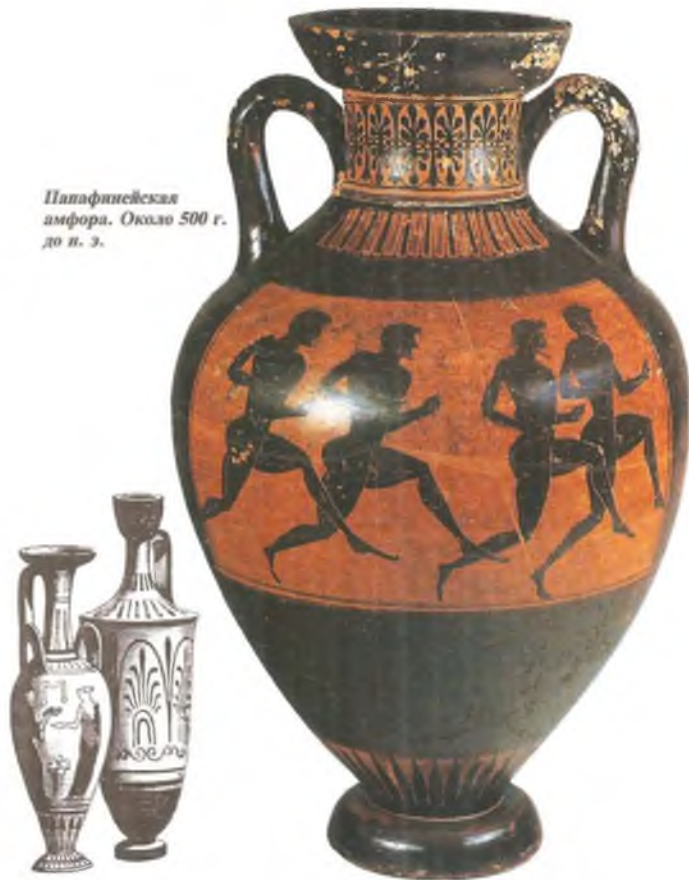
Кризис начался с Пелопоннесской войны и оказывал определяющее воздействие на все стороны жизни страны. Победа Спарты в Пелопоннесской войне означала резкое изменение всей ситуации. Казалось, над Элладой надолго воцарилось спартанское владычество, однако внутриспартанские коллизии, противоречия внутри правящей верхушки Спарты привели к тому, что афинянам удалось восстановить демократический строй.

Имело значение и то, что Спарта, пообещавшая в разгар борьбы с Афинами передать Персии греческие полисы Малой Азии, после своей победы не торопилась выполнить обязательство, что привело к открытому конфликту.

Хотя военные действия шли вяло, Персия смогла нанести Спарте удар, используя уже испытанное оружие — финансовую помощь. Деньги, посланные персами, помогли вооружиться противникам спар-

богачей» — так характеризовал обстановку Платон. В IV в. до н. э. в Греции возрождается тирания, которую в отличие от ранней обычно называют младшей тиранией. В системе тиранического режима большую роль играли наемники, на содержание которых расходовались немалые средства. Постоянные финансовые трудности испы-

Папафийская амфора. Около 500 г. до н. э.

ганской гегемонии — Беотийскому союзу под главенством Фив и Афин. Началась длительная борьба, которая завершилась в 387 г. до н. э. Чрезмерное ослабление Спарты не входило в планы Персии: ее интересам больше всего отвечала раздробленная и враждующая Греция. Поэтому она изменила свою ориентацию, поддержала спартанцев, и под нажимом этих сил был заключен мирный договор. В качестве платы за поддержку Спарта уступила Персии власть над малоазийскими полисами.

Вскоре Спарта вновь попыталась возродить свое господство в Элладе. Спартанцам удалось захватить Фивы и заменить демократию олигархией. Однако то был последний успех спартанцев. Опираясь на поддержку Афин, фиванцы восстановили демократию. Одновременно возрождается союз беотийских полисов под началом Фив. Воспользовавшись тяжелым положением Спарты, Афины смогли воссоздать морской союз. Правда, второй Афинский морской союз был значительно меньше, чем первый, и строился на несколько иных принципах: союзники помнили опыт прошлого и в договоре предусматривали гарантии против возобновления Афинами великодержавной политики.

Воссоздание союза позволило афинянам нанести поражение спартанцам, но окончательный удар спартанской гегемонии нанесли фиванцы. Шедшая в течение ряда лет между Фивами и Спартой война наконец вступила в решающую фазу. В 371 г. до н. э. в битве при Левктрах фиванцы наголову разбили спартанскую армию. Последствия поражения стали катастрофическими для Спарты: Пелопоннесский союз распался, Спарта оказалась теперь вынуждена думать не о гегемонии, а о собственной защите. Мессения объявила о своей самостоятельности, на склонах горы Итома возродился город Мессена. В конечном счете владения Спарты были ограничены пределами Лаконики, ее влияние на пелопоннесские дела свелось до минимума.

Однако, одержав победу, фиван-

цы не стали гегемоном Греции: вчерашние союзники выступили против них, как только стала вырисовываться перспектива установления гегемонии Фив в Элладе. Позднее ощутимый удар пережили и Афины. Воспользовавшись ослаблением Спарты и Фив, они попытались воскресить свою великодержавную политику, и это вызвало ответную реакцию — восстания союзников. В ходе Союзнической войны (357—355 гг. до н. э.) Афины были разбиты, и союз прекратил свое существование.

Таким образом, к середине IV в. до н. э. Греция в результате внутренних войн оказалась ослабленной, ее ведущие союзы распались, ни одно из государств не могло претендовать на гегемонию. Этот процесс происходил на фоне кризи-

са полисной системы, показавшего, что классический полис с его ведущими принципами — автономией и автаркией — уже изживал себя.

Тем временем на севере страны постепенно вызревала новая сила, которой суждено было в известной мере осуществить планы, рождавшиеся в умах интеллектуалов Эллады, но совсем не так, как они хотели. На арене появилось Македонское царство. На протяжении IV в. до н. э. оно становилось все более мощным и все активнее вмешивалось в дела Греции. При царе Филиппе II (359—336 гг. до н. э.) Македония достигла невиданного ранее могущества. Она представляла собой земледельческую страну, сравнительно поздно вставшую на путь развития классового общества и государственности. В IV в. до

н. э. основную массу населения Македонии составляли свободные крестьяне, служившие в пехоте. Филипп провел реформу армии, сделавшую ее самой мощной силой на Балканском п-ове. Армия Филиппа была закалена в бесчисленных походах, среди сподвижников царя появилось много талантливых военачальников. Захватив Пангейские рудники, Филипп начал чеканить золотую монету и в отличие от большинства полисов не испытывал затруднений в финансировании своих военно-политических ме-

Надгробный памятник Филостраты.
V в. до н. э.

роприятий. Трезвый политик, прекрасно ориентировавшийся во внешнеполитической ситуации, Филипп стал умело вмешиваться в греческие дела.

Укрепление позиций Македонии и возраставшее вмешательство Филиппа в греческие дела вызвали

поляризацию сил в Афинах и других полисах. Огромные средства, которыми располагал царь Македонии, позволяли ему подкупить ряд политических деятелей, но помимо этого имелось немало и бескорыстных сторонников Македонии, рассчитывавших, что установление ее гегемонии даст Греции политическую и социальную стабильность, а в дальнейшем позволит начать войну с Персией.

Борьбу с Филиппом возглавил Афины, ее вдохновителем и организатором выступил выдающийся оратор Демосфен, в своих страстных речах призывавший греков оставить взаимные распри и объединиться в борьбе за свободу и независимость. Демосфену удалось создать достаточно сильный союз, в который вошли Афины, Коринф, Аргос, Фивы и ряд других полисов. Решительная встреча с армией Македонии произошла в 338 г. до н. э. при Херонее (в Беотии). Греки, несмотря на героическое сопротивление, потерпели поражение, ознаменовавшее конец их свободы. В следующем году Филипп созвал в Коринфе конгресс, на котором присутствовали представители всех полисов, за исключением Спарты. На нем был создан всегреческий союз под гегемонией царя Македонии.

Им провозглашался «всеобщий мир», запрещались межполисные войны, вмешательство полисов во внутренние дела друг друга и изменение государственного строя. В интересах имущих слоев были также запрещены переделы земли и ликвидация долгов. Запрещалось освобождать рабов для использования их в политических переворотах. Наконец, от имени Греции и Македонии Персии объявлялась война, и главнокомандующим союзными силами назначался Филипп.

КУЛЬТУРА IV в. до н. э.

Кризис полиса не означал упадка культуры, напротив, именно этот период отмечен многими важными достижениями в литературе, науке, философии, искусстве, связан с творчеством таких выдающихся

мыслителей древности, как Платон и Аристотель.

Кризис полиса привел к изменениям в общественном сознании, все более заметным становится рост индивидуализма, упадок традици-

онной полисной, коллективистской морали. Это же явление породило и глубокие теоретические исследования, в которых рассматривались природа полиса, причины его становления, развития и упадка, его типология и возможности создания устойчивого «идеального» полиса. Идеалистическая разработка этой проблематики была делом учеников Сократа, в первую очередь Платона. Принадлежавший к знатному афинскому роду Кодридов, получивший прекрасное образование, обладавший огромными знани-

ями, Платон был крупнейшим представителем идеалистического направления в древнегреческой философии. Он создал Академию — философскую школу, в которой объединились его ученики. Основой учения Платона стало представление об идеях — вечных и неизменных прообразах вещей, слабыми отображениями коих являются предметы реального мира.

Исходя из этой концепции, Платон создавал и свою теорию полиса. В высшем мире, мире идей, существует и идея полиса, и задача

336/337

*Древнегреческая
цивилизация*

*Посейдон с мыса
Артемисион. Бронза.
Около 450 г. до н. э.*

Юноша из Антикиферы. Бронза. Около 340 г. до н. э.

законодателя заключается в том, чтобы построить на земле полис, возможно более близкий к «идеальному». Платон детально разработал проект, суть которого заключалась в том, чтобы разделить все население на три группы: земледельцев, ремесленников и торговцев, занятых производством и обменом и не имеющих никаких прав; стражей, занятых только военной службой, лишенных имущества и семьи и посвятивших себя делу защиты полиса, и, наконец, мудрецов-философов, взявших на себя управление полисом и живущих той же суровой жизнью, что и стражи. Обращенный в далекое прошлое, идеализирующий спартанский строй времени Ликурга, проект Платона, естественно, не мог найти осуществления. Попытки философа реализовать его в Сицилии с помощью тиранов Сиракуз едва не стоили ему жизни.

Среди учеников Платона был один, многостороннее влияние ко-

торого перешагнуло границы не только его времени и страны, но и всей античности. Этим человеком был Аристотель, величайший, по словам К. Маркса, ум древности. Аристотель являлся энциклопедистом в подлинном смысле этого слова, занимаясь философией и историей, математикой и зоологией, физикой, ботаникой и медициной, этикой, теорией искусства, литературы и театра, риторикой. Начав свою деятельность как ученик Платона, он затем порывает с учителем и создает свою школу — Ликей. Натурфилософия Аристотеля близка материалистической. Согласно его взглядам, материя и форма неотделимы друг от друга, и это не абстрактные понятия, а две стороны единого жизненного процесса. Самую сильную сторону натурфилософской системы Аристотеля составляет учение о движении, без которого нет ни времени, ни пространства, ни материи. Эта система дополнялась его учением о методах мышления, или логикой.

Аристотелем создана всеобъемлющая научно-философская система, она явилась синтезом всех достижений греческой науки классического периода. Физика, этика и политика, естественнонаучные и гуманитарные дисциплины были сведены Аристотелем в некое единство. Естественнонаучные воззрения Аристотеля неотделимы от его общеполитических принципов. Он разрабатывал математические проблемы, создал общую теорию качественных изменений и превращений тел. Значительное место в научном творчестве Аристотеля занимают сочинения о живой природе. Он описал 485 видов животных, первым в истории науки предложил классификацию животного мира. Работы Аристотеля продолжили его ученики, из которых самым знаменитым был Феофраст.

Аристотель создал и свое учение о государстве, написав «Политику» — трактат, основанный на 158 исследованиях, каждое из которых посвящено государственному строю и истории отдельного полиса и было выполнено самим Аристотелем и его учениками. Аристотель дал непревзойденный по

глубине анализ характера греческого полиса (его сущности, типов, эволюции, причин упадка и т. д.) и предложил проект идеального государства, который, в отличие от проекта Платона, был более жизненным. Философ исходил из щей создать на отвоеванных у варваров землях греческие полисы, граждане которых жили бы за счет эксплуатации местного населения. Широкое развитие рабства привело к появлению в общественной мысли так называемого рабского вопроса. Аристотель, выражая самую

ский язык, его труды стали достоянием мусульманской науки, а затем в оригиналах и в различных переводах вошли в золотой фонд европейской и мировой цивилизаций.

Во второй половине V—IV в. до н. э. достигает наивысшего расцвета ораторское искусство, прежде всего судебное красноречие. Огромное число судебных процессов требовало не только знания законов, но и искусства убедительно говорить, что привело к появлению «логографов» — людей, специализи-

суть рабовладельческого строя, создал и развил идею о «рабстве по природе», согласно которой все не-греки самой природой предуготовлены быть рабами греков.

Глубокими были экономические идеи Аристотеля. Он отмечал, что полисный строй жизни совместим только с определенным уровнем развития экономики, а развитие сверх определенного предела товарно-денежных отношений приводит к разложению полиса. Столь же важны и его наблюдения о зависимости политики от экономических интересов различных групп гражданства.

Влияние Аристотеля на последующее развитие культуры древности и раннего средневековья было огромным. Переведенные на араб-

рующихся на составлении судебных речей (тяжущиеся стороны в афинском суде должны были лично обвинять и защищаться). Классиком логографического искусства следует считать Лисия, в совершенстве владевшего этим искусством. Его стиль прост, аргументация трезва и убедительна.

Непревзойденным мастером торжественного красноречия по праву считался Исократ, самый известный в то время учитель риторики. В историю древнегреческой культуры Исократ вошел как политический оратор, публицист, вся деятельность которого вдохновлялась одной идеей — достижения союза всех греков для войны против варваров. Только в объединенном походе Греция найдет спасение от

Стела Гегесо. Около 400 г. до н. э.

Бюст юноши. Около 340 г. до н. э.

*Голова богини
Гигеи. Около се-
редины IV в.
до н. э.*

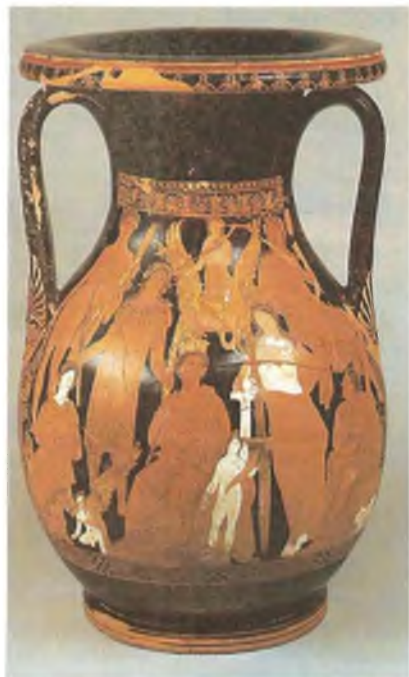

*Статуя мальчика.
Бронза. Около
330 г. до н. э.*

*Красофигурная пе-
лика. IV в. до н. э.*

терзающих ее бед — гражданских войн и войн полисов друг с другом, наемников и изгнанников, бедности и нищеты. Войны, охватившие теперь Грецию, следует перенести в Азию, а богатства Азии — в Европу. Эта панэллинская идея пройдет красной нитью через все речи Исократ, будут меняться только возможные организаторы похода. Разочаровавшись в родных Афинах. Исократ обратит свой взор к могущественным правителям — тирану Сиракуз Дионисию, а затем к македонскому царю Филиппу, в лице

которого он будет искать желанного вождя, способного умиротворить греков и возглавить поход на Восток.

Над всеми греческими ораторами возвышается величественная и трагическая фигура Демосфена — одного из величайших ораторов всех времен и народов. Среди его речей большое место занимали судебные, но славу ему принесли речи политические. И для современников, и для потомков Демосфен прежде всего политик, борец, патриот. Он рано понял опасность, которую представлял для независимости Греции Филипп, и начал

борьбу с ним. Речи Демосфена против Филиппа, в защиту свободы Афин возвели его в ранг руководящего государственного деятеля. Демосфен неустанно призывал сограждан к энергичной деятельности, пытался создать коалицию полисов против македонской опасности. В его речах ораторское искусство сочеталось с пафосом борца, страстная убежденность и сила аргументации захватывала слушателей. Это был последний выдающийся мастер публичного красноречия эпохи независимой Греции.

Развитие искусства в IV в. до н. э. также отражает новые явления в жизни греческого общества. Греческая скульптура IV в. до н. э. знает многих выдающихся мастеров (Скопас, Леохар, Тимофей, Бриаксис, Пракситель, Лисипп). Для всех этих скульпторов характерен отход от простых и строгих принципов эпохи «высокой классики». Все большее значение приобретает стремление к передаче индивидуальных черт человека, его чувств, внутреннего мира. Скопас обычно создавал скульптуры мифологического характера, но его образы полны бурных душевных переживаний (охваченная вакхическим иступлением Менада, полные страдания лица раненых воинов с фронтона храма Афины в Тегее). Гедонизм присущ творчеству Праксителя, любившего изображать Афродиту, Диониса и его спутников. Особенно прославился он скульптурой Афродиты Книдской.

Те же черты присущи и живописи IV в. до н. э., наиболее крупные представители которой — Павсаний из Сикиона и Апеллес из Колофона. Павсаний изобрел технику энкастики — живописи восковыми красками. Он стремился к решению сложных технических задач. Среди картин Апеллеса особой славой пользовалась «Афродита Анадиомена», написанная для храма Асклепия на Косе. Художник изобразил богиню выходящей из моря, тело ее просвечивает сквозь прозрачную воду.

Развитие греческой науки в IV в. до н. э. определялось в наибольшей степени деятельностью про-

фессиональных ученых (математиков, астрономов, естествоиспытателей) и в меньшей — философов. Крупнейший среди ученых IV в. до н. э. — Евдокс Книдский, открывший в математике общую теорию пропорций, оцененную понастоящему только во второй половине XIX в. Большую роль он сыграл в развитии античной астрономии, став в сущности создателем теоретической астрономии. Евдокс рассчитал орбиты движения планет, составил каталог звездного неба, создал первую астрономическую обсерваторию. Построение модели космоса, основанной на представлении о равномерно вращающихся вокруг Земли концентрических сферах, способствовало развитию сферической геометрии и кинематики движущихся точек, кругов и сфер. Развивая и уточняя идеи Евдокса, работали его ученики: математики Менехм и Динострат, астроном Полемарх, который в свою очередь стал учителем выдающегося астронома Каллиппа.

Древнегреческая культура занимает особое место в том наследии, на которое опирается в своем последующем историческом развитии человеческая цивилизация в целом, в особенности культура народов Европы. В сфере эстетической, художественного творчества наследие греков — не только источник современного знания, но и живая, полная обаяния духовная сила. Не только корни европейской культуры лежат в античности, но и античная культура является составной частью культуры современной. Знаменательно, что перелом в истории западноевропейского искусства начинается с эпохи Ренессанса, т. е. возрождения античного искусства. Как писал Ф. Энгельс, «в спасенных при падении Византии рукописях, в вырытых из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир — греческая древность; перед ее светлыми образами исчезли призраки средневековья».

Образы античной мифологии получили многочисленные воплощения и толкования в живописи Леонардо да Винчи, Боттичелли, Тициана, Рубенса, Рембрандта, Ваг-

то, Фрагонара, А. Иванова, Бруни, в скульптурах Витали, Козловского, Демут-Малиновского и др. Ее сюжеты широко использовали многие великие писатели и музыканты всех времен и народов: Данте,

Шекспир, Пушкин, Гайдн, Глюк. Оффенбах, Стравинский и т. д. Едва ли можно найти область, в которой не ощущалось бы влияние греческой культуры. И в этом ее непреходящее значение.

ПОХОДЫ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Своеобразным переходом от классической к эллинистической эпохе является время Александра Македонского. Этот короткий исторический период (с 336 по 323 г. до н. э.) вместил, однако, события,

определившие ход истории на несколько столетий вперед. Уже при отце Александра начинается война с персами, но убийство Филиппа в 336 г. до н. э. отодвинуло на некоторое время осуществление грандиозных планов Восточного похода. Вступив на престол, Александр жестоко расправился с убийцами отца и возможными претендентами на престол. Но наибольшая опасность угрожала молодому царю извне: с севера — вторжение фрако-иллирийских племен, с юга — восстание греков. В этой обстановке Александр действовал быстро и решительно. Во главе армии он вторгся в Среднюю Грецию и встал лагерем около Фив. Устрашенные греки признали за Александром все права, которыми обладал его отец. Столь же стремительно македонская армия двинулась на север и в ряде сражений одолела фракийцев и иллирийцев. Между тем ложный слух о гибели македонского царя спровоцировал греков на восста-

ние. Понимая всю серьезность происходящего, Александр неожиданно быстро для греков вернулся и, захватив Фивы — основной центр восстания, до основания разрушил город, обратив в рабство его жителей.

Усмирив непокорных, Александр обратился к основной своей задаче — походу против персов, и весной 334 г. до н. э. македонская армия и союзные греческие отряды переправляются в Малую Азию. Численно армия Александра немногочисленнее персидской, но была великолепно обучена, дисциплинирована и вооружена. Первая встреча с войсками малоазийских сатрапов произошла на р. Граник, и в тяжелом бою персидская армия оказалась разбитой. Победа открыла Александру путь к завоеванию Малой Азии. Официально война персам была объявлена в отмщение за поругание греческих святилищ во время греко-персидской войны, и Александр умело использовал панэллинские лозунги. В греческих городах он изгонял олигархов и устанавливал демократический строй, объявлял города свободными. Все это обеспечило ему поддержку греческого населения Малой Азии.

Закончив завоевание Малой Азии, Александр, пройдя через Киликию, вступил в Северную Сирию. Здесь ему пришлось вновь встретиться с персидскими силами — на этот раз во главе их стоял сам царь Дарий III. Происшедшее осенью 333 г. до н. э. сражение при Иссе было тяжелым для обоих противников, с большим трудом македонянам удалось добиться победы. В Дамаске была захвачена походная казна персидского царя, что облегчило финансовое положение Александра, до этого весьма тяжелое. Видимо, именно после

победы при Иссе у него возникает мысль о завоевании всей Персидской державы.

Далее Александр захватывает сироп-финикийское побережье, где самое упорное сопротивление оказал Тир, но в 332 г. город был взят штурмом и жестоко наказан. Взятие Газы открывало путь в Египет, сатрап которого, не имея достаточных сил для сопротивления, сдался. Египтяне доброжелательно встретили Александра, видя в нем освободителя от персидской власти.

Во время пребывания в Египте Александр основал в дельте Нила город, дав ему свое имя. Он совершил паломничество к оракулу Амона в пустыне, жрецы которого объявили Александра сыном Амона, признав таким образом его божественное происхождение. Тем самым его власть над Египтом получила божественное обоснование.

Весной 331 г. до н. э. Александр двинулся на север. Перейдя Евфрат и Тигр, он подошел к местечку Гавгамелы, и здесь 1 октября 331 г. до н. э. произошло решающее сражение. Хотя персидская армия была сильнее, чем при Иссе, македонянам и на этот раз удалось разгромить ее. Теперь перед Александром лежали беззащитные центральные области Персидского государства. Без боя были взяты древний Вавилон, затем Сузы, где находилась казна державы Ахеменидов. Огромные богатства, накопленные персидскими царями, перешли в руки новых завоевателей. Жесточайшему разгрому Александр подверг Персеполь — древнюю столицу Ахеменидов.

Завоевание восточных сатрапий, главным образом южных областей Средней Азии, оказалось самой сложной частью похода Александра. В отличие от ситуации на западе, где народные массы проявили полное равнодушие к смене власти, в Средней Азии началась настоящая народная война против завоевателей, продолжавшаяся три года. С огромным трудом Александру удалось справиться с бактрийцами и согдийцами; ему пришлось реорганизовать армию, приспособив ее к новым условиям войны.

Одновременно македонский царь стремился привлечь на свою сторону местную знать.

Теперь Александр уже мечтал о мировом господстве, и осуществление этой мечты казалось реальным при условии завоевания Индии. Хотя Александр смог завоевать обширные области по р. Инд, все же завершить Индийский поход ему не удалось. Армия, изнуренная походом, отказалась идти дальше. К началу 324 г. до н. э. Александр вернулся с остатками своей армии в Вавилон.

По возвращении Александру пришлось столкнуться с рядом сложных проблем. Многие из оставленных сатрапов, рассчитывая, что он не вернется из Индийского похода, создавали свои армии, ведя себя как независимые правители. Александр решительными мерами подавил эти сепаратистские движения. Политика царя в это время направлена на объединение своего огромного государства. Он стремится примирить македонян с персами, устроив, в частности, грандиозную свадьбу в Сузах (324 г. до н. э.): в один день около 10 тыс. его воинов женились на местных девушках. Александр включает в свою армию 30 тыс. юношей-персов. Активно вмешиваясь в греческие дела, он издает указ о возвращении изгнанников и восстановлении их в правах собственности. Проводится широкая кампания по основанию новых городов на завоеванных территориях

(их Александр рассматривал как опорные пункты своей власти). Готовится он и к новым походам. Однако в разгар этих приготовлений в 323 г. до н. э. Александр умирает от лихорадки в возрасте 33 лет.

Походы Александра, открывшие грекам новые земли, масштабы его завоеваний произвели на современников огромное впечатление. Споры о нем продолжают и в современной литературе. Ранее в историографии преобладала идеализация македонского царя, в котором ви-

села, гибли люди, стирались с лица земли целые племена. В своей державе, превосходившей размерами Персидское государство, Александр силой оружия объединил самые различные страны и народы. Она, однако, не имела единой экономической базы и была чисто военным объединением. Македонские завоевания свелись главным образом к захвату крупных городов, важных в стратегическом отношении опорных пунктов. Государство, возникшее на развалинах Персидской державы, во многом ее

Фрагмент мозаики «Битва при Иссе Александра Македонского с Дарием из Дома фавна в Помпеях. Римская копия картины Филоксена. Конец IV в. до н. э.

дели гения, несшего на Восток свет высокой эллинской цивилизации и выполнявшего великую историческую миссию. Безудержная идеализация сменилась затем более трезвым подходом. Оценка деятельности Александра, крупного государственного деятеля и великого полководца, не может быть однозначной. Его походы уничтожили уже изжившую себя державу Ахеменидов, но греко-македонская армия несла опустошение, рабство и смерть: разрушались города и

напоминало. Александр довольствовался признанием своей власти и уплатой налогов, но в условиях жизни, особенно отдаленных от центров областей, не произошло никаких коренных изменений.

Вместе с тем и во время походов, и после них на Восток хлынул поток греков и македонян, которые осели здесь, принеся новые формы социальных отношений и свою культуру. Некоторые из основанных Александром городов, претерпев изменения в своем характере,

становятся центрами политической и экономической жизни. В результате походов раздвинулись географические рамки греческого мира, были проложены новые пути сообщения, расширилось судоходство—все это способствовало развитию экономики, торговых связей. Походы принесли новые знания в географию, биологию, этнографию и другие науки. Они знаменовали начало нового периода в истории Восточного Средиземноморья, который характеризовался сложными и противоречивыми про-

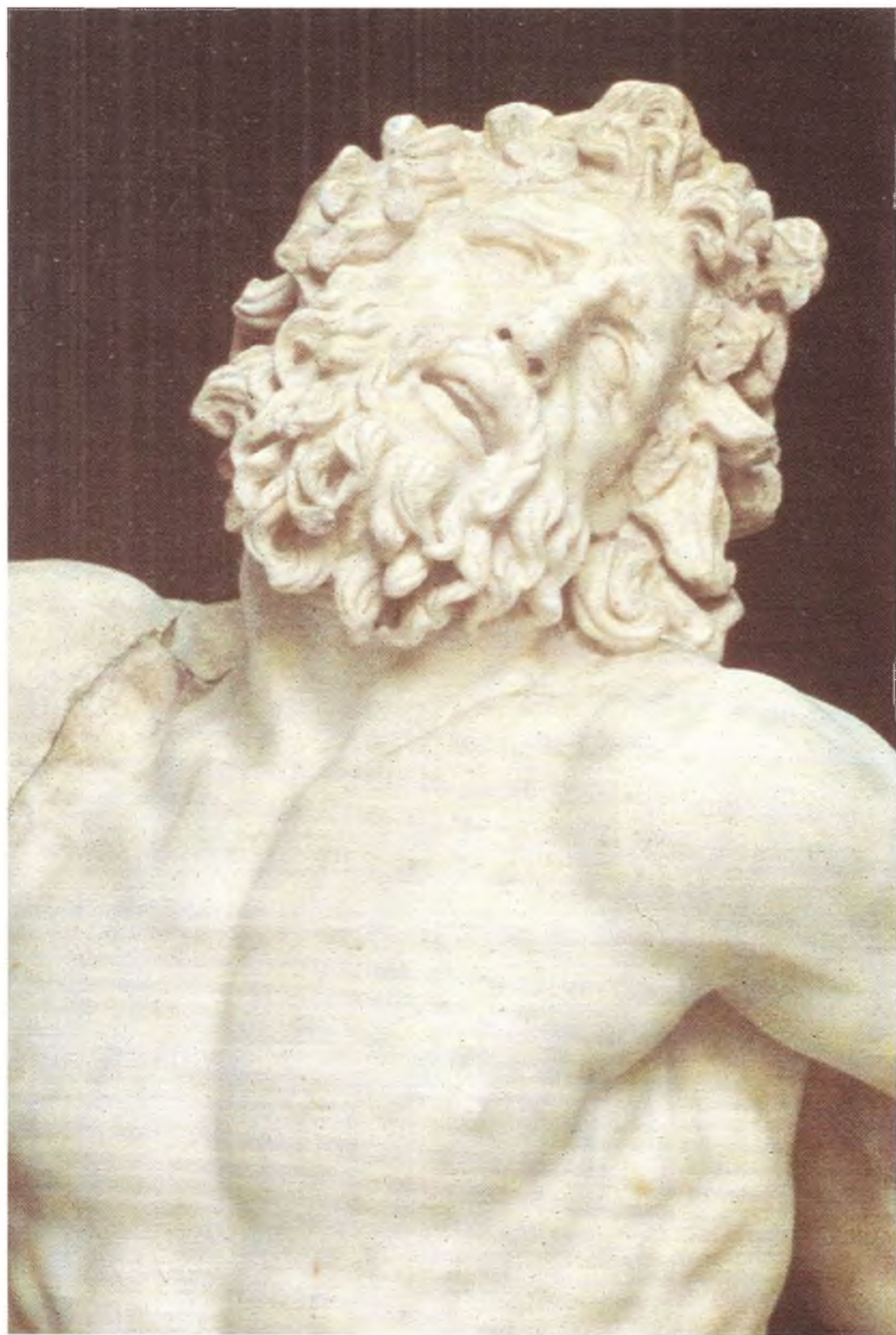
ной и религиозной замкнутости, возникли новые формы государственности, расширились обмен и торговля, были заложены основы новых верований. Вместе с тем продолжился процесс социальной поляризации, усилилась классовая борьба неимущих и рабов против рабовладельцев. Именно в результате походов Александра произошла подлинная встреча Востока и Запада, которая сказалась на многих аспектах жизни, началось взаимное культурное обогащение. Независимо от оценки личности Алек-

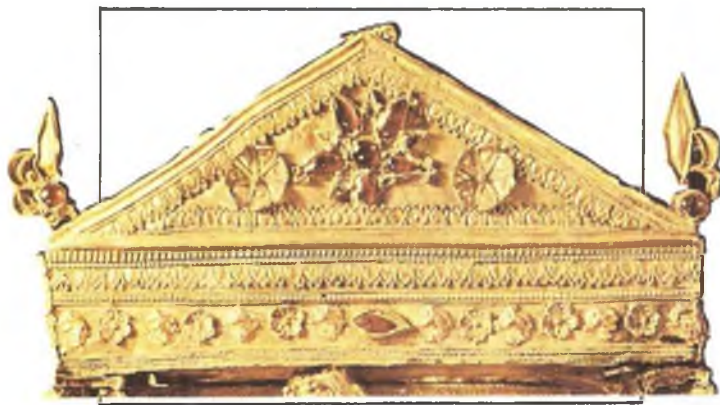
цессами взаимодействия греко-македонских и местных начал,— периода эллинизма.

Мировая держава Александра не выдержала испытания временем, так как для нее не было ни экономических, ни политических предпосылок. Но с Александра начинается новый период в истории античности. Его деятельность повлияла на судьбы многих народов не только Европы, но и Ближнего и Среднего Востока. В эпоху эллинизма началась ломка этнической, полис-

сандра и характера его деятельности, следует признать, что его походы сыграли заметную роль в сближении европейской и восточной цивилизаций.

Hellenistic Civilization

Эллини- стическая цивилизация

*Эллинизм-
встреча Востока
и Запада*

Эллинистической цивилизацией принято называть новую ступень в развитии материальной и духовной культуры, форм политической организации и социальных отношений народов Средиземноморья, Передней Азии и прилегающих регионов.

Начало им положили Восточный поход Александра Македонского и массовый колонизационный поток эллинов (греков и македонян) во вновь завоеванные земли. Хронологические и географические границы эллинистической цивилизации исследователями определяются по-разному в зависимости от трактовки понятия «эллинизм», введенного в науку еще в первой половине XIX в. И. Г. Дройзеном, но до сих пор остающегося спорным.

Накопление нового материала в результате археологических и исторических исследований оживило дискуссии о критериях и специфике эллинизма в разных регионах, о географических и временных границах эллинистического мира. Выдвигаются концепции предэллинизма и постэллинизма, т. е. возникновения элементов эллинистической цивилизации до греко-македонских завоеваний и их живучести (а иногда и регенерации) после кру-

шения эллинистических государств.

При всей спорности этих проблем можно указать и на устоявшиеся взгляды. Несомненно, что процесс взаимодействия эллинского и переднеазиатских народов имел место и в предшествующий период, но греко-македонское завоевание придало ему размах и интенсивность. Новые формы культуры, политических и социально-экономических отношений, возникшие в период эллинизма, были продуктом синтеза, в котором местные, главным образом восточные, и греческие элементы играли ту или иную роль в зависимости от конкретно-исторических условий. Большая или меньшая значимость местных элементов наложила отпечаток на социально-экономическую и политическую структуру, формы социальной борьбы, характер культурного развития и в значительной мере определила дальнейшие исторические судьбы отдельных регионов эллинистического мира.

История эллинизма отчетливо

делится на три периода — возникновение эллинистических государств (конец IV — начало III в. до н. э.), формирование социально-экономической и политической структуры и расцвет этих государств (III — начало II в. до н. э.) и период экономического спада, нарастания социальных противоречий и подчинения власти Рима (середина II — конец I в. до н. э.). Действительно, уже с конца IV в. до н. э. можно проследить становление эллинистической цивилизации, на III в. и первую половину II в. до н. э. приходится период ее расцвета. Но упадок эллинистических держав и расширение в Средиземноморье римского господства, а в Передней и Центральной Азии — владений возникших местных государств не означали ее гибели. Как составной элемент она участвовала в формировании Парфянской и Греко-Бактрийской цивилизаций, а после подчинения Римом всего Восточного Средиземноморья на ее основе возник сложный сплав греко-римской цивилизации.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ И СТАНОВЛЕНИЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В результате походов Александра Македонского возникла держава, охватывавшая Балканский п-ов, острова Эгейского моря, Малую Азию, Египет, всю Переднюю, южные районы Средней и часть Центральной Азии до нижнего течения Инда. Впервые в истории такая огромная территория оказалась в рамках одной политической системы. В процессе завоеваний были основаны новые города, проложены новые пути сообщений и торговли между отдаленными областями. Однако переход к мирному освоению земель произошел не сразу; в течение полувека после смерти Александра Македонского шла ожесточенная борьба между его полководцами — диадохами (преемниками), как их обычно называют, — за раздел его наследия.

В первые полтора десятилетия сохранялась фикция единства державы под номинальной властью Филиппа Арридея (323—316 гг. до н. э.) и малолетнего Александра IV

(323—310? гг. до н. э.), но в действительности уже по соглашению 323 г. до н. э. власть в важнейших ее регионах оказалась в руках наиболее влиятельных и талантливых полководцев: Антипатра в Македонии и Греции, Лисиаха во Фракии, Птолемея в Египте, Антигона на юго-западе Малой Азии. Пердикке, командовавшему главными военными силами и фактическому регенту, подчинялись правители восточных сатрапий. Но попытка упрочить свое единовластие и распространить его на западные сатрапии закончилась гибелью Пердикки и положила начало войнам диадохов. В 321 г. до н. э. в Трипарадесе произошло перераспределение сатрапий и должностей: Антипатр стал регентом, и к нему в Македонию из Вавилона была перевезена царская семья, Антигон был назначен стратегом-автократом Азии, командующим всеми находившимися там войсками, и уполномочен продолжить войну с Евменом, сто-

ронником Пердикки. В Вавилонию, утратившую значение царской резиденции, сатрапом был назначен командир гетайров Селевк.

Смерть в 319 г. до н. э. Антипатра, передавшего регентство Полиперхонту, старому, преданному царской династии полководцу, против которого выступил сын Антипатра Кассандр, поддержанный Антигоном, привела к новому усилению войн диадохов. Важным плацдармом стали Греция и Македония, где в борьбу были втянуты и царский дом, и македонская знать, и греческие полисы; в ходе ее погибли Филипп Арридей и другие члены царской семьи, а Кассандру удалось упрочить свое положение в Македонии. В Азии Антигон, одержав победу над Евменом и его союзниками, стал самым могущественным из диадохов, и сразу же против него сложилась коалиция Селевка, Птолемея, Кассандра и Лисимаха. Началась новая серия сражений на море и на суше в Сирии, Вавилонии, Малой Азии, Греции. В заключенном в 311 г. до н. э. мире хотя и фигурировало имя царя, но фактически о единстве державы уже не было речи, диадохи выступали как самостоятельные правители принадлежащих им земель.

Новая фаза войны диадохов началась после умерщвления по приказу Кассандра юного Александра IV. В 306 г. до н. э. Антигон и его сын Деметрий Полиоркет, а затем и другие диадохи присваивают себе царские титулы, тем самым признавая распад державы Александра и заявляя претензию на македонский престол. Наиболее активно стремился к нему Антигон. Военные действия развертываются в Греции, Малой Азии и Эгеиде. В сражении с объединенными силами Селевка, Лисимаха и Кассандра в 301 г. до н. э. при Ипсе Антигон потерпел поражение и погиб. Произошло новое распределение сил: наряду с царством Птолемея I (305—282 г. до н. э.), включавшем Египет, Киренаику и Келесирию, появилось крупное царство Селевка I (311—281 г. до н. э.), объединившее Вавилонию, восточные сатрапии и переднеазиатские владения

Антигона. Лисимах расширил границы своего царства в Малой Азии, Кассандр получил признание прав на македонский престол.

Однако после смерти Кассандра в 298 г. до н. э. вновь разгорелась борьба за Македонию, длившаяся более 20 лет. Поочередно ее престол занимали сыновья Кассандра, Деметрий Полиоркет, Лисимах, Птолемей Керавн, Пирр Эпирский. Помимо династических войн в начале 270-х гг. до н. э. Македония и Греция подверглись вторжению кельтов-галатов. Только в 276 г. Антигон Гонат (276—239 г. до н. э.), сын Деметрия Полиоркета, одержавший в 277 г. победу над галатами, утвердился на македонском престоле, и при нем Македонское царство обрело политическую стабильность.

Полувековой период борьбы диадохов был временем становления нового, эллинистического общества со сложной социальной структурой и новым типом государства. В деятельности диадохов, руководствовавшихся субъективными интересами, проявлялись в конечном счете объективные тенденции исторического развития Восточного Средиземноморья и Передней Азии — потребность в установлении тесных экономических связей глубинных районов с морским побережьем и связей между отдельными областями Средиземноморья — и вместе с тем тенденция сохранения этнической общности и традиционного политического и культурного единства отдельных районов, потребность в развитии городов как центров торговли и ремесла, в освоении новых земель, чтобы прокормить возросшее население, и, наконец, в культурном взаимодействии и т. д. Несомненно, что индивидуальные особенности государственных деятелей, соперничавших в борьбе за власть, их военные и организаторские таланты или их бездарность, политическая близорукость, неукротимая энергия и неразборчивость в средствах для достижения целей, жестокость и корыстолюбие — все это осложняло ход событий, придавало ему острую драматичность, нередко отпечаток случайности. Тем не менее

можно проследить общие черты политики диадохов.

Каждый из них стремился объединить под своей властью внутренние и приморские области, обеспечить господство над важными путями, торговыми центрами и портами. Каждый стоял перед проблемой содержания сильной армии как реальной опоры власти. Основной костяк армии состоял из македонян и греков, входивших ранее в царское войско, и наемников, завербованных в Греции. Средства для их оплаты и содержания отча-

Стела Аристонявта. Мрамор. IV в. до н. э.

Гидрия с изображением бегущих воинов. Конец IV в. до н. э.

сти черпались из сокровищ, награбленных Александром или самими диадохами, но достаточно остро стоял вопрос и о сборах дани или податей с местного населения, а следовательно, об организации управления захваченными территориями и налаживании экономической жизни.

Во всех областях, кроме Македо-

нии, стояла проблема взаимоотношений с местным населением. В решении ее заметны две тенденции: сближение греко-македонской и местной знати, использование традиционных форм социальной и политической организации и более жесткая политика по отношению к коренным слоям населения как к завоеванным и полностью бесправным, а также внедрение полисного устройства. В отношениях с дальними восточными сатрапиями диадохи придерживались сложившейся при Александре практики (возможно, восходящей к персидскому времени): власть была предоставлена местной знати на условиях признания зависимости и выплаты денежных и натуральных поставок.

Одним из средств экономического и политического укрепления власти на завоеванных территориях было основание новых городов. Эту политику, начатую Александром, активно продолжали диадохи. Города основывались и как стратегические пункты, и как административные и экономические центры, получавшие статус полиса. Одни из них возводились на пустующих землях и заселялись выходцами из Греции, Македонии и иных мест, другие возникали путем добровольного или принудительного соединения в один полис двух или нескольких обедневших горо-

дов или сельских поселений, третьи — путем реорганизации восточных городов, пополненных греко-македонским населением. Характерно, что новые полисы появляются во всех областях эллинистического мира, но их число, расположение и способ возникновения отражают и специфику времени, и исторические особенности отдельных областей.

В период борьбы диадохов одновременно с формированием новых, эллинистических государств шел процесс глубокого изменения материальной и духовной культуры народов Восточного Средиземноморья и Передней Азии. Непрерывные войны, сопровождавшиеся крупными морскими сражениями, осадами и штурмами городов, а вместе с тем основание новых городов и крепостей выдвинули на первый план развитие военной и строительной техники. Совершенствовались и крепостные сооружения.

Новые города строились в соответствии с принципами планировки, разработанными еще в V в. до н. э. Гишподамом Милетским: с прямыми и пересекающимися под пря-

мым углом улицами, ориентированными, если позволял рельеф местности, по странам света. К главной, самой широкой улице примыкала агора, окруженная с трех сторон общественными зданиями и торговыми портиками, поблизости от нее обычно возводились храмы и гимнасии; театры и стадионы строили за пределами жилых кварталов. Город обносили оборонительными стенами с башнями, на возвышенном и важном в стратегическом отношении участке строилась цитадель. Строительство стен, башен, храмов и других крупных сооружений требовало развития технических знаний и навыков в изготовлении механизмов для подъема и транспортировки сверхтяжелых грузов, совершенствования разного рода блоков, зубчатых передач (типа шестерен), рычагов. Новые достижения технической мысли получили отражение в специальных сочинениях по архитектуре и строительству, появившихся в конце IV—III в. до н. э. и сохранивших нам имена архитекторов и механиков того времени — Филона, Гегетора Византийского, Диада, Хария, Эпимаха.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ в III в. до н. э.

Со второй половины 70-х гг. III в. до н. э., после того как стабилизировались границы эллинистических государств, началась новая глава в политической истории Восточного Средиземноморья и Передней Азии. Между державами Селевкидов, Птолемеев и Антигонидов завязалась борьба за лидерство, подчинение своей власти или влиянию независимых городов и государств Малой Азии, Греции, Келесирии, островов Средиземного и Эгейского морей. Борьба шла не только путем военных столкновений, но и путем дипломатических интриг, использования внутренних политических и социальных противоречий.

Интересы Египта и государства Селевкидов сталкивались прежде всего в Южной Сирии и Палестине, так как помимо огромных доходов, которые поступали из этих стран в качестве податей, владение ими

обеспечивало превалирующую роль в торговле с арабскими племенами и, кроме того, эти области имели стратегическое значение по географическому положению и богатству основным строительным материалом для военного и торгового флота — кедровым лесом. Соперничество Птолемеев и Селевкидов вылилось в так называемые Сирийские войны, в ходе которых менялись границы их владений не только в Южной Сирии, но и на малоазиатском побережье и в Эгейском море.

Столкновения в Эгеиде и Малой Азии были обусловлены теми же причинами — стремлением упрочить торговые связи и закрепить за собой стратегические базы для дальнейшего расширения своих владений. Но здесь захватнические интересы крупных эллинистических государств наталкивались на стрем-

ление местных небольших эллинистических государств — Вифинии, Пергама, Каппадокии, Понта — отстоять свою самостоятельность. Так, в 262 г. до н. э. в результате войны с Антиохом I Пергам добился независимости, и провозглашенный царем Эвмен I положил начало династии Атталидов.

Противоборство между Селевкидами и Птолемеями шло с переменным успехом. Если вторая Сирийская война (260—253 гг. до н. э.) была успешной для Антиоха II, а Египту принесла большие территориальные потери в Малой Азии и Эгеиде, то в результате третьей Сирийской войны (246—241 гг. до н. э.) Птолемей III не только вернул утраченные ранее Милет, Эфес, о-в Самос и другие территории, но и расширил свои владения в Эгейском море и Келесирии. Успеху Птолемея III в этой войне способствовала нестабильность державы Селевкидов. Около 250 г. до н. э. отложились наместники Бактрии и Согдианы Диодот и Евтидем, спустя несколько лет Бактрия, Согдиана и Маргиана образовали независимое Греко-Бактрийское царство. Почти одновременно отложился наместник Парфии Андрагор, но вскоре он и селевкидский гарнизон были уничтожены восставшими племенами парнов-даев во главе с Аршаком, основавшим новую, парфянскую династию Аршакидов, начало правления которой традиция относит к 247 г. до н. э. Сепаратистские тенденции, по-видимому, существовали и в западном регионе державы, проявляясь в династической борьбе между Селевком II (246—225 гг. до н. э.) и его братом Антиохом Гиераком, захватившим власть в малоазийских сатрапиях. Сложившееся после третьей Сирийской войны соотношение сил Птолемеев и Селевкидов продержалось до 220 г.

Очагом противоречий между Египтом и Македонией были главным образом острова Эгейского моря и Греция — области, являвшиеся потребителями сельскохозяйственных продуктов, производителями ремесленных изделий, источником пополнения войска и поставщиками квалифицированной рабо-

чей силы. Политическая и социальная борьба внутри греческих полисов и между ними предоставляла возможности для вмешательства эллинистических держав во внутренние дела Греции, причем цари Македонии опирались преимущественно на олигархические слои, а Птолемеи использовали антимакедонские настроения демоса. Эта политика Птолемеев сыграла большую роль в возникновении Хремонидовой войны, названной так по имени одного из вождей афинской демократии, Хремонида, являвшегося, по-видимому, инициатором заключения общего союза между Афинами, Лакедемонской коалицией и Птолемеем II. Хремоеидова война (267—262 гг. до н. э.) была последней попыткой лидеров эллинского мира Афин и Спарты объединить враждебные Македонии силы и, используя поддержку Египта, отстоять независимость и восстановить свое влияние в Греции. Но перевес сил был на стороне Македонии, египетский флот не смог оказать помощи союзникам, Антигон Гонат разбил возле Коринфа лакедемонян и после осады подчинил Афины. В результате поражения Афины надолго утратили свободу. Спарта потеряла влияние на Пелопоннесе, упрочились позиции Антигонидов в Греции и Эгеиде в ущерб Птолемеям.

Однако это не означало примирения греков с македонской гегемонией. Предшествующий исторический опыт, подтвержденный и событиями Хремонидовой войны, показал, что самостоятельное существование разрозненных полисов в условиях системы эллинистических монархий становилось практически невозможным, к тому же и тенденции социально-экономического развития самих полисов требовали создания более широких государственных объединений. В международной жизни возрастает роль политических союзов греческих полисов, построенных на федеративных началах: сохраняя равенство и автономии внутри союза, они выступают во внешнеполитических сношениях как единое целое, отстаивая свою независимость. Характерно, что инициатива образова-

ния федераций исходит не из старых экономических и политических центров Греции, а из районов слабо развитых.

В начале III в. до н. э. приобретает значение Этолийская федерация (возникшая в начале IV в. до н. э. из союза этолийских племен), после того как этолийцы отстояли Дельфы от нашествия галатов и стали во главе Дельфийской амфикистии — древнего культового объединения вокруг святилища Аполлона. Во время Хремонидовой войны, не вступая в открытый

ляемый сикионцем Аратом, играл большую роль в противодействии македонской экспансии на Пелопоннесе. Особенно важным актом было изгнание в 243 г. до н. э. македонского гарнизона из Коринфа и захват Акрокоринфа — крепости, расположенной на высоком холме и контролировавшей стратегический путь на Пелопоннес через Истмийский перешеек. В результате этого авторитет Ахейского союза очень возрос, и к 230 г. до н. э. этот союз включал около 60 полисов, занимая большую

352/353

Эллинистическая
цивилизация

конфликт с Македонией, Этолия поддерживала враждебные Антигонидам демократические группировки в соседних полисах, благодаря чему большинство их присоединилось к союзу. К 220 г. до н. э. в федерацию входила почти вся Центральная Греция, некоторые полисы на Пелопоннесе и на островах Эгейского моря; одни из них присоединились добровольно, другие, например города Беотии, были подчинены силой.

В 284 г. до н. э. был восстановлен распавшийся во время войн диадохов союз ахейских полисов, в середине III в. до н. э. в него на федеративных принципах вошли Сикион и другие города северного Пелопоннеса. Сложившийся как политическая организация, отстаивающая независимость греческих полисов. Ахейский союз, возглав-

ляющая часть Пелопоннеса. Однако неудачи в войне со Спартой, восстановившей свое политическое влияние и военные силы в результате социальных реформ царя Клеомена, и страх перед стремлением граждан к аналогичным преобразованиям заставили руководство Ахейского союза пойти на соглашение с Македонией и просить ее о помощи ценой уступки Акрокоринфа. После разгрома Спарты в 222 г. до н. э. Ахейская федерация присоединилась к образованному под гегемонией царя Антигона Досона Эллинскому союзу, куда вошли и другие греческие полисы, кроме Афин и Этолийского союза.

Обострение социальной борьбы привело к изменению политической ориентации имущих слоев во многих греческих полисах и создало благоприятные условия для расши-

Охота на львов.
Мозаика. Пелла
(Македония). Около
300 г. до н. э.

рения владений и влияния Македонии.

Однако попытка Филиппа V подчинить Этолийскую федерацию, развязав так называемую Союзническую войну (220—217 гг. до н. э.), в которую были втянуты все участники Эллинского союза, не имела успеха. Тогда, учитывая опасность для Рима ситуацию, сложившуюся в ходе второй Пунической войны, Филипп вступил в 215 г. до н. э. в союз с Ганнибалом и начал вытеснять римлян из захваченных ими владений в Иллирии. Это послужило началом первой войны Македонии с Римом (215—205 гг. до н. э.), которая по существу была войной Филиппа с его старыми противниками, примкнувшими к Риму,—Этолией и Пергамом—и закончилась удачно для Македонии. Таким образом, последние годы III в. до н. э. были периодом наибольшего могущества Антигонидов, чему способствовала и общая политическая ситуация в Восточном Средиземноморье.

В 219 г. до н. э. вспыхнула четвертая Сирийская война между Египтом и царством Селевкидов: Антиох III вторгся в Келесирию, подчиняя один город за другим подкупом или осадой, и приблизился к границам Египта. Решительное сражение между армиями Антиоха III и Птолемея IV произошло в 217 г. до н. э. около селения Рафии. Силы противников были почти равными, и победа, по свидетельству Полибия, оказалась на стороне Птолемея только благодаря успешным действиям сформированных из египтян фаланг. Но Птолемей IV не смог воспользоваться победой: после битвы при Рафии начались волнения внутри Египта, и он вынужден был согласиться на предложенные Антиохом III условия мира. Внутренняя неустойчивость Египта, обострившаяся после

смерти Птолемея IV, позволила Филиппу V и Антиоху III захватить внешние владения Птолемеев: к Македонии отошли все принадлежавшие Птолемеям полисы на Гелеспонте, в Малой Азии и в Эгейском море, Антиох III овладел Финикией и Келесирией. Экспансия Македонии ущемляла интересы Родоса и Пергама. Возникшая в результате этого война (201 г. до н. э.) шла с перевесом на стороне Филиппа V. Родос и Пергам обратились за помощью к римлянам. Так конфликт между эллинистическими государствами перерос во вторую римско-македонскую войну (200—197 гг. до н. э.).

Конец III в. до н. э. можно рассматривать как определенный рубеж в истории эллинистического мира. Если в предшествующий период в отношениях между странами Восточного и Западного Средиземноморья преобладали экономические и культурные связи, а политические контакты носили эпизодический характер и преимущественно форму дипломатических сношений, то в последние десятилетия III в. до н. э. уже намечается тенденция к открытой военной конфронтации, о чем свидетельствует союз Филиппа V с Ганнибалом и первая Македонская война с Римом. Изменилось и соотношение сил внутри эллинистического мира. В течение III в. до н. э. возросла роль малых эллинистических государств—Пергама, Вифинии, Понта, Этолийского и Ахейского союзов, а также независимых полисов, игравших важную роль в транзитной торговле,—Родоса и Византии. Вплоть до последних десятилетий III в. до н. э. Египет сохранял свое политическое и экономическое могущество, но к концу века усиливается Македония, сильнейшей державой становится царство Селевкидов.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

Наиболее характерной чертой экономического развития эллинистического общества в III в. до н. э. были рост торговли и товарного производства. Несмотря на воен-

ные столкновения, установились регулярные морские связи между Египтом, Сирией, Малой Азией, Грецией и Македонией; были налажены торговые пути по Красному

мору, Персидскому заливу и дальше в Индию и торговые связи Египта с Причерноморьем, Карфагеном и Римом. Возникли новые крупнейшие торговые и ремесленные центры — Александрия в Египте, Антиохия на Оронте, Селевкия на Тигре, Пергам и др., ремесленное производство которых в значительной мере было рассчитано на внешний рынок. Селевкиды основали ряд полисов вдоль старых караванных дорог, соединявших верхние сатрапии и Междуречье со Средиземным морем, — Антиохию-Эдессу, Антиохию-Нисибис, Селевкию на Евфрате, Дура-Эвропос, Антиохию в Маргиане и др.

Птолеми основали несколько гаваней на Красном море — Арсиною, Филотеру, Беренику, соединив их караванными путями с портами на Ниле. Появление новых торговых центров в Восточном Средиземноморье повлекло за собой перемещение торговых путей в Эгейском море, выросла роль Родоса и Коринфа как портов транзитной торговли, упало значение Афин. Значительно расширились денежные операции и денежное обращение, чему способствовала унификация монетного дела, начавшаяся еще при Александре Македонском введением в обращение серебряных и золотых монет, чеканившихся по аттическому (афинскому) весовому стандарту. Этот весовой стандарт удержался в большинстве эллинистических государств, несмотря на разнообразие штампов.

Заметно вырос экономический потенциал эллинистических государств, объем ремесленного производства и его технический уровень. Многочисленные полисы, возникшие на Востоке, притягивали к себе ремесленников, торговцев и людей других профессий. Греки и македоняне приносили с собой привычный для них рабовладельческий уклад жизни, увеличивалось число рабов. Потребность в снабжении продовольствием торгово-ремесленного населения городов порождала необходимость увеличить производство сельскохозяйственных продуктов, предназначенных для продажи. Денежные отношения начали проникать даже в египетскую

«кому» (деревню), разлагая традиционные отношения и усиливая эксплуатацию сельского населения. Увеличение сельскохозяйственного производства происходило за счет расширения площади обрабатываемых земель и путем более интенсивного их использования.

Важнейшим стимулом экономического и технического прогресса был обмен опытом и производственными навыками в земледелии и ремесле местного и пришлого, греческого и негреческого населения, обмен сельскохозяйственными культурами и научными знаниями. Переселенцы из Греции и Малой Азии перенесли в Сирию и Египет практику оливководства и виноградарства и переняли у местного населения культивирование финиковых пальм. Папирусы сообщают о том, что в Фаюме пытались акклиматизировать милетскую породу овец. Вероятно, такого рода обмен породами скота и сельскохозяйственными культурами происходил и до эллинистического периода, но теперь для него появились более благоприятные условия. Трудно выявить изменения в земледельческом инвентаре, но несомненно, что в крупных масштабах ирригационных работ в Египте, исполнявшихся главным образом местными жителями под руководством греческих «архитекторов», можно видеть результат сочетания техники и опыта тех и других. Потребность в орошении новых площадей, по видимому, способствовала усовершенствованию и обобщению опыта в технике сооружения водочерпательных механизмов. Изобретение водооткачивающей машины, применявшейся также для откачки воды в затопляемых рудниках, связано с именем Архимеда («винт Архимеда» или так называемая «египетская улитка»).

В ремесле сочетание техники и навыков местных и пришлых ремесленников (греков и негреков) и повышение спроса на их продукцию привели к ряду важных изобретений, породивших новые виды ремесленного производства, более узкую специализацию ремесленников и возможность массового производства ряда изделий.

В результате освоения греками более совершенного ткацкого станка, применявшегося в Египте и Передней Азии, появились мастерские по выработке узорных тканей в Александрии и золототканых в Пергаме. Расширился ассортимент одежды и обуви, в том числе изготавливаемой по чужеземным фасонам и образцам.

Новые виды продукции появились и в других отраслях ремесленного производства, рассчитанного на массовое потребление. В Египте было налажено изготовление разных сортов папируса, а в Пергаме со II в. до н. э.— пергамента. Широкое распространение получила рельефная керамика, покрытая темным лаком с металлическим оттенком, подражавшая по своей форме и окраске более дорогой металлической посуде (так называемые мегарские чаши). Изготовление ее носило серийный характер благодаря применению готовых мелких штампов, комбинация которых позволяла разнообразить орнамент. При изготовлении терракот, как и при отливке бронзовых статуй, стали применять разъемные формы, что позволяло делать их более сложными и в то же время снимать многочисленные копии с оригинала.

Таким образом, произведения отдельных мастеров и художников превращались в продукцию ремесленного массового производства, рассчитанную не только на богатых, но и на средние слои населения. Важные открытия были сделаны и в производстве предметов роскоши. Ювелиры освоили технику перегородчатой эмали и амальгамирования, т. е. покрытия изделий тонким слоем золота, используя его раствор в ртути. В стекольном производстве были найдены способы изготовления изделий из мозаичного, резного двухцветного, гравированного и золоченого стекла, но процесс их изготовления был очень сложен. Исполненные в этой технике предметы очень высоко ценились, и многие были подлинными произведениями искусства (дошедшие до нас предметы датируются преимущественно I в. до н. э., например так называемая

ваза Портланд из Британского музея и хранящаяся в Эрмитаже позолоченная стеклянная ваза, найденная в Ольвии, и др.).

Развитие морской торговли и постоянные военные столкновения на море стимулировали совершенствование судостроительной техники. Продолжали строиться вооруженные таранамы и металлическими орудиями многоярдыные гребные военные корабли. На верфях Александрии были построены 20- и 30-ярдные суда, но, по-видимому, они оказались менее эффективными (флот Птолемея дважды потерпел поражение в сражениях с флотом Македонии, построенным на греческих верфях, вероятно, по образцу быстроходных 16-ярдных кораблей Деметрия Полиоркета). Знаменитая тессераконтера (40-ярдный корабль) Птолемея IV, поражавшая современников размерами и роскошью, оказалась непригодной для плавания. Наряду с крупными боевыми кораблями строились и небольшие суда — разведывательные, посыльные, для охраны торговых судов, а также грузовые.

Расширилось строительство парусного торгового флота, увеличилась его быстроходность благодаря усовершенствованию парусной оснастки (появились двух- и трехмачтовые суда), средняя грузоподъемность достигла 78 т.

Одновременно с развитием судостроения совершенствовалось устройство верфей и доков. Благоустраивались гавани, сооружались молы и маяки. Одним из семи чудес света был Фаросский маяк, созданный архитектором Состратом из Книды. Это была колоссальная трехъярусная башня, увенчанная статуей бога Посейдона; сведения о ее высоте не сохранилось, но, по свидетельству Иосифа Флавия, она была видна со стороны моря на расстоянии в 300 стадий (около 55 км), в верхней ее части по ночам горел огонь. По типу Фаросского стали строиться маяки и в других портах — в Лаодикее, Остии и пр.

Особенно широко развернулось градостроительство в III в. до н. э. На это время приходится строительство наибольшего числа горо-

дов, основанных эллинистическими монархами, а также переименованных и перестроенных местных городов. В крупнейший город Средиземноморья превратилась Александрия. План ее был разработан архитектором Дейнократом еще при Александре Македонском. Город был расположен на перешейке между Средиземным морем на севере и оз. Мареогида на юге, с запада на восток — от Некрополя до Канопских ворот — он тянулся на 30 стадий (5,5 км), расстояние же от моря до озера составляло 7—8 стадий. По описанию Страбона, «весь город пересечен улицами, удобными для езды верхом и на колесницах, и двумя весьма широкими проспектами, более плетра (30 м) шириной, которые под прямым углом делят друг друга пополам».

Лежавший в 7 стадиях от берега небольшой каменистый островок Фарос, где сооружался маяк, уже при Птолемеи I был соединен с материком Гептастадием — дамбой, имевшей проходы для судов. Так образовались два смежных порта — Большая торговая гавань и гавань Евноста (Счастливого Возвращения), соединенная каналом с портом на озере, куда доставляли грузы нильские суда. К Гептастадию с обеих сторон примыкали верфи, на набережной Большой гавани находились товарные склады, рыночная площадь (Эмпорий), храм Посейдона, театр, далее вплоть до мыса Лохиада тянулись царские дворцы и парки, включавшие Мусейон (Храм муз), библиотеку и священный участок с гробницами Александра и Птолемеев. К главным пересекающимся улицам примыкали Гимнасий с портиком более стадия (185 м) длиной, Дикастерийон (здание суда), Панейон, Серапейон и другие храмы и общественные здания. К юго-западу от центральной части города, носившей название Брухейон, были расположены кварталы, сохранившие древнеегипетское наименование Рако-тис, заселенные ремесленниками, мелкими торговцами, матросами и прочим трудовым людом различной социальной и этнической принадлежности (прежде всего египтя-

356/357

Эллинистическая цивилизация

нами) с их мастерскими, лавками, хозяйственными постройками и жилищами из сырцового кирпича. Исследователи предполагают, что в Александрии строились и многоквартирные 3—4-этажные дома для малоимущего населения, поденщиков и приезжих.

Меньше сведений сохранилось о столице царства Селевкидов — Антиохии. Город был основан Се-

Тинагрская статуэтка. Терракота. III в. до н. э.

Женщина с опахалом. Тинагрская статуэтка. Терракота. Конец IV в. до н. э.

левком I около 300 г. до н. э. на р. Оронте в 120 стадиях от побережья Средиземного моря. Главная улица тянулась по долине реки, ее и параллельную ей улицу пересекали переулки, спускавшиеся от предгорий к реке, берег которой украшали сады. Позднее Антиох III на острове, образованном рукавами реки, возвел новый город, окруженный стенами и построенный кольцеобразно, с царским дворцом в центре и расходящимися от него радиальными улицами, окаймленными портиками.

*Портрет юноши
в золотом венке.
Дерево, энкаустика
и темпера. Фаюм.
Начало II в. н. э.*

Если Александрия и Антиохия известны в основном по описаниям древних авторов, то раскопки Пергама дали наглядную картину устройства третьей по историческому значению из столиц эллинистических царств. Пергам, существовавший как крепость на труднодоступном холме, возвышавшемся над долиной реки Каик, при Атталидах постепенно расширился

и превратился в крупный торговоремесленный и культурный центр. Соплагуясь с рельефом местности, город спускался террасами по склонам холма: на вершине его находились цитадель с арсеналом и продовольственными складами и верхний город, окруженный древними стенами, с царским дворцом, храмами, театром, библиотекой и т. д. Ниже, по-видимому, располагались старая агора, жилые и ремесленные кварталы, также окруженные стеной, но позднее город вышел за ее пределы, и еще ниже по склону возник новый, окруженный третьей стеной общественный центр города с храмами Деметры, Геры, гимнасиями, стадионом и новой агорой, по периметру которой располагались торговоремесленные ряды.

Столицы эллинистических царств дают представление о размахе градостроительства, но более типичными для этой эпохи были небольшие города — вновь основанные или перестроенные старые греческие и восточные поселения городского типа. Примером такого рода городов могут служить раскопанные города эллинистического времени Приена, Никея, Дура-Эвропос. Здесь отчетливо выступает роль агоры как центра общественной жизни города. Это обычно просторная, окруженная портиками площадь, вокруг которой и на прилегающей к ней магистральной улице возводились главные общественные здания: храмы, булевтерий, дикастерий, гимнасий с палестрой. Такая планировка и наличие этих сооружений свидетельствуют о полисной организации населения города, т. е. позволяют предполагать существование народных собраний, буле, полисной системы образования, что подтверждается также нарративными и эпиграфическими источниками.

Но полисы эллинистического времени уже существенно отличаются от полисов классической эпохи. Греческий полис как форма социально-экономической и политической организации античного общества к концу IV в. до н. э. находился в состоянии кризиса. Полис тормозил экономическое

развитие, так как свойственные ему автаркия и автономия мешали расширению и укреплению экономических связей. Он не отвечал социально-политическим потребностям общества, так как, с одной стороны, не обеспечивал воспроизводство гражданского коллектива в целом — перед беднейшей его частью возникала угроза потери гражданских прав, с другой — не гарантировал внешнюю безопасность и устойчивость этого коллектива, раздираемого внутренними противоречиями.

Исторические события конца IV — начала III в. до н. э. привели к созданию новой формы социально-политической организации — эллинистической монархии, соединившей в себе элементы восточной деспотии — монархическую форму государственной власти, располагавшей постоянной армией и централизованной администрацией, — и элементы полисного устройства в виде городов с приписанной к ним сельской территорией, сохранивших органы внутреннего самоуправления, но в значительной мере подчиненных царю. От царя зависели размеры приписанных к полису земель и предоставление экономических и политических привилегий; полис был ограничен в правах внешнеполитических сношений, в большинстве случаев деятельность полисных органов самоуправления контролировалась царским чиновником — эписатом. Утрата внешнеполитической самостоятельности полиса компенсировалась безопасностью существования, большей социальной устойчивостью и обеспечением прочных экономических связей с другими частями государства. Царская власть приобретала в городском населении важную социальную опору и необходимые ей контингенты для администрации и армии.

На территории полисов земельные отношения складывались по обычному образцу: частная собственность граждан и собственность города на неподеленные участки. Но сложность состояла в том, что к городам могла быть приписана земля с находившимися на ней местными деревнями, насе-

ление которых не становилось гражданами города, но продолжало владеть своими участками, уплачивая подати городу или частным лицам, которые получили эти земли от царя, а потом приписали их к городу. На территории, не приписанной к городам, вся земля считалась царской.

В Египте, о социально-экономической структуре которого сохранилась наиболее обстоятельная информация, по данному Податного устава Птолемея II Филадельфа и других египетских папирусов, она

делилась на две категории: собственно царскую и «уступленные» земли, к которым относились земли, принадлежавшие храмам, земли, переданные царем в «дарение» своим приближенным, и земли, предоставляемые небольшими участками (клерами) воинам-клерухам. На всех этих категориях земель также могли находиться местные деревни, жители которых продол-

Портрет женщины.
Дерево, энкаустика
и темпера. Фаюм.
II в. н. э.

жали владеть своими наследственными наделами, уплачивая подати или налоги. Сходные формы прослеживаются и по документам из царства Селевкидов. Эта специфика земельных отношений обуславливала многослойность социальной структуры эллинистических государств. Царский дом с его придворным штатом, высшая военная и гражданская администрация, наиболее зажиточные горожане и высшее жречество составляли верхний слой рабовладельческой знати. Основой их благополучия были земли (городские и дарственные), доходные должности, торговля, ростовщичество.

Более многочисленными были средние слои — городские торговцы и ремесленники, царский административный персонал, откупщики, клерухи и катэки, местное жречество, люди интеллигентных профессий (архитекторы, врачи, философы, художники, скульпторы). Оба этих слоя, при всех различиях в богатстве и интересах, составляли тот господствующий класс, который получил в египетских папирусах обозначение «эллины» не столько по этнической принадлежности входящих в него людей, сколько по их социальному положению и образованию, противопоставлявшему их всем «неэллинам»: малоимущему местному сельскому и городскому населению — лаой (черни).

Большую часть лаой составляли зависимые или полузависимые земледельцы, обрабатывавшие земли царя, знати и горожан на основе арендных отношений или традиционного держания. Сюда же относились и гипотелейс — работники мастерских тех отраслей производства, которые были монополией царя. Все они считались лично свободными, но были приписаны к месту своего жительства, к той или иной мастерской или профессии. Ниже их на социальной лестнице стояли только рабы.

Греко-македонское завоевание, войны диадохов, распространение полисного строя дали толчок развитию рабовладельческих отношений в их классической античной форме при сохранении и более при-

митивных форм рабства: должничества, самопродажи и т. п. Очевидно, роль рабского труда в эллинистических городах (прежде всего в быту и, вероятно, в городском ремесле) была не меньшей, чем в греческих полисах. Но в сельском хозяйстве рабский труд не смог оттеснить труд местного населения («царских земледельцев» в Египте, «царских людей» у Селевкидов), эксплуатация которого была не менее выгодной. В крупных хозяйствах знати на дарственных землях рабы исполняли административные функции, служили подсобной рабочей силой. Однако повышение роли рабовладения в общей системе социально-экономических отношений привело к усилению внеэкономического принуждения и в отношении других категорий работников.

Если формой социальной организации городского населения был полис, то сельское население объединялось в комы и катойкии с сохранением элементов общинной структуры, проследить которые можно по данным египетских папирусов и надписей из Малой Азии и Сирии. В Египте за каждой комой была закреплена традиционно сложившаяся территория; упоминается общий «царский» ток, где молотили хлеб все жители комы. Сохранившиеся в папирусах наименования сельских должностных лиц, возможно, ведут происхождение от общинной организации, но при Птолемеях они уже означали в основном не выборных лиц, а представителей местной царской администрации. К существовавшим когда-то общинным порядкам восходит и узаконенная государством принудительная литургия по ремонту и строительству оросительных сооружений. В папирусах нет сведений о собраниях жителей комы, но в надписях из Фаюма и Малой Азии встречается традиционная формула о решениях коллектива кометов по тому или иному вопросу. По сообщениям папирусов и надписей, население ком в эллинистический период было неоднородным: в них постоянно или временно жили жрецы, клерухи или катэки (военные колонисты), чиновники, откупщики, рабы, торговцы, ремес-

ленники, поденщики. Приток переселенцев, различия в имущественном и правовом положении ослабляли общинные связи.

Итак, на протяжении III в. до н. э. сформировалась социально-экономическая структура эллинистического общества, своеобразная в каждом из государств (в зависимости от местных условий), но имевшая и некоторые общие черты.

Одновременно в соответствии с местными традициями и особенностями социальной структуры в эллинистических монархиях склады-

вались система управления государственным (царским) хозяйством, центральный и местный военный, административно-финансовый и судебный аппарат, система налогового обложения, откупов и монополий; определились отношения городов и храмов с царской администрацией. Социальная стратификация населения нашла выражение в законодательном закреплении привилегий одних и повинностей других. Вместе с тем выявились и социальные противоречия, которые были обусловлены этой структурой.

ОБОСТРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ БОРЬБЫ И ЗАВОЕВАНИЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ РИМОМ

Изучение социальной структуры восточных эллинистических государств позволяет выявить характерную особенность: основная тяжесть содержания государственно-го аппарата падала на местное сельское население. Города же оказывались в сравнительно благоприятном положении, что и явилось одной из причин, способствовавших их быстрому росту и процветанию.

Иной тип социального развития имел место в Греции и Македонии. Македония также складывалась как эллинистическое государство, объединяющее в себе элементы монархии и полисного устройства. Но хотя земельные владения македонских царей были относительно обширны, здесь не было широкого слоя зависимого сельского населения (за исключением, может быть, фракийцев), за счет эксплуатации которого могли бы существовать государственный аппарат и значительная часть господствующего класса. Бремя расходов на содержание армии и строительство флота в равной мере падало на городское и сельское население. Различия между греками и македонянами, сельскими жителями и горожанами определялись их имущественным положением, линия сословно-классового деления проходила между свободными и рабами. Развитие экономики углубляло дальнейшее внедрение рабовладельческих отношений.

Для Греции эллинистическая эпоха не принесла коренных изменений в системе социально-экономических отношений. Наиболее ощутимым явлением был отток населения (преимущественно молодого и среднего возраста — воинов, ремесленников, торговцев) в Переднюю Азию и Египет. Это должно было притупить остроту социальных противоречий внутри полисов. Но непрерывные войны диадохов, падение стоимости денег в результате притока золота и серебра из Азии и повышение цен на предметы потребления разоряли прежде всего малоимущие и средние слои граждан. Оставалась нерешенной проблема преодоления полисной экономической замкнутости; попытки ее разрешения в рамках федерации не привели к экономической интеграции и консолидации союзов. В полисах, попадавших в зависимость от Македонии, устанавливалась олигархическая или тираническая форма управления, ограничивалась свобода международных сношений, в стратегически важные пункты вводились македонские гарнизоны.

Во всех полисах Греции в III в. до н. э. растут задолженность и обезземеливание малоимущих граждан и в то же время концентрация земель и богатств в руках полисной аристократии. К середине века эти процессы достигли наибольшей остроты в Спарте, где большая часть спартиатов фактиче-

ски лишилась своих наделов. Потребность в социальных преобразованиях заставила спартанского царя Агиса IV (245—241 гг. до н. э.) выступить с предложением аннулировать долги и произвести передел земли с целью увеличить число полноправных граждан. Эти реформы, обложенные в форму восстановления законов Ликурга, вызвали сопротивление эфората и аристократии. Агис погиб, но социальная обстановка в Спарте оставалась напряженной. Через несколько лет с теми же реформами выступил царь Клеомен III.

Учитывая опыт Агиса, Клеомен предварительно упрочил свое положение успешными действиями в начавшейся в 228 г. до н. э. войне с Ахейским союзом. Заручившись поддержкой армии, он сначала уничтожил эфорат и изгнал из Спарты наиболее богатых граждан, затем провел кассацию долгов и передел земли, увеличив количество граждан на 4 тыс. человек. События в Спарте вызвали брожение во всей Греции. Мантиней вышла из Ахейского союза и присоединилась к Клеомену, волнения начались и в других городах Пелопоннеса. В войне с Ахейским союзом Клеомен занял ряд городов, на его сторону перешел Коринф. Напуганное этим, олигархическое руководство Ахейского союза обратилось за помощью к царю Македонии Антигону Досону. Перевес сил оказался на стороне противников Спарты. Тогда Клеомен освободил за выкуп около 6 тыс. илотов и 2 тыс. из них включил в свою армию. Но в битве при Селасии (222 г. до н. э.) объединенные силы Македонии и ахейцев уничтожили спартанскую армию, в Спарте был введен македонский гарнизон, реформы Клеомена аннулированы.

Поражение Клеомена не могло приостановить нарастания социальных движений. Уже в 219 г. до н. э. в Спарте Хилон вновь попытался уничтожить эфорат и произвести передел имущества; в 215 г. в Мессении были изгнаны олигархи и произведен передел земли; в 210 г. в Спарте захватил власть тиран Маханид, после его гибели в войне

с Ахейским союзом спартанское государство возглавил тиран Набис, проводивший еще более радикально перераспределение земли и имущества знати, освобождение илотов и наделение землей перизков. В 205 г. была сделана попытка кассации долгов в Этолии.

К концу III в. до н. э. начинают проявляться противоречия социально-экономической структуры в восточноэллинистических державах, и прежде всего в Египте. Организация царского хозяйства Птолемеев была направлена на извлечение максимальных доходов с земель, рудников и мастерских. Система налогов и повинностей отличалась детальной разработанностью и поглощала большую часть урожая, истощая хозяйство мелких земледельцев. Разраставшийся аппарат царской администрации, откупщики и торговцы еще более усиливали эксплуатацию местного населения. Одними из форм протеста против угнетения были уход с места жительства (анахорсис), принимавший иногда массовый характер, и бегство рабов. Постепенно нарастают и более активные выступления масс. Четвертая Сирийская война и связанные с нею тяготы вызвали массовые волнения, охватившие сначала Нижний Египет и вскоре распространившиеся на всю страну. Если в наиболее эллинизированных районах Нижнего Египта правительству Птолемея IV удалось быстро достичь умиротворения, то волнения на юге Египта к 206 г. до н. э. переросли в широкое народное движение, и Фиваида более чем на два десятилетия отпала от Птолемеев. Хотя движение в Фиваиде имело черты протеста против засилья чужеземцев, его социальная направленность отчетливо прослеживается в источниках.

В Греции длившаяся более двух лет вторая Македонская война окончилась победой Рима. Демагогия римлян, использовавших традиционный лозунг «свободы» греческих полисов, привлекла на их сторону Этолийский и Ахейский союзы, и прежде всего имущие слои граждан, которые видели в римлянах силу, способную обеспечить их интересы без одиозной для демоса

монархической формы правления. Македония лишилась всех своих владений в Греции, Эгейском море и Малой Азии. Рим, торжественно объявив на Истмийских играх (196 г. до н. э.) «свободу» греческих полисов, начал распоряжаться в Греции, не считаясь с интересами бывших союзников: определял границы государств, разместил свои гарнизоны в Коринфе, Деметриаде и на Халкиде, вмешивался во внутреннюю жизнь полисов. «Освобождение» Греции было первым шагом в распространении римского господства в Восточном Средиземноморье, началом нового этапа в истории эллинистического мира.

Следующим не менее важным событием была так называемая Сирийская война Рима с Антиохом III. Упрочив свои границы Восточным походом 212—204 гг. до н. э. и победой над Египтом, Антиох начал расширять свои владения в Малой Азии и Фракии за счет полисов, освобожденных римлянами от власти Македонии, что привело к столкновению с Римом и его греческими союзниками Пергамом и Родосом. Война закончилась разгромом войск Антиоха и потерей Селевкидами малоазийских территорий.

Победа римлян и их союзников над крупнейшей из эллинистических держав — царством Селевкидов — коренным образом изменила политическую ситуацию: уже ни одно из эллинистических государств не могло претендовать на гегемонию в Восточном Средиземноморье. Последующая политическая история эллинистического мира — это история постепенного подчинения одной страны за другой римскому господству. Предпосылками этого являются, с одной стороны, тенденции экономического развития античного общества, требовавшие установления более тесных и устойчивых связей между Западным и Восточным Средиземноморьем, с другой — противоречия во внешнеполитических взаимоотношениях и внутренняя социально-политическая неустойчивость эллинистических государств. Начался процесс активного проникновения римлян на Восток и приспособле-

ния восточных экономических центров к новой ситуации. Военная и экономическая экспансия римлян сопровождалась массовым порабощением военнопленных и интенсивным развитием рабовладельческих отношений в Италии и в завоеванных областях.

Эти явления во многом определяли внутреннюю жизнь эллинистических государств. Обостряются противоречия в верхах эллинистического общества — между слоями городской знати, заинтересованной в расширении товарного производ-

Головка Афродиты.
Мрамор. III в. до н. э.

ства, торговли и рабовладения, и знати, связанной с царским административным аппаратом и храмами и жившей за счет традиционных форм эксплуатации сельского населения. Столкновение интересов выливалось в дворцовые перевороты, династические войны, городские восстания, в требования полной автономии городов от царской власти. Борьба в верхах сливалась иногда с борьбой народных масс против налогового гнета, ростовщичества и порабощения, и тогда династические войны перерастали в своего рода гражданские войны.

Немалую роль в разжигании династической борьбы внутри элли-

нистических государств и в столкновении их между собой играла римская дипломатия. Так, накануне третьей Македонской войны (171 — 168 гг. до н. э.) римлянам удалось добиться почти полной изоляции Македонии. Несмотря на попытки царя Македонии Персея привлечь на свою сторону греческие полисы путем демократических реформ (он объявил о кассации государственных долгов и возвращении изгнанников), к нему присоединились только Эпир и Иллирия. После разгрома македонской армии при Пидне римляне разделили Македонию на четыре изолированных округа, запретили разработку рудников, добычу соли, вывоз леса (это стало монополией римлян), а также покупку недвижимости и заключенные браки между жителями разных округов. В Эпире римляне разрушили большую часть городов и продали в рабство более 150 тыс. жителей, в Греции произвели пересмотр границ полисов.

Расправа с Македонией и Эпиром, вмешательство во внутренние дела греческих полисов вызвали открытые выступления против римского господства: восстание Андриска в Македонии (149—148 гг. до н. э.) и восстание Ахейского союза (146 г. до н. э.), жестоко подавленные римлянами. Македония была превращена в римскую провинцию, союзы греческих полисов распущены, установлена олигархия. Масса населения была вывезена и продана в рабство, Эллада пришла в состояние обнищания и запустения.

Пока Рим был занят подчинением Македонии, началась война между Египтом и царством Селевкидов. В 170 г., а затем в 168 г. до н. э. Антиох IV совершил походы в Египет, захватил Мемфис и осадил Александрию, но вмешательство Рима заставило его отказаться от своих намерений. Тем временем в Иудее вспыхнуло восстание, вызванное повышением налогов. Антиох, подавив его, построил в Иерусалиме крепость Акру и оставил там гарнизон, власть в Иудее была закреплена за «эллинистами», иудейская религия запрещена, введен культ греческих божеств. Эти

репрессии вызвали в 166 г. до н. э. новое восстание, переросшее в народную войну против господства Селевкидов. В 164 г. до н. э. повстанцы во главе с Иудой Маккавеем взяли Иерусалим и осадили Акру. Иуда Маккавей присвоил себе сан верховного жреца, распределил жреческие должности независимо от знатности и конфисковал имущество эллинистов. В 160 г. до н. э. Деметрий I разбил Иуду Маккавея и ввел свои гарнизоны в иудейские города. Но борьба иудеев не прекратилась.

После вторжения Антиоха в Египте возникли восстание в номах Среднего Египта, возглавленное Дионисом Петосарapisом (подавленное в 165 г.), и восстание в Панополе. В это же время начались династические войны, ставшие особенно ожесточенными в конце II в. до н. э. Экономическое положение в стране было очень тяжелым. Пустовала значительная часть земель, правительство, чтобы обеспечить их обработку, ввело принудительную аренду. Жизнь большей части лаой, даже с точки зрения царской администрации, была нищенской. Официальные и частно-правовые документы того времени свидетельствуют об анархии и произволе, царивших в Египте: анахоресис, неуплата налогов, захват чужих земель, виноградуников и имущества, присвоение храмовых и государственных доходов частными лицами, закабаление свободных—все эти явления приобрели массовый характер. Местная администрация, строго организованная и при первых Птолемах зависевшая от центральной власти, превратилась в неуправляемую силу, заинтересованную в личном обогащении. От ее алчности правительство вынуждено было специальными указами—так называемыми декретами человеколюбия—ограждать земледельцев и ремесленников, связанных с царским хозяйством, чтобы получить с них свою долю доходов. Но декреты могли лишь временно или частично приостановить упадок системы государственного хозяйства Птолемеев.

Усмирив Грецию и Македонию, Рим начал наступление на государ-

ства Малой Азии. Римские торговцы и ростовщики, проникая в экономику государств Малой Азии, все более подчиняли внутреннюю и внешнюю политику этих государств интересам Рима. В наиболее тяжелом положении оказался Пергам, где обстановка была столь напряженной, что Аттал III (139—123 г. до н. э.), не надеясь на устойчивость существующего режима, завещал свое царство Риму. Но ни этот акт, ни реформа, которую пыталась провести зять после его смерти, не смогли предотвратить народного движения, охватившего всю страну и направленного против римлян и местной знати. Более трех лет (132—129 г. до н. э.) восставшие земледельцы, рабы и неполноправное население городов под руководством Аристоника оказывали сопротивление римлянам. После подавления восстания Пергам был превращен в провинцию Азии.

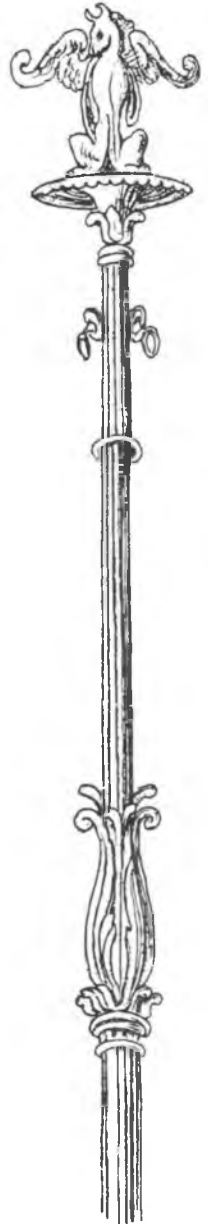
Нарастает неустойчивость в государстве Селевкидов. Вслед за Иудеей сепаратистские тенденции проявляются и в восточных сатрапиях, которые начинают ориентироваться на Парфию. Попытка Антиоха VII Сидета (138—129 г. до н. э.) восстановить единство державы окончилась поражением и его гибелью. Это привело к отпадению Вавилонии, Персии и Мидии, перешедших под власть Парфии или местных династов. В начале I в. до н. э. самостоятельными становятся Коммагена и Иудея.

Ярким выражением этого кризиса была острейшая династическая борьба. За 35 лет на троне сменилось 12 претендентов, нередко одновременно правили два или три царя. Территория государства Селевкидов сократилась до пределов собственно Сирии, Финикии, Келесирии и части Киликии. Крупные города стремились получить полную автономию или даже независимость (тирании в Библе, Тире, Сидоне и др.). В 64 г. до н. э. царство Селевкидов было присоединено к Риму как провинция Сирия.

В I в. до н. э. очагом сопротивления римской агрессии стало Понтийское царство, которое при Митридате VI Эвпаторе (120—63 г. до

н. э.) распространило свою власть почти на все побережье Черного моря. В 89 г. до н. э. Митридат Эвпатор начал войну с Римом, его выступление и демократические реформы нашли поддержку населения Малой Азии и Греции, разоряемого римскими ростовщиками и публиканами. По приказу Митридата в один день в Малой Азии было перебито 80 тыс. римлян. К 88 г. он без особого труда занял почти всю Грецию. Однако успехи Митридата были недолговременны. Его приход не внес улучшений в жизнь греческих полисов, римлянам удалось нанести ряд поражений понтийскому войску, а последовавшие затем социальные мероприятия Митридата — кассация долгов, раздел земель, предоставление гражданства метекам и рабам — лишили его поддержки среди зажиточных слоев граждан. В 85 г. Митридат вынужден был признать себя побежденным. Он еще дважды — в 83—81 и 73—63 г. до н. э. пытался, опираясь на антиримские настроения, приостановить проникновение римлян в Малую Азию, но расстановка социальных сил и тенденции исторического развития предопределили поражение понтийского царя.

Когда в начале I в. до н. э. владения Рима вплотную подступили к границам Египта, царство Птолемеев по-прежнему сотрясали династические распри и народные движения. Около 88 г. до н. э. снова вспыхнуло восстание в Фиваиде, только через три года оно было подавлено Птолемеем IX, разрушившим центр восстания — Фивы. В последующие 15 лет имели место волнения в нотах Среднего Египта — в Гермополе и дважды в Герраклеополе. В Риме неоднократно обсуждался вопрос о подчинении Египта, однако сенат не решался начать войну против этого еще сильного государства. В 48 г. до н. э. Цезарь после восьмимесячной войны с александрийцами ограничился присоединением Египта в качестве союзного царства. Только после победы Августа над Антонием Александрия примирилась с неизбежностью подчинения римскому господству, и в 30 г. до н. э.

Саркофаг Артемидора с портретом в технике зикаустики. Файюм. II в. н. э.

римляне почти без сопротивления вступили в Египет. Рухнуло последнее крупное государство.

Эллинистический мир как политическая система был поглощен Римской империей, но элементы социально-экономической структуры, сложившиеся в эллинистическую эпоху, оказали огромное воздействие на развитие Восточного Средиземноморья в последующие века и определили его специфику. В эпоху эллинизма был сделан новый шаг в развитии производительных сил, возник тип государства — эллинистические царства, соединявшие в себе черты восточной деспотии с полисной организацией городов; произошли существенные изменения в стратификации населения, достигли большой напряженности внутренние социально-политические противоречия. Во II—I вв. до н. э., вероятно впервые в истории, социальная борьба приобрела столь многообразные формы: бегство рабов и анахоресис жителей комы, восстания племен, волнения и мятежи в городах, религиозные войны, дворцовые перевороты и династические войны, кратковременные волнения в номах и длительные народные движения, в которых участвовали разные слои населения, в том числе рабы, и даже рабские восстания, носившие, правда, локальный характер (около 130 г. до н. э. восстание на Делосе привезенных на продажу рабов и восстания в Лаврийских рудниках в Афинах около 130 и в 103/102 г. до н. э.).

В период эллинизма теряют прежнее значение этнические различия между греками и македонянами, а этническое обозначение «эллины» приобретает социальное

содержание и распространяется на те слои населения, которые по социальному положению могут получить образование по греческому образцу и вести соответствующий образ жизни независимо от их происхождения. Этот социально-этнический процесс нашел отражение в выработке и распространении единого греческого языка, так называемого койне, ставшего языком эллинистической литературы и официальным языком эллинистических государств.

Изменения в экономической, социальной и политической сферах сказались в изменении социально-психологического облика человека эллинистической эпохи. Неустойчивость внешней и внутренней политической обстановки, разорение, порабощение одних и обогащение других, развитие рабства и работорговли, перемещения населения из одной местности в другую, из сельских поселений в город и из города в хору — все это вело к ослаблению связей внутри гражданского коллектива полиса, общинных связей в сельских поселениях, к росту индивидуализма. Полис уже не может гарантировать свободу и материальное благополучие гражданина, начинают приобретать большое значение личные связи с представителями царской администрации, покровительство власть имущим. Постепенно от одного поколения к другому идет психологическая перестройка, и гражданин полиса превращается в подданного царя не только по формальному положению, но и по политическим убеждениям. Все эти процессы в той или иной мере оказали влияние на формирование эллинистической культуры.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Важнейшим наследием эллинистического мира была культура, получившая широкое распространение на периферии эллинистического мира и оказавшая огромное влияние на развитие римской культуры (особенно восточных римских провинций), а также на культуру других народов древности и средневековья.

эллинистическая культура не была единообразной, в каждой области она формировалась в результате взаимодействия местных устойчивых традиционных элементов культуры с культурой, принесенной завоевателями и переселенцами, греками и негреками. Сочетание этих элементов, формы синтеза определялись воздействием мно-

гих обстоятельств: численным соотношением различных этнических групп (местных и пришлых), уровнем их культуры, социальной организацией, условиями экономической жизни, политической обстановкой и так далее,—специфических для данной местности. Даже при сопоставлении крупных эллинистических городов—Александрии, Антиохии на Оронте, Пергама, Пеллы и др., где греко-македонское население играло ведущую роль, отчетливо заметны особые для каждого города черты культурной жизни; тем яснее выступают они во внутренних областях эллинистических государств.

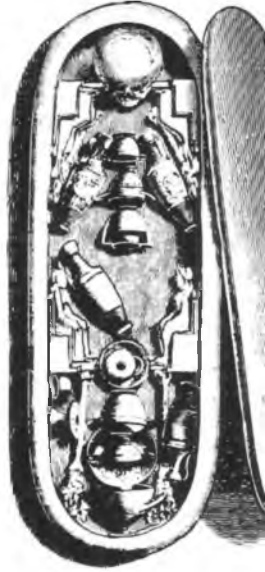
Однако эллинистическую культуру можно рассматривать как цельное явление: всем ее местным вариантам свойственны некоторые общие черты, обусловленные, с одной стороны, обязательным участием в синтезе элементов греческой культуры, с другой—сходными тенденциями социально-экономического и политического развития общества на всей территории эллинистического мира. Развитие городов, товарно-денежных отношений, торговых связей в Средиземноморье и Передней Азии во многом определяло формирование материальной и духовной культуры в период эллинизма. Образование эллинистических монархий в сочетании с полисной структурой способствовало возникновению новых правовых отношений, нового социально-психологического облика человека, нового содержания его идеологии. В эллинистической культуре более выпукло, чем в классической греческой, выступают различия в содержании и характере культуры эллинизированных верхних слоев общества и городской и сельской бедноты, в среде которой устойчивее сохранялись местные культурные традиции.

Одним из стимулов формирования эллинистической культуры стало распространение эллинского образа жизни и эллинской системы образования. В полисах и в восточных городах, получавших статус полиса, возникали гимнасии с палестрами, театры, стадионы и ипподромы; даже в небольших поселени-

ях, не имевших полисного статуса, но заселенных клерухами, ремесленниками и прочими выходцами с Балканского п-ова и побережья Малой Азии, появлялись греческие учителя и гимнасии.

Много внимания обучению молодежи, а следовательно, и сохранению основ эллинской культуры уделялось в исконно греческих городах. Система образования, как ее характеризуют авторы эллинистического времени, состояла из двух-трех ступеней в зависимости от экономического и культурного потенциала полиса. Мальчиков начиная с 7-летнего возраста обучали частные учителя или в общественных школах чтению, письму, счету, рисованию, гимнастике, знакомили их с мифами, поэмами Гомера и Гесиода: слушая и заучивая эти произведения, дети усваивали основы полисного этического и религиозного мировоззрения. Дальнейшее образование молодежи происходило в гимнасиях. С 12 лет подростки обязаны были посещать палестру (школу физической подготовки), чтобы овладеть искусством пентатлона (пятиборья, включавшего бег, прыжки, борьбу, метание диска и копья), и одновременно грамматическую школу, где они изучали сочинения поэтов, историков и логографов, геометрию, начала астрономии, обучались игре на музыкальных инструментах; 15—17-летние юноши слушали лекции по риторике, этике, логике, философии, математике, астрономии, географии, обучались верховой езде, кулачному бою, началам военного дела. В гимнасии же продолжали свое образование и физическую тренировку эфебы—юноши, достигшие совершеннолетия и подлежавшие призыву на военную службу.

Вероятно, этот же объем знаний с теми или иными местными вариациями получали мальчики и юноши в полисах восточноэллинистических держав. За работой школ, подбором учителей, поведением и успехами учащихся строго следили гимнасиарх и выборные лица из граждан полиса; расходы на содержание гимнасия и учителей производились из полисной казны, ино-

*Портрет мужчины
из палестры на о-ве
Делос. Бронза.
II в. до н. э.*

*Афродита, Эрот и
Пан. Скульптурная
группа с о-ва Де-
лос. Мрамор. Около
100 г. до н. э.*

гда на эти цели поступали дарственные суммы от лэвергетов» (благодетелей) — граждан и царей.

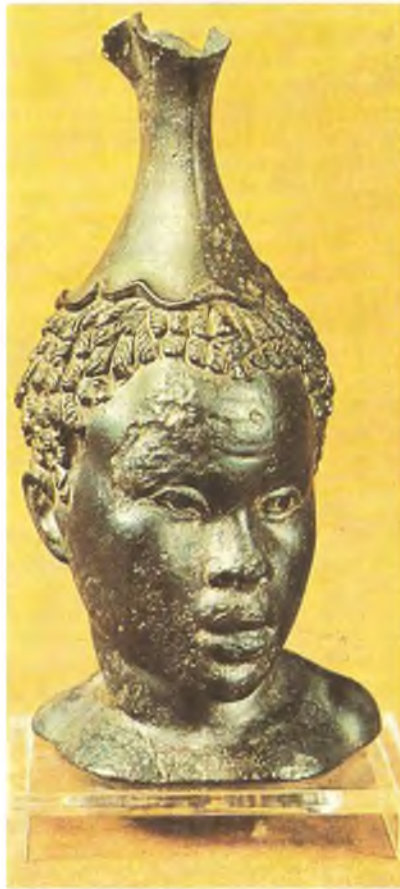
Гимнасии были не только учреждениями для обучения молодежи, но и местом состязаний в пятиборье и центром повседневной культурной жизни. Каждый гимнасий представлял собой комплекс помещений, включавший палестру, т. е. открытую площадку для тренировки и состязаний с примыкающими к ней помещениями для натирания маслом и мытья после упражнений (теплые и холодные бани), портики и экседры для занятий, бесед, лекций, где выступали местные и приезжие философы, ученые и поэты.

Важным фактором в распространении эллинистической культуры были многочисленные празднества — традиционные и вновь возникавшие — в старых религиозных центрах Греции и в новых полисах и столицах эллинистических царств. Так, на Делосе помимо традиционных Аполлоний и Дионисий устраивались специальные — в честь «благодетелей» — Антигонидов, Птолемеев, этолийцев. Приобрели известность празднества в Феспиях (Беотия) и Дельфах, на о-ве Кос, в Милете и Магнесии (Малая Азия). Праздновавшиеся в Александрии Птолемеи по своему масштабу приравнялись к Олимпийским. Непременными элементами этих празднеств кроме религиозных обрядов и жертвоприношений были торжественные шествия, игры и состязания, театральные представления и угощения. Источники сохранили описание грандиозного празднества, устроенного в 165 г. до н. э. Антиохом IV в Дафне (возле Антиохии), где находилась священная роща Аполлона и Артемиды: в торжественном шествии, открывавшем праздник, участвовали пешие и конные воины (около 50 тыс.), колесницы и слоны, 800 юношей в золотых венках и 580 женщин, сидевших в отделанных золотом и серебром носилках; везли бесчисленное количество богато украшенных статуй богов и героев; многие сотни рабов несли золотые и серебряные предметы, слоновую кость. В описании уло-

минаются 300 жертвенных столов и тысяча откормленных быков. Торжества длились 30 дней, в течение их шли гимнастические игры, единоборства, театральные представления, устраивались охоты и пиры на тысячу и полторы тысячи человек. На такие празднества стекались участники со всех концов эллинистического мира.

Не только уклад жизни, но и весь облик эллинистических городов способствовал распространению и дальнейшему развитию культуры нового типа, обогащавшейся за счет местных элементов и отражавшей тенденции развития современного ей общества. Архитектура эллинистических полисов продолжала греческие традиции, но наряду с сооружением храмов большое внимание уделялось гражданскому строительству театров, гимнасиев, булевтериев, дворцов. Внутреннее и внешнее оформление зданий стало богаче и разнообразнее, широко использовались портики и колонны, колоннадой обрамляли отдельные сооружения, агору, а иногда и главные улицы (портики Антигона Гоната, Аттала на Делосе, на главных улицах Александрии). Цари строили и восстанавливали множество храмов греческим и местным божествам. Из-за большого объема работ и недостатка средств строительство растягивалось на десятки и сотни лет.

Наиболее грандиозными и красивыми считались Сарапеем в Александрии, построенный Пармениском в III в. до н. э., храм Аполлона в Дидиме, возле Милета, строительство которого началось в 300 г. до н. э., продолжалось около 200 лет и не было закончено, храм Зевса в Афинах (начат в 170 г. до н. э., закончен в начале II в. н. э.) и храм Артемиды в Магнесии на Меандре архитектора Гермогена (начат на рубеже III и II вв., закончен в 129 г. до н. э.). Одновременно так же медленно сооружались и реставрировались храмы местных божеств — храм Гора в Эдфу, богини Хатхор в Дендера, Хнума в Эсне, Исиды на о-ве Филы, Эсагил в Вавилоне, храмы бога Набу, сына Мардука, в Борсиппе и Уруке. Храмы греческих богов строились

по классическим канонам, с небольшими отклонениями. В архитектуре храмов восточных богов соблюдаются традиции древних египетских и вавилонских зодчих, эллинистические влияния прослеживаются в отдельных деталях и в надписях на стенах храмов.

Спецификой эллинистического периода можно считать появление нового типа общественных зданий — библиотеки (в Александрии, Пергаме, Антиохии и др.), Мусейона (в Александрии, Антиохии) и специфических сооружений — Фаросского маяка и Башни ветров в Афинах с флюгером на крыше, солнечными часами на стенах и водяными часами внутри ее. Раскопки в Пергаме позволили воспроизвести структуру здания библиотеки. Она находилась в центре Акрополя, на площади возле храма Афины. Фасад здания представлял собой двухэтажный портик с двой-

Бронзовый сосуд
в форме головы не-
гра. Около 100 г.
до н. э.

ным рядом колонн, нижним портик упирался в опорную стену, примыкавшую к крутому склону холма, а на втором этаже позади портика, использовавшегося как своего рода читальный зал, находились четыре закрытых помещения, служившие хранилищем для книг, т. е. папирусных и пергаментных свитков, на которых в древности записывались художественные и научные произведения.

Крупнейшей библиотекой в древности считалась Александрийская, здесь работали выдающиеся ученые и поэты — Евклид, Эратосфен, Феокрит и др., сюда свозились книги из всех стран античного мира, и в I в. до н. э. она, по преданию, насчитывала около 700 тыс. свитков. Описаний здания Александрийской библиотеки не сохранилось, по-видимому, она входила в комплексе Мусейона. Мусейон был частью дворцовых сооружений, помимо самого храма ему принадлежала большой дом, где находились столовая для ученых, состоявших при Мусейоне, эсседра — крытая галерея с сиденьями для занятий — и место для прогулок. Сооружение общественных зданий, служивших центрами научной работы или применения научных знаний, можно рассматривать как признание возросшей роли науки в практической и духовной жизни эллинистического общества.

Сопоставление накопленных в греческом и восточном мире научных знаний породило потребность в их классификации и дало стимул дальнейшему прогрессу науки. Особое развитие получают математика, астрономия, ботаника, география, медицина. Синтезом математических знаний древнего мира можно считать труд Евклида «Элементы» (или «Начала»). Постулаты и аксиомы Евклида и дедуктивный метод доказательств служили в течение веков основой для учебников геометрии. Работы Аполлония из Перги о конических сечениях положили начало тригонометрии. С именем Архимеда Сиракузского связаны открытие одного из основных законов гидростатики, важные положения механики и многие технические изобретения.

Существовавшие до греков в Вавилонии при храмах наблюдения астрономических явлений и труды вавилонских ученых V—IV вв. до н. э. Кидена (Кидинну), Набуриана (Набуриманну), Судина оказали влияние на развитие астрономии в эллинистический период. Аристарх из Самоса (310—230 гг. до н. э.) выдвинул гипотезу, что Земля и планеты вращаются вокруг Солнца по круговым орбитам. Селевк Халдейский пытался обосновать это положение. Гипсарх из Никеи (146—126 гг. до н. э.) открыл (или повторил за Кидинну?) явление прецессии равноденствий, установил продолжительность лунного месяца, составил каталог 805 неподвижных звезд с определением их координат и разделил их на три класса по яркости. Но он отклонил гипотезу Аристарха, ссылаясь на то, что круговые орбиты не соответствуют наблюдаемому движению планет, и его авторитет способствовал утверждению геоцентрической системы в античной науке.

Походы Александра Македонского значительно расширили географические представления греков. Пользуясь накопленными сведениями, Дикеарх (около 300 г. до н. э.) составил карту мира и вычислил высоту многих гор Греции. Эратосфен из Кирены (275—200 гг. до н. э.), исходя из представления о шарообразности Земли, вычислил ее окружность в 252 тыс. стадий (ок. 39 700 км), что очень близко к действительной (40 075,7 км). Он же утверждал, что все моря составляют единый океан и что можно попасть в Индию, плывя вокруг Африки или на запад от Испании. Его гипотезу поддержал Посидоний из Апамеи (136—51 гг. до н. э.), изучавший приливы и отливы Атлантического океана, вулканические и метеорологические явления и выдвинувший концепцию пяти климатических поясов Земли. Во II в. до н. э. Гиппал открыл муссоны, практическое значение которых показал Эвдокс из Кизика, проплыв в Индию через открытое море. Многочисленные не дошедшие до нас сочинения географов послужили источником для

Верхняя часть статуэтки актера в трагической маске. Терракота. II — начало I в. до н. э.

сводной работы Страбона «География в 17 книгах», законченной им около 7 г. н. э. и содержащей описание всего известного к тому времени мира — от Британии до Индии.

Феофраст, ученик и преемник Аристотеля в школе перипатетиков, по образцу аристотелевской «Истории животных» создал «Историю растений», в которой систематизировал накопленные к началу III в. до н. э. знания в области ботаники. Последующие работы античных ботаников внесли суще-

ственные дополнения лишь в изучение лекарственных растений, что было связано с развитием медицины. В области медицинских знаний в эллинистическую эпоху существовали два направления: «догматическое» (или «книжное»), выдвигавшее задачу умозрительного познания природы человека и скрытых в нем недугов, и эмпирическое, ставившее целью изучение и врачевание конкретного заболевания. В изучение анатомии человека большой вклад внес работавший в Александрии Герофил Халкедонский (III в. до н. э.). Он писал о наличии нервов и установил их связь с мозгом, высказал гипотезу,

что с мозгом связаны и мыслительные способности человека; он считал также, что по сосудам циркулирует кровь, а не воздух, т. е. фактически пришел к мысли о кровообращении. Очевидно, его выводы основывались на практике анатомирования трупов и опыте египетских врачей и мумификаторов. Не меньшей известностью пользовался Эрасистрат с о-ва Кеос (III в. до н. э.). Он различал двигательные и чувствительные нервы, изучал анатомию сердца. Оба они умели делать сложные операции и имели свои школы учеников. Гераклид Тарентский и другие врачи-эмпирики большое внимание уделяли изучению лекарств.

Даже краткий перечень научных достижений говорит о том, что наука приобретает большое значение в эллинистическом обществе. Это проявляется и в том, что при дворах эллинистических царей (для повышения их престижа) создаются мусейоны и библиотеки, ученым, писателям и поэтам предоставляются условия для творческой работы. Но материальная и моральная зависимость от царского двора налагала отпечаток на форму и содержание их произведений. И не случайно скептик Тимон называл ученых и поэтов александрийского Мусейона «откормленными курами в курятнике».

Научная и художественная литература эллинистической эпохи была обширна (но сохранилось сравнительно немного произведений). Продолжали разрабатываться традиционные жанры — эпос, трагедия, комедия, лирика, риторическая и историческая проза, но появились и новые — филологические исследования (например, Зенодота Эфесского о подлинном тексте поэмы Гомера и т. п.), словари (первый греческий лексикон составлен Филетом Косским около 300 г. до н. э.), биографии, переложения в стихах научных трактатов, эпистолография и др. При дворах эллинистических царей процветала утонченная, но лишенная связи с повседневной жизнью поэзия, образцами которой были идилли и гимны Каллимаха из Кирены (310—245 гг. до н. э.), Арата из Сол

Статуэтка Афродиты с о-ва Родос. Мрамор. II в. до н. э.

(III в. до н. э.), эпическая поэма «Аргонавтика» Аполлония Родосского (III в. до н. э.) и др.

Более жизненный характер имели эпиграммы, в них давалась оценка произведений поэтов, художников, зодчих, характеристика отдельных лиц, описание бытовых и эротических сценок. Эпиграмма отражала чувства, настроения и размышления поэта, лишь в римскую эпоху она становится преимущественно сатирической. Наибольшей известностью в конце IV — начале III в. до н. э. пользовались эпиг-

раммы Асклепиада, Посидиппа, Леоида Тарентского, а во II—I вв. до н. э. — эпиграммы Антипатра Сидонского, Мелеагра и Филодема из Гадары.

Крупнейшим лирическим поэтом был Феокрит из Сиракуз (род. в 300 г. до н. э.), автор буколических (пастушеских) идиллий. Этот жанр возник в Сицилии из состязания пастухов (буколов) в исполнении песен или четверостиший. В своих буколиках Феокрит создал реалистические описания природы, живые образы пастухов, в других его

*Часть фриза алтаря
Зевса в Пергаме.
Около 180 г. до н. э.*

идиллиях даны зарисовки сцен городской жизни, близкие к мимам, но с лирической окраской.

Если эпос, гимны, идиллии и даже эпиграммы удовлетворяли вкусы привилегированных слоев эллинистического общества, то интересы и вкусы широких слоев населения находили отражение в таких жанрах, как комедия и мим. Из авторов возникшей в конце IV в. до н. э. в Греции «новой комедии», или «комедии нравов», сюжетом которой стала частная жизнь граждан, наибольшей популярностью пользовался Менаандр (342—291 гг. до н. э.). Его творчество приходится на период борьбы диадохов. Политическая неустойчивость, частая смена олигархических и демократических режимов, бедствия, обусловленные военными действиями на территории Эллады, разорение одних и обогащение других—все это вносило смятение в морально-этические представления граждан, подрывало основы полисной идеологии. Растет неуверенность в завтрашнем дне, вера в судьбу. Эти настроения и нашли отражение в «новой комедии». О популярности Менаандра в эллинистическую и позднее в римскую эпоху говорит тот факт, что многие его произведения—«Третейский суд», «Самиянка», «Остриженная», «Ненавистный» и др.—сохранились в папирусах II—IV вв. н. э., найденных в периферийных городах и комах Египта. «Живучесть» произведений Менаандра обусловлена тем, что он не только выводил в своих комедиях типичные для его времени персонажи, но и подчеркивал их лучшие черты, утверждал гуманистическое отношение к каждому человеку независимо от его положения в обществе, к женщинам, чужестранцам, рабам.

Мим издавна существовал в Греции наряду с комедией. Часто это была импровизация, которую исполнял на площади или в частном доме во время пира актер (или актриса) без маски, изображая мимикой, жестом и голосом разных действующих лиц. В эллинистическую эпоху этот жанр стал особенно популярен. Однако тексты, кро-

ме принадлежавших Героду, до нас не дошли, а сохранившиеся в папирусах мимы Герода (III в. до н. э.), написанные на устаревшем к тому времени эолийском диалекте, не были предназначены для широкой публики. Тем не менее они дают представление о стиле и содержании такого рода произведений. В написанных Геродом сценках изображены сводница, содержатель публичного дома, сапожник, ревнивая госпожа, истязавшая своего раба-любовника, и другие персонажи.

Колоритна сценка в школе: бедная женщина, жалующаяся на то, как трудно ей платить за обучение сына, просит учителя выпороть ее бездельника-сына, занимающегося вместо учебы игрой в кости, что весьма охотно учитель делает с помощью учеников.

В отличие от греческой литературы V—IV вв. до н. э. художественная литература эллинистического периода не касается широких общественно-политических проблем своего времени, ее сюжеты ограничиваются интересами, моралью и бытом узкой социальной группы. Поэтому многие произведения быстро утратили свою общественную и художественную значимость и были забыты, лишь некоторые из них оставили след в истории культуры.

Образы, темы и настроения художественной литературы находят параллели в изобразительном искусстве. Продолжает развиваться монументальная скульптура, предназначенная для площадей, храмов, общественных сооружений. Для нее характерны мифологические сюжеты, грандиозность, сложность композиции. Так, Родосский колосс—бронзовая статуя Гелиоса, созданная Хересом из Линды (III в. до н. э.),—достигал высоты 35 м и считался чудом искусства и техники. Изображение битвы богов и гигантов на знаменитом (длиной более 120 м) фризе алтаря Зевса в Пергаме (II в. до н. э.), состоящее из множества фигур, отличается динамичностью, выразительностью и драматизмом. В раннехристианской литературе Пергамский алтарь именовался «храмом сатань».

Складываются родосская, пергамская и александрийская школы ваятелей, продолжавшие традиции Лисиппа, Скопаса и Праксителя. Шедеврами эллинистической монументальной скульптуры считаются изваянная родосцем Евтихидом статуя богини Тихе (Судьбы), покровительницы города Антиохии, изваянная Александром «Афродита с острова Мелос» («Венера Милосская»), «Нике с острова Самофракия» и «Афродита Анадиомена» из Кирены неизвестных авторов. Подчеркнутый драматизм скульптур-

ческим художественным традициям и дают представление о мастерстве художников и реальном облике запечатленных на них жителей Египта.

Очевидно, те же настроения и вкусы, которые породили буколическую идиллию Феокрита, эпиграммы, «новую комедию» и мимы, нашли отражение в создании реалистических скульптурных образов старых рыбаков, пастухов, терракотовых фигурок женщин, крестьян, рабов, в изображении комедийных персонажей, бытовых

Смерть Лаокоона и его сыновей. Скульпторы Агесандр, Полидор и Афинодор. Мрамор. I в. до н. э.

Статуэтка Афродиты Анадиомены из Кирены. II—I вв. до н. э.

Галл, убивающий себя и свою жену. Мрамор. Римская копия с пергамского бронзового оригинала конца III в. до н. э.

Умирающий галл (галат). Римская копия с эллинистического оригинала III в. до н. э.

ных изображений, характерный для пергамской школы, присущ такому скульптурным группам, как «Лаокоон», «Фарнезский бык» (или «Дирка»), «Умирающий галл», «Галл, убивающий жену». Высокого мастерства достигли портретная скульптура (образцом ее является «Демосфен» Полиевкта, около 280 г. до н. э.) и портретная живопись, о которой можно судить по портретам из Фаюма. Хотя дошедшие до нас фаюмские портреты относятся к римскому времени, они несомненно восходят к эллинисти-

чен, сельского пейзажа, в мозаике и росписи стен. Влияние эллинистического изобразительного искусства можно проследить и в традиционной египетской скульптуре (в рельефах гробниц, статуях Птолемеев), и позднее в парфянском и кушанском искусстве.

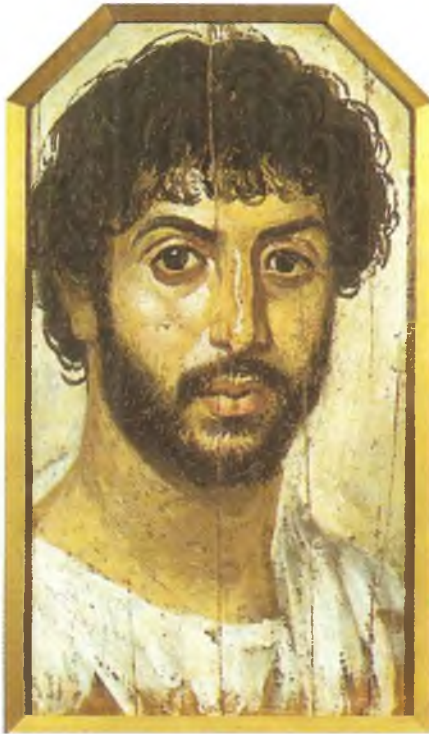
В исторических и философских сочинениях эпохи эллинизма раскрывается отношение человека к обществу, политическим и социальным проблемам своего времени. Сюжетами исторических сочинений часто служили события недавнего

прошлою; по своей форме произведения многих историков стояли на грани художественной литературы: изложение искусно драматизировалось, использовались риторические приемы, рассчитанные на эмоциональное воздействие в определенном плане. В таком стиле писали историю Александра Македонского Каллисфен (конец IV в. до н. э.) и Клитарх Александрийский (середина III в. до н. э.), историю греков Западного Средиземноморья — Тимей из Тавромения (середина III в. до н. э.), историю Греции с 280 по 219 г. до н. э. — Филарх, сторонник реформ Клеомена (конец III в. до н. э.). Другие историки придерживались более строгого и сухого изложения фактов — в этом стиле выдержаны дошедшие во фрагментах история походов Александра, написанная Птолемеем I (после 301 г. до н. э.), история периода борьбы диадохов Гиерони́ма из Кардии (середина III в. до н. э.) и др. Для историографии II—I вв. до н. э. характерен интерес к всеобщей истории, к этому жанру принадлежали труды Полибия, Посидония из Апамеи, Николая Дамасского, Агатархида Книдского. Но продолжала разрабатываться и история отдельных государств, изучались хроники и декреты греческих полисов, возрос интерес к истории восточных стран. Уже в начале III в. до н. э. появились написанные на греческом языке местными жрецами-учеными история фараоновского Египта Манефона и история Вавилонии Бероса, позднее Аполлодор из Артемиды написал историю парфян. Появлялись исторические сочинения и на местных языках, например «Книги Маккавеев» о восстании Иудеи против Селевкидов.

На выбор темы и освещение событий авторами, несомненно, влияли политические и философские теории современной им эпохи, но выявить это трудно: большинство исторических сочинений дошло до потомков во фрагментах или пересказе поздних авторов. Лишь сохранившиеся книги из «Всеобщей истории в 40 книгах» Полибия дают представление о методах исторического исследования и харак-

терных для того времени историко-философских концепциях. Полибий ставит перед собой цель — объяснить, почему и каким образом весь известный мир оказался под властью римлян. Определяющую роль в истории играет, по мнению Полибия, судьба: это она — Тихе — насильственно слила

*Портрет мужчины.
Лен, темпера. Фаюм.
I в. н. э.*

*Портрет мужчины
с бородой. Дерево,
энкаустика и тем-
пера. Фаюм. Сер-
едина II в. н. э.*

историю отдельных стран во всемирную историю, даровала римлянам мировое владычество. Ее власть проявляется в причинной связи всех событий. Вместе с тем Полибий отводит большую роль человеку, выдающимся личностям. Он стремится доказать, что римляне создали могущественную державу благодаря совершенству своего государства, сочетавшего в себе элементы монархии, аристократии и демократии, и благодаря мудрости и моральному превосходству их политических деятелей. Идеализируя римский государственный строй, Полибий стремится примирить своих сограждан с неизбежностью подчинения Риму и утратой политической самостоятельности греческих полисов. Появление таких концепций говорит о том, что политические воззрения эллинистического общества далеко отошли от полисной идеологии.

Еще более отчетливо это проявляется в философских учениях. Школы Платона и Аристотеля, отражавшие мировоззрение гражданского коллектива классического города-государства, теряют свою прежнюю роль. Одновременно возрастает влияние существовавших уже в IV в. до н. э. течений киников и скептиков, порожденных кризисом полисной идеологии. Однако преимущественным успехом в эллинистическом мире пользовались возникшие на рубеже IV и III вв. до н. э. учения стоиков и Эпикура, вобравшие в себя основные черты мировоззрения новой эпохи. К школе стоиков, основанной в 302 г. до н. э. в Афинах Зеноном с о-ва Кипр (около 336—264 гг. до н. э.), принадлежали многие крупные философы и ученые эллинистического времени, например Хрисипп из Сол (III в. до н. э.), Панетий Родосский (II в. до н. э.), Посидоний из Апамеи (I в. до н. э.) и др. Среди них были люди разной политической ориентации—от советчиков царей (Зенон) до вдохновителей социальных преобразований (Сфер был наставником Клеомена в Спарте, Блосий—Аристонику в Пергаме). Основное внимание стоики сосредотачивают на человеке как личности и

этических проблемах, вопросы о сущности бытия стоят у них на втором месте.

Опущению неустойчивости статуса человека в условиях непрерывных военных и социальных конфликтов и ослабления связей с коллективом граждан полиса стоики противопоставили идею зависимости человека от высшей благой силы (логоса, природы, бога), управляющей всем существующим. Человек в их представлении уже не гражданин полиса, а гражданин космоса; для достижения счастья он должен познать закономерность явлений, predeterminedенных высшей силой (судьбой), и жить в согласии с природой. Эклектизм, многозначность основных положений стоиков обеспечивали им популярность в разных слоях эллинистического общества и допускали сближение доктрин стоицизма с мистическими верованиями и астрологией.

Философия Эпикура в трактовке проблем бытия продолжала разработку материализма Демокрита, но в ней также центральное место занимал человек. Свою задачу Эпикур видел в освобождении людей от страха перед смертью и судьбой: он утверждал, что боги не влияют на жизнь природы и человека, и доказывал материальность души. Счастье человека он видел в обретении спокойствия, невозмутимости (атараксии), которой можно достигнуть лишь путем познания и самоусовершенствования, избегая страстей и страданий и воздерживаясь от активной деятельности.

Скептики, сблизившиеся с последователями платоновской Академии, направили свою критику главным образом против гносеологии Эпикура и стоиков. Они также отождествляли счастье с понятием «атараксия», но толковали его как осознание невозможности познать мир (Тимон Скепгик, III в. до н. э.), что означало отказ от признания действительности, от общественной деятельности.

Учения стоиков, Эпикура, скептиков, хотя и отражали некоторые общие черты мировоззрения своей эпохи, были рассчитаны на наиболее культурные и привилегирован-

ные круги. В отличие от них киники выступали перед толпой на улицах, площадях, в портах, доказывая неразумность существующих порядков и проповедуя бедность не только на словах, но и своим образом жизни. Наиболее известными из киников эллинистического времени были Кратет из Фив (около 365—285 г. до н. э.) и Бион Борисфенит (III в. до н. э.). Кратет, происходивший из богатой семьи, увлекшись кинизмом, отпустил рабов, роздал имущество и, подобно Диогену, стал вести жизнь филосо-

376/377

Эллинистическая цивилизация

Портрет двух братьев. Дерево, энкаустика. Фаюм. I в. н. э.

фа-нищего. Резко выступая против своих философских противников, Кратет проповедовал умеренный кинизм и был известен своим человеколюбием. Он имел большое число учеников и последователей, в их числе некоторое время был и Зенон, основатель школы стоиков. Бион родился в Северном Причерноморье в семье отпущенника и гетеры, в юности был продан в рабство; получив после смерти хозяина свободу и наследство, приехал в Афины и примкнул к школе киников. С именем Биона связано появление диатриб — речей-бесед, наполненных проповедью киниче-

ской философии, полемикой с противниками и критикой общепринятых взглядов. Однако дальше критики богачей и правителей киники не пошли, достижение счастья они видели в отказе от потребностей и желаний, в «нищенской суме» и противопоставляли философа-нищего не только царям, но и «неразумной толпе».

Элемент социального протеста, звучавший в философии киников, нашел свое выражение и в социальной утопии: Эвгемер (конец IV — начало III в. до н. э.) в фантастическом рассказе об о-ве Панхея и Ямбул (III в. до н. э.) в описании

Голова неизвестного мужчины. Бронза. Ранний эллинизм

Посейдон с о-ва Мелос. Мрамор. Конец II в. до н. э.

путешествия на острова Солнца создали идеал общества, свободного от рабства, социальных пороков и конфликтов. К сожалению, их произведения дошли только в пересказе историка Диодора Сицилийского. Согласно Ямбулу, на островах Солнца среди экзотической природы живут люди высокой духовной культуры, у них нет ни царей, ни жрецов, ни семьи, ни собственности, ни разделения на профессии. Счастливые, они трудятся все вместе, по очереди выполняя общественные работы. Эвгемер в «Священной записи» также описывает счастливую жизнь на затерянном в Индийском океане острове, где нет частного владения землей, но люди по роду занятий делятся на жрецов и людей умственного труда, земледельцев, пастухов и воинов. На острове есть «Священная запись» на золотой колонне о деяниях Урана, Кроноса и Зевса, устроителей жизни островитян. Излагая ее содержание, Эвгемер дает свое объяснение происхождению религии: боги — это некогда существовавшие выдающиеся люди, устроители общественной жизни, объявившие себя богами и учредившие свой культ.

Если эллинистическая философия была результатом творчества привилегированных эллинизированных слоев общества и в ней трудно проследить восточные влияния, то эллинистическую религию создава-

ли широкие слои населения, и наиболее характерной ее чертой является синкретизм, в котором восточное наследие играет огромную роль.

Боги греческого пантеона отождествлялись с древними восточными божествами, приобретали новые черты, менялись формы их почитания. Некоторые восточные культы (Исиды, Кибелы и др.) почти в неизменной форме воспринимались греками. До уровня главных божеств выросло значение богини судьбы Тихе. Специфическим порождением эллинистической эпохи был культ Сараписа, божества,

обязанного своим появлением религиозной политике Птолемеев. По-видимому, сама жизнь Александрии, с ее многоязычием, с разными обычаями, верованиями и традициями населения, подсказала

*Бюст Сараписа.
Римская копия
с эллинистического
оригинала IV в.
до н. э.*

378/379

*Эллинистическая
цивилизация*

мысль о создании нового религиозного культа, который мог бы объединить это пестрое чужеземное общество с коренным египетским. Атмосфера духовной жизни того времени требовала мистического оформления такого акта. Источники сообщают о явлении Птолемею во сне неизвестного божества, об истолковании этого сна жрецами, о перенесении из Синопы в Александрию статуи божества в виде бородатого юноши и о провозглашении его Сараписом — богом, объединившим в себе черты мемфисского Осириса-Аписа и греческих богов Зевса, Гадеса и Асклепия. Главными помощниками Птолемея I в формировании культа Сараписа были афинянин Тимофей, жрец из

*Голова сатира.
Римская копия
с эллинистического
оригинала. Мрамор.
II в. до н. э.*

Краснофигурная
пиксида с изобра-
жением мистерий.
Сяцилия. 330—
320 гг. до н. э.

Дионис с пантерой
и сатиром. Фессалия.
Золото. Позднелли-
нистическое время

Элевсина, и египтянин Манефон, жрец из Гелиополя. Очевидно, они сумели придать новому культу форму и содержание, отвечавшие

запросам своего времени, так как почитание Сараписа быстро распространилось в Египте, а затем Сарапис вместе с Исидой стали популярнейшими эллинистическими божествами, культ которых просуществовал до победы христианства.

При сохранении в разных регионах местных различий в пантеоне и формах культа получают широкое распространение некоторые универсальные божества, объединившие в себе функции наиболее почитаемых божеств разных народов. Одним из главных культов становится культ Зевса Гипсиста (Высочайшего), отождествлявшегося с финикийским Ваалом, египетским Амоном, вавилонским Белом, иудейским Яхве и другими главными божествами того или иного района. Его эпитеты — Пантократор (Всемогущий), Сотер (Спаситель), Гелиос (Солнце) и т. п. — свидетельствуют о расширении его функций. Другим соперничавшим по популярности с Зевсом был культ Диониса с его мистериями, сблизившими его с культом египетского Осириса, малоазийских Сабазия и Адониса. Из женских божеств особенно почитаемыми стали египетская Исида, воплотившая в себе многих греческих и азиатских богинь, и малоазийская Мать богов. Сложившиеся на Востоке синкретические культы проникли в полисы Малой Азии, Греции и Македонии, а затем и в Западное Средиземноморье.

Эллинистические цари, используя древневосточные традиции, насаждали царский культ. Это явление было вызвано политическими потребностями формировавшихся государств. Царский культ представлял собой одну из форм эллинистической идеологии, в которой слились древневосточные представления о божественности царской власти, греческий культ героев и ойкистов (основателей городов) и философские теории IV—III вв. до н. э. о сущности государственной власти; он воплощал идею единства нового, эллинистического государства, поднимал религиозными обрядами авторитет власти царя. Царский культ, как и многие дру-

гие политические институты эллинистического мира, получил дальнейшее развитие в Римской империи.

С упадком эллинистических государств происходят заметные изменения и в эллинистической культуре. Рационалистические черты мировоззрения все более отступают перед религией и мистицизмом, широко распространяются мистерии, магия, астрология, и в то же время нарастают элементы социального протеста — приобретают новую популярность социальные утопии и пророчества.

В эпоху эллинизма продолжали создаваться произведения на местных языках, сохранявшие традиционные формы (религиозные гимны, заупокойные и магические тексты, поучения, пророчества, хроники, сказки), но отражавшие в той или иной мере черты эллинистического мировоззрения. С конца III в. до н. э. их значение в эллинистической культуре возрастает.

Папирусы сохранили магические формулы, с помощью которых люди надеялись заставить богов или демонов изменить их судьбу, излечить от болезней, уничтожить врага и пр. Посвящение в мистерии рассматривалось как непосредственное общение с богом и освобождение от власти судьбы. В египетских сказках о мудреце Хаэмулете идет речь о его поисках магической книги бога Тота, делающей ее обладателя не подвластным богам, о воплощении в сыне Хаэмулета древнего могущественного мага и о чудесных деяниях мальчика-мага. Хаэмулет путешествует в загробный мир, где мальчик-маг показывает ему мытарства богача и блаженную жизнь праведных бедняков рядом с богами.

Глубоким пессимизмом проникнута одна из библейских книг — «Экклезиаст», созданная в конце III в. до н. э.: богатство, мудрость, труд — все «суета сует», утверждает автор.

Социальная утопия получает свое воплощение в деятельности возникших во II—I вв. до н. э. сект ессеев в Палестине и терапевтов в Египте, в которых религиозная оппозиция иудейскому жрече-

ству соединялась с утверждением иных форм социально-экономического существования. По описаниям древних авторов — Плиния Старшего, Филона Александрийского, Иосифа Флавия, ессеи жили общинами, коллективно владели имуществом и совместно трудились, производя только то, что было необходимо для их потребления. Вступление в общину было добровольным, внутренняя жизнь, управление общиной и религиозные обряды строго регламентировались, соблюдалась субординация младших по отношению к старшим по возрасту и времени вступления в общину, не-

Расписная маска саркофага молодого мужчины. Гипс. Египет. Начало II в. н. э.

которые общины предписывали воздержание от брака. Ессеи отвергали рабство, для их морально-этических и религиозных взглядов характерны были мессианско-эсхатологические идеи, противопоставление членов общины окружающему «миру зла». Терапевтов можно рассматривать как египетскую разновидность ессеев. Для них также было характерно общее

владение имуществом, отрицание богатства и рабовладения, ограничение жизненных потребностей, аскетизм. Много общего было в обрядах и организации общины.

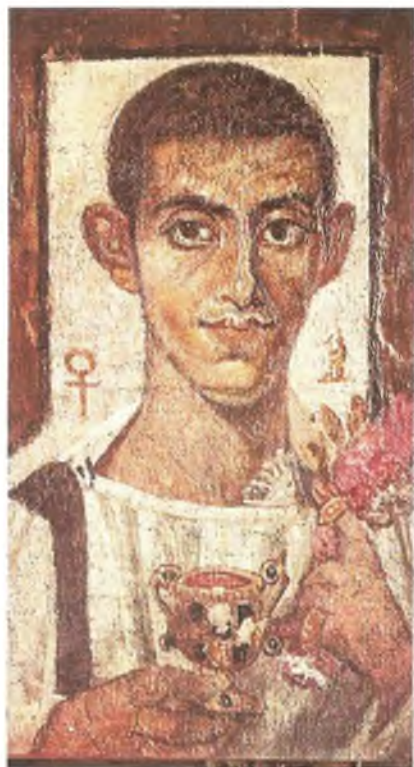
Открытие кумранских текстов и археологические исследования дали бесспорные свидетельства о существовании в Иудейской пустыне религиозных общин, близких эссеям по своим религиозным, морально-этическим и социальным принципам организации. Кумранская община существовала с середины II в. до н. э. до 65 г. н. э. В ее

*Портрет юноши
в золотом венке.
Дерево, энкаустика
и темпера. Фаюм.
Начало II в. н. э.*

*Портрет Аммионуса.
Холст, энкаустика.
Египет. Середина
III в. н. э.*

«библиотеке» были обнаружены наряду с библейскими текстами ряд апокрифических произведений и, что особенно важно, тексты, созданные внутри общины,— уставы, гимны, комментарии к библейским текстам, тексты апокалиптического и мессианского содержа-

ния, дающие представления об идеологии кумранской общины и ее внутренней организации. Имея много общего с эссеями, кумранская община более резко противопоставляла себя окружающему миру, что нашло отражение в учении о противоположности «царства света» и «царства тьмы», о борьбе «сынов света» с «сынами тьмы», в проповеди «Нового союза» или «Нового завета» и в большой роли «Учителя праведности», учредителя и наставника общины. Однако значение кумранских рукописей не исчерпывается свидетельствами об эссеисте как общественно-религиозном течении в Палестине во II в. до н. э. Сопоставление их с раннехристианскими и апокрифическими сочинениями позволяет проследить сходство в идеологических представлениях и в принципах организации кумранской и раннехристианских общин. Но в то же время между ними было существенное различие: первая была замкнутой организацией, сохранявшей свое учение в тайне в ожидании прихода мессии, христианские

же общины, считавшие себя последователями мессии — Христа, были открыты для всех и широко проповедовали свое учение. Ессеи-кумраниты были лишь предшественниками нового идеологического течения — христианства, возникшего уже в рамках Римской империи.

Процесс подчинения Римом эллинистических государств, сопровождавшийся распространением на страны Восточного Средиземноморья римских форм политических и социально-экономических отношений, имел и обратную сторону — проникновение в Рим эллинистической культуры, идеологии и элементов социально-политической структуры. Вывоз в качестве военной добычи предметов искусства, библиотек (например, библиотеки царя Персея, вывезенной Эмилием Павлом), образованных рабов и заложников оказал огромное влияние на развитие римской литературы, искусства, философии. Переработка Плавтом и Теренцием сюжетов Менандра и других авторов «новой комедии», расцвет на римской почве учений стоиков, эпикурейцев и прочих философских школ, проникновение в Рим восточных культов — это лишь отдельные, наиболее очевидные следы влияния эллинистической культуры. Многие другие черты эллинистического мира и его культуры также были унаследованы Римской империей.

* * *

Сказанным не исчерпывается значение эллинистической эпохи в истории мировой цивилизации. Именно в это время впервые в истории человечества контакты между афро-азиатскими и европейскими народами приобрели не эпизодический и временный, а постоянный и устойчивый характер, и не только в форме военных экспедиций или торговых сношений, но и прежде всего в форме культурного сотрудничества, в создании новых аспектов общественной жизни в рамках эллинистических государств. Этот процесс взаимодействия в области материального производства в опосредованной форме находил отражение и в духовной культуре

эпохи эллинизма. Было бы упрощением видеть в ней только дальнейшее развитие греческой культуры.

Не случайно, например, наиболее важные открытия в эллинистический период были сделаны в тех отраслях науки, где прослеживается взаимовлияние накопленных ранее знаний в древневосточной и греческой науке (астрономия, математика, медицина). Наиболее ярко совместное творчество афроазиатских и европейских народов проявилось в области религиозной

Мальчик на лошади.
Бронзовая статуэтка из Артемисия.
Середина II в.
до н. э.

идеологии эллинизма. И в конечном счете на той же основе возникла политико-философская идея об универсуме, всеобщности мира, нашедшая выражение в трудах историков об ойкумене, в создании «Всеобщих историй» (Полибий и др.), в учении стоиков о космосе и гражданине космоса и т. д.

Распространение и влияние синкретической по своему характеру эллинистической культуры было необычайно широким — Западная и Восточная Европа, Передняя и Центральная Азия, Северная Африка. Элементы эллинизма прослеживаются не только в римской культуре, но и в парфянской и греко-бактрийской, в кушанской и коптской, в раннесредневековой культуре Армении и Иберии. Многие достижения эллинистической науки и культуры были унаследованы Византийской империей и арабами, вошли в золотой фонд общечеловеческой культуры.

Ancient Roman Civilization

Рим создал свою
цивилизацию, живущую на
особой системе ценностей

Древне- римская ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Вопрос о том, можно ли говорить о существовании самостоятельной римской цивилизации, неоднократно обсуждался в науке.

Такие известные культурологи, как О. Шпенглер, А. Тойнби, выделяя античную культуру или цивилизацию как единое целое, отрицали самостоятельное значение Рима, считали, что вся римская эпоха была кризисной стадией античной цивилизации. Когда ее способность к духовному творчеству сходит на нет, остаются только возможности к творчеству в области государственности (создание Римской империи) и техники. Все же, что за долгие столетия римского господства в Средиземноморье было сде-

лано в науке, философии, историографии, поэзии, искусстве, было заимствовано у греков, примитивизировано и низведено до уровня, доступного массовому сознанию, никогда не поднимавшемуся до высот творцов эллинской культуры.

Другие исследователи (в советской историографии в этом направлении много сделал С. Л. Утченко), напротив, считают, что Рим создал свою оригинальную цивилизацию, живущую на особой системе ценностей, которая сложилась в римской гражданской общи-

не в связи с особенностями ее исторического развития. К таким особенностям относятся установление демократической формы правления в результате борьбы между патрициями и плебеями и побед последних и почти непрерывные войны Рима, превратившие его из небольшого италийского городка в столицу огромной державы.

Под воздействием этих факторов складывалась идеология, система ценностей римских граждан. Ее определял в первую очередь патриотизм — представление об особой

*Краснофигурный
кратер с изображением
сцен из мифа
об Ифигении в Тавриде.
Апулия (Южная Италия).
IV в. до н. э.*

богоизбранности римского народа и самой судьбой предназначенных ему победах, о Риме как высшей ценности, о долге гражданина служить ему всеми силами, не щадя сил и жизни. Для этого гражданин должен был обладать мужеством, стойкостью, честностью, верностью, достоинством, умеренностью в образе жизни, способностью подчиняться железной дисциплине на войне, утвержденному народным собранием закону и установленному «предками» обычаю в мирное

время, чтить богов-покровителей своих семей, своих сельских общин и, конечно, Рима. Когда в Риме стало распространяться рабство, достигшее здесь наивысшего для древности развития, немалую роль в идеологии начала играть противоположность между рабом и свободнорожденным гражданином, для которого стало считаться позорным быть заподозренным в «рабских пороках» (ложь, нечестность, лесть) или в «рабских занятиях», включавших здесь, в отличие от Греции, не только ремесло, но и выступление на сцене, сочинение пьес, работу скульптора и живописца.

Делами, достойными римлянина, особенно из знати, признавались только политика, война, земледелие, разработка права — гражданского и сакрального, историография. На такой основе складывалась ранняя культура Рима. Иноземные влияния, в первую очередь греческие, издавна проникавшие через греческие города юга Италии, а затем непосредственно из Греции и Малой Азии, воспринимались лишь постольку, поскольку они не противоречили римской системе ценностей или перерабатывались в соответствии с ней. В свою очередь и Рим, подчинив себе страны эллинистической культуры, оказывал на них значительное влияние. Так формировался синтез греческой и римской культур. Римляне осваивали греческую философию, формы и стили греческой литературы, искусства, но вкладывали в них свое содержание, развивали в этих новых формах свои идеи и мировосприятие.

А уроженцы эллинских и эллинизированных провинций Римской державы воспринимали римскую политическую мысль, римские представления о долге гражданина, политике, правителя, о значении закона. Сближение римской и греческой культур стало особенно интенсивным с установлением империи, когда философские и политические теории, сложившиеся в среде подданных эллинистических царей, стали близки и римлянам. Эта позднеантичная греко-римская культура, в которой оба компонен-

та играли равноправную роль, распространялась и в восточной и в западной половине империи. Именно

но она легла в основу цивилизации Византии, славянских государств. Западной Европы.

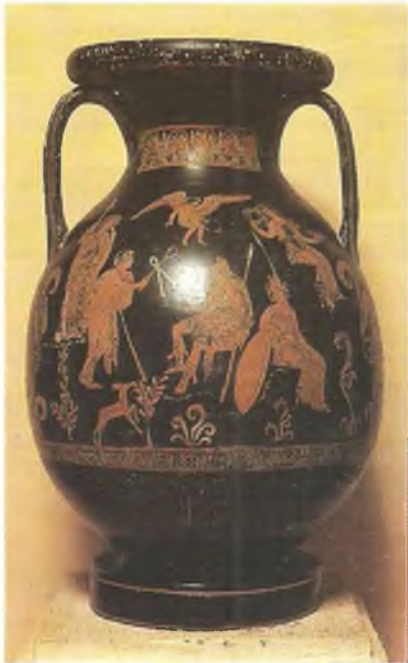
РАННИЙ РИМ

До недавнего времени ранняя история Рима была известна преимущественно по сочинениям поздних античных авторов, и потому большинство историков XIX и первой половины XX в. считали ее непознаваемой. Успехи археологии и лингвистики в последние десятилетия позволили преодолеть гипер-

Рим, а его сын стал прародителем рода Юлиев. Раскопки показали достоверность ряда подробностей этой, казалось бы, вымышленной легенды.

Расширились также сведения о той этнокультурной среде, в которой возник Рим, о степени ее влияния на становление собственно римской культуры. Раньше определяющее влияние на Рим приписывалось этрускам, населявшим долину По и часть Кампании с городом Капуей. Действительно, влияние их на Рим несомненно. Искусные металлурги, судостроители, торговцы и пираты, они плавали по всему Средиземноморью, усваивали традиции различных народов, создавая при этом свою высокую и своеобразную культуру. Именно у них римляне заимствовали архитектуру храмов с облицовкой, ремесленную технику, практику строительства городов, тайные науки жрецов-гаруспиков, гадавших по печени жертвенных животных, вспышке молнии и удару грома, и даже обычай отмечать победу полководцев триумфом. В Этрурию посылали учиться юношей из знатных семей, через Этрурию проникали в Рим греческие культы и мифы.

Однако этрусское влияние не было единственным и самым ранним. Установлены довольно тесные связи Италии с Грецией начиная уже с микенской эпохи, когда ахейцы основывали свои колонии на Апеннинском п-ове, связи, укрепившиеся в VIII в. до н. э. В VIII—VI вв. до н. э. города юга Италии и частично Лация уже связаны с многими центрами Греции, Сирии. В 508 г. до н. э. Римом был заключен договор с Карфагеном, имевшим свою факторию в г. Пирги (здесь была найдена посвятельная надпись богине Астарте на пунийском и этрусском языках). По преданию, когда римляне в середине V в. до н. э. впервые зафиксировали свое право (так назы-

критическое отношение к сведениям античных писателей и расширить представления об истории и культуре архаического Рима. Они показали, что ряд преданий, содержащихся в книгах этих авторов, имеют реальную историческую почву.

По преданию, после гибели Трои в Италию пришел потомок иллирийского царя Дардана троянский герой Эней с сыном Асканием, победил в войне племена италиков, женился на дочери царя Латина Лавинии, основал названный ее именем город и после своей смерти был причислен к богам. Потомки же его, Ромул и Рем, основали

Краснофигурная пелика с изображением суда Париса. Апулия. IV в. до н. э.

Этрусский антефикс с изображением головы Медузы Горгоны. Конец VI в. до н. э.

ваемое право XII таблиц), они послали в Грецию комиссию для ознакомления с тамошними законами. В 433 г. до н. э. в связи с эпидемией чумы они отправили запрос к дельфийскому оракулу и по его совету учредили у себя культ Аполлона-целителя. Очень рано ими стали перениматься некоторые греческие религиозные обычаи и ритуалы. Не следует недооценивать роль общеталийского культурного фонда, который сложился еще до появления в Италии этрусков. К такому фонду можно отнести, например, предания об основании городов.

Наиболее подробно сохранился миф об основании Рима: близнецы Ромул и Рем (по одной из версий — сыновья рабыни царя города Альбы-Лонги Амулия и божества домашнего очага, по другой и более

распространенной — дочери свергнутого Амулием брата Нумитора и бога Марса) были по приказу Амулия положены в корзину и брошены в Тибр. Но когда вода спала, младенцы были найдены и вскормлены волчицей. Подобранные и воспитанные пастухом Фаустилом и его женой Аккой Ларенцией, они выросли и, узнав о своем происхождении, восстановили деда на престоле Альбы-Лонги, а сами с толпой примкнувших к ним пастухов основали Рим в том месте, где были некогда найдены. Ромул, бывший первым авгуром, т. е. жрецом, узнававшим волю богов по полету птиц, увидел 12 коршунов, предвещавших Риму 12 веков славы. Поссорившись с Ремом, он убил брата и стал первым царем Рима.

Так как соседи не хотели выдавать дочерей за пользовавшихся дурной славой жителей нового города, Ромул пригласил сабинскую общину на праздник в честь бога подземного зернохранилища Конса — Консуалии, во время которого римляне похитили сабинских девушек. Начавшаяся война с тремя городами, откуда происходили похищенные, по их просьбе окончилась миром. Ромул разделил власть с сабинским царем Титом Тацием, и оба народа слились в один — квиритов — с общими культурами, жрецами, обычаями. После смерти Тита Тация Ромул стал править один, и именно ему традиция приписывает важнейшие установления в жизни нового города: деление народа на три трибы, 30 курий и каждой курии — на 10 родов с обязанностью поставлять воинов в легион, насчитывавший 3 тыс. пехотинцев и 300 всадников, учреждение сената, регулирование отношений патронов и клиентов, введение основных законов. Согласно традиции, после 37-летнего правления Ромул неожиданно исчез и под именем Квирина был причислен к богам. В какой мере в истории Ромула и Тита Тация отразились реальные события, сказать трудно, но знаменательно, что до нас дошли отголоски мифов об основании других италийских городов, поразительно сходных с римским.

Наряду с влиянием этрусков и греков свои традиции в искусстве создавали и италики. Так, в Кампании, где Фортуна почиталась как богиня-мать, были найдены статуэтки женщин с детьми; у самнитов преобладали Марс и Геркулес в виде воинов. В керамических и ювелирных изделиях италики достигли значительных успехов. Итак, раннее искусство Рима впитывало разные влияния: италийское, этруское, греческое.

Новые раскопки проясняют и такой острый дискуссионный вопрос,

но постепенно их общественные земли сливались, создавались общие культы, единые жреческие коллегии.

Строй жизни архаического Рима был прост. Во главе стоял выбранный царь, совмещавший функции верховного жреца, военачальника, законодателя и судьи, при котором состоял сенат. Важнейшие дела, в том числе и выборы царя, решало народное собрание. Род продолжал играть большую роль, но основной социально-экономической ячейкой становилась фамилия — совокуп-

Музыканты. Фреска из этрусского некрополя в Тарквиниях. V в. до н. э.

как дата самого возникновения Рима. По преданию, он был основан 21 апреля, в день праздника пастушеской богини Палее, в 753 г. до н. э. И действительно, первые следы поселения на Палатине датируются археологами VIII в. до н. э. Жители Лация, в том числе и будущие римляне, тогда входили в союз латинских племен, объединявшийся культом Юпитера Латинариса в Альбе-Лонге и Дианы на оз. Неми у Арриция. Как и другие италики, они жили родами, расселявшимися по территориальным общинам — пагам, из объединения которых и возник Рим. Общины долго сохраняли самостоятель-

ность находящихся под властью отца имущества и людей: жен, сыновей, внуков с их женами, незамужних дочерей, рабов, клиентов. Отец имел право на жизнь и смерть членов фамилии, мог их продать, кроме жены, распорядиться их трудом. Все приобретенное ими принадлежало отцу, только он один мог вступать в договорные отношения.

Он же был и верховным жрецом семейного культа Ларов — хранителей дома, усадьбы, земли фамилии, блюстителей справедливости во внутрифамильных отношениях. После смерти отца сыновья наследовали имущество и

становились юридически полноправными главами фамилий. Согласно традиции, Ромул роздал главам фамилий по два югера (0,5 га) земли, видимо составляющие приусадебные участки. На общественной земле каждый мог занять участок и, начав его возделывать, становился его владельцем. Если же он его не возделывал, то земля возвращалась в общий фонд, и ее мог занять любой другой гражданин. Это правило действовало на всем протяжении римской истории.

Простыми были мифологические

Деталь фрески из этрусского некрополя в Тарквиниях. IV в. до н. э.

и религиозные представления той эпохи. Так, двуликий бог Янус почитался как творец мира, возникшего из хаоса, создатель небесного свода (ему на Форуме была воздвигнута двойная, крытая бронзой арка), как бог, умножающий человеческий род. Его жрецом считался сам царь. Особо чтились огонь и вода, и не случайно древнейшей формулой изгнания человека из общины было его «отлучение от огня и воды», символизировавших единство общины. Из древнейших богов помимо Юпитера, Марса и Квирина

чтили и других. Специальные праздники посвящались Сатурну, богу посевов, богине земли, носившей разные имена (Теллус, Телумо, Опс), божествам посевов, злаков и плодов — Церере, Либеру, Помоне, Флоре, Робиго, Палее; отмечая праздник Палее, пастухи для очищения от скверны прыгали через костры и окуривали серой овец.

Лесными божествами были фавны и сивланы; водными — нимфы Камены и пророчица Кармента. Свои культы имели курии и паги. Огромное значение в жизни римлян имели военные походы против соседей в борьбе за землю и добычу. Они начинались в марте и кончались в октябре. Объявляли войну и заключали мир жрецы-фециалы. В начале и конце походов в жертву Марсу приносился конь, производилось ритуальное очищение оружия и боевых труб, пелись гимны Марсу.

В VI в. до н. э. при трех последних римских царях, происходивших из Этрурии, много этрусков переселилось в Рим. Здесь даже возник особый этрусский квартал. Историки приписывают этрусским царям дренажные работы, мощение улиц, постройки мостов, цирка, где устраивались игры в честь богов, и храма Юпитера, Юноны и Минервы на Капитолии. Именно к Капитолию направлялось шествие триумфатора, где он, облаченный в одежду этрусских царей, складывал свой золотой венок к ногам Юпитера и приносил ему жертвы. Расширялась территория города, а население возросло настолько, что Рим уже мог вооружить 600 всадников и 6 тыс. пехотинцев, т. е. два легиона, действовавшие по образцу греческой фаланги. Рим стал главой Латинского союза, включавшего 47 общин. Сюда был перенесен культ богини Латинского союза Аррицианской Дианы, ей был посвящен храм на Авентине.

Наиболее яркой фигурой из римских царей был Сервий Туллий, почитавшийся как великий реформатор и благодетель народа. Сервию Туллию приписывались введение ценза и организация территориальных триб. Ценз делил граждан на имущественные классы, образо-

вавшие войско и народные собрания (центуриатные комиции). 18 центурий составляли всадники, наиболее знатные и богатые, сражавшиеся на конях, 80 — люди, имущество которых позволяло им купить тяжелое вооружение. Затем следовало 90 центурий из 4 имущественных классов, являвшихся на войну легковооруженными. К ним добавлялось по 2 центурии трубачей и ремесленников, и последней была центурия неимущих, «пролетариев», не шедших в армию, так как они не могли приобрести себе вооружения.

В народном собрании каждая центурия имела один голос, решение принималось, когда за него высказалось большинство центурий. Ценз имел целью обеспечить, говоря словами Аристотеля, «геометрическое», или «пропорциональное», равенство: «сумма» прав граждан должна была равняться «сумме» их обязанностей. Чем гражданин был знатнее и богаче, тем больше он был обязан затрачивать средств на общую пользу.

Сами римляне оценивали реформу Сервия Туллия как демократическую, ведь она давала возможность выдвинуться и человеку неродовитому, талантом и трудом нажившему состояние и перешедшему в более высокий имущественный класс. Эта реформа ослабила влияние родовой знати. Еще большее значение в этом плане имело деление территории Рима на трибы — 4 городские и 16 сельских. Тем самым родовая организация уступала место территориальной. По мере завоевания Римом новых земель росло число триб, достигшее в конце концов значительной цифры — 35.

Деятельность Сервия Туллия получила поддержку низов, но вызвала ненависть сенаторов — «отцов», которые организовали заговор и убили его. Однако его зять и преемник Тарквиний, прозванный Гордым, продолжил политику Сервия. Он стремился развивать ремесла, торговлю и строительство, пополнил сенат представителями менее знатных родов.

УСТАНОВЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ И ФОРМИРОВАНИЕ РИМСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩИНЫ

В 510 г. до н. э. (традиционная дата) Тарквиний был изгнан восставшими под предводительством Юния Брута «ревнителями свободы», защитниками власти сената, и монархия была заменена аристократической республикой. В это время особо усилился процесс конституирования сословий патрициев и плебеев — аристократии и простого народа. Свержение монархии было торжеством патрициев и привело к борьбе между сословиями. Только из патрициев избирались на годичный срок консулы, имевшие высшую власть — империй — и в мирное время, и как главнокомандующие во время войны. Из патрициев избирались и помощники консулов — преторы и квесторы, диктаторы, которым в особых случаях на шесть месяцев передавалась абсолютная власть. Только патриции могли быть жрецами, знавшими, какие дни календаря считаются пригодными для созыва народного собрания; только они знали казуи-

стику судопроизводства, что ставило в зависимость от них и народное собрание, и плебеев в суде.

Политическое господство патрициев усиливало их экономическое положение. Они оккупировали большие части общественной земли, плебеи же из-за постоянных войн, неурожаев, падежа скота, сокращения внешней и внутренней торговли и ремесла разорялись, а неоплатные должники превращались в кабальных или продавались в рабство за Тибр. Сословия превращались в классы крупных землевладельцев, зависимых земледельцев и рабов, формировалось государство, где политическая власть была сосредоточена в руках господствующего класса. Этот процесс сопровождался борьбой плебеев против патрициев. Плебеи требовали, чтобы завоеванные земли делились между ними, патриции же хотели присоединять их к общественным землям; плебеи настаивали на уничтожении долговой каба-

лы и долгового рабства, добивались доступа к магистратурам и жречеству, патриции же упорно держались за свои привилегии. Эта борьба переплеталась с постоянными войнами Рима с соседями. Патриции не могли не считаться с тем, что плебеи составляли, легионную пехоту, и это вынуждало их удовлетворять требования плебейских масс.

Когда в 494 г. до н. э. началась война с латинскими общинами, плебеи отказались воевать, удалились на Священную гору (так называ-

каждый мог его убить. Примирение патрициев и плебеев имело важные результаты: римляне одержали победу над латинами и восстановили господство Рима.

Однако борьба патрициев и плебеев продолжалась. Центром плебса стал храм Цереры, Либера и Либеры — триады, как бы противостоящей капитулийской триаде патрициев. Плебеи требовали писаных законов, чтобы бороться со злоупотреблениями патрициев. Им удалось добиться избрания комиссии децимвиров. Записанные и

Танец. Фреска из этрусского некрополя в Тарквиниях. V в. до н. э.

емая - первая сецессия плебеев) и согласились вернуться лишь тогда, когда получили право выбирать из своей среды народных трибунов — защитников плебса. Народные трибуны получили право налагать вето на распоряжения магистратов (за исключением диктатора), созывать плебеев на собрания, защищать от несправедливости любого плебея, укрывшегося в их доме. Личность трибуна считалась неприкосновенной; покусившийся на народного трибуна предавался проклятию, и

одобренные народным собранием законы («Законы XII таблиц») легли в основу дальнейшего развития римского права. В значительной мере они основывались на обычном праве, хотя вносили и много нового.

Подтверждалось долговое право, но в пользу клиентов была введена статья, предававшая проклятию патрона, обманувшего клиента. Запрещено было предоставлять кому-либо личные привилегии, что утверждало равенство граждан перед

законом. По специальному закону территория римской общины должна была оставаться только под ее контролем. Запрещалось передавать землю храмам, что препятствовало образованию в Риме экономически, а значит, и политически сильного жречества. Законы подтверждали право граждан занимать заброшенный участок, владельцем которого они становились после двухлетнего пользования. Правило это не распространялось на иноземцев: владеть землей на территории Рима мог только римский гражданин. Регулировалось также отчуждение имущества фамилии. Наследство обычно переходило к сыновьям, ближайшим родственникам по мужской линии или сородичам.

Если же человек хотел составить завещание и лишить сына наследства, оно должно было утверждаться народным собранием. Все это говорит о контроле общины не только над общественным, но и над частным имуществом. Во все века в Риме считалось, что гражданин для общей пользы должен добросовестно обрабатывать свою землю (хороший земледелец было синонимом хорошего гражданина), обеспечить детей, дать дочерям приданое, чтобы они вступили в брак и рождали новых граждан для блага общества. «Законы XII таблиц» под влиянием наиболее консервативных патрициев запретили браки между патрициями и плебеями, но запрещение это было отменено после новой сецессии плебса. Чтобы ослабить борьбу плебеев за землю, Рим стал основывать на завоеванных землях колонии, раздавая там участки плебеям. В V в. до н. э. было основано 10 колоний, в IV в. до н. э.—15. Колонии подчинялись законам римского или латинского права, но жители их могли получить римское гражданство, переселившись в Рим. Колонии становились проводниками римского влияния.

Успешные войны утвердили власть Рима во всем Лациии и на юге Этрурии. Однако теперь ему угрожала новая опасность. Кельтские племена галлов, наступавшие на север Италии, к 390 г. до н. э.

392/393

Древнеримская
цивилизация

Аполлон из Вей.
Терракота. Этрурия.
VI в. до н. э.

дошли до Лация, нанесли римлянам поражение при р. Аллии, двинулись на Рим и взяли город, грабя имущество жителей и сжигая здания. Только гарнизон Капитолия под командой Манлия, прозванного Капитолийским, держался семь месяцев, пока галлы, узнав, что на их землю наступают венеты, не ушли, взяв с Рима выкуп. Победы римлян открыли им доступ к зерну и металлам Этрурии, что усилило их позиции. По цензу середины IV в. до н. э. значилось уже 255 тыс. римских граждан, которые могли

без права занимать магистратуры и были обязаны разными повинностями бывшему господину — патрону.

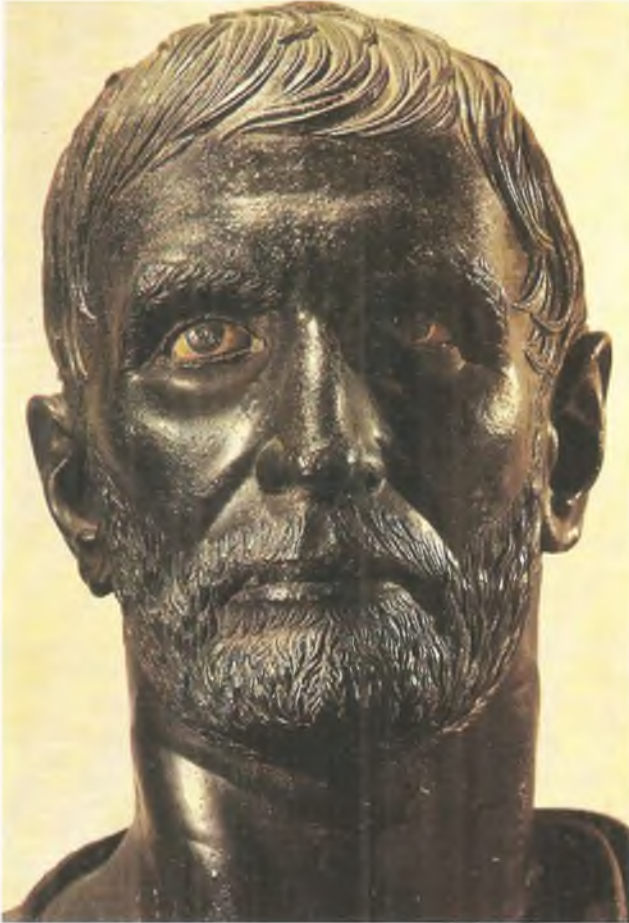
Войны вызывали необходимость идти на уступки плебсу. В 367 г. до н. э. в связи с новыми волнениями был принят закон, предложенный народными трибунами Гаем Лицинием и Люцием Секстием. Согласно ему, один консул должен был избираться из плебеев; облегчалось положение должников, запрещалось занимать на общественной земле более 500 югеров (125 га), пасти более 100 быков и 500 овец. По закону Л. Генуция от 341 г. до н. э. оба консула уже могли избираться из плебеев.

Вся вторая половина IV в. до н. э. была занята войнами римлян с луканскими и самнитскими племенами, захватившими Капую.

К концу IV в. до н. э. Риму в Италии принадлежала территория в 20 тыс. кв. км, что позволяло осваивать все больше колоний и увеличивать армию крестьян, готовых воевать за новые земли и добычу. Боеспособность римской армии выдержала проверку и в войне с царем Эпира Пирром, призванным на помощь греческими городами юга Италии. В последующие годы римляне захватили все города Великой Греции. Хотя им и была предоставлена известная автономия, но они обязаны были поставлять Риму военные корабли. Окончательно были покорены самниты и этруски.

Рим стал бесспорным главой федерации италийских городов и племен. Постепенно италийские города перенимали римское устройство, осваивали язык, следовали новым культам. Но и римляне воспринимали культы побежденных, следуя старинному обычаю эвокации — приглашать божество враждебного города перейти на сторону римлян, обещая за это выстроить ему храм.

Плебс завоевывал одну победу за другой. В 326 г. законом Петелия и Папирия были запрещены порабощение граждан и долговая кабала. Неоплатный должник отвечал теперь своим имуществом. Личность его оставалась неприкосновенной. Было запрещено подвер-

Голова Брута.
Бронза. III в. до н. э.

выставить 10 легионов. Судя по тому, что в 357 г. до н. э. был введен налог на манумиссии (отпуск на волю рабов), их число было значительным, и они использовались на разных работах. Отпущенники становились римскими гражданами, но

гать римских граждан пыткам и телесным наказаниям. По закону Публия Филона от 339 г. до н. э., подтвержденному законом Квинта Гортензия в 287 г. до н. э., решения, принятые собраниями плебса (плебисциты), получали силу закона. Центуриатные комиции были вытеснены собраниями по трибам (трибутные комиции), в которых не было различий по цензу. Закон 311 г. до н. э. предоставлял народу право выбирать 16 из 24 воинских трибунов. По плебисциту Огульниев (300 г. до н. э.) плебейм открывался доступ в жреческие коллегии, становилась выборной должность главы коллегии понтифика — великого понтифика, наблюдавшего за отправлением общественного и частного культов.

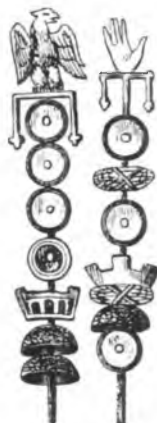
В результате побед плебса Рим к началу III в. до н. э. превратился в гражданскую общину. Это было важнейшим историческим событием, которое и предопределило дальнейшую историю Рима. Основными чертами римской гражданской общины были сочетание коллективного и частного землевладения при наличии верховной собственности общины, связь понятий «гражданин», «воин» и «земледелец», равенство политических и юридических прав граждан, власть народного собрания во всех важнейших вопросах, касавшихся как коллектива граждан, так и отдельного гражданина, соблюдение принципа «геометрического равенства» — труд каждого на общую пользу, понимаемую и как польза каждого гражданина. Были значительно сужены возможности для эксплуатации сограждан в качестве зависимых работников, а тем более рабов. Это ускорило превращение иноплеменников в рабов. Рабы были распределены по отдельным фамилиям, где за ними наблюдали господа; были освобождены клиенты, ставшие теперь равноправными гражданами и владельцами земельных участков. Перечисленные меры тормозили процесс конституирования классов крупных землевладельцев и зависимых земледельцев и формирования сильного государственного аппарата.

Армия, состоявшая из граждан,

служила лишь для подавления сопротивления извне; не было полиции и прокуратуры: привлечение к суду гражданина было частным делом истца, который сам должен был обеспечить явку ответчика и свидетелей в суд и исполнение приговора. Наказания, предусмотренные «Законами XII таблиц», постепенно заменялись штрафами или изгнанием. Кроме того, народный трибун мог лично вмешаться в судебный процесс на любой его стадии, наложить вето и освободить обвиняемого. Железная дисциплина царила только в армии.

Большую роль в жизни римской гражданской общины играла религия. Она требовала соблюдения установленных обрядов, настаивая на том, чтобы ни одно дело в общественной и частной жизни не начиналось без испрашивания воли богов. Каждый гражданин был обязан участвовать в обрядах своей фамилии, соседской общины и общины гражданской. Но в отличие от многих других народов римляне не считали, что их социальный строй освящен религией или что боги установили нормы морали и карают за их нарушение. Высшей санкцией, высшим судией было одобрение или осуждение сограждан. Образцом для подражания были «предки», в первую очередь предки знатных родов, совершавшие подвиги во славу Рима.

Новая эпоха в истории Рима началась с Пунических войн, когда Рим вышел за пределы Италии. Этот процесс выражал неизбежную тенденцию к политическому и экономическому объединению рабовладельческих государств и обширного племенного мира. Отмеченная тенденция диктовалась потребностью получить доступ к ресурсам (металлам, продуктам сельского хозяйства) и облегчить обмен между областями. Кроме того, Рим стремился укрепить свою экономику за счет эксплуатации племен, превращая их из «внешней периферии» во «внутреннюю».

Народы и племена, с которыми соприкоснулся Рим, стояли на разных стадиях социально-экономического, политического и культурного развития. Война с Карфагеном (первая Пуническая война) велась в основном за господство над землями Сицилии и доступ к металлам Испании. Она длилась более 20 лет и окончилась в 241 г. до н. э. победой Рима над флотом пунов под командой Гамилькара Барка. Часть Сицилии перешла под власть римлян и становилась первой заморской римской провинцией, управлявшейся римским наместником — командиром оккупационных войск, и обязана была уплачивать Риму десятую часть урожая и налоги на пастбища. Греческие города Сицилии были объявлены свободными и не платили налогов. Вскоре Рим захватил Сардинию и Корсику, ставшие второй провинцией.

Потери римлян в этой войне были велики. Они лишились в общей сложности 600 судов, число граждан за 30 лет уменьшилось на 20 тыс. человек. И все же в 229 г. до н. э. Рим смог послать 200 судов против иллирийских пиратов, захватить о-в Керкиру и заставить города Аполлонию и Эпидамн признать свой протекторат. За 225—218 гг. римлянам удалось разбить племена лигуров и кельтов на севере Италии, образовать новую провинцию — Цизальпинскую Галлию и основать там колонии, проведя наделение земель беднейших граждан. В интересах плебса в народном собрании было введено тайное голосование. Но, несмотря на внутреннюю демократизацию, основой внешней политики Рима была поддержка аристократии у тех племен и народов, с которыми он воевал. Победы облегчались поддержкой проримской знати, которая нередко предавала интересы своих сограждан.

Между тем карфагеняне стремились к реваншу. Активно готовился к войне с Римом сын Гамилькара Барка, один из талантливейших полководцев и дипломатов древности, Ганнибал. Он собирал силы в

Испании и рассчитывал на союз с галлами и всеми недовольными римским владычеством в Италии и Сицилии, а также на союз с царем Македонии Филиппом V, который опасался усиления влияния Рима на Адриатике.

Переломным пунктом в истории Средиземноморья и самого Рима явилась вторая Пуническая война. Она продемонстрировала способность римлян оправляться после самых сокрушительных поражений. Победы вторгшегося в Италию Ганнибала при Тичино, Требии и особенно при Каннах 2 августа 216 г. до н. э., где пало 50 тыс. римских войск, переход на его сторону Капуи, Тарента и других городов юга Италии и Сицилии, разгром римского войска, посланного в Испанию, казалось, делали положение Рима безнадежным.

Но римляне сумели выйти победителями, действуя и как искусные воины (под командой Фабия Максима они от открытых сражений перешли к тактике мелких стычек и «выжженной земли», изматывая армию Ганнибала), и как дипломаты. Они сколотили союз городов Греции против Македонии и части иберийских царьков против карфагенян. Филипп V был вынужден заключить с ними мир. Постепенно отвоеваны были города Италии и Сицилии. Молодой, исключительно талантливый полководец Публий Корнелий Сципион (будущий победитель Ганнибала, прозванный Африканским), высадившись в Испании, взял считавшийся неприступным Новый Карфаген и изгнал карфагенян с Иберийского п-ова. В 204 г. до н. э. он перенес войну в Африку, где заключил союз с царем Нумидии Масиниссой. Отозванный из Италии Ганнибал встретился со Сципионом в битве при г. Заме (осень 202 г. до н. э.), был разбит и бежал к царю Антиоху III. Карфагеняне должны были принять мир на любых условиях: за 50 лет им предстояло выплатить 600 млн денариев, они выдали боевых слонов и флот (кроме 10 судов), им запрещалось без санкции Рима самостоятельно воевать.

По современным подсчетам, вторая Пуническая война стоила римлянам 200 млн денариев, втрое дороже, чем первая. За время этой войны, когда римляне должны были содержать 36 легионов и 150 судов, очень выросли цены. 400 италийских поселений было разрушено, многие земли Лукании и Апулии обращены в пастбища. Правда, теперь римской провинцией стали все Сицилия и юг Испании с его серебряными рудниками. Началась жестокая расправа с теми, кто поддерживал Ганнибала. Капуя лишилась земли и статуса города, в рабство было продано 32 тыс. жителей Тарента, 40 тыс. лигуров выселены в окрестности Беневента. В Северной Италии основывались новые колонии, а земли местных общин присоединялись к римской общественной земле. Они были открыты для оккупации за ренту в $\frac{1}{10}$ с зерновых и $\frac{1}{5}$ с древесных культур и за налог на пастбища. Колонисты получали от 5 до 50 югеров, а в колониях ветеранов командирам отводилось по 100—140 югеров. По всей Италии шло межевание земель, строительство дорог, мостов, городов. Колонизация и перемещение населения ускорили романизацию Италии, распространение римских культур, языка, городского устройства с сенатом и магистратами.

Открылись новые источники обогащения. Отсутствие государственного аппарата обусловило введение системы откупов на подати с провинций, ренты с общественных земель, разработку испанских серебряных рудников, где было занято 40 тыс. рабов, на строительные работы. Поскольку все это требовало капиталовложений, непособные одному откущику, откущики и подрядчики образовывали компании, в которые входили и малоимущие люди, получая доходы в соответствии со взносами. Судя по словам Полибия, чуть ли не весь римский народ составлял нечто вроде акционерной компании по эксплуатации провинций и самой Италии. Римская экономика стала быстро развиваться. Богатели не только крупные, но и средние предприниматели, вкладывавшие

деньги в основном в приобретение земли. Состоятельные люди скупали имения — виллы в разных районах Италии. Рост городского населения создавал рынок для сельскохозяйственной продукции. Погоня за прибылями стала всеобщей. Росла потребность в деньгах, что вело к развитию ростовщичества, которое было тяжелым бременем для провинции.

Результатом упомянутых процессов было распространение по Италии вилл средней величины (100—250 югеров) и крупных пастбищ. Первые производили зерно, виноград, оливки, овощи, фрукты; вторые — мясо, молоко, шерсть, перерабатывавшуюся городскими ремесленниками. Города специализировались на производстве тех или иных ремесленных изделий. Требовалась дополнительная рабочая сила, росло число рабов. С этого времени в Риме и Италии в целом быстро развивается, достигая наивысшего для времен античности расцвета, рабовладельческий способ производства. Рабы и рабовладельцы становятся основными антагонистическими классами римского общества.

Виллу с 10—15 рабами описал Катон в своем трактате о сельском хозяйстве. У него все строго регламентировано: количество и рацион рабов, нормы выработки, обязанности управляющего — виллика, условия найма временной рабочей силы в страдную пору и для строительства, преимущества покупки инвентаря в том или ином городе. Некоторые историки считали, будто вилла Катона была неким аналогом капиталистического предприятия, но его трактат ясно показывает резкую разницу между простым товарным и капиталистическим производством. Ставя целью не ускорение оборота капитала, не расширенное воспроизводство, а накопительство, хороший хозяин должен продавать, а не покупать, учил Катон. Владелец старался все произвести в своем имении. Вряд ли такая вилла давала доход, сравнимый с доходом от морской торговли, откупов, ростовщичества. Но по сравнению с мелким крестьянским хозяйством рабовладельче-

екая вилла имела ряд преимуществ. Простая кооперация и разделение труда повышали ее эффективность. Можно было покупать лучшие орудия труда — плуги, прессы для оливок и винограда и т. д. Распространение вилл способствовало подъему сельского хозяйства.

Рабство стало проникать и в ремесло. Возрастание роли рабов в производстве сказалось на их положении. По закону Аквиллия они приравнивались к скоту: за ущерб, причиненный рабом, господин отвечал так же, как за ущерб, причи-

В 189 г. до н. э. был разбит Антиох III. В 148 г. до н. э., подавив восстание в Македонии, римляне обратили ее в свою провинцию. Два года спустя М. Муммий разрушил Коринф. Свободу сохранили только Афины, Спарта и Дельфы, остальные греческие города были подчинены наместнику Македонии. Наконец, в том же 146 г., после короткой третьей Пунической войны, внук Сципиона Африканского Сципион Эмилиан разрушил Карфаген, предав проклятию землю этого вечного соперника Рима. Все владения Карфагена составили римскую провинцию Африка. По завещанию друга Рима, пергамского царя Аттала III, римляне получили его царство — провинцию Азия. Завоевания II в. до н. э. произвели переворот в жизни Рима. Несмотря на военные расходы, приток добычи и податей был так велик, что правительство перестало прибегать к трибуту.

Меняется социально-политическая структура общества. Выделяется нобилитет — круг знатных семей, присваивавших монополию на магистратуры; постепенно конституируется второе привилегированное сословие — всадники. К нему принадлежали люди богатые и знатные. Иногда сюда же относили воинских трибунов, видных граждан италийских городов, известных ораторов, юристов. Хотя сенаторы и всадники принадлежали к одному классу крупных собственников (часто и к одной знатной семье), между ними началось соперничество за право эксплуатации провинций — возможность грабить их в качестве откупщиков или наместников.

Вместе с тем усиливалась дифференциация и среди плебеев. Сельский плебе, отвлекаемый от хозяйств постоянными войнами и страдавший от захвата своих участков, разорялся, терял землю, попадал в долговую кабалу. Подрывалась боеспособность армии, падала дисциплина. Городской плебе, занятый ремеслом, мелкой торговлей, работой на строительстве, был менее заинтересован в земле, чем в дешевизне продуктов питания, в снижении высокой платы за жилье.

ненный четвероногим; за преступления раба, совершенные по приказу господина, отвечал господин. Родственные связи рабов не признавались: раб мог иметь сожительницу, но не жену. Считалось, что он не имеет и отца. Владелец виллы поддерживал трудоспособность рабов, как и рабочего скота, но раб не считался личностью. В городах положение рабов было несколько лучше. Господа иногда выделяли им небольшое имущество (пекулий), позволяли наниматься на работу на стороне; они могли даже скопить деньги на выкуп. Городские рабы проще общались со свободными, посещали зрелища, участвовали в коллегиях плебеев, но и здесь рабов презирали, и они в целом оставались вне общества.

Выгоды, полученные от войны с Карфагеном, толкали римлян на дальнейшую экспансию на восток и на запад. На востоке римляне вмешивались в дела эллинистических государств. Переманив на свою сторону иллирийцев и греческие города, римские войска под командой Тита Квинкция Фламиния разбили Филиппа V. Фламиний на Истмийских играх объявил «свободу» греческим городам, за что греки причислили его к богам.

Для него было крайне важным усиление власти народного собрания и народных трибунов для ограничения могущества сената и нобилитета.

Большие изменения происходили в культуре римского общества. Усложнение экономической и политической жизни создало потребность в образованных людях, могущих стать помощниками и агентами магистратов — наместников провинций, возглавить умножавшиеся ремесленные мастерские. Эти потребности удовлетворялись за счет «импорта» образованных рабов-греков. Расширились и укрепились связи со всеми областями Средиземноморья. Вместе с тем оппозиция Риму в покоренных странах привела к распространению пророчеств, предрекавших скорое падение Рима и обращение римлян в рабство. Греки втайне презирали римлян, считая их жестокими варварами. Наиболее дальновидные римские политики, среди которых ведущую роль играли Сципионы и их окружение («филэллины»), понимали, что такая репутация подрывает авторитет римлян.

Они стали изучать греческий язык, литературу, философию. Покупали образованных греков-рабов (известно, например, что греческий грамматик Дафнид был куплен за 700 тыс. сестерциев, тогда как средний раб стоил около 2 тыс.) для обучения своих детей. Многие из таких рабов затем получали свободу, прославившись как риторы, грамматики, писатели, открывали школы для детей плебеев. Грамотность стала распространяться среди народа и даже среди рабов. Богатые люди посылали сыновей в Афины, Эфес и другие города Греции и Малой Азии слушать лекции прославленных ораторов и философов. Некоторые из них переселились в Рим, как, например, историк Полибий, философы Посидоний и Панетий, дружелюбно принятые в кружке возглавлявших «филэллинов» Сципионов. Римские нобили стали писать для греков и по-гречески историю Рима, чтобы доказать добродетели римлян, восходящее к Энею родство римлян с троянцами, а тем

самым и с греческим миром. Троянским и греческим героям приписывали основание ряда италийских городов. В свою очередь греки, примирившиеся с владычеством Рима, доказывали общность греческих и римских установлений, культов, обычаев.

Для пропаганды великой миссии Рима много сделал Полибий. Он написал «Всемирную историю», вернее, историю римских войн и побед, обусловленных не только римскими добродетелями, но и их совершенным политическим строем, совмещавшим преимущества монархии (представленной магистратами), аристократии (представленной сенатом) и демократии (представленной народным собранием). Идеальное политическое устройство, объединяющее граждан, предоставляющее каждому подобающие ему права при соблюдении обязанностей, почитание богов, честность, патриотизм делают Рим, по его словам, несокрушимым, единственно способным создать обширную державу и управлять ею к ее же пользе.

Мысли Полибия отвечали неослабевающему интересу греков к вопросам политического устройства и привлекали их внимание. Для римлян же они легли в основу их политических концепций. Образованные римляне знакомились с греческими философскими школами. Вместе с философией осваивалась и эллинистическая наука. По словам Полибия, каждый военачальник должен знать астрономию, чтобы по созвездиям определить время, продолжительность дня и ночи, уметь предсказать солнечные и лунные затмения. Варрон в своем агрономическом трактате, указывая, с восходом какого созвездия следует начинать те или иные работы, считал, что определять восход созвездий должен уметь не только хозяин, но и вилки.

Под влиянием греков совершенствовалось ораторское искусство, необходимое для победы на диспутах в народных собраниях и судах. Умение убеждать предполагало знание логики и психологии для воздействия на эмоции слушателей. Интерес к психологии стал одной

из отличительных черт римской культуры. Разрабатывалось право, которое очень усложнилось со времени «Законов XII таблиц». Понтифики разрабатывали и уточняли детали отправления культа и ритуала.

Во время второй Пунической войны, отчасти чтобы ободрить граждан надеждой на помощь богов, давались обеты, учреждались игры, отчасти чтобы сблизиться со своими греческими союзниками, сенат стал включать в пантеон чужеземных богов — Венеру Эруцину, названную так по ее знаменитому храму на горе Эриксе в Сицилии, великую мать богов Кибелу, почитавшуюся в Пергаме на горе Иде, бога врачевания Эскулапа. Праздник в честь Сатурна — Сатурналии — был преобразован по образцу греческих Кроний, напоминавших о золотом веке изобилия и равенства. Господа угощали своих рабов, которые наряду со свободными участвовали в карнавальном празднике. Растущей популярностью пользовались гладиаторские игры.

По греческому образцу перестраивались сценические представления. В Риме появилась целая плеяда талантливых драматургов и поэтов, в основном из чужеземцев, отпущенников и простого народа. Авторы обычно брали за образцы греческие трагедии и комедии. Из большого числа сочинений до нас, к сожалению, дошли лишь фрагменты. Правда, полностью сохранились комедии Плавта и Теренция. Теренций (около 195—159 гг. до н. э.) был вольноотпущенником, но, несмотря на это, принят в кружке Сципионов. Его комедии, написанные изысканным языком, широкой публике казались скучными. Комедии же выходца из низов Плавта (около 254—184 гг. до н. э.) были чрезвычайно популярны. Он, как и Теренций, брал за основу греческие комедии, наполняя их множеством подробностей, заимствованных из римского фольклора, быта, судебной практики, веселя зрителей шутками. Главным героем комедий Плавта был ловкий, неистощимый на выдумки раб, обычно помогавший сыну хозяина

обмануть его скупого отца, выманить у него деньги. Каждому персонажу комедии полагалось выступать в костюме и парике, соответствовавших его характеру. Представления сопровождалась игрой на флейте. Ставились пьесы и из римской жизни — так называемые тогаты в отличие от греческих «паллиат». В «паллиатах» раб мог быть умнее господина, в «тогатах» — нет. На италийской почве возникли «ателланы» (от названия кампанского города Ателла) с персонажами-масками: глупец, обжора, плут, скряга.

Многочисленны были писавшиеся на сюжеты греческих мифов трагедии. Традиция сохранила нам имя одного из первых трагиков, уроженца Тарента, отпущенника Ливия Андроника (около 284—204 гг. до н. э.), который перевел также на латынь «Одиссею». Известны трагедии Энния, Пакувия, Акция и др. Читая и слушая их произведения, римляне познакомились с греческими мифами, стали отождествлять своих богов с греческими, прибегать к кратким афоризмам, заимствованным у греческих философов. Участник первой Пунической войны Невий (около 270—200 гг. до н. э.) написал эпическую поэму о войне, начав ее со странствований Энея. Разнообразным было творчество уроженца г. Рудии Энния. Он написал много трагедий, «Анналь» — историю Рима в стихах, исполненную патриотизма, перевел «Священную хронику» Эвгемера, доказывавшего, что боги — это древние цари и герои. Близкий «филэллинам» поэт Луцилий (около 180—102 гг. до н. э.) писал сатиры, осмеивая страсть к роскоши и погоню за прибыльями.

Для знакомства с греческой культурой не только знати, но и народа большое значение имело скопление в Риме вывезенных из греческих городов картин и статуй, выставлявшихся на площадях и в храмах и служивших образцами для римских мастеров. В Рим ввозились также книги: Эмилий Павел, например, привез библиотеку царя Персея. Распирялся культурный горизонт, Рим знакомился с

традициями других народов и усваивал их.

Однако не только в социально-экономической и политической сферах, но и в области культуры начался раскол. В высших слояхросло презрение к простому народу. Луцилий дал определение добродетели как знания, доступного лишь образованному человеку. Эта признанная в верхах концепция была выражена следующим афоризмом: «Добродетель — это мудрость, но плебе ее не имеет». Луцилий доказывал, что следует искать одобрения лишь у людей утонченных и образованных, а не у толпы. Поэты и драматурги, как люди неполноправные, искали покровительства у знатных семей, становились их клиентами, сопровождали своих патронов в походах и славили их победы. Так, Сципиону Африканскому приписывали происхождение от самого Юпитера. Энный посвящал ему стихи, выражавшие восторженное восхищение. Римские полководцы становились в провинциях патронами разных городов и племен, им посвящались храмы, в их честь высекались надписи. В среде знати росли надменность и индивидуализм.

Все это не могло не вызвать реакцию как среди высших сословий, так и среди плебса. Одной из форм борьбы оппозиция считала выступление против эллинистической культуры. Возглавлял оппозицию Катон, один из немногих выходцев из простого народа, сумевший возвыситься, добиться консулата и должности цензора. Среди плебеев он пользовался славой несгибаемого ревнителя «нравов предков». Его личные и политические распри со Сципионами дополнялись борьбой против роскоши и славолубия. Он активно выступал против противопоставления своего блага благу общественному. Особенно враждебно Катон и его единомышленники были настроены против греческой философии и риторики. Они считали, что эти науки «развращают юношей». Греческие философы и риторы неоднократно высылались из Рима, но остановить проникновение эллинистической культуры эти меры, конечно, не могли, как не

могли остановить естественного исторического процесса.

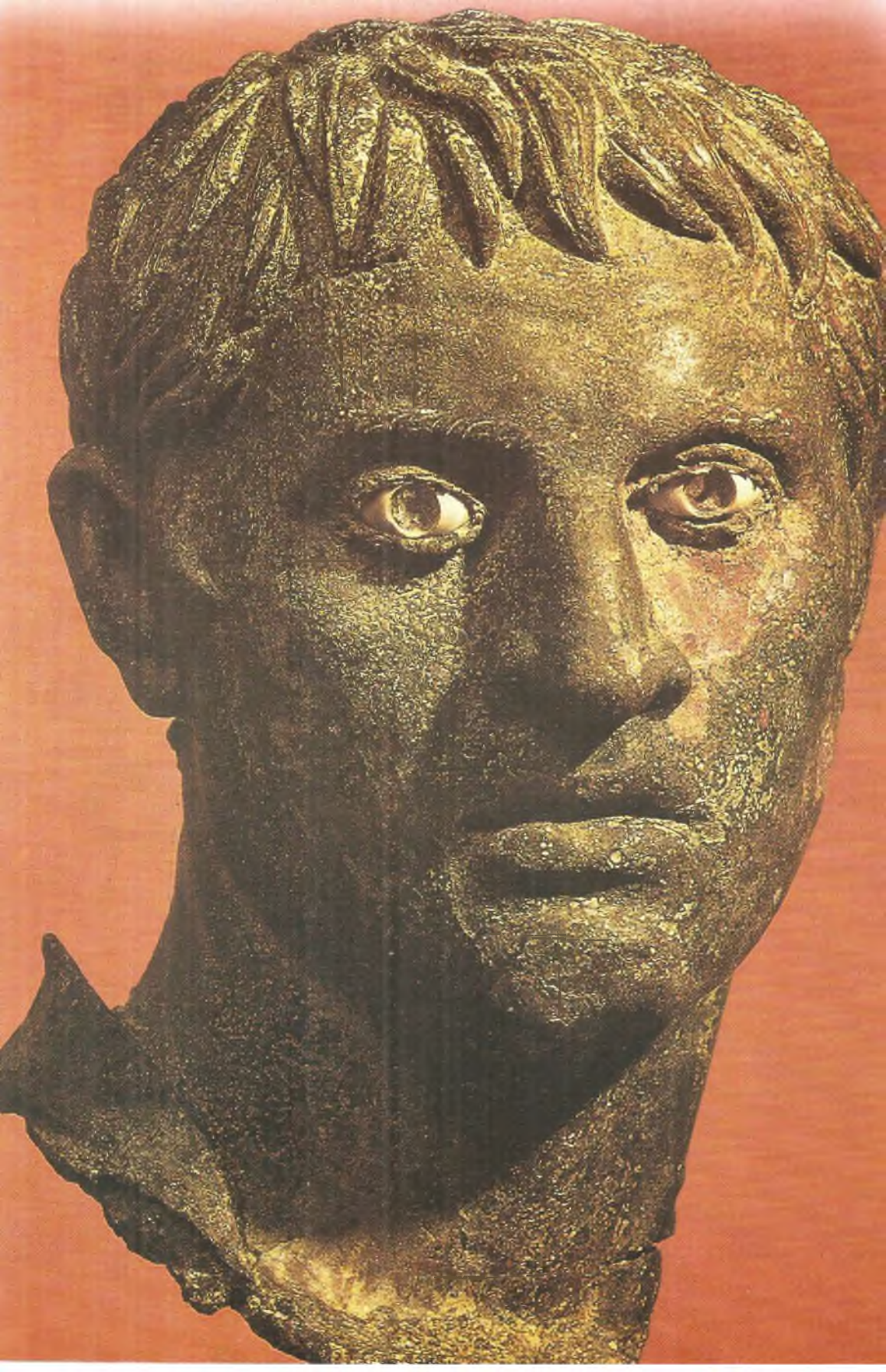
Культура, привносимая в Рим из городов Греции и Малой Азии, была уже не эллинской, сложившейся на основе классического полиса, а именно эллинистической, сформировавшейся в государствах с монархическим правлением, разрушившим характерное для полиса коллективное, общинное мировоззрение. Рим же, хотя и становился главой обширной державы, еще сохранял черты античной гражданской общины. По крайней мере в

сознании большинства его граждан жила еще ценности, освященные «римским мифом». А с ними не могли согласовываться ни стоическое учение о равенстве всех людей, поскольку римляне не признавали своего равенства с рабами, но и с Перегринами, ни учение о безразличии ко всему, кроме добродетели и порока, поскольку римский гражданин не мог пренебречь судьбой Рима, а добродетель и порок определялись не личным суждением «мудреца», а общественным мнением, соответствующим установлениям «предков».

Не мог быть принят эпикурейский тезис «жить незаметно», вдали от общественной жизни, поскольку долгом римлянина было участие в жизни общества, как подобает гражданину, воину, отцу фамилии, обязанному приумножать ее достояние как часть достояния

всего гражданства. Скепсис Новой Академии платоников, отрицавших критерии истины и возможность быть в чем-то уверенным, мог подорвать веру в непреходящие ценности. И потому недаром Катон выслал из Рима платоника Карнеада, демонстрировавшего свое умение доказывать прямо противоположное (он произнес речь «за» и «против» справедливости), а сенат закрывал иногда риторические школы, где, как многие думали, риторы-греки учили юношей умению доказывать нечто ложное, чтобы, выступая в суде, избавить преступника от заслуженной кары. Чуждо тогдашней идеологии народа было и пифагорейство с его аристократизмом, сложными, доступными лишь «избранным» математическими теориями мироздания. Оппозиция против эллинистических влияний была по существу оппозицией идеологии общинной, коллективистской против этики индивидуализма. Последняя же находила сочувствие у тех нобилей, которые, как победоносные полководцы, претендовали на особое положение и в Риме чувствовали себя стесненными узкими и суровыми нормами «предков».

Противоречия между социальными слоями еще более обострились, когда с ростом числа рабов и усилением их эксплуатации сопротивление рабов стало принимать опасные формы. Несколько всплеск волнений среди них произошло в первой половине II в. до н. э. В 80-х гг. восстали рабы-пастухи в Апулии, но были подавлены. Настоящей угрозой для рабовладельцев стало начавшееся в 138 г. до н. э. восстание рабов в Сицилии. Землевладельцы этой провинции особенно жестоко эксплуатировали рабов, в основном выходцев из Сирии и Малой Азии. Под руководством сирийца Эвна те восстали.

Эвна считали пророком, и он был избран царем под именем Антиоха. Другое восстание возглавил кликиец Клеон, объединивший свои силы с Эвном. Центрами восстания стали города Энна и Тавромений. Отряды повстанцев быстро росли, так как к ним примкнули крестья-

не. Римские армии, посланные против Эвна и Клеона, терпели поражения. Только в 132 г. до н. э. им удалось взять мятежные города, и то ценой предательства.

Рабы восставали на Делосе, Хиосе, в Аттике. Лишь с большим напряжением сил властям удалось подавить их выступления.

Восстания рабов и сельской бедноты угрожали прочности Римской республики. Часть нобилей стали понимать необходимость реформ, способных возродить крестьянскую армию и сплотить граждан. Среди них был Тиберий Гракх, человек знатного рода, по материнской линии внук Сципиона Африканского, ученик греческого философа Blossия, участник войн в Испании, где он воочию убедился в плачевном состоянии римской армии. Избранный на 133 г. до н. э. народным трибуном, он предложил законопроект, по которому на общественных землях можно было занять не более 500 югеров (плюс еще по 250 югеров на двух взрослых сыновей). Излишки же изымались и распределялись участками в 30 югеров среди бедноты. По существу законопроект не шел вразрез с традицией, признававшей за гражданской общиной верховную собственность на землю и право распоряжаться ею. Но он натолкнулся на сопротивление крупных землевладельцев, представленных сенатом.

Однако народное собрание, на которое явилось много крестьян, приняло закон и выбрало комиссию для его проведения в жизнь. Но когда Тиберий выставил свою кандидатуру в народные трибуны на второй срок, его противники мобилизовали все свои силы, обвиняя Гракха в намерении стать царем. В день голосования его враги привели своих сторонников и клиентов. Дело кончилось настоящим побоищем. Тиберий и 300 его защитников были убиты.

В 124 г. до н. э. народным трибуном был избран брат Тиберия Гай Гракх. Он попытался создать широкий фронт из различных социальных слоев, противопоставив его сенату. В пользу городского плебса он провел так называемый фру-

Голова мужчины.
Бронза. Конец I в.
до н. э.

ментарный закон о снижении для бедноты цен на пшеницу; проект нового дорожного строительства должен был дать заработок подрядчикам и наемным работникам; в пользу откупщиков и всадников проводился закон о сдаче на откуп десятины с новой провинции Азии и об участии всадников в судах. Крестьян должен был удовлетворить и закон, ограничивавший военную службу 17 годами, предоставлявший вооружение за счет государства и распространявший на солдат право апелляции к народному собранию. Гай предложил также основать колонии в Капуе, Таренте и Карфагене с наделением колонистов участками в 200 югеров.

Наконец он выступил с предложением дать гражданство союзникам. Но именно это и не понравилось римскому плебсу, не желавшему делить свои права и преимущества с «чужеземцами» — италикками. Оппозиция начала агитацию против Гая, обвиняя его в пренебрежении к проклятию, наложенному на землю Карфагена. На народном собрании произошло столкновение между сторонниками и противниками Гая. Консул Оппимий, наделенный чрезвычайными полномочиями, вывел против гракханцев отряд наемных критских стрелков. Три тысячи сторонников Гая были убиты, сам он приказал своему рабу убить себя.

Комиссия, успев наделить земельными участками от 50 до 75 тыс. семей, была распущена, а по закону 111 г. до н. э. земля, как полученная от комиссии, так и оккупированная к тому времени в Италии и провинциях, была объявлена частной независимо от площади имения, т. е. не обложенной рентой и не подлежащей переделам. Фрументарные и судебные законы сохранились, и участие всадников в судах сделало судебные процессы оружием в борьбе различных групп.

Но восстановить римскую общину крестьян и воинов, на что в конечном счете были направлены усилия Гракхов, было уже невозможно.

Начавшаяся в 111 г. до н. э. вой-

на с претендовавшим на нумидийский престол внуком Масинисы Югуртой показала, как далеко зашло разложение римской армии и ее командного состава. Во время этой войны выдвинулись Марий и Сулла, которые сыграли огромную роль в судьбах Римской республики. Гай Марий был родом из небольшой деревни у г. Арпина и начал свою военную карьеру под покровительством Цецилия Метелла, клиентом которого состоял его отец. Помощь Метелла, личная храбрость, а затем брак с женщиной из знатного рода Юлиев (сестра отца Юлия Цезаря) — все это помогло Марию сделать карьеру, казалось бы невозможную для незнатного человека. Пройдя все магистратуры, он в 107 г. до н. э. был избран консулом (затем он избирался консулом еще 7 раз) и провел военную реформу. Отныне в армию могли вступать все желающие независимо от ценза, с тем чтобы кроме жалованья и военной добычи солдаты, выйдя после 20 лет службы в отставку, имели земельный надел. Аграрный вопрос получал новую окраску: за земельные наделы боролась беднота, служившая в армии, а армия гораздо эффективнее, чем народное собрание, отстаивала свои интересы. Вместе с тем ветераны рассчитывали получить земельные наделы от своего командира, а не от римского народа. Связь солдат с гражданской общиной слабела. Зато укреплялась их зависимость от командующего армией, который защищал перед правительством их интересы.

Нарушалась традиционная связь понятий «воин» и «гражданин»: теперь уже не каждый гражданин обязан был быть воином. Все это свидетельствовало о кризисе Рима как гражданской общины. Единственной реальной силой становилась армия. Прежде она была направлена вовне, реформа Мария делала ее способной действовать и внутри Рима.

Марий ввел в армии железную дисциплину и изменил ее строй, разбил Югурту, бежавшего к мавританскому царю Бокху. Договариваться о выдаче Югурты был послан квестор Мария, потомок знат-

ного рода Корнелиев Сулла. Он добился выдачи Югурты, положив тем самым начало своей головокружительной карьере. Армия Мария с честью выдержала и другое испытание—войну с вторгшимися в Галлию и Северную Италию германскими племенами кимвров и тевтонов, нанесших римлянам ряд поражений, но в конце концов разбитых Марием, взявшим 150 тыс. пленных.

В 101 г. до н. э. коллега Мария по консульству Аквиллий подавил новое, длившееся три года восстание рабов в Сицилии.

Как и первое, новое восстание в Сицилии привело к оживлению движения плебса. В I в. до н. э. складываются два направления в политической жизни Рима, именованные оптиматы (аналог греческого термина «аристой» — наилучшие) и популяры (соответствовавшие греческому понятию «водители народа»). Оптиматы защищали власть сената и нобилитета, популяры ратовали за аграрные и другие законы в пользу плебса, за усиление власти народных трибунов и народного собрания. Речи популяров нашли отклик в различных слоях. В среде плебса оживали легенды о римских царях-народолюбцах, и особенно о Сервии Туллии, освобождавшем народ от зависимости; стали особо почитаться Фортуна, унижающая высокопоставленных и возвышающая простых людей, и Лары — гаранты справедливости, защитники маленького человека и рабов. В посвященных их культуре поквартальных коллегиях объединялись плебей и рабы.

В конце II и начале I в. до н. э. вождем популяров был Марий. Его требование наделить землей ветеранов натолкнулось на противодействие сената, что грозило свести на нет его военную реформу и подорвать его личный авторитет. Вспыхнули новые волнения. Благодаря голосам ветеранов в 100 г. до н. э. народное собрание приняло закон об основании для них колоний в Галлии, Сицилии, Македонии и Африке. Но участие Мария в подавлении волнений подорвало его популярность, и ему пришлось удалиться в Азию.

Оптиматы временно одержали победу, но напряженная обстановка сохранилась. Италики стали требовать римского гражданства. Получив отказ сената, они восстали. Началась так называемая Союзническая война, длившаяся с 91 по 88 г. до н. э. На стороне повстанцев выступили бедные племена Италии; Риму оставались верными крупные землевладельцы, граждане колоний и греческих городов. Повстанцы, овладевая колониями, убивали римлян и местную знать; простой народ и освобожденных рабов зачисляли в свою армию, которая насчитывала уже до 100 тыс. человек. Риму приходилось прибегать к найму отрядов испанцев, галлов, нумидийцев. Римской армии не удалось добиться успеха, и Риму пришлось пойти на уступки. В 89 г. до н. э. вся Италия к югу от По получила римское гражданство.

Римскими гражданами стали теперь все жители Италии, а это значило, что практически утратило свою роль народное собрание Рима. Исчезла и связь гражданства в общине с правом владеть землей на ее территории. Теперь каждый житель Италии мог владеть землей где угодно. Новым гражданам стала доступна служба в легионах, за которую они получали землю, а влияние главнокомандующих распространилось на всю Италию. Она полностью романизировалась.

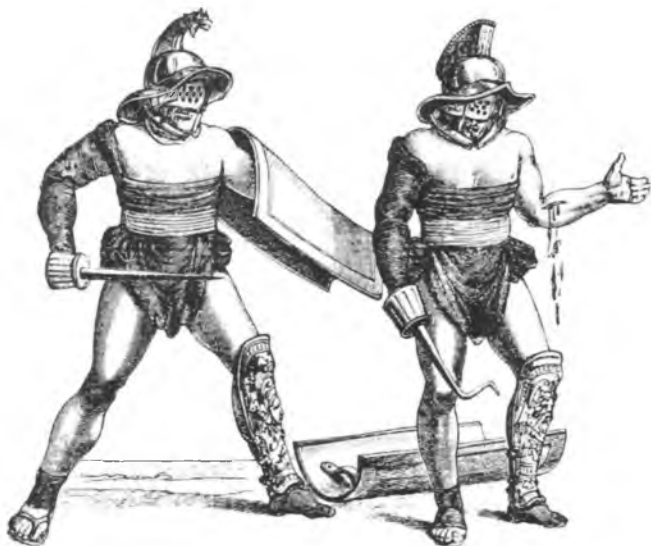
Но в провинциях сохранялось сложное положение. Началась война с царем Понта Митридатом Евпатором. Он захватил почти все Черноморское побережье и значительную часть Азии. В провинциях Митридата принимали как освободителя. По его призыву жители Малой Азии в один день перебили 80 тыс. проживавших там римлян, италиков, их отпущенников и рабов.

Вопрос о том, кто будет командовать в войне с Митридатом, привел к гражданской войне в самом Риме. Сенат желал поручить командование Сулле, уже зарекомендовавшему себя талантливым полководцем. Популяры же выставляли кандидатуру Мария. Между сторонниками и армиями того и друго-

го началась война, в ходе которой Рим многократно переходил из рук в руки, и каждый раз взятие города сопровождалось расправой с противниками. Наконец Сулла добился командования в войне с Митридатом, разбил его армию, вернул потерянные провинции, заключил с Митридатом мир, вернулся в Италию и захватил Рим.

Назначенный диктатором, он обнародовал списки лиц, которые подлежали казни, а их имущество — проскрипции. Донесшие на скрывавшегося проскрипта получа-

ли награду, а рабы — свободу. Из 10 тыс. таких освобожденных Суллой рабов (они получили имя Корнелий) он организовал свою личную гвардию. Конфискованное имущество с аукциона продавалось сторонникам Суллы (между ними были также Красс и Помпей), сколотившим себе огромные состояния. Сторонники Мария (сам он к тому времени умер) были казнены на Марсовом поле, многие города разрушены. 120 тысяч ветеранов Суллы получили земли репрессированных лиц и городов. Число сенаторов возросло за счет сулланцев с 300 до 600. Власть народных трибунов ограничивалась, зато власть провинциальных наместников становилась абсолютной. Всадники были отстранены от участия в судах. Сулла ввел чрезвычайные су-

ды, рассматривавшие и каравшие тяжелые преступления. Диктатура Суллы была шагом на пути создания государственного аппарата. Но социальная база диктатуры Суллы была узкой: против него были настроены всадники, дельцы, плебеи, лишившиеся своих имений землевладельцы, провинциалы. По словам Цицерона, в провинциях ненавидели даже самое имя «римляне». Война с Митридатом показала, что население провинции готово восстать при первой же возможности.

Не случайно сразу же после смерти Суллы в 79 г. до н. э. начались новые смуты. В Испании утвердился марианец Серторий, пользовавшийся популярностью среди испанских племен. С войском, состоявшим из испанцев и бежавших к нему марианцев, Серторий нанес ряд поражений Помпею. Только после предательского убийства Сертория его армия была наголову разбита. Но в 73 г. до н. э. началась новая война с Митридатом. Командовавший римским войском Л. Лукулл первоначально одержал ряд побед, взял столицу Митридата Синопу и огромную добычу. Однако дальнейшее продвижение было остановлено из-за начавшихся мятежей в его армии.

В 74 г. до н. э. во время неудач на внешних фронтах и в разгар внутренних смут вспыхнуло восстание рабов под руководством Спартака, фракийца, отданного в гладиаторы за отказ служить в римских вспомогательных войсках, которые поставляли Риму цари Фракии. Античные писатели характеризовали Спартака как талантливого полководца и блестящего организатора. С семьдесятю товарищами он бежал из гладиаторской школы в Капуе; вскоре к нему начали стекаться сельские рабы из Кампании, а затем и из других областей Италии. Армия Спартака быстро росла, достигнув огромной численности — 80, а по другим подсчетам, даже 100 тыс. человек. Римские войска терпели одно поражение за другим. Римские историки считали, что целью Спартака было вывести рабов за Альпы, в свободную Галлию.

И действительно, сначала Спар-

так победоносно пробивался на север Италии. При городе Мутине (совр. Модена) он разбил войско наместника Цизальпинской Галлии, открыв себе путь к Альпам. Но затем, вместо того чтобы их перейти, повернул обратно. Причины этого решения неясны. Некоторые современные историки считают, что среди повстанцев начались разногласия, другие полагают, что Спартак с самого начала намеревался взять Рим. Во всяком случае он двинулся на юг и в Пицене разбил армию обоих консулов. Тогда сенат выслал против него наделенного чрезвычайными полномочиями претора М. Лициния Красса, на помощь которому были вызваны Лукулл и Помпей из Испании. Спартак пошел дальше на юг, надеясь с помощью пиратов переправиться в Сицилию и поднять там рабов. Однако пираты его обманули, и весной 71 г. до н. э., несмотря на мужественное сопротивление в Апулии, повстанцы были разгромлены армией Красса. Сам Спартак погиб в бою, остатки его войска были добыты солдатами Помпея, 6 тыс. человек было распято вдоль Аппиевой дороги. Восстание Спартака показало, что рабы, в первую очередь сельские, превратились в многочисленный и враждебный господам класс, для подавления которого требуется сильная государственная власть.

Борьба шла не только между рабовладельцами и рабами, но и между крестьянами и крупными землевладельцами, объединенными в сословия сенаторов и всадников. В центре внимания снова был аграрный вопрос, принявший в это время несколько иные формы. Ветераны и беднота требовали наделов и гарантии от захвата их участков. Крупные собственники выступали против переделов земли. Их имения во много тысяч югеров возделывались в основном арендаторами-колонами, состоявшими у них в клиентеле, кабальными должниками, закованными рабами.

Из посвященного сельскому хозяйству труда римского ученого Варрона мы знаем, насколько усложнилась его организация по сравнению со временем Катона.

Сказались накопление опыта, знаний, разделение труда в разных отраслях сельского хозяйства, система наказаний и поощрений, обособление функций значительно возросшего административного персонала виллы.

В городах, особенно в Риме, росло число ремесленников разных специальностей, работавших на заказ и на продажу, множились ремесленные коллегии, возникали довольно крупные мастерские. Спрос на предметы роскоши удовлетворяли ювелиры, чеканщики, парфюмеры, красильщики тканей. В этих отраслях работало много рабов и отпущенников, часто греков. В исконных ремеслах — кузнечном, плотничьем, сукновальном — трудились свободнорожденные плебеи. На постройках общественных и частных зданий были заняты многочисленные архитекторы, живописцы, строительные рабочие из свободных и рабов.

Строительная техника значительно усовершенствовалась. Римляне научились воздвигать своды и купола, что позволило увеличить размеры зданий. Открытие способа изготовления бетона дало возможность придавать стенам гладкую поверхность и расписывать ее фресками с монументальными фигурами и пейзажами. Специально обученные рабы окружали дома богатых людей садами. Строились и многоэтажные дома. Торговали не только предметами роскоши, но и продуктами питания, одеждой, обувью, изделиями из дерева и металла. Достигнутый уровень социально-экономического развития стал несовместимым с порядками старого, крестьянского Рима, превратившегося в центр огромной державы.

Республика, управляемая богатейшим за счет ограбления провинций нобилитетом и немногочисленными-посетителями народных собраний, не могла ни решить насущные вопросы времени, ни создать более широкую базу римской власти в провинциях. Не могла она и включить в старую систему новую армию. Сенат, понимая, что она необходима для удержания в повиновении старых и покорения новых

земель, вместе с тем постоянно вступал в конфликты с главнокомандующими, а следовательно, и с армией, когда дело доходило до наделения земель ветеранов. Глав-

нокомандующему же, чтобы не потерять свой авторитет, приходилось в этом вопросе опираться на народное собрание, а значит, идти на уступки плебсу.

ПАДЕНИЕ СЕНАТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Очередной конфликт разгорелся в 70 г. до н. э., когда оптимат Помпей и сулланец Красс добились консульства. Заинтересованные в поддержке плебса, они отменили законы Суллы, удалили из сената 64 сулланца, восстановили власть народных трибунов и передали суды комиссии из сенаторов, всадников и выбиравшихся по трибам эрарных трибунов из богатых плебеев. Снова оживились популяры. Одним из их вождей стал племянник Мария, возвратившийся из изгнания, Гай Юлий Цезарь. На похоронах своей тетки — жены Мария — он произнес речь о его заслугах, а затем восстановил на Форуме убранные Суллой трофеи Мария. В 63 г. до н. э. Цезарь был избран великим понтификом; в должности претора он щедро угощал народ и выступал на судебных процессах против видных сулланцев. Тогда же выступлением против наместника Сицилии Верреса начал свою карьеру Цицерон.

Но события складывались так, что требовалось примирение сената с Помпеем. В 67 г. до н. э. ему были даны чрезвычайные полномочия для борьбы с пиратами, а затем для окончания войны с Митридатом. В 63 г. до н. э. он победоносно закончил войну и начал устраивать дела на Востоке. Была образована провинция Сирия; царей других восточных областей Помпей самовольно смещал, вместо них назначал новых. Он основал 40 полисов, повысив полномочия их магистратов. В результате завоеваний Помпея доходы римской казны увеличились на 70%. Он стал подлинным героем, в Азии даже его отпущенников чествовали как царей. В 62 г. до н. э. Помпей вернулся в Италию.

Между тем здесь было неспокойно. В 64 г. до н. э. консулом стал Цицерон. Его соперник Л. Сергий Катилина, уже раньше подозрева-

емый в закулисной деятельности организовал заговор. В него были вовлечены разные слои населения. Задолжавшие ростовщикам аристократы и городские плебеи хотели кассации долгов; крестьяне, организовавшие в Этрурии отряд под командой некоего Манлия, требовали отмены долговой кабалы. Цицерон знал о заговоре, однако не имел достаточно улик, чтобы не только выступать с речами против Катилины, но и перейти к активным действиям. Но в его руки все же попало письмо катилинарцев к находившимся в Риме послам аллоброгов с призывом к восстанию. Это была уже измена отечеству, и Цицерон приказал арестовать активных вождей заговора. Сам Катилина присоединился к Манлию, но погиб в битве. Дело заговорщиков разбиралось в сенате, и, несмотря на протесты Цезаря, они были приговорены к смерти.

О Катилине мы знаем только из речей Цицерона и из сочинения Саллюстия, считавшего Катилину представителем до конца развращенного нобилитета. Поэтому составить истинное представление о нем и его движении трудно. Во всяком случае за ним шла часть плебса, и его неудача свидетельствует скорее всего о слабости последнего. Плебсу не смог даже противодействовать предписанному сенатом роспуску коллегий. С другой стороны, ослабела и сила сопротивления сената. Когда Помпею было отказано в наделении земель его ветеранов и утверждении его распоряжений на Востоке, он вступил в соглашение с Крассом и вернувшимся из своего наместничества в Испании Цезарем.

В этом союзе, получившем впоследствии название первого триумvirата, против сената объединились армия Помпея, близкие Крассу крупные дельцы и популяры, признававшие Цезаря своим лиде-

ром. Триумвиры обеспечили избрание на 59 г. до н. э. консулом Цезаря, который, несмотря на оппозицию сената, возглавляемую Марком Катоном, правнуком Катона Цензора, провел закон о наделении ветеранов Помпея участками из общественных земель. После окончания консулата Цезарю на пятилетний срок предоставлялось наместничество в Цизальпинской Галлии и Илирике с правом набрать пять легионов.

Видимо, к этому времени Цезарь убедился, что опорой политического деятеля может быть только армия, а не плохо организованный плебс. О слабости плебса еще более, чем неудача Катилины, свидетельствовало движение Клодия, избранного народным трибуном на 58 г. до н. э. Начав свою карьеру подстрекательством к мятежу солдат Лукулла, Клодий вернулся в Рим и примкнул к Цезарю. С его помощью он из патрициев перешел в плебеи и был избран народным трибуном. По словам Цицерона, Клодий действовал как демагог и кандидат в тираны. Восстановив плебейские коллегии культа Ларов, он набрал в них плебеев, отпущенников и рабов, терроризировал оптиматов и самого Помпея. Он провел закон, по которому 300 тыс. плебеев должны были получать зерно даром, и добился изгнания Цицерона за незаконную — без апелляции к народному собранию — казнь катилинарцев. Напуганные оптиматы окружали себя стражей из гладиаторов, выборы магистратов часто срывались. Однако Клодий практически ничего не добился. Постепенно он отошел от дел и в 52 г. до н. э. был убит рабами своего врага Милона.

Плебс, расколотый на сельский и городской, не мог оправдать надежд, возлагавшихся на него популярными типа Саллюстия. Все эти события и социально-классовые сдвиги отражали изменения во всех сферах жизни. Роскошь достигла предела. В домах знати было по несколько сот рабов — слуг, ремесленников, счетоводов, библиотекарей, секретарей, чтецов, музыкантов. Каждый раб имел свою специальность: один сервировал стол,

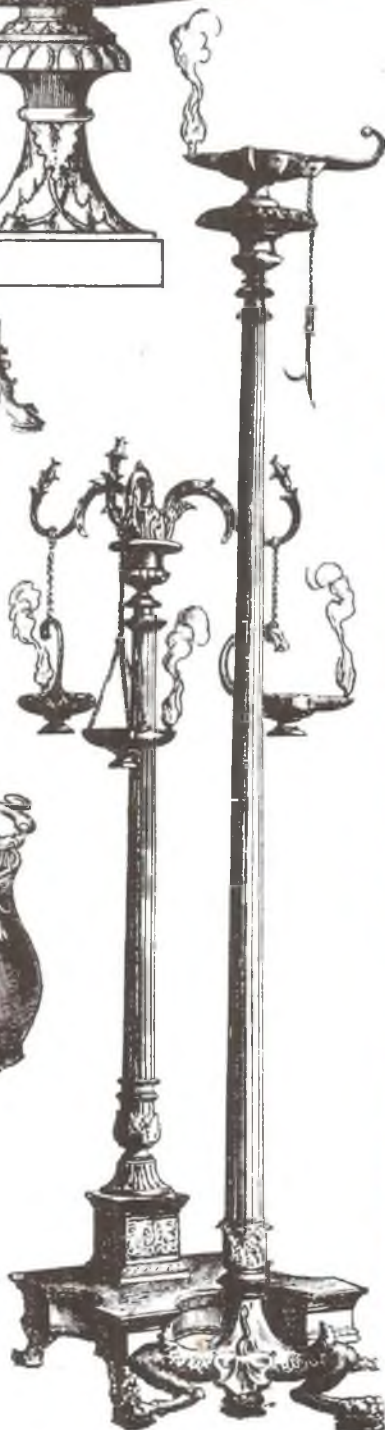
другой приглашал гостей на пир к господину, третий пек пироги, четвертый готовил блюда к столу и т. д. Рабов и рабынь обучали ремеслу цирюльников, банщиков, камеристок и т. п. Дурным тоном считалось поручать одному рабу разные обязанности. На одежду и драгоценности «светских дам» тратились огромные средства. В корне изменились старые нравы. Участились разводы, знатные женщины заводили любовные связи. Ослаб авторитет отцов, сыновья фактически сами распоряжались своим

408/409

*Древнеримская
цивилизация*

*Фреска виллы
Мистерий
в Помпеях.
Вторая половина
I в. до н. э.*

имуществом. Даже рабы, получавшие теперь в пекулии лавки и мастерские, жили самостоятельно, отрывались от фамилий, сближались с городским плебсом.

Греческая культура завоевывала все новые позиции. Скульпторы и живописцы, следуя греческим образцам, изображали на фресках сцены из греческих мифов, но выработали свой стиль в области портрета. В отличие от греков, приукрашивавших оригиналы, римляне старались точно передать внешний облик и внутреннюю суть того, кого изображали. Цицерон, а затем Гораций в его «Искусстве поэзии» утверждали теорию реалистического искусства, задачей которого бы-

ло отражение действительной жизни во всем ее многообразии, точная обрисовка характеров, привычек, взглядов на жизнь людей разного возраста и общественного положения. Они осуждали отступление от жизненной правды.

Между тем магистраты старались превзойти друг друга пышностью устраиваемых ими зрелищ. Наряду с комедиями и трагедиями, которые порой уже казались устарелыми, появляются веселые сценки — мимы. Особо знаменит был mimoграф Публилий Сир. Многие из изречений его персонажей стали популярными пословицами.

За счет рабов и отлученников, которым господа считали нужным

дать образование, росла интеллигенция. Многие представители «рабской интеллигенции» писали сочинения по истории, языкознанию, литературоведению. Но теперь и знатные, и высокопоставленные люди не считали зазорным заниматься умственным трудом. Греческий язык становился не только литературным, но и разговорным. Греческие и латинские книги находили широкий сбыт. Необходимость образования стала общепризнанной. Так, архитектор Витрувий писал, что строитель должен знать не только архитектуру, но и астрономию, медицину, философию, мифологию. Хозяин имения и вилик должны были разби-

Фреска виллы
Мистерий
в Помпеях.
Вторая половина
I в. до н. э.

ратся в агрономии, ветеринарии, медицине, астрономии.

Разносторонним ученым был Варрон. Он писал на многие темы, начиная с сельского хозяйства и кончая историей римских культов, гражданских и религиозных институтов, занимался этимологией латинских слов. Выдающимся мыслителем был Лукреций Кар, автор знаменитой поэмы «О природе вещей». Исходя из теории соединения и разъединения вечно движущихся атомов, он писал о естественном, без вмешательства богов, происхождении Вселенной, Земли, растений, животных и людей. Человеческое общество, по его мнению, складывалось и развивалось не по воле высших сил, а благодаря наблюдению за природой и разумно понятой общей пользе, оформленной обычаями и законами, которые могут изменяться, если изменится понимание общей пользы.

Многочисленные бедствия от внешних и гражданских войн толкали людей на поиски путей выхода из тупика, они искали ответ в учениях, предлагавших самые различные рецепты в соответствии со взглядами различных греческих философских школ.

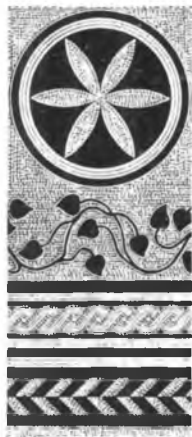
Так, стоики учили, что человек будет счастлив, если превыше всего будет ценить добродетель, исполнять свой долг перед обществом, но не придавать значения таким мирским обстоятельствам, как богатство, знатность, почести, здоровье. По словам Цицерона, распространялись сочинения, доказывавшие, что ни рабство, ни даже гибель родины еще не зло само по себе. Среди высших сословий было популярно пифагорейство, в котором было немало заимствованной с Востока мистики, тайных обрядов. Многие принимали посвящения в Элевсинские и Самофракийские мистерии. Вместе с тем в той же среде росло пренебрежение к традиционной римской религии. Цицерон в своем трактате «О дивинации» высмеивал традиционные способы узнавать волю богов, а в трактате «О природе богов» в уста великого понтифика Аврелия Котты вложил рассуждения о сомни-

тельности существования богов: религия обязательна для простых людей, образованный же человек может в нее верить или не верить.

Таким же было мнение Варрона, делившего религию на религию поэтов, религию философов и религию, обязательную для граждан. Эпикурейцы признавали существование богов, ведущих блаженную жизнь и не вмешивающихся в дела мирские. Стоики исходили из пронизывающего все сущее божественного начала. В человеке такая «божественная искра» — его душа, дух, разум, сближающий его с божеством. Иногда они отождествляли бога с природой, иногда говорили о едином боге, тогда как другие почитаемые народом божества — это его отдельные силы и свойства или его помпоники. Исходя из единства мира и взаимовлияния всех его частей, стоики обосновывали достоверность астрологии и возможность магии. Старую веру заменяла вера в судьбу. Астрономические сведения в смешении с астрологическими изложил в поэме «Астрономикон» Манилий. В астрологию верили все, начиная с рабов и кончая Марием, Суллой и Помпеем, гороскопы которым составляли ученые-астрологи.

Укреплялся индивидуализм. Показательно в этой связи творчество так называемых неотериков, к которым принадлежал один из лучших римских поэтов — Катулл. «Неотерики» следовали эллинистическим образцам, писали для элиты вычурные поэмы на мифологические темы и, с точки зрения Цицерона, были бесполезны для общества. Для Катулла главной темой была его любовь к сестре Клодия, «светской львице», названной в его стихах Лесбией. С необычайной силой переданы радости и страдания этого высокого чувства, в значительной мере оттеснившие от него события окружающего мира. Развитие индивидуализма сказывалось и в появлении мемуаров таких деятелей, как Сулла и Цезарь.

Для развития культуры своего времени много сделал Цицерон. Его речи, письма к друзьям, фило-

софские трактаты, в которых он старался познакомить римских читателей с греческой философской и политической мыслью, сочинения по ораторскому искусству служат источником не только по истории, но и по идеологии и культуре тех лет.

Ученик стоиков Панетия (под его влиянием он написал свой трактат «О долге») и Посидония Цицерон, заимствуя кое-что из их положений, вместе с тем склонялся и к скептицизму Новой Академии. Свои в общем эклектические воззрения он излагал в трактатах «Парадоксы», «Академики», «Тускуланы», а также в таких произведениях, как «О республике», «О законах», «О долге», увязывая политику и философию. Цицерон стремился сочетать греческие теории с исконно римскими. Как и Катон, он подчеркивал, что величие Рима создавал весь римский народ. Идеалом для него был римский политический строй, установленный «предками», Римская республика с ее «смешанной формой правления», охарактеризованной Полибием.

Жизнь республики управляется неким высшим законом, установленным не людьми, как считали эпикурейцы, а самой природой, «божественным разумом», который и создал закон. Ему подчиняется вся природа, весь космос, ему повинуются даже боги, и люди, невежественные и порочные, не должны изменять его по своему усмотрению. Такое преклонение перед законом навсегда осталось характерной чертой идеологии римлян — создателей разработанного права. И позже основное отличие хорошего императора от «тирана» они видели в том, что первый ставил закон выше собственной воли, второй же его попирает. Римляне никогда не разделяли концепцию греческих софистов, считавших, что закон создан слабыми людьми и не обязателен для сильных. Для них высшей ценностью была республика, первичное, вечное единство с цементирующим ее законом, общество граждан же — вторичное, преходящее множество.

Даже самый сильный город, если он не управлялся справедливым за-

коном, не мог считаться республикой, т. е. наивысшей формой общности людей. Так и в политических учениях коллективизм противостоял эллинскому индивидуализму. Соответственно Цицерон приспосабливал образ безразличного ко всему стоического мудреца к идеалу римскому — «достойного мужа», которому не может быть чуждо благо родины. Свой трактат «О республике» он заканчивает рассказом о «сне Сципиона». Юному Сципиону Эмилиану явился во сне его дед Сципион Африканский. Он показал и разъяснил внуку божественное устройство космоса и возвестил о блаженной посмертной судьбе героев, возвеличивших Рим. Заимствованная из эллинистических учений идея бессмертной души сочеталась, таким образом, с идеей высшего долга выдающегося гражданина, а служение Риму становилось служением божественному вселенскому принципу.

Огромное влияние на современников и потомков оказало ораторское искусство Цицерона. Ему он посвятил несколько теоретических сочинений, иллюстрировалось оно блестящими речами. Цицерон выступал в судебных процессах, в сенате и народном собрании за своих единомышленников и против своих врагов. Наиболее знамениты его речи против наместника Сицилии Верреса, против Каталины и филиппики против Антония. Он призывал к сплочению «всех лучших», другими словами — лояльного существующему строю, людей — сенаторов, всадников, просто состоятельных граждан — против популяров и «мятежной черни». Однако (хотя вопрос этот спорен) не исключено, что он готов был признать и единоличное правление некоего «принцепса», совершенного оптимата, подобного врагу Гракхов Сципиону Эмилиану, поскольку с республикой были в его понимании совместимы и монархия, и аристократия, и демократия, если они действовали законно и для общей пользы.

С торжеством возвратившись из изгнания в сентябре 57 г. до н. э., он активно занялся литературной деятельностью, которую продол-

жал и в последующие годы.

Между тем переход к единовластию практически был подготовлен диктатурой Суллы, чрезвычайными полномочиями Помпея, хозяйничаньем триумвиров. Для Цицерона и оптиматов таким единоличным правителем мог выступить некий «принцепс» — защитник интересов знати; для плебеев — преемник царей-народолюбцев, освобождавших плебс от власти «отцов»; для армии — победоносный, любимый ею командир. Вопрос шел лишь о том, кто станет таким главой республики. Общая ситуация подсказывала, что им станет тот, кого поддержит армия.

Кандидатом в правители мог выступить Помпей, начавший снова сближаться с сенатом, особенно после того как Красс погиб в войне с Парфией и распался триумвират. Но именно это сближение подорвало его популярность. Возрастала роль Цезаря. Он обладал исключительным личным обаянием, которое признавал даже его противник Цицерон. Но главными были его военные и дипломатические таланты, обеспечивавшие его успехи в Галлии, которая была покорена за 10 лет. Цезарь обратил Галлию в провинцию, взял богатейшую добычу и 1 млн пленных. Благодаря таланту полководца, вниманию к нуждам солдат, с которыми он делил тяготы походов, ораторскому дарованию Цезарь создал дисциплинированную и, главное, преданную ему армию.

В глазах римлян он был теперь не только завоеватель обширной и богатой области, но и мститель за унижение Рима во время галльского нашествия 390 г. до н. э. Сенат, возглавляемый крайними оптиматами, в том числе правнуком Катона Катон Младшим, был недоволен возвышением Цезаря и требовал, чтобы тот распустил свою армию. Сенат возлагал надежду на Помпея, назначенного консулом без коллегии. Война становилась неизбежной. 10 января Цезарь перешел с войском Рубикон, отделявший Цизальпинскую Галлию от Италии. Итальянские города переходили к нему; даже стоявшие в Италии солдаты Помпея перешли на сторо-

ну Цезаря. Помпей со своими сторонниками, среди которых был и Цицерон, переправился в Грецию.

Таким образом, война перекинулась на провинции и вассальные царства. Главным театром военных действий были Испания, Греция, Африка, Египет. Исход во многом решался позицией провинциалов. Помпея (а в его лице — партия сената) поддерживала в основном верхушка светской и жреческой знати, Цезаря — городские слои старых и новых, романизовавшихся полисов, страдавших от сенатских ставленников и получавших от Цезаря различные привилегии и римское гражданство, дававшееся отдельным людям или целому городу.

В результате Цезарь одержал полную победу. Разбитый в Фессалии при Фарсале Помпей бежал в Египет и был там убит.

Цезарь стал единоличным главой Римской державы. Ему была предоставлена бессрочная диктатура, пожизненная власть трибуна, к его имени был прибавлен титул «император», обычно дававшийся на поле боя солдатами полководцу, он был провозглашен «отцом отечества», мог самостоятельно решать вопросы войны и мира, ведать казной, выдвигать кандидатов в магистраты и наблюдать за нравами. К внешним атрибутам власти относились пурпурная тога, лавровый венчик. Противники Цезаря обвиняли его в намерении принять титул царя, традиционно вменявшемся всем активным противникам власти сената.

Цезарь, столь талантливо, решительно, иногда жестоко действовавший на пути к власти, обретя ее, не сумел ею воспользоваться. Прощенный Цезарем и вернувшийся в Рим Цицерон, продолжая в душе ненавидеть Гая Юлия, писал: «Все мы рабы Цезаря, а Цезарь — раб обстоятельств». В своей политике Цезарь не был последователен. Он ограничивался полумерами, чем оттолкнул от себя многих бывших сторонников, но не снискал симпатий сената. Отказавшись от проскрипций и конфискации земель крупных собственников, он не смог удовлетворить при-

тязания ветеранов; плебс был недоволен сокращением хлебных раздач, новым запрещением коллегий.

Более последовательны были меры Цезаря по расширению социальной базы в провинциях. Цизальпинская Галлия получила римское гражданство и перестала считаться провинцией. Особый муниципальный закон унифицировал строй колоний и муниципий, воспроизводивший с модификациями строй римской гражданской общины (он известен нам по надписям, содержащим городские уставы). Народное собрание граждан избирало магистратов: дуумвиров, квесторов, судей — из тех, кто обладал недвижимостью и установленным цензом. После отправления должности они входили в городской сенат — совет декурионов. Город получал территорию, разделенную на частные наделы и общественные земли. Если город основывался в провинции, земля для него отбиралась у местного племени, некоторые из членов которого могли быть поселены на городской территории (они назывались инколы), другие отгеснялись на худшие земли.

Общественные земли, как и городская казна, управлялись магистратами, отвечавшими своим имуществом за ведение дел. Они же сдавали в аренду участки на земле города, принадлежавшие ему мастерские, подряды и разные работы, командовали городским ополчением, в случае грозившей опасности могли налагать на граждан трудовые повинности. В их обязанности входило наблюдение за отправлением жрецами культа богов — покровителей города, они

следили за снабжением граждан продовольствием, устройством игр и т. д. Впоследствии декурионы стали наряду с всадниками и сенаторами привилегированным сословием, состоявшим из городских земле- и рабовладельцев. Они были проводниками римской культуры.

Во время диктатуры Цезаря этот слой еще только складывался и не мог служить ему достаточно прочной опорой. Половинчатой политикой Цезаря воспользовался нобилитет, ведя против него усиленную агитацию. Цезаря называли тира-

414/415

Древнеримская
цивилизация

Фреска виллы
Мистерий
в Помпеях.
Вторая половина
I в. до н. э.

ном, душеителем свободы, вепоминали древнего Брута и апеллировали к его потомку, другу Цицерона Юнию Бруту, призывая последнего восстановить «свободу». Брут, пользовавшийся покровительством Гая Юлия, долго колебался, но в конце концов был вовлечен в заговор, организованный помпеянцем Кассием. Заговорщики спешили, ибо знали о намерении Цезаря покинуть Рим и начать войну с Парфией. 15 марта 44 г. до н. э. Цезарь был убит около курии сената.

Однако этот террористический акт уже не мог спасти республику нобилитета. Заговорщики рассчитывали на то, что, когда они объявят о смерти «тирана» и восстановлении «свободы», народ провозгласит их своими спасителями и бросит труп убитого в Тибр. Но для ветеранов и плебса Цезарь, несмотря на непоследовательность проводимой им политики, оставался победоносным императором, вождем популяров, героем, погибшим от рук сената. Возмущенный плебс бросился громить дома оптиматов, а на месте погребального костра Цезаря ему стали приносить жертвы как богу, веря, что появившаяся в эти дни комета — душа Цезаря, вознесшаяся на небеса.

Напуганные оптиматы заперлись в домах, заговорщики укрылись на Капитолии. В конце концов они вынуждены были договориться с Антонием. На заседании сената было достигнуто компромиссное соглашение: Антоний и его коллега Долабелла восстанавливают в городе порядок; Цезарь не объявляется тираном, его распоряжения остаются в силе, но его убийц не карают — Брута и Кассия выпроводили из Рима, дав им провинции Крит и Киренаику. Сыну Помпея Сексту позволялось вернуться в Италию и получить имущество отца. Диктатура отменялась на вечные времена.

В это время выдвинулся усыновленный и назначенный Цезарем наследником его вунчагый племянник Октавий, принявший имя Гая Юлия Цезаря Октавиана. 18-летний Октавиан проходил со своим другом Випсанием Агриппой обучение военному делу в эфирском г. Апол-

лонии, когда получил известия о событиях в Риме. Стоявшие в Аполлонии солдаты Цезаря и сам Агриппа уговорили Октавиана принять наследство Цезаря и двинуться в Италию. Когда Октавиан прибыл туда, к нему стали стекаться ветераны и богатые отпущенники Цезаря, призывая отомстить за отца. В Риме Октавиан явился к Антонию и потребовал отдать ему казну Цезаря, дабы он мог выполнить его завещание. Антоний грубо ответил, что казна Цезаря пуста, а Октавиану следует не требовать, а радоваться, что он благодаря Антонию теперь не сын обесславленного тирана. Тогда Октавиан начал вести удивительно тонкую для юноши его лет игру. Он начал переговоры с Цицероном, называл его «отцом», просил советов. Цицерон, понимая, что Октавиана можно противопоставить Антонию, расхваливал юношу, якобы посланного самим Юпитером для спасения Рима от тирании Антония. На встречах же со своими сторонниками Октавиан признавался, что его отношения с Цицероном только хитрость, к которой его принудило поведение Антония, и что, обретя силу, он отомстит за смерть Цезаря. На деньги, полученные от сената при посредничестве Цицерона, он переманивал солдат Антония, выплачивая им более высокое жалованье.

В конце 44 г. до н. э. Антоний отбыл в Галлию. Сенат выслал против него войско, с которым отправились и солдаты, набранные Октавианом. Близ Мутины Антоний был разбит. Сенат решил, что может теперь обойтись без Октавиана, и отказал в обещанном ему консульстве. Тогда Октавиан объединился с Антонием и наместником Нарбоннской Галлии цезарианцем Эмилием Лепидом. Они заключили так называемый второй триумвират и без труда взяли Рим. Октавиан был избран консулом, триумвиры решением народного собрания наделены чрезвычайными полномочиями «для восстановления республики». Было отменено постановление об амнистии убийцам Цезаря, собиравшим тем временем войска и средства в восточных

Юлий Цезарь.
Мрамор. Первая
половина I в. до н. э.

провинциях, и решено начать с ними войну.

Для наказания убийц Цезаря, объявленных врагами отечества, и тех, кто их поддерживал, были составлены проскрипционные списки, в которых одним из первых по требованию Антония был назван Цицерон. 7 декабря 43 г. до н. э. он был убит командовавшим военным отрядом центурионом. Началось наделение землей ветеранов: было выделено 18 городов Италии, жители которых лишались земли, рабов и инвентаря в пользу новых владельцев, им же раздавались земли, конфискованные у проскрибированных. Погибло более 300 сенаторов, 2 тыс. всадников, за вознаграждение жены доносили на мужей, дети — на родителей, рабы — на господ. Время это осталось в памяти римлян как время ужаса и хаоса. Лишенные земли горожане проклинали обездоливших их «нечестивых воинов». Не лучше было положение и в восточных провинциях, где Брут и Кассий требовали людей и денег. Но война кончилась их поражением.

Наводить порядок на Востоке отправился Антоний. Лепид вскоре был отстранен от дел. Октавиан, получивший западные провинции, остался в Италии. Секст Помпей укрепился в Сицилии, зачислая в свой флот оптиматов и рабов. Его суда мешали подвозу зерна в Италию; парфяне, используя ослабление Рима, захватили Сирию, и только с большим напряжением сил их оттеснил Вангидий Басс. В 36 г. до н. э. Агриппе удалось покончить с Секстом Помпеем. Октавиан обещал сохранить свободу сражавшимся на стороне Секста Помпея рабам, но затем, разослав их по провинциям, в тайных письмах приказал наместникам их разоружить и захватить. 30 тыс. рабов были возвращены владельцам, а если не могли установить, чей раб, его казнили. Этим актом Октавиан начал примирение с имущими классами. С сенатской знатью его сблизил и брак с Ливией, разведенной женой врага триумвиров Тиберия Клавдия Нерона. Проскрипции были прекращены, конфискации прекратились. Популярность Октавиана

росла: вся Италия присягнула ему на верность.

Однако на Востоке правителем продолжал оставаться Антоний. Он сблизился с Клеопатрой, провозгласил себя новым богом — Дионисом, а ее — богиней Изидой и «царицей царей», возводил на престол и смещал вассальных царей, раздавал провинции своим детям от Клеопатры. В Риме против него велась усиленная кампания, его поведение расценивалось как недостойное римлянина, ему инкриминировалась и приверженность «темным» богам Египта.

Война с Антонием становилась неизбежной. Она началась в 31 г. до н. э. и окончилась 2 сентября того же года поражением флота Антония и Клеопатры в битве при мысе Акции в Западной Греции. Антоний и Клеопатра бежали в Египет, а солдаты Антония перешли к Октавиану, обещавшему наградить их наравне со своими воинами. В 30 г. до н. э. Октавиан прибыл в Египет, замесвал его без труда и обратил в римскую провинцию, подчинявшуюся лично ему. Антоний и Клеопатра покончили с собой.

Египетская добыча дала Октавиану возможность уже не отбирать, а покупать надель для ветеранов. Примерно 300 тыс. человек получили их. Командирам и приближенным Октавиана раздавались имения в сотни югеров, что способствовало распространению лагифундий. Укрепилось также частное мелкое и среднее землевладение, зиждившееся на труде рабов. Верховное право распоряжения землей перешло к главе государства, и собственники уже не опасались новых аграрных законов, принятых плебсом. Их собственность на землю стала такой же прочной, как собственность господина на раба.

Так начался в истории Рима новый период — период единоличного правления, эпоха империи. В современной научной литературе нередко дискутировался вопрос о существовании этого перехода, о том, можно ли назвать его революцией. Одни историки считают, что тогдашние события следует рассматривать как признаки революции. Другие, воз-

ражая, приводят различные аргументы и подчеркивают, что общество не изменило свою структуру, осталось рабовладельческим. Однако, как отмечал С. Л. Утченко, революции происходят и в обществах без коренного преобразования господствующего способа производства (например, революция 1848 г. во Франции). Вместе с тем в результате широких движений в структуре правящего класса, в политическом устройстве, в общем направлении политики происходят значительные перемены.

В этом смысле можно говорить о коренных по характеру изменениях по сравнению со старой структурой. Установление империи было победой муниципальных земле- и рабовладельцев (Италии и отчасти провинций) над верхушкой крупной земельной аристократии, хищниче-

ское господство которой губило экономику провинций, тормозило развитие мелкого и среднего землевладения в Италии, условия которого были наиболее благоприятны для прогресса основанного на рабском труде сельского хозяйства и соответственно связанных с таким типом сельского хозяйства ремесла и торговли. Поэтому, характеризуя переход к империи, процесс, который сопровождался коренными изменениями в отношениях собственности, острой борьбой между представлявшей интересы плебея армией и сторонниками сената, вовлечением рабов в борьбу между разными сословиями, можно условно применять термин «революция», имея в виду революционные сдвиги в общей структуре римского общества и «климате» той эпохи.

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. ПРИНЦИПАТ АВГУСТА

В 27 г. до н. э. Октавиан объявил, что слагает с себя чрезвычайные полномочия и возвращает власть сенату и народу. Он постоянно подчеркивал, что от остальных магистратов он отличается только своим авторитетом, что он только первый в списке сенаторов — принцепс (отсюда вся система ранней империи получила название принципат). На деле же он сохранил всю полноту власти: пожизненно носил титул императора, ежегодно получал власть трибуна — «защитника народа», выдвигал кандидатов в магистраты (сам он неоднократно был консулом), распоряжался казной, решал вопросы войны и мира, вел переговоры с иноземными царями и народами.

Сенат присвоил ему титул Августа — «возвеличенного божеством», что придавало его власти сакральный характер. А поскольку еще во время триумvirата была официально признана божественность Цезаря, то Август являлся еще и «сыном бога». В восточных провинциях он сразу же, по примеру эллинистических царей, был обожествлен. К концу его правления как в италийских, так и в некоторых провинциальных городах появились посвященные ему алтари, колле-

гии, обслуживавшие его культ. Клятва его Гением (Гений был божественной силой — носителем всех способностей человека, его душой) считалась самой священной наряду с клятвой Юпитером. После смерти триумвира Лепида, бывшего великим понтификом, эта должность тоже отошла к Августу. Таким образом, он и его преемники соединяли в своих руках всю полноту военной, гражданской и религиозной власти.

Август и его сторонники прокламировали, что он восстановил республику. Как уже упоминалось, для римлян республика могла сочетаться с любой формой правления, лишь бы она была законной и служила «общей пользе». Утверждение Августа понималось как отмена чрезвычайных полномочий триумvirов и восстановление свободы и традиционного строя, хотя на деле, конечно, вся система власти была изменена коренным образом. Формально народ остался суверенным, но все, чем когда-то граждане были обязаны гражданской общине, теперь они получали благодаря принцепсу. Сенат, пополненный приближенными Августа и ему подчиненный, внешне пользовался уважением как верхов-

ный орган управления (на деле на его усмотрение отдавались лишь маловажные вопросы), а сенаторы (для них был установлен ценз в 1 млн сестерциев) оставались первым привилегированным сословием государства. Из их числа назначались высший командный состав армии, наместники провинций, префекты Рима. Всадники (их ценз определялся в 400 тыс. сестерциев) привлекались к разным вновь созданным должностям, к командованию воинскими частями, из них же назначался префект Египта — личного домена императора. Внешне казалось, что осуществлена программа Цицерона — сплочение всех сословий, всех «лучших» на общую пользу.

Август был прирожденным государственным деятелем, мастером социальной демагогии. Не оскорбляя римских традиций и всячески подчеркивая свою скромность и умеренность, преданность старине, «нравам предков», древним культам (он восстанавливал старые храмы, забытые культовые коллегии и жреческие должности), он сумел использовать власть для решения важнейших вопросов, в частности для создания государственного аппарата. Из лучших солдат, уроженцев Италии, Август организовал войска командой префекта из всадников 9 преторианских когорт гвардии, размещавшихся частично в Риме, частично по Италии. Главной задачей их была охрана порядка. Преторианцы служили всего 16, а не 20 лет, как легионеры, часто повышались в чине, становясь центурионами легионов. Все это обеспечивало их преданность императору.

Август образовал также три городские когорты, которые несли полицейскую службу и подчинялись лично префекту Рима. Они должны были «обуздывать рабов и чернь» и наблюдать за порядком. Армия была сокращена до 25 легионов, набиравшихся из римских граждан. Им были приданы пешие когорты и конные алы, которые набирались из провинциалов. Все эти части были размещены на границах государства или в провинциях, где могло возникнуть какое-

либо недовольство. Командиры легионов, бывшие одновременно и наместниками провинций, подчинялись непосредственно Августу.

«Мирные» провинции, в которых не стояло войско, находились в ведении сената, хотя Август контролировал и их. Солдаты могли теперь дослужиться до поста центурионов, а особенно отличившиеся центурионы имели доступ к сословию всадников. После отставки солдаты получали земельные наделы. Так «нечестивые войны» превратились в оплот твердой власти и порядка.

Начав как преемник Цезаря, Август считал нужным склонить на свою сторону и плебс, хотя народные собрания в Риме фактически утратили значение, а затем и вовсе перестали собираться. Правда, народ получал раздачи, для него устраивались зрелища (особенно торжественно были отпразднованы так называемые секулярные игры, которые отмечались раз в сто лет) были также изданы некоторые законы в пользу плебса. Был восстановлен закон Петелия: неплатный должник, отдав свое имущество кредитору, был свободен от кабалы, и всё им впоследствии нажитое оставалось ему. Вновь было разрешено организовывать в Риме и других городах поквартальные коллегии культа Ларов из плебеев, отпущенников и рабов, с тем, однако, чтобы они также воздавали культ и гению Августа.

Тем самым Август хотел обеспечить поддержку масс. Вместе с тем для создания любых коллегий требовалось специальное разрешение. Организация незаконной коллегии приравнивалась к вооруженному захвату общественного здания. Плебс, таким образом, был поставлен под жесткий контроль. Чтобы пресечь проникновение в его среду «ненадежных» элементов, был нормирован отпуск рабов на волю. Особое место занимали законы Августа о рабах. Согласно так называемому Силанианскому сенатусконсульту, в случае насильственной смерти господина все рабы, находившиеся с ним под одной кровлей или на расстоянии окрика и не пришедшие ему на помощь,

подвергались пытке и казни. Понимая, однако, что опасно озлоблять рабов, Август стал проводить новую политику в отношении их: было введено ограничение злоупотреблений властью со стороны господ. Император лично подавал пример мягкого обращения с рабами и осуждал жестокость владельцев к рабам.

Август продвигал во всадническое и даже сенаторское сословия видных у себя на родине землевладельцев италийских городов. Им особенно импонировала его приверженность «нравам предков», выразившаяся, между прочим, и в мерах по укреплению семейных связей.

При Августе претерпела изменения и политика в отношении провинций. Роль публиканов ограничивалась; налоги в соответствии с проведенным по провинциям цензом стали собирать лишь агенты императора; собрания видных провинциалов получили право жаловаться на наместников в случае недовольства их действиями; в провинциях основывались колонии; преданные Августу лица получали привилегии. Так креп класс, способный проводить в провинциях римскую политику и все более зависящий от милости императора.

Август пользовался огромной популярностью, его воспевали как в надписях городов, так и в стихах поэтов, в трудах историков. По словам Горация, в это время все стали писать стихи, юноши и старцы, в банях и за столом. Творения старых римских поэтов и писателей стали казаться неуклюжими и даже иногда уже малопонятными. И хотя Август подчеркивал свое уважение ко всему исконно римскому, в его правление римская и греческая культура окончательно сливаются в одну, позднеантичную культуру распространившуюся и на провинции. Римские авторы освоили и совершенствовали эллинистические стили, отрасли литературы, образы, наполняя их содержанием, близким исконно римским ценностям.

Философия отступила на задний план перед поэзией. В правление Августа не были созданы новые

философские труды, но философские раздумья, заимствованные из разных философских направлений, влетали поэтам в их произведения. Время принципата Августа было временем расцвета римской цивилизации. Наиболее выдающимися были поэты Вергилий, Гораций и Овидий. Вергилий (70—19 гг. до н. э.) родился близ Мантуи, при проскрипциях лишился своего имени, но получил от Августа другое и был принят в кружок Мепената, приближенного Августа, собиравшего талантливых авторов. Еще до

битвы при Актии Вергилий опубликовал «Буколики» — сборник из 10 эклог, посвященный в основном любви пастухов и пастушек. Но уже в нем отразилось преклонение поэта перед Октавианом как перед благодетельным божеством. Особенно знаменита была его IV эклога, предвещавшая скорое наступление «золотого века». Позже, откликаясь на стремление Августа возродить пострадавшее от войн сельское хозяйство, Вергилий написал поэму «Георгики». Советы земледельцам перемежаются в ней с описанием природы Италии, обращения к сельским богам — с глубокими размышлениями. Особенно интересны мысли Вергилия о смене золотого века Сатурна железным

Пейзаж долины
Ила. Мозаика
из Пренесты. I в.
до н. э.

веком Юпитера: при Сатурне, когда природа все сама давала людям, они жили беззаботно, но Юпитер пожелал, чтобы в тяжелых трудах люди научились изобретать нужные для жизни ремесла и искусства. «Все побеждает труд», — заключал он.

Самым знаменитым творением Вергилия, принесшим ему мировую славу, стала его поэма «Энеида», посвященная странствованиям Энея, его любви к царице Карфагена Дидоне, его разрыву с нею по приказу Юпитера, предназначивше-

строению космоса, с учением о мировой душе и бессмертии человеческих душ, о посмертной судьбе душ, о награде в «полях блаженных» тем, кто служил родине делом и словом, и каре предателям, нарушителям римской верности, тиранам. Но главным в поэме было соединение «римского мифа» с рождавшимся «мифом Августа». Эней, с помощью пророчицы Сивиллы, спускается в царство мертвых, чтобы спросить своего отца Анхиза о будущем: Анхиз открывает ему его судьбу и судьбу Рима, который будет основан потомками Энея и которому предназначено править всеми народами, «милая покорных и укрощая надменных». Анхиз показывает Энею ожидающие воплощения души царей и героев Рима и самого великого из них, исполнившего и завершившего миссию Рима, потомка Юла — Августа. Вергилий умер, не успев закончить «Энеиду». Но и это незавершенное произведение стало самым популярным памятником римской литературы.

Гораций (65—8 гг. до н. э.), будучи сыном небогатого вольноотпущенника, получил между тем прекрасное образование. За участие в войне на стороне Брута и Кассия он долго пребывал в немилости, но затем по ходатайству Вергилия был принят в кружок Мecenата и получил небольшое имение в Сабинских горах. Творчество Горация многообразно по тематике, стилю, размерам стихов. Он считал, что римляне превзошли своих учителей-греков. В своем творчестве поэт отразил сложность и противоречивость современной ему эпохи. Воспевая старину и простую жизнь на лоне природы, он, однако, признавался, что не может жить без Рима Августа, столь непохожего на Рим Ромула. В его стихах эллинистические призывы сливаются со стоическими проповедями суровой добродетели. Писал он и любовные стихи, и сатиры, высмеивающие пороки римского общества. Гораций видел в поэзии высокую миссию ее творца, призванного не только развлекать своих читателей, но прежде всего учить. Он должен совершен-

Август. Мрамор.
Конец I в. до н. э.

го ему стать предком основателей Рима, его прибытию в Италию, войне с племенами Италии за брак с дочерью царя Латина Лавинией. В «Энеиде» сочетались любовь автора к древним верованиям, обычаям, преданиям Италии с греческими философскими теориями о

ствовать свое мастерство, ибо посредственности «не терпят ни боги, ни люди, ни книгопродавцы». Как и другие поэты, Гораций восхищался Августом, называл его божеством. Для секулярных игр он написал исполнявшийся хорами юношей и девушек гимн в честь исконных богов Рима и пользовавшегося почитанием Августа Аполлона. В нем он обращался к богам с мольбой даровать Риму и Августу вечное счастье.

Овидий (43 г. до н. э.—17 г. н. э.) прославился своими любовными стихами, и особенно поэмой «Метаморфозы», построенной на основе мифов о превращении людей в растения и животных и завершающейся мифом о превращении Юлия Цезаря в звезду. В поэме содержалось и учение о смене веков и защищались некоторые идеи пифагорейцев и т. п. Поэма Овидия «Фасты» была посвящена праздникам римского календаря (он успел довести ее только до июня). И здесь римская традиция постоянно сочетается с греческими мифами, перенесенными на римскую почву. Неудовольствие Августа вызвала поэма Овидия «Наука любви», поучавшая, как найти любовницу и обмануть мужа. Август увидел в ней насмешку над своим законодательством о браке, но знатной молодежи поэма нравилась. Несмотря на популярность, Август сослал Овидия в г. Томы (совр. Констанца) на Черноморском побережье. Там поэт писал «Скорбные послания» в Рим, описывая свою тяжелую жизнь среди варваров, моля о прощении, но так его и не обрел.

«Римский миф» нашел свое завершение и в римской истории, написанной Титом Ливием. Последние части сочинения не сохранились. Но и по известным нам текстам ясна цель автора — показать, как доблесть, патриотизм, почитание богов возвысили маленький городок на Тибре до положения владыки мира. Живший в Риме грек Дионисий Галикарнасский в своей книге «Римские древности» изложил первые этапы истории Рима, общность римских институтов, культов, верований с греческими.

Современниками Августа были и многие другие поэты, историки и писатели. Сам он написал краткое изложение своих «деяний» (оно дошло до нас в латинском и греческом вариантах). Множились и научные сочинения. Географ Страбон дал описание многих стран и народов. Агриппа, ставший зятем Августа, принимал участие в составлении карты империи. В связи с межеванием земель, отводившихся колониям, начали составлять свои труды землемеры, указывая способы межевания и измерения уча-

стков, правила наделения земель городов, сел, пагов. Витрувий написал трактат по архитектуре. В нем он дал правила основания городов с центральным форумом, где сосредоточивались храмы наиболее чтимых богов, с мощеными улицами, рынками, с храмом Меркурия; перечислил правила постройки зданий общественных — цирков, театров, амфитеатров — и частных — вилл, городских домов, методы сооружения механизмов для переноски тяжестей и т. д.

Известно, что Август принимал у себя писателей и ученых, даже если они были отпущенниками, как, например, Гигин, автор сочинений по грамматике, литературоведению, и т. п. Август сделал его заведующим учрежденной в Риме общественной библиотекой, где не только хранились книги, но и авторы читали свои сочинения и велись споры.

Ливия. Базальт.
Конец I в. до н. э.

Однако, признавая необходимость образования, римляне больше интересовались практическим приложением наук, а не их теорией. Как однажды образно заметил Цицерон, греки изучали геометрию, чтобы познать мир, римляне же — чтобы измерять земельные участки.

Быстро развивалась техника, особенно строительная. Необходимость соединить разные части империи для военных и торговых нужд стимулировала строительство дорог, а потребность в воде — сооружение акведуков, часть из которых сохранилась до наших дней. Для постройки и ремонта водопроводов Август выделил рабов, специально обучавшихся водопроводному делу, а во главе их поставил начальника из числа сенаторов. Один из них, Фронтин, написал сочинение «О водопроводах». Новый водопровод для Рима соорудил Агриппа. Вода подавалась в общественные фонтаны, бани, ча-

стные дома знати, где комнаты и бани обогревались горячим воздухом, поступавшим из подвалов по трубам. Август говорил, что, застав Рим кирпичным, оставит его мраморным. Помимо реставрации 84 старых храмов были воздвигнуты новые, из которых особенно славились храмы Аполлона и Весты на Паллатине, включенные в комплекс дворца Августа, храм «божественного Цезаря», храм Марса Мстителя на новом Форуме Августа, продолжившем Форум Цезаря, и Пантеон Агриппы с огромным куполом — замечательным достижением римской техники. Не только в Риме, но и в итальянских и некоторых провинциальных городах строились театры и цирки для гладиаторских игр, травли зверей, инсценировки сухопутных и морских сражений, для чего арена на время затоплялась водой.

Развитие архитектуры вело к развитию настенной живописи, лучше всего известной из раскопок домов в Помпеях. Стиль фресок варьировался, но обычно они состояли из красочных картин на мифологические, исторические, бытовые темы, часто с пейзажами, видами садов, сельских вилл. Остальные части стен покрывались изображениями цветочных гирлянд, светильников, колонн и т. п. Выполнялись они греческими и римскими мастерами, подражавшими греческой живописи. Греческие образцы воспроизводились и скульпторами (большинство творений великих греческих мастеров известно нам именно в римских копиях). Знаменитейшим их творением был посвященный сенатом Августу «алтарь Мира», со всех сторон украшенный барельефами.

На переднем его фасаде была изображена богиня Земли с символами изобилия и плодородия — двумя детьми, колосьями, лежащими у ее ног быком и овцой; на боковых — богиня Рома, Ромул, Рем и Эней, приносящие жертву, торжественные процессии. Многочисленные статуи Августа изображали его как полководца в панцире и как великого понтифика. Скульптурные портреты частных лиц отличались точной передачей черт, и

в этом они расходились с греческими, идеализировавшими оригиналы. Интерес к психологии человека был отличительной чертой римского искусства и литературы. И Цицерон и Гораций требовали от оратора, драматурга, художника знания характера и психологии изображаемых ими персонажей, соответствия их полу, возрасту, социальному положению, занятиям. В речах Цицерона, в «Сатирах» Горация — целая галерея современников с их достоинствами, пороками, причудами, убеждениями. Такую же галерею дают нам римские портреты.

Принципат Августа казался современникам золотым веком. Одной из основных стала идея «вечного Рима». Но в этой умиротворенности таилась опасность, которая ярко проявилась при преемниках Августа. Казалось, что все желания общества удовлетворены, лозунги, за которые боролись разные его слои, стали лозунгами официальной пропаганды. Мысль о неизбежности существующего порядка становилась модной. Но это сопровождалось утратой коллективистских, общественных целей, вело к отчуждению, разрыву связей между человеком и обществом.

ИМПЕРИЯ в I—II вв. н. э.

Уже при преемниках Августа стало ясно, что созданная им система далеко не так совершенна, как казалось его соратникам и почитателям. Когда в 14 г. н. э. Август умер (говорили, что последними его словами была фраза, произнесенная актерами в конце спектакля: «Проводите меня аплодисментами, кажется, я неплохо сыграл свою роль»), его преемником стал усыновленный им Тиберий, сын Ливии от первого брака.

При Тиберии вновь выдвинула свои притязания сенатская оппозиция. Нового императора обвиняли в надменности, поприании свободы. Часть сенаторов не могла смириться с утерей прежнего привилегированного положения, права распоряжаться казной и хозяйничать в провинциях. Но Тиберий, опираясь на переведенные в Рим преторианские когорты и их командиров, отвечал репрессиями. Он использовал старый закон «Об оскорблении величества римского народа», направленный против государственной измены. Теперь же стали карать за действия и слова, оскорблявшие принцепса. Многие сенаторы были казнены, их имущество переходило к императору. Так началась борьба сенатской оппозиции с императорами, сперва из династии родственников Августа и Тиберия — Юлиев — Клавдиев (к ней принадлежали еще Калигула, Клавдий и Нерон), а затем из династии Флавиев (Веспасиана и

его сыновей Тита и Домициана). Об этой эпохе известно главным образом из сочинений авторов, принадлежавших к оппозиции либо живших уже позже, во II в. н. э., когда к власти пришла династия Антонинов, официально порвавшая с политикой своих предшественников.

Прежде всего это философ Сенека, историк Тацит, автор биографий первых 12 Цезарей историк Светоний и сатирик Ювенал. Их сочинения о пенку императоров I в. н. э. и современного им общества. Первые рисовались обезумевшими от неограниченной власти деспотами, общество же представлялось как состоящее из развращенного

плебса и льстивых, доносящих друг на друга сенаторов, среди которых были лишь отдельные герои, решавшиеся выразить свой протест молчанием, когда другие превозносили «тиранов». Особую ненависть, сената снискал Нерон, усыновленный Клавдием сын от первого брака его жены, честолюбивой и властной Агриппины, отравившей мужа, чтобы с помощью преторианцев возвести на престол Нерона. Сначала под влиянием своего воспитателя Сенеки он правил в согласии с сенатом, но затем

Спор Геркулеса и Аполлона о дельфийском треножнике. 28 г. до н. э.

сказались его низменные пороки. Он убил свою жену, дочь Клавдия Октавию, а потом, тяготясь опекой матери, подослал убийц и к ней. Когда сенат униженно приветствовал убийцу собственной матери, Нерон будто бы воскликнул: «До сих пор еще ни один принцепс не знал, как далеко он может зайти!»

Заговор против него, открытый по доносу раба, дал повод к массовым репрессиям, казням и конфискациям. Ревнителей «правов предков» возмущало пристрастие Нерона к поэзии, музыке и театру. Нерон сочинял стихи и песни, выступал на сцене, ездил по Греции с

артистическим турне, упиваясь лестью зрителей. Он выстроил себе роскошный дворец, «золотой дом», и отстраивал Рим, сильно пострадавший от пожара летом 64 г. По слухам, пожар учинил сам Нерон, и, чтобы прекратить вызванные этими слухами волнения, вину свалили на появившихся в Риме христиан и жестоко с ними расправились. В 68 г. восстали Галлия, Испания, Африка. В союзе с местным населением действовали стоявшие в провинциях войска, выдвигавшие своих претендентов на престол. Нерон был низложен, началась гражданская война, победу в которой одержал Тит Флавий Веспасиан, человек незнатный, но опытный полководец, в то время подавлявший начавшееся в 66 г. восстание в Иудее (окончательно оно было разгромлено его сыном Титом). Армия Веспасиана захватила Рим, и сенат утвердил его императором. Одновременно его полководец Петилий Церералис подавил восстание в Галлии. Веспасиан вводит в сенат таких же выходцев из италийских городов, каким был он сам (он был родом из Реаты), но и ему приходилось сталкиваться с сенатской оппозицией. Отношения особенно обострились при его сыне Домициане. Возобновились репрессии, нараждались доноски из свободных и рабов, возобновились процессы по «оскорблению величества». В 96 г. Домициан был убит, объявлен «тираном» (что вело к отмене его постановлений, уничтожению его статуи и даже имени в надписях). Императором стал ставленник сената Кокпей Нерва. Началась новая эпоха, известная в сенатской историографии как «золотой век Антонинов» (династия была названа по имени одного из ее представителей, Антонина Пия, и включала кроме Нервы Траяна, Адриана, Антонина Пия, Марка Аврелия и Коммода).

Но действительно ли был столь мрачным период правления Юлиев — Клавдиев и Флавиев? Каков был истинный характер этой эпохи? Отвлекаясь от личностей императоров, нельзя не признать, что тогда в различных сферах жизни был достигнут значительный прогресс.

ресс. Многие же обвинения сенатской оппозиции были вызваны ее узкокорыстными интересами и консерватизмом. Она требовала продолжения жесткой политики в отношении провинций. При Клавдии была покорена и обращена в провинцию часть Британии, где уже сложилась проримская партия, на которую можно было опереться. То была эпоха широчайшего развития рабовладельческого способа производства в Италии, быстрого его распространения в западных провинциях. Высшие провинциальные слои вливались в римскую знать, осваивали римскую культуру и сами вносили в нее свой вклад.

Романизации провинций способствовала политика императоров I в. н. э. Они искали компромиссов с провинциальной знатью: галлы были допущены в сенат, в Британии после подавления вспыхнувшего там восстания местные верхи стали приобщаться к римскому образу жизни, не понимая, по словам Тацита, что любовь к римской роскоши делает их рабами. Испанским городам Веспасиан даровал латинское право, а это значило, что все магистраты города становились римскими гражданами. Некоторые перспективы открывались и перед простыми людьми: отслужив 25 лет во вспомогательных воинских частях, они выходили в «почетную отставку», получали с семьей римское гражданство, земельный надел и освобождение от податей. Такие ветераны становились надежными проводниками романизации и римской политики. Немалую роль играли и аграрные мероприятия принцепсов. В общем они старались поддерживать мелкое и среднее землевладение. Конфискованные земли знати они делили на участки между новыми владельцами, возвращали общинам захваченные частными лицами общественные земли, стимулировали освоение новых земель, составление земельных кадастров и т. д.

Их политика встречала поддержку средних и мелких собственников.

То было время, когда в синтезе римской и эллинской культур римс-

кий компонент еще играл значительную роль именно благодаря приверженности ему слоев, составлявших главную опору империи в I в. н. э.

Хотя экономика провинций оживлялась, в самой Италии стали намечаться признаки кризиса рабовладельческого сельского хозяйства. Как показал В. И. Кузицин, в это время сложилось несколько типов имений: близкие к городу виллы, ориентированные на городской рынок; виллы, удаленные от городов и ведущие натуральное многоотрас-

Аполлон и Диана
венчают священный
столп. 28 г.
до н. э.

левое хозяйство; латифундии с экстенсивными методами, совмещавшие земледелие, скотоводство и ремесло в различных мастерских, и т. п. Теоретиком рационального сравнительно большого имения (но не латифундии) был Колумелла, доказывавший, что при соблюдении всех правил агрономии и при верной организации труда рабов такая вилла может давать доход не меньший, чем ротовщичество (6%).

Однако сам трактат Колумеллы демонстрировал практическую неосуществимость его идей. Уровень развития производства требовал

инициативных и высококвалифицированных работников (по подсчетам современных историков, римские авторы упоминают более 40 специальностей сельских рабов). Но, по мнению Колумеллы, именно такие работники были ненадежны и склонны к мятежу: хороший, стоящий 8 тыс. сестерциев виноградар благодаря знаниям строптив и непокорен, его надо выгонять на работу в колодках, а на ночь запирают в домашнюю тюрьму — эргастул. Естественно, что в таких условиях увеличивалось число над-

*Женский портрет.
Мозаика из Помпей.
I в. н. э.*

смотрщиков, на которых шла значительная часть прибавочного продукта. В удаленных имениях, где рабы пользовались относительной свободой, имели свои хижины, семьи, несколько голов скота, положение было лучше, но связь с рынком оставалась слабой. В латифундиях попытки использовать сотни закованных рабов приводили к колоссальным расходам на управленческий аппарат.

Практики искали выхода в разных направлениях: сдавали часть земли виликам или мелкими участками арендаторам-колонам. За фиксированную (денежную или натуральную) или издольную ренту сдавали часть мастерских, образовывали товарищества (порой из отпущенников одного патрона), между членами которых делили производство, старались заинтересовать квалифицированных рабов, давая им в пекулий лавки и мастерские с инвентарем и рабами, предоставляя самостоятельно вести дело.

Теоретики, например Сенека, предлагали перестроить отношения между господами и рабами по образцу отношений между патронами и клиентами. Плиний Старший считал, что надо вернуться к мелким хозяйствам, для ведения которых достаточно сил небольшой фамилии. Поэты и писатели пропагандировали взаимную любовь господ и рабов.

Однако кризисные явления нарастали. Заинтересовать всех рабов было невозможно, распространение же аренды часто только удорожало производство. Рабы продолжали ненавидеть господ, убегали, убивали хозяев, несмотря на неуклонное соблюдение Силанианского сенатусконсульта.

Кризис раньше всего проявился в старых рабовладельческих районах Италии. Напротив, бывшая Цизальпинская Галлия, где еще оставалось много крестьян, а в крупных имениях преобладали колоны, процветала. Оттуда набирались преторианцы и легионеры, оттуда в конце I в. н. э. происходили многие сенаторы. Сенатская оппозиция скорбела об «утрате свободы», прославляла Брута, Кассия, Катона. На деле свобода в обычном понимании этого слова не стеснялась. При обязательном отправлении императорского культа каждый мог верить в любых богов, следовать идеям любого философского учения. Однако во всех слоях общества росла зависимость низших от высших и недоверие, с которым последние относились к любой неординарной личности. Господин не доверял знающим рабам; императоры боялись, как бы

образованные, популярные сенаторы не стали их соперниками; положение простых людей характеризовалось ходячим афоризмом: «Опасно низкопоставленному превосходить других в искусствах».

Никто не был уверен в завтрашнем дне. Немилость императора, патрона, господина, тяжба, донос могли сразу лишит человека всего, чего он достиг. Модной стала лесть, искали милости высших, скрывали свои мысли, что ранее было уделом только рабов. Все это порождало у людей, не мирившихся с созданным положением, стремление сохранить хотя бы духовную свободу, внутреннюю независимость. Ответов искали в философии, в первую очередь в сто-

ицизме, виднейшими представителями которого были Сенека и бывший раб Эпиктет. Стоицизм, развившийся при монархических режимах эллинизма, теперь стал более близок римлянам, чем раньше. От греческих философов классических времен, включавших в философию теорию мироздания, логику, диалектику, политику римских стоиков эпохи империи отличала ориентация отчасти на политику в форме разработки теорий о том, каким должен быть совершенный монарх, и главным образом на эти-

428/429

Древнеримская цивилизация

Портрет супругов Помпей. I в. н. э.

Задумавшаяся девушка (так называемая Сапфо). Фреска из Помпей. I в. н. э.

Венера. Фреска из Помпей. I в. н. э.

ку, т. е. учение о том, как должен жить человек в условиях, когда существует вечная, как космос, Римская империя.

Естественнонаучные теории греков в эклектической, как бы усредненной форме принимались как раз и навсегда данные, без обсуждения. Сенека, правда, написал «Вопросы природы» о некоторых явлениях — землетрясениях, грозах и т. п.— и нередко повторял, что изучать природу гораздо полезнее, чем воспевать «разбой Филиппа и Александра», но в целом уделял

Клавдий. Халцедон.
Около 41—54 гг.

науке мало внимания. Эпиктет же считал, что книг и так написано слишком много и философ должен не столько теоретизировать, сколько подавать пример собственной

жизнью. Идеалом для него был киник, отказавшийся от материальных благ и привязанностей и занятый лишь поучением людей. Если философы классической Греции и многое позаимствовавший у них Цицерон в своих теориях отражали психологию граждан, ощущавших свою причастность к жизни гражданской общины, то философы времен империи, особенно стоики, были выразителями психологии подданных, обязанных повиноваться, но духовно отчужденных от государственных интересов. Такое отчуждение, несмотря на все усилия официальной пропаганды, было особенно сильно в низах. «Когда меняется принцепс,— писал баснописец опущенник Федр,— для простого человека не меняется ничего, кроме имени господина». Но оно все более проникало и в высшие классы, непосредственно не занятые управлением Римской империи.

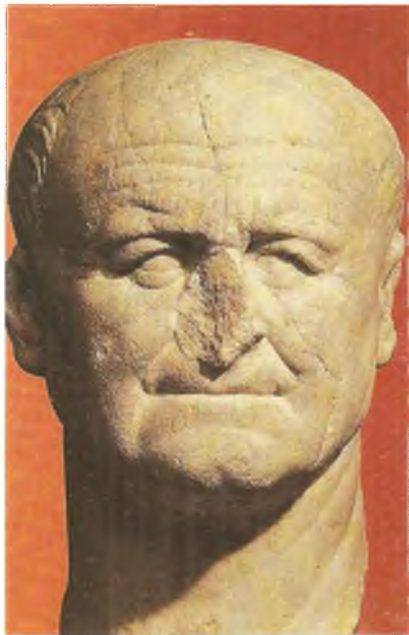
Стоики учили, что мир един, пронизан мировым разумом, мировой душой, соединяющими все сущее единым справедливым законом. Человек должен им повиноваться, исполнять свой долг, ничего не осуждать, не пытаться изменить, не роптать, так как сопротивление бессмысленно, а иго ранит противящегося более, чем повинующегося. Внешнее индивиду не подчинено, но оно не имеет значения; значимо только внутреннее «я», внутренняя добродетель, неизменно сохраняющаяся при всех переменях судьбы. Эпиктет подчеркивал, что свободен может быть только человек, независимый от материальных благ. Нашим господином, говорил он, всегда будет тот, кто властен дать нам или отнять то, чего мы желаем. Презирающий богатство, почести, не имеющий ни желаний, ни привязанностей может отдать свое тело и самую жизнь тирану, но не должен позволить ему управлять своими суждениями. Мудрый должен поручить себя богу и жить по его законам, тогда ему не страшны земные владыки. В I в. н. э. стоиков, близких к оппозиции, репрессировали. Антонины же, возможно, оценив значение проповеди по-

виновения властям, им покровительствовали.

Эпикурейство, напротив, хотя и имело сторонников, теряло популярность. Эпикурейские эпитафии, призывавшие радоваться жизни, ибо после смерти уже ничего не будет, становятся все более пессимистичными, в них делается упор на неизбежный конец, на безнадежность. Вместе с тем крепла не свойственная прежде римлянам вера в бессмертие души. В эпитафиях выражалась надежда, что душа покойного за его добродетельную жизнь наслаждается блаженством в Элизии в обществе богов и сама становится божеством. Среди высших классов распространяются мистерии и культы Диониса, Изиды и Озириса, позже Митры. Посвященные в мистерии надеялись постичь тайны мироздания и обрести бессмертие. Императоры поощряли такие культы. Так, Клавдий поощрял культ Кибелы, в честь которой учредил праздник, посвященный смерти и воскрешению Аттиса. Торжества сопровождались молениями за императора, сенат и народ, процессиями и сперва трауром по Аттису, затем весельем. По словам Плутарха, участвуя в таких процессиях, и простой человек, и рабыня возвышаются душой и осознают себя личностями. Однако народ оставался верен римским богам, особенно тем, которые менее всего были связаны с официальным культом, например Сильвану, лесному божку. В глазах плебеев и рабов он вырос в могучего боготворца и вместе с тем считался помощником тружеников. Популярен был и Геракл, особенно чтившийся киниками, отвергавшими официальные ценности, прославлявшими очистительную силу труда, обличавшими богатых бездельников. Поиски бога, подававшего пример собственной жизнью, гаранта бессмертия, более могучего, чем все земные тираны и господа, становились все более интенсивными.

Вместе с тем еще не погас живой интерес к научному, рациональному объяснению природы, ее изучению. Плиний Старший на основе 2 тыс. трудов греческих и римских

авторов составил энциклопедическую «Естественную историю», включавшую все области тогдашней науки — от строения космоса до фауны и флоры, от описания стран и народов до минералогии. Характерно, что в отличие, например, от Аристотеля Плиний не стремился связать науку с философией, зато при каждом удобном случае обличал страсть своих современников к роскоши и излишествам. Сам Плиний, одержимый жаждой знаний, отправился к извергавшемуся Везувии, погубив-

Веспасиан. Мрамор.
Около 70—79 гг.

пему Помпеи и Геркуланум, и погиб там 24 августа 79 г. н. э.

Во II в. н. э. жили такие корифеи античной науки, как Птолемей, создавший всемирно изве-

*Бюст молодой рим-
лянки. Мрамор.
Конец I в. н. э.*

*Ваза с рельефным
изображением суда
Париса. Малая
Азия. I в. н. э.*

*Фрагмент мозаики
из Карфагена.
Конец II в. н. э.*

*Исида. Фрагмент
рельефа. Середина
II в. н. э.*

стную геоцентрическую систему, труды по оптике, математике, географии, составивший каталог более 1600 звезд, врач Гален, ставивший опыты на животных и вплотную подошедший к открытию значения нервов для двигательных рефлексов и кровообращения. Развивалась строительная техника, позволившая осуществить такие сооружения, как Колизей Флавиев, полуторакилометровый мост через Дунай при Траяне и др. Усовершенствовалась механика, употреблялись грузоподъемные механизмы. По словам Сенеки, «презренные рабы» каждый раз изобретали что-то новое: трубы, по которым шел пар для нагревания помещений, особую полировку мрамора, зеркальные черепицы. Распространяется искусство мозаики; даже в домах на Рейне в окна вставляется стекло.

Однако строй, базировавшийся на античной общине и ее принципах, тормозил развитие изобретательства.

При Антонинах особого расцвета достигают провинции. Из Испании были родом Траян и Адриан, из Галлии — Антонин Пий. За счет уроженцев западных и восточных провинций, начинавших играть все большую роль в жизни империи, пополняется сенат. В нем уже немного оставалось старых аристократических семей, что способствовало исчезновению сенатской оппозиции при Антонинах, тем более что они отказались от политики ограничения роста крупного землевладения. Высшие классы считали их идеальными правителями, а время их правления — золотым веком. После смерти все они были обожествлены. Траян рисовался смелым завоевателем Дакии, противником тиранов, учредителем фонда помощи бедным детям, организатором великолепных зрелищ и угощений для народа. Адриана считали покровителем ученых, литераторов, художников. Он и сам бравировал своим демократизмом: ходил пешком по Риму, разговаривая со встречными. Антонин Пий представлялся образцом благочестия. Марк Аврелий был тем философом на троне, о котором мечтали и греки, и римляне.

В эту эпоху значительно укрепились экономические связи между отдельными областями империи. Испания вывозила металлы, оливковое масло, изделия из рыбы; Италия — вино, керамику, продукты италийского ремесла и художественных промыслов; Африка — зерно, оливки; Малая Азия и Сирия — ткани, ювелирные изделия, предметы искусства. Росли такие экономические и культурные центры, как Антиохия, Пальмира, Эфес, Никомедия, Карфаген, Александрия, Гадес, Арелат, Луг-

Рельеф с изображением Митры, закалывающего быка. Мрамор. II—III вв. н. э.

Митра, убивающий быка. Роспись митреума в Марино. Конец II в. н. э.

*Женский портрет.
Первые века н. э.*

*Адриан. Мрамор.
Деталь. Около
117—138 гг.*

дун, Лондоний и др. Сам Рим считывал миллионное население, стекавшееся туда со всей империи.

Греко-римская культура стала уже единой. В это время писал историк Тацит (около 55—около 120 гг.), труды которого — «Диалог об ораторах», «Агрикола», «Истории», «Анналы» — отличались глубоким психологизмом. Признавая неизбежность единовластия и ненависть его носителей, он старался показать, что и в эпоху всеобщего разложения можно оставаться порядочным человеком, римлянином,

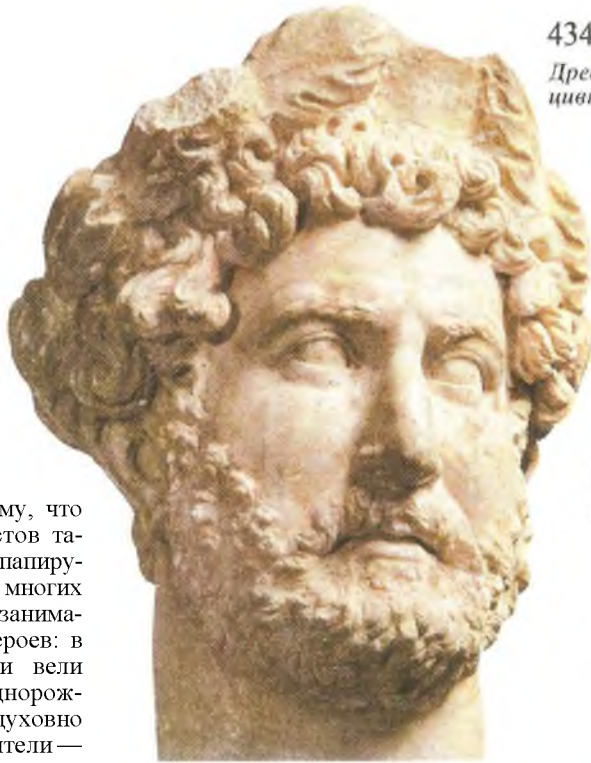

сенатором, служить отечеству, избегая как подострастия, так и излишней дерзости.

Уроженец Александрии Аппиан написал римскую историю, вернее, историю римских войн, в том числе и гражданских, в которых он, как замечал К. Маркс, вскрыл истинную причину борьбы мелкого и крупного землевладения. Грек Плутарх прославился биографиями знаменитых римских и греческих деятелей, но ему принадлежит также много других сочинений: философско-религиозные, наставления городским магистратам, советы частным гражданам, описания греческих и римских обычаев и т. д. Происходивший из сирийского города Самосаты известный писатель Лукиан в своих остроумных разговорах богов, небольших диалогах и рассказах о разных событиях высмеивал суеверия современников; претендовавших на мудрость, но пресмыкавшихся перед богачами философов; историков, из лести императорам искажавших реальные факты; пародировал сочинения о фантастических путешествиях, попытки воскресить древние, ставшие уже непонятными обороты речи и слова. Дион Хрисостом был популярен как блестящий оратор. Светоний написал свои биографии 12 Цезарей — от Юлия Цезаря до Домициана.

Большой популярностью пользовался эпистолярный жанр. Таковы, например, письма сенатора Плиния Младшего к друзьям и императору Траяну, когда он был наместником Вифинии. Новым был жанр романа. Из латинских романов до нас дошел только роман «Метаморфозы» платоника Апулея из африканского города Мадавра. В нем повествуется о приключениях обращенного в осла юноши, о его комических и печальных переживаниях, о встречах с разными людьми и, наконец, об обретении человеческого облика благодаря Изиде, почитателем которой он стал. В греческих романах обычной темой была любовь юноши и девушки необычайной красоты и добродетели, по воле случая разлученных, претерпевавших всякие несчастья, но в конце концов воссоединившихся с

помощью богов. Судя по тому, что до нас дошли отрывки текстов таких романов на греческих папирусах, эти сочинения имели многих почитателей. Привлекал и интересный сюжет, и образы героев: в любых обстоятельствах они вели себя как подобает свободнорожденным эллинам, стояли духовно выше, чем их порабитители — персидские сатрапы и цари, к которым они попадали в плен, что соответствовало учению о духовной свободе и о добродетели как о благах, дающих человеку силу сопротивления власти имущим.

Уроженцами провинций были многие видные юристы, занимавшие высокие посты в администрации империи и интенсивно разрабатывавшие вопросы римского права. Особенно славились юридические школы в сирийском городе Берите.

При Антонинах улучшилось положение рабов. У господ было отнято право их казнить, пожизненно держать в оковах, сдавать в гладиаторы. Если преступления были совершены рабами и им полагалось за это тяжкое наказание, то дело решал суд. Укреплялись права рабов на их пекулии, была признана их правоспособность (по естественному праву) и на владение имуществом. Фактически были признаны и семейные связи рабов. Когда в суде разбиралось дело о правах раба на освобождение (по завещанию, по выполнению какого-нибудь условия и т. п.), было предписано в сомнительных случаях решать дело в пользу свободы.

Ограничивались притязания патроннов на обязанности отпущенников. Самые богатые из них часто играли видную роль в городах.

Но вместе с тем усиливается эксплуатация провинциального крестьянства. Оно было менее романизовано, чем городские слои.

Угнетение крестьян усиливалось по мере того, как под покровом благополучия золотого века Антонинов стали проступать некоторые тревожные признаки. Уже Адриан вынужден был простить провинциальным городам 900 млн недоимок по налогам, но долги накапливались снова. Рабовладельческое хозяйство по мере своего развития в провинциях сталкивалось с теми же противоречиями, что и в Италии. Тот же антагонизм рабов и господ препятствовал созданию бо-

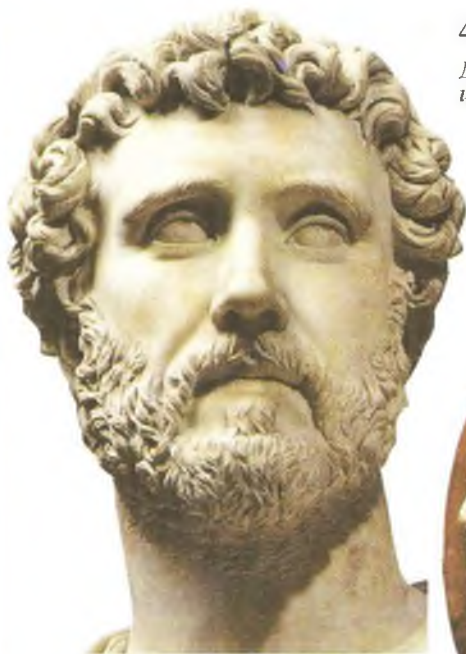

*Улица в Пальмире.
I в. н. э.*

*Храм Баалшамина
в Пальмире. I в. н. э.*

песс их концентрации в руках императоров и крупных землевладельцев. Со второй половины II в. н. э. эти земли вместе с обрабатывавшими их колонатами изымались из территории и юрисдикции городов, что наносило тяжелый удар последним, но было в интересах сенаторского сословия. Стал намечаться раскол между муниципальными земледельцами и земельными магнатами. Последние старались поставить окрестных крестьян в зависимость от себя, превратить их в своих колонатов. А этот процесс вел к ослаблению римской армии, в основном набравшейся из земледельцев.

*Дакский пленник.
Около 107—117 гг.*

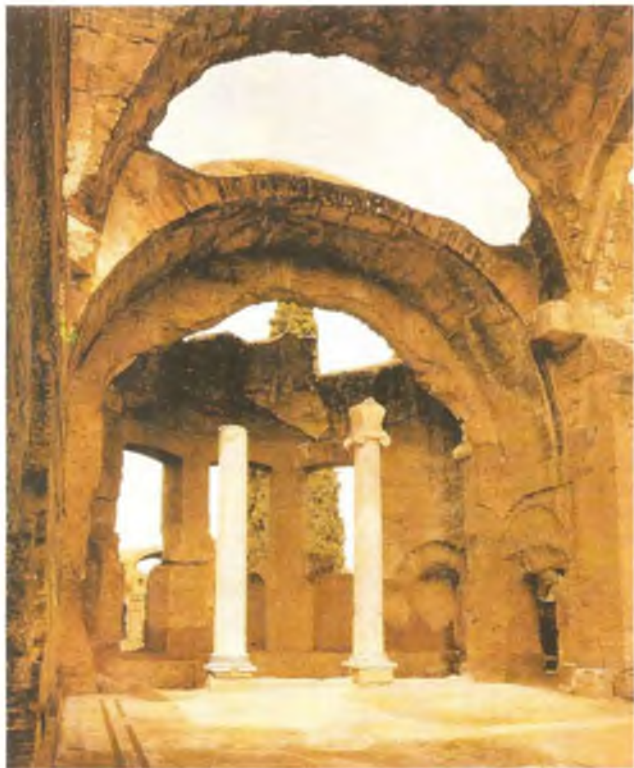
Антонин Пий. Мрамор. Деталь. Около 138—161 гг.

*Марк Аврелий и
Люций Вер. Камея.
Около 161—169 гг.*

лее крупного производства, в котором могла бы быть осуществлена сложная кооперация, предшествующая изобретению и внедрению машин. Ни удешевить производство, ни повысить значительно производительность труда, а значит, и прибавочный продукт не удавалось. К тому же значительную его часть поглощали обязательные затраты на нужды городов.

Несмотря на все попытки Антонинов поддержать города, к концу II в. н. э. мелкие города беднеют, а городские магистратуры из почетных и желанных становятся обременительными. Часть земель, не приносящих дохода, забрасывалась. С другой стороны, шел про-

Тревожные симптомы сказались и на умонастроении социальных слоев. Стремление выйти за пределы регламентированной действительности порождало интерес ко всему необычному, чудесному, фантастическому. Стали популярны рассказы о сверхъестественных явлениях, призраках, демонах, духах, неведомых народах и зверях, наводнивших даже сочинения, которые претендовали на научность. Магия, астрология, демонология становились все более популярными. Идеалом в глазах многих представлялись уже не герои «римского мифа», а мудрецы-провидцы, при-

частные к тайнам, посвященные в сокровенную мудрость индийских брахманов, египетских жрецов, персидских магов. Соответственно препарировались пифагорейство, из которых изымалось

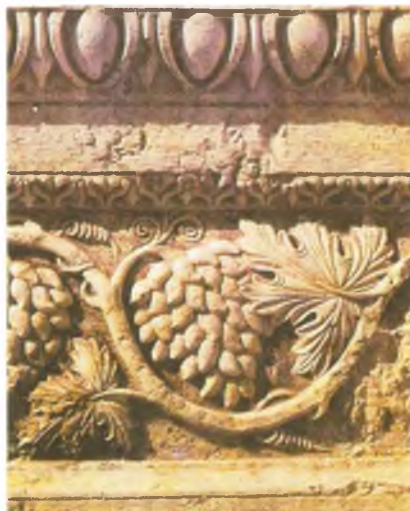
политические и этические идеи, но обрастали новыми подробностями описания демонов, будто бы осуществлявших связь между богом и людьми, разрабатывались учения о мировой душе, об исполненном зла материальном мире, которому противостоит благой идеальный мир.

Среди простого народа стал расти протест против богатых и знатных, что способствовало распространению христианства. О личности его основателя и его ближайших учеников, о времени создания

христианских сочинений шли и до сих пор идут споры, породившие необозримую научную литературу. Но как бы все эти вопросы ни решались, несомненно, что раннее христианство стремилось ответить на запросы широких масс. В судьбе Христа простой человек искал образец жизни и смерти, которому

438/439

Древнеримская цивилизация

Купальня на вилле Адриана в Тиволи. 130—138 гг.

Порта Нигра в римской колонии Трир. Конец II в. н. э.

Храм Бела в Пальмире. I в. н. э.

Деталь фриза храма Бела

духовную свободу и независимость. Оно отвергало богатых и знатных с их «мудростью», с их презрением к труду, подрывало уверенность в вечности существующих порядков и тем самым — моральную опору империи.

В отличие от распространявшихся прочих культов христианство не только не пыталось включиться в императорский культ, но и решительно его отвергало. Христианство первоначально распространялось среди городских низов (первые римские епископы были из

*Сцена театра
в Босре. Начало
II в. н. э.*

можно следовать. Христианский автор Лактанций писал, что Иисус пришел на землю как сын плотника и умер смертью раба, чтобы за ним мог следовать всякий, даже самый бедный и простой человек. Христианство ставило новые цели — общие, для всех (достижение царствия-божьего на земле) и индивидуальные, для каждого (достижение вечного блаженства в раю). Оно санкционировало разрыв с официальным миром, в котором нужно было жить, «воздавая кесарю кесарево», но не соприкасаться с ним внутренне, сохраняя свою

рабов), но постепенно к нему стали примыкать и выходцы из других слоев. Они привносили свою философию, повлиявшую на учения различных христианских сект, писали трактаты, излагавшие христианское вероучение и опровергавшие греко-римскую религию. Правительство, после гонений Нерона, то репрессировало отдельных христиан за отказ от участия в императорском культе, то оставляло без внимания, считая христианство суеверием невежд, еще не понимая, что рост числа христиан — признак надвигающегося кризиса.

Первые симптомы кризиса проявились в правление Марка Аврелия (161—180 гг.). Задунайские и зарейнские племена достигли к этому времени значительного развития в сельском хозяйстве, ремесле, военном деле, стали образовывать военные союзы и повели наступление на империю. После изнурительной войны с Парфией Марку Аврелию на протяжении почти всего его правления пришлось вести войны с дунайскими племенами квадов, маркоманов и язигов, которым наследовавший Марку Аврелию Коммод, чтобы купить мир, обязался выплачивать дань. Войны и эпидемия чумы тяжело отразились на экономике империи. В Египте, где феллахи жестоко эксплуатировались, они массами бежали в дельту Нила и подняли восстание, известное как восстание «буколов» — пастухов. В Северной Италии и Южной Галлии дезертир Маттерн собрал отряд рабов и крестьян, наводивших страх на землевладельцев. В Сирии восстал наместник Авидий Кассий. При Коммодe снова обострились отношения императорского правительства с сенатом, и в 192 г. Коммод был убит.

Началась гражданская война между разными армиями, выдвинувшими своих претендентов на престол. Победу одержал ставленник Дунайской армии, уроженец Африки Септимий Север. С его правления началась длившаяся целое столетие борьба между так называемыми солдатскими (ставленниками армии) и сенатскими (ставленниками сената) императорами. Корни расхождения между сенаторами и императорами были уже не те, что в I в. Сенат, наполовину состоявший из крупнейших землевладельцев западных и восточных провинций, хотел, чтобы правительство проводило выгодную им политику. Восточная знать, программу которой сформулировал историк Дион Кассий — сенатор родом из Никомедии в Малой Азии, требовала сильной императорской власти, подавлявшей как свободу городов, так и «своеволие черни», при опоре на «лучших», войско и

государственный аппарат. Все должны были получать обязательное образование в государственных школах, чтобы научиться повиновению императору и не думать о свободомыслии. Философов, атеистов, проповедников новых религий следовало жестоко карать. Западная знать желала видеть в императоре, избранном сенатом, только главнокомандующего, обязанного воевать, приобретать новые земли и тех, кто должен их обрабатывать. Ему следовало содержать на свой счет армию, обуздывать своеволие солдат, предоставив управление внутренними делами сенату и представителям провинциальной аристократии.

Стеснять свободу мысли и культур не рекомендовалось. Сходились обе фракции только в том, что император должен продать или передать свои земли в частные руки. «Солдатские» императоры, опираясь на армию, пользовались и поддержкой городских слоев, в ряде случаев тесно связанных с армией. Эти слои также имели свою программу, по которой городам должна быть предоставлена известная свобода, поощряться деятельность городской верхушки, философов и вообще образованных людей. Притязания богачей следовало обуздывать, не давать воли простому народу и «демагогам». Армию император должен хорошо содержать, но стараться вести мирную политику, идя на уступки соседям.

Септимий Север и его сын и преемник Бассиан, прозванный Каракаллой, старались поддержать города, но их политика в этом отношении была противоречива: пытаясь сохранить города как гражданские общины, они умножали повинности городских магистратов и декурионов в пользу городов и усиливали ответственность последних за поступление налогов с городских территорий. В результате конфискаций имущества знати, поддерживавшей соперника Септимия Севера Клодия Альбина, на западе страны очень возросли размеры императорских земель. Все большую роль стал играть управ-

лявший этими землями аппарат, нередко действовавший в провинциях бесконтрольно. Агенты фиска (казны) были обязаны доносить на тех, кто уклонялся от уплаты податей.

Стремясь наладить управление империей, Северы уделяли особое внимание разработке римского права. Виднейшие юристы теперь занимали должность префектов претория, вторых после императора лиц в государстве. Их сочинения (как частично сочинения и юристов II в.) по толкованию законов, оформлению различных сделок и договоров, по праву наследования, об обязанностях и правах должностных лиц, а также людей разных статусов и сословий легли впоследствии (вместе с собранием ответов императоров на обращения к ним жалобы и запросы) в основу кодификации римского права, произведенной в VI в. императором Юстинианом (так называемые «Дигесты» и «Кодекс Юстиниана»).

Голова мужчины.
Мрамор. Начало
III в. н. э.

Со времени Северов полностью исчезло равноправие граждан. Каракалла даровал римское гражданство почти всем жителям империи, но граждане были теперь разделены на сословия — благородных (сенаторы, всадники и декурионы) и низших — простонародье. Юридически был оформлен акт самопродажи граждан, достигших 25 лет (за тем этот возраст был снижен до 20 лет). Покровительство рабам, фактически ставшим владельцами средств производства и рабов-викариев, свидетельствовало о разложении классов-сословий римского общества. Главную ставку первые Северы делали на армию (ее численность возросла до 600 тыс. человек), которая вербовалась большей частью из дунайских провинций, где еще сохранялось многочисленное крестьянское население. Солдаты получали повышенное жалованье, им было разрешено иметь семьи и земельные владения. Были сняты сословные ограничения для занятия командных должностей, солдат мог дослужиться до высокого поста. Центурионы включались в сословие всадников. Многие государственные должности стали замещаться военными. Эти меры должны были обеспечить строгий порядок и поднять боеспособность армии. Последнее было тем более необходимо, что снова началось наступление на империю зарейнских и задунайских племен и обострились отношения с Парфией.

После того как Каракалла был убит в результате заговора, сменявшие друг друга «солдатские» и «сенатские» императоры (они правили по нескольку лет, а то и месяцев) вели почти непрерывные войны с «варварами», подавляли солдатские мятежи, восстания в провинциях. Нуждаясь в деньгах, они прибегали даже к порче монеты, что вело к обесцениванию денег и росту цен. Жалованье чиновникам стало выплачиваться натурой — продовольствием, одеждой, утварью, штатом слуг. Земли забрасывались.

К середине III в. кризис достиг кульминации. Пришедшая в Парфию к власти династия Сасанидов

начала новое наступление на Римскую империю. Кроме того, у ее границ уже стояли племена готов, франков, карпов, сарматов, мавров. Значительная часть провинций была опустошена, многие виллы разрушены и ограблены. Император Валериан (253—260 гг.) попал в плен к царю Персии Шапуру — позор, какого еще не знал Рим. Его сын Галлиен (253—268 гг.) в противоположность отцу, любимому сенатом, был «солдатским» императором. Вместе с тем он был высокообразованным человеком, старался поддержать города, ограничить повинности колонов, покровительствовал деятелям культуры, в частности создателю школы неоплатоников Плотину, прекратил объявленные его предшественниками Децием и Валерианом гонения на христиан, среди которых было уже много представителей муниципальных кругов. В интересах солдат он запретил сенаторам доступ в армию и облегчил продвижение солдат по службе.

Среди солдат он пользовался популярностью, но знать его ненавидела. Во многих провинциях она инспирировала мятежи, выдвигая своих ставленников на римский престол. В большинстве провинций мятежники продержались недолго, разбитые преданными Галлиену войсками. Но Галлия, Испания и Британия образовали просуществовавшую 15 лет самостоятельную Галльскую империю. На Востоке, не имея возможности сопротивляться персам, Галлиен признал своим соправителем знатного палмирянца Одената, который, собрав отряды из сирийцев и арабов, отогнал Шапура. Однако после загадочного убийства Одената верх взяла антиримская партия, возглавлявшаяся честолюбивой и властной женой Одената Зенобией. Она отложила от Рима, захватила Сирию, Аравию, значительную часть Малой Азии, Египет, где ее поддерживала сильная антиримская партия.

В Африке вспыхнуло восстание колонов и крестьян, вступивших в союз с маврами.

В 268 г. Галлиен был убит, но его военные реформы стали прино-

сить плоды при преемниках, известных как «илирийские императоры» (все они были из выслужившихся военных родом из дунайских провинций), — Клавдии II, Аврелиане, Пробе, Каре. Клавдий II, прозванный Готским, нанес поражение готам, обратив пленных в колонов и военных поселенцев. Последний галльский правитель Тетрик, богатейший землевладелец Аквитании, напуганный восстаниями и мятежами Рейнской армии, тайно просил о помощи императора Аврелиана и сдался ему со своей армией. Галльская империя была возвращена Риму. Покончил Аврелиан и с царством Зенобии. Окончательно потеряна была только Дакция. Проб одержал ряд побед над франками и многих из них поселил в западных провинциях империи.

В таких условиях сохранить единство империи можно было лишь с помощью сильной деспотической власти. Императоры III в.

*Юлия Домна,
супруга
Септимия Севера.
Мрамор. Начало
III в. н. э.*

Константин Великий. Бронза. Первая половина IV в. н. э.

внутренний Гений — добродетель, но на что ее направить — неизвестно.

От философии люди все чаще обращались к религии, проповедовавшей уход от мира и его дел, видевшей цель в преодолении роковой необходимости и слиянии с божественным миром истинной свободы и гармонии в противоположность земле с ее отчужденностью людей друг от друга и от космоса. Распространялись идеи о будто бы грядущих еще более страшных, чем нынешние, бедствиях и мировом пожаре, когда сгорит погрязшая во зле земля. Интерес к науке практически исчез. Она продолжала жить и развиваться только в Александрии, где до V в. работали ученые, обобщавшие и совершенствовавшие знания в области математики, механики, медицины.

решиительно порывают с показным демократизмом Антонинов. Они именуют себя «господами и богами», велют изображать себя в диадеме из солнечных лучей, гордятся своей близостью к Солнцу, подчеркивают свою «непобедимость», «вечность», свою заслугу в установлении золотого века. Они уже требуют, чтобы каждая обращенная к ним речь и даже петиции крестьян, сетовавших на горькую участь, начинались с восхваления всеобщего счастья, дарованного императором. В эту официальную пропаганду, конечно, уже никто не верил. Прежде популярные учения терпели крах, в том числе и стоицизм. Сочинение последнего стоика, Марка Аврелия, исполнено пессимизма, уверенности, что в мире всегда все было плохо, люди всегда были и будут порочны и несчастны, слава даже самих великих людей тщетна, да и не нужна им после смерти, остается только

Попытку возродить античное восприятие мира как совершенного и прекрасного отображения мира идей Платона сделал Плотин. Но его система была слишком сложна и нашла понимание только в сравнительно небольшом кругу философов, в основном из интеллигенции восточных городов. Все это было симптомами изменения идеологии и культуры класса, уходящего в прошлое. Напротив, среди слоев, из которых впоследствии развились классы нового общества, преобладали идеи о необходимости активной жизни и борьбы. Среди провинциальной знати выдвигаются культы богов-всадников. Издавна существовавшие среди племен провинции, они, обогащенные античными идеями, изображались теперь как попирающие врагов, символы борьбы со злом.

Росло число христиан, актив-

но проповедовавших антиримские идеи. Христианские общины становились сильными организациями. Их возглавляли епископы, распоряжавшиеся казной, которая пополнялась за счет пожертвований богатых христиан. Прежний демократизм ранних христианских общин заменялся железной волей

епископа. Епископы городов одной или нескольких провинций съезжались на соборы, обсуждали вопросы церковной организации и вероучения, несогласных объявляли еретиками. Так появилось понятие ереси, чуждое античности, не знавшей обязательной для всех религиозной догмы.

ДОМИНАТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

Некоторых временных успехов в сохранении единства империи достигли императоры Диоклетиан и Константин.

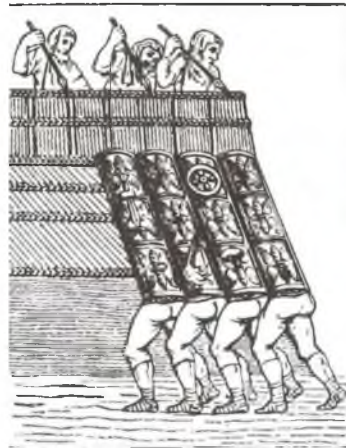
Диоклетиан (284—305 гг.) был сыном отпущенника и из простых солдат дослужился до начальника императорской стражи. После убийства сыновей императора Кара его провозгласили императором. Им был проведен ряд важных реформ: он разделил империю на четыре части, взял себе в соправители (с титулом августа) своего товарища Максимиана. Титулы цезарей получили Галерий и Константин Хлор.

Диоклетиан окончательно превратился из принцепса в «господина» (отсюда наименование поздней империи «доминат»), прямого потомка Юпитера. Христиане были подвергнуты более жестким, чем прежде, преследованиям. Сенаторы независимо от того, присутствовали ли они в сенате или жили в своих имениях, оставались высшим сословием, но все дела решал сам император и состоявший при нем совет. Однако знать была удовлетворена успешными войнами Диоклетиана с германцами, персами, маврами, а главное — тем, что ему удалось подавить восстания. В пышных панегириках Диоклетиана и Максимиана прославляли как новых олимпийцев, победителей гигантов, мятежных «сынов земли».

В 305 г. Диоклетиан отказался от власти и удалился в родную Далмацию. После короткой борьбы между претендентами на престол императором стал Константин, сын Констанция Хлора (306—337 гг.). Он стал единоличным правителем, но сохранил деление империи на префектуры, подчинявшиеся префектам претория и разделенные на

провинции, объединявшиеся в диоцезы. Константин прекратил гонения на христиан и даже созвал в Никее собор (325 г.) для выработки единого вероучения (символа веры), превратив христианство в государственную религию. Сам он крестился перед смертью, надеясь, по словам недоброжелателей, что крещение смоет с него грехи, в частности казни почти всех своих родственников.

Теперь церковь стала союзницей государства. Еще в конце II в. видный деятель христианской церкви Тертуллиан писал о всеобщем счастье, мире и братстве, которые наступили бы в империи, если бы сам цезарь стал христианином. Теперь эта казавшаяся утопической мечта исполнилась, не улучшив, однако, положения ни империи, ни христианской церкви. Став господствующей, она превратилась в арену борьбы между различными направлениями: никейцами, арианами, донатистами и др. Взятые верх обвиняли противников в ереси и использовали против них силу государственного аппарата. Отвер-

гнув императорский культ, церковь признала императора заместителем бога на земле. Все имеющее к нему пусть даже косвенное отношение было объявлено священным. Недовольство приравнивалось к святотатству. Церковь богатели за счет жертвований императоров и частных лиц, владела землями и колонами.

Выборы на пост епископа, дававший власть, влияние и богатство, сопровождались интригами, а то и побоищами. Недовольные перерождением церкви образовывали свои «еретические» секты, уходили в пустыни, положив начало монашеству. Вместе с тем развивались христианское вероучение, богословие, христианская философия, которая, немало заимствуя из философии античной, давала свою интерпретацию тех же проблем, предлагала свои пути их решения. В IV—V вв. жили виднейшие представители христианской философии, так называемые отцы церкви — Василий Великий, Иоанн Златоуст, Амвросий Медиолан-

ский, Августин, епископ африканского города Гиппона, создатель христианской философии истории.

Идея вечности империи, преклонения перед создателями ее «предками» заменяется концепцией неизбежной гибели всех земных царств (вечно только царствие божие) и движения от старого к новому. Казалось бы, абстрактные богословские вопросы, по свидетельству историка Аммиана Марцеллина, становились предметами всеобщих дискуссий даже на рынках и в цирюльнях. Приверженцев античных ценностей оставалось все меньше. Попытка императора Юлиана, прозванного Отступником, вернуться от христианства к античной религии, не удалась. Неудача Юлиана показала всю слабость «последних язычников», их оторванность от запросов жизни.

Однако в сочинениях тогдашних «светских» авторов — поэта Авзония, автора сборника писем Аполлинария Сидония, историка Аммиана Марцеллина и др. — reminiscenции античной культуры были настолько многочисленны, что не всегда удается определить, был ли тот или иной писатель христианином или приверженцем «веры предков». Старые культы продолжали сохраняться среди сельского населения. Историк церкви и биограф канонизированного епископа г. Тура Мартина описывал, как крестьяне сопротивлялись проводимой Мартином христианизации, разрушению их святилищ, уничтожению священных деревьев. В конце IV в. н. э. император Феодосий строго запретил отправление языческих культов. Но сельские боги упорно продолжали жить как лесные, водяные, домашние духи, слившись с образами святых мучеников, погибших во время гонений, прославившихся своим аскетизмом пустынников, которых особенно много было в Египте и Сирии и «жития» которых стали одним из распространенных видов литературы.

Новые веяния сказались и в искусстве. Еще Плотин сформулировал теорию эстетики, в корне отличавшуюся от концепции Цицерона и Горация. С его точки зрения.

Адам и Ева. Римские катакомбы. III в. н. э.

обозначаемого в литературе как «ориентализация» империи. Обычно под этим термином понимают теократизацию императорской власти, установление ритуала, подобного ритуалу восточных царей. Но то были лишь внешние признаки внутренних процессов. Рим, пройдя через стадию гражданской общины, пришел к строю, близкому структуре восточных государств с их огромными царскими землями, с разными категориями зависимого населения, стоявшего между рабами и свободными, с неразвитыми экономическими связями. А сходство в социально-экономической структуре породило и сходство в оформлении государственной власти. Однако, демонстрируя все внешние атрибуты силы, эта власть фактически ею не обладала. Особенно это проявилось при преемниках Константина.

Его реформы, продолжавшие реформы Диоклетиана, лишь ненадолго укрепили империю. Армия, состоявшая из закрепощенных коленов и разорвавшихся крестьян.

Богоматерь с младенцем. Римские катакомбы. III в. н. э.

Добрый пастырь. Фреска из римских катакомб

художник должен был отражать не реальное, а только нечто внутреннее, душу, некую общую идею. Искусство домината сознательно или бессознательно следовало этой теории. На Востоке, в фаюмских портретах Египта, в фресках сирийского города Дура-Эвропос изображались фигуры, лишённые портретного сходства, реальных черт. Подчеркивалась лишь напряженная внутренняя жизнь души. На Западе культ императорской власти способствовал созданию колоссальных по размерам, величественных сооружений. Огромны были термы, выстроенные при Каракалле и Диоклетиане, триумфальные арки, статуи императоров, как бы застывших в недостижимом величии.

Однако, несмотря на видимое усиление императорской власти, действительное положение в империи было непрочным. Население оказалось в еще более тяжелом, чем прежде, положении.

Порвавший со всеми римскими традициями Константин перенес свою столицу в основанный им на месте Византии Константинополь, отстроенный с необычайной роскошью. Перенос столицы на восток был символом процесса, часто

теряла боеспособность. Все чаще приходилось прибегать к помощи солдат из варваров. Их командиры приобретали все больше влияния при дворе императоров, а войско порой не оказывало действенного сопротивления своим соплеменникам, снова начавшим наступать на границы империи. Еще не умея брать укрепленные города, варвары опустошали сельские местности. К ним нередко присоединялись поднимавшиеся на борьбу крестьяне. Они захватывали виллы, уничтожали долговые расписки, превращали господ в рабов.

В 378 г. поселенные на Дунае готы восстали и вместе с колонами и рабочими с золотых приисков разбили армию императора Валента (364—378 гг.). Сменивший его Феодосий (379—395 гг.), в последний раз объединивший под своей властью Восточную и Западную империи и действовавший репрессиями и компромиссами, справился с восстанием, но оправиться империя уже не могла. После смерти Феодосия она окончательно распалась на восточную и западную части.

В западных провинциях росло недовольство знати. Окрепшая, имевшая собственные дружины, способные умирять колонов и защищать ее укрепленные виллы (бурги), знать смотрела на центральное правительство, неспособное отразить нашествия варваров и подавить крестьянские восстания, как на пожирателя ее огромных доходов. Снова и снова в западных провинциях появляются претенденты на престол, нередко вступавшие в союз с вождями варваров. Наряду с этим все, кто страдал от закрепощения, тяжести налогов, злоупотреблений бюрократического аппарата, тоже надеялись на варваров и массами бежали к ним. Ослабевшая империя становится легкой добычей варваров. 24 августа 410 г. вождь готов Аларих взял и разграбил Рим. Потом готы ушли, но впечатление от падения Рима было потрясающим.

В последующие десятилетия одна западная провинция за другой переходят в руки готов, бургундов, лангобардов, вандалов, франков,

основывавших там свои королевства. Римских императоров, уже не имевших никакой власти, ставили и смецали вожди германских дружин. В 476 г. Одоакр из племени скиров сместил последнего императора Ромула, прозванного Августулом, и, не сочтя нужным даже назначить нового, отослал инсигнии императорской власти в Константинополь, столицу Восточной Римской империи, которая под именем Византии просуществовала еще тысячу лет.

Так закончилась история античного мира и началась эпоха формирования феодального строя. Вопрос о характере перехода от античного рабовладельческого общества к феодальному служил и продолжает служить темой многих дискуссий. Но как бы эти проблемы ни решались, не подлежит сомнению, что античный мир и его цивилизация оказали огромное влияние на материальную и духовную культуру последующих эпох, распространявшееся не только на народы, входившие в состав Римской империи, но и на германцев, арабов, славян. Изучение влияния, ассимиляции и трансформации античного наследия в обществах с различным социально-экономическим и политическим строем имеет первостепенное значение для изучения общей проблемы перехода от одной формации к другой, взаимодействия различных культур, возможностей и границ культурного заимствования, проблемы, непосредственно связанной с общими концепциями историко-культурного развития. С теоретической точки зрения античный мир значим и как общественная формация, без изучения которой нельзя понять ход всемирно-исторического процесса. Изучение античного мира открывает большие возможности для анализа взаимодействия различных социально-экономических, политических и культурных процессов. При всем своеобразии такого взаимодействия в конкретно-исторических условиях оно дает возможность лучше понять общие социологические и историко-культурные закономерности развития социальных организмов.

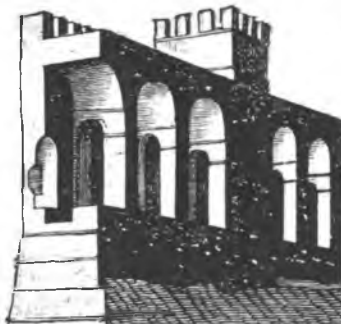
Западная Римская империя пала, и некоторым исследователям представляется, что вместе с нею погребло почти все созданное Римом, а дальнейшее развитие началось чуть ли не на пустом месте. Но если даже в ранний период истории западных «варварских королевств» было забыто значительное число достижений материальной и духовной культуры античности, многое ею созданное продолжало жить и на Западе. На Востоке же, в Византии, античная традиция, переосмысляясь, по существу никогда не прерывалась. И на западе, и на востоке Европы господствовало христианство, впитавшее в себя ценности античной культуры. Благодаря трудам «отцов церкви» грамотные люди познакомились с некоторыми положениями античной философии, с историей, мифами.

Когда славянские страны, в том числе Русь, приняли христианство, эти труды, доставлявшиеся из Византии, как и другие христианские произведения, исторические хроники, романы об Александре Македонском, стали известны и здесь. На Западе же латынь оставалась языком церкви и науки еще много столетий после падения Рима. В монастырях переписывали рукописи античных авторов, благодаря чему они и дошли до нас. Архитектура церквей воспроизводила римскую архитектуру (в частности, римских базилик), хотя и со значительными вариантами в разных странах и областях.

Жила и сама идея Рима как политического и духовного центра, объединяющего народы, Константинополь назывался «вторым Римом», византийцы именовали себя римлянами — «ромеями», а своего императора — «римским кесарем». На Западе продолжателями, наследниками Рима считали себя Карл Великий, а затем государи «Священной Римской империи». После падения Константинополя на Руси укрепилось представление о Москве как «третьем Риме», наследнице православного Рима — Константинополя, и это сыграло немалую роль в идеологии XV—

XVI вв., в изучении истории и литературы Рима, из которых черпался материал для оправдания политических концепций (как, например, в переписке Грозного с Курбским).

И на Востоке, и на Западе в центре внимания стояла философия Аристотеля, приспособленная к христианской философии. Его труды, как и другие античные сочинения, были переведены, например, на арабский язык. Опираясь

на наследие александрийских математиков, арабы создали алгебру, знали они и Галена, и греческих астрономов. Именно с арабского языка сочинения Аристотеля были переведены на латынь. Непрерывными авторитетами вплоть до Нового времени оставались Птолемей и Гален, а когда настала возможность отвергнуть их санкционированную церковью непогрешимость, Коперник, создавая свою гелиоцентрическую систему, опирался на Аристарха Самосского и его теорию обращения Земли и планет вокруг Солнца. Римское право постоянно изучалось юристами средневековой Европы, приспособлялось к нуждам феодального общества.

Если восточноевропейские славянские страны познакомились с античным наследием через Византию, то в Западной Европе знали лишь то, что осталось от Рима. Только когда с наступлением турок на Византию многие византийские ученые стали переселяться в Италию, здесь они познакомились с античным наследием в его полном объеме, что стимулировало расцвет

культуры Возрождения. Теперь труды и римских и греческих авторов извлекались из монастырских хранилищ, переписывались, изучались, комментировались, становились оружием в борьбе с властью церковной догмы над умами людей, в пропаганде новых идей гуманизма, просвещения, свободы мыслей, гармоничного развития личности, величия науки. Велико было в то время влияние античного искусства. Извлеченные при раскопках статуи служили образцом великим творцам Возрождения, воплощая

*Женщина с ларчиком драгоценностей.
Фрагмент фрески.
Начало IV в. н. э.*

идеал прекрасного, но земного человека в противоположность средневековым изображениям святых. За образцы бралась и римская архитектура, основы ее осваивались

и развивались далее. Знаменитый тогда автор труда по архитектуре Палладиус во многом основывался на Витрувий. В обращении к античности современники Возрождения видели путь к духовному освобождению от засилья догмы, к утверждению науки, творчества, исканий во всех сферах жизни.

С течением времени влияние античного наследия все более крепло. Латынь продолжала оставаться языком ученых всего европейского мира, углублялось знакомство с греческим языком и греческими мыслителями. В XVIII в. сложилась теория «греческого чуда» — абсолютного совершенства искусства классической Греции, по сравнению с которым искусство эллинизма и Рима было упадком и эпигонством. Развитие книгопечатания стимулировало издание греческих и латинских авторов и знакомство с ними. Теорема Пифагора, геометрия Евклида, закон Архимеда стали основой обучения в школах. Труды Евдокса Книдского, Диофанта способствовали развитию тригонометрии. Труды античных географов, исходивших из шарообразности Земли и вычисливших ее объем, сыграли немалую роль в Великих географических открытиях. Философские системы античных мыслителей вдохновили философов Нового времени. В XVIII в., в преддверии Великой французской революции, философы-материалисты обращаются к Лукрецию. Его учение о возникновении мира из атомов, об эволюции природы и человеческого общества без божественного промысла, о естественном договоре, объединяющем людей для общей пользы, о законе, который не бог, а люди устанавливают для той же пользы и отменяют его, когда он этой пользе перестает удовлетворять, было созвучно передовым теориям того времени. И столь же созвучны были идеи народовластия, равенства, свободы, справедливости, хотя, став революционными лозунгами XVIII в., они понимались гораздо шире, чем в античности.

Европейские театр и литература постоянно обращались к античности, и все более многообразными

становились их связи с нею. Обработывались античные сюжеты: «Антоний и Клеопатра» и «Юлий Цезарь» у Шекспира, «Андромаха», «Федра», «Британик» у Расина, «Медея», «Гораций», «Цинна», «Помпей» у Корнелия. Воспроизводились целые пьесы: например, «Комедия ошибок» Шекспира повторяла «Менехмов» Плавта, а «Скупой» Мольера — плавтовский «Ларчик». Слуги комедий Мольера, Лопе де Вега, Гольдони навеяны образами ловких, умных рабов Плавта, помогающих господам устроить их любовные дела. Переводились античные романы и в подражание им писались новые. Множество античных образов и сюжетов — богов, богинь, героев, битв и празднеств — служило темами художникам и скульпторам, трактовавшим их в соответствии со вкусами своего времени.

Так, активный участник Великой французской революции художник Давид в противоположность художникам, угождавшим вкусу измененной знати, писал античных героев, преисполненных патристических и гражданских чувств: «Клятва Горациев», «Смерть Сократа», «Леонид у Фермопил». Римское право легло в основу права других западных государств.

В Новое и новейшее время античный мир сохранил свое значение в самых разных сферах духовной и умственной деятельности. К нему обращаются историки, социологи, культурологи. Античный мир как некий замкнутый цикл, известный с возникновения до гибели, постоянно служит эталоном для культурологов, как придерживающихся концепции цикличности человеческой истории, так и многих иных, стремящихся видеть некие общие закономерности развития общества, соотношения в его истории тех или иных факторов, процессов, условий.

Без знакомства с античной культурой невозможно понять многочисленные греческие и римские реминисценции у классиков русской литературы. В России еще в XVIII в. переводили античных авторов, и уже Державин написал свой «Памятник» в подражание

«Памятнику» Горация. Прекрасно знал римскую литературу А. С. Пушкин. Его переводы Горация по адекватности подлиннику не знают себе равных. К античным сюжетам обращались Д. С. Мережковский («Юлиан Отступник»), В. Я. Брюсов («Алтарь победы»), Л. Андреев (пьесы «Похищение сабинянок» и «Конь в сенате»).

Основоположники марксизма высоко ценили наследие древности. К. Маркс в «Капитале» неоднократно ссылаясь на греческих и римских авторов, сравнивая их понимание экономических процессов, обусловленных господством простого товарного производства, с экономическими теориями эпохи капитализма. Он считал, что греческое искусство дало миру непревзойденные шедевры. В значительной мере на античном материале построил свою работу «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс, посвятивший также три статьи раннему христианству. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» и В. И. Ленин в «Философских тетрадах» анализировали сущность и значение греческой философии. В. И. Ленин отмечал, что перед греческими философами стояли по существу те же вопросы, что и перед философами Нового времени. Сходны были и некоторые ответы на них, хотя и не правомерно (как это делают многие западные историки философии) отождествлять системы современных философов с «пробными системами» мыслителей древности. Большую заслугу последних В. И. Ленин видел в открытии и применении ими диалектического метода. Ф. Энгельс же подчеркивал, что при недостаточности познаний античных философов и ученых, при слабости их методов они стояли выше многих современных деятелей науки, так как воспринимали мир в его целостности.

Таким образом, тысячи нитей связывают культуру Европы с древними цивилизациями Греции и Рима. «...Без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы», — писал в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс.

Civilizations of Ancient America

*В Новом Свете представлены
почти все стадии древней
истории человечества*

Древней Америки

ЦИВИЛИ-
ЗАЦИИ

К тому времени, когда испанские корабли появились у восточного побережья Нового Света, этот огромный континент, включая о-ва Вест-Индии, был населен множеством индейских племен и народностей, находившихся на разных уровнях развития.

Большинство из них были охотниками, рыбаками, собирателями или примитивными земледельцами; лишь в двух сравнительно небольших областях западного полушария — в Мезоамерике и Андах — испанцы встретили высокоразвитые индейские цивилизации. На их территории родились наивысшие культурные достижения доколумбовой Америки. К моменту ее «открытия», в 1492 г., там жило до $\frac{2}{3}$ всего населения континента, хотя

по своим размерам эти области составляли лишь 6,2% общей его площади. Именно здесь находились центры происхождения американского земледелия, а на рубеже нашей эры возникают самобытные цивилизации предков науа, майя, сапотеков, кечуа, аймара и др.

В научной литературе эта территория получила название Срединная Америка или Зона высоких цивилизаций. Она подразделяется на два района: северный —

Сосуд с ягуаром.
Культура мочика
(Перу).
I тыс. н. э.

Нефритовая антропоморфная маска.
Культура «ольмеков»
I тыс. до н. э.

Мезоамерика и южный — Андская область (Боливия — Перу), с Промежуточной зоной между ними (южная часть Центральной Америки, Колумбия, Эквадор), где культурные достижения хотя и достигли значительной степени, но так и не поднялись до вершин государственности и цивилизации. Приход европейских завоевателей прервал всякое самостоятельное развитие аборигенного населения названных областей. Только теперь благодаря труду нескольких поколений археологов мы начинаем наконец понимать, какой богатой и яркой была история доколумбовой Америки.

Новый Свет представляет собой и уникальную историческую лабораторию, поскольку процесс развития местной культуры происходил в целом самостоятельно, начиная от эпохи позднего палеолита (30—20 тыс. лет назад) — времени заселения континента из Северо-Восточной Азии через Берингов пролив и Аляску — и до тех пор, пока ему не был положен конец

нашествием европейских завоевателей. Таким образом, в Новом Свете прослеживаются почти все основные стадии древней истории человечества: от первобытных охотников на мамонтов до строителей первых городов — центров раннеклассовых государств и цивилизаций. Уже простое сопоставление пути, пройденного коренным населением Америки в доколумбову эпоху, с веками истории Старого Света дает необычайно много для выявления общеприродных закономерностей.

Требует некоторых разъяснений и сам термин «открытие Америки» Колумбом, часто встречающийся в исторических работах как советских, так и зарубежных авторов.

Не раз справедливо указывалось, что этот термин неверен фактически, поскольку до Колумба берегов Нового Света достигали с востока римляне, викинги и др., а с запада — полинезийцы, китайцы, японцы и т. д. Нужно учитывать также, что этот процесс взаимодействия и взаимообмена двух культур не был односторонним. Для Европы открытие Америки имело колоссальные политические, экономические и интеллектуальные последствия.

Итак, в конце XV — начале XVI в. в западном полушарии встретились два мира, совершенно не похожие друг на друга и стоявшие на различных стадиях культурно-исторического развития: ес-

ли наиболее передовые цивилизации индейцев по своему уровню соответствовали в Старом Свете самым архаичным формам государств Древнего Востока, Европа уже миновала к тому времени Ренессанс и переживала период антифеодальных революций. И тем не менее американским аборигенам было чем поделиться с пришельцами из своих культурных достижений, накопленных за тысячелетия самостоятельного развития. Благодаря им в обиход всего человечества прочно вошли картофель, та-

лов, золота и серебра производилась еще во II тыс. до н. э., и к моменту прихода европейцев инки широко использовали в своей практике не только бронзовое оружие, но и бронзовые орудия труда. Однако в Мезоамерике металлы (кроме железа) появились уже на заре цивилизаций классического периода (I тыс. н. э.) и использовались главным образом для изготовления украшений и культовых предметов.

Быстрый прогресс археологических исследований в важнейших

бак, бобы, томаты, кукуруза, какао, а также хинин, каучук и т. д. Об этом же свидетельствует и обилие слов, взятых из индейских языков: географические названия, названия растений, с которыми европейцы впервые познакомились в Америке, названия животных, рыб, птиц, предметов, воспринятых у индейцев.

Индийские цивилизации Нового Света сумели достигнуть своего апогея без важнейших технических достижений древности, к которым относились выплавка железа и стали, разведение домашних животных (особенно тягловых и вьючных), колесный транспорт, гончарный круг, плужное земледелие, арка в архитектуре и т. д. В Андской области обработка цветных метал-

лов, золота и серебра производилась еще во II тыс. до н. э., и к моменту прихода европейцев инки широко использовали в своей практике не только бронзовое оружие, но и бронзовые орудия труда. Однако в Мезоамерике металлы (кроме железа) появились уже на заре цивилизаций классического периода (I тыс. н. э.) и использовались главным образом для изготовления украшений и культовых предметов.

Быстрый прогресс археологических исследований в важнейших центрах Средней Америки в сочетании с усилиями лингвистов, этнографов, историков, антропологов и др. позволяет сейчас, пусть в самой общей форме, проследить основные этапы развития древней цивилизации в Новом Свете, выявить ее характерные черты и особенности.

Речь пойдет, конечно, только о наиболее выдающихся индейских цивилизациях Мезоамерики и Андской области. Особая культурно-географическая область — Мезоамерика (или Месоамерика) — представляет собой северный район зоны высоко развитой цивилизации Нового Света и включает в себя Центральную и Южную Мексику, Гватемалу, Белиз (бывш. Брит. Гондурас), запад-

Сосуд с фресковой полихромной росписью. Культура Теотихуакана. I тыс. н. э.

Гигантская каменная голова в шлеме. Культура «ольмеков». Ла-Вента (штат Табаско, Мексика). I тыс. до н. э.

ные районы Сальвадора и Гондураса. В этой области, отличающейся разнообразием природных условий и пестрым этническим составом, к концу I тыс. до н. э. произошел переход от первобытнообщинного строя к раннеклассовому государству, что сразу же выдвинуло местных индейцев в число наиболее развитых народов Древней Америки. На протяжении свыше полутора тысяч лет, которые отделяют появление цивилизации от испанского завоевания, границы Мезоамерики претерпевали значительные изменения. В целом эпоху цивилизации в пределах этой культурно-географической области можно разделить на два периода: ранний, или классический (рубеж н. э.—IX в. н. э.), и поздний, или

постклассический (X—XVI вв. н. э.).

В I тыс. н. э. в зону высоких культур Мезоамерики не входила Западная и Северо-Западная Мексика. Северная граница цивилизации проходила тогда по р. Лерма и совпадала с северными пределами культуры Теотихуакана. Южные рубежи Мезоамерики были одновременно и южной границей цивилизации майя, проходившей по р. Улуа в Западном Гондурасе и р. Лемпа в Западном Сальвадоре. В постклассическое время западные (государство тарасков) и часть северных (Сакатекас, Касас-Грандес) областей Мексики также входят в пределы Мезоамерики, значительно расширив тем самым общую ее территорию.

«ОЛЬМЕКСКАЯ ПРОБЛЕМА»

К числу наиболее значительных мезоамериканских культур классического периода относятся теотихуаканская (Центральная Мексика) и майяская (южномексиканские области, Белиз, Гватемала, запад Сальвадора и Гондураса). Но прежде несколько слов о «первой цивилизации» Мезоамерики — культуре «ольмеков» на южном побережье Мексиканского залива (Табаско, Веракрус). Население этих областей в начале I тыс. до н. э. (800—400 гг. до н. э.) достигло высокого уровня культуры: в это время появляются первые «ритуальные центры» в Ла-Венте, Сан-Лоренсо и Трес-Сапотес, сооружаются пирамиды из адобов (самана) и глины, устанавливаются резные каменные монументы с сюжетами преимущественно мифологического и религиозного содержания.

Среди последних выделяются гигантские каменные антропоморфные головы в шлемах, вес которых иногда достигает 20 т. Для «ольмекского» стиля искусства характерна низкорельефная резьба по базальту и нефриту. Основным мотивом ее была фигура плачущего пухлого ребенка с приданными ему чертами ягуара. Эти «младенцы-ягуары» украшали и изящные нефритовые амулеты, и массивные топоры-кельты (у «ольмеков» су-

ществовал культ каменного топора как символа плодородия), и гигантские базальтовые стелы. Другой примечательной чертой «ольмекской» культуры был следующий ритуал: в глубоких ямах на центральных площадях поселений устраивались тайники с приношениями богам в виде отесанных блоков нефрита и серпентина, топоров-кельтов и статуэток из тех же материалов и т. д. общим весом в десятки центнеров. Эти материалы доставлялись в «ольмекские» центры издалека: например, в Ла-Венту — с расстояния 160 и даже 500 км. Раскопки на другом «ольмекском» селении — Сан-Лоренсо — также выявили и гигантские головы, и ряды ритуально захороненных монументальных скульптур в чисто «ольмекском» стиле.

По серии радиоуглеродных дат это относится к 1200—900 гг. до н. э. Именно на основе вышеприведенных данных и была сформулирована гипотеза о том, что «ольмекки» — создатели самой ранней цивилизации Мезоамерики (1200—900 гг. до н. э.) и уже от нее происходят все остальные высоко развитые культуры Мезоамерики — сапотекская, теотихуаканская, майя и др. Вместе с тем сегодня приходится говорить о том, что «ольмекская» проблема

еще весьма далеко от своего решения. Мы не знаем об этнической принадлежности носителей этой культуры (термин «ольмеки» заимствован от названия тех этнических групп, которые обосновались на южном побережье Мексиканского залива накануне конкисты). Нет ясности по поводу основных этапов развития культуры «ольмеков», точной хронологии и материальных признаков этих этапов. Незвестна и общая территория распространения этой культуры, ее социально-политическая организация.

На наш взгляд, культура «ольмеков» со всеми ее проявлениями отражает длительный путь развития: от конца II тыс. до н. э. до середины — последних веков I тыс. до н. э. Можно предполагать, что «ритуальные центры» с монументальной скульптурой появляются в Веракрусе и Табаско примерно в первой половине I тыс. до н. э. (возможно, даже и в 800 г. до н. э.), как в Ла-Венте. Но все, что представлено там археологически в 800—400 гг. до н. э., вполне соответствует уровню «вождеств», «союзов племен», т. е. заключительной стадии первобытнообщинной эпохи. Показательно, что первые известные нам образцы письменности и календаря появляются на «ольмекских» памятниках только с I в. до н. э. (стела С в Трес-

Сапотес и др.). С другой стороны, такие же «ритуальные центры» — с пирамидами, монументами и календарными иероглифическими надписями — представлены в Оахаке с VII—VI вв. до н. э., а без надписей — в горной Гватемале, у предков майя, по крайней мере с середины I тыс. до н. э. Таким образом, вопрос о «культуре-родоначальнице», породившей все остальные, для Мезоамерики сейчас отпадает: видимо, имело место параллельное развитие сразу в нескольких ключевых областях —

долине Мехико, долине Оахаки, горной Гватемале, равнинных областях майя и т. д.

*Пирамиды Луны
и Солнца. Теотихуакан. Начало
I тыс. н. э.*

ТЕОТИХУАКАН

В 50 км к северо-востоку от г. Мехико, там, где высокие горные хребты расступаются, образуя большую и плодородную долину (это ответвление долины Мехико), находятся руины Теотихуакана — в прошлом столицы древнейшей цивилизации Центральной Мексики, важный культурный, политико-административный, экономический и культовый центр не только этого региона, но и всей Мезоамерики в I тыс. н. э.

По подсчетам ученых, к 600 г. н. э. — моменту наивысшего расцвета — общая территория города составляла свыше 18 кв. км, а население — от 60 до 120 тыс. человек. Основное ритуально-административное ядро Теотихуакана, сложив-

шееся уже к I в. н. э., было тщательно спланировано вокруг двух пересекающихся под прямым углом и ориентированных по странам света широких улиц-осей: с севера на юг проспект Дорога Мертвых длиной свыше 5 км, а с запада на восток — безымянный проспект длиной до 4 км.

Интересно, что на северном конце Дороги Мертвых находится гигантский массив Пирамиды Луны (высота 42 м), сложенный из сырцового кирпича и облицованный нетесаным вулканическим камнем. По своей конструкции и внешнему виду она — точная копия своей старшей сестры Пирамиды Солнца, расположенной на левой стороне проспекта и представляющей собой

грандиозное пятирусное сооружение с плоской вершиной, на которой стоял когда-то храм. Высота колосса—64,5 м, длина сторон основания—211, 207, 217 и 209 м, общий объем—993 тыс. куб. м. Предполагается, что для строительства пирамиды потребовался труд не менее 20 тыс. человек в течение 20—30 лет.

У пересечения с поперечным проспектом Дорога Мертвых упирается в обширный комплекс построек, возведенных на одной гигантской низкой платформе и объ-

Р. Миллон (США), считает, что это—«текпан» (ацтекск. дворец) правителя Теотихуакана. В этом ансамбле изящных построек выделяется храм в честь бога Кецалькоатля—Пернатого Змея, покровителя культуры и знаний, бога воздуха и ветра, одного из главных божеств местного пантеона. Само здание храма полностью разрушено, но зато прекрасно сохранилось его пирамидальное основание, состоящее из шести постепенно уменьшающихся каменных платформ, поставленных друг на друга.

Маска божества в виде летучей мыши. Нефрит. Культура сапотекков. Монте-Альбан. I тыс. н. э.

Украшение из золота и бирюзы. Поднятия сапотекская (миштекская) культура. Ианхунтлан. XII в. н. э.

Фасад пирамиды и балюстрада парадной лестницы украшают скульптурные головы самого Кецалькоатля и бога воды и дождя Тлалока в образе бабочки. При этом зубы голов Пернатого Змея были расписаны белой краской, а глаза бабочек имели вставные зрачки из дисков обсидиана.

К западу от Сьюдаделы расположен обширный комплекс построек (площадь примерно 400x600 м), который археологи рассматривают как главный городской рынок. Вдоль главного проспекта Теотихуакана—Дороги Мертвых находятся руины десятков пышных храмовых и дворцовых сооружений. К настоящему времени некоторые из них раскопаны и реконструированы, так что любой может получить общее представление об их архитектуре и живописи. Таков, например, Дворец Кецальпапалотля или Дворец Пернатой Улитки (часть помещений дворца имеет каменные

единенных под общим названием «Сьюдадела», что по-испански означает «крепость». Один из главных исследователей города,

квадратные колонны с низкорельефными изображениями Пернатой Улитки). Дворец — обширный комплекс жилых, общественных и складских помещений, сгруппированных вокруг внутренних дворов.

Стены зданий сложены из адобов или камня, оштукатурены и часто либо окрашены в какой-либо яркий цвет, либо (особенно внутри) имеют красочные фресковые росписи. Наиболее выдающиеся образцы фресковой живописи Теотихуакана представлены также в

последнем случае — с многоцветной раскраской). В III — VII вв. н. э. в Теотихуакане получает широкое распространение оригинальный стиль керамики (цилиндрические сосуды-вазы на ножках и без таковых с фресковой росписью или резным орнаментом и лощением) и терракотовых статуэток.

В архитектуре города преобладают постройки на пирамидальных основаниях различной высоты, при этом для оформления последних характерно сочетание вертикальных и наклонных поверхностей

Храме Земледелия, в группах Тетитла, Атетелько, Сакуала и Тепантитла. Они изображают людей (представителей элиты и жрецов), богов и животных (орлов, ягуаров и т. д.). Своеобразную черту местной культуры составляют также антропоморфные (видимо, портретные) маски из камня и глины (в

стиле вертикальной «панели и склона»).

Описанный выше ритуально-административный центр Теотихуакана был окружен со всех сторон жилыми кварталами в виде скопленных домов-блоков (длиной до 60 м), спланированных по странам света вдоль регулярной сети узких пря-

Фрагмент из рисуночного «Кодекса Нутталь». Культура миштеков.

XIII—XV вв. н. э.

мых улиц. Каждый блок состоял из жилых, хозяйственных и подсобных помещений, разбитых вокруг прямоугольных внутренних двориков и служивших, видимо, местом обитания группы родственных семей. Это — одноэтажные, с плоскими крышами постройки, сделанные из сырового кирпича, камня и дерева. Они обычно сконцентрированы в более крупные единицы — «кварталы» (исп. баррио), а те в свою очередь — в четыре больших «района».

Теотихуакан был крупнейшим в

иноземных торговцев и «дипломатов» из Оахаки (культура сапотек) и с территории майя. Изделия же теотихуаканских мастеров встречаются в I тыс. н. э. от Северной Мексики до Коста-Рики. Несомненно, что культурное, экономическое (и, вероятно, политическое) влияние города в период его наивысшего расцвета распространилось на большую часть Мезоамерики.

И вдруг в конце VII в. н. э. огромный город внезапно гибнет, уничтоженный пламенем гигантского пожара. Причины этой катастрофы до сих пор остаются невыясненными. Однако следует напомнить, что Теотихуакан был в I тыс. н. э. северным форпостом зоны мезоамериканских цивилизаций. Он непосредственно граничил с пестрым и беспокойным миром варварских племен Северной Мексики. Среди них мы находим и оседлых земледельцев, и бродячие племена охотников и собирателей. Теотихуакан, подобно древним сельскохозяйственным цивилизациям Средней Азии, Индии и Переднего Востока, постоянно ощущал давление этих воинственных племен на свою северную границу. При определенном стечении обстоятельств один из неприятельских походов в глубь страны, видимо, закончился захватом и разрушением и самого Теотихуакана. После этого страшного разгрома город так и не оправился, а на авансцену мезоамериканской истории выдвигаются новые, более могущественные силы — государства Аскапоцалько, Чолула, Сочикалько и позднее, с IX в. н. э., — государство тольтеков.

«Храм надписей».
Культура майя.
Паленке, VIII в. н. э.

Мезоамерике центром ремесла и торговли. Археологами найдено в городе до 500 ремесленных мастерских (из них — 300 мастерских по обработке обсидиана), кварталы

ЦИВИЛИЗАЦИЯ МАЙЯ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА (I—IX вв. н. э.)

Майя, словно бросая вызов судьбе, надолго обосновались в негостеприимных центральноамериканских джунглях, выстроив там свои белокаменные города. За пятнадцать веков до Колумба они изобрели точный солнечный календарь и создали единственную в Америке развитую иероглифическую письменность, использовали в математике понятие нуля, уверенно предсказывали солнечные и лунные за-

тмения. Уже в первые века нашей эры они достигли поразительного совершенства в архитектуре, скульптуре и живописи.

Но майя не знали металлов, плуга, колесных повозок, домашних животных, гончарного круга. Фактически, если исходить лишь из набора их орудий, они были еще людьми каменного века. Происхождение майяской культуры окутано таинственностью. Мы знаем

только, что появление первой «классической» цивилизации майя относится к рубежу нашей эры и связано с лесными равнинными областями на юге Мексики и севере Гватемалы. В течение многих столетий здесь существовали многочисленные государства и города. Но в IX—X вв. период расцвета закончился внезапной жестокой катастрофой.

Города на юге страны были заброшены, население резко сократилось, и вскоре тропическая растительность укрыла своим зеленым ковром памятники былого величия. После X в. развитие культуры майя, правда уже несколько измененной влиянием со стороны чужеземных завоевателей-тольтеков, пришедших из Центральной Мексики и с побережья Мексиканского залива, продолжалось на севере — на п-ове Юкатан — и на юге — в горах Гватемалы. Испанцы застали там свыше двух десятков небольших постоянно враждующих между собой индейских государств, каждое из которых имело свою династию правителей. К началу испанского завоевания в XVI в. индейцы майя занимали обширную и разнообразную по природным условиям территорию, включавшую в себя современные мексиканские штаты Табаско, Чьяпас, Кампече, Юкатан и Кинтана-Роо, а также всю Гватемалу, Белиз, западные районы Сальвадора и Гондураса.

Границы области майя в I тыс. н. э., по-видимому, более или менее совпадали с упомянутыми выше. В настоящее время большинство ученых выделяют в пределах этой территории три крупные культурно-географические области или зоны: Северную (п-ов Юкатан), Центральную (Северная Гватемала, Белиз, Табаско и Чьяпас в Мексике) и Южную (горная Гватемала).

Начало классического периода в низменных лесных областях майя отмечено появлением таких новых черт культуры, как иероглифическая письменность (надписи на рельефах, стелах, притолоках, росписях керамики и фресках, предметах мелкой пластики), календарные даты по эре майя (так называемого Длинного Счета — числа лет, про-

шедших от мифической даты 3113 г. до н. э.), монументальная каменная архитектура со ступенчатым «ложным» сводом, культ ранних стел и алтарей, специфический стиль керамики и терракотовых статуэток, оригинальная настенная живопись.

Архитектура в центральной части любого крупного города майя I тыс. н. э. представлена пирамидальными холмами и платформами различных размеров и высоты. Внутри они обычно сооружены из смеси земли и щебня и облицованы

Дрезденская иероглифическая рукопись. Фрагмент. Культура майя. XII в. н. э.

снаружи плитами тесаного камня, скрепленными известковым раствором. На их плоских вершинах стоят каменные здания: небольшие постройки из одной—трех комнат на высоких башнеобразных пирамидах-основаниях (высота некоторых из таких пирамид-башен, как, например, в Тикале, достигает 60 м). Это, вероятно, храмы. А длинные многокомнатные ансамбли на низких платформах, обрамляющих внутренние открытые дворики, скорее всего резиденции знати или дворцы, поскольку перекрытия этих зданий сделаны обычно в виде ступенчатого свода, стены их очень массивны, а внутренние помещения сравнительно узки и невелики по размерам. Единственным

источником света в комнатах служили узкие дверные проемы, поэтому внутри уцелевших храмов и дворцов царят прохлада и полумрак. В конце классического периода у майя появляются площадки для ритуальной игры в мяч — третий тип основных монументальных построек местных городов. Основной единицей планировки в городах майя были прямоугольные мощенные площади, окруженные монументальными зданиями. Очень часто важнейшие ритуально-административные постройки располагались на естественных или искусственно созданных возвышениях — «акрополях» (Пьедрас-Неграс, Копан, Тикаль и др.).

Рядовые жилища строились из дерева и глины под крышами из сухих пальмовых листьев и были, вероятно, похожи на хижины индейцев майя XVI—XX вв., описанные историками и этнографами. В классический период, как и позднее, все жилые дома стояли на невысоких (1—1,5 м) платформах, облицованных камнем. Отдельно стоящий дом — явление, редкое у майя. Обычно жилые и подсобные помещения образуют группы из 2—5 построек, расположенных вокруг открытого внутреннего двора (патио) прямоугольной формы. Это — резиденция большой патрилокальной семьи. Жилые «патио-группы» имеют тенденцию объединяться в более крупные единицы — наподобие городского «квартала» или его части.

В VI—IX вв. майя достигли наивысших успехов в развитии различных видов прикладного искусства, и прежде всего в монументальной скульптуре и живописи. Скульптурные школы Паленке, Копана, Яшчилана, Пьедрас-Неграс добиваются в это время особой тонкости моделировки, гармоничности композиции и естественности в передаче изображаемых персонажей (правителей, жрецов, сановников, воинов, слуг и пленных). Знаменитые фрески Бонампака (Чьяпас, Мексика), относящиеся к VIII в. н. э., представляют собой целое историческое повествование: сложные ритуалы и церемонии, сцены набега на чужие

селения, жертвоприношение пленных, празднество, танцы и шествия сановников и вельмож.

Благодаря работам американских (Т. Проскуракова, Д. Келли, Г. Берлин, Дж. Кублер и др.) и советских (Ю. В. Кнорозов, Р. В. Кинжалов) исследователей удалось убедительно доказать, что монументальная скульптура майя I тыс. н. э. — стелы, притолоки, рельефы и панели (а также иероглифические надписи на них) — это мемориальные памятники в честь деяний майяских правителей. Они рассказывают о рождении, вступлении на престол, войнах и завоеваниях, династических браках, ритуальных обрядах и прочих важных событиях из жизни светских владык почти двух десятков городов-государств, которые существовали, по данным археологии, в Центральной области майя в I тыс. н. э.

Совершенно по-иному определяется сейчас и назначение некоторых пирамидальных храмов в городах майя. Если прежде они считались святилищами важнейших богов пантеона, а сама пирамида — лишь высоким и монолитным каменным постаментом для храма, то за последнее время под основаниями и в толще ряда таких пирамид удалось обнаружить пышные гробницы царей и членов правящих династий (открытие А. Руса в Храме Надписей, Паленке и др.).

Заметные изменения претерпели за последнее время и представления о характере, структуре и функциях крупных майяских «центров» I тыс. н. э. Широкие исследования археологов США в Тикале, Цибилчальтуне, Эцне, Сейбале, Бекане и др. выявили наличие там значительного и постоянного населения, ремесленного производства, привозных изделий и многих других черт и признаков, свойственных древнему городу как в Старом, так и в Новом Свете.

Подлинной сенсацией в майянистике явилось открытие американским исследователем Майклом Ко полихромной расписной керамики из наиболее пышных захоронений майяских аристократов и правителей I тыс. н. э. Сопоставляя сюже-

ты, представленные на этих глиняных вазах, с описаниями подвигов героев-близнецов в подземном царстве из эпоса майя-киче «Пополь-Вух» (XVI в.), ученый обратил внимание на их частичное совпадение. Это позволило Ко предположить, что изображения и надписи на каждом сосуде описывают смерть майяского правителя, длительное путешествие его души по страшным лабиринтам царства мертвых, преодоление разного рода препятствий и последующее воскрешение владыки, который превращался в ко-

близнецов в преисподней из эпоса «Пополь-Вух». Кроме того, американский исследователь установил, что надписи или отдельные их части, представленные почти на всех расписных полихромных вазах VI—IX вв. н. э., часто повторяются, т. е. имеют стандартный характер. Чтение же этих «стандартных надписей» (так называемая формула возрождения) успешно осуществил в последние годы советский ученый Ю. В. Кнорозов. Благодаря этому перед нами открылся теперь совершенно новый, неведо-

мечном счете в одного из небесных богов. Все перипетии этого опасного путешествия полностью повторяли миф о приключениях героев-

близнецов прежде мир — мифологические представления древних майя, их концепция жизни и смерти, религиозные воззрения и многое другое.

Ацтекская пирамида с храмом. Санта-Сесилия. XIII—XV вв. н. э.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ АЦТЕКОВ

После гибели Теотихуакана Центральная Мексика на долгие десятилетия становится ареной драматических и бурных событий: все

новые и новые волны воинственных варварских племен «чичимеков» вторгаются сюда с севера и северо-запада, сметая еще целев-

шие островки теотихуаканской цивилизации в Аскапоцалько, Порте-суэло, Чолуле и т. д. Наконец, в конце IX—начале X в. в результате слияния этих двух потоков—пришлого («чичимекского») и местного (теотихуаканского)—на северо-востоке региона возникает могущественное государство тольтеков с центром в г. Туле-Голлане (Идальго, Мексика).

Но и это государственное образование оказалось недолговечным. В 1160 г. вторжение новых групп варваров с севера сокрушило Тол-

Аскапоцалько и Кульхуакан. Ацтеки вмешались в эти хитросплетения местной политики, выступая в роли наемников у наиболее сильных и удачливых хозяев.

В 1427 г. ацтеки организовали «тройственную лигу»—союз городов-государств Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана (Такубы)—и приступили к последовательному завоеванию сопредельных областей. К моменту прихода испанцев в начале XVI в. так называемая Ацтекская империя охватывала огромную территорию—около

*Фигурная керамика.
Культура мочки.
Побережье Перу.
I тыс. н. э.*

*Фигурная керамика.
Культура мочки.
Побережье Перу.
I тыс. н. э.*

лан и положило начало очередному периоду нестабильности в политической истории Мезоамерики. Среди воинственных пришельцев были теночки-ацтеки (астеки), полуварварское племя, направляемое к поискам лучшей доли указаниями своего племенного бога Уицилопочтли. Согласно преданиям, именно божественное провидение предопределило и выбор места для строительства будущей ацтекской столицы—Теночтитлана в 1325 г.: на пустынных островах в западной части обширного озера Тескоко. В это время в долине Мехико вели борьбу за лидерство несколько родов-государств, среди которых выделялись более могущественные

200 тыс. кв. км—с населением 5—6 млн человек. Ее границы простирались от Северной Мексики до Гватемалы и от Тихоокеанского побережья до Мексиканского залива. Столица «империи»—Теночтитлан—со временем превратилась в огромный город, площадь которого составляла около 1200 га, а количество жителей, по разным оценкам, достигало 120—300 тыс. человек.

С материком этот островной город был связан тремя большими каменными дорогами-дамбами, имела и целая флотилия лодок-каноз. Подобно Венеции, Теночтитлан был прорезан правильной сетью каналов и улиц. Ядро горо-

да образовывал его ритуально-административный центр: «священный участок» — обнесенный стенами квадрат длиной 400 м, внутри которого находились главные городские храмы («Темпло Майор» — храм со святилищами богов Уицилопочтли и Тлалока, храм Кецалькоатля и др.), жилища жрецов, школы, площадка для ритуальной игры в мяч. Рядом располагались ансамбли пышных дворцов ацтекских правителей — «тлатоани». По словам очевидцев, дворец Монтекумы (точнее, Моктесумы) II насчитывал до 300 комнат, имел большой сад, зоопарк, купальни.

Вокруг центра теснились жилые кварталы, населенные торговцами, ремесленниками, земледельцами, чиновниками, воинами. На огромном Главном рынке и меньших по величине квартальных базарах велась торговля местными и привозными продуктами и изделиями. Общее впечатление о великолепной ацтекской столице хорошо передают слова очевидца и участника драматических событий конкисты — солдата Берналя Диаса дель Кастильо из отряда Кортеса. Стоя на вершине высокой ступенчатой пирамиды, конкистадор с изумлением взирал на странную и динамичную картину жизни огромного языческого города: «И мы увидели огромное количество лодок, одни приходили с различными грузами, другие... с разнообразными товарами... Все дома этого великого города... находились в воде, а из дома в дом можно было попасть только по висячим мостам или на лодках. И видели мы... языческие храмы и часовни, напоминавшие башни и крепости, и все они сверкали безликой и вызывали восхищение».

Теночтитлан был захвачен Кортесом после трехмесячной осады и ожесточенной борьбы в 1521 г. И прямо на руинах ацтекской столицы, из камней ее дворцов и храмов, испанцы построили новый город — Мехико, быстро растущий центр своих колониальных владений в Новом Свете. Со временем остатки ацтекских построек были перекрыты многометровыми напластованиями современной жизни. В этих условиях вести систематические и

широкие археологические исследования ацтекских древностей практически почти невозможно. Лишь от случая к случаю в ходе земляных работ в центре Мехико появляются на свет каменные изваяния — творения древних мастеров.

Поэтому подлинной сенсацией стали открытия конца 70—80-х гг. XX в. при раскопках Главного храма ацтеков — «Темпло Майор» — в самом центре Мехико, на площади Сокало, между кафедральным собором и президентским дворцом. Сейчас вскрыты уже святилища

Золотая маска.
Культура инков.
XIII—XV вв. н. э.

богов Уицилопочтли (бог солнца и войны, глава ацтекского пантеона) и Тлалока (бог воды и дождя, покровитель земледелия), обнаружены остатки фресковых росписей, каменная скульптура. Особенно выделяются круглый камень диаметром свыше трех метров с низкорельефным изображением богини Койольшаухки — сестры Уицилопочтли, 53 глубокие ямьтайника, заполненные ритуальными приношениями (каменные фигурки богов, раковины, кораллы, благовония, керамические сосуды, ожерелья, черепа принесенных в жертву людей и т. д.). Вновь обнаруженные материалы (общее их число превышает несколько тысяч) расширили существовавшие представления о Материальной культуре, религии, торгово-экономических и политических связях ацтеков в период расцвета их государства в конце XV — начале XVI в.

Какие племена и народности населяли в древности Перу? Подавляющее большинство считает, что ими были инки. И это кажется правильным. Когда в 1532 г. испанские конкистадоры ступили на перуанскую землю, вся страна, а также Эквадор, Боливия и Северное Чили входили в пределы гигантской инкской империи, или, как сами инки называли свое государство, Тауантинсуйо. Общая протяженность Тауантинсуйо вдоль Тихоокеанского побережья составляла свыше 4300 км, а население — не менее 6 млн человек. Однако инки представляли собой лишь внешний фасад древнего Перу, за которым, как в Египте или в Месопотамии, скрывалось длительное и славное прошлое.

В конце II тыс. до н. э. в горах северо-восточных областей страны внезапно появилась загадочная культура Чавин, синхронная с «ольмекскими» памятниками Мезоамерики и близкая им по характеру (культ кошачьего хищника — ягуара или пумы, каменные пирамидальные храмы, изящная керамика и т. д.). С рубежа нашей эры в прибрежной зоне Перу на севере возникает цивилизация Мочика, а на юге — цивилизация Наска. Одновременно с ними или чуть позже в горах Боливии и Южного Перу сформировалась динамичная и оригинальная культура Тиауанако (названа так по имени своего центрального поселения — Тиауанако, близ южного берега оз. Титикака). Что же характерно для всех названных ранних перуанско-боливийских цивилизаций?

Прежде всего, они родились самостоятельно, одновременно или почти одновременно с классическими цивилизациями Мезоамерики, но без каких-либо заметных связей с ними. Далее, хотя древние перуанцы не создали ни иероглифической письменности, ни сложного календаря, их технология в целом была совершеннее, чем у населения Мезоамерики. В то время, когда мезоамериканцы жили еще целиком в каменном веке, индейцы Перу и Боливии со II тыс. до н. э.

знали металлургию, обрабатывали золото, серебро, медь и их сплавы и делали из них не только украшения и оружие, но (как в случае с медью) даже наконечники земледельческих орудий — «палок-копалок» и мотыг. Они, особенно создатели культуры мочика, изготавливали великолепную керамику с полихромной росписью и фигурным моделированием. Их ткани из хлопка и шерсти были тонкими и совершенными. Но особенно изящные виды этой продукции — гобелены, декоративные ткани, парча и кисея — не имеют, пожалуй, себе равных в древнем мире. Их красота лишь усиливалась яркостью красителей, приготовляемых из различных растений (например, индиго) и минералов. Эти три важных компонента местной культуры — металлические изделия, керамика и ткани (хорошо сохраняющиеся в сухом и теплом климате побережья) — придают неповторимое своеобразие всем названным древнеперуанским цивилизациям I тыс. н. э.

Последующий период (с X в. н. э. и позже) отмечен усилением экспансии населения горных областей (особенно Тиауанако) в зону Тихоокеанского побережья. Затем здесь возникает несколько новых государств, крупнейшим из которых стало Чиму, расположенное на севере данной области, примерно от Тимбега до Лимы. Его столица Чан-Чан занимала площадь около 25 кв. км и имела население до 25 тыс. человек. В центре города находилось десять огромных прямоугольников 400x200 м, огороженных стенами 12 м высотой, — дворцовые ансамбли местных царей. Вокруг — резиденции меньшего размера, где жили чиновники, ремесленники и другие группы горожан. После смерти царя хоронили в его дворце со всеми богатствами, а преемник строил себе новое здание, похожее скорее на замок или крепость, чем на обычный дом. Именно в Чиму была впервые создана объединенная сеть ирригационных каналов и построены дороги, соединяющие горы и побе-

Золотые изделия культуры чиму и культуры инков. Перу. XIII—XV вв. н. э.

режье. А это в свою очередь объясняет и впечатляющие достижения местной культуры, и значительную концентрацию населения в городах и селах.

В то же время в горной зоне с ее изрезанным рельефом, большим числом почти изолированных друг от друга долин и рек одновременно возник целый ряд мелких враждующих между собой государств. Но лишь одно из них — государство инков в долине Куско, — обладая более совершенной организацией армии и аппарата власти и отличаясь воинственностью своих жителей, сумело сломить сопротивление соседей и стать господствующей силой в регионе. Это произошло всего лишь за столетие до прихода испанцев, в XV в. н. э.

Размеры инкской империи росли с небывалой быстротой. Между 1438 и 1460 гг. инка Пачакути завоевал большую часть горных районов Перу. При его сыне Топа Инке (1471—1493 гг.) были захвачены значительная часть Эквадора и территория государства Чиму, а чуть позже — юг прибрежной перуанской зоны, горы Боливии, север Чили. Во главе огромной державы стоял божественный правитель сапа-инка, которому помогала наследственная аристократия, связанная с правителем кровным родством, а также жреческая каста и целая армия чиновников, контролировавших все стороны жизни.

Сельские общины несли тяжелый груз всевозможных налогов и трудовых повинностей (работа на строительстве дорог, храмов и дворцов, в рудниках, служба в армии и т. д.). Население вновь завоеванных земель насильственно перемещалось из своих родных мест в отдаленные провинции. Империя была связана обширной сетью мощных каменных дорог, вдоль которых через определенные расстояния стояли почтовые станции с помещениями для отдыха и склады с продуктами и необходимыми материалами. По дорогам регулярно курсировали и пешие гонцы-бегуны, и всадники на ламах.

Духовная жизнь и вопросы культа целиком находились в руках жреческой иерархии. Поклонение

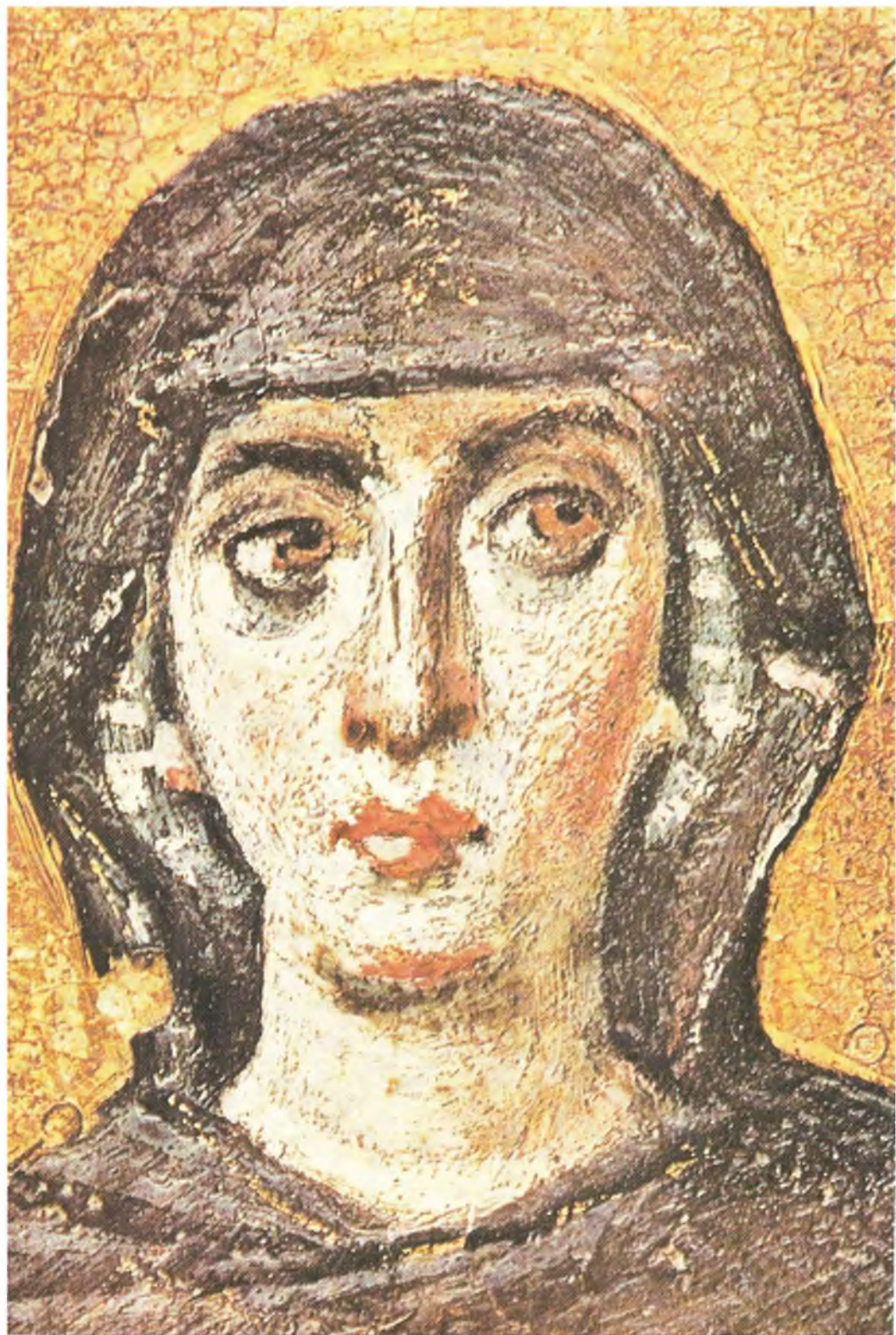
богу-творцу Виракоче и небесным планетам осуществлялось в каменных храмах, украшенных внутри золотом. В зависимости от обстоятельств жертвоприношения богам варьировали от обычных в таких случаях мяса ламы и маисового пива до убийства женщин и детей (во время болезни или смерти верховного Инки).

Однако эта самая крупная и наилучшим образом организованная империя доколумбовой Америки стала легкой добычей горстки испанских авантюристов во главе с

Франсиско Писарро в XVI в. н. э. Убийство инки Атауальпы в 1532 г. парализовало волю к сопротивлению местных индейцев, и могущественное инкское государство в считанные дни рухнуло под ударами европейских завоевателей.

Общий вид на инкскую крепость Мачу-Пикчу. Горное Перу. XIII—XV вв. н. э.

Conclusion

Заклучение

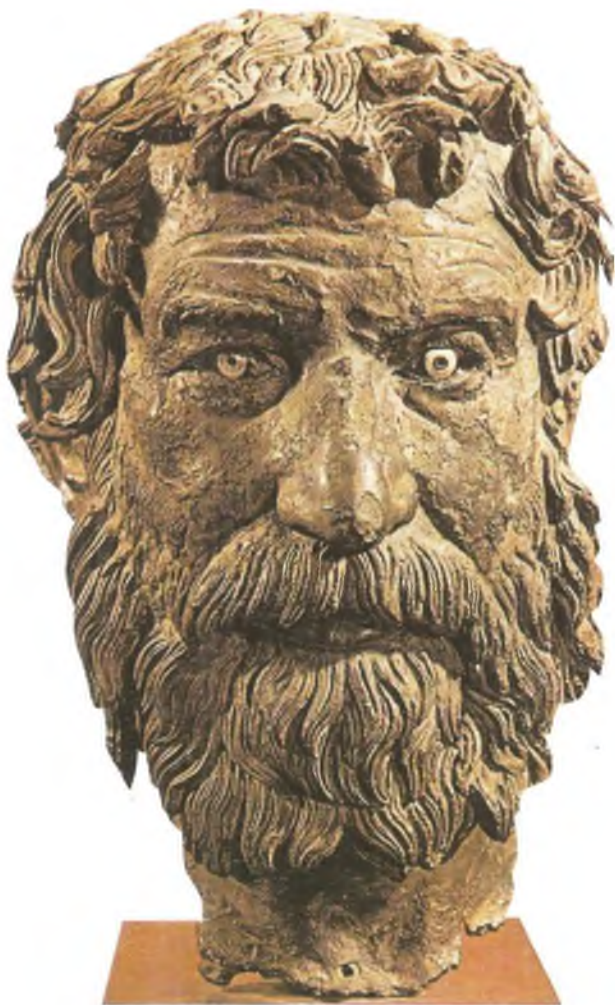

Из всех цивилизаций, какие создало человечество, древние цивилизации, казалось бы, дальше всего от нас как по времени, так и по своему облику.

Хронологические дистанции в самом деле внушительны: если до Рима времен Августа — два тысячелетия, до Афин времен Фемистокла — два с половиной, то до Вавилона времен Хаммурапи — чуть меньше четырех, до начала египетской государственности — около пяти, а до рождения древнейших городских поселений в Иерихоне и Чатал-Хююке — почти все десять. Не приходится удивляться, что временная отдаленность часто скрадывает очертания: много загадок,

много неясностей, огромные пробелы в документации. Но даже тогда, когда документы сохранились, их прочтение и понимание на всех этапах — от лингвистической дешифровки до содержательной интерпретации — сильно затруднены.

Проблема понимания, эта центральная проблема гуманитарных наук, стоит особенно остро. Ибо уж очень необычен мир древних цивилизаций, очень несоизмерим он не только с нашим опытом, с

Портрет философа.
Греция. Около 240 г.
до н. э.

опытом нашей эпохи, но и с опытом старого, непосредственно нами унаследованного культурного предания. И средневековье с его верованиями и обрядами, с его книжностью, богословскими, юридическими, этическими представлениями часто кажется нам далеким, и все же положение истолкователя средневековой культуры принципиально иное просто потому, что наша культура, наша наука еще застали при своем рождении реликты средневековья в народной жизни, в патриархально-крестьянской психологии, в религиозном быту.

У древних цивилизаций — принципиально другой уровень «инаковости» по отношению к нашей. Достаточно вспомнить такие повсеместно принятые обычаи

древнего мира, как человеческие жертвоприношения или храмовая проституция. Мы слишком легко забываем, что обычаи эти были знакомы даже Элладе. Накануне Саламинской битвы Фемистокл распорядился торжественно отдать на заклятие трех знатных персидских юношей в жертву Дионису Пожиряющему; и примерно в те же времена величайший поэт Греции Пиндар воспел благочестие некоего Ксенофонта Коринфского, подарившего святилищу Афродиты сотню «девиц о многих гостях», чтобы они во славу богини обирали «плод» своей молодости с «любовобильного ложа», в точности так, как это делали бесчисленные служительницы при храмах Иштар или индийские гетеры-«дэвадаси». И поэт выдает некую тайну мира, где все это было возможно, назидательно добавляя: «Где вершит Неизбежность, там все — хорошо».

«Неизбежность» — исключительно емкое слово для обозначения предопределения в жизни людей; что отделяет тот способ жить от более поздних, так это не «свобода отношений полов» и не жестокость, а именно мера власти «неизбежности». Скажем, заклятие персидских юношей озадачивает вовсе не тем, что оно жестоко: в сравнении с одной Варфоломеевской ночью резать всего трех человек — капля в море. Но во время Варфоломеевской ночи гугенотов убивали за то, что они, гугеноты, — иноверцы; расправиться с человеком за его убеждения — значит все же принять к сведению его как личность, хотя и очень страшным способом. Сама идея акта заклятия принципиально иная: просто человеку дается статус жертвы, только особенно высокого класса. Кстати, о жертвенных животных — разве при наших размышлениях о классической античной архитектуре нам легко вообразить, что во времена своего функционирования древние храмы, включая Парфенон и другие беломраморные чудеса Эллады, должны были напоминать общественные бойни? Как бы мы вынесли запах крови и горелого жира? А ведь это был бы античных святилищ.

В связи с вопросом о том, в какой мере чужд нашему воображению облик древних цивилизаций, мы часто вспоминаем именно Грецию, потому что она кажется близкой. Ведь одна только психология рабства порождает на каждом шагу поразительные явления. Те самые люди, которые создали идеал свободы для последующих эпох, ибо очень остро чувствовали права гражданина, могли вовсе не чувствовать прав человеческой личности. Права имел член общества, чужой же принципиально был бесправен. Это не просто узость, черствость, подобная сословному или национальному высокомерию, известному из недавней истории, а стройная, неумолимо логичная система взглядов, цельная жизненная установка, не похожая на «раздвоенность» сознания позднейшего «христианского» аристократа, который знал, что как христианин он обязан считать всех людей своими братьями, а как дворянин отнюдь не считает братьями ни человека ниже его по социальному статусу, ни инородца, ни иноверца. Так что концы явно не сходятся с концами. Кастовое сознание, в качестве реликта дожившее в Индии до наших дней, не допускает никакого раздвоения. В лучшую пору демократических Афин раба, которого ни в чем не обвиняли и даже не подозревали, а только привлекали к дознанию как свидетеля, в обязательном порядке полагалось допрашивать под пыткой (великий комедиограф Аристофан обыграл этот обычай в сугубо потешном контексте, и его публика, наверно, от души смеялась). Примечателен и характерен для древних нравов даже не факт такого рода сам по себе — мало ли какие несправедливости видела история в последующие эпохи! — а отношение к нему в самом просвещенном и самом свободном государстве тогдашнего мира.

Жестокость еще не нуждается ни в обосновании средствами фанатизма, ни в прикрытии средствами лицемерия; в отношении к рабу или чужаку, к тому, кто стоит вне общины, она практикуется и принимается как нечто само собой

Голова Будды.
Гандхарская статуя.
III в. н. э.

разумеющееся. Лишь к исходу древности картина меняется, и это знаменует приход иных времен. Цари Вавилона и Ассирии бесхитростно хвалились тем, что ведут завоевательные войны и наводят на соседей ужас; но римская пропаганда уже пыталась убедить своих и чужих, что Рим завоевал полмира лишь в порядке законной и вынужденной самозащиты против агрессивных соседей, а удерживает власть над завоеванными землями для блага других народов. В том же Риме Сенека заговорил о рабах как о братьях по человечеству. Нельзя отрицать, что эта фразеология сопровождалась реальным, хотя и ограниченным смягчением нравов.

Да, древние цивилизации были основаны на исключении чужака и презрении к неполноправному, презрении откровенном и спокойном, не прикрытом лицемерием, не

смягченном оговорками. Да, выразившееся в них архаическое мировоззрение, которое было, по известному выражению Энгельса, «по существу абстрактно, всеобщно, субстанциально...» и языком которого были прежде всего миф и ритуал, которое ориентировалось на ритм природных циклов, вначале просто не знало того, что мы называем личностным. Все это — правда, но лишь одна сторона правды. Именно в лоне древних цивилизаций, в ходе того уникального по своему размаху духовного брожения, которое отличает I тыс. до н. э., — рождение конфуцианства и даосизма в Китае, буддизма и джайнизма в Индии, зороастризма в Иране, этического монотеизма пророков в Палестине, философских школ в Греции — впервые и с первозданной простотой и силой были провозглашены два принципа: всечеловеческое единство и нравственное самостояние личности. Немецкий философ Карл Ясперс (1883 — 1969) назвал эпоху VIII—III вв. до н. э. от Тихого океана до Атлантики «осевым временем» мировой истории, оценивал ее как водораздел между инерцией «доосевого» традиционализма и осознанием возможностей выбора и ответственности. Действительно, VIII—III вв. до н. э. — исключительно важная эпоха в истории человечества, в развитии древних цивилизаций. Она отмечена крупными сдвигами в социальной сфере, образованием великих империй, рождением мировых религий, оформлением собственно философских систем, укреплением научного знания.

Буддизм — первая во времени из мировых религий, а само понятие мировой религии предполагает проповедь и вербовку прозелитов, ломающую кастовые, племенные, этнические границы. Один раннехристианский писатель сказал, что христианами не рождаются, а становятся. Ранние буддисты могли бы то же сказать о себе. Недаром буддизм не только вышел за пределы Индии, но в конце концов удержался именно вне ее — подобно тому как христианство, обратив все народы Средиземноморья, утрати-

ло иудеев, тот самый народ, из среды которого оно вышло.

Наряду с буддизмом и христианством — мировыми религиями, живущими до сих пор, — под конец древности к уровню мировых религий приближаются митраизм, гностические движения и особенно манихейство, находившее неофитов от Западного Средиземноморья до Центральной Азии. Уже после завершения пути древних цивилизаций явилась последняя мировая религия — ислам, воспринявший импульс универсализма и религиозного космополитизма. Собственно говоря, для мировой религии наиболее принципиальным признаком оказывается даже не фактический ареал ее распространения, но внутренняя установка на отрицание пределов сакральной, родовой или этнической общины, апелляция не к роду, а к личности.

«Враги человеку — домашние его», «Нет пророка в своем отечестве», «Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее», «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» — эти евангельские изречения очень характерны не только для христианства, но, шире, для нового типа «учения», зовущего личность выйти из инерции родовых норм, осуществить выбор. Сходные по духу наставления проповедовал своим последователям Будда: «Человека, помешавшегося на детях и скоте, исполненного желаний, похищает смерть... Ни дети, ни отец, ни даже родственники не могут быть защитой тому, кого схватила смерть. У родных не найти защиты. Зная эту истину, пусть мудрец, внутренне сдержанный, очистит себе путь, ведущий к нирване»; «Что бы ни сделали мать, отец или какой другой родственник, истинно направленная мысль может сделать еще лучше». Такое учение могло быть не только религиозным. Греческие философские школы, особенно в эпоху эллинизма, тоже вели вселенскую проповедь и принимали прозелитов из всех народов. Например, некий карфагенянин Газдрубал отправился во II в. до н. э. на зов философии в Афины и

Бодхисатва.
Гандхарская школа
скульптуры.
II—III вв. н. э.

прославился как платоник под именем Клитомаха. Возникает совершенно новый феномен «обращения» в религиозную или философскую веру — выбора доктрины и вытекающих из нее норм поведения.

Пока нравственность не отделилась от сакрально-родовых табу и личное моральное сознание без остатка отождествляло себя с общественным мнением родового, этнического коллектива, самостоятельный акт, в котором человек выбирает для себя образ мыслей и образ жизни, был невозможен: человек мог иногда нарушить общепринятые нормы, но не мог искать для себя других норм.

Разрушение автоматизма традиции рода сделало жизненную позицию индивида проблемой и расчленило место для психологии «обращения». Естественно, что авторитет традиции, безраздельно господствовавший до тех пор, вступил в борьбу с авторитетом доктрины (вспомним, что Сократа и других философов обвиняли в подрыве родительской власти!), но чаще всего не выдерживал встречи с новой эпохой. В условиях общественных кризисов философия все решительнее выдвигает притязание на то, чтобы быть «искусством жизни», единственным источником правильной моральной ориентации индивида.

В период древних цивилизаций была открыта власть идеи как нечто противостоящее абсолютизации ритуализма. Исходя из идеи можно было заново строить поведение человека среди людей; отсюда такая красочность необычных бытовых деталей в биографиях греческих философов, вплоть до бочки Диогена, — это не пустая анекдотическая сторона всемирной истории философии, а доведенное до наглядного, шокирующего жеста выражение мысли о необходимости следовать не обиходу, не привычке, но истине.

Мыслители древних цивилизаций — герои легенд, подчас причудливых (чего стоят хотя бы рассказы о Лаоцзы!), но их критика обихода действием, их сверхчеловеческий авторитет — альтернатива

преодоленному ими авторитету привычки.

Величайшее открытие древних цивилизаций — принцип критики. Апелляция к идее, к «истине» давала возможность критиковать данности человеческой жизни вместе с мифом и ритуалом, в котором эти данности сакрализовались и мифифицировались. Будда-Шакьямуни — лишь человек, но боги склоняются перед ним, потому что он преодолел инерцию мировой неволи и мирской привязанности, а они — нет.

В лоне древних цивилизаций началась борьба между религиозной верой и ее рационалистической критикой. Однако и вера и рационализм — порождения великого сдвига, происшедшего в древности и открывшего возможности выбора, поставившего на место традиции мифов — системы идей. И вере, и рационалистическому просветительству присущи общие черты: вызов, бросаемый «нечестивому» или «неразумному» миру, и с точки зрения веры, и с точки зрения разума погрязшего в «заблуждениях», потребность спасти этот мир, привести его к истине, а потом неизбежность пропаганды, проповеди, а также готовность при экстремальных ситуациях подтвер-

Юноша, читающий папирус. Статуя эпохи эллинизма

дить свою верность истине мученичеством. (Для буддизма или конфуцианства пафос мученичества имеет существенно меньшее значение.)

О ветхозаветных пророках любил рассказывать, что они расплачивались за правду жизнью: Исайя будто бы был распилен деревянной пилой, Иеремия — побит камнями. Но тот же мотив очень часто возникает в легендах о философах Греции: Зенон Элейский на допросе в присутствии тирана Непарха откусил себе язык и выплюнул его тирану в лицо; Анаксарх, растираемый железными пестами в ступе, крикнул палачу: «Толки, толки Анаксархову шкуру — Анаксарха тебе не истолочь!» Центральный образ греческой традиции — Сократ невозмутимо подносит к губам чашку с цикутой. Древность поставила задачу — искать истину, делая человека свободным. Древность выдвинула идеал верности истине, которая сильнее, чем страх перед насилием. Другими словами, древность вывела человека из «утробного», доличностного состояния, и он не может возвратиться в это состояние, не перестав быть человеком.

Отмеченные черты встречаются в разных странах и культурах. Приобретая различную форму, они вместе с тем определяют особенности мира древних цивилизаций, отражают общие закономерности его развития. Другая весьма существенная сторона картины связана с тем общечеловеческим масштабом, который не только объективно присутствовал в обмене материальными и духовными ценностями, соединявшем культуры Востока и Запада, но и был субъективно осознан в духовных движениях самой же древности — в учениях киников и стоиков, в буддийской и раннехристианской проповеди.

Уже с глубокой древности племена и народы Востока и Запада находились в тесных контактах, обогащали друг друга достижениями материальной и духовной культуры. Поскольку на Востоке цивилизация сложилась намного раньше, долгое время Запад оставался по преимуществу «принимающей» стороной, реципиентом влияний.

Греческая культура никогда не смогла бы достичь такой высоты, если бы она не была наследницей культур древнего Востока. Это понимали и эллины — биографическая традиция о философах Эллады пестрит достоверными или вымышленными указаниями на ученичество у восточных мудрецов, так что мотив встреч греческого мыслителя с учеными жрецами Египта или Вавилона стал ходячим стереотипом. Амплитуда греческих заимствований простирается от воспринятых с Востока видов земледельческих культур и пород скота, от финикийского буквенного письма до усвоения открытий ближневосточной науки, прежде всего астрономии и геометрии.

Воздействие материальной культуры Востока испытали в свое время не только греки и итальянцы, но и народы других областей Европы. Из Передней Азии и с Кавказа пришли в Европу овес и рожь. Важным был вклад Востока в освоение металлов и развитие металлургии у народов Запада.

В свете новых данных мир древних цивилизаций предстает не как мозаика разрозненных этнических, культурных и социальных компонентов, но как единое целое, отдельные части которого находились в постоянных и тесных контактах, ведших к взаимовлиянию и взаимообогащению. Несмотря на географическую удаленность, очень древними были контакты Ближнего Востока с Индией и Средней Азией; влияние месопотамских цивилизаций доходило до Аравии. Общение отдаленных друг от друга районов нередко осуществлялось, говоря словами академика Б. Б. Пиотровского, посредством «эстафетных» связей. Именно так можно объяснить, например, контакты древних культур Европы и Дальнего Востока. Археологические исследования показывают, что в VIII—III вв. до н. э. не спорадические, а постоянно действующие связи охватывали огромную дистанцию — до 7 тыс. км. Этот путь проходил от Балкан и Северного Причерноморья до Ордоса, захватывая Урал, Алтай, Туву. По Великому шелковому пути

Христос-учитель.
Статуя. III в. н. э.
(?)

товары и предметы искусства передавались из Китая до Средиземноморья. Древневосточное единство сохранилось и даже укрепилось после того, как на исторической арене появились античные цивилизации Запада. Греки и римляне добирались до Индии, реже — до Китая, индийские торговые колонии существовали в Иране и Египте, а римские фактории — в Южной Индии, в египетскую Александрию сухопутным и морским путем везли свои товары индийские, бактрийские и скифские купцы.

нов византийского и западноевропейского средневековья.

Интереснейшей страницей в истории отношений античности с Востоком был завершающий период кризиса римского общества и его культуры. В это время Восток, прежде всего Иран с его учением магов и Индия с религией и философией брахманизма, вызывает почтительный, благоговейный интерес как эталон высокой мудрости, надежда на выход из собственного духовного тупика. В конце концов победа христианства над

Поцелуй Иуды. Мозаика. Сант Апполинаре Нуово. Равенна. Начало VI в. н. э.

Исключительно важными этапами в углублении контактов Запада и Востока были походы Александра Македонского, эллинистические государства, Римская империя. Складывался синтез культур, именно синтез: не амальгама разнородных элементов, а органическое целое, новый и своеобразный этап развития культуры. Достаточно вспомнить греко-бактрийское и гандхарское искусство, кушанский пантеон, александрийскую науку, позднее — фаюмские портреты, образный мир раннехристианской литературы. В этом синтезе закладывались основы долговечных канон-

греко-римским язычеством тоже была отчасти победой Востока. По крайней мере христианские апологеты любили подчеркивать большую древность восточной мудрости сравнительно с эллинской. Но надо помнить, что в последней борьбе соперником христианства был не столько культ Юпитера или Аполлона, сколько культ Митры, Исиды, а затем Мани.

В этой связи стоит заметить, что неразумно рассматривать «античность вообще» статично, как раз и навсегда данный феномен. Микенская Греция, Афины эпохи Перикла, Римская империя, особенно

поздняя,— какие несхожие социальные структуры, пути культурного творчества, формы идеологии! Но всегда перед нами последовательное движение вперед. Порой мы видим стагнацию, даже возвращение вспять, но в конечном счете — выход к более прогрессивным типам общественного развития.

В историографии давно утвердилось обыкновение связывать практически все достижения древних культур с миром оседлых земледельцев и ремесленников. Сосуществовавшие с ними кочевники-

*Неизвестная святая.
Мозаика, Карфаген.
Конец V — начало
VI в. н. э.*

скотоводы обычно воспринимались как разрушительная сила, уничтожающая цивилизации. Однако современные исследования показывают, что кочевые народы внесли свой, и притом весомый, вклад в общую сокровищницу человеческой культуры. Они освоили необозримые просторы степей, недоступных для земледельцев пустынь и полупустынь, создали свою культуру, приспособленную к тем условиям, часто экстремальным, в которых жили. Земледельцы и кочевники по сути дела не могли бы существовать друг без друга, без взаимного обмена продуктами скотоводства и земледелия — важнейшего элемента хозяйственной системы древнего мира.

Рабовладельческие общества, как «восточные», так и «западные», никогда не занимали всю заселенную человеком часть земли — они всегда жили в окружении «варварской» периферии многочисленных народов, у которых еще длилась эпоха первобытнообщинного строя. По мнению некоторых исследователей, существование и развитие рабовладельческого общества и развитых цивилизаций в принципе было невозможно без такого окружения: «варварская» периферия служила основным источником рабской рабочей силы.

Динамика взаимоотношений между зоной раннеклассовых государств и зоной первобытных народов достаточно сложна. Развитие первых идет в значительной мере за счет вторых. Неравноправная торговля, изъятие потребных растущему рабовладельческому хозяйству сырьевых ресурсов, накопец, захват рабов — вот далеко не полный перечень способов эксплуатации первобытных обществ государствами. Однако вторжение, прямое или косвенное, классовых обществ в ту зону, где сохранялись еще первобытнообщинные отношения, означало невольное (часто трагическое!) содействие прогрессу народов всего ареала. Разлагались традиционные отношения, ускорялась общественная дифференциация, господствующие слои стремились упрочить свое положение, становясь организаторами борьбы против надвигавшихся «варваров». Не раз бывало, что эти «варварские» народы изменяли баланс сил в свою пользу: завоевывали сопредельные земли, где уже были развитые цивилизации, и наследовали их культуру.

Фундамент древних культур закладывали не только те народы, у которых эти культуры получили расцвет, но и неисчислимое множество безвестных тружеников, оторванных насильем от своих очагов и брошенных в каменоломни, мастерские, на поля рабовладельческих вилл. Известно, что прославленные афинские художники-вазописцы были нередко чужеземными рабами в Афинах. Рабом-фригийцем рисует легенда знаменитого Эзопа, к

которому восходит жанровая традиция басни; отсюда же, из Фригии, происходил другой раб — выдающийся мыслитель Эпиктет, в философии которого стоическая доктрина неотделима от выстраданного личного опыта человека, оберегающего внутреннюю свободу в условиях неволи. Римским комедиографом, к которому восходят истоки европейской драмы, был Теренций — раб из Северной Африки. Госала — создатель учения адживиков, одного из главных соперников раннего буддизма в Индии, происходил, как показывает само его имя, из социальных низов — «рожденный в хлеву».

Далек мир древних цивилизаций и одновременно очень близок. Близок не только нашей пылливой мысли, но и нашей повседневной жизни. Самое повседневное — буквы алфавитов, шире — письменные знаки, ими постоянно пользуется современный мир. Китайская иероглифическая письменность пока живет без принципиальных изменений без малого четыре тысячелетия. Алфавитное письмо изобрели финикийцы три тысячелетия назад; от финикийцев его приняли греки, к алфавиту которых восходят и латиница, и кириллица. Колесо и календарь, компас и бумага — наследие древности.

Древний Восток оставил нам такие непреходящие ценности, как эпос о Гильгамеше и «Книга Иова», «Махабхарата» и «Рама-яна», «Песнь песней» и «Шизгин», драмы Калидасы и парадоксальные, пугающие своей глубиной притчи Чжуанцзы, строгая египетская скульптура и смягченная разнородными веяниями кушанская пластика, пирамиды и персепольские архитектурные комплексы, мудрость «Дхаммапады» и «Экклезиаста»... Греко-римская античность сохранила имена Гомера и Пиндара, Эсхила, Софокла и Еврипида, Аристофана, Платона и Лукреция, Катулла, Вергилия, Горация и Овидия, Сенеки и Тацита, которые памяты каждому и полны значения для каждого. Эпохи европейской культуры находили все новые подходы к античному наследию: средневековье открыло для

себя строгость мысли Аристотеля, Возрождение — живую прелесть Цицерона и Вергилия, эпоха абсолютизма — сарказм Тацита, пора Великой французской революции — пафос республиканского вольнодумия.

Столь несхожие умы XIX столетия, как Генрих Гейне и Глеб Успенский, видели в статуе Афродиты Милосской гуманистический идеал человеческой красоты, какой она должна явиться в мире будущего... Но XX век сумел полюбить и другую древность, с совсем ины-

Портрет молодой женщины. Фаян. II—III вв. н. э. (?)

ми чарами — например, оказались эстетически освоенными наследие искусства майя, художественные традиции Черной Африки, Японии. В прикосновении к первозданности древнего видения мира наша культура не раз искала и будет искать новые импульсы для творчества.

Древние цивилизации — не угасшие миры, но часть современной культуры. И мы обращаемся к ним не только ради эстетического наслаждения завещанными древностью шедеврами литературы и искусства. Уроки прошлого должны служить благородным целям нашей эпохи — взаимопониманию народов, взаимному обогащению ценностями культуры, нравственному воспитанию все новых поколений.

ОГЛАВЛЕНИЕ

CONTENTS

ВВЕДЕНИЕ	5	INTRODUCTION
Глава I РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ ДРЕВ- НЕЙШЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	13	Chapter I SETTLEMENT AND QUAN- TITATIVE PATTERNS OF THE EARLIEST MANKIND
Глава II У ИСТОКОВ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	23	Chapter II THE RISE OF ANCIENT CIVILIZATIONS
Глава III ДРЕВНЯЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЕГИПТА	37	Chapter III ANCIENT CIVILIZATION OF EGYPT
Глава IV ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ АФРИКИ. ЮЖНАЯ АРАВИЯ	71	Chapter IV ANCIENT CIVILIZATIONS OF AFRICA. SOUTHERN ARABIA
Глава V ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ МЕСОПОТАМИИ	89	Chapter V ANCIENT CIVILIZATIONS OF MESOPOTAMIA
Глава VI ЦИВИЛИЗАЦИИ ДРЕВНЕЙ МАЛОЙ АЗИИ	119	Chapter VI ANCIENT CIVILIZATIONS OF ASIA MINOR
Глава VII ЦИВИЛИЗАЦИИ ДРЕВНЕГО ИРАНА	135	Chapter VII CIVILIZATIONS OF ANCIENT IRAN
Глава VIII ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗАКАВКАЗЬЯ	165	Chapter VIII ANCIENT CIVILIZATIONS OF TRANSCAUCASUS
Глава IX ЦИВИЛИЗАЦИЯ СКИФОВ	179	Chapter IX SCYTHIAN CIVILIZATION
Глава X ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ	193	Chapter X ANCIENT CIVILIZATIONS OF CENTRAL ASIA

Глава XI ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ АФГАНИСТАНА	211	Chapter XI ANCIENT CIVILIZATIONS OF AFGHANISTAN	478/479 <i>Оглавление</i>
Глава XII ДРЕВНЕИНДИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ	219	Chapter XII ANCIENT INDIAN CIVILIZATION	
Глава XIII ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ	241	Chapter XIII ANCIENT CIVILIZATIONS OF SOUTH-EASTERN ASIA	
Глава XIV ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ	251	Chapter XIV CIVILIZATION OF ANCIENT CHINA	
Глава XV ДРЕВНЕЯПОНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ	281	Chapter XV CIVILIZATION OF ANCIENT JAPAN	
Глава XVI ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ	289	Chapter XVI ANCIENT GREEK CIVILIZATION	
Глава XVII ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ	347	Chapter XVII HELLENISTIC CIVILIZATION	
Глава XVIII ДРЕВНЕРИМСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ	385	Chapter XVIII ANCIENT ROMAN CIVILIZATION	
Глава XIX ЦИВИЛИЗАЦИИ ДРЕВНЕЙ АМЕРИКИ	453	Chapter XIX CIVILIZATIONS OF ANCIENT AMERICA	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	469	CONCLUSION	

Д73 Древние цивилизации / С. С. Аверинцев, В. П. Алексеев,
В. Г. Ардзинба и др.; Под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина.— М.:
Мысль, 1989.—479 с.: ил.
ISBN 5-244-00274-0

В книге ведущих советских востоковедов и антиковедов повествуется о древних цивилизациях Египта и Месопотамии, Ирана и Средней Азии, Индии и Китая, Греции и Рима, Японии и Америки, об их материальном и духовном вкладе в сокровищницу человеческой культуры.

Для широкого круга читателей.

Д 0504000000-116 58-89
004(01)-89

ББК 63.3(0)3

Монография

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Редактор
Г. А. Диковская

Младший редактор
А. П. Овсяня

Художественный редактор
Н. В. Илларионова

Технический редактор
Н. Ф. Федорова

Корректор
Т. М. Шпиленко

ИБ № 3306

Сдано в набор 09.11.88. Подписано в печать
07.08.89. А 10149. Формат 70×100^{1/16}. Бумага
мелованная. Гарн. Таймс. Офсетная печать.
Усл. печатных листов 38,7. Усл. кр.-отг.
155,76. Учетно-издательских листов 47,69. Ти-
раж 100 000 экз. (2-й завод 50 001—100 000).
Заказ № 218. Цена 9 р. 30 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва,
В-71, Ленинский пр., 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена
Трудового Красного Знамени МПО «Первая
Образцовая типография» Государственного
комитета СССР по печати. 113054, Москва,
Валовая, 28.